

ББК 63.3(03)
Б 48

*Перевод с немецкого
Рывкиной О. Е.*

Берве Гельмут

Б 48 Тираны Греции. Серия «Исторические силуэты».
Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. — 640 с.

«Тирани» — не греческое слово.

Аристотель, анализируя пути возникновения тирании, установил четыре их типа: демагоги путем дискредитации знати провозглашают себя владыками полиса; цари нарушают отцовские установления и правят деспотически; предержавшие высшие выборные должности злоупотребляют ими; в олигархиях один человек сосредотачивает в своих руках важнейшие функции управления.

Не будучи аналогией тирании, книга представляет греческую историю через призму деяний и личностей правителей.

Изобилующая фактами и живыми деталями книга будет интересна тем, кто увлечен историей.

ISBN 5-222-00368-X

ББК 63.3(03)

Die Tyrannis bei den Griechen
© С. Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung,
München, 1996
© Перевод: Рывкина О. Е., 1997
© Оформление: изд-во «Феникс», 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление труда по истории тирании у греков в наше время не нуждается в научно-историческом обосновании своей актуальности. Прошло более столетия с момента появления единственного всеобъемлющего труда по всему комплексу проблем, книги «Тираны обоих периодов у древних греков» Х. Г. Пласа. Он опирался на известные к тому времени источники и в постановке проблемы, методике и масштабах оценки руководствовался принятыми в середине XIX века принципами и суждениями. Своего слова он не сказал, не говоря уже о том, что его труд нельзя отнести к значительным достижениям тех десятилетий в изучении и трактовке древней истории. Уже давно возникла потребность в новой разработке огромной темы, какую представляет собой вся греческая история со времен архаики вплоть до великих эллинистических государств, тем более что к настоящему времени в работах ученых появились новые данные и обнаружилось ранее не известные аспекты. Нет недостатка как в интересных частных исследованиях, монографиях о некоторых тиранах или очерках о тиранах доклассической эпохи, так и в попытках определить политическую форму греческой тирании. Но поскольку она различается не только по времени и месту, но и по характеру,

Первая часть РАННИЕ ТИРАНЫ

Введение ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТИРАНИИ

«Тиран» — не греческое слово. В древности его связывали с тиренцами, догреческим народом на востоке эгейского мира. Современные лингвистические исследования подтверждают эту связь, поскольку они выводят происхождение этого слова из догреческого или азиатского корня. То, что малоазиатский бог рабов Мен носил прозвище «тиран», подтверждает это мнение. Первоначально значение слова было весьма общим, а именно «господин», но понятие деспотизма уже было в нем заложено. То, что в поэмах Гомера наименование «тиран» не встречается, как заметил уже софист Гиний из Элиды, не является доказательством того, что греки переняли это слово лишь позднее у чужого народа, скорее всего лидийцев; оно могло бытовать в разговорном языке, содержащем много заимствованных слов. В пользу такого предположения говорит то, что это слово никогда не употреблялось как титул правителя, а характеризовало господина с точки зрения закабаленных им или находящихся под угрозой закабаления. С другой стороны, вскоре после Гомера оно появляется у революционно настроенного Архилоха из Пароса. Поэт говорит о богатстве правителя лидийцев Гигеса, к которому тот не стремился, так же как и к большой тирании, причем не совсем ясно, имеет ли

он в виду под этой тиранией господство Гигеса. Важнейшим выводом из его стихов является то, что в первой половине VII века не только можно назвать властителя тираном, но что уже существовало понятие тирании. Дошедшие до нас на папирусе фрагменты поэзии Архилоха не дают представления о содержании этого понятия; чувствуется, впрочем, негативная оценка, не совсем свободная от зависти. Она проявлялась два поколения спустя гораздо резче и отчетливее в стихах воинствующего лесбосца Алякя, который яростно заявляет, что его соотечественники «назначили тираном» Питтака. Нет никакого сомнения, что так поэт называет неограниченного властителя, которому избрание айсимнетом* предоставило диктаторские полномочия.

Аналогично употребляет это слово в своих стихах и Солон примерно в тот же период, что, однако, не продиктовано слепой ненавистью к определенному человеку. Солон четко определил: тиран — это знатный господин, которого жажда богатства и власти приводит к насилью над общиной, безудержному и жестокому подавлению ее членов. Его страстное желание не позволяет ему видеть границ, поставленных человеку, он охвачен наглой заносчивостью. Он со своим основополагающим эгоизмом враждебно противостоит правильному порядку в общественной жизни (эвномии). Его владычество незаконно, поэтому его паразит Дике, охранительница права, как и всех, кто преступает достойные уважения установления. Впрочем, Солон, пророчески провозгласивший правовое государство и положительный начало его воплощению, опередил свое время; тем не менее знатные господа в еще мало консолидированном обществе связывают со словом «тиран» похожие представления. Для них, охотно желавших такой власти, невыносимо не нарушение правового порядка, а прежде всего то, что человек их же сословия присваивает себе господство над ними. В собрании стихотворений, дошедшем до нас под именем Феогида, отражен дух аристократии VI века, и

* Посредник, избиравшийся народным собранием для улаживания социальных споров и конфликтов. Надеялся неограниченными полномочиями. — *Здесь и далее прим. ред.*

тирания характеризуется здесь так же, как и у Солона. Признаками «пожирающего народ» тирана названы жажда наживы и власти, беззаконие, наглая заносчивость. Чертой такого властителя является явное стремление возвыситься над своими соратниками с помощью роскоши, пониравшей все обычаи. «Лишь тиран или венценосец, — говорит современник Солона Симонид, — сияет как разряженная женщина». Как с позиций благородного общества, так и со все более укрепившихся позиций правового государства тираном считали всякого, кто злоупотреблял завоеванным или выпавшим на его долю господством без оглядки на сословную солидарность, обычаи и установления, ради собственного блага подавляя других, особенно в родной общине. Семи мудрецам и другим мужам VI века, считавшимся защитниками разума, умеренности и законности, позднее приписывались пророческие или отрицательные высказывания о тиранах, как, например, то, что странно встретить старого тирана (намек на недолговечность насильственного владычества) или что общение с тиранами должно быть по возможности либо редким, либо приносящим наслаждение. В мудром спартанце Хейлоне, который в 560—556 гг. был эфором*, уже видели передового борца против тирании, и даже тирану Периандру, причисленному к семи мудрецам, приписывались слова, что демократия лучше тирании. Подобные высказывания напомнили о том, что легалистское направление позднеархаического периода, воплощавшееся в этих мужах, было направлено против тирании. Отрицательный смысл слову «тиран» был придан не только зрелым полисом V века, в определенной степени он был присущ этому слову с самого начала и проявлялся тем сильнее, чем глубже крепнущее государственное сознание ощущало незаконность тирании.

Аффектированное употребление слова исключало возможность его использования как титула. Оно также не могло обозначать законного носителя власти в общине, поскольку он представлял порядок, нарушение которого

* В Древней Спарте — избирались для наблюдения за деятельностью должностных лиц.

было характерно для тиранов. Таким образом, высказывание Алкея о назначении Питтака тираном искажает истинное положение дел, поскольку Питтак был избран айсимнетом законно. Впрочем, именно предоставляемая айсимнету исключительная власть позднее дала повод Аристотелю говорить об «избранной тирании», что могло относиться в равной степени и к великому законодателю (номофету) архаического периода или призывавшемуся в качестве «примирителя» Солону, однако он настойчиво подчеркивает, хотя и ссылаясь на Алкея, законность и тем самым «царский» характер власти. «Нарем над великой Митиленой» Питтак назван уже довольно рано в лесбосской народной песне, хотя его квазимонархическое положение доброжелателями рассматривалось как своего рода царствование, а заклятыми врагами — как тирания. Менее эмоциональным и оценочным, чем «тиран», было слово «монарх», но после устранения старого царствования в большинстве греческих общин и в этом слове ощущался некий негативный оттенок, хотя к тому времени в Элладе почти повсеместно уже были тираны. В соответствии с этим Солон и Феогнид, говоря о монархе, имели в виду тирана. Уже этот факт должен предостеречь от того, чтобы воспринимать тиранию как данность везде, где в предании встречается слово «тиран» или «тирания». В ранний период настоящая тирания часто именовалась другим словом, например, когда подчеркивалась жестокая власть (кратос) одного человека, как это произошло с Леофилом у Архилоха. Возможно, что здесь речь идет о тиране и что слово «леофил» (друг народа), которое кажется на первый взгляд именем собственным, есть не что иное, как издевательское наименование не известного нам властителя, который, совершив насилие над своей общиной, должен был бы именоваться «враг народа». С другой стороны, как показывает пример Алкея, употребление слова «тиран» еще не является гарантией того, что тирания действительно существовала. При таких обстоятельствах и ввиду недостатка надежных исторических данных зачастую невозможно точно определить, имеем ли

мы дело с подлинной тиранией в смысле незаконного, навязанного обществу единоличного правления кого-либо.

Аристотель, анализируя пути появления тирании, установил четыре их типа: демагоги путем дискредитации знати провозглашают себя владыками полиса; цари нарушают отцовские установления и правят деспотически; занимающие высшие выборные должности злоупотребляют ими для установления тирании; в олигархиях одному человеку передаются важнейшие функции управления. Первый тип (впоследствии наиболее распространенный) появился лишь с ростом городов — по крайней мере, для Коринфа речь может идти о середине VII века; второй и третий тип относились к более раннему периоду, когда большинство общин еще управлялись царями или, после их свержения, высшие должностные лица еще не переизбирались ежегодно, а занимали свой пост гораздо более длительный срок. Четвертый тип, при котором, очевидно, речь должна идти о назначении законодателей («примирителей», или айсимнетов), четко не зафиксирован во времени, но нам достоверно известно наделение подобными исключительными полномочиями в VII и VI веках. В этом ряду возникновение тирании вследствие перерождения царской власти занимает особое место, поскольку единоличное правление здесь не узурпируется, а уже существует. Даже если перерожденное царствование именуется тиранией, то ясно, что для Аристотеля — и, как мы увидим, не только для него — узурпация монархической власти не обязательно означала тиранию, которая в гораздо большей степени характеризовалась презрением к наследованному или законодательно установленному порядку и лишь в этом отношении включала в себя узурпацию. Нам неизвестен ни один древнегреческий источник, который считал бы узурпацию определяющим признаком тирании, хотя возникновение тирании из наследственного царствования занимает особое место среди других видов ее возникновения. Это, а также то обстоятельство, что среди полисов (исключая Спарту, Аргос и Кирену) она появилась в период, предшествовавший ранней тирании, делает уместными здесь примеры ранней эпохи.

Аристотелю известны много случаев, но он называет имя лишь царя Аргоса Фидона, правление которого, вероятно, следует отнести к середине VIII века. Уже Геродот называл его тираном. Следовательно, речь идет об определении, которое дается не с точки зрения более поздней греческой концепции государства, а о приговоре, вынесенном намного раньше и существовавшем уже до Геродота. Вопрос о действительном положении дел решается довольно просто. Вероятно, царь (примерно в 748 г. до н. э.) попытался провести Олимпийские игры без участия Элидского ведомства*, ответственного за эти празднества. В связи в этом историк замечает, что Фидон среди всех греков проявил наибольшую наглую заносчивость, то есть именно то качество, которое с архаических времен считалось характерным для тирании. Примечательно, что изложенная Павсанием элидская традиция называет «тираном» царя, который произвольно меняет характер празднеств. Наряду с этим, распространение владычества Фидона на обширные области Пелопоннеса, Истма и Эгины — возможно, он хотел объединить под своей властью все земли легендарного Гераклида Теменоса — также могло дать повод воспринимать его как тирана. Будучи законным царем только в Аргосе, он воспринимался как насильник в многочисленных других общинах, который попирает своей жестокой властью «порядок отцов». Нам не известно, вел ли себя Фидон как деспот и в самом Аргосе, как можно было бы заключить из общего замечания Аристотеля о царях, ставших тиранами; введение норм мер и весов, каким бы нововведением оно ни было, не может считаться проявлением тирании.

По мнению Аристотеля, древний лакедемонский царь Харилл (Хариллай) также стал тираном; поэтому его бывший опекун Ликург сверг его и основал в Спарте аристократический государственный строй. Аналогичные представления были свойственны и Платону. Он замечает: когда Ликург увидел, что Аргос и Мессения из-под власти царя

* Распорядителями и судьями Олимпийских игр были избираемые из граждан области Элида элленодки.

попадают под власть тиранов, он ввел на своей родине герусию* и эфорат, тогда как в других областях царство продолжало вырождаться и погубило, в конце концов, силу Греции. Ни сведения Платона о Харилле, которые он почерпнул в версии легенды Ликурга, ни скорее спекулятивное, чем историографическое, изложение Платона не могут считаться достоверным свидетельством упомянутых процессов. Но тем не менее не только возможно, но и совершенно очевидно, что в это время углубляющегося ослабления монархической власти некоторые цари пытались укрепить ее деспотическим правлением, которое попирало как существующие обычаи, так и привилегии знати и поэтому считалось тиранией.

В связи с возникновением тирании из многолетнего отправления высшей должности, как это, видимо, происходило повсеместно в послецарскую эпоху, Аристотель указывает особо на демиургов и теоров**, о которых также известно, что они некогда занимали во многих общинах ведущее положение. К сожалению, он не называет никого из этого круга, кто бы использовал свое положение для установления тирании, и в других источниках также не приводятся заслуживающие доверия примеры. Известные нам правления тиранов архаического периода, которые будут рассматриваться в последующих главах, если только речь не идет о насилии над полисом постороннего властителя (случаи, которые Аристотель не рассматривает в рамках своей концепции), относятся к его первой и четвертой категориям. Четвертая категория, при которой выборы на чрезвычайно важную должность с почти монархическими полномочиями представляют собой первый шаг к тирании, не нуждается в пояснениях. Относительно же установления тирании демагогами философ в другом месте поясняет, что в старые времена вождь и предводитель войска объединились в одном лице, высшие должностные лица обладали большими полномочиями, а демос, когда полисы были

* Совет старейшин.

** Высшие правительственные лица.

еще малы, занимался своей работой в сельской местности, так что воинственно настроенные предводители общины могли провозглашать себя тиранами. Правильность этого наблюдения подтверждается многими фактами.

На общенсторическом предпосылки возникновения тирании обратил внимание Фукидид. «Когда Эллада укрепилась, — сказано у него, — и приобрела еще больше владений, стало возникать много тираний, поскольку стало больше доходов — ранее традиционные царства существовали на основе договорного почетного права, — и Эллада стала сооружать флоты и обратила свой взор больше на море». Вероятно, тираны были озабочены скорее личной выгодой, своей персоной и приумножением своего дома и поэтому кроме войн с ближайшими соседями не совершили ничего достойного упоминания, с точки зрения политических союзов или образования государств, о существовании которых в прежние времена сообщает историк. Здесь делаются важные умозаключения: тирания возникает в связи с появлением возросшего стремления к владению, ей благоприятствует рост доходов общины, она основывается только на эгоистических интересах носителя власти и его дома. Последнее мнение, как мы видели, было высказано уже в архаические времена. Современники тоже сообщают о стремлении к приобретению как можно большего богатства и движимого имущества. Приписываемое одному спартанцу высказывание «Богатства, богатства создают человека» во времена Алкея было крылатым выражением. Не без горечи констатируется в нем исчезновение старого аристократического духа, когда человек оценивался не только по состоянию, но и по благородному происхождению, героизму и другим идейным критериям. Растущая жажда обогащения приводила знать к тому, что она значительно превышала положенные ей по должности доходы, не считаясь с обычаями и установлениями, особенно на судебных должностях. Уже Гесиод говорит о «пожирющих подарки парях». Таким образом, попирающий отеческие порядки эгоизм свойствен не только тем, кто стал тираном. Ибо тирания, как учит Фукидид, общала тому, кто ею обладает,

личное распоряжение доходами общины, постоянно возрастающими за счет судоходства, торговли и ремесел.

Однако тирания, установленная во многих греческих городах, имела не только те корни, которые называют историки. Она была плодом и симптомом общего процесса архаического периода, который кратко можно обозначить как выход отдельного человека из наивной стесненности унаследованных обстоятельств, обычаев и связей. Индивидуум пробуждается к большему самосознанию и отваживается противопоставить свое «я» окружающему миру, он смело разворачивает свой потенциал, побуждаемый энергией разума. В первую очередь это относится к знати, которая беспрепятственно реализует свои жизненные силы и хочет использовать представившиеся возможности в узколичных целях. Аристократы стремятся не только к признанию в своем сословии и к славе, как раньше, но и к личной власти и господству. Рыхлая структура аристократического общества, где крупные роды на свой страх и риск и ради собственной наживы могли осуществлять разбойничьи, завоевательные или колониальные походы, когда действовало еще право самообороны и при решении спорных вопросов определяющими были авторитет и богатство контрагентов, мало ограничивала свободу таких действий. Общественная жизнь в меньшей степени определялась государственными установлениями — они еще были слабо развиты, — чем кланами знати с их сельскими приверженцами, их объединениями или соперничающими группировками знати, которые объединялись вокруг одной или нескольких личностей (гетерия)*. Каждая группа стремилась играть в общине определяющую, а по возможности и господствующую роль. Если не выпадет удача на родине, то можно, наверное, вместе с дружиной и добровольно присоединившимися основать где-то вдали колонию, где предводитель похода в качестве основателя (ойкиста) новой общины мог бы занять почти монархическое положение. Однако самой желанной целью большинства знати, как свидетельствует уже Солон, остается завоевание господства в своем собственном городе для

* Товарищество, содружество.

себя и своего рода. Поэтому в тирании, по крайней мере в политическом и социальном аспекте, достигают своей вершины тенденции аристократического архаического общества, направленные на раскрепощение и развитие индивидуума. Самодержавный властелин воплощает их в своей персоне абсолютно.

Само собой разумеется, что только человек, чем-то превосходящий своих соратников по сословию, мог подняться над ними. Некоторых будущих тиранов уже окружала слава олимпийских победителей, к которой так стремились властолюбцы из-за придаваемого ею авторитета. Другие соискатели власти прославлялись как предводители войска и этим завоевали славу у простого народа. Третьи благодаря богатству могли привлечь к себе людей любого сословия и при необходимости завербовать наемников. Если же рассматривать эту ситуацию в целом, то значительно важнее было постепенное расплывание аристократической общины и растущее ожесточение нижних слоев из-за произвола и своекорыстия знати. Наряду со служебными злоупотреблениями и истолкованием традиционных установлений в свою пользу это проявлялось по отношению к сельскому населению, в первую очередь в жестокое применение долгового права, которое в VII веке не только в Аттике привело к порабощению людей и концентрации земли в руках немногих. Положение сельского населения в Греции было настолько тяжелым из-за малого количества пригодных для возделывания земель, что те, кто мог, искали лучшую жизнь вдали. Во многих местах растущий гнет знати и сильных мира сего делал жизнь невыносимой, разрывал старые патриархальные связи и создавал революционные настроения. До известной степени они формировались и у тех крестьян, которые еще владели землей и, следовательно, могли выступить как тяжеловооруженные бойцы. Поскольку сплоченные соединения этих гоплитов все больше становились решающим фактором в военных столкновениях, знать, соответственно, утрачивала значение в своей исконной сфере, рушился один из столпов ее привилегированно-

го положения, беззащитное использование которого теперь начинало действовать раздражающе.

И это тем более, что именно перед лицом произвола и вопиющего эгоизма знати укреплялась потребность в праве и справедливости, вера в Дике как хранительницу законов и мстительницу за злодеяния. Рано или поздно знати приходилось уступать настоятельным требованиям письменной фиксации права и не в последнюю очередь для того, чтобы навсегда закрепить выгодные для себя установления. В то же время нобилитет мало считался с ограничением экономического притеснения и личного порабощения. Таким образом, у обращенных в рабство и у тех, кому это грозило, сохранялось ожесточение из-за существующих порядков. Оно возрастало в той же степени, что и растущее самосознание не только знатных, но и простых людей. Все более развивавшиеся торговые связи и путешествия колонистов расширяли горизонт и тех, кто оставался на своем клочке земли (ведь в путешествиях участвовали их сыновья и братья), настраивали их более критично по отношению к существующим на родине условиям и делали восприимчивей к нововведениям любого рода, которые разрушали рамки традиционных отношений. В условиях значительного технического прогресса ремесла и промыслы переживали поразительный взлет, что привело к интенсивному развитию городской жизни. Возник новый социальный слой, однако и сельское население не могло оставаться в стороне от этих процессов, меняющих старую общественную структуру. Сельским гоплитам их незаменимость в фланговом бою придает чувство значимости места, принадлежащего им в общине, обедневшие же и порабощенные лишь теперь полностью осознают свое жалкое и недостойное положение и требуют его радикального изменения. Разумеется, ведущая роль знати не оспаривается — об этом не будет и речи еще долгое время. Однако по понятным причинам возникает готовность примкнуть и подчиниться знатному человеку, который обещает положить конец нищете или даже радикально изменить хозяйственную и соци-

альную структуру, если ему помогут добиться господства над общиной.

Во многих местах возрастающая при этом опасность попасть под тираническое господство выходца из своего сословия осознавалась знатью. Это привело к письменной фиксации существующих установлений через номофета, появились также облеченные законодательными полномочиями третейские судьи или примирители, которые должны были устанавливать справедливый порядок, разрешать социальный кризис. Это должно было противостоять неуважению к закону и безудержности, свойственным некоторым знатным господам и тем более тиранам. Воля к закону и обязанности также нашла своих проводников и защитников в некоторых представителях нобилитета. Словно антиподы противостоят друг другу тиран и законодатель — явление, не теряющее своего значения из-за того, что безответственные законодатели используют свои исключительные полномочия для учреждения тирании, а тираны, напротив, могут оказаться хорошими законодателями. Противоречие между двумя течениями, безудержным и вводящим ограничения, — это, впрочем, общий признак архаического времени. Аналогичное происходит и в религии, где экстатической безудержности дионисийских празднеств соответствует законопослушная позиция, представленная прежде всего Дельфийским богом*, а также семью мудрецами, чьи изречения похожи на предсказания ифийского** оракула. Чем больше утверждался легитимизм, как это происходило в VI веке, тем больше тиран должен был казаться не просто врагом аристократов, но и человеком, который преступил установленный богами порядок. Тем не менее его подлинным противником (хотя единоличное владычество способствовало нивелированию сословий) оставалась знать, именно потому что тиран принадлежал к ней по происхождению и придерживался тех же взглядов, что и большинство

* Дельфиний — одно из многих прозвищ Аполлона. Дельфийский оракул — основное святилище Аполлона в Дельфах.

** Дельфийский храм был воздвигнут на месте победы Аполлона над драконом Пифоном.

его собратьев по сословию, которые, несмотря на усиление государственно-правового мышления, все же не могли противостоять соблазнам богатства и власти. Хотя они призывали на помощь против грозящей или уже ставшей реальностью тирании защитников права и законности, будь то на родине или за ее пределами, все же многие из них, если не большинство, не раздумывая, провозгласили бы себя тиранами, будь такая возможность. Их ненависть к тирании определяет в гораздо большей степени соперничество, зависть и ненависть к тому, кто поднялся над ними как властитель, чем подлинное нравственное возмущение и принципиальное отрицание тирании. Очевидно, они совершенно не осознавали, что именно их эгоизм и корыстолюбие создавали почву для появления тирании.

Вынесказанного пока достаточно для характеристики социальной и духовной атмосферы, в которой в течение VII и VI веков происходило возникновение многочисленных тираний. Подробности будут изложены в повествовании об отдельных властителях. Здесь нас подстерегают немалые трудности, ибо мы имеем очень мало литературных и неписанных свидетельств архаического периода и поэтому вынуждены опираться, в лучшем случае, на рассказы, собранные Геродотом в V веке, а иногда и на данные других авторов, источники которых часто неизвестны. Вопрос о достоверности этих сообщений осложняется еще и тем обстоятельством, что в классический период, когда укрепилось автономное правовое государство, в каждом тиране видели врага полиса и насильника над своими гражданами. На отталкивающую картину тирании, созданную в этот период и прошедшую сквозь всю античность, повлияли несколько наиболее беззастенчивых и жестоких властителей прошлого. Но даже если в VI веке, как иногда можно предположить, в памяти еще сохранились положительные качества или деяния отдельных тиранов, то их стерла позднейшая типология тиранов, разработанная великими философами — теоретиками государства. В конце архаического периода в защиту того или иного тирана раздавались хоть и отдельные, но весомые голоса. В большинстве случаев

современный историк стоит перед необходимостью определить, что в преимущественно враждебной традиции действительно подлинно и заслуживает доверия, а что лишь в позднейшие периоды по упомянутым причинам стало приписываться тиранам доклассического периода без достаточных исторических обоснований. Хотя такое решение нельзя принять с полной уверенностью, от него нельзя и отказываться.

Расположение материала в строго хронологическом порядке невозможно из-за отсутствия точной датировки многочисленных случаев ранней тирании. Поэтому выбран принцип группировки по местам расселения греков. Вначале рассматривается область Истма и Коринф, где возникли первые в метрополии тирании. Их хронологическая фиксация, особенно Кипселидов, уже давно является предметом споров. Тогда как большинство исследователей в целом согласны с датировкой античных хронографов, некоторые ученые пытаются доказать более позднее возникновение тирании и сдвинуть правление этих тиранов на десятилетия, а порой и на столетие. Они ссылаются на некоторые рассказы Геродота, оправдывающие такой сдвиг. Поскольку их тезисы касаются не только тиранов Коринфа и Мегары, но и тирании на Лесбосе времен Алкея и Сафо, следует указать, что мы придерживаемся точки зрения хронографов. Рассмотрение всего комплекса проблем, иногда весьма запутанного, выходит за рамки этой книги. Основной причиной, которая побуждает нас не принимать эти тезисы, является их интерпретация соответствующих мест у Геродота, которые не соответствуют его особенностям и хронологическим возможностям. Прочие признаки, которые считаются определяющими для передатировки, слишком многозначны и без опоры на Геродота теряют свою силу.

Глава I

МЕТРОПОЛИЯ ВНЕ АФИН

1. Кипселиды из Коринфа

До возникновения тирании Коринфом правил могучий род Бакхиадов, который, как и вся знать этой местности, вел свое происхождение от Геракла, так что в предании их иногда называют также Гераклидами. Они правили 90 лет, то есть (если мы будем придерживаться временных рамок античных хронографов, которые хотя и оспаривались, но не были опровергнуты) с середины VIII века, поскольку установление тирании датируется 657/656 г. Бакхиады представляли собой род общей численностью более 200 человек. Они управляли городом, брали и отдавали женщин в своем кругу, как сказано у Геродота; впоследствии их даже иногда считали тиранами. Если они выдвигали из своих рядов правителя, который, возможно, носил титул царя, то он оставался первым среди равных. Особо подчеркивается, что они совместно правили городом и своим богатством были обязаны налогам и пошлинам от гавани, которые они присваивали. Занимались ли они сами торговлей, неизвестно; в гораздо большей степени их, как и всех аристократов раннехристианского периода, следует рассматривать как землевладельцев, хотя благоприятное местоположение Коринфа на пересечении торговых путей давало

им и иные доходы кроме аграрных. Трудно определить, существовал ли во времена совместного правления великого рода четко отрегулированный основной закон общины. Законы коринфского номофета Фидона, который, вероятно, принадлежал к Бакхиадам, согласно скудной традиции касались лишь гарантий земельных владений знати, как и распоряжения выехавшего в Фивы и ставшего там законодателем Бакхиада Филолая. Население, относившееся к коринфской общине, было разделено на три дорийские филы. Точно неизвестно, существовала ли еще четвертая фила, в которой объединялись недорийские семьи. Члены фил пользовались определенными правами, но некоторые данные, восходящие к историку Эфору, не позволяют сделать вывод о функционировании народного собрания. Остается открытым также вопрос, создавали ли Бакхиады совещательную коллегию. Относительно достоверно только то, что кроме правителя они из своей среды избирали также «военачальника» (полемарха).

Несомненно, что в век правления Бакхиадов в Коринфе начали развиваться ремесла, особенно производство керамики, и торговля в Истме при всеобщем развитии судоходства становилась для рода все более прибыльной. Чтобы защитить свои интересы, а также получить дополнительный доход путем морского разбоя, Бакхиады основали морскую державу. Они первыми использовали новые военные корабли, сконструированные коринфянином Амейноклом. В 664 г. произошла первая морская битва между ними и враждебно настроенными колонистами из Коринфа, заселившими в VII веке остров Керкиру (Корфу). Они совершали также набеги на суше и некоторое время держали в подчинении соседнюю Мегару. Вероятно, потеря этого города и безуспешный исход борьбы с керкирейцами подорвали основу их власти в Коринфе. Их падение стало следствием растущего недовольства коринфян правлением рода, отличавшегося надменностью, грубостью и погрязшего в роскоши. Кипсел объединил вокруг себя недовольных и в 657 г. нанес решающий удар.

Кипсел

Происхождение, детство и взлет основателя тирании в Коринфе почти сразу же до такой степени обросли легендами, что правду узнать уже невозможно. Как передает рассказ коринфянина Сокла около 500 г. Геродот, Этион проживал в местности Петра и вел свой род от лапифа* Кайнея. Вступив в брак с Лабдой, дочерью Бакхиада Амфиона, которая из-за хромоты не нашла мужа своего рода, он получил предсказание оракула, что ожидаемый от Лабды сын возвысится над господствующими и будет править Коринфом. Бакхиады, получившие аналогичное предостережение оракула, подослали убийц, но те, тронутые видом смеющегося младенца, отступили, и мать до их возвращения успела спрятать его в улей (по-гречески — *кипселе*) и тем самым спасла ему жизнь. Мальчик был поэтому назван Кипселом, вырос и, став мужчиной, получил в Дельфах предсказание, в котором он именовался «царем Коринфа» и ему вместе с его детьми, но не внуками, было предопределено владычество. Теперь Кипсел действительно стал тираном Коринфа. — Совершенно ясно, что мы имеем дело с передававшимся в народе рассказом с обыгрыванием имени и таким любимым мотивом, как спасение в корзине ребенка, предназначенного властвовать, — доброжелательный рассказ, который мог дойти до нас еще со времен Кипсела или его сына Перандра. Однако с исторической точки зрения, он очень мало информативен. То, что Кипсел, по крайней мере со стороны отца, не был дорийцем, можно и без того заключить по имени последнего, которое носил также и аркадский царь**; что касается матери, включая имя Лабда (Хромоножка), то это слишком похоже на подобные легенды, чтобы ее принадлежность к роду Бакхиадов могла считаться достоверной. Наконец, мотив предсказаний оракулов вообще не может претендовать на подлинность.

* Мифическое племя, победившее кентавров.

** То есть ахейское («додорическое») имя.

Несколько лучше дело обстоит с рассказом Николая из Дамаска, восходящим, вероятно, к Эфору, о приходе Кипсела к власти. Вначале он, скорее всего, занимал должность полемарха. Хотя в этом можно увидеть более позднее подражание аналогичным историям, как, например, Писистрата, все же одно обстоятельство указывает на старую традицию, а именно — в духе архаического времени должность еще представляется собственностью ее носителя: Кипсел уменьшал приговоренным денежный штраф на ту сумму, которая полагалась лично ему, и этим завоевал популярность в народе. Определенное подтверждение приводит также и Аристотель. Он причисляет Кипсела к тем, кто от исполнения должности дошел до тирании, а связь между военным руководством и демагогией* представляется ему типичной для способа, каким в старые времена было положено начало владычеству тиранов. Но если Кипсел был полемархом, то тогда очевидно также, что с материнской стороны он действительно принадлежал к роду Бакхиадов, которые занимали высшие должности, и можно предполагать, что во время государственного переворота за ним стояли не только боеспособные земледельцы и те оштрафованные, которых он пощадил, но, вероятно, и аристократы, не принадлежавшие к роду Бакхиадов! Не приходится сомневаться в сведениях Николая, что Кипсел создал частное объединение членов своего сословия (гетерию). Можно поверить автору и в том, что Кипсел убил предводителя Бакхиадов по имени Патроклейд или Гиппоклейд, но то, что, по его сведениям, демос после этого провозгласил Кипсела царем, вызывает сильные сомнения. Маловероятно уже то, что демос в этот период мог совершить законный акт подобного рода; во всяком случае, утверждение царем пожизненно в эпоху существования годичных должностей выглядит анахронизмом. Поводом к этому утверждению Эфора послужило обращение к Кипселу как царю третьего из названных Геродотом оракулов. Однако сам Геродот говорит лишь то, что Кипсел сделался тираном и поступал соответственно этому; Аристотель тоже

* Здесь — общественная деятельность.

явно ничего не знает о принятии должности царя, которая, впрочем, из-за последних Бакхиадов пользовалась у народа дурной славой. В крайнем случае, речь может идти о спонтанном изъяслении чувств в том духе, что освободитель от ненавистного гнета должен принять власть.

Бакхиады, оставшиеся в живых, вынуждены были удалиться в изгнание; в Коринфе остались только те немногие, кто, вероятно, покорился новому господину. Тогда как большинство изгнанных направилось на Керкиру, которая по-прежнему находилась во враждебных отношениях с метрополитом Коринфом и где в них видели скорее друзей, нежели врагов, другие отправились в Спарту или Македонию. Вероятно, члены этого рода попали тогда даже в Кавнос на Карийское побережье. Бакхиад Демарат направился в далекую Этрурию, поддерживавшую с Коринфом торговые отношения, где он благодаря вывезенным с родины богатствам добился руки одной из дочерей правящего дома Тарквиниев. Одним из его сыновей, согласно римскому преданию, был Тарквиний Приск*, ставший властителем Рима.

Имения убитых или сосланных Бакхиадов Кипсел конфисковал и, предположительно, роздал своим сельским сторожникам. О том, что он продолжал на них опираться, свидетельствует замечание Аристотеля, который приписывает отказ тирана от личной охраны тому обстоятельству, что он тесно связан с демосом. Он опирался также на возвращенных им из изгнания врагов Бакхиадов, тогда как отношение знатных Гераклидов к властителю недорийского происхождения было не столь дружелюбным. Как обстояли дела у коринфской общины под его владычеством, остается неясным, нам ничего не известно о должностных лицах, совете или народном собрании. Ясно только, что Кипсел, которому не было вручено никакой законной верховной должности, не представлял общину и не выступал как ее уполномоченный, а находился над и одновременно рядом с ней. Надпись на сокровищнице, которую он велел соорудить в Дельфах, называет его, а не коринфяни; аналогично

* 5-й царь Древнего Рима, оставил добрый след.

обстоит дело и с эпиграммой на золотой статуе Зевса, которую Кипсел, вероятно, в конце своей жизни пожертвовал в Олимпию. С этим дорогостоящим даром впоследствии было связано воспоминание о палоченном на коринфян особом налоге на имущество, который взимался в течение десяти лет. Зачастую неправдоподобные или неясные данные поздних авторов позволяют все же понять, что Кипсел в собственных целях в течение многих лет взимал палог с имущества в основном с крупных землевладельцев, и подтверждают, таким образом, его самовластное положение относительно коринфской общины. Была ли она расширена им за счет вовлечения тех слоев населения, которые раньше были лишены права гражданства, нельзя сказать с уверенностью, поскольку наличие восьми фил вместо прежних трех или четырех подтверждается только для периода после свержения кипселидов (около 584 г.). Но поскольку учреждение локальных фил — ибо о них есть сведения — представляет собой «демократическую» меру и не могло быть осуществлено более поздней олигархией, а с другой стороны, Кипсел, пришедший к власти с помощью неблагородных слоев, больше, чем его преемник Периандр, был заинтересован в длительном союзе с этими кругами, — первому тирану приписывается расширение круга граждан, которое, без сомнения, было связано с учреждением локальных фил. Нам не известно, входили ли в новые группы, кроме мелких землевладельцев, также и ремесленники.

Перераспределение земельных владений Бакхиадов, проведенное, по всей видимости, Кипселем, не смогло, очевидно, удовлетворить потребность в земле на тесной коринфской территории, так что тирану приходилось опасаться недовольства и вражды со стороны необеспеченных земель. Тогда как люди, которым родная земля больше не могла обеспечить возможность существования, переселялись под предводительством знатных и основывали вдали свои собственные города, Кипсел сам организовал поход колонистов и не только поставил одного из своих сыновей от побочной жены во главе предприятия, но и назначил его

властителем будущего поселения. Аналогичные свидетельства есть о Левкасе, Анактории и Амбракии: их ойкистами и повелителями стали сыновья Пилада, Эхиада и Горга; другие, меньшие поселения на этолийском и акарнанском побережье были вызваны к жизни подобным же образом и могут быть связаны с тиранией в Коринфе. Только о городе Эпидамне, основанном в 627 г. далеко на севере на Иллирийском побережье враждебной Керкирой, точно известно, что участвовавшими в его основании коринфянами предводительствовал аристократ из рода Гераклидов и они вышли из подчинения тирану. Его владычество распространилось на прочие колонии как «завоеванное копьем» имущество дома Кипсела, имущество, которое наследовала после свержения тирании коринфская община, позднее обьившая своей собственностью также дары Кипсела в Олимпии и Дельфах. Характерно, что основание подобной «колониальной империи» осуществлялось не полисом, более статичным и односторонним по своей природе, а благодаря бьющей ключом динамической силе человека, поднявшегося над ним.

О дружественных или враждебных отношениях тирана с внешним миром нет никаких свидетельств, кроме того, что он пытался снискать благосклонность Зевса в Олимпии и Аполлона в Дельфах. Одному он пожертвовал уже упомянутую золотую статую, вероятно, во исполнение обета; другому, возможно, через оракула воодушевившему его на свержение Бакхиадов, он выразил свою признательность, пожертвовав бронзовое пальмовое дерево и другие дары, о количестве которых говорит сооружение специальной сокровищницы. Разумеется, в подобных дарах проявляется тщеславие Кипсела, который хотел добиться всеобщего восхищения, сооружая памятники своему богатству и своей власти в священных местах. Но вместе с тем нельзя сомневаться и в подлинно религиозном стремлении обеспечить себе благоволение великих богов, в чем нуждался тиран для сохранения своего владычества, не опирающегося ни на какие традиции. То, что для основания колоний использовались дельфийские предсказания, соответствовало

всеобщей практике, и это подтверждает случай Амбракии. Если учитывать такое поведение Кипсела, то привлекает внимание замечание более позднего автора, что праздник Истмийских игр* был приостановлен и вновь возобновлен лишь после свержения тирании, в конце 80-х годов VI века. Видно, существовали какие-то причины, вызванные местными условиями, о которых мы вряд ли что-либо узнаем.

30 лет Кипсел правил Коринфом, не вызвав серьезного сопротивления. Когда он умер около 627 года естественной смертью, то оставил имущество и владычество своему 40-летнему сыну Периандру, которого родила ему законная жена Кратея (Пилад, Эхиад и Горг, вероятно, были детьми от побочных жен).

Периандр

Правление Периандра в древности считалось более тираническим, чем правление его отца, в том смысле, что при нем в Коринфе воцарилась настоящая тирания со всей ее жестокостью, беззаконием и эгоизмом, а сам он стал примером бесчеловечного тирана. Но уже наш самый старый авторитет, Геродот, передает о сыне Кипсела и дружелюбные высказывания, как, например, коринфянина Сокла о том, что Периандр стал извергом лишь под влиянием Фрасибула из Милета, и кроме жутких историй, которые, вероятно, рассказывали уже в VI веке, приводит и некоторые положительные, по-человечески трогательные черты. Еще яснее разность оценок проявляется в том, что один и тот же человек считался и прототипом самых ужасных тиранов, и в то же время — одним из семи мудрецов, — противоречие это, вероятно, можно объяснить своеобразием личности, в которой современники и потомки находили и злое, и доброе. Его страстной и нередко жестокой натуре были не чужды и нежные чувства, в ней сочетались безудержная

* Проводились раз в два года близ Коринфа в честь бога Посейдона.

активность, и необычайная практическая мудрость, и исключительная проницательность. То историческое зерно, которое нам удалось извлечь из-под покрова легенд, историй и выдумок о его сорокалетнем правлении (примерно с 627 по 587 год), подтверждает это впечатление.

Будучи наследником богатства и власти человека, господство которого за три десятилетия так укоренилось в Коринфе, что казалось выросшим при нем поколениям естественным, Периандр с самого начала занял исключительное положение среди властителей городов Истма. Если его отец взял себе жену, скорее всего, из рода Бакхиадов, сын, будучи наследником, вступил в брак с дочерью тирана Прокла из Эпидавра, внучкой аркадского царя Аристократа Мелиссой, которая в детстве звалась Лисидикой. Она родила ему дочь и двух сыновей, Кипсела и Ликофрона, старший из них был слабоумным и не годился для наследования власти. Три других сына, Эвагор, Горг и Николай, происходили от связи с одной или несколькими побочными женами. Нет никаких оснований считать антитиранской выдумкой рассказ о том, что вспыльчивый Периандр жестоким обращением с беременной Мелиссой вызвал ее смерть, поскольку это повлекло за собой определенные политические последствия, зафиксированные преданием. Прокл, потрясенный смертью своей дочери, настроивал против отца семнадцатилетнего Ликофрона, который вскоре установил свою собственную, пусть и краткосрочную тиранию в пограничных областях. Но Периандр напал на Прокла, взял его в плен и покорил Эпидавр. Захватив город, он занял важные позиции на побережье Саронического залива Эгейского моря. Его отец Кипсел, насколько нам известно, не направлял сюда свое внимание. Периандр, напротив, и там, и в Коринфском заливе держал свои корабли. Остается неизвестным, действительно ли он уже вынашивал план прорезать Истм, но из новейших археологических находок ясно, что он приказал делать катки для волочения судов через перешеек. Впрочем, в восточной части моря Периандр мечтал на север, поручив предводительство походом колонистов, как и Кипсел, одному из своих сыновей, Эвагору, ко-

торый основал на Халкидском полуострове, на севере Эгейского моря, рядом с полуостровом Паллена, город Потидею. Таким образом, власть семьи тиранов значительно расширилась благодаря этому поселению, которое из-за обилия леса имело важное значение для судостроения. И здесь один из Кипселидов стал тираном.

Воинственный, по свидетельству Аристотеля, Периандр непрестанно стремился к приумножению своих владений и на берегах западного моря, где в некоторых местах уже правили его сводные братья или их потомки. Особенно манила его Керкира, дразня своей враждебностью и притягивая плодородием и удобным расположением на пути судов в Италию и на Сицилию. Он покорил остров и передал владычество предположительно своему сыну Николаю. Позже, уже в конце жизни Периандра, керкирцы пытались сбросить ненавистный гнет, возможно, из-за того, что он сам хотел пересечь на Керкиру, с тем чтобы спокойный, уже давно назначенный преемником сын возвратился в Коринф. Такое обоспование, явно противопоставляющее жестокому отцу мягкого сына, мало заслуживает доверия, ибо керкирцы убили Николая, правление которого, следовательно, больше не хотели выносить. Периандр вновь захватил остров и учинил за это страшную расправу над видными семействами. Триста знатных мальчиков были обращены в рабство и назначены на продажу лидийскому царю Алиатту — судьба, от которой их при перевозке спасли самосцы. Теперь тиран посадил на Керкире своего племянника Псамметиха, а сам возвратился в Коринф. Нельзя сказать точно, в его ли время заложены такие города на западном море, как, например, лежащая южнее Эпидамыя Аполлония, и передал ли он их во владение кому-либо из Кипселидов.

Власть и личность Периандра привлекали к нему всеобщее внимание. В своем споре за Сигей афиняне и митилецы избрали его третейским судьей. Он находился в дружеских отношениях с Фрасибулом, милетским тираном. Маловероятно и не может быть доказано, хотя такие попытки и делались, что он поддерживал такие же отноше-

акт
чип
рос
вы,
587

под
Ко
тес
нос
оте
бу
Пр
Ме
ди.
ста
дог
при
же
вы,
тов
пос
ски
тры
свс
гра
его
ваз
ско
на
и
не
рез
что
пей
тил
тог

ния с лидийским царем Алиаттом. А вот имя его племянника Псамметиха свидетельствует о связи с фараоном Псамметихом II (593—588 гг.) Возможно, принц, предназначенный Периандром в наследники, первоначально звался по деду Кипселом и принял имя Псамметиха лишь позже в честь царя Египта. Что касается ближайшего окружения Коринфа, то тиран, благодаря браку своей сестры, кажется, еще во времена Кипсела, породнился с аттическим родом Филиадов. Примечательно, что это была недорийская семья, так же как и супруга Периандра Мелисса. Поскольку Кипселиды сами не принадлежали к знатым дорийцам, родственные отношения с ними были и нежелательны, и почти невозможны. О репрессивном вмешательстве тирана во внутренние смуты на острове Эвбея свидетельствуют стихи из сборника, приписываемого Феогниду, но конкретных сведений там не содержится. Остается неясным также отношение Периандра к дому тиранов в соседнем Сикионе, кроме того, что он принял в Коринфе Исодама, изгнанного своим братом Клисфеном. Соперничество между правителями соседних городов не переросло в военное столкновение, и Периандр спокойно воспринял рост славы и власти Клисфена, участвовавшего в Священной войне, которую вели амфикионы* против Крисы за Дельфийские святыни. Трудно объяснить, почему он сам не участвовал в этой войне и, в отличие от своего отца, очевидно, не жертвовал оракулу никаких подарков. Считал ли могучий сын, что обойдется без благоволения Аполлона и его служителей? Благодарность Зевсу Олимпийскому он выразил тем, что однажды после победы в состязаниях квадриг прислал ему золотую статую. Другой жертвенный дар, подробно описанный Павсанием, «ларь Кипсела», насколько можно определить по историческому изложению, относится, видимо, ко времени после свержения тирании в Коринфе. Если это действительно был подарок Кипселидов, а не позднейшая попытка дополнить легенду о детстве Кипсела, то его

* Члены амфикионии — союза племен и городов для мирного разрешения споров и совместного отправления культа в общем святилище.

могли пожертвовать члены рода, находящиеся вне Коринфа, например, в Амбракии, где они еще продержались некоторое время.

Положение Периандра в Коринфе было точно таким же, как и положение его отца. Как и отец, он правил городом как законный царь или избранный глава. Богатство, авторитет и свита Кипсела перешли к нему приватным, а не государственно-правовым путем. Вероятно, в начале правления он шел по стопам своего предшественника и лишь позднее начал править «тиранически» — перемена, которая, очевидно, действительно произошла, даже если рассказ о ее причинах и не заслуживает доверия. Согласно этому рассказу, Периандр направил к тирану Фрасибулу в Милет посла, чтобы узнать, как лучше всего утвердить свою власть. Ответом было символическое действие: тиран прошел по полю, срезая верхушки колосьев, то есть его совет означал, что нужно устранять выдающихся людей, особенно благородного происхождения. Действительно, для тирана архаического периода они представляли наибольшую опасность, и, возможно, что Периандр устранял их, будь то оставшихся в Коринфе Бакхиадов или аристократов, принадлежавших к Гераклидам. Против знатных и богатых был также направлен его запрет на излишнюю роскошь и учреждение комиссии, которая должна была следить, чтобы тратилось не больше, чем поступало в доход. Эти меры, обусловленные прежде всего стремлением властителя подавить аристократию, настолько близки законам нетиранических законодателей, что, если не принимать во внимание их эгоистическую цель, им нельзя отказать в желании навести порядок в обществе и сгладить вопиющие социальные противоречия. При этом Периандр также стремился укреплять нравственные основы жизни граждан, о чем свидетельствует его распоряжение топить сводниц. На это же направлен и его запрет бесцельно слоняться или собираться на рынках, что, возможно, тоже имело свою «тираническую» сторону, хотя аналогичные указы выпускали и другие правители. Собрания, тем более сельского населения, в городе представляли для тирана определенную опасность, поэтому он стремился

по возможности удерживать народ на сельских работах. Если Периандр запретил приобретение рабов, то причиной тому могло быть желание обеспечить основу существования низших слоев города и деревни. Его равнодушие к делам крестьянства могло объясняться также особенно близким этим кругам культом Диониса.

Ремесла и промыслы, которые уже при Кипселе начали бурно развиваться в очень удачно расположенном Коринфе, достигли при Периандре полного расцвета. В керамическом производстве это проявляется и в удивительной обширности района горшечников, и в завершенности художественной отделки сосудов так называемого коринфского стиля, и в их распространении до отдаленных районов, прежде всего Италии и Сицилии. Спорным остается вопрос, было ли городское население, не имевшее недвижимости, принято в филы и тем самым включено в политическую жизнь общины, которая не замерла, хотя испытывала давление со стороны тирана. Во всяком случае, в материальном плане экспансия Периандра на обоих морях и рост торговых отношений, а также рациональный, прогрессивный дух властителя пошел общине на пользу. Как и другие тираны, он облегчил жизнь горожан постройкой водоразборного портика, к которому проводились воды источника Пирены. Запрет бесцельно шататься на рынке и приобретать рабов относился, в первую очередь, к сельскому населению и был прежде всего нацелен на увеличение трудовой активности, а тем самым — рост производства. Забота о благосостоянии города здесь вновь связана с «тираническим» интересом. Тогда как заморский экспорт увеличивал торговый оборот, рос и объем портовых сборов, который прежде всего шел в пользу Бакхиадов, а затем — тиранов. При Периандре он достиг таких размеров, что сын Кипсела мог отказаться от других налогов. Его богатство множилось с ростом мореплавания и привлекало странствующих артистов, как, например, поэта Арнона из Метимны, который, находясь при дворе тирана, придал хвалебной песне в честь Диониса художественную форму дифирамба.

Неоднозначность правления Периандра, который проявил себя, с одной стороны, как эгоистичный, беззащитно вмешивающийся в жизнь общины правитель, а с другой — как превосходный, мудрый государственный деятель, очевидно, вызвала уже у современников противоречивую реакцию, которая, как отмечалось, чувствуется в предании, несмотря на позднейшие искажения. Бурные проявления враждебности к Периандру наводили на него ужас; очевидно, оппозиция по отношению к нему была больше, чем к Кипселу; впрочем, о последней мы можем не знать только потому, что впоследствии при тиранах охотно противопоставляли плохого преемника более хорошему предшественнику. Все же не подлежит сомнению, что Периандр был вынужден охранять свою персону с помощью телохранителей. Неудивительны антипатия и даже ненависть со стороны знати, лишешней власти и частью потерпевшей тяжелую кару. Однако и сельское население было весьма ожесточено, хотя тиран отказался от налога на имущество и налога с урожая. В противном случае его сын Ликофрон, поссорившись с ним из-за убийства матери, не смог бы учредить у «окрестных жителей» Коринфа в противовес отцу собственную диктатуру. Так как нам не известны ни более подробные обстоятельства, ни сроки, то нельзя сказать ничего определенного об особых причинах недовольства. Можно лишь отметить, что для сельского населения Периандр не был, как Кипсел, освободителем от гнета знатного рода и не передавал селянам их земельные наделы, а был властителем, который строгими мерами ограничил им свободу передвижения и заставил их работать. Тем не менее его распоряжения, которые он, как и Солон, пытался обосновать и оправдать в элегиях, и сама его личность как правителя нашли признание и у современников, причем не только у городского населения. Ибо уж очень рано тиран, хотя ему и ставились в вину всяческие мерзости, был причислен к семи мудрецам и ему приписывались общие правила жизни, свидетельствовавшие о его ясном разуме, рассудительности и дальновидности. Даже несмотря на его

собственную в том вину, раздор и несчастья в его семье вызывали сочувствие.

Когда Периандр в возрасте 80 лет (около 587 года) умер естественной смертью, никого из его пяти сыновей не было в живых. Непригодный для наследования Кипсел был предположительно уже давно мертв, равно как и мятежный Ликофрон, который вряд ли долго продержался бы против отца. Николая убили керкирцы, Горг погиб из-за смертельного падения с колесницы, наконец, Эвагора, правителя Потидеи, тоже не было в живых. Итак, тиран передал власть племяннику Псамметиху, сыну своего сводного брата Горга; он принял ее, вернувшись с Керкиры. Будучи явно не столь сильной личностью, он вызвал еще больше ненависти, чем Периандр. Во всяком случае, три года спустя Псамметих пал жертвой заговора. Зачинщиков его мы не знаем и можем лишь предполагать, что они принадлежали к аристократической гетерии. Согласно сообщению из Дамаска, демос разорил дома тиранов, конфисковал их имущество, оставил тело Псамметиха непогребенным и даже осквернил останки более ранних Кипселидов. Однако тот факт, что теперь к власти в Коринфе пришла умеренная олигархия, позволяет отнести заговорщиков скорее к верхним слоям. Новое правительство было представлено коллегией из восьми пробулов и советом из 72 человек. Вероятно, именно оно вступило во владение домом тирана, повелело выбить на сокровищнице в Дельфах и статуе Зевса в Олимпии название полиса Коринфа как жертвователя и уничтожить на родине все памятники, напоминавшие о тиранах. Новые правители позаботились также о возобновлении Истмийских игр, которые прекратились, вероятно, во времена Кипсела. Возможно, предъявлялись также претензии на внешние владения Кипселидов, то есть на основанные ими города, где они были тиранами. Они могли быть удовлетворены лишь частично и лишь с течением времени. Керкира восстановила свою независимость, отнятую Периандром, вероятно, сразу же после отъезда Псамметиха, и впоследствии керкирцы даже вторглись в соседнюю колонию Кипселидов. Там рано или поздно было свергнуто владычество

Периандра, племянника тезки великого тирана, и, вероятно, как и Псамметих, сын Горга, поставленного Кипселом над городом. Он оскорбил некоего юношу безнравственными вопросами, и демос поддержал выступивших против него его же соратников. Именно демос стал определяющей силой полиса. Так закончилось владычество Кипселидов в Амбракии. Архин, который происходил из этой ветви рода и был, возможно, сыном младшего Периандра, переселился на родину своей супруги Тимонассы, в Аргос. Другие потомки Кипсела также жили теперь, рассеянные по греческому миру, например, в Гераклее при Амбракийском заливе или в Коринфе на острове Эвбея. Нам неизвестно, занимали ли они в этих городах положение, подобающее тиранам, после того как в центре Истма влияние рода прекратилось. Во всяком случае, в Коринфе роль Кипселидов была окончательно сыграна. Все более автономная община в последующее время укреплялась и утверждала свою свободу.

Тем, что это стало возможно, она в определенной степени была обязана 73-летнему владычеству Кипселидов, положивших конец дотошному правлению Бакхиадов, которое вообще нельзя было назвать государственным порядком. Кипселиды, несмотря на весь свой тираннический эгоизм, а в некотором смысле и благодаря ему, заложили основы будущего полиса. При Кипселе, насколько нам известно, в число граждан были включены многие недорийские землевладельцы, благодаря чему община получила более широкую опору. Следствием этого, а также свержения олигархии Бакхиадов должно было стать новое государственное устройство. Мы об этом ничего не знаем и не можем сказать, утверждались ли указы Периандра народным собранием или же просто навязывались ему — результат особенно серьезного недостатка скудного и не всегда достоверного предания. Заложенные отцом и сыном колонии обеспечили землей младших сыновей землевладельцев, стали опорными пунктами торгового судоходства и позднее превратились в основную опору морской державы Коринфа. Итак, знать была подавлена, землевладельцам оказана поддержка, их труд

стал более интенсивным и, пусть и непрямо, оказывалась также поддержка городским промыслам. Вместе с тем происходило определенное нивелирование, без которого будущий полис не мог бы развиваться. Периандр в духе законодателей архаического времени даже внес свой вклад в его нравственное формирование. Иначе, чем позднее Писистрат в Афинах, который застал государственный порядок, установленный Солоном, Кипселиды тоже стали творцами общины, хотя не были легитимированы и стояли в качестве самовластных тиранов и рядом и над общиной. Это до известной степени оправдывает их владычество, каким бы эгоистическим и иногда жестоким оно ни было, и одновременно объясняет его долгий срок, который Аристотель объяснял также поведением властителей. Однако уже Периандру было трудно закрепить доставшееся от отца положение, и только его сильная личность сделала это возможным. Когда он умер в глубокой старости, с тиранией в Коринфе произошло то, что и должно было произойти: она устарела. Даже такой сильной натуре, как его преемнику Псамметиху, тяжело было дальше сохранять тиранию и задуть стремление общины к полной самостоятельности.

2. Орфагориды из Сикиона

Если Коринф благодаря своему удобному положению на Истме рано стал оживленным торговым центром, приносящим своим властителям большие доходы, то расположенный на отшибе Сикион не имел таких преимуществ. Здесь не было транзитного движения, и хотя залежи глины делали возможным керамический промысел, он все же далеко отставал от коринфского. Однако сикионцы уже в архаические времена достигли общепризнанного мастерства в обработке руды, залегавшей у истоков ближней речушки Асо-

ны. В общем же Сикион был сельским городком в весьма плодородной области. Он сравнительно поздно подпал под владычество дорийцев из Арголиды, которым ввиду их малочисленности пришлось к собственным трем филам прибавить еще четвертую, состоящую из раннегреческих (ахейских — *Ред.*) семейств. До середины VII века Сикион, по-видимому, управлялся чисто дорийской аристократией. По-всеобщему возмущавшая тогда напряженность между знатью и землевладельцами, обострявшаяся еще и разностью происхождения, как и в Коринфе, давала возможность честолюбивому эгергичному господину стать вождем недовольных, свергнуть существующий режим и объявить себя тираном. Примерно это и совершил Орфагор почти одновременно с Кипселом. Не может быть, чтобы его отец Андрей был поваром, как говорят, поскольку в те времена только человек благородного происхождения мог завоевать власть в общине; однако в основе этого измышления могло быть недорийское происхождение тирана. Примечательно, что злейшим врагом дорийских родов стал позднее самый значительный Орфагорид Клисфен.

Клисфен

О продолжительности и характере правления *Орфагора*, начавшегося в 655 году, ничего не известно. Однако благодаря находке папируса мы имеем восходящее к историку Эфору сообщение о пути, которым он пришел к тирании. Вероятно, он командовал пограничными войсками в борьбе с соседней Пелленой, а затем всеми войсками, отличился в ратных делах и этим завоевал любовь народа. Здесь дозрительно не только использование аттической военной терминологии (периполой, полемарх), но и сходство с тем, что рассказывалось о взлете Кипсела и Писистрата, а также то обстоятельство, что Орфагор предположительно не принадлежал к знатым дорийцам, которые имели право командовать войсками. С другой стороны, следует вспомнить мысль

Аристотеля, что в старые времена объединение в одних руках предводительства народом и командования войском благоприятствовало появлению тиранов. Это замечание, относящееся к Кипселу, сохраняет свою силу и в отношении Орфагора, тем более что мы не знаем, в каких отношениях Орфагор находился со знатными дорийцами до своего государственного переворота. Следовательно, не исключена возможность, что он смог установить тиранию с помощью сельских голплитов, находящихся под его командованием. После его смерти тирания перешла к *Мирону*, скорее всего, его брату, который в 648 году победил на квадриге в Олимпии и велел соорудить там сокровищницу. О его владычестве, которое, вероятно, началось после 648 года, нам ничего не известно, остается также под вопросом, передал ли он власть своему сыну Аристониму, который предположительно был супругом дочери Орфагора, или сразу его старшему сыну Мирону. Во всяком случае, этот второй Мирон около 600 года был в течение шести лет тираном Сикиона. От природы необузданный и жестокий, он совершил прелюбодеяние с женой своего брата *Исодама*, который и устранил Мирона, подстрекаемый третьим братом Клисфеном к мести и захвату тирании. Вскоре доверчивый Исодам, не проникнув в козни Клисфена, взял его в соправители, поскольку Клисфену удалось его убедить, что он не может принести жертвы, будучи отягощен убийством. Однако население, включая приближенных Исодама, из страха перед жестоким Клисфеном примкнуло к последнему. Клисфену через посредника удалось убедить безобидного брата, что тому нужно на один год покинуть родину, чтобы искупить грех убийства, который иначе не даст ему и его потомству возможности захватить у власти. И действительно, Исодам направился в Коринф, вероятно, ко двору Периандра, передав на время своего отсутствия власть Клисфену. Однако последний воспрепятствовал его возвращению, заявив, что Исодам с помощью Кипселидов собирается отстранить его от совместного правления, и таким образом установил собственную тиранию, которая продолжалась 31 год.

Можно не сомневаться в подлинности рассказа Николая из Дамаска, приведенного в историческом труде Эфора, о том, как *Клисфен* хитростью и силой отобрал власть у своего брата. Так добился власти этот необычайный человек, единственный из Орфагоридов, о котором нам известно что-то подробно. Время его правления можно датировать примерно первой третью VI века. Как и о Периандре, суждения о нем в античных источниках противоречивы, что может быть обусловлено не только различным отношением авторов, но и самой личностью и деятельностью тирана. Эфор считает его хитрым и страшным, очень жестоким и грубым, тогда как Аристотель говорит о мягком законопослушном правлении Орфагоридов и превозносит Клисфена за то, что он приказал наградить венком за справедливость судью состязаний, не присудившего ему победу. Пример показывает, что под уважением законов имеется в виду не легальное нахождение у власти, а — по крайней мере, в некоторых случаях — демонстративное подчинение властителя порядкам общины, которое не затрагивает его властного положения. У Геродота, который, правда, следует дружественной традиции родственного дома Алкмеонидов, не встречается отрицательных замечаний о Клисфене; напротив, подчеркивается, что он придал своему дому высший блеск. И действительно, властителю Сикиона удалось сыграть значительную роль в греческом мире начала VI века.

Свой воинственный дух, как подчеркивает Аристотель, Клисфен доказал вначале в борьбе против Аргоса, с которым со времен основания Сикиона существовали тесные отношения. О ходе войны нам ничего не известно, но, вероятно, аргивянам не удалось добиться убедительной победы, потому что тиран смог решительно разорвать старые связи, которые существовали между знатными дорийцами там и тут. Он запретил в своем городе состязания рапсодов, потому что в декларируемых ими гомеровских эпосах превозносились Аргос и аргивяне, и дошел до того, что отменил культ героя Адраста, который считался аргивянином и единственным царем Сикиона. Дельфийский бог, покровитель почитания героев, на его предварительный

запрос ответил резко отрицательно, но Клисфен не дал сбить себя с пути. Он упразднил полагавшиеся Адрасту жертвы и празднества и перенес их на Меланиппа, героя, который был, по всей вероятности, заклятым врагом Адраста. Он повелел перенести его прах из Фив в Сикион, где в районе государственного дома (пританейон) был создан собственный центр культа, тогда как трагические хоры, которые до сих пор воспевали страдания Адраста, вернулись обратно к богу Дионису, которому они предположительно были некогда посвящены. Но и это еще не все. Трех дорийским филам, которые, по его мнению, должны были называться в Сикионе иначе, чем в Аргосе, он дал унизительные имена, связанные со свиньями и ослами; напротив, четвертая, недорийская фила, к которой он сам принадлежал, получила наименование «архелайи» (владыки народа), которое, согласно Геродоту, должно было указывать на его собственное владычество. Это было тяжелое оскорбление не только отечественной знати, но и всех знатных дорийцев вообще; впрочем, спартапцы не замедлили с ответом и назвали *Орфагоридами* молочных поросят.

Свою военную активность Клисфен проявлял достаточно часто. Он возобновил войну против соседней Пеллены, в которой ранее отличился Орфагор, и завоевал наконец город, долго сопротивлявшийся осаде. Военные обеспечили его союзниками. Однако своей военной славой он обязан прежде всего участию в Священной войне, которую вели амфикионы около 590 года за Дельфийскую святыню против фокидского города Крисы. Кроме желания вернуть милость пифийского бога и личного честолюбия, к борьбе против Крисы его могли побудить и пиратские набеги ее жителей. Хотя он не был командующим объединенными войсками и хитроумные поступки, которые ему были приписаны позднее, не находят подтверждения, все же он внес большой вклад в победное окончание войны, отрезав своим недавно построенным флотом доступ помощи врагам с моря. За его помощь ему была присуждена победа в 582 году на воссозданных Пифийских играх, когда впервые происходили состязания квадриг. Он также получил треть бога-

той добычи, которая дала ему возможность возвести в Сикионе портик. Кроме того, Криса как соперница в Коринфском заливе была в корне уничтожена, причем почти в то же самое время, когда в Коринфе утратил власть дом Кинселидов, неблагоприятно к нему настроенный. Насколько нам известно, с Дельфами Клисфен состоял теперь в хороших отношениях. Впрочем, учреждение собственных Пифийских игр в Сикионе могло быть воспринято как враждебный акт конкуренции; однако постройка в Дельфах фолоса (около 580 года) и воздвигнутый, вероятно, два десятилетия спустя открытый портик, в котором была установлена триумфальная колесница к тому времени уже умершего тирана, позволяют увидеть в учреждении этих игр в Сикионе акт преданности Дельфийскому богу.

Вскоре после пифийской победы на состязаниях, предположительно в 576 году, Клисфен в Олимпии опять победил на квадриге. Упоенный своим успехом, он предложил всем благородным эллинам свататься к его дочери Агаристе. Как рассказывает Геродот, в последующие годы из греческих колоний Южной Италии, из Эпидамна, Эпира и Этолии, Аркадии и Аргоса, а также из Афин, Эретрии и Фессалии прибыло много женихов, имена которых, а также имена их отцов, историкам известны. Несмотря на художественно приукрашенный пересказ, в нем сохранились надежные свидетельства об участниках сватовства, хотя впоследствии, не заботясь о хронологии, сюда же были отнесены и многие выдающиеся люди. Однако достоверно, что со всех концов стекались знатные женихи, что блеск владыки Сикиона и его богатств сиял особенно ярко и что пришлые аристократы не только не выказывали отвращения к тирании, но и были готовы с ней породниться. Клисфен, со своей стороны, явно стремился к тому, чтобы аристократия эллинского мира завидовала ему и восхищалась им как своим самым блестящим представителем. После проверки происхождения и личных качеств претендентов победу в борьбе за руку дочери Клисфена одержал Алкмеонид Мегакл из Афин. Определенную роль здесь сыграло то, что он, как и отец невесты, был недорийского происхождения. Противо-

речия с дорийскими родами в Сикионе продолжали сохранять прежнюю остроту, как показывают ругательные наименования фил.

Увеличения фил не предпринимали ни прежние Орфагориды, которые, подобно Кипселу и другим тиранам, опирались на неаристократические слои, особенно на земледельцев, ни сам Клисфен. Единственная касающаяся демоса мера, о которой мы знаем, направлена на удержание сельского населения вдали от города, что предпринималось уже Периандром. Клисфен приказал мелким земледельцам в городе также ходить в их обычном сельском одеянии, овечьих шкурах, чтобы они боялись там слишком часто появляться и оставались при своей работе. Возможно, что он, кроме того, боялся собрания недовольных, поскольку Орфагориды, очевидно, не могли смягчить пицету в селе путем основания колоний, как это делали Кипселиды. Мы ничего не узнаем о распределении земельных участков, которое, скорее всего, могло происходить при Орфагоре; передача трагических хоров от Адраста Дионису — это единственное, что указывает на определенное внимание к земледельцам. Все же необычная скудость дошедших до нас преданий, характерная также и для сикионской общины и отношения к ней тирана, позволяет кое-что предположить. Случайное упоминание пританейона подтверждает функционирование городских властей при Клисфене, что можно было заранее предвидеть. Народное собрание, скорее всего, также собиралось, хотя мы не можем сказать, насколько широко во времена Орфагоридов в нем было представлено сельское население и были ли вообще представлены занимающиеся промыслом жители. Сельские гоплиты наверняка принимали в нем участие, и именно их имеют в виду под сикионянами, с которыми Клисфен вел борьбу за Пеллену. В Священной войне тиран в основном участвовал со своим флотом, построенным, возможно, на его собственные средства, поскольку трофеи достались ему лично. Но если он, а не община как таковая, выплачивал денежное довольствие гребцам и поживился плодами победы, то, возможно, что подобным же образом Пеллена отошла в его владение, а сикионяне, завоевавшие город под его ко-

мандованием, были его наемниками как гребцы и постоянные телохранители. На то, что последняя формировалась из беднейших крестьян, указывают лишь несколько поздних замечаний, но то же относится и к Перпандру, и к Писистрату, чему есть соответствующие подтверждения. Остается неясным, где Клисфен брал средства для выплаты довольствия, на свой широкий образ жизни и свои пожертвования. Вероятно, следует принять во внимание, что кроме военной добычи и грабительских походов, к нему поступали также доходы от налогов разного рода, которые присваивали также Кипселиды и Писистратиды.

Около 570 года или несколько позже Клисфен умер естественной смертью. Ему наследовал Эсхин, последний Орфагорид, властвовавший в Сикионе до середины 50-х годов, пока он не был свергнут спартапцами или при их помощи. Свою роль в этом вмешательстве сыграла их ненависть к Клисфену из-за его надругательства над дорийскими филами, однако вернуть старой дорийской аристократии ее прежнее положение они не смогли. Ибо то, что позорные названия фил сохранялись еще десятилетиями и были отменены лишь в 510 году, свидетельствует о главенствующем положении в общине недорийских фил и после свержения Орфагоридов. Это почти все, что при скудости наших источников мы можем сказать о воздействии столетней тирании на историю Сикиона. О первом и последнем властителях нам почти ничего не известно, о владычестве Клисфена — лишь немногое. В предании остались прежде всего блеск его двора, слава его побед в состязаниях, участие в Священной войне и радикальные меры против всего дорийского. Алкмеониды в Афинах, которые прославились в Элладе благодаря браку Мегакла с Агаристой, имели основания окружить его почетом и подчеркивать его благотворное воздействие на народ. Если упомянутое замечание Аристотеля в конечном счете восходит к их традиции, то не подлежит сомнению, что и Клисфен, завоевавший военную славу, и его предшественники своим умением и человеколюбивым правлением снискали благосклонность демоса. Это объясняет, как

заметил уже Аристотель, длительность правления Орфагридов в Сикионе.

3. Феаген из Мегары

И в третьем дорийском городе, недалеко от Истма, в VII веке была установлена тирания, о которой, к сожалению, нам известно немного. Ограниченность плодородных земель в Мегаре довольно рано привела к перенаселенности и эмиграции немалой части населения. Однако ни это, ни развитие промыслов, в особенности переработка шерсти, дававшей беднейшим слоям определенный заработок, не смогло разрядить растущее напряжение между землевладельческой аристократией и угнетенными мелкими земледельцами. Таким образом, честолюбивый господин, став во главе недовольного сельского населения, имел шанс на установление тирании. Им и был *Феаген*, который вскоре после возвышения Кипсела и Орфагора пришел к господству в Мегаре.

Аристотель повествует, что Феаген стал тираном, забив псуницесю у реки стада богатых. В этом можно видеть организованный им взрыв накопившегося ожесточения мелких землевладельцев, которые выместили зло и были благодарны своему предводителю за то, что смогли и отомстить, и волю насестся мяса. По его желанию, для защиты от ненавистной аристократии к нему были приставлены телохранители, с помощью которых он окончательно утвердил свою власть над общиной. Маловероятно, чтобы он занимал в общине важный пост. Он стал властителем Мегары, подобно остальным тиранам Истма, опираясь на поддержку низших слоев народа и свое окружение. Ввиду отсутствия каких-либо свидетельств мы не можем сказать, осуществились ли его надежды на наследование, предпринял ли он новый передел земли между сельским населением или расширил круг лиц, имевших право участвовать в по-

литической жизни. Нам известно только, что он построил водопровод, заканчивавшийся водоразборным портиком. Таким образом, Феаген пользовался популярностью у городского населения и проявил склонность к техническим нововведениям, свойственную некоторым тиранам архаического времени. То, что еще о нем известно, касается в большей степени Афин, чем Мегары. Там около 630 года аристократ Килон, которому Феаген отдал в жены свою дочь, предпринял попытку установить тиранию, причем тесть поддержал его войсками. Надеялся ли Феаген на своего рода совместное владычество с зятем над обоими городами или был заинтересован лишь в завоевании острова Саламин, расположенного между Афинами и Мегарой и служившего для них яблоком раздора, а позднее, во времена Солона, действительно отошедшего Мегаре? Во всяком случае, первое желание не осуществилось, ибо заговор Килона провалился полностью. Тиранию Феагена тоже постиг внезапный конец. Властитель был изгнан, и, очевидно, на какое-то время к власти пришла олигархическая группа, члены которой, скорее всего, принимали участие в свержении тирана.

Демос не был удовлетворен реакционным режимом, ибо задолженность перед богатыми господами давила все сильнее. В течение VI века, насколько нам известно, Мегару разрывала внутренняя борьба, временами приводившая к изгнанию аристократов, конфискации их имущества и установлению демократического правления, пока изгнанные не возвращались и силой не восстанавливали олигархию. Эти волнения сделали вполне реальной угрозой новой тирании. Не только против толпы и ее предводителей, о необузданности которых говорит и Аристотель, выступает в это время поэт Феогнид со всем презрением аристократа к массе; он боится, что «беременный город родит тирана», и советует другу не помогать тирану из корысти, но и не вступать в заговор против него. Однако в другом месте в духе растущего государственно-правового сознания он называет делом, угодным богам, свержение «пожирающего демос» тирана. Из стихов Феогнида нельзя сделать однозначный

вывод, попала ли Мегара еще раз под власть тирана; нам также ничего не известно о его личности и деяниях.

4. Пелопоннес

Рассказывая историю Периандра, мы упомянули *Прокла*, тирана *Эпидавра*, который отдал Кипселиду в жены свою дочь Мелиссу. Прокл, скорее всего, не был дорийцем, он женился на Эрисфении, дочери аркадского царя Аристократа, который, как и его сын Аристомед, вероятно, владел всем краем. Во второй половине VII века Прокл пришел к власти, вероятно, став вождем движения, направленного против местной дорийской аристократии. Это могло быть связано с тем, что, согласно легендарному и маловероятному в деталях рассказу, Дельфийский оракул проявил враждебность к жестокому тирану. У нас нет достоверных свидетельств о характере его правления, и даже о его падении существуют две взаимопроверочивые легенды: дельфийская, согласно которой его убили друзья афинянина Тимарха, убитого им, и несколько лучшая, хотя и художественно приукрашенная, легенда Геродота, который сообщает, что Прокл после гибели Мелиссы вступил в заговор с ее сыновьями против их отца Периандра и вынужден был заплатить за это потерей Эпидавра и заключением под стражу.

Еще меньше к картине ранней тирании на Пелопоннесе добавляет рассказ о Леоне, властителе расположенного южнее Сикнона *Флиуса*. То, что он вел беседу о философии со знаменитым Пифагором, является не чем иным, как столь любимым позднее противопоставлением тирана и философа. На основании этой истории можно было бы не сомневаться в историчности Леона, правившего в архаические времена Флиусом, однако из-за хронологической неточности подобных историй невозможно определить, был ли он действительно современником Пифагора.

Элидцы называли «тиранами» Панталееона и его сына *Дамофона*, которые действительно около 600 года как законные цари правили *Писатием*, местностью, расположенной южнее Элиды. Панталееон прославился своей страшной жестокостью; Дамофон, вероятно, причинил элидцам немало зла, от чего, однако, писатийцы дистанцировались. Последнее должно свидетельствовать о своеобразном превышении царских полномочий и тем самым о тирании. Однако говорить о ней с полной уверенностью все же нельзя, поскольку упомянутые сведения содержатся во враждебных элидских преданиях, которые стремились дискредитировать этих царей клеймом тиранов из-за их упорного сопротивления захватническим планам элидцев.

Нельзя сказать с уверенностью, управляли ли *Аргосом* в некоторые периоды VI века тираны. Есть сведения, что к этой эпохе в истории города, так мало нам известной, относятся два тирана, *Перилл* и *Архин*. О Перилле сообщается, что он разрушил гробницу мифического царя Акрисия; об Архине же сохранилось два различных свидетельства. Согласно одному, он нес ответственность за новое оружие, которое должно было выдаваться гражданам в обмен на старое. Однако он не посвятил богам старое оружие, как было решено, а вооружил им чужаков, метеков*, людей, потерявших право на гражданство, и бедняков, и во главе этого отряда установил свою тиранию над Аргосом. Подобное происшествие скорее могло случиться в VI веке, но второе свидетельство об этом ничего не говорит. Напротив, оно сообщает, что Архин, ставший царем аргивян, первый установил состязание гекатомб и, будучи ответственным за оружие, совершил «дарение оружия». Поскольку царская власть существовала в Аргосе еще и в V веке, то вполне возможно, что Архин был царем и что именование его царем наряду с известием об изготовлении оружия дало повод приписать ему достижение тирании подобным образом.

Отсутствие каких-либо свидетельств о тирании в Аркадии, Ахайе и Элиде связано не только с исключительной

* Переселенцы и вольноотпущенники.

скудостью сведений по истории этих местностей в архаические времена. Его можно объяснить отсталостью этих областей, в которых еще не сформировались общины городов-государств, так что не было политических и социальных предпосылок для установления тирании. Напротив, в *Спарте* и ее округе во второй половине VII века наблюдалось начало необычайной государственной консолидации, препятствовавшей установлению тирании. Надежным заслоном от нее здесь было радикальное сдерживание илотов, лишенных земельной собственности (вступать в сговор с илотами считалось высшим предательством); довольно благополучное положение периэков*, у которых после завоевания Мессены было достаточно земли; но прежде всего верность спартанцев установленному ими самими порядку жизни, который часто предопределял поведение каждого и запрещал владение золотом (легко приводящим к политической власти). Уже Фукидид считал факт, что Спарта вплоть до его времени была «всегда без тиранов», связанным с ее хорошим правовым порядком (эвномией). И более того, он отмечает, что большинство последних тираний в Элладе, которая некогда в основном управлялась тиранами, исключая Сицилию, было уничтожено лакедемонянами. Историк не уточняет, какие именно города и какие тирании он имеет в виду, но мы еще столкнемся с отдельными случаями, которые переданы Плутархом. Во всяком случае, по свидетельству Фукидида и выразительному высказыванию, которое Геродот вложил в уста коринфянина Сокла, не подлежит сомнению, что спартанцы в VI веке принципиально отрицали незаконных правителей и свергли целый ряд их. Это объяснялось тем, что они желали видеть везде устойчивое аристократическое правление, потому что экспансивная динамика демоса или поднявшегося из него правителя вызывала страх.

* В Др. Спарте: илоты — земледельцы на положении рабов; периэки (живущие вокруг) — потомки покоренного дорийцами и отнесенного к окраинам Лаконии коренного населения, была лично свободными.

5. Сѳедняя и Северная Греция

Все, что было сказано выше об Аркадии, Ахайе и Элиде, можно отнести и к областям Греции, лежащим севернее Истма и Коринфского залива: политических и социальных предпосылок для правления тиранов не было ни в еще сравнительно примитивных родовых общинах фокейцев, локридцев, этолийцев и акарнанцев, ни в Фессалии с ее большими феодальными владениями. Впрочем, историк Эфор называет предводителя старейшего похода колонистов в Метанонт* *Давлия* «тираном Крисы», но, учитывая ранний период (VIII век), еще нельзя говорить о подлинной тирании. Кроме того, этот Давлий предположительно не кто иной, как эпонимный** герой фокидского города Давлия. Абсолютно не ясно, имеет ли он что-либо общее с тираном *Авлием* в Фокиде, которого спартанцы изгнали, вероятно, после войны с Ксерксом. Даже в Беотии, в которой (несмотря на ее навязшую в зубах отсталость) раньше всех в северо-западной Греции сформировались городские общины и где, по свидетельству Геродота, уже до 650 года существовало сильное социальное напряжение, тираны были не известны. И причиной тому нельзя считать недостаток источников, ведь воспоминание о выдающихся тиранах, если они были, отразилось бы где-нибудь в античной литературе. Необходимо подчеркнуть, что общественная структура областей Греции, где не жили дорийцы или ионийцы, в архаические времена не представляла особой питательной почвы для тирании либо из-за неизбежности существующего патриархального порядка, либо потому, что возникавшие между аристократией и земледельцами противоречия в какой-то мере сглаживались; наконец, потому, что отсутствовал городской демос, на который тиран мог бы опереться.

Таким образом, на территориях севернее Истма ранняя тирания не появилась, большинство их родов объединилось

* Южная Италия (обл. Луканния).

** Дающий чему-то свое имя.

в союз амфикионов вокруг святилища в *Дельфах*, предсказания оракула которого постоянно встречаются в рассказах о взлете, владычестве и конце тиранов. Если они и неподлинны (вплоть до резкого отказа от культовых нововведений Клизфена или мнимого побуждения афинянина Килона занять Акрополь, о чем будет сказано ниже) и даже частично явно являются позднейшими выдумками, все же многие из этих историй передавались из уст в уста еще при жизни тиранов или сразу же после их смерти, когда люди еще помнили, что Пифийский бог сказал или мог бы сказать. Во всех этих историях нет и следа принципиального отрицания тирании, некоторые даже содержат одобрение. Если же дается резкое осуждение или предсказывается несчастье, то речь идет об отпоре самовольному вмешательству в защищаемые Дельфами культы или об искуплении совершенного убийства, за чем следит Аполлон. Жертвенные дары от тиранов принимались, очевидно, без раздумий. Все это явно противоречит духу законности и сохранения унаследованных порядков, которые поддерживал оракул, тесным связям между пифией* и тираноборческой Спартой, дельфийским предостережением о наглой заносчивости, которую уже Солон считал признаком тирании. Однако следует учесть, что великие тираны VII и начала VI веков сметали устаревшие и выродившиеся формы власти, вводили новые и более справедливые общинные порядки или, по крайней мере, создавали для них предпосылки, а также иногда способствовали укреплению прав общественной жизни. В это время, когда только зарождались предпосылки будущего правового государства, но в основном все зависело от произвола аристократии, дельфийское жречество до определенной степени оправдывало тиранию. Нельзя также отрицать, что в Дельфах учитывали реальное положение дел и дорожили заступничеством и богатыми дарами тиранов. При таких обстоятельствах сквозь пальцы смотрели и на творимые ими насилия. Сам Периандр, который никогда не был особенно близок к святине, благодаря своей выдающейся личности и заслугам госу-

* Жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

дарственного деятеля, был причислен к семи мудрецам и таким образом вступил в своего рода духовное родство с Дельфами, как это произошло и с тираном Клеобулом из Линда. Однако со второй трети VI века, когда государственность упрочилась и тираны воспринимались не как ее основатели и учредители, а как насильники, Дельфы отвернулись от них, памятуя о законности. Не случайно довольно обширное предание, дошедшее до нас о Писистрате и его сыновьях, ничего не сообщает о пифийских оракулах или жертвенных дарах тиранов, не говоря уже о той роли, которую Дельфы сыграли в изгнании Гиппия. Если из тиранов позднеархаического периода, как нам известно, только Диномениды находились в хороших отношениях с Парнасским святилищем, то это можно объяснить особым характером и функцией тирании на Сицилии.

Средняя и Северная Греция практически не знали тирании, в отличие от двух островов: Кефаллени на западе и Эвбеи на востоке. И там, и здесь мореплавание значительно расширило горизонты и привело к ослаблению старых патриархальных связей. На *Кефаллени* правил, как известно, сын некоего *Промнеса*, жестокий человек, который ограничил праздники двумя днями, а пребывание в городе — 10 днями в месяц. Сам он сожительствовал с девушками перед их замужеством. Однако вместо одной из них в покои тирана в женском платье вошел Антенор и мечом убил тирана. То, что вторая часть рассказа явно использует элементы типологии тиранов и из-за этого не заслуживает доверия, не должно дискредитировать первую часть. Как ограничение продолжительности и вследствие этого пышности праздников, так и запрет на длительное пребывание в городе на острове, расположенном вблизи владений Кипселидов, напоминают аналогичные меры Периандра, современником и подражателем которого мог быть кефалленийский тиран.

В Халкиде и Эретрии, двух самых значительных городах Эвбеи, в архаические времена также существовали тирании. Что касается *Халкиды*, то аристократия «коневодов» (гиппоботов) до середины V века еще могла играть

значительную роль, хотя ее правление многократно насильственно прерывалось. В какой-то момент эретрийские изгнанники завладели городом и, возможно, установили свою тиранию. Нам известно также о двух тирапах, правивших с некоторым временным разрывом. Первый, Антилеон, упоминается лесбосским поэтом Алкеем, то есть он привлек к себе внимание около 600 года. Тем больше приходится сожалеть, что нам ничего не известно о нем и его правлении. Аристотель, упоминая его, замечает, что после его тирании установилась олигархия, которая, вероятно, вновь отдала бразды правления в руки гиппоботов. Второй тиран, Фокс, который жил, очевидно, во второй половине VI века, упоминается лишь потому, что за его тиранией последовала демократия, но все же нам известно, что его сверг демос в союзе с аристократией. Подробности, как и об Антилеоне, нам неизвестны. Не намного лучше обстоит дело и с тираном *Диакором из Эретрии*, который под влиянием личной обиды распустил олигархию «всадников», — поступок, который мог быть совершен после 545 года, поскольку тогда власть в общине принадлежала этим «всадникам». Делать выводы об исторической функции тирании на Эвбее нельзя из-за недостатка данных. Можно лишь с некоторыми оговорками предполагать, что в обоих городах, где население сыграло выдающуюся роль в великой колонизации VIII и VII веков, социальной кризис создал благоприятную почву для появления тиранов, которые не были великими личностями, а просто запечатлелись в памяти; по крайней мере, в Халкиде они смогли лишь на короткое время свергнуть владычество аристократии.

Глава II АФИНЫ

1. Период до Писистрата

До конца VII века Афины принимали относительно небольшое участие в великой колониальной экспансии эллинов. По сравнению с V веком, когда они превратились в великую морскую державу, в архаические времена Афины уделяли морю сравнительно мало внимания. В этот ранний период гавань Пирея не играла большой роли; что же касается промыслов, то после выдающихся достижений аттической керамики чисто геометрического стиля (XI—VIII вв.) ведущее положение заняли истмийские города прежде всего Коринф. С точки зрения социально-экономической структуры, Аттика была аграрным государством. Поэтому в социальных волнениях, нараставших в течение VII века, городское население играло еще меньшую роль, чем на Истме. И еще один важный момент: противоречия между дорийской аристократией и недорийскими слоями были чужды единой ионической Аттике. Однако растущее ожесточение угнетаемых, доведенных почти до долгового рабства мелких землевладельцев могло бы стать опорой для знатного человека, если бы он захотел свергнуть власть своего сословия и стать тираном. Нам известно их бедственное положение в период, предшествовавший реформам Солона (с 594/593 гг.), и можно предполагать, что такие попытки были, потому что уже поколением раньше созрели условия для установления тирании с помощью революционно

настроенных крестьян. Однако попытка стать властителем над Афинами, предпринятая между 636 и 624 годами аристократом *Килоном*, опиралась не на сельское население, которое видным аристократическим родом удалось настроить против него, а на «товарищества» (гетерии) дружественных ему представителей его же сословия с их приверженцами и на вооруженные силы, которые прислал его тесть Феаген из Мегары, тамошний тиран. Следовательно, эта затея носила чисто личный характер и скорее свидетельствует об индивидуалистической раздробленности аристократии, чем является симптомом тяжелого социального кризиса.

Последовав совету Дельфийского оракула занять крепость в самый большой праздник Зевса, Килон, некогда (предположительно в 640 году) победивший на Олимпийских играх, во время большого празднества в Олимпии, когда многие аристократы покинули Афины, попытался со своими приверженцами силой захватить Акрополь. Но ему не удалось там закрепиться, поскольку прибыл отряд сельских гоплитов и окружил крепость с узурпатором и его сторонниками. Осада затянулась, и большая часть толпы вернулась домой, предоставив архонтам* решать, что делать с мятежниками. Однако те не смогли долго продержаться из-за нехватки пищи и воды. Килону и его брату удалось ускользнуть, некоторые умерли от голода, а остальные попытались найти защиту у алтаря и культового изображения Афины. Поскольку некоторые скончались на святом месте и тем самым осквернили его, оставшимся была обещана пощада, если они покинут убежище. Тем не менее они были убиты, даже те, кто пытался найти защиту у алтаря Эвменид. Так рухнула попытка установить в Афинах тиранию. Причем не столько потому, что участие властителя Мегары вызвало всеобщий отпор, сколько из-за того, что Килон не опирался на население Аттики. Как и в других случаях, которые мы рассмотрим ниже, речь шла

* Высшая правительственная коллегия. С VII века избирались на один год: а.-эпоним (глава исполнительной власти, его именем называли год), а.-басилей (ведаль культ), а.-полемарх (военачальник). В разное время число архонтов менялось.

лишь об акции честолюбивого аристократа, который хотел со своей гетерией захватить власть, но натолкнулся на сплоченное сопротивление своего сословия, имевшего в борьбе против него надежную опору в своих земледельческих дружинах.

То, что сообщается о последствиях провала путча, касается лишь аристократических кругов. Именно они возложили ответственность за осквернение святилища убийством в нем соратников Килона на архонта Мегакла из рода Алкмеонидов, именно из них состоял трибунал, который вынес приговор Мегаклу и в соответствии с существующими тогда обычаями — всему его роду. Трибунал приговорил Алкмеонидов к изгнанию, но причина этого могла состоять еще и в том, что некоторые дома могли из ревности желать удаления из Афин гордого семейства. Однако позднее (в 594/593 годах) закон Солона об амнистии позволил им вернуться, после чего — вероятно, по поручению Дельф — было совершено искупление. Тем не менее воспоминание об этом святотатстве не было забыто: в конце VI века лакедемонский царь Клеомен мотивировал им изгнание Алкмеонидов, а в конце Пелопоннесской войны Спарта на основании этого потребовала изгнания Перикла, мать которого была из рода Алкмеонидов.

Нам неизвестно, существовали ли к моменту провала заговора Килона неписанные положения о наказании и судебном процессе против заговорщиков. Спонтанное наступление архонта на соратников Килона и расправа с ним (по довольно правдоподобной версии предания, их забросали камнями) выглядят как оборона против врага общины, к которой гражданам приходилось прибегать позже в борьбе с тиранами. Во всяком случае, несколько лет спустя (около 621 года), вероятно, учитывая недавнее происшествие, Дракон зафиксировал в письменном виде, каким судом — предположительно, в ареопаге* — должны рассматриваться обвинения в тирании и что признанный виновным объявляется «свободным как птица» (атимос). Возможно, это

* Совет бывших архонтов. Заседал на холме бога войны Ареса у входа на Акрополь — Ареопаге.

было применимо и в отношении выживших соратников Килона, потому что когда Солон выпустил свой закон об амнистии, он исключил приговоренных судом за тиранию. Следовательно, сам он дополнил соответствующий закон Дракона в том, что наказание атимией (изгнанием) касалось участников попытки установления тирании; с другой же стороны, убийство тирана объявлялось ненаказуемым проступком, не пятнающим кровью. В те времена, когда за тиранию была положена смертная казнь, атимия могла показаться Аристотелю слишком мягким наказанием, однако она означала одновременно еще и объявление вне закона со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Великий реформатор имел все основания для того, чтобы постараться обеспечить Афинам защиту от новых попыток установления тирании. Ибо в последней трети VI века как никогда ранее возросла опасность того, что полис попадет под деспотическую власть одного человека, поскольку растущие долги земледельцев, их угнетение и даже обращение в рабство создавали невыносимые условия, грозящие революционным взрывом. Если крестьянство еще было настроено против Килона, то теперь какой-нибудь знатный господин, пообещав радикальные изменения и, возможно, передел земли, мог стать во главе ожесточенного крестьянства и имел бы гораздо больше шансов на единоличное правление. Солон сам был свидетелем тому, насколько широко на рубеже веков были распространены среди афинской аристократии подобные настроения. В стихах Солона к Фокию один из них якобы безрассудно бранит его за то, что когда боги дали ему имение, он им пренебрег; когда добыча была уже в его сетях, он их не затянул и, казалось, что мужество и разум покинули его. Я предпочел бы, продолжает рассказчик, достичь владычества, получить большое богатство и хоть один день как тиран править Афинами, а потом пусть с меня сдирают кожу и уничтожают весь мой род. Так думали тогда не единицы, иначе Солон не стал бы порицать людей своего сословия за безудержное стяжательство и бессовестную заносчивость, которые олицетворяли для него одну из черт тирании. Если вове-

мя не предотвратить ее, то тирания налетит как буря и повергнет ничего не подозревающий народ в рабство. Ибо нелегко свергнуть того, кто однажды стал владыкой над нами всеми.

Стихи Солона не только раскрывают тайные желания неких знатных афинян, они свидетельствуют также о его мужественной борьбе против опасности насилия над обществом, грозящей со стороны честолюбца. Он противопоставляет ей мысль о справедливом разрешении существующего кризиса, которое воздаст каждому сословию по заслугам. Солон проводит еще более однозначное и резкое различие, чем это делалось тогда даже в Дельфах, между личным произволом и надличным порядком, между эгоизмом и обязанностями перед полисом, между грубой силой и угодным богам правом. Законность становится подлинным фундаментом полиса больше, чем аристократическое общество, пекущееся только о своих интересах. Кто злоупотребляет богатством и властью, не может обуздать свою жажду властвовать и копить и в конечном счете хочет силой установить тиранию, тот столкнется не только с завистью и ненавистью своего сословия, он станет врагом и губителем общества. Здесь впервые с такой решительностью показано непримиримое противоречие между тираном и автономным правовым государством. Солон сам действовал в соответствии с этим положением, когда он, человек знатного рода, но без особого богатства, в 594 году был избран архонтом и в качестве «примирителя» получил исключительные полномочия, не ограниченные одним годом. Он сознательно использовал их для предотвращения попыток установления тирании. Гордость, с которой он ставит это себе в заслугу, а также непонимание аристократией его позиций создают впечатление, что происходило нечто необычное. Появилась личность, одержимая идеей права, беззаветно преданная идее правового государства на своей родине. Чтобы его укрепить, Солон начал с того, что отменил амнистию для приговоренных за склонность к тирании. Он дополнил положения Дракона о судебном преследовании за попытки установления тирании и довел до сведения

граждан, что против каждого, кто будет подозреваться в угрозе существующему государственному порядку, после донесения об этой угрозе ареопагу будет возбуждаться процесс.

В наши задачи не входит рассказ о социальных реформах Солона, его тимократическом* порядке в обществе и обширном законотворчестве. В рамках нашей истории тирании достаточно сказать, что были отменены долги, а также окончательно устранено долговое рабство, но не был осуществлен передел земли, чего ожидали мелкие землевладельцы. Следует также подчеркнуть, что градация политических прав в зависимости от доходов оставляла руководство государством в руках аристократии — поскольку она оставалась богатой, несмотря на аннулирование долговых обязательств ее крестьянских должников и потерю заложенных ими земельных участков, — но в то же время значительно расширяла круг полноправных граждан. Ибо отныне все члены четырех аттических фил, даже если они не имели земельной собственности и не могли вооружиться как гоплиты, имели право участвовать в народном собрании и, насколько можно верить преданию, в новоучрежденном народном суде. Далее, поскольку критерием принадлежности к одному из четырех классов теперь служил не только аграрный доход, а Солон в интересах пополнения казны пытался поднять также торговлю и хозяйство, то слой ремесленников и благодаря этому вообще городское население приобрели большое значение — начало развития, которое впоследствии привело постепенно к изменению экономической и социальной структуры в Аттике. Однако до этого еще не дошло, основой общества оставались собственники земли и знатные роды доминировали в нем, несмотря на ограничения, установленные Солонем. Ошибкой было бы считать, что они приняли его идеи и старались осуществить его пророческие мысли о полисе как о жизненном порядке, который регулируется законом, сознательно исполняется и охраняется каждым гражданином. Их

* От τιμή — стоимость; наделение политическими правами в зависимости от имущественного положения.

сломленная воля к власти угрожала его делу уже в те годы, когда оно начиналось; да, опасность тирании грозила вновь, несмотря на законы, которыми он надеялся ее предотвратить.

Уже в 590/589 и 586/585 годах вследствие внутренних смут, причины которых мы не знаем, не был избран архонт. *Дамасий*, получивший эту должность в 582 году, противозаконно утвердился в ней более чем на два года, пока его не сместили силой. Известно, что в руках архонта тогда была сосредоточена большая власть и что между аристократами велась ожесточенная борьба за этот пост. Далее, известно, что в старые времена нередко исполнение должности с большими полномочиями служило первой ступенью к тирании; это ясно видно в случае Дамасия. Примечательно, что после его свержения была сделана попытка превратить должность архонта во властный орган из десяти человек, чтобы устранить такую опасность, но это искусственное упорядочение продержалось недолго, лишь год. Впрочем, после неудачи Дамасия архонат больше не считался хорошим трамплином на пути к установлению тирании, так как о подобных попытках больше ничего не сообщается и человек, который 20 лет спустя стал властителем Афин, пошел другим путем. Существовало убеждение, по крайней мере с IV века, что Солон, которому после проведения реформ пришлось на длительное время оставить страну, после своего возвращения застал начало диктатуры Писистрата и пытался противодействовать ей мирными средствами. Несмотря на весь легендарный орнамент, которым уже довольно рано изукрасили взаимоотношения этих двух людей, правдивость рассказа не подлежит сомнению, ведь сохранились стихи Солона, которые открыто предостерегают от хитрости Писистрата и винят афинян в том, что они сами помогли ему стать тираном.

Солон действовал на фоне социального произвола и сумел в значительной степени смягчить его, но не остановил окончательно. Он сам признавал, что его решение аграрного вопроса не удовлетворило ни знатных, ни мелких землевладельцев. Если одни не могли примириться с радикальным

аннулированием долговых обязательств и потерей заложенных им земель, то другие, обрабатывающие скудный клочок земли, чувствовали себя обманутыми в надеждах на ее новый передел. Подобная ситуация с некоторыми отклонениями существовала в той или иной степени во всей Аттике. Она давала отдельным аристократам возможность собрать большое количество сторонников в той области, где их род постоянно проживал или пользовался влиянием, и во главе их добиваться руководящего положения, если не тиранни. Предание называет трех таких людей, которые, естественно, были соперниками: во главе педиев, то есть в основном землевладельцев-аристократов из Кефисской долины и их окружения, стал Ликург, сын Аристолаида из рода Этеобутадов; вождем паралиев, жителей приморской полосы Саронического залива и соседних областей, стал Алкмеонид Мегакл, сын Алкмеона и супруг дочери сикионского тирана Клисефена Агаристы; гиперакриями, или диактиями, зовутся жители гористой области восточной Аттики, которые были сторонниками происходившего из этой области Писистрата. Если верить пояснениям Аристотеля, Ликург стремился к олигархии, то есть восстановлению прежнего аристократического порядка; Мегакл придерживался средней линии, то есть следовал за Солоном, тогда как Писистрат в большей мере склонялся к низшим слоям народа (демосу). Однако эта государственно-теоретическая схема философа слишком очевидна, чтобы такое толкование могло стать значительной исторической традицией. Неправдоподобно ни однозначное социальное различие трех групп, ни различие трех политических установок. В стремлении к главенствующему положению в первую очередь нужно объединять вокруг себя недовольных. К ним, кроме бедных землевладельцев гористой местности, относились, очевидно, верующие, которые не могли примириться с Солоновым отпущением грехов; далее, люди не совсем чистого происхождения, которые беспокоились за свои права гражданства, поскольку его законность и даже принадлежность к одной из четырех родовых фил могли быть оспо-

рены. Вероятно, наемные работники также ожидали от него улучшения своего положения, причем не только в диакрии, но и имешо в городе, где, очевидно, их защита обеспечила Писистрату личную охрану. В конце концов к нему присоединилось еще несколько аристократов. Эти разнородные сторонники, примкнувшие отподоь не по региональному принципу, оказались не только самой революционной, но и самой сильной из группировок, вожди которых в конце 60-х годов боролись за власть.

2. Писистрат

Писистрат, сын Гиппократа, происходил из аристократического рода, который вел свое начало от пелопоннесского героя Нелея и предположительно находился в родстве со старым аттическим царским домом. Родство матерей Писистрата и Солона не подлежит сомнению, напротив, маловероятно, что Солон был поклонником молодого Писистрата. Одноименный предок был в 669/668 годах архонтом. Впоследствии рассказывали об устрашающих предзнаменованиях, которые являлись его отцу до рождения будущего властителя около 600 года, впрочем, это было частым сюжетом в рассказах о тиранах. О детстве и юности этого исключительного человека нам ничего не известно. Его политическая деятельность началась в 60-е годы, когда он занимал должность полемарха. Тогда в войне против Мегары он командовал аттическими войсками, завоевал гавань города, Нисаю, и отличился прочими подвигами. Доказано, что он вновь отвоевал у мегарцев остров Саламин, который афиняне потеряли еще в VII веке. Во всяком случае, слава, которую приобрел Писистрат в военных походах, способствовала усилению его положения на родине, где он теперь собирал вокруг себя крестьян из гористых областей (гиперакриев) и другие недовольные элементы. Так как его сторонники, очевидно, составляли большинство в народном

собрании, то первый шаг к тирании мог быть сделан легально. Писистрат продемонстрировал ранение, которое, скорее всего, нанес себе сам, как доказательство козней своих врагов. Этим он достиг того, что по предложению Аристиона (вероятно, его друга из знати) было решено приставить к нему вооруженную охрану из городских жителей. Это дало ему возможность в конце 60-х годов занять Акрополь и благодаря этому завладеть Афинами.

Захват крепости был средством установления тирании, которым уже воспользовались Килон и наверняка и другие властители. Но то, что он произошел с помощью лейб-гвардии, приставленной по решению народного собрания, было так же ново, как и само признание этой лейб-гвардии. Периандр, захватив власть, создал себе гвардию из копьеносцев; Писистрату же большинство народа Аттики добровольно вручило это средство для достижения власти, которое раньше не без основания считалось особым признаком тирании. До сих пор он был защитником (просто-таки) недовольных, которого потомки могли даже поставить в этом качестве в один ряд с Солоном, Клисфеном, Периклом и другими народными вождями; однако, заняв Акрополь, он стал властителем над общиной, включая и свое сословие, которое должно было либо склониться перед ним, либо покинуть Афины. Мильтиад, сын Кипсела из рода Филаидов, чувствовал себя до такой степени подавленным тиранией, что — разумеется, не против воли Писистрата, который охотно от него избавился — выехал вместе с группой колонистов-добровольцев и основал собственные владения в Херсонесе Фракийском. Свод законов Солона тиран сохранил и в его рамках с помощью сильной группы сторонников утверждал свою волю. Старался ли он удовлетворять их желания, остается под вопросом, об этом предание умалчивает, а срок его владычества был слишком краток. Прежде чем оно успело укорениться, Ликург и Мегакл, объединив своих сторонников против Писистрата, положили ему конец. Вероятно, это произошло в сравнительно мягкой форме, поскольку об осуждении на основании закона о тирании не было и речи. Писистрат, по всей

видимости, смог в неприкосновенности остаться в Аттике. Когда же через несколько лет после лишения его власти оба его противника вновь рассорились, Мегакл завязал с ним отношения. Сам зять тирана и, как многие аристократы, не свободный от тиранических тенденций, он обещал ему свою поддержку при восстановлении тирании, если Писистрат возьмет в жены его дочь. Писистрат согласился на это, возвратился в город и попытался вторично установить владычество над Афинами (предположительно в 558/557 годах). Кроме Алкмеонидов к нему присоединились на этот раз и другие аристократы, как, например, полемарх Харм или Сократ из округа Паяния, отец девушки по имени Фия. Писистрат распространил слух, что сама богиня Афина будет его сопровождать, и, действительно, наряженная Афиной девушка, та самая Фия, в шествии, напоминавшем процессию, провела его на глазах изумленного и молящегося народа по улицам вверх к крепости, которую он, очевидно, опять занял. Если у тирании и не было законной основы, то теперь она должна была казаться желанной богине — покровительнице города, что должно было придать ей законность.

Бракосочетанию Писистрата с дочерью Мегакла, которую, как и ее бабушку, супругу Алкмеона, звали Койсира, уже предшествовали два его брака. До середины 60-х годов он женился на афинянке, которая родила ему трех сыновей: Гиппия, Гиппарха и Фессала, и как минимум одну дочь. Наряду с этой супругой у него была еще одна, побочная жена, Тимонасса из Аргоса, дочь Горгила и вдова Кипселида Архина из Амбракии, который, скорее всего, вряд ли был там тираном. Она подарила Писистрату двух сыновей Эгесистрата и Иофона, первый из которых, родился, вероятно, до 560 года. Поскольку их мать не была афинялкой, позднее, согласно закону о правах гражданства 451/450 годов, они считались некровными, тем не менее в свое время они приравнивались к сыновьям аттических жен, даже если по понятным причинам не могли считаться наследниками тирании в Афинах. Как Кипсел и Периандр, каждый из которых имел не менее двух жен, устраивали сыновей побочной жены вне родного города, так же поступил

Писистрат с Эгесистратом. Бракосочетание с дочерью Мегакла не причинило ущерба положению Тимонаussy и ее сыновей, но оно могло сказаться на наследовании сыновьями от первой афинской супруги и оскорбить ее саму, хотя мы не знаем, была ли она к тому времени жива. Однако Писистрат, который вступил в брак с аргивянкой из политических соображений, не собирался допустить подобных последствий; принимая во внимание интересы подрастающих сыновей, он не вступил в законную связь с дочерью Мегакла. В то же время для старших сыновей он определил будущих супругов: Гиппий должен был жениться на Миррине, дочери полемарха Харма, а Гиппарх — на дочери Сократа Фие. Возможно, что его собственная дочь уже тогда была обручена с афинянином Фрасибулом.

Понятно, что Мегакл, который возлагал большие надежды на возможных внуков, а также на собственное участие в правлении, был глубоко уязвлен поведением Писистрата и предъявил ему свои претензии. По недостоверным данным, Писистрат заявил ему, что не желает иметь детей от представительницы рода, отягощенного грехом убийства. Очевидно, хитрый партнер хотел с его помощью только прийти к власти, чтобы затем оттеснить его. Но если Писистрат считал, что сможет без Алкмеонидов и их помощи удержаться у власти, он глубоко ошибался. Мы не знаем, была ли к нему вновь приставлена лейб-гвардия и смог ли он опереться на своих прежних приверженцев, для удовлетворения которых, как и во время первой тирании, кажется, опять ничего не предпринималось. Дело не в этом. Ибо как только оскорбленный Мегакл обратился к Ликургу, им обоим не составило труда вторично свергнуть тираниа (556/555 годы). На этот раз его преследовали на основании закона о тирании: Писистрат был изгнан, его имущество конфисковано и распродано с аукциона, но на покупку отважился единственный афинянин, Каллий, сын Фемиппа, заклятый враг тираниа.

Вероятно, еще до того, как ареопаг вынес приговор, отвергнутый тиран покинул Аттику, но не для того, чтобы проводить свои дни в печальном изгнании. Как и некото-

рые аристократы архаического времени, вступившие в конфликт со своей родиной, он организовал колонизационный поход, который должен был обеспечить ему новую власть, а его соратникам, отважившимся отправиться с ним, — землю. Вероятно, с согласия царя он обосновался на северо-западе Халкидики в местечке Рекел у Фермесского залива. Оттуда он через какое-то время перебрался в расположенные восточнее устья Стримона Пангейские горы, где, по рассказам, добыл сокровища и взял на службу наемников. Не может быть сомнения, что речь идет о разработке месторождений золота и серебра, которые теперь принадлежали Писистрату. Неизвестно, произошло ли это с помощью жителей Рекела или его сопровождающих. Известно лишь, что этот энергичный человек поставил себе на службу Пангейские рудники, ведь и в последующие годы оттуда к нему текли значительные средства. Высокая стоимость серебра и золота тогда, а также новые возможности, которые сулила постепенно распространившаяся чеканка монет, сделали рудники для Писистрата источником не только большого богатства, но и военной силы. Они позволили ему набрать наемников в большом количестве и объединить вокруг себя общины и аристократов в окрестностях Аттики. Цель, которую он этим преследовал, была достигнута. Позже он расположился со своими наемниками в Эретрии и приступил к подготовке повторного установления своей тирании в Афинах, к чему его на совете с сыновьями побуждал особенно Гиппий. Те, кого он ранее облагодетельствовал, и прежде всего аристократия Фив, выразили теперь свою признательность и поддержали его предприятие денежными пожертвованиями. Поддержку оказали также «всадники» Эретрии и наконец Лигдам, который на своей родине также стремился к тирании и надеялся достичь ее с помощью победоносного Писистрата. Тысячу добровольцев привел к нему Эгесистрат, его младший сын от Тимонаussy, с ее родины Аргоса. Благородных господ из чужих городов так же мало заботило то, что речь идет о восстановлении тирании, как некогда женихов Агаристы — тирании ее отца.

Прошло десять лет со времени второго свержения Писистрата, когда он в 546/545 году с Эретрии высадился на противоположащее побережье Аттики. Насколько нам известно, это был первый случай, когда властолюбец начал противоправный военный поход, поддерживаемый чужими войсками, пытаясь установить владычество над своим родным городом. За высадкой последовал захват афинских окрестностей. Тотчас же объявились многочисленные старые сторонники из ближайших горных районов, тогда как в городе серьезность положения поняли лишь тогда, когда Писистрат собрался выступить из Марафона. На полдороге, около святилища Афины в Паллене, он столкнулся с противником. Можно сомневаться в рассказе Геродота, что афиняне проявили вялость и небрежность, во всяком случае, Писистрат, вдохновленный предсказанием провидца Амфилига, одержал победу и обратил аттические отряды в бегство. Его сыновья вели агитацию среди противников, успокаивая их и уговаривая разойтись по домам. Взяв без боя город и вновь заняв крепость, Писистрат в третий раз стал властителем Афин. Он остался им до самой смерти (528/527 г.).

Средства, которыми он на этот раз достиг владычества, коренным образом отличались от примененных при прошлых попытках узурпации; однако и тирания его теперь была иной. Мероприятия, посредством которых он ее устанавливал и поддерживал, свидетельствуют, что Писистрат считал себя завоевателем и абсолютным владыкой «добытой копьем» Аттики. В основном он прибегал к двум мерам: разоружению граждан и обложению налогом доходов с земли. Сюда же относились и силовые меры предосторожности, направленные против его аристократических врагов: часть их пала в бою, другие более или менее добровольно покинули страну, но большинство наверняка остались в Аттике. Сыновей последних, чтобы держать их семьи в страхе, Писистрат велел взять в заложники и отправить на Наксос, который он захватил и отдал в благодарность своему помощнику Лигдаму. Таким образом, все

происходило так, как если бы Аттику покорил чужой монарх.

Разоружение граждан поддерживает Аристотель, который, как и Геродот и Фукидид, говорит о Писистрате без враждебности. Он рассказывает также о примененной хитрости, без которой подобный акт был бы вряд ли осуществим. И давшие Геродоту, что господство тирана основывалось на наемных войсках, и замечание Фукидида, согласно которому войны во времена тирании велись Писистратидами, предполагают бездействие народного ополчения граждан. Впрочем, после завоевания Аттики разоружение было необходимо для обеспечения личного владычества тирана, тем более что его старые сторонники, сохранившие ему верность даже после разочарований в ранний период тирании, были преимущественно бедными людьми и не имели собственного вооружения. Из их рядов были доукомплектованы или образованы как наемные войска, так и вооруженная лейб-гвардия, тогда как наемники при вторжении из Эретрии, вероятно, состояли преимущественно из неаттических элементов. Разоружение лишило афинских гоплитов определенной части их мужского достоинства, но в то же время дало и определенные преимущества, ибо теперь они могли без помех возделывать свои поля, заниматься своим промыслом или ремеслом и вообще выполнять свою обычную работу. Поскольку Писистрат заботился о мире и поддерживал спокойствие, позднее его правление сравнивали с золотым веком Кропоса. Предположительно, сразу же после разоружения властитель объявил, что люди могут заниматься своими личными делами, а об общественных нуждах он позаботится сам, — слова, которые со всей ясностью показывают противоречие между господством тирана и государственной мыслью Солона, требовавшего сознательного участия граждан в государственных делах. Впрочем, политическое сознание простого человека, вопреки Солону, и теперь еще не было настолько развито, чтобы воспринимать новое состояние как недостойное. Иначе обстояло дело с аристократией, которая восприняла разоружение как тяжелое унижение своей сословной чести.

Не менее решительной была и вторая основная мера — ежегодное повышение земельного налога в пользу тирана, которое коснулось всех землевладельцев, и крупных, и мелких. Она ясно показывает, что Писистрат считал себя владельцем всей земли Аттики, завоеванной им; так же, очевидно, он присвоил и рудники в Лаврийских горах. Геродот считает, что основной опорой его тирании, кроме наемников, были доходы, поступавшие частью из Аттики, частью с Пангейских рудников; Аристотель же четко называет «десятину» от урожая, то есть регулярно выплачиваемый прямой налог в размере 10 процентов. Об обложении налогом свидетельствует и часто передававшийся анекдот: тиран спросил крестьянина с Гиметских гор, который трудился на своем каменном участке, каков урожай с этой земли, и получил ответ: «Ничего, кроме труда и нищеты, и даже с этого десятую часть — Писистрату». Без сомнения, властитель повышал налоги в свою пользу, а не в пользу общины Афин, которая ни до, ни после тирании не знала таких налогов. Другой источник дохода тирана — серебряные копи в Лаврийских горах. Добываемый там драгоценный металл вместе с тем, что давали Пангейские рудники, дал ему возможность чеканить монету и тем самым оплачивать наемное войско, а также расходы на строительство, празднества в честь богов и содержание собственного двора. Ссуды, которые он часто предоставлял крестьянам, в основном состояли из посевного зерна, получаемого в счет натуральной выплаты земельного налога. Поступления от пошлин и рыночных сборов оставались, очевидно, в общине, которая, таким образом, как и прежде, удовлетворяла свои финансовые потребности. Наконец, следует помнить и о личном состоянии Писистрата, которое он после возвращения, разумеется, вернул себе, затем о конфискованном имуществе изгнанных или эмигрировавших аристократов. Остается неизвестным, передавал ли Писистрат эти земли своим сторонникам или предназначал для заселения мелкими землевладельцами.

Вообще же — как и везде — сильнее всех от тирании пострадала аристократия. Дело заключалось не только в

том, что Писистрат вновь возвысился над своим сословием. Аристократия гораздо болезненнее, чем народ, восприняла разоружение и налогообложение в пользу тирана. Некоторые сочли за лучшее бежать от нового порабощения. Алкмеониды, которые полностью порвали с Писистратом в 556 году, после битвы при Паллене покинули страну; Каллий, который уже был заклятым врагом тирана и 10 лет назад купил на аукционе его имущество, последовал за ними; преемник оратора Андокида сообщает то же и о нем. Изгнание стало также судьбой близкого дому Филаидов Кимона по прозвищу Коалемос (болван), сводного брата того Мильтиада, который некогда не смог вынести тиранию и организовал поход колонистов во Фракийский Херсонес. Алкмеониды благодаря своему богатству хорошо устроились и вне Аттики; так, Кимон в изгнании дважды участвовал в Олимпийских играх и одержал на своей квадрате две победы (очевидно, в 532 и 528 годах). Однако большинство аристократов остались на родине. Тиран пытался, пусть и не сразу, установить с ними сносные отношения. В конце концов он вернул им сыновей, взятых в качестве заложников. Согласно рассказу Аристотеля, правда, очень благосклонному, он часто общался с ними лично и сумел привлечь их на свою сторону. С другой стороны, наверняка многие из этих людей, видя, что тирания стала свершившимся фактом, сами по себе искали контакта с властителем, чтобы улучшить свое положение. Даже изгнанный Кимон посвятил свою победу Писистрату и благодаря этому выражению подобострастия получил разрешение вернуться.

Умеренное и умное поведение тирана упрочило его владычество, но нельзя считать, что аристократия была полностью обессилена. Поскольку Писистрат, как будет показано ниже, заботился о том, чтобы на ведущие должности в полисе по возможности избирались члены его семьи или преданные люди, аристократы были лишены политического поля деятельности. Даже если они и попадали на такую должность, то под наблюдением тирана о самостоятельных действиях не могло быть и речи. В связи с разоружением для

них вряд ли существовала возможность внешних акций, например, пиратских набегов и т. п. Итак, эти люди, если только они не стали приспешниками тирана, чувствовали себя изгнанными в частную жизнь, в безобидные спортивные соревнования, в область чувственных и духовных удовольствий, то есть в существование, которое вели их собратья по сословию на малоазийском побережье, под персидским владычеством, к чему они вообще-то были склонны от природы. Возможно, после победы персов (545 год) беженцы оттуда прибыли в Афины. Насколько ионический стиль жизни проник в Аттику в период тирании, позволяют судить произведения изобразительного искусства. С уходом в сферу частной жизни связано широкое распространение тех религиозных учений и обрядов, которые позволяли погрузиться в другой мир: Элевсинские мистерии* с их обещанием духовного бытия после смерти, орфика** с ее стремлением к преодолению индивидуального бытия и последнего соединения с всебожественным, культ Диониса, который во хмелю позволял забыть горечь повседневности. Было ли это бегством в мистику, или потребностью в ритуальном порядке, определяющем нерушимый закон жизни, или желаниями, которые не могла удовлетворить жизнь общины, искаженная тиранией, — во всяком случае, удовлетворения искали в других сферах, но не в полисе. Даже покровительница города получала в это время мало даров от знати. Ведь власть над ее краем захватил насильник, которого она вела уже при первом его возвращении, а после победы у ее святилища в Паллене он считал себя с ней окончательно связанным. При подобных обстоятельствах уже не играла роли та предупредительность, которую в поздние годы выказывал Писистрат своим соратникам по сословию. Настоящую симпатию к своему владычеству он

* Афинские общегосударственные празднества в честь Диониса, Деметры и ее дочери Персефоны. Проводились в г. Элевсине.

** Орфический культ (от мифического певца Орфея) имеет древнюю и сложную природу. В определенной степени как народный (дионисийский) культ противопоставлялся аристократическому (олимпийскому, аполлоническому).

мог ожидать не от аристократии, а в лучшем случае от сельского населения и городских ремесленников.

Что касается отношения тирана к крестьянам, то уже разоружение средних землевладельцев, исполняющих службу гоплитов, часть которых составляла дружину его противников, свидетельствует о том, что он и не рассчитывал на их поддержку. Крупные же землевладельцы не участвовали в установлении третьей тирании, так что Писистрат, владычество которого основывалось на богатстве и наемниках, мог чувствовать себя гораздо менее обязанным им, чем во времена около 560 года. Некоторым из них он роздал участки конфискованных земель аристократов, поскольку теперь с целью получения земельного налога был заинтересован в интенсивном ведении хозяйства на аттических землях. Однако анекдот о бедном крестьянине из Гимета отражает не только плачевное положение горных землевладельцев, но и то, насколько тяжело им было платить десятину (кстати, анекдот заканчивается тем, что Писистрат снимает с этого крестьянина десятину). По другим сведениям также видно, насколько Писистрат был озабочен приумножением своих доходов путем повышения земельного налога. Поэтому, сказано у Аристотеля, он часто принимал инспекционные поездки и вызывал судей на места (в демы) для упрощения процесса. Теперь крестьянину не нужно было из-за каждого мелкого судебного дела ехать в город и отрываться от полевых работ. По-видимому, этим мероприятием тиран положил конец остаткам частной аристократической юрисдикции. Двойную цель преследовали также ссуды, предоставление посевного материала или упряжки волов нуждающимся земледельцам, прежде всего тем, кому необходимы были средства производства для обустройства выделенной им земли: во-первых, росло производство, а во-вторых, облагодетельствованные крестьяне тянулись теперь к тирану, а не к своим знатым господам. Поездки судей в демы также имели и другой аспект, который выделяет Аристотель: Писистрат боялся — как Перикл и Клисфен — что сельское население, участвуя в народном собрании или просто в сборищах народа в городе,

может создать для него неприятности. Поэтому он стремился к тому, чтобы крестьяне рассредоточено жили на своей земле в умеренном благосостоянии, занятые собственными делами, не имели ни времени, ни желания вникать в общественные дела. Чтобы сразу распознавать их в городе, он, следуя примеру Клисфена, повелел им носить постоянно свою сельскую одежду. Все это не позволяет видеть отношения тирана с сельским населением только в розовом свете, как это иногда пытаются делать. В конечном счете крестьяне были довольны: в бедственном положении они получали материальную поддержку; им была обеспечена мирная жизнь, не прерываемая призывами в ополчение; умный властитель относился к ним мягко и снисходительно; и, наконец, оттеснение в частную сферу политически еще не зрелого сельского населения переносилось им легче, чем аристократией. Можно было даже смириться с земельным налогом тирана, если под его защитой процветало собственное хозяйство.

Но больше всего господство Писистрата пошло на пользу неумиющему городскому населению. Какой-то части из них возможность прожить давала служба в наемных войсках, а также работа на многочисленных стройках тирана, о которых будет сказано ниже. Ремесленники также извлекали выгоду от заказов на свои изделия. Поэтому явно не случайно, что как при Кипселидах коринфская, так при Писистрате аттическая керамика переживала расцвет: чернофигурные, а затем краснофигурные сосуды экспортировались в дальние страны и вытесняли с рынка любых конкурентов. Склонность к техническому прогрессу, свойственная некоторым тиранам, была не чужда и афинскому властителю. Подобно Феагену и Периандру, он подвел к городу водопровод, который заканчивался вблизи рынка государственным водоразборным портиком с девятью отводами. Водопровод облегчил жизнь прежде всего городской бедноте. Правление Писистрата напало на наибольший отклик именно у бедноты и ремесленников, потому что они были обязаны ему улучшением своего социального положения, а некоторые даже получением прав гражданства, ко-

торос до сих пор у них оспаривалось. В самом опасном для него месте подвластной территории, в городе, тиран сделал так, что часть народа чувствовала себя чем-то ему обязанной.

И все же основанное на голом насилии господство не могло бы продолжаться десятилетиями, если бы его суровость не смягчалась привлекательной, умеренной и во многих отношениях выдающейся личностью Писистрата. Он относится к тем немногим тиранам, которые не оставили по себе плохой памяти. Положительную оценку, которую дают ему Фукидид, историографы Аттики и Аристотель, можно объяснить тем, что в их времена возможность демократических свобод была сомнительна, однако Геродот свидетельствует, что даже в эпоху Перикла, несмотря на страстное отрицание тирании, образ Писистрата никогда не дискредитировался. И много позже пересказывали различные истории о его самообладании и хладнокровии, широте натуры и чувстве юмора; рассказы, свидетельствующие об отсутствии мелочной мстительности, переходили из уст в уста. То, что он избегал излишней роскоши, отличался простым образом жизни и умеренными вкусами, подтверждает не только Аристотель, но и Феопомп, любящий описывать роскошную жизнь тиранов. В древности Писистрата иногда даже причисляли к семи мудрецам. В нем сочетались природная доброжелательность и умный расчет: в некоторых случаях он охотно прощал; в своих неохраемых садах безнаказанно допускал кражу продуктов для пропитания; когда же однажды его обвинили в убийстве, он явился перед ареопагом по вызову в суд, но обвинитель отказался от своего навета. Великий оратор, каким был Писистрат, умел ввести в заблуждение относительно истинного положения дел и простодушную толпу, и современного историка, заставляя видеть в нем не тирана, а скорее исполненного ответственности правителя. Впрочем, Геродот подтверждает, что при первой тирании были сохранены должности и устав полиса. Аристотель, не делая различия между первой тиранией и третьей, добытой силой, замечает, что Писистрат при решении общественных задач действовал скорее в духе

полиса, а не как тиран, но тогда остается вопрос, каким же в действительности было правовое и политическое отношение властителя к полису Афины после победы при Паллене.

Иначе, чем некогда истмийские тираны, Писистрат противостоял в Афинах государству нового типа, которому Солон придал форму и в который вдохнул новый дух. Этот организм властитель Аттики не затронул и не занял в нем привилегированного в правовом отношении положения. Аристотель показывает это достаточно ясно и в виде примера приводит появление тирана перед ареопагом в качестве обвиняемого. Это подтверждается также тем, что Писистрат не занимал ни одну из высших должностей в полисе длительное время или без выборов, а прилагал усилия лишь к тому, чтобы на высших выборных должностях по возможности находились члены его семьи или, по крайней мере, сговорчивые люди; поскольку же бывшие архонты заседали в ареопаге пожизненно, он мог оказывать тем самым решающее влияние на его состав. Такую тактику мог бы осуществлять любой влиятельный гражданин, и некоторые аристократы до Писистрата так и пытались действовать, но за ними не стояли сторонники в городе, постоянно готовые к действию, а главное, не было той военной силы, которая делала пожелания Писистрата непрекаемыми. Эта власть имела частную природу, что было неудивительно в те времена, когда аристократы на свой страх и риск вели дела за рубежами родины и даже иногда становились тиранами отдаленных полисов, не теряя при этом права гражданства в родном. Особенным же в случае Писистрата было то, что он силой покорил родной город и навязал ему свою волю. Даже если он затем формально оставался в рамках законного порядка, то фактически это была монархическая власть, опиравшаяся на наемные войска и обложившая граждан налогами в свою пользу. При ней, как отмечал Аристотель, законы Солона стали «невидимыми», дух его законов больше не ощущался. Пытаться видеть в Писистрате, у которого преобладала воля к личной власти, свойственная аристократии, хранителя этих законов или вождя и представителя аттического полиса наподобие Перикла

означает не только не осознавать различия между архаическим и классическим временем, но и не понимать сущности его тирании и вообще ранней тирании.

Разумеется, умный правитель не афишировал власть, которой он фактически пользовался, и присоединялся к общине в тех вопросах, которые сулили ему преимущества или, по крайней мере, не приносили потерь. Серебро, которое Писистрат получал из Пангейских и Лаврийских рудников, с 546/545 годов, по-видимому, чеканилось в виде так называемых гербовых монет, различные эмблемы которых указывает на тирана, а не на полис Афины. Нам совершенно не известно, начал ли Писистрат чеканку и выдачу монет по единоличному решению или заставил принять такое решение народное собрание. Последнее не кажется невозможным. Бесспорные данные свидетельствуют, что некоторые из приписываемых Писистрату законов могли быть не распоряжениями тирана, а решениями народа, принятыми на основе его представления, которое мог бы сделать любой гражданин. Ограничение роскоши погребений, подтверждаемое археологическими данными, было установлено одним из таких законов; Перикл также пресекал похвальбу знати своим богатством. Другие законы, как, например, об обеспечении инвалидов войны, против тунеядства, скорее всего, были приписываемы Писистрату благосклонным к нему преданием IV века, тогда как в действительности они восходят к Солону. Второй из этих законов, который поддерживал его обеспеченные усилия по интенсификации сельского хозяйства и предотвращению сборищ народа, тиран поддерживал и еще больше ужесточил. Причина заботиться об инвалидах войны появилась у него около 560 года после войны с Мегарой, а не в поздний период его владычества. Аристотель сообщает, что закон расширил круг полноправных граждан, но остается неясным размах этой меры, направленной на удовлетворение интересов старых сторонников Писистрата и привлечение новых. Наконец, по его предложению был принят закон о разъездных судьях — нововведение, которое, как и другие, служило укреплению тирании и одновременно удовлетво-

ряло практические пужды, так что республика, сначала отменившая его, позже (453/452 год) ввела снова. То же сочетание личных и общественных интересов, отличавшее Писистрата, характеризует и его отношение к религии.

Афины, которая со времен Солона считалась божественной защитницей аттического полуса, тиран использовал в театрализованном шествии уже во время своего первого возвращения. Нет доказательств, что он заложил основы великого праздника Панафиней, отмечаемого каждые четыре года. Праздник был учрежден как раз за несколько лет до его первого государственного переворота (566/565 гг.). Однако именно при тиране этот праздник приобрел свое выдающееся значение, и позднее его сыновья руководили движением процессии. Кроме того, властителю было на руку, что он, с одной стороны, удовлетворял честолюбие местной аристократии в Афинах, а с другой стороны, устранял возможность опасной для него встречи афинской знати с изгнанными собратьями по сословию в крупных панэллинских центрах. По-видимому, сам Писистрат не участвовал ни в Олимпийских, ни в Дельфийских играх, и лишь благодаря Кимону Коалемосу его имя выкликали на апофеозе* в числе победителей. У него были довольно напряженные отношения с Дельфийским святилищем, которое, по-видимому, уже тогда благоволило Алкмеонидам. Возникла даже легенда, что пожар в храме Аполлона в 548/547 году устроил Писистрат. Растущая враждебность тирана к оракулу, озабоченному сохранением законного порядка, препятствовала, очевидно, хорошим отношениям, хотя ничего не известно о предсказании Писистрату или его сыновьям. С другой стороны, у Писистрата не было оснований отказать пифийскому богу в уважении и он всячески способствовал укоренению его культа. Однако в первую очередь тиран старался воздавать почести Афинам, покровительнице его самого и его города. В ее честь на Акрополе было начато строительство храма, заменившего более ранний, на

* Апофеоз — обожествление. Победители соревнований — олимпийцы — пользовались в Греции большим почетом, иногда даже обожествлялись.

месте будущего Парфенона. Вероятно, Писистрат или его сыновья начали строительство торжественной арки на пути к священному месту. Сыновья продолжили или осуществили кое-что из задуманного отцом, тоже озабоченные милостью могучей богини. Вместе с тираном культ богини поддерживали его сторонники. Среди жертвенных даров обращает на себя внимание большое число таких, которые принесены ремесленниками, вообще простолюдьям, тогда как имена крупных аристократических родов отсутствуют.

Трудно определить, какие из значительных культовых построек, начатых или законченных во времена тирании, можно приписать Писистрату, а какие его сыновьям. Гигантский храм Зевсу Олимпийцу, по образу и подобию диптеров, но в дорическом стиле, так и не поднялся выше фундамента. Было создано святилище Деметры Элевсинской, окруженное стеной с прекрасными воротами; в крепости Афин была возведена культовая постройка в честь Артемиды Бравронии*. Как к этой богине, так и к Дионису у тирана, вероятно, еще на родине сформировалось отношение, которое углубилось во время его пребывания во Фракии, стране дионисийских праздников. Хотя часто встречающееся утверждение, что Писистрат основал праздник «городских Дионисий», не находит подтверждения в предании, а постройка наиболее старого храма Диониса на Акрополе не может быть приписана ему с полной достоверностью, не подлежит сомнению, что он поощрял культ этого бога. Аналогично поступали уже Перикл и Клисфен. Определяющим при этом было не только особое почитание культа Диониса сельским населением, но и то обстоятельство, что дионисийская религия в те времена вообще больше отвечала потребностям отдельного человека и затрагивала в основном сферу приватного, которую владыка Афин и хотел сделать главной для своих граждан. У него, можно сказать, была политическая заинтересованность в этом неполитическом культе. Не меньший интерес вызывали у него и Элевсинские мистерии, которые также отвечали индивидуальным религиозным потребностям, но здесь им, вероятно,

* Владычица зверей.

руководило еще и желание умножить свою славу блестящей застройкой всеми посещаемого места. Мы не знаем, способствовал ли Писистрат тому, что в 30-е годы Феспид из аттического селения Икарии впервые представил трагедию; отношения с авторами трагедий не подтверждены ни для него, ни для его сына Гиппарха, который иногда привлекал в свой круг поэтов. Его духовные склонности и устремления были направлены по другому пути. Он распорядился, чтобы рансоды, выступающие на Панафинеях*, поочередно декламировали гомеровские песни в правильном порядке, к тому времени уже четко установленном. Здесь речь шла об аристократической поэзии, так же как проведение этого большого афинского праздника вообще было ориентировано на афинскую аристократию, во главе которой тиран появлялся во время процессии. Подобно властителям в других городах, как бы ни пытались Писистратиды выступать в роли вождей неаристократических слоев народа, они все же крепко держались за свое сословие. Библиотека, которую, если верить позднейшим данным, основал Писистрат, была собранием преимущественно эпических, то есть аристократических произведений.

После всего вышесказанного нельзя оспаривать то, что при Писистрате культовая жизнь Афин существенно обогатилась и город благодаря новым строениям приобрел еще больше блеска. Но вместе с тем нельзя и отрицать, что забота о культах и расходы на празднества и святилища производились не столько в интересах собственно религиозной жизни полиса, сколько в интересах тирана, будь то забота о благосостоянии богов, особенно Афины, будь то определенные политические соображения или, наконец, приумножение личной славы тирана. На эти цели расходовалась часть увеличенных Писистратом налогов. Пусть то, что он делал, шло на пользу обществу Аттики, но мотивом этого была жажда власти и тщеславие властителя. Все его деяния и поступки нужно рассматривать, исходя из его намерений и возможностей — это понял уже Аристотель.

* Общеаттический (всееафинский) праздник в честь Афины; ежегодно — Малые, раз в 4 года — Великие Панафины.

Личные цели, в меньшей степени интересы полиса определяли и внешнюю политику тирана.

Когда Фукидид замечает, что тираны архаического времени за пределами своего отечества не имели практически никакой власти, исключая мелкие пограничные междоусобицы, то это можно отнести и к Писистрату. Необходимость утвердить владычество над Аттикой с помощью наемных войск не давала ему возможности предпринимать наступательные походы. Неясно, было ли гражданам через какое-то время вновь разрешено владеть оружием, еще проблематичнее их участие в военных походах, поскольку данные предания этому противоречат. Напротив, участие афинян в основании колоний было не только возможно, оно было желательно для тирана, который таким образом мог обеспечить землей крестьянских детей и удалить из Афин недовольные элементы. Поэтому бедные люди, надеясь на получение участка земли и вообще улучшение своего положения, охотно откликались на его призыв принять участие в таком предприятии, даже если и на новом месте им пришлось бы платить тирану налоги. Нельзя сомневаться в том, что он рассчитывал получать налоги от заложенных колоний, которые в случае падения его власти в Афинах могли стать убежищем или базой для реституции. Теперь Писистрат располагал территорией у Пангейских гор. Рекела на Фермейском заливе он, скорее всего, лишился. Поскольку его владения во Фракии в основном состояли из рудников, а не из пахотной земли, то понятно, почему он направил свой взор на населенный 600 аттическими колонистами Сигей с расположенной рядом с ним долиной. Это место, как уже упоминалось, Периандр, будучи третейским судьей, присудил аттическим поселенцам, которых теснили митиленцы; но в конце концов оно все же досталось митиленцам, так что его завоевание могло стать ближайшей целью. Уже географическое положение города исключает мысль о завоевании пролива Геллеспонт. Писистрат — возможно, еще в 40-е годы — отвоевал Сигей у митиленцев и заселил его старыми и новыми колонистами. Как и Кипселиды в своих колониях, он поставил тираном над

городом отпрыска от одной из «неродных» жен, Гегесистрата, старшего сына от его брака с аргивянкой Тимонассой. В городе образовалась собственная община, которая была связана с аттическим полисом лишь узами крови, общих культов и почитания предков, но все же подчинялась дому Писистрата. Нам не известно, как долго Гегесистрат правил и кто ему наследовал. Во всяком случае, тирания в Сигее продержалась дольше, чем в Афинах, так что Гипсий после изгнания с родины смог найти здесь убежище (510 год).

Других внешних владений у Писистрата не было. Остров Наксос, который он завоевал вскоре после установления своей третьей тирании, он не оставил себе, а передал наксосцу Лигдаму, который присоединился к нему в Эретрии и помогал в завоевании Аттики. Вероятно, Лигдам правил островом как самостоятельный, хотя и преданный своему могущественному покровителю тиран. Мнение, что Писистрат занял доминирующее положение на Эгейском море, завоевав этот и другие острова, вряд ли соответствует действительности, по крайней мере, оно не подтверждено. Если он в культовых целях повелел очистить Делос, священный остров Аполлона*, от захоронений и способствовал расширению территории святилища, то это означает, что он активно добивался благоволения Делосского бога, который в определенной степени соперничал с Дельфийским богом, и не более того. Если бы он действительно господствовал на море, это не осталось бы не отмеченным в предании. Во всяком случае, тиран располагал судами, как о том свидетельствуют вышеназванные акции на море и предполагаемое выступление его сына Гиппия против морских разбойников. Поскольку наемное войско тирана было частным и экспедиции преследовали в основном корыстные цели, можно предположить, что эти эскадры принадлежали властителю, а не полису, в распоряжении которого было лишь несколько каботажных судов, так что Писист-

* Остров Делос вырос велением Зевса; на нем богиня Лето, укрываясь от ревнивой Геры, родила ему близнецов — Аполлона и Артемиду.

рат приобретал корабли и нанимал гребцов за свой счет. Так же как и некоторые аристократы арханческого времени, только в больших масштабах, тиран занимался морскими делами на свой страх и риск.

Внешняя политика Писистрата также была его личной, а не политикой полиса, который еще не был достаточно силен, чтобы проявлять на этом поприще серьезную инициативу. Это была внешняя политика крупных аристократических домов, которые за пределами своей родины путем родственных или прочных связей со знатными семействами других греческих городов или с правящими домами варваров создавали собственные группы влияния, укреплявшие их положение в родном городе. Уже с середины столетия Писистрат, как показывает имя его сына Фессала, состоял в дружественных отношениях с феодальными властителями Фессалии, которые еще в 510 году оказали помощь сыну Гиппию и предоставили ему убежище. Последнее сделал также македонский царь Аминта I, с домом которого были установлены связи, вероятно, уже во времена заселения Рекеда. Аристократы из Фив и Эретрии принимали участие в установлении третьей тирании, равно как и властвующие слои в Аргосе, с которыми после брака с Тимонассой у тирана долгое время существовали дружественные отношения. Итак, тирания в Афинах основывалась не только на наемных войсках и цивильных сторонниках, а имела, в городском населении; она поддерживалась значительными внешними владениями семьи и разнообразными связями с аристократическими домами и династиями в далекой округе. Твердо стоя на ногах, сыновья приняли большое наследство после естественной смерти Писистрата в 528/527 г.

3. Сыновья Писистрата

Наследниками владычества над Афинами, которое, как и любая тирания, наследовалось согласно частному праву,

считались в первую очередь сыновья Писистрата от его афинской супруги. Сыновья аргивянки Тимонассы больше не появляются в Афинах: Гегесистрат осел в Сигее; Иофон, о котором вообще ничего не известно, если он не умер, мог находиться там же или в Пангее. Можно вполне верить преданию, что три сына афинянки, из которых Гиппий был старшим, Гиппарх средним, в Фессал младшим, все принимали участие в правлении, то есть существовало своего рода совместное правление. Фессал по сравнению со своим значительно более старшими братьями оставался на втором плане, и то, что о нем сообщается, весьма противоречиво. Согласно Аристотелю, его прихоти и заносчивость накликали много зла, тогда как другие утверждают, что он мудр, отказался от тирании и тем, что желал равенства граждан, снискал их уважение. Сделать выбор между двумя версиями невозможно, но они сходятся, по крайней мере, в том, что Фессал вначале принимал участие в правлении. Если братья теперь официально действовали вместе или разделили между собой сферы правления, то ведущим в политике был, без сомнения, Гиппий — и как самый старший, и из-за недостаточной склонности к правлению своих братьев. Гиппарх был более склонен к духовным интересам и чувственным удовольствиям, а Фессал вообще не входил в расчет. Гиппий был женат на дочери Харма, Миррине, которая родила ему пятерых детей, среди них названного в честь деда Писистрата, вероятно, старшего, и дочь Архедику. Гиппарх был женат на Фие, дочери афинянина Сократа; был ли женат Фессал, неизвестно.

Сыновья Писистрата вели правление по испытанному пути своего отца: они так же не касались государственного устройства полиса с его органами и оказывали влияние лишь на замещение ведущих должностей. Эти тираны, сообщает Фукидид, проявляли, в общем, усердие и благоразумие, они требовали лишь двадцатую часть доходов, содержали свой полис в порядке, доводили войны до конца и жертвовали в храмы. Гиппий поддерживал в своих войсках дисциплину, и хотя он вызывал страх у граждан, но, с другой стороны, обратиться к нему мог каждый. Аристо-

тель даже называет его разумным от природы государственным мужем. Гиппарх у обоих авторов предстает в дурном свете. Сообщается лишь о его склонности к изящным искусствам, а не о качествах правителя; он характеризуется как детски игривый и страстно-эротичный. Таким образом, в общем умеренный характер тирании, какой она была до покушения 514 года, определялся прежде всего Гиппием. И Фукидид и Аристотель, полемизируя с тем образом Гиппия, который рисовали враждебные тирании демократы, оценивали его положительно, причем не приходится сомневаться в том, что его политика шла в русле политики Писистрата.

Среди задач, которые встали перед сыновьями после смерти Писистрата, особое значение имело установление отношений с основными аттическими родами. Кимону Колемосу разрешил вернуться сам Писистрат; его сын Мильтиад, будущий победитель при марафоне, в 524 году даже стал архонтом, что не могло произойти без согласия тиранов. Правда, его отец, который, очевидно, в том же году добился третьей олимпийской победы, вскоре после этого был убит в пританее, где он как олимпийский чемпион получал пожизненное содержание. Это убийство Геродот приписывает Писистратидам. Во всяком случае, так считали в семье Кимона позднее, а может быть, уже и тогда. Сам Мильтиад, очевидно, в течение последующих лет спокойно оставался в Афинах, пока в 516/515 году к нему не обратились с приглашением принять тиранию в Херсонесе Фракийском вместо его убитого брата Стесагора; эту тиранию основал еще старший Мильтиад. То, что Писистратиды после всего случившегося охотно с ним распрощались и даже предоставили ему для поездки триеру, вполне понятно, тем более что уже в эти годы наметился рост оппозиции их владычеству.

Как с семьей Кимона, так и с Алкмеонидами у Гиппия и его братьев в первые годы установились хорошие отношения, так что если не самим Писистратом, то вскоре после его смерти было дано разрешение на их возвращение. После того как Гиппий в 526/525 году был архонтом, высшую

должность в 525/524 году занимал Клисфей, сын того Мегакла, который после разрыва брака своей дочери стал заклятым врагом Писистрата, но и здесь примирение не было длительным. Членам рода пришлось вторично отправиться в изгнание, предположительно еще до убийства Гиппарха (514 год). Нам неизвестно, как изгнанные или эмигрировавшие члены других родов, страдая от пребывания на чужбине, возвращались в Аттику и устраивали свою жизнь при тирании. Оставшиеся в Аттике аристократы — и не только породненные с Писистратидами дома Харма и Сократа, — по крайней мере, часть их, уже из чисто оппортунистических соображений не отказывались от общения с тираном. Гиппию удалось собрать вокруг себя гетерию из аристократов, и в дружественных тиранических кружках распевались застольные песни во славу его дома.

О политических мероприятиях во времена коллективного правления (до 514 года) известно мало. Если Писистрат поднял земельный налог до 10 процентов, то сыновья довольствовались пятью процентами. Вероятно, к первому десятилетию совместного правления следует отнести введение новой монеты, у которой на лицевой стороне была изображена Афина, на обороте — сова, а далее надпись «афинянин». Ее можно рассматривать как знак примирения, даже предупредительности по отношению к полису, которые проявляли в это время тираны. Финансовые махинации, приписываемые Гиппию, следует отнести к периоду после 514 года. Нет ни доказательств, ни опровержений того, что Гиппий разрешил вооружение граждан. Подобно своему отцу, Писистратиды старались снискать милость богов, прежде всего Афины. Гиппий не только продолжал начатые им сакральные постройки и пристроил к Гекатомпеду в крепости портик с мраморным фронтоном, но и постановил, чтобы при каждом случае рождения или смерти жрице Афины подносились по мере ячменя, пшеницы и один обол. Его сын Писистрат в бытность свою архонтом соорудил на священной пифийской территории алтарь в честь Аполлона и другой алтарь в честь Двенадцати богов на рынке. О первом еще и сегодня свидетельствует посвящение,

несправедливо названное Фукидидом трудночитаемым, второй должен был одновременно служить центральным верстовым столбом для отходящих от Афин дорог. Этими дорогами на свой лад занимался Гиппарх, установивший на них гермы с изречениями, которые он частично позаимствовал, частично придумал сам, например: «Это памятник Гиппарха, иди с честными намерениями!» или «Это памятник Гиппарха, никогда не обманывай друга!».

Вероятно, второй сын великого Писистрата имел честолюбивое желание прослыть мудрецом и оказывать воспитательное воздействие на парод, изрекая моральные сентенции, похожие на те, что приписывались Периандру как одному из семи мудрецов. Но если у властителя Коринфа можно было отметить определенные черты, напомилавшие законодателей и государственных мужей его времени, то у Гиппарха это было скорее остроумной игрой. Предаваясь радостям любви и наслаждениям жизни, он был мало озабочен серьезными моральными требованиями. Рядом с рощей героя Академа, после того как в Ликее, вероятно, уже его отец основал гимнасию, тесть Гиппия Харм воздвиг статую Эрота с алтарем. Гиппарх привлек в свой кружок Симонида, услужливого поэта с Кеоса, и привязал его к себе богатыми подарками; вероятно, еще до падения Поликрата (522 год) в Афины был доставлен Анакреон — певец, слава которого была у всех на устах. Призванный из Гермियोны в Арголиде поэт Ласос видоизменил культовую песнь, дифирамб, и этим обогатил мусические состязания в честь Диониса в Афинах. Подобное совершил некогда Арион в Коринфе. Но картина «двора муз» в Афинах была иной, чем там. Гиппарх, общаясь с поэтами, сам наслаждался содержанием и формой их творений, считая, что это возвышает его и приумножает славу его и его дома.

Оба тирана, Гиппий и Гиппарх, испытывали особый интерес к оракулам. О Гиппии Геродот даже сообщает, что он лучше всех знал изречения оракула. Поэтому заслуживает доверия сообщение, что после его изгнания лакедемонский царь Клеомен обнаружил на Акрополе целое собрание оракулов. Правда, были ли среди них такие, которые

предсказывали спартанцам зло со стороны афижан, остается спорным. Однако достоверно, что Гиппарх пользовался советами вещего Ономакрита, но изгнал его, когда Ласосу из Гермियोны удалось доказать, что он, будучи оракулом, сделал неправильное предсказание об исчезновении островов вокруг Лемноса. С дельфийским святилищем, которое с середины VI века, очевидно, все больше противостояло тирании, сыновья тирана поддерживали так же мало отношений, как некогда и сам Писистрат. Они не обращались туда за советами и не жертвовали приношения; младший Писистрат воздвиг в Пифионе под Афинами алтарь, Гиппарх же жертвовал дары оракулу в Птойонских горах, конкурирующему с Дельфами. Предание умалчивает, были ли он или его брат привержены орфическому учению, поэтические свидетельства которого Ономакрит собирал и дополнял собственными сочинениями. Братьям не без основания приписываются роскошные пиры и процессии, дорогостоящее разведение лошадей и т. п. Как часто бывает, сыновья далеко ушли от простого образа жизни отца, который возвысился благодаря собственным силам.

Напротив, во внешней политике они следовали по стопам Писистрата, то есть в общем и целом сохранялся мир. С фессалийскими феодальными владыками и македонским царем по-прежнему сохранились хорошие отношения, как и с теми кругами в Аргосе, из которых в 546/545 г. пришли тысячи добровольцев, а также предположительно и с фиванской аристократией. Если дело и доходило до военных столкновений, то они были незначительны. Ничто не говорит о том, что свергнутый около 524 года лакедемонянами тиран Лигдам с Наксоса нашел поддержку со стороны Писистратидов, хотя он был поставлен на острове их отцом и вряд ли для подобной экспедиции могло не хватить судов. Напротив, многократно подтверждено, что сыновья Писистрата были дружественными гостями спартанского государства. Теперь уже невозможно выяснить, как произошло, что на Эвроте, где политику определяла скорее ненависть к тирании, чествовали властителей Афин и тем самым признали их правление; возможно, что свою роль в

этом сыграл их отход от Лигдама. Для Писистратидов сближение с самым могучим государством Греции означало определенное укрепление их положения, тем более что ко второму десятилетию их правления наметился ощутимый рост оппозиции.

Уже то, что в 516 году тираны охотно предоставили Мильтиаду для его отъезда в Херсонес триеру, выглядит так, будто они его боялись (поскольку их подозревали в убийстве его отца) и поэтому поддержали его удаление из Афин. К 520—514 годам относится, по-видимому, вторая ссылка Алкмеонидов, а также заговор некоего Кедона против тиранов. Заговор провалился, хотя у Кедона был круг верных сторонников, которые еще долго воздавали ему хвалу на пирах. Вторую попытку свержения тирании, вероятно, также до 514 года, предприняли изгнанные Алкмеониды, которые обосновались в Липсидрионе в Парнасских горах и привлекли к себе единомышленников из города. Потерпев большие потери, память о которых их друзья-тираноборцы запечатлели в хвалебно-скорбной песне, они были изгнаны из своего расположения и вынуждены, на этот раз окончательно, покинуть страну. Третий заговор принес частичный успех: на Панафинейских играх 514 года Гиппарх был убит Гармодием и Аристокитоном.

Не совпадающие в других сведениях, на этот раз наши основные источники Фукидид и Аристотель едины в том, что один из братьев Гиппия, поскольку Гармодий пренебрег его любовью, тяжело оскорбил его сестру и последний вместе со своим другом Аристокитоном собрался совершить кровавую месть. Заговорщики решили убить заодно и Гиппия и таким образом свергнуть тиранию. Этот политический мотив появляется у Аристотеля, который говорит о многих участниках заговора, но еще отчетливее у Фукидида, стремящегося развенчать многократно превознесенный поступок «тираноубийц». С другой стороны, именно он настойчиво подчеркивает, что Гармодий и Аристокитон хотели дать сигнал к общему восстанию, поскольку на Панафинейские празднества граждане являлись вооруженными и поэтому были готовы к выступлению. Однако Аристо-

тель на основании своих исторических исследований опровергает тот факт, что граждане во время процессии были вооружены, и чаще всего он прав, поскольку подобный воинский парад скорее соответствует духу свободного полиса V века. С фактологической точки зрения, его рассказ заслуживает большего доверия, чем слишком тенденциозное соображение Фукидида. Если следовать ему, то дело происходило на Акрополе, где заговорщики наблюдали за Гиппием, который собирался принимать праздничную процессию, тогда как Гиппарх в Леокорионе выстраивал участников, чтобы вести их к крепости. Когда один из заговорщиков дружески заговорил с Гиппием, остальные решили, что их предали. Чтобы успеть хоть что-то совершить до ареста, они поспешили с горы вниз, впереди всех Гармодий и Аристокитон, которые встретили Гиппарха еще у Леокориона и там закололи. Гармодия на месте убили телохранители тиранов, Аристокитон же попытался скрыться, но был вскоре схвачен и после допроса под пытками убит.

Хотя в дошедшей до нас сколии* уже до 500 года Гармодий и Аристокитон восхваляются как «тираноубийцы», которые собирались дать Афинам изномию (равноправие), это совершенно не соответствует действительности. Уже Фукидид выступил против этого прославления, которое в V веке стало каноническим, указав на то, что тираном, собственно, был Гиппий, оставшийся в живых, и что тиранию ликвидировали лишь лакедемоняне — обстоятельство, о котором аттический патриотизм попытался забыть сразу же и окончательно. То, что прославлялось как подвиг двух друзей, было всего лишь намерением, тем более, что личные обстоятельства дали толчок к покушению. Не только Фукидид и Аристотель едины в том, что Гиппий тоже должен был быть убит, — его реакция со всей отчетливостью показывает, что он считал покушение политическим, а его целью — свержение тирании в Афинах. Многих, предположительно или действительно замешанных в заговоре, он велел казнить, а подозрительных или просто ненадежных изгнал из Атики. После того как

* Застольная песнь.

Кедон и изгнавшие Алкмеониды, по всей видимости, уже угрожали его власти, он считал, что нужно крепче натянуть узду. Тирания теперь стала жестче и давила сильнее. Впрочем, нам известно подробнее лишь о мерах финансового характера, предпринятых Гиппием в последующее время, о распоряжениях, которые отдавались не только под воздействием нового, более строгого курса правления, но и ставших следствием того, что около 513/512 г. рудники в Пангейских горах достались персам, продвинувшимся через Южную Фракию до Стримона. Вследствие этого тирану пришлось позаботиться о компенсации заметных убытков. Поскольку он, как, очевидно, и его отец, считал себя собственником земли Атики и тем самым собственником общественных дорог, он потребовал денежной компенсации за выступающие на улицу эркеры, входные лестницы и изгороди, которые, если строго следовать аттическому праву, принадлежали владельцу земельного участка. Он, вероятно, также начал вмешиваться в дела аттической общины, от чего Писистрат и его сыновья прежде всего старались держаться в стороне, разрешив состоятельным гражданам, которые этого хотели, исполнение общественных обязанностей — триерархии, филархии и хорегии при условии выплаты умеренной суммы в свою собственную пользу.

Все это неминуемо вело к росту отрицательного отношения к его владычеству, тем более что выжатые тем или иным способом средства расходовались на увеличение наемного войска и укрепление возвышающейся над гаванью Мунихийской горы. Впрочем, и то, и другое было теперь необходимо для сохранения тирании. Хотя Алкмеониды после поражения при Липсидрионе отказались от плана нападения, но в своей ненависти к тирану они постоянно подстрекали Спарту, сильнейшую военную державу в Элладе, к выступлению против Гиппия. Однако поскольку Писистратиды были дружескими гостями лакедемонян, эта цель была достигнута лишь тогда, когда на Эвроте ее поддержал признанный авторитет. Им был Дельфийский бог, с которым спартиаты со старых времен состояли в тесных отношениях, тогда как Писистрат и его сыновья не поддерживали с

ним связи, а порой отношения становились даже напряженными. Алкмеониды добились того, чтобы амфикионы поручили им восстановление храма Аполлона в Дельфах, сгоревшего в 548/547 г., и получили на это давно собиравшиеся пожертвования. Часть денег они потратили на военное оснащение, но одновременно склонили пифию к тому, чтобы всех спартиатов, обращавшихся к оракулу частным образом или по поручению государства, она убедительно просила об освобождении Афин. В Афинах позднее утверждали, что они подкупили пифию деньгами, но в действительности такой подкуп мог заключаться в том, что они обещали сделать храму фасад из паросского мрамора. Во всяком случае, именно так они и украсили святилище. Спартиаты колебались, выступать ли им против дружественных Писистратидов, но все же решились, уступив давлению пифии, а также, возможно, учитывая отношение тиранов к их врагу Аргосу. Сравнительно небольшой воинский отряд под предводительством спартиата Анхимоллия был послан морским путем в Аттику (предположительно в 512/511 г.).

Гиппий уже какое-то время чувствовал опасность, угрожавшую его власти. Поэтому он укрепил порт Мунихию и на случай поражения подготовил себе путь к отступлению в Лампсак на Геллеспонте, выдав свою дочь Архедиду замуж за Аянтида, сына местного тирана Гиппокла, род которого, как он знал, пользовался большим авторитетом у персидского царя. Однако он не отказался от тирании без борьбы, а на побережье у Фалерона выступил против высадившихся там лакедемонян при поддержке тысячи фессалийских всадников, которых к нему привел на основании заключенного еще Писистратом союза родовой князь (таг). О других союзниках ничего не известно. Гиппий удалось разбить врагов в бою, который стоил жизни Анхимоллию и многим его людям. Спартиаты, однако, не смирились с поражением, а через некоторое время послали более сильное войско под предводительством царя Клеомена, которое вторглось в Аттику по суше. Поскольку фессалийцы, многократно приходившие на помощь тирану, после

поражения вернулись на родину, Гиппий, оставшемуся только со своими наемниками, не оставалось ничего иного, как отступить к Акрополю, чтобы защищаться из-за его толстых стен. Имея достаточно припасов, он мог, вероятно, продержаться там долго, поскольку лакедемонянам, к которым присоединились и афиняне — враги тирана, такая продолжительная осада была не по плечу, да они и не собирались ее устраивать теперь. Однако при попытке к бегству молодые члены семьи Писистратидов попали в руки врага. Показательно для «приватного» характера тирании, что этого личного несчастья было достаточно, чтобы вынудить Гиппия к капитуляции при условии возвращения захваченных. В заключенном с афинянами соглашении он выразил готовность покинуть Аттику в течение пяти дней. Движимое имущество ему было разрешено забрать с собой (511/510 г.).

Свергнутый тиран направился в Сигей, который некогда завоевал его отец и передал Гегесистрату. Однако через несколько лет вновь забрезжила надежда на то, что он опять завоюет владычество над Афинами. В Спарте вскоре пришли к выводу, что изгнание Писистратидов повлекло за собой весьма нежелательные последствия. Исагор, которому лакедемоняне покровительствовали, не смог удержать в руках руководство аттическим полисом и вынужден был уступить место вернувшемуся Алкмеониду Клизфену, преобразовавшему строй Афин в демократическом духе. Однако попытка повернуть события вспять военным путем потерпела жалкое поражение (506 год) из-за колебаний коринфян и раздора между двумя спартанскими царями на поле битвы. Поняли ли на Эвроте лишь теперь, что призывы пифии к свержению тирании были происками Алкмеонидов, отстаивавших свои интересы, или же Гиппий удалось издали успешно воздействовать на поддерживавшие его круги — во всяком случае, политика лакедемонян направлялась теперь на восстановление прежнего положения, то есть тирании (тем более, что освободившиеся Афины окрепли во внешнеполитическом отношении и уже распространили свое влияние на остров Эвбею). Гиппий был

приглашен из Сигей в Спарту, где предложил пелопонесским союзникам план, как совместным военным походом вновь принудить афинян к восстановлению тирании. Такая акция должна была неприятно поразить Спарту, которая сама неоднократно выступала против тиранов и не допускала тирании у себя. Союзники, и прежде всего коринфяне, отказались от участия в этой акции, так что Гиппию ничего не оставалось, как вернуться в Сигей (около 504 года). На обратном пути фессалийцы предлагали ему Иолк, а македонский царь Аминта — расположенный недалеко от Рекела Антем. Он, однако, и теперь не отказался от надежды на восстановление своего владычества над Афинами, отклонил все предложения и вернулся в Сигей. Отсюда он пытался достичь своей цели с помощью сатрапа в Сардах Артафрена. Поскольку в 506 году афиняне, когда им грозило объединенное нападение пелопоннесцев, беотийцев и халкидян, расстроившееся из-за раздора между лакедемонскими царями, уже обращались к сатрапу с просьбой о помощи и выполнили его встречное условие дать великому царю «землю и воду» (то есть признать его верховенство), перспективы изгнанного тирана были неплохими. Ведь персы уже владели многими греческими городами Малой Азии с помощью зависимых от них тиранов. Артафрен категорически потребовал от афинян, которых он рассматривал как подданных царя, восстановления правления Гиппия, но, когда его требование было отклонено, оставил это без последствий (около 502/501). Тогда Гиппий через своего зятя Аянтида, который наследовал Гиппоклу тиранию в Лампсаке, сам установил отношения с персидским царем и в конце концов отправился к его двору. Ему было уже за 75 лет, и в последний раз ему улыбнулась надежда восстановления своей тирании в Афинах, когда персы решили наказать город за его участие в Ионийском восстании и подчинить его себе. Вновь он пережил разочарование. Родственники и сторонники, которые еще оставались у него в Афинах, не примкнули к акции, и поход, в котором он лично принимал участие, претерпел провал на равнине Маратона (490 год). Позднее рассказывали, что он пал в битве. Ве-

роятно, более правдиво другое предание, что он, ослепнув, умер во время возвращения в Сигей на острове Лесбос. Однако члены его семьи и тогда не отказались от надежды на возобновление владычества над Афинами и вместе с провидцем Ономакритом, некогда изгнанным Гиппархом, а также посланниками фессалийского рода Алевадов в Сузах просили Ксеркса, чтобы он выступил в поход против Греции и особенно против Афин. Они находились в военном лагере, когда в 480 году произошло нападение на Акрополь, и пытались склонить защитников к капитуляции, за которой, очевидно, должно было последовать восстановление тирании дома Писистратидов. Но община Атики за три десятилетия, прошедшие после свержения Гиппия, окрепла настолько, что и в тяжелейшем положении отклонила это предложение. С поражением персов у Саламина для потомков Гиппия угасла последняя надежда на достижение их цели.

Итак, свержение Гиппия во время архонта Гарпактида (511/510 гг.) принесло афинянам на долгое время свободу. Вероятно, вначале еще были родственники и сторонники Писистратидов, оплакивавшие тиранию и желавшие ее восстановления, но чем больше укреплялся заново формируемый Клисфеном полис, тем более отрицательным становилось отношение граждан к Писистратидам и тирании вообще. Вскоре после отъезда Гиппия на Акрополе был установлен столб, на котором были записаны имена тех членов дома — прежде всего, разумеется, Гиппия и пяти его детей, которые по старому, восходящему еще к Дракону праву, были обречены на объявление вне закона (атимия) и конфискацию их собственности. Чтобы обезопасить новый государственный порядок, основанный Клисфеном, от периода тирании, несколько лет спустя (около 501 года) в клятву членов Совета Пятисот* было включено обязательство убить каждого, кто стремится к тирании или поддерживает подобные устремления, а убийцу тирана считать чистым перед богом и людьми, поскольку он убил врага

* Состоял из представителей десяти фил, на которые была разбита Клисфеном территория Атики.

афинян; имущество убитого тирана полагалось продать и половину выручки отдать тираноубийце. Таким образом, тиран официально признавался врагом государства. Кроме того, нам известно, что потомки Писистрата исключались из всех амнистий V века.

Гармодий и Аристогитон, подвиг которых прославляла уже упомянутая знаменитая сколия, вскоре после свержения Гиппия и впоследствии необычайно почитались как тираноубийцы и основатели свободного государства, на агоре им установили бронзовые статуи, произведения скульптора Антенора, которые после взятия Афин в 480 году, очевидно, похитил Ксеркс. Однако два друга к этому времени уже настолько превратились в символ свободы аттического полиса, что вскоре после битвы при Платеях Критий и Неспот создали новую скульптурную группу. «Истинно великий свет взошел для афинян, когда Аристогитон и Гармодий убили Гиппарха» — гласила надпись на подножии монумента. Их гробницу позднее показывали на пути в роццу Академа, однако она не относилась к государственной гробнице, и несмотря на все уважение, которым они пользовались, их культ как героев существовал лишь во времена Александра, который отправил творение Антенора обратно из Суз или, по крайней мере, распорядился это сделать. Вообще, следует учесть, что некоторые почести, нам известные, как, например, запрещение называть рабов именами тираноубийц или устанавливать рядом с их скульптурной группой другие скульптуры, были учреждены долгое время спустя после их деяния. Впрочем, потомков «освободителей» продолжали пожизненно бесплатно кормить в притачеях самое позднее с середины V века. Они были также освобождены от налогов и могли занимать лучшие места на состязаниях. Вплоть до римского периода афиняне видели в убийцах Гиппарха воплощение своего собственного свободолюбия и питали этим свою ненависть к тиранам, которая была составной частью духа полиса не только в классическую эпоху. Даже «освобождение» Афин от деспотизма Аристиона Суллой (86 год) было прославлено чеканкой монеты с изображением монумента тираноубийцам.

Любая историческая оценка тирании Писистрата и его сыновей будет исходить из того, что эта тирания была явлением позднеархаического периода. В середине VI века, насколько мы можем судить, политическая структура афинской общины была значительно более рыхлой, чем обычно склонны считать на основании солонской концепции государства, ставшей почти классической. Крупные аристократические роды со своими приверженцами доминировали не только во внутренних делах, где их соперничество в значительной степени определило общественную жизнь; и во внешних делах они вели себя на удивление самостоятельно — по более поздним меркам. Знатные господа проявляли заботу о различных группах населения в первую очередь в интересах своей власти. Не может быть и речи о социально или экономически ориентированных «партиях» с определенной политической программой, скорее, можно говорить о свите, собственные устремления которой вождь может и обойти, если, как в случае союза Мегакла и Писистрата, личная выгода диктовала сближение с прежним противником или если слишком большая власть соперника делала целесообразным объединение с другими его противниками. Народная масса еще не обладала тем политическим сознанием, не говоря уже о государственных убеждениях, которых требовал Солон и которые усвоили последующие поколения. Когда Писистрат в 546/545 г. завоевал Аттику и установил свою тиранию, народные массы интересовала скорее не свобода полиса, а то, улучшатся или ухудшатся их жизненные условия. Знать также исходила из эгоистических соображений и сопротивлялась грозящей тирании не во имя идеи свободного государства, а ради сохранения собственного лидирующего положения. Когда тирания укрепилась и стало очевидно, что свергнуть ее не удастся, то даже те господа, которые вначале вынужденно или добровольно покинули родину, раньше или позже помирились с тираном, как это сразу же сделали оставшиеся в Аттике. То, что у афинян того времени еще отсутствовали государственные убеждения классического периода — вот что, а не только богатство, наемные войска,

разоружение граждан и разумное использование власти, сделало возможным установление, и на длительное время, владычества Писистрата.

Как и любой подобный режим, который знает скорее подданных, чем граждан государства, тирания Писистратидов также стала причиной нивелирования сословий, когда, с одной стороны, знать лишали власти, а возможно, и сокращали родовое имущество, с другой же стороны, земледельцы получали определенную поддержку, а ремесленники — сильный импульс. Региональные противоречия, существовавшие между ведущими знатными родами, отступали на второй план и грозили ожить вновь после устранения тирании, что, впрочем, Клисфен предотвратил, упорядочив филы. С изменением социальной структуры происходили изменения и в духовной жизни. Хотя культивирование поклонения Дионису, склонность к орфике и мистериям были свойственны не только неблагородным слоям, все же это были чуждые или догреческие элементы эллинской религии, которые не принадлежали аристократическому миру гомеровских богов. Теперь ими были страстно увлечены и знатные господа, а с другой стороны, олимпийские божества стали ближе простому народу, так что разлад в религиозной жизни, который некогда пытался устранить еще Гесиод, все больше и больше сглаживался. Немалая заслуга в этом принадлежала тирании Писистрата, ибо она старалась принизить роль знати в общественных культах, сосредоточить ее помыслы на частной жизни, а городскую богиню Афины использовать как свою защитницу, которая теперь получала жертвенные дары преимущественно от процветавших при тирании ремесленников и маленьких людей. Благодаря определенному уравниванию сословий в религиозной жизни полнее проявлялись силы и таланты, свойственные народу Аттики. Это подтверждают вазы зрелого чернофигурного и раннего краснофигурного стиля, равно как и дорийско-ионическое искусство трагедии или женские статуи и скульптуры на фронтоне Акрополя. Даже поощрявшийся тираними отказ от свободного и активного участия в политической жизни принес свои плоды, ибо вызвал самоуглубление,

склонность к самопознанию, более непосредственному духу восточных ионийцев, что одновременно укрепляло индивидуальное самопознание каждого. Определенный вклад в это внесли и роскошные празднества в честь богов, проводившиеся Писистратидами, и воздвигнутые ими строения, и привлечение Гиппархом поэтов.

Но где же был солоновский дух права, сознательной преданности граждан автономной общине, которая не потерпела бы над собой насильственного правления? Если он до прихода тирании не успел укорениться ни в знати, ни в народе, то при тирании он тем более не ощущался. Разумеется, граждане, по крайней мере вначале, были разоружены, а свергнуть тиранию с ее превосходящими силами изнутри, как показывает история, крайне тяжело, если вообще возможно. Примечательно, что несмотря на сохранение конституции Солона, на усиление стремления к порядку в обществе, который культивировали Дельфы и орфическое учение, на давно закончившуюся тиранию на Истме, ничто не говорит о всеобщем протесте против режима Писистратидов даже во время вмешательства спартанцев. Алкмеониды, которые гораздо больше были заинтересованы в восстановлении своего ведущего положения в Афинах, чем в воплощении солоновской концепции государства, в своем стремлении свергнуть тиранию получили из Аттики лишь мизерную поддержку. И все же при деспотизме, незаконном по самой своей сути, сформировалась потребность в автономном государственном устройстве, определяемом самими гражданами, которая охватила широкие слои афинского народа. Во второй половине VI века более актуальным стал образ Тесея как объединителя Аттики и идеального царя — Писистрат сам способствовал этому и пытался предстать вторым Тесеем. После устранения тирании Клисфен ввел конституцию, которая соответствовала желаниям народа и которую народ вскоре (около 506 года) защитил от внешних сил. Тирания именно из-за ее незаконности чем дольше длилась и чем резче проявлялась, тем больше — даже в кругах, которые при ней экономически процветали — будила потребность в свободном государстве

с четкими законами. Против своей воли тирания помогла рождению полиса V века, для которого она уже подготовила почву, способствовав пивелированию сословий.

Во внешнеполитическом отношении тирания обеспечила целому поколению афинян мир и тем самым способствовала их материальному благосостоянию. Однако нельзя утверждать, что она — словно пролог будущего развития — обеспечила общине Аттики лидирующее положение в Эгейском мире. Ведь Пангеи и Сигей принадлежали Писистратидам, а не аттическому полису, и хотя афиняне здесь осели и продолжали поддерживать с родиной личные связи, все же они образовали самостоятельные общины, которые были связаны с Афинами лишь как звенья династического владычества тиранов. Возросшая во времена Писистрата зависимость острова Наксоса также была династического характера. Когда аттический полис после изгнания Гиппия принял под свою власть некогда завоеванные владения Писистратидов, особенно рудники в Лаврийских горах, к этим владениям, как в Коринфе, можно было бы отнести и колонизованные области, но притязания полиса на них вряд ли можно было реализовать. Пангейская область незадолго до этого перешла к персам, и Сигей, где закрепился Гиппий, также был во власти персов. То, что Афины в течение последних лет VI века могли достойно противостоять соседним государствам, было, как уже отмечено, невольным следствием тирании, под давлением которой окрепло стремление к свободе и самоутверждению, и одновременно наследием тирании. Напротив, власть над внешними владениями после тиранов Афины не должны были наследовать.

Глава III

ОСТРОВА И СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

I. Острова

Под островами мы имеем в виду преимущественно Киклады и Спорады, расположенные у малоазийского побережья, поэтому их целесообразно рассматривать в комплексе с близлежащими поселениями на материке. В доклассическое время тирания в этом районе встречается только на Наксосу. Причиной тому не скудость предания, а малый размер и бедность большинства островных общин, что не позволило возникнуть там заметным властным образованиям. Нет сведений о правлении тиранов даже на Сифносе с его доходными рудниками и Паросе с его мраморными карьерами. На Наксосу тирания была установлена только под внешним влиянием. Здесь около 550 года аристократ *Лигдам* выступил в качестве защитника (простата) низшего, преимущественно земледельческого населения и попытался прийти к власти. Однако поскольку ему, очевидно, не удалось достичь своей цели, он объединился с Писистратом и поддержал его при завоевании Аттики (546/545 гг.), скорее всего, в обмен на обещанную помощь. Действительно, Писистрат, став властителем Афин, покорил остров, передал его Лигдаму, который тем самым попал в зависимое

положение, и доверил ему сыновей афинской аристократии, взятых в качестве заложников. О правлении Лигдама нам известно лишь то, что он захватил собственность бежавших или изгнанных им противников, под которыми, без сомнения, следует понимать бежавших аристократов, и хотел ее продать, присвоив доход. Однако поскольку покупателей не нашлось или они предлагали слишком низкую цену, он продал земельные владения тем, у кого они были экспропрированы, то есть они, находясь вдали от Наксоса, могли приобрести на нем земли. Он предложил им также, как и другим заинтересованным лицам, купить принадлежащие изгнанникам жертвенные дары с условием, что предметы будут носить имя покупателя. Это была одна из характерных для тиранов финансовых манипуляций, с помощью которых Лигдам пытался добыть средства для содержания наемного войска. Они, вероятно, были довольно значительными, поскольку Лигдам около 538 года послал корпус на помощь Поликрату, ставшему властелином Самоса. Вероятно, это создало почву для хороших отношений между властителями и уберегло Наксос от пиратского нападения правителя Самоса. Однако этим союзом Лигдам навлек на себя гнев спартанцев. Когда они вместе с коринфянами организовали экспедицию против Поликрата, о которой еще будет речь, то вначале путем переговоров пытались склонить тирана Наксоса к отходу от него, а возможно, и к отказу от единоличного правления. Поскольку Лигдам избегал всяких переговоров, они устранили его силой (около 524 года). Причиной их первоначальной осторожности была оглядка на Писистратидов, которые, возможно, уже тогда были их дружественными гостями, а с другой стороны, через отца были связаны с Лигдамом. Помощи от них, насколько нам известно, он не получил. Однако восстановленное правление крупных землевладельцев, угодное спартанцам, было поколеблено демосом в 500 году, хотя до новой тираннии дело не дошло. Итак, владычество Лигдама, установленное при внешней помощи и державшееся на наемниках, которое не принесло никаких заметных социальных реформ, несмотря на свою двадцатилетнюю продол-

жительность, осталось в истории Наксоса эпизодом без достойных упоминания последствий.

Еще меньше, чем на Эгейских островах, тирания проявилась на македонско-фракийском побережье вплоть до Херсонеса, не считая богатых владений Писистрата в Пангейских горах. Если сообщение, что спартанцы изгнали с близлежащего острова Фасоса тирана по имени *Симмах*, соответствует действительности, то это произошло, скорее всего, после 480 года. Изгнанным, по всей вероятности, мог быть один из правителей, находившихся на содержании у персов.

2. Херсонес Фракийский

Мильтиад, сын Кипсела и по матери последнего, очевидно, правнук одноименного тирана Коринфа, как уже упоминалось, не смог перенести установления тираннии Писистрата в Афинах, тем более что до тех пор он принадлежал к самой влиятельной знати. Когда вскоре после 561/560 гг. обитавшие на Херсонесе долопы попросили его командовать ими в оборонительной войне против вторгшихся с севера апсинфийцев, он откликнулся на их призыв и пригласил всех желающих принять участие в походе колонистов под его руководством. Писистрат, который был рад избавиться таким образом от опасного человека и других недовольных элементов в Афинах, не чинил ему препятствий, но и не принял в этом предприятии никакого участия, как, впрочем, и аттическая община. Нет никаких свидетельств, что Мильтиад, покинув родину, действовал на Херсонесе по поручению тирана или хотя бы в контакте с ним; его намерением было создать свое собственное самостоятельное правление. По свидетельству Геродота, он принял управление страной и был сделан долопами их «тираном», что свидетельствует о том, что их род признал его своим главой. Он оправдал оказанное ему доверие. Воздвигнув

стену через перешеек, от Кардии до Пактии, он создал заслон последующим нападениям апсинфийцев. Пактия, в которой, очевидно, греки до сих пор не проживали, и Кардия, где давно осели милетяне и клазомены, получили теперь новых колонистов; аналогичным образом Мильтиад, «ойкист», заселил расположенные на юго-западе полуострова местечки Крифот и Элай. У середины стены он затем заложил город Херсонес. По отношению к названным городам он, по-видимому, выполнил лишь роль основателя; будучи же властителем долопов, он мог располагать их общиной в боях против внешних врагов. Такая война разразилась в 546 году, когда в городе Лампсаке, расположенном неподалеку на азиатском берегу Геллеспонта, не захотели мириться с новой ситуацией в Херсонесе. В ходе войны Мильтиад попал в плен к лампсакийцам и был освобожден лишь после вмешательства лидийского царя Креза, с которым он связался сразу же после своего прибытия. У нас нет данных ни об исходе этой войны, ни о том, произошло ли в ходе ее взятие «крепости Арата», за которое ойкист вместе с руководимыми им «людьми из Херсонеса» пожертвовал в Олимпию дар. Его положение на полуострове, впрочем, не потерпело ущерба из-за временного пребывания в плену, ибо, когда он умер вскоре после 524 года, ему были возданы героические почести, положенные ойкисту, от «херсонесцев», под которыми, вероятно, следует понимать жителей всех основанных или обжитых им поселений, а не только города Херсонеса.

Враждебность Лампсака между тем не угасала и вела к новым войнам среди потомков Мильтиада. Не имея мужских наследников, он назначил наследником своего владчества племянника *Стесагора*. Таким образом, Стесагор занял его положение и унаследовал его сокровища, хотя и не считался ойкистом. Нам известно о нем лишь то, что он выиграл войну у лампсакийцев, но был убит копьем перебежчика. Это случилось в пританее города Херсонеса. Наследником стал его брат *Мильтиад*, будущий победитель при Марафоне, об отношениях которого с Писистратом и отъезде из Афин уже говорилось в другой связи.

Находившийся тогда в полном расцвете сил, он, как некогда его дядя, не был уполномочен Писистратидами представлять в Херсонесе их интересы или интересы Аттики. Если они предоставили в его распоряжение триеру для поездки на полуостров, то это произошло потому, что они находились под подозрением в убийстве его отца Кимона и именно поэтому хотели подчеркнуть свое дружеское расположение, но прежде всего потому, что боялись его и желали его удаления из Афин. Какое значение для молодого Мильтиада имело получение и укрепление монархического положения, показывают его первые действия по прибытии в Херсонес (516/515 гг.). Он демонстративно оплакивал смерть Стесагора и пригласил наиболее выдающихся людей из греческих городов принять участие в оплакивании убитого, но когда они прибыли, заключил их под стражу и установил над общиной деспотическое правление. Его отношения с долопами, владыкой которых был уже его предшественник, не изменились, но отношение к эллинским колониям, которое у ойкиста Мильтиада и даже у Стесагора было отношением вождя, превратилось в чистую тиранию. Кроме того, властитель по образу и подобию других тиранов окружил себя лейб-гвардией в 500 человек. Большое богатство, которое он приобрел в последующее время, позволяет даже предположить, что он обложил налогом подвластные общины. Под владычеством тирана они сплотились теперь в некое единство. При этом речь шла не о расширении полиса Херсонеса за счет вхождения в него на правовой основе других общин, а о всеохватывающем властном образовании без правовой структуры. Его глава не пытался примкнуть к Писистридам, не говоря уже о том, чтобы чувствовать свою зависимость от них; он опирался преимущественно на преданных ему долопов и фракийского правителя Олора, на дочери которого Хегесипиле женился. Она родила Мильтиаду, у которого уже было несколько детей от афинской супруги, Кимона.

Новая ситуация возникла, когда персидский царь Дарий перешел в Европу, чтобы победить скифов по ту сторону устья Дуная (около 514/513 гг.). Требование предоставить

для этого похода часть кораблей поступило, вероятно, и в прибрежные европейские города греков или их властителям, хотя тогда они еще находились вне персидской зависимости. Предположительно, с этим было связано требование признания верховного владычества великого царя. Перед лицом могущества персов об отказе не могло быть и речи. Таким образом, Мильтиад также находился на флоте, который должен был образовать мост из судов через Дунай и сохранять его во время прорыва войск в Скифию. Маловероятно, что он дал тогда совет разорвать мост и предоставить Дария его судьбе, тем более что этим он призвал бы тиранов малоазийских городов, посаженных там или поддерживаемых персами, рубить сук, на котором они сидят. Очевидно, речь идет об истории, которую он или его окружение распространяли позднее (493/492 гг.) в Афинах, чтобы оправдать свою помощь великому царю. Когда персидское предприятие потерпело неудачу и скифские орды достигли южного побережья Фракии, Мильтиад бежал, не ввязываясь в бой. После того как орды схлынули, верные долопы вернули ему власть. Вскоре (около 512 года) персидский военачальник Мегабаз покорил побережье Фракии, не затрагивая владычества Мильтиада, которого, очевидно, теперь рассматривали как вассала. Преемник Мегабазы Отап также ничего не предпринимал против него, однако он завоевал расположенные юго-западнее Херсонеса острова Имброс и Лемнос, население которых — пеласги — оказало ожесточенное сопротивление и понесло тяжелые жертвы (около 511 года). Выжившие были обращены в рабство и переданы Ликарету, поставленному персами губернатором. Однако когда Ликарет вскоре после этого умер, лемносцы и имбросцы освободились от персидского господства, и в *Герфестии* на Лемносе тиранию установил цеский *Гермон*. Такое положение, а в особенности то обстоятельство, что пеласги были очень ослаблены потерями в войне против Отана, вызвали у Мильтиада желание самому захватить остров. Гермон, больше всего боявшийся персов, капитулировал, жители Миринны были осаждены, и в итоге город пал. Победитель, который одновременно становился

владыкой Лемноса и Имброса, потребовал эвакуировать с острова пеласгов. Имброс он оставил себе, а Лемнос передал афинянам, которые на этой земле, ставшей теперь собственностью Аттики, стали колонистами и образовали собственную общину. Это произошло не без борьбы с местным населением, как показывает посвящение новых лемносцев Зевсу Олимпийскому. Остается неясным, был ли другой дар, шлем, который Мильтиад сам пожертвовал в Олимпию, благодарностью за завоевание Лемноса или за другую не известную нам войну.

На основании свидетельств предания и учитывая общее политическое положение, вероятнее всего, завоевание островов произошло в период между 510 и 506 годами. Пока колонисты обустроивались и закреплялись на новом месте, могло пройти еще несколько лет. Передача Лемноса в собственность афинян могла произойти после падения Писистратидов, с которыми Мильтиад не был связан. Вероятно, этим он хотел принести свою дань родному полису, освобожденному от власти тирана, гражданином которого он продолжал оставаться и где у него наверняка еще сохранились друзья и сторонники. Краснофигурная тарелка примерно того же времени, когда он отбыл в Херсонес, изображающая скачущего стрелка из лука в чужом одеянии и с подписью «Мильтиад Прекрасный», свидетельствует об интересе, который проявляли определенные круги Афин к действиям этого человека в далеком Херсонесе. Возможно, таким приношением Мильтиад хотел обеспечить благоприятные предпосылки для возможного возвращения на родину, поскольку захват островов, очевидно, произошел без согласия персов и мог иметь для него серьезные последствия. Чтобы избежать их, он в последующее время вел себя очень сдержанно и, очевидно, даже не участвовал в Ионийском восстании*. Предание, повествуя о позднейшем процессе (489 год), приводит в его пользу указанные обстоятельства и ничего не говорит о его участии в этом движении. Мятеж был направлен не в последнюю очередь

* Восстание малоазийских греческих городов против персидского владычества в 500 г.

против зависимых от персов тиранов, к которым с 514 г. причисляли также и Мильтиада, несмотря на определенное самоуправство. Однако после разгрома восстания ему со стороны персов грозило наказание, и причиной этого был Лисагор из Пария, который его каким-то образом оклеветал. Так как властитель Херсонеса был не в состоянии противостоять могучему и победоносному финикийскому флоту*, то после известия, что вражеские корабли стоят у Тенедоса, он загрузил пять триер своими сокровищами и вышел в открытое море. Одна из этих триер вместе со старшим сыном Мильтиада Метиохом была захвачена персами. Великий царь, ко двору которого он был доставлен, пожаловал его позже домом и имуществом и женил на персианке, от которой у него были дети, считавшиеся персами. Сам же Мильтиад с оставшимися четырьмя судами добрался до Афин (493/492 г.). Там знатные соперники, скорее всего Алкмеониды, привлекли его к суду за тиранию. Однако на процессе он был оправдан, поскольку в качестве тирана он властвовал не над гражданами Аттики, а над колонистами, которые согласно закону выбыли из полиса Афины.

Владычество старшего Мильтиада и его преемников над городами Херсонеса в некоторых отношениях отличается от тирании в греческой метрополии. Она возникла вдали от родины из сочетания должности ойкиста и вождя долопов, что давало гораздо большую полноту власти, которой обычно обладали основатели колоний. Будучи ойкистом, Мильтиад оставил своему племяннику Стесагору владычество (архе), которое заключалось в командовании ополчением основанных им греческих городов, он смог передать это владычество по наследству. Однако тиранию в подлинном смысле слова, то есть силовым актом, основал только младший Мильтиад. Если, судя по всем признакам, руководящее положение его предшественников признавалось греческими городами, то сами эти города или, по крайней мере, ведущие слои в них, сопротивлялись насильственному

* Финикия с 539 г. входила в состав Персидского государства Ахеменидов

режиму нового властителя. Ему пришлось защищаться с помощью лейб-гвардии, и после его бегства от скифов обратно его вернули не его греческие подданные, а долопы. Вряд ли при таких обстоятельствах он мог проводить военные операции силами ополчения эллинских граждан. Наемники составляли его лейб-гвардию, он предположительно с помощью наемников завоевал острова Лемнос и Имброс для себя лично; возможно, в этом ему помогли верные долопы. Разумеется, гигантское превосходство персов вынудило Мильтиада покориться великому царю, но одновременно он приобрел и опору против греческих городов, которыми управлял против их воли, опору, какую имели тираны в Малой Азии. Для него, как и для большинства греков, не существовало предубеждения против союза с персами, который два десятилетия спустя был заклеен. Поборником греческой свободы бывший вассал великого царя стал лишь позднее в Афинах. Для рыхлой политической структуры полиса того времени было характерно, что аристократ, не выходя из родной общины, мог где-то далеко осуществлять тираническое правление греческими колониями, не будучи гражданином ни одной из них. В то же время они не становились собственностью родного города тирана, если только он сам не дарил их, как это сделал Мильтиад с пеласгийским островом Лемнос (заметим, что поселения у Херсонеса он не преподнес в дар).

3. Тираны — вассалы Персии во Фракии и на проливах

Если молодой Мильтиад с 514 года нашел оплот своей тирании у персов, главенство которых он признал, то владычество других городов также пользовались этой защитой, тем более что некоторые из них были обязаны своим положением власти персов. В последнем случае, наиболее

распространенном, великий князь или его сатрап ставили какого-либо знатного грека владыкой над его родным городом, который отныне становился подданным персов, то есть обязан был сражаться в их войске и платить им дань. Этот человек должен был взимать налоги и выплачивать их персам, а также в случае необходимости командовать отрядом полиса на войне под верховным командованием персов. Совершенно ясно, что кроме отдаваемой суммы, он мог часть налогов забирать в свою пользу. Кроме того, срок его правления не был ограничен и он не занимал никакого поста в полисе сроком на 1—2 года. Следовательно, он находился рядом и над общиной, гражданином которой был, и поэтому по праву мог считаться тираном. В отличие от других тиранов такие правители не нуждались в наемных войсках или других средствах сдерживания граждан, их власть гарантировали персы, а иногда и предоставляли ее. Именно поэтому персидская сторона, особенно при Дарии I, видела в тиранах лучшую гарантию верноподданничества подвластных греческих городов. Если при завоевании какой-либо страны персы сталкивались с уже установленной тираншей, как, например, в Херсонесе, то они, как правило, не трогали ее при условии выплаты дани и военного сопровождения. Положение подобных тиранов было тогда таким же, как и вновь поставленных властителей. Иной была ситуация, когда какого-либо грека, послужившего верой и правдой великому царю и персам, одаривали какой-нибудь областью или городом. В этом случае он становился землевладельцем и все взимаемые налоги шли в его пользу, без выплат персам. Так произошло, например, если свидетельства не лгут, позднее с Фемистоклом и некоторыми другими греками в 1-й половине V века, а также с *Гистиеем из Милета*, хотя и не в его родном городе, где он был тираном вышеописанного типа, а на юго-западе Фракии.

После того как персидский полководец Мегабаз в 513/512 годах вторгся из Херсонеса на запад в землю пеонов, Гистией получил за верную службу в скифском походе от особо расположенного к нему Дария ту область восточнее

Стримона, которую около 40 лет назад захватил Писистрат. Нам не известно, находилась ли она к тому времени еще во владении семьи афинского тирана, так что предположения о способе ее захвата не имеют под собой почвы. Гистией, который, очевидно, выпросил себе этот округ из-за его богатых запасов древесины и металлов, собирался править колонией как тиран-землевладелец. Однако Мегабаз считал опасным предоставлять этому деятельному и довольно подозрительному человеку позицию на окраине персидского царства, где он во главе окрестных греков и варваров мог развить нежелательную активность. Поэтому он посоветовал великому царю отозвать Гистиея к своему двору. Дарий последовал совету и вызвал своего фаворита из Фракии, где уже начиналась закладка колонии, чтобы взять его с собой из Сард в Сузы; таким образом, правлению тиранов в этой области был положен конец. Племянник Гистиея Аристагор наследовал его тиранию в Милете, причем, что примечательно, только после отпадения от Персии и тогда, когда Ионийское восстание еще не имело видов на успех (497/496). Он возобновил начатую им закладку колонии в *Миркине*. Однако поскольку он вскоре пал в боях с фракийским родом Эдонеров, тирания в Миркине так и не была установлена.

О тиранах в других городах Южной Фракии — за исключением территории Херсонеса — почти нет сведений. Только в *Византии* мы сталкиваемся с властителем по имени *Аристон*, который, как и Мильтиад, помогал Дарию кораблями в скифском походе. До этого времени город вряд ли относился к персидскому царству, так что тирания могла быть установлена самим Аристом или его предшественником, но этому могли поспособствовать и персы из соседнего Халкедона, поскольку они были заинтересованы в послушном вассале на противоположной стороне Босфора. Возможно, царь также вручил Аристону и господство над Халкедоном, ибо оба города восстали, когда тиран пребывал на Дунае, а Дарию пришлось на обратном пути из Азии переправляться через Геллеспонт. Нам не известно, что произошло после покорения отпавших округов Отаном

(около 511 года): была ли тирания Аристонa возобновлена и свергнута еще раз, когда византийцы и халкедоняне приняли участие в Ионийском восстании. Мы не имеем также сведений о том, был ли вновь поставлен тиран над Византией, которую оставили жители после новой персидской расправы (493 г.).

Геродот называет тиранов в области Пропонта и Геллеспонта, которые своими судами поддержали Дария в его скифском походе: *Метродор с Проконнеса, Аристагор из Кизика, Герофант из Пария, Гиптокл из Лампсака и Дафнис из Абидоса*. Список показывает, что персидское правительство постоянно использовало назначение или покровительство тиранам для сохранения своего верховенства. Вероятно, начало этому положил уже Кир. Именно от него *Пифарх из Кизика*, называемый другом царя, получил во владение несколько поселений вдали от своей родины, после чего собрал армию и принялся силой оружия устанавливать тиранию над Кизиком. Им не удалось сломить сопротивление кизикийцев, но хорошие отношения, в которых Пифарх находился с Киrom, свидетельствуют о том, что уже первый персидский царь, пусть и случайно, вступил на этот путь. Следовательно, упоминаемые Геродотом тираны могли иметь предшественников. Возможно, Лампсак явился исключением, потому что в те времена, когда город боролся со старшим Мильтиадом, а позже с его племянником Стесагором, упоминались только лампсакийцы и никогда — тиран. Поэтому, вероятно, *Гиптокл* одновременно с прибытием младшего Мильтиада (около 516 года) завоевал господство над городом на Херсонесе или получил его от Дария. Уважение, которым он пользовался у Дария, побудило Гиппия, тирана Афин, когда он после покушения 514 года на всякий случай хотел обеспечить себе тылы, выдать свою дочь Архедикy замуж за сына Гипшохла, *Аянтида*, который, вероятно, через несколько лет последовал своему отцу в Лампсакe. Во всяком случае, именно Аянтид около 501 года обеспечил своему тестю доступ к великому царю. Вскоре после этого во время Ионийского восстания Лампсак присоединился к другим малоазийским греческим городам на проливах. Тиран тогда был изгнан;

другие упомянутые Геродотом тираны или их преемники также были вынуждены отступить. Однако уже вскоре (предположительно в 497/496 г.) персидский полководец Даврий покорил Лампсак и Абидос, сжег Проконнес, тогда как Кизик продержался вплоть до прибытия финикийского флота (494/493 г.). О восстановлении тирании в покоренных городах нам ничего не известно, лишь в приводимой Фукидидом надписи на гробнице Архедики можно найти некоторые сведения. Здесь тиранами названы ее сыновья, подростки только к 495 году, и ее братья, сыновья Гиппия, что, впрочем, могло теперь и не считаться принадлежностью к семье тиранов. Во всяком случае, вполне возможно, что в Лампсакe, Абидосе и в других местах этого региона тирания была восстановлена и просуществовала вплоть до 478 года.

Неясным остается также положение в *Сигее*, куда *Гиппий* вначале отправился после своего изгнания из Афин и где он еще находился около 504 года. Нам не известно, кто тогда был тираном в городе. Посаженный там своим отцом Гегесистрат мог быть еще жив или его место мог занять какой-либо другой член дома Писистратидов. Сам Гиппий, который стремился к восстановлению своей власти в Афинах и через несколько лет отправился ко двору великого царя, вероятно, не стал властвовать. Скорее, правили его сыновья, а поскольку упоминание о них на гробнице Архедики позволяет предполагать, что они были тиранами, то их местонахождением, скорее всего, был Сигей. Писистрат завоевал его, очевидно, после крушения Лидийского царства, но когда персы еще не успели прибрать к рукам его северо-западные районы, включая Трою. Когда же это, наконец, произошло, Гегесистрату — так же, как позднее и младшему Мильтиаду в Херсонесе — пришлось признать главенство великого царя и стать одним из его вассальных тиранов. Не доказано, но вполне возможно, что город был захвачен восставшими ионийцами и тирана, кто бы им ни был, изгнали. Возможно также, что тирания после подавления восстания в этих областях вновь возродилась, если она и была перед этим свергнута. Ее конец наступил в 478 году, когда флот греков прорвался к Геллеспонту.

Глава IV ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ МАЛОЙ АЗИИ

Если в малоазийских городах на севере Эгейского моря нам были известны только тираны, обязанные своим положением персам, то в греческих поселениях на западном берегу полуострова и расположенных рядом островах уже с конца VII века правили самостоятельные властители городов. Естественно, и для них большое значение имели отношения с властью, которой принадлежала внутренняя территория Анатолии (до 546 года это было Лидийское царство); однако вассальные тираны появились здесь, как и на проливах, только при персах. Благодаря уходящим далеко в глубь полуострова речным долинам с их древними торговыми путями греческие города на побережье были связаны с народами в глубине полуострова и даже с Ближним Востоком. Они подвергались влиянию восточного мира, но и сами оказывали на него влияние. Уже фригийский царь Мидас II взял в жены дочь царя эолийского города Киме (около 700 года), а отношения между лидийским царствующим домом Мермнадов и знатными эллинскими семьями были еще теснее. Многие принцессы вступили в брак с аристократами из Эфеса. Гигес, а позднее Крез жертвовали в Дельфы богатые дары, щедрость последних лидийских царей распространялась также на храм Артемиды в Эфесе и святилище Аполлона в Дидиме. Могущество и великолепие властителей Востока подтолкнули не одного аристо-

крата в греческих городах объявить себя повелителем своего родного полиса и по возможности подражать восточной роскоши. Не случайно эллины на анатолийском побережье начали обозначать человека, который объявил себя монархом и с помощью насилия подчинил родную общину, словом «тиран», имеющим, вероятно, азиатское происхождение; настолько сильно воспринималось сходство с чужими деспотиями.

Отношения греческих городов с Лидийским царством состояли, впрочем, не только во взаимном обмене. Уже Гигес решился присоединить эллинские поселения к своему царству и продлить его на северо-западе до морских проливов. Ему удалось также завоевать Колофон, а за Смирну и Милет он сражался напрасно. Дальнейшим акциям положили конец прежде всего вооруженные нападения киммерийцев. Сам Гигес пал в бою (652 год). После отхода орд его сын и наследник Ардис возобновил отцовскую политику экспансии и захватил Приену, но захват Смирны смог осуществить в 575 году лишь его внук Агат, а Эфеса — правнук Крез. Исключая Милет, который, несмотря на неоднократные нападения Алиата и даже его отца Садията, долгое время сохранял свою независимость от Лидии, к середине VI века лидийскому царю покорились все города малоазийского побережья, включая города на проливах и Пропонтиде. Правление, очевидно, было довольно мягким и не требовало от общин ничего, кроме регулярной выплаты дани и участия в военных действиях в случае войны. От распространения своего владычества на близлежащие острова Крез воздержался и довольствовался лишь подписанием договоров о дружбе.

Место лидийца занял в 546 году перс, который также требовал уплаты дани и участия в войне. Хотя ничего не сообщается о тиранах, которых можно было бы назвать вассальными, известно, что большинство греческих городов Малой Азии, а также острова Хиос и Самос, в первой половине века находились под властью ставленников Дария, которые были обязаны царю своим положением. Ставил ли Кир тиранов в городах, сказать трудно, поскольку

нам известно слишком мало случаев, к тому же неоднозначных. В дальнейшем вассальные тираны будут рассматриваться вместе с самостоятельными. Мы постараемся сохранять локальный принцип изложения и проследить за появлением тиранов в эолийской, ионийской областях расселения* вплоть до окончания персидского владычества (479/478 гг.), насколько нам это позволяют обрывки предания.

1. Эолийские города

Материковые города

В эолийской области расселения на материке нам известен один-единственный тиран доперсидского времени, *Главкий*, который властвовал в не определимом теперь месте в Троеде, откуда он был вынужден бежать в Сидон на Гранике и тщетно пытался противостоять Крезу, возводя укрепления. Лидийский царь выступил противником тирана и здесь, и в самом значительном из эолийских прибрежных городов, *Киме*. Здесь некий Фидон, вероятно, после конца существовавшей еще в 700 году царской власти, стал принимать «слишком большое» участие в государственных делах, а благодаря некоему Прометею число политически полноправных граждан достигло тысячи. Видеть в нем или в Фидоне тиранов нет никаких оснований. Они могли либо заниматься преобразованием основ управления, либо занимать высшую государственную должность, носителей которой и позднее называли айсимнетами — наименование, очевидно, указывающее на законодательные функции в прежние времена. Однако если в предании сказано, что Кир

* Приблизительные границы областей расселения: эолийской — от Илиона (Трои) до Киме; ионийской — от Фокеи до Милета; дорийской — от Галикарнаса до острова Родос.

поставил управлять городом монарха, то это следует понимать только так, что он поставил над ним тираном своего преданного человека. При Дарии таким властителем был *Аристагор*, который подобно другим вассальным тиранам оказывал царю помощь в скифском походе эскадрой своего города. Когда разразилось Ионийское восстание, он правил в Киме, но граждане дали ему возможность спокойно удалиться, что говорит о мягкости его правления. Возможно, что после спада волнений он вновь был поставлен на власть, хотя, учитывая падение тираний в соседней Ионии, это маловероятно. Во всяком случае, в 480 году городом правил не греческий тиран, а персидский губернатор Сапдок.

Лесбос

Гораздо больше, чем о положении в Киме или других греческих городах Малой Азии на рубеже VII—VI веков, нам известно благодаря многочисленным фрагментам песен поэта Алкея о положении на Лесбосе и особенно о различных волнениях, охвативших тогда самый значительный город острова, Митилены. В последней трети VII века здесь больше не было царского владычества, но члены старого царского рода Пенфилидов образовали, подобно Бакхидам в Коринфе, династическую олигархию, находившуюся у власти. Их жестокое поведение вызвало всеобщее возмущение, прежде всего, у знати. Один из знатных господ, Мегакл, выступил со своей гетерией и убил многих из них, но весь род не был уничтожен. Один из Пенфилов был позднее убит Смердом, с которым он жестоко обращался (около 620 года). О роли народа нам ничего не известно, скорее, речь шла о чисто аристократическом порядке, который предоставлял членам знатных семей возможность участия в политической жизни и занятия должностей в совете и народном собрании. Однако раздоры между крупными родами, среди которых выделялись Археанактиды и Клеанактиды, и честолюбивые помыслы отдельных аристократов

мешали установлению длительного умиротворения. Уже через несколько лет *Меланхр*, вероятно, принадлежавший к одному из знатных родов, попытался провозгласить себя тираном в Митиленах. Ничто не указывает на то, что ему это удалось в качестве вождя незнатных слоев. Они не упоминаются и при последующих столкновениях, так что создается впечатление, что и тиран, и его противники опирались на аристократические гетерии. Противостоящая гетерия, к которой принадлежали и братья Алкея, и он сам, под предводительством Питтака свергла тирана. Меланхр был убит (около 610 года).

Очевидно, теперь в общине был восстановлен аристократический порядок и *Питтак* играл ведущую роль. Уже его отец Гиррх, несмотря на фракийское происхождение, принадлежал к знатым господам Митилен. Часто знатные восточные греки принимали в свои ряды людей того же сословия из других народов. Сын мог позднее вступить в брак с представительницей старого царского рода, дочерью того Псефила, которого убил Смерд. Вскоре после смерти Меланхра Питтак отличился в войне за Сигей, предпринятой под его командованием. Это место, которое один из Археанактидов обнес стеной, подверглось тогда нападению аттических колонистов под предводительством олимпионика Фринопа. В ходе продолжавшихся с переменным успехом боев Питтак в единоборстве убил Фринопа, однако он, очевидно, не смог однозначно завершить войну в пользу митиленцев. Лишь позже Периандр закончил ее решением третейского суда, который, очевидно, оставил каждому из противников то, чем он владел. Однако в Митиленах вновь начались раздоры между соперничающими знатыми родами и гетериями, а также из-за стремления к власти отдельных людей, тем более, что Мирсил, который предположительно принадлежал к Клеанактидам и был на стороне Меланхра, вернулся на родину из изгнания, куда после свержения тирана были отправлены его сторонники. Алкей сравнивал тогда общину с кораблем, который в открытом море настигли дикие шторма и который уже сильно поврежден, так что привести его в надежную гавань можно

только при крайнем напряжении сил всей команды. Он сам и гетерия Питтака, к которой принадлежали он и его братья, противились Мирсилу и его окружению, но ему все же удалось установить в городе свою тиранию.

О характере правления *Мирсила*, который, судя по его имени, был малоазийского происхождения, у нас нет достоверных данных. Почти ни о чем не говорит тот факт, что его знатные противники видели в нем угнетателя народа. В первую очередь они чувствовали угнетенными себя и пытались положить конец тирании ненавистного им человека. Во имя этой цели гетерия Питтака принесла торжественную клятву не на жизнь, а на смерть. Но запланированный заговор был раскрыт, и членам гетерии пришлось из Митилен бежать в ближний лесбосский город Пирра. Вероятно, теперь они попытались привлечь к помощи лидийцев, которые, по свидетельству Алкея, предоставили им сумму в 2000 статеров. Остается неизвестным, почему лидийцы были заинтересованы в устранении Мирсила. Во всяком случае, заговорщики не достигли своей цели. Им не удалось проникнуть в Митилены, Питтак же от них отступился и перешел на сторону Мирсила. Алкей за это проклял бывшего единомышленника и не устал клеймить его как позорнейшего предателя. Действительно ли он был таким или имел веские причины отказаться от своего дела и примкнуть к Мирсилу, остается нам не известным, как и многое другое. Во всяком случае, в дальнейшем Питтак входил в окружение тирана и, видимо, извлекал из этого выгоду, тогда как его бывшие соратники предпринимали дальнейшие безуспешные попытки свергнуть режим Мирсила, опиравшегося на сторонников Клеанактидов и Археанактидов. Устойчивость и большое количество сторонников этой тирании свидетельствуют о ее недеспотическом характере, по крайней мере, по отношению к знати. Ее продолжительность неизвестна, как неизвестно и то, умер Мирсил естественной смертью или насильственной. Бурным ликованием приветствовал Алкей конец властителя — теперь он и его друзья смогли вернуться в родной город.

и. Но радость была недолгой. Вернувшиеся обнаружили, что теперь ведущую роль в Митиленах начинает играть Питтак. Алкей и его товарищи продолжали видеть в нем предателя, которого они ненавидели всей душой. Они осыпали его бранью и предрекали городу гибель из-за его стремления к тирании. Их поведение привело к тому, что они вновь, очевидно, по инициативе Питтака, были изгнаны. Покинуть родину пришлось также Сафо и предположительно Клеанактидам. Однако устранение группировок знати, вносящих смуту, не принесло умиротворения. Изгнанные и на чужбине продолжали плести интриги, и в противовес им Питтак в 590 году был выбран митиленцами айсимнетом.

Аристотель назвал айсимнетию, которая как чрезвычайная должность встречается нам тогда только на Лесбосе, «избранной тиранией», поскольку она предоставляла лицу, облеченному ею, абсолютную власть, сравнимую с властью тирана. Тем не менее айсимнета нельзя считать тираном, поскольку у него нет существенных признаков такового. Он не является самостоятельным политическим фактором наряду с общиной, он в большей степени ее уполномоченный, чем орган, и полнота его власти — не личное достоинство, которое может быть передано по наследству, а отправление власти самое большее пожизненно, в основном же на более короткий срок или для выполнения определенной задачи. Тогда как у тирана отсутствует правовая основа, она дается айсимнету самим актом выборов. Сходство заключается в том, что при обоих продолжают существовать органы общины, пусть даже их значение сильно падает; далее, айсимнет также может иметь личную охрану, но только по решению общины. Впрочем, как известно, более поздним тиранам, например, Писистрату или Дионисию I, личная охрана предоставлялась по решению народа. Из сказанного можно сделать вывод, что те, кто был недоволен назначением айсимнета, могли видеть в нем тирана и клеймить его как тирана, что и делал Алкей относительно Питтака. Это не затрагивает основополагающего различия между тираном и айсимнетом. Скорее, можно спросить, достиг ли Питтак своего квазимонархического положения

как вождь незнатных слоев и тем самым уподобился ли некоторым тиранам на их пути к власти. В стихах Алкея упоминаются клич глашатая на агоре и совет, но по сообщению Лесбосца Феофраста, Питтак распорядился, чтобы торговые договоры заключались «царями» и пританами, вероятно, высшими должностными лицами города, что заставляет предположить преимущественно аристократическое правление, о котором свидетельствует также предшествующая борьба аристократических группировок. Совет, вероятно, состоял из глав знатных семей, «царей», а слово «дамос», как и в архаической Спарте, могло обозначать весь верхний слой, в крайнем случае, включать еще и незнатных свободных землевладельцев. Поскольку Питтак не изменил этот порядок, постольку он, далее, в ответ на происки изгнанников-аристократов был назначен айсимнетом и ничто не свидетельствует о социально-революционных тенденциях, то его нельзя, исходя из наших данных, приравнять к тиранам, пришедшим к власти в качестве вождей низших слоев народа.

Действия айсимнета, состоящего в браке с женщиной из старого царского рода Пенфилидов, не носили характера тирании. По-видимому, он выполнил поставленную перед ним задачу — положить конец проискам изгнанников. Лишившись возможности действовать в Митиленах, они рассеялись по дальним землям, и если некоторые из них и вернулись домой, то в политической жизни они больше не играли значительной роли. Законодательная деятельность Питтака, очевидно, укрепила до тех пор весьма рыхлую по структуре общину и, не устраняя ее аристократической базы, заложила основы правового государства. Как и Солон — и притом еще в VI веке — он был причислен к семи мудрецам. Как и Солон, он добровольно сложил с себя данные ему властные полномочия, когда задача была выполнена, что, очевидно, произошло через 10 лет (около 580 года). Это еще раз подтверждает со всей очевидностью, что Питтак, даже если он некогда присоединился к тирану Мирсилу, не стремился к тирании для себя самого. Нам не известно, вызвало ли сохранение аристократического порядка в общине новые

смуты в последующий период, когда и на Лесбосе незнатные слои начали поднимать голову, что могло создать условия для появления тирании. В любом случае такая тирания послала бы совершенно иной характер, чем тирания Меланхра или Мирсила, которая не была связана с притязаниями низших сословий, а явилась следствием борьбы различных группировок знати.

После покорения Гарпагом греческих городов на западном побережье Малой Азии (около 545 года) общины на Лесбосе рано или поздно вынуждены были признать верховную власть персов, в походе которых против Египта (525 год) и против скифов (514 год) участвовали митиленцы. В отличие от многочисленных городов на материке они вплоть до скифских походов не подчинялись ни одному тирану, ставленнику или фавориту персов. Контингентом их судов на дунайском мосту командовал стратег *Коес*, сын Эвандра, очевидно, избранный на эту должность. Он посоветовал Дарию во время скифского похода сделать мост из судов и в благодарность за это после возвращения царя получил тиранию над Митиленами, причем, возможно, с правом не платить дань. Коес за это продолжал сохранять верность персам, поддерживал судами полководца Отана против Лемноса и Имброса (около 511 года), но в качестве властителя заслужил особую ненависть митиленцев. Когда в начале Ионийского восстания Етрагор хитростью захватил его в плен, как и нескольких других тиранов, а затем передал согражданам, они вывели его за город и забили камнями до смерти. О возобновлении тирании после захвата острова персами (493 год) нам ничего не известно.

2. Ионийские города

Материковые города

Самым северным из ионийских городов на материке, Фокеей, по-видимому, в первой половине VI века управлял тиран Эксекест, о котором известно лишь то, что он был

убит, хотя охранялся предсказаниями оракула. Нет также точных сведений о вассальном тиране персов Лаодаме, который помогал своими судами Дарию в скифском походе. Он или его последователь, как и большинство владык ионийских городов, были свергнуты в начале Ионийского восстания, однако фокейцы принимали активнейшее участие в мятеже вплоть до катастрофы при Ладе.

Эритры

История тирании в Эритрах восходит к древним временам, предположительно к VII веку. Тогда, вероятно, царская власть Кнопа была свергнута гетерией, во главе которой стояли *Ормиг*, *Ир* и *Эхар*, с помощью управляющих Хиосом «тиранов» Амфикла и Политекна. Местный историк Гиппий из Эритр, живший, скорее всего, в эллинистический период, рассказывает об этом и добавляет, что эти три человека, которых он называет тиранами, установили жестокий режим правления. Своих противников они уничтожили, управляли общиной как самодержцы, презирая законы, и не допускали в город никого из сельского населения. Облаченные в пурпурные одежды, они перед городскими воротами вершили суд и выносили этим людям приговоры. Вообще своими одеяниями они демонстрировали необычайную роскошь. Граждан не только привлекали к самым низменным и грязным работам, но при неповиновении жестоко наказывали; они должны были также сами приводить им своих жен и дочерей и смотреть, как их сыновей уводят на оргии властителей и их друзей. Если умирал кто-либо из круга гетерии, то граждане вместе с женами и детьми должны были являться на публичные оплакивания, которые происходили под надзором лейб-гвардии с плетьюми. Однако в итоге брат убитого царя Кнопа, которому удалось собрать войско за пределами города, положил конец этим жестокостям. Тираны погибли во время бегства, их жен и приспешников постигла страшная месть.

Какое бы недоверие ни выказывали этому рассказу более позднего писателя и как бы ни пытались объявить

изложенное стереотипной картиной тирании, которая с V века закрепились в греческой литературе, а в данном случае была приправлена изрядной долей фантазии, однако непередаваемый колорит ионийского мира архаического периода не позволяет отвергнуть эти данные как выдумку. То, что царствование в Эритрах было прервано тиранией вождей аристократической гетерии, не подлежит сомнению хотя бы благодаря точному перечислению имен и соответствует положению на Лесбосе в конце VII века, которое нам известно. Деспотическое правление группы людей, не связанных между собой родственными узами, подтверждается к тому же совместными действиями Мирсила и Питтака. Примечательная склонность к пышным появлениям на публике, свойственная в архаические времена большинству ионийской знати, могла особенно развиться у эритрийских правителей по примеру азиатских владык, которым они стремились подражать и своим деспотическим поведением. Необычным для тиранов кажутся скорее не приписываемые им жестокости и недопущение сельского населения в город, к чему в более мягкой форме стремились также Перандр, Клисфен и Писистрат, а упразднение законов и принятие на себя как управления, так и судопроизводства. Как правило, тираны не касались общинных порядков и функций. Если в Эритрах действительно было иначе, то, скорее всего, потому, что узурпаторы монархической власти еще не ощущали противостояния более или менее крепкого организма народа и в своем безмерном честолюбии не только полностью захватили полномочия прежнего царствования, но и произвольно превысили их.

После свержения тирании царствование в старой форме, скорее всего, не было восстановлено, а было учреждено правление всех членов царского рода Басилидов, названное Аристотелем олигархией, подобно правлению Бакхиадов в Коринфе. Эта власть, о продолжительности которой нам ничего не известно, как свидетельствует Аристотель, была свергнута демосом, причем имеется в виду не только простой народ, а все землевладельцы. О тирании больше ничего не сообщается. И позже, во времена скифского похода

Дария, в отличие от других ионийских городов, она не подтверждается непосредственно. Однако всеобщая ситуация, а также одна надпись V века позволяют предположить, что Эритры, участвовавшие в Ионийском восстании, подобно большинству других городов до этого находились под властью тирана — ставленника или фаворита персов.

Колофон

Поучительные сведения о Колофоне в период около 550 года содержатся в одном из фрагментов Ксенофана, который покинул свою родину, когда она попала под власть персов. «Изнеженную и бесполезную роскошь, — говорится там; — колофоняне переняли у лидийцев, и пока они еще были свободны от ненавистной тирании, они ходили на агору в пурпурных одеяниях, не менее тысячи, важничая, хвастаясь своими красиво уложенными доконами, благоухая драгоценными мазями». Здесь перед нами не тираны, как Эритрах, а богатые господа, образующие олигархию, которые очень правятся себе в роскошных одеяниях, подражающие лидийским обычаям. Кто был тираном, о котором говорит Ксенофан, мы не знаем. Возможно, он был вассалом персов, но обращает на себя внимание то, что тиран из Колофона не упоминается при скифском походе Дария и не подтверждено участие города в Ионийском восстании. Если при этой тирании знатные господа больше не выставлялись на всеобщее обозрение так пышно и самодовольно, то за этим необязательно должно стоять распоряжение тирана, настроенного против знати. Уже то, что у них отобрали власть, могло удерживать их от подобного появления на публике.

Эфес

Несколько богаче, чем для вышеназванных городов, источники по истории тирании в Эфесе, которой в эллинистическую эпоху Батон из Синопа посвятил целое сочинение. В Эфесе с давних времен правил род Басилидов.

возводящий свое происхождение к легендарному основателю Андроклу. К этому роду, по всей видимости, относилось несколько человек по имени Мелас, старший из которых, известный нам, был зятем лидийского царя Гигеса, второй, предположительно его правнук, находился в тех же родственных отношениях с Алиаттом, тогда как еще один потомок первого Меласа, по имени Милет, взял в жены сестру Саднатта. Таким образом, старый правящий дом Эфеса многократно породнился с Мермнадами, которые с середины VI века не предпринимали попыток присоединить город к лидийской территории. Однако царствование Басилидов, как и царского дома в Эритрах, не было спокойным. Оно на время прерывалось деспотическим правлением некоего *Пифагора*, который коварно сверг царя, очевидно, с помощью людей из Теоса и Карены и провозгласил себя правителем Эфеса (около 600 года). Его облик, который спустя столетия обрисовал Батон из Синопта, являет типичные в описании тиранов черты, хотя привлекательность отдельных деталей не поддается проверке. Тогда как Пифагор старался завоевать симпатии народа, в том числе и его низов, уважаемых эфесцев он ограбил, конфисковал их имущества и не только подверг жестоким наказаниям, но и некоторых совершенно невиновных предал смерти. Беспредельной, сказано в предании, была его алчность, поэтому он приветствовал любой донос. Он не уважал даже права на убежище в храме, приказывал хватать свои жертвы даже в святилищах, а одну девушку, укрывшуюся там, обрек на голодную смерть, так что она там в отчаянии повесилась. Батон ничего не сообщает о насильственной смерти, которая в конце концов настигла Пифагора. Эта тирания, опиравшаяся, по-видимому, на низшие слои народа, как и мпозжество деспотий у восточных греков, осталась беглым эпизодом, не оказавшим сильного воздействия на дальнейшее развитие полиса. Во всяком случае, во второй четверти VI века Эфес вновь находился под властью Басилидов, которая теперь, однако, в нашем предании, не слишком надежной, с терминологической точки зрения, именуется тиранией. Если понимать это прямо, то можно сделать вывод, что

отныне царствование больше не осуществлялось в его патриархальной форме, а монархия была восстановлена возвратившимися Басилидами силой и, таким образом, не слишком отличалась от господства тиранов.

Мелас (II), зять Алиатта, сумел закрепить новое положение и передать власть своему сыну *Пиндару*, который еще правил, когда царь Крез, его дядя, во второй половине 50-х годов решил присоединить Эфес к своему царству. Пиндар не выполнил требование о добровольном подчинении, и дело дошло до осады. Уже одна из башен была разрушена, когда Пиндар приказал соединить стены и ворота веревками со знаменитым святилищем Артемиды, находящимся на расстоянии почти полутора километров, чтобы таким образом сделать город частью святилища богини, вторгнуться в которое означало святотатство. Затем между эфесским посланником и лидийским царем было достигнуто соглашение, правда, за счет Пиндара, который не пользовался у эфесцев любовью из-за своей жестокости. Крез, который и здесь не желал тирании, пообещал городу автономию, но, кроме выплаты дани и помощи в случае войны, потребовал, чтобы его племянник покинул Эфес. Большую часть своего состояния Пиндар оставил под присмотром своего доверенного Пасикла, а сам со свитой покинул город и отправился на Пелопоннес. В Эфесе остался его сын *Мелас* (III). Следовательно, против Пиндара, несмотря на его суровое правление, не были приняты обычные для изгнанных тиранов меры: конфискация имущества, изгнание, если вообще не убийство всей семьи. Конец его господству положило не восстание, а воля лидийского царя. Пасикл впоследствии даже избирался айсимнетом, однако затем был убит молодым Меласом, который чувствовал себя отгесненным на второй план.

О тирании молодого Меласа ничего не известно, но возможно, что за этим убийством последовала внутренняя борьба, ибо несколько позднее, примерно около 550 года, из Афин был призван некий не известный нам Аристарх в качестве третейского судьи, который, предположительно, правил Эфесом 5 лет, будучи наделен монархическими пол-

номочиями, и, если мы правильно поняли, путем реформы фил значительно расширил круг граждан, обладающих политическими правами, то есть создал в общине новую, демократическую основу. Вскоре после этого смена лидийского владычества персидским создала новую ситуацию. Если Крез уважал предоставленную им самим автономию города и, очевидно, отказался от покровительства услужливым тиранам, то теперь Эфес подпал под тиранию двух людей — Афенагора и Комаса, которые были обязаны своим приходом к власти, предположительно, царю Киру. Об их деяниях у нас нет сведений, так же как и о пришедшем в конце V века *Меланкоме*, которого величайший сын Эфеса, Гераклит, побудил низложить тиранию. И он был одним из трех тиранов, которым благоволили персы, а возможно, даже получил власть из их рук; но он не только отказался от власти, но и отклонил приглашение Дария. О преемнике нам ничего не известно. Ни в Геродотовом перечислении властителей городов, участвовавших в скифском походе, ни в сообщении об Ионийском восстании, в котором Эфес, вероятно, принимал участие лишь вначале, не упоминается тиран этого города. Это, а также тот факт, что Эфес и после 479 года вначале оставался верным персам, может свидетельствовать о том, что Дарий не настаивал на тиранической форме правления, учитывая дружественные отношения с городом.

Милет

Поскольку о тирании в небольших ионийских городах на материке до 480 года нет свидетельств, нам остается только рассмотреть, что известно о деспотическом правлении отдельных властителей в Милете. К VII веку восходит литературно изложенный и кое в чем спорный рассказ о Нелеидах, *Лаодаме* и *Амфитре*, которые оспаривали друг у друга царскую власть, передававшуюся в их роду по наследству. Амфитр считается тираном, поскольку он убил справедливого и удачливого во внешнеполитических делах Лаодама, а его убийство сыновьями Лаодама означает для

Милета конец войны и тирании. Таким образом, о собственно тирании здесь говорить не приходится. Если считать рассказ достоверным, то речь идет скорее о раздорах внутри царского дома, следствием которых стал конец царствования Нелеидов. В предании говорится, что после этого на должность айсимнета «демосом» был выбран *Эпимен*, который, однако, жестоко злоупотреблял предоставленной ему властью, по собственному произволу казнил, отобрал имущество у сыновей Амфитра, бежавших в страхе, и даже назначил премию за их головы. Хотя черты, обычные для более позднего описания образа тирана, и здесь вызывают недоверие к рассказу, но тот факт, что Эпимен использовал должность с исключительными полномочиями для установления беззаконного правления, подтверждается свидетельством Аристотеля, что именно в Ионии тирания часто брала свое начало как раз с высокой должности. Сам Милет был этому примером в конце VII века.

Тогда один аристократ по имени *Фрасибул*, занимавший высшую должность притана с большими полномочиями, решил стать правителем города. Как это ему удалось и что было основой его властного положения, мы не знаем, но вряд ли речь шла о противозаконном продолжении отправления службы по истечении годичного срока, как это сделал афинянин Дамас. Иначе Фрасибул не остался бы в памяти как тиран, уничтожающий своих знатных противников, как друг и единомышленник Периандра, и Геродот не назвал бы его дважды, наряду с милетянами, партнером по мирному договору, который был заключен с лидийским царем Алиаттом после длительной войны. Однако поскольку в этой войне он, очевидно, был главнокомандующим милетскими войсками, то командование досталось ему либо по особому решению, либо благодаря сохранению должности притана (хотя ее срок истек, но был, возможно, продлен ввиду чрезвычайных обстоятельств). Нам не известно, основывалась ли его тирания на наемных войсках или сильной поддержке местных сторонников, но это сочетание тирании с неисполнением должности или данного общиной поручения мы еще встретим на западе греческого мира, у

Гелона и позднее у Дионисия I. Как здесь, так и там внешнеполитическая ситуация вынуждает граждан подчиниться тирану в войне, однако в мирном договоре он фигурирует как самостоятельная величина наряду с управляемым им полисом, который он тем не менее не может законно представлять. Удачный отпор могущественному врагу оправдывает поведение милетян и, в определенном смысле, тиранию Фрасибула. В конце концов Алиатт (вскоре после 600 года) был вынужден заключить с ним и гражданами города договор о дружбе и союзе, так что Милет не стал подвластным Лидии. Неизвестно, как долго после этого успеха оставался тираном Милета Фрасибул, с которым поддерживал отношения философ Фалес.

В течение последующих десятилетий, примерно до 520 года, Милет раздирали тяжелые внутренние противоречия. Тираноподобную власть смогли на короткое время установить *Фоас* и *Дамасенор* со своей гетерией, что указывает скорее на соперничество аристократических группировок, чем на подъем народных масс, так же как предание о Фрасибуле ничего не говорит о социальных конфликтах такого рода. После свержения *Фоаса* и *Дамасенора* развернулась длительная конфронтация между знатью и трудящимся населением. Верх одерживали то одни, то другие, и социальный кризис продолжался до тех пор, пока не была призвана третья комиссия с острова Парос, которая по повому организовала общину, дав тем крестьянам, участки которых она нашла в хорошем состоянии, политические права, тогда как безземельные ремесленники в городе, по всей видимости, были обойдены вниманием. Таким образом, насколько нам известно, ни во главе ремесленников, ни как вождь сельского населения ни один милетянин не пришел к единоличной власти, поскольку у восточных греков тирания вообще была значительно меньше связана с социальной борьбой или обусловлена ею, чем в метрополии. Тиран в Милете вновь появился лишь во времена Дария. Поскольку город уже сумел формально утвердить свою независимость как от лидийцев, так и от персов, и великий царь признал его союзником, обязанным лишь поставлять

войско во время войны, то здесь труднее всего было навязать тирану, чем в подвластных греческих городах. Впрочем, используя стремление к власти какого-либо честолюбца и оказывая ему денежную и прочую помощь, можно было бы привести его к власти над Милетом. Тогда город попал бы в неприятную зависимость от персов, поскольку такой тиран в интересах сохранения своей власти был бы весьма уступчив. Вероятно, Гистией, сын Лисагора из знатного рода, именно таким образом стал тираном в родном городе.

Как и большинство тиранов — ставленников персов, Гистией впервые встречается нам в 514 году на Дунайском мосту, где он воспротивился требованию скифов разорвать мост и предоставить Дария его судьбе. Ясно, что он не хотел лишиться опоры своей власти, которая после такого подтверждения лояльности должна была казаться ему еще более надежной, чем прежде. Благодарность царя не заставила себя ждать: Гистией получил в подарок доходные области восточнее Стримона. Эти владения в Южной Фракии имели для него, как и для любого тирана, большую ценность как возможное убежище. Однако почетное приглашение в качестве сотрапезника и советника к персидскому двору, которому способствовал не доверяющий ловкому ионийцу полководец Мегабаз, произвело в его жизни неожиданный поворот. Поскольку он хотел сохранить благоволение Дария, ему пришлось на время пребывания в Сузах передать тиранию над Милетом и фракийской областью своему племяннику и зятю Аристагору, сыну Молнагора.

Этот *Аристагор*, о тирании которого после 513/512 гг. нам ничего не известно, поднял Ионийское восстание, причем, если верить рассказу Геродота, нашему единственному источнику, — из эгоистических побуждений. Когда около 500 года несколько богатых господ из Наксоса, изгнанных народом, будучи друзьями его дяди, обратились к нему за помощью, Аристагор склонил дружественного ему сатрапа из Сард, Артафрена, к походу против острова; он представил дело так, что они смогут покорить не только Наксос, но также Парос, Андрос и другие зависимые от Наксоса

острова, а возможно даже Эвбею. Сам он надеялся при этом стать владыкой Наксоса, разумеется, как вассальный тиран персов, и обещал всемерную поддержку этой акции. Дарий одобрил предоставленный ему Артафреном план и поручил командование экспедицией Мегабазу. Однако между Мегабазом и Аристагором произошел серьезный конфликт, и последний оказался под угрозой утраты тирании в Милете, основанной на поддержке великого царя. Он тяжело разочаровал Артафрена: расходы на военную экспедицию, которые он обещал оплатить в надежде на богатую добычу, он не смог возместить; возвратившиеся войска, в которых были и другие вассальные тираны, были настроены крайне недружелюбно, а раздоры с Мегабазом грозили тяжелыми последствиями. В этой ситуации Аристагор, возможно, втайне воодушевленный находящимся вдали Гистиеем, после совещания со своим окружением принял решение изменить персам, отказаться от тирании над Милетом и призвать к восстанию малоазийских греков, которые чувствовали себя ущемленными установленным в 513 году владычеством великого царя над проливами, а также хотели свергнуть вассальных тиранов. Для себя лично Аристагор, честолюбивый, хитрый и авантюристичный, подобно своему дяде Гистиею, желал стать вождем не только в Милете -- восстание в случае удачи открывало перед ним широкие перспективы. Из Милета, куда он, очевидно, срочно вернулся, через некоего Иетрагора он велел схватить всех тиранов, участвовавших в экспедиции на Наксос и теперь собиравшихся в обратный путь, и выдал их общинам их городов. Сам же он сложил с себя владычество над Милетом и, желая завоевать доверие милетян, ввел республиканский строй (изономию).

С распространением восстания вплоть до проливов на севере и греческих городов на Кипре на юго-востоке пали опиравшиеся на персов тирании. Тот факт, что большинство властителей городов, даже те, кого передал общинам Иетрагор, были беспрепятственно отпущены, свидетельствует об отсутствии всеобщей ненависти, обычно вспыхивающей при падении тирана. Видимо, в своих городах они

имели немалое число приверженцев, если персидские военачальники накануне битвы при Ладе надеялись с их помощью (а большинство из них находилось под защитой персов) удержать восставшие общины от участия в решающей битве, что, однако, не удалось, несмотря на усилия отдельных тиранов. Подтверждением этому служит также то, что Аристагору, несмотря на его многолетнюю тиранию, вначале удалось стать во главе восстания и добиться признания. После упразднения тирании милетяне либо выбрали его на высокую должность, либо наделили особыми полномочиями, которые позволили ему не только лично вести в Греции переговоры о поддержке восставших, но и передать своему брату Харонину руководство войсками против Сард. Даже когда в 496 году он избежал катастрофического исхода поднятого им восстания и отправился во Фракию, он еще смог назначить своего преемника. Уже упоминалось в другой связи, что он погиб при попытке утвердиться в области на Стримоне, некогда подаренной его дяде.

Последние интриги и судьба Гистиея характерны, скорее, для восточно-ионийской разновидности тирании, чем для тирании вообще. С удивительной ловкостью, даже после измены своего племянника и нападения ионийцев на Сарды, ему удавалось сохранить благоволение Дария, который до такой степени верил в его лояльность, что в 496/495 гг. послал его на умиротворение восстания в Малой Азии. Роль, которую Гистией играл здесь в последующее время, свидетельствует как о двойственном положении послушных персам тиранов между их греческими общинами и азиатской властью, так и о большой изворотливости и хитрости этого человека. На Хиосе, куда он отправился из Сард, его встретили, естественно, с недоверием, однако он сумел создать впечатление, что поддерживает восставших, и был доставлен в Милет. Тем не менее здесь ему отказали в приеме под впечатлением постыдного отступления Аристагора и из страха перед возможной новой тиранией, силой же ворваться в город ему не удалось. Тогда хиосцы отказались от него, а митиленцев на Лесбосе ему удалось уговорить предоставить восемь судов. С этими судами из Ви-

зантии, где его, очевидно, приняли, он захватывал суда, приходившие с Понта, в особенности ионийские, поскольку их города не хотели ему подчиниться. Таким образом, он увеличил свой флот. Он сознательно избегал враждебных действий по отношению к персам и тем не менее возбудил их подозрения, в том числе сатрапа Артафрена. Ибо цель, которую преследовал Гистией, заключалась в том, чтобы установить тираноподобное владычество над теми городами, которым еще непосредственно не угрожала военная мощь великого царя, причем перед ними он разыгрывал роль защитника, сохраняя при этом возможность в случае решающей победы финикийского флота над эскадрой восставших, сконцентрировавшейся под Милетом, предстать перед Дарием в качестве покорителя этих городов и заслужить тем самым вознаграждение. После битвы при Ладе, в которой он не участвовал, он продолжал свои интриги, покорив со своим усилившимся флотом Хиос, утвердился на острове и оттуда вместе с многочисленными ионийцами и эолидцами выступил против Фасоса, который не входил в сферу персидского влияния. Однако когда пришло известие, что финикийская армия пробивается из Милета на север, он прекратил уже начатую осаду города и отправился на покорный ему Лесбос. То, что Гистией собирался защищать остров от персов, не подтверждает ни предание, ни очевидная безнадежность такого мероприятия. Надеясь на милость Дария, он, вероятно, рассчитывал передачей подвластных ему поселений не только оправдать свое поведение, но и заслужить благодарность. Но царь был далеко, а сатрап Артафрен и персидский полководец Гарпагос уже давно разгадали двойную игру Гистиея. Во время похода за фуражом, который он предпринял из-за продовольственных трудностей на Лесбосе, на него напали отряды Гарпагоса и захватили в плен, хотя он и объявил атаковавшему его персу, что находится под защитой Дария. Чтобы воспрепятствовать его помилованию или новому возвышению, Гарпагос и Артафрен отправили его в Сарды и там распяли (494/493 гг.). Отрубленная голова была отправлена ко двору в Сузы. Дарий осудил казнь человека, преданного, как он считал,

делу персов, и устроил почетное погребение переданной ему головы.

После полного подавления восстания персы дистанцировались от возобновления тираний в материковой Ионии. Артафрен обеспечил мир и ввел новую налоговую систему. Мардоний* в следующем году (492) разрешил отдельным общинам демократическое устройство. Изменить курс побудили следующие обстоятельства: тираны не смогли обеспечить покорность городов, а напротив, вызывали желание свергнуть их, и это явилось одним из мотивов всеобщего восстания; кроме того, Мардоний учел печальный опыт Аристагора и Гистиея. Если при этом он сделал выбор в пользу демократического, а не олигархического государственного устройства, то можно догадаться, что именно аристократические круги в первую очередь были противниками персидского господства и его проводника — тирана. Не известно, почему на расположенных рядом островах Хиосе и Самосе, в отличие от материковой Ионии, сохранились тирании. Вполне возможно, что в 80-е годы, когда разрушенный и обезлюдивший Милет постепенно начал возрождаться, там опять правил поставленный персами или поддерживаемый ими тиран. Согласно одному, впрочем, не слишком надежному источнику, лакедемоняне изгнали из Милета тирана *Аристогена*, что, скорее всего, могло произойти после битвы при Микале.

Острова

Хиос

Из двух расположенных вблизи ионийского побережья островов Хиос, в отличие от Самоса, имел меньшее значение для истории тирании. На острове — предположительно в VII веке — правили два тирана, *Амфикл* и *Политекн*, которые, как уже упоминалось, оказывали военную поддер-

* Персидский полководец, племянник Дария I.

жку эритрейцу Ортигу и его гетерии, когда он свергал царство на своей родине. Поскольку имя Амфикл носил также один из ранних, полумифических царей Хиоса, одноименный тиран и предположительно также Политеки, скорее всего, принадлежали к царскому роду, так что здесь речь может идти не об узурпированной тирании, а, как и в случае Меласа в Эфесе, о господстве старой правящей семьи, которое временами прерывалось и вследствие своего насильственного возобновления с чужой помощью могло восприниматься как тирания. Самое позднее во второй четверти VI века на Хиосе было республиканское государственное устройство, которое, насколько нам известно, в доперсидские времена насильственно не прерывалось. Маловероятно, чтобы Кир, когда хиосцы подчинились ему добровольно, поставил над городом правителя; во всяком случае, мы видим его только во время скифского похода Дария в лице *Стратта*. Как и остальные ионийские тираны, с началом великого восстания он вынужден был отступить, но после поражения восстания и короткого господства Гистиея вернулся и еще 13 лет правил общиной. Устранение тиранов на материке Мардонием его не затронуло. Лишь после битвы при Саламине против него образовался заговор, участники которого после предательства бежали в Спарту, затем на Эгину, сборный пункт эллинского флота весной 479 года, и призвали греков к освобождению Ионии. После победы при Микале тирании Стратта также был положен конец.

Самос

Экономически процветавший остров Самос, известный еще с древних времен своим плодородием, развитыми ремеслами и оживленной торговлей, в середине VI века раздирали внутренние противоречия. Мы знаем о трех государственных переворотах: первый — некий *Демотел* на какое-то время установил тиранию, очевидно, в оппозицию землевладельческой знати — гаморам; второй — его власть была

свергнута предводителем флота, победившего в войне с Мегарой за Перинф; наконец, *Силосон*, сын Каллитела, использовал верховное командование, порученное ему в войне против эолидцев, для установления единоличной власти. Его тирания приходится примерно на 560 год, когда, возможно, по его инициативе, был возведен гигантский храм Геры — творение Ройкоса и Феодора. Затем опять последовала смута, для улаживания которой был приглашен айсимнет по имени Фоибий. То, что самосцы, как и хиосцы, признали верховную власть Кира, когда он подчинил себе окрестную территорию на материке, кроме Милета, где у них самих были владения, подтверждает Геродот. Но человек, который несколько лет спустя, примерно в 538 году, стал тираном Самоса, добился власти без поддержки персов и не считал себя подданным великого царя.

Поликрат

Поликрат, вероятно, внук или внучатый племянник названного Силосона, был сыном Анакса. Отец, которого можно с трудом идентифицировать с его тезкой — сыном Брихона, изваявшего статую спящей Геры, скорее всего, не был тираном; такой вывод можно сделать по тому, как Поликрат пришел к власти. Он собрал в гетерию представителей своего сословия, которых предположительно привлек щедростью, и вместе с ними и своими братьями Пантагностом и Силосоном силой захватил город Самос (около 538 года). Во время большого праздника Геры, когда вооруженные жители отправились в святилище, расположенное в полутора часах ходьбы, и там сложили оружие, он напал на них и сразу же после этого захватил важнейшие точки никем не защищаемого города, прежде всего крепость Астипалаю. Чтобы защитить власть, завоеванную так внезапно, он укрепил акрополь и попросил военной помощи у Лигдама, несколько лет назад посаженного Писистратом на Наксосе. Тот послал ему войска. Разоружение,

захват крепости, чужая помощь — это были те средства, которые использовал Писистрат, когда незадолго до этого захватил власть в Афинах. Ничто не свидетельствует о том, что Поликрат до этого был вождем определенной группы населения, будь то мелкие землевладельцы или беднейшее городское население, а сам факт узурпации власти с помощью гетерии говорит как раз об обратном; однако, с учетом социальной напряженности на Самосе в VI веке и некоторых последующих мер тирана, очевидно, что он сверг вновь пришедших к власти гаморов и рассчитывал на поддержку или, по крайней мере, невмешательство низших слоев. Некоторое время, очевидно, до 532 года, три брата правили совместно, затем Поликрат приказал убить Пантагноста и изгнал Силосона, который направился ко двору персидского царя.

Установленная вооруженным мятежом тирания и дальше продолжала держаться на силе и поэтому нуждалась в сильном наемном войске. Геродот говорит о тысяче лучишков на службе правителя. Что касается отношения Поликрата к общине самосцев, то он со своими собственными войсками был рядом с ней, но возможно, он одновременно занимал длительное время верховный пост, ограничиваемый одним годом, и в силу этого командовал ополчением граждан, что случалось, по крайней мере, в последующие годы. Таким образом, разоружение самосцев не стало долговременным, а было отменено после укрепления режима, когда широкие круги населения увидели материальные выгоды, которые сулили им владычество Поликрата на море и широкое строительство, развернутое им на Самосе. Однако и тогда число его противников оставалось немалым. К ним относились прежде всего гаморы и другие состоятельные люди, которых правитель привлекал к особому рода деятельности, например, к содержанию матерей павших в боях бедняков или к финансированию своих дорогостоящих архитектурных проектов. Таким образом, он шел навстречу опасности, которая могла грозить ему со стороны некоторых родов в силу их богатства. Многие люди этого круга были изгнаны. Другие добровольно покинули остров, не

желая мириться с тиранией. В основном они направлялись в Южную Италию. Туда направился знаменитый Пифагор, там на месте будущих Путеол самосцы, под которыми, вероятно, следует понимать эмигрантов, в 526 году основали колонию Дикеархия. Тиран, со своей стороны, с постоянным недоверием наблюдал за верхними слоями общества, он даже запретил школы борьбы (палестры) из опасения, что там в доверительном общении смогут возникнуть заговоры против его владычества. Низшие слои, которые, предположительно, приветствовали падение гаморов, напротив, были довольны такими мерами, как обеспечение матерей павших воинов, и новыми возможностями заработка на строительстве или на флотской службе.

Флот, который достался Поликрату после государственного переворота, насчитывал до ста 50-весельных судов и около сорока триер. По его приказу был сконструирован также новый тип судна, так называемая самена, которая со своим тунным, похожим на свиное рыло носом и объемистым корпусом могла использоваться в открытом море как парусник. Гавань Самоса была защищена и расширена гигантским молем. Самосцы всегда занимались морским разбоем, но Поликрат делал это с таким размахом и достиг такого могущества на море, которым, по словам Геродота, кроме Миноса и других царей глубокой древности, не обладал никто. Он нападал на все острова и побережье на большом удалении, причем, как передают, щипично заявлял, что пострадавшие друзья будут ему еще более благодарны за возврат награбленного, чем если бы их вообще не грабили. Кроме того, тиран подчинил себе множество городов на островах и побережье Малой Азии, возможно, он даже надеялся установить свое господство на всем Эгейском море. Хорошо подтверждены такие его предприятия, как война против соседнего Милета, на помощь которому пришли лесбосцы, которых, впрочем, Поликрат захватил в плен и использовал как рабочую силу при возведении стены вокруг города Самоса. Победил ли он самих милетян, нам не известно, однако Фукидид сообщает, что он захватил небольшой остров рядом с Делосом — Ренею, но затем

принес его в дар Аполлону, соединив его цепью со священным островом Аполлона Делосом. Он осуществлял своего рода протекторат над этим островом и проводимыми на нем празднествами, которые, предположительно, обогатил основанием состязаний; будучи главой амфикионии, он был озабочен благоволением Аполлона не меньше, чем родной Геры. И действительно, создавалось впечатление, что боги благоволили расширению его власти, захвату судов и городов, в основе которых, судя по имеющимся сведениям, лежала не конструктивная политическая мысль, а лишь потребность в приумножении богатства и распространении личного владычества. Куда бы он ни направил свои пиратские суда и войско, все получалось по его желанию, так что умы современников его неслыханное счастье возмущало больше, чем насилие. Знаменитая история о кольце Поликрата, которое обнаружили в животе пойманной рыбы, в том виде, как мы читаем ее у Геродота, основывается на широко распространенной в V веке вере в зависть богов, которой слишком счастливый мог избежать с помощью добровольной жертвы, и то, что тиран чудесным образом получил назад свое сокровище, тоже, очевидно, старая традиция, но поскольку упоминается даже изготовитель кольца, архитектор Феодор, история выглядит не совсем неправдоподобной.

Не меньше чем удивительным счастьем государя-пирата, современники и потомки восхищались щедрым использованием его исключительного богатства, размахом и блеском построек, великолепием и пышностью его двора. «Ни один эллинский тиран, кроме сицилийского, не может сравниться по размаху роскоши с Поликратом», — говорит Геродот. Если перестройка гавани, строительство укрытий для судов и укрепление города Самоса стенами и рвами были обусловлены необходимостью надежной защиты центра морской державы, то возведение нового гигантского храма в святилище Геры взамен построенного Ройкосом и Феодором и разрушенного пожаром должно было сохранить и приумножить милость богини к тирану. Потребности правителя в роскоши и демонстрации своей власти служил великолеп-

ный дворец, восстановить который приказал через полтысячелетия римский император Гай*, вероятно, из чувства внутреннего родства с гениальным строителем. Проведение водопровода в город напоминает о Периандре, Феагене и Писистрате, но он намного превосходил их постройки в техническом отношении. Инженер Эвпалин из Мегары пробил в горе, возвышавшейся севернее поселения, штольню длиной более километра, в которой рядом с потолком шел тоннель с трубами, куда попадала вода из сильного источника. Как и мол в гавани, и корабли «самена», это важное дело свидетельствует о большом интересе к технике прогрессивного настроенного, рационально планирующего тирана, который постоянно заботился о практических нововведениях. Так, он занимался улучшением породы своих охотничьих собак, ввозя сук из Лаконии и Молоса, и пытался увеличить поголовье мелкого домашнего скота, ввозя коз с Наксоса и овец из Милета. Эти меры одновременно служили развитию на Самосе шерстяных мануфактур.

В этом отношении правление тирана пошло на пользу прежде всего ремесленникам, а об улучшении положения крестьян, если не считать поощрения разведения мелкого скота, нам ничего не известно. Многочисленные заказы, которые распределялись среди ремесленников всех профилей для больших строек, также давали им работу и заработок. Кроме того, и широкие круги городского населения могли получить заработок на этих работах, а бедняки могли стать гребцами или пойти в наемную армию правителя. Именно для горожан были предназначены некоторые крупные сооружения Поликрата: водопровод и так называемая лавра, нечто типа восточного базара (примером чему послужили Сарды), в закоулках которого «цветы Самоса», как называли публичных женщин, предлагали себя посетителям. Нельзя отрицать, что внешняя торговля, которая с давних пор связывала остров с ближними и дальними странами, особенно с Египтом, расцвела при владычестве тирана на море. Великому пирату удавалось привлечь торговые суда, гарантируя им безопасный проход в свой

* Вероятно, Гай Цезарь Калигула (12—41 г. н. э.).

город, где они должны были платить пошлину и портовые взносы, но грузы при этом не разграблялись, оставаясь в целостности и сохранности. Даже без случайных замечек в источниках можно предположить, что Поликрат занимался чеканкой монет. Как и прочие тираны, он редко ставил на них свое имя, зато на монетах чеканилось изображение введенного им типа судов «самена», что привело к тому, что все самосские монеты стали называться «самена».

Об ионийцах VI века принято говорить, что они предаются лидийской роскоши и изнеженности, особенно Поликрат, для которого, казалось, был характерен этот стиль жизни (трифе). Поводом к этому служил блистательный двор тирана. Как сказано в предании, он привлекал к своему двору не только прекрасных женщин и красивых мальчиков, но и людей искусства разного рода и одаривал их по царски. Так, знаменитый врач Демокед из южноиталийского Кротона, который прежде практиковал в эгинской и афинской общинах, получил неслыханно высокий гонорар в два таланта. Не менее щедро он одаривал прославленных поэтов, находившихся при его дворе, Анакреона из соседнего Теоса и Ивика из отдаленного Регия. Анакреон, который после взятия своего родного города персами (545 год) отправился с согражданами в Абдеру, прибыл оттуда к Поликрату. Здесь он в пежных песнях воспевал женщин и особенно мальчиков из окружения тирана, исполненный педерастической страсти, что, по-видимому, привело к его конфликтам с тираном из-за соперничества. В своих стихах он касался также внутривполитических обстоятельств при тиране и отправился в Афины к Писистратидам, вероятно, еще до свержения Поликрата. Ивик, который, предположительно, сам мог стать тираном на своей родине, состязался с теосцем в любовных песнях и прославлял как красоту Поликрата, так и его морское могущество в Эгейском море. «Двор муз» Писистратида Гиппарха был подражанием двору самосского тирана, который впервые начал собирать вокруг себя поэтов, астрологов, врачей, художников, причем не только из тщеславия или честолюбия, но и потому, что любил их общество и был восприимчив к ис-

кусству. Вероятно, он одновременно с Писистратом начал собирать библиотеку, в которой сберегались поэтические творения прошлого и настоящего.

Понятно, что образ этого разностороннего, демонического человека, несмотря на постоянно прорывающуюся в нем жестокость, вызывал восхищение современников, особенно восприимчивых в этом отношении ионийцев, что чувствуется и в изложении Геродота. Его отважная личность, его власть покорителя морей, его сказочное счастье и величелье его двора могли затмить даже блеск дворов сатрапов. Как же относились к нему персидские правители, а именно пребывавший в Сардах наместник? Неужели они наблюдали за самовольным присоединением тираном города, формально подвластного персам, и возражением его владычества на море, за приемом беглых лидийских подданных и насилем над собственным или — как Милет — союзным городом, не принимая никаких действенных мер? Да, именно так все и происходило, ибо не было боеспособного флота, поскольку эскадра греческих общин персидской сферы влияния не могла успешно выступить против него, и, благодаря тому, что у Кира в течение его последних лет и у его сына Камбиза давно были связаны руки на Востоке, Поликрат своей гибкой политикой сумел предотвратить опасность вмешательства финикийского флота. Он заключил дружеский союз с Амасисом, царем Египта, который, подобно ему, тоже был узурпатором и, естественно, находился в антагонизме с захватническими стремлениями персов, угрожавших также и его стране. Однако морской разбой, которым занимался тиран Самоса, не делал различий между врагами и друзьями, и, возможно, жалобы бежавших в Навкратис самосцев на его жестокое правление привели, поскольку протесты Амасиса оставались без внимания, к разрыву между ним и Поликратом. Возможно, последний пошел на это сознательно, видя, что сын и наследник Кира Камбиз готовится к завоеванию Египта. Возможно, ему казалось выгоднее перейти на сторону противника, чем помогать находящемуся под угрозой владыке Нила, чтобы таким образом добиться признания своих завоеваний

персидским царем. После завершения соответствующих переговоров Поликрат послал Камбизу для его предприятия 40 триер и использовал эту возможность, чтобы удалить с Самоса недовольных граждан, которыми укомплектовали экипажи судов, причем он попросил великого царя больше не отпускать этих людей на родину. Однако все произошло иначе, чем ожидал тиран. Либо по дороге в Египет, либо на обратном пути команды самовольно вернулись на Самос и после победоносного морского боя попытались высадиться на остров. Скорее всего, они были разбиты и вынуждены спастись в море. Как это часто происходило, попытка взбунтовавшейся против тирана группы своими силами свергнуть деспотию потерпела неудачу из-за его военного превосходства и, возможно, из-за поддержки, которой он тогда пользовался у городских масс. Следствием неудавшегося мятежа были жесточайшие действия тирана. Даже жен и детей не причастных к восстанию самосцев он заключил в гавани как заложников, чтобы в случае нового нападения предотвратить переход их мужей и отцов на сторону восставших.

Такое нападение произошло. Ибо бежавшие с Самоса мятежники направились на Пелопоннес и обратились к Спарте за помощью, которая и была им оказана. Не ясно, в какой степени лакедемоняне руководствовались старыми обязательствами перед общиной Самоса, ненавистью к тирану и желанием положить конец пиратству Поликрата; переход тирана на сторону персов вряд ли послужил основной причиной вмешательства. Для коринфян, которые участвовали в борьбе и на суда которых пала ее основная тяжесть, основной причиной было, разумеется, пиратство, препятствовавшее торговле, и господство Поликрата на море. Удалось свергнуть Лигдама на Наксосе, который некогда поддерживал Поликрата и, очевидно, находился с ним в тесной связи, и начать осаду города Самос. Уже удалось взобраться на одну из башен городской стены, когда тиран с сильным отрядом спас положение. Спартацы, не искушенные в осадной войне, достигли еще незначительных

отдельных успехов, но через сорок дней вынуждены были отступить (около 524/523 гг.). Рассказ о том, что хитрый Поликрат подкупил их и при этом обманул позолоченными свинцовыми монетами, уже Геродоту казался неправдоподобным.

Тогда как вторично разочарованные самосские изгнанники с разнообразными приключениями искали в эгейском мире новую родину и в конце концов были обращены в рабство на Крите, готовилось внезапное свержение тирана, которому до сих пор всегда сопутствовала удача. Сатрап Сард Оройт принял решение устранить тирана, который своим высокомерным поведением или же отдельными выходками возбудил его особую неприязнь, и полностью подчинить его великому царю. Он надеялся заслужить этим благодарность и почет, тем более, что Камбиз после завоевания Египта (525 год) больше не имел оснований считаться с Поликратом. Добиться этого военной силой было трудно, что незадолго до этого подтвердила неудача пелопоннесцев. Тогда Оройт прибег к хитрости, попросив Поликрата принять его с сокровищами, поскольку-де царь посягает на его жизнь. Половину этих сокровищ он обещал отдать тирану, который мог бы в таком случае существенно увеличить свое могущество. Видимо, Поликрат поверил этому предложению и позволил заманить себя для ведения переговоров. Впрочем, вначале он послал своего секретаря Маяндрия, чтобы убедиться в наличии сокровищ, и после того, как проверка дала положительный результат, лично в сопровождении свиты, среди которой был и врач Демокед, отправился к персу на соседнюю Магнезию. Однако сатрап тут же взял его в плен и велел казнить «способом, который не хочется описывать». Труп был прибит к кресту. Самосцев из свиты отпустили домой, прочих Оройт обратил в своих рабов. Это был ужасный конец, настолько неслыханный и драматичный, какими были жизнь и деяния этого дерзкого человека, в котором тирания восточноионийского образца нашла свое самое грандиозное и устрашающее выражение.

Тираны после Поликрата

Отправляясь на Магнесию, Поликрат передал бразды правления вышеупомянутому *Маяндрию*. После смерти тирана он осознал невозможность занять его место, однако опасался не только интервенции наместника, но и сопротивления населения Самоса, где после жестокостей Поликрата во время восстания даже те круги, которые прежде не были ему враждебны, и слышать ничего не хотели о новой тирании. Поэтому Маяндрий отказался от наследия, принес в дар Гере великолепные украшения из дворца, учредил святилище Зевса-Освободителя и выразил готовность сложить с себя владычество, чтобы установилась иномыслия (республиканский порядок). Для себя лично он потребовал 6 талантов из состояния Поликрата и должность жреца Зевса-Освободителя, которая полагалась ему как восстановителю свободы и учредителю святилища. Однако когда эти требования отклонили, более того, испросили отчета об оставшемся состоянии тирана, на которое он посягнул, Маяндрий заперся в крепости и хитростью заманил туда вождей оппозиции. Вскоре после этого, когда он, тяжелобольной, слег, его брат Ликарет, ждавший смерти Маяндрия, чтобы захватить Самос, казнил их. Однако Маяндрий выздоровел. Он оказался в еще более сложной ситуации, поскольку после вступления Дария на трон персидский военачальник Отан собрался сделать брата Поликрата, Силосона, все еще находившегося при царском дворе, вассальным тираном на Самосе. Маяндрий и его сторонники после высадки персидских войск объявили о своей готовности покинуть остров под гарантии безопасности. Соглашение было заключено, и какое-то число знатных персов уже прибыло в город, когда — так, по крайней мере, сообщает Геродот, — вероятно, слабоумный и поэтому содержавшийся в изоляции второй брат Маяндрия, Харилей, с его согласия распорядился быстро вооружить толпу и убить персов. Однако Харилей и его толпа были быстро

оттеснены войсками Отана в крепость и там, вероятно, захвачены, тогда как Маяндрию с его сокровищами удалось спастись через подземный ход и отплыть в Лаконию, где он напрасно пытался заручиться поддержкой царя Клеомена. Как показывает более позднее назначение Ликарета губернатором Лемноса, тот своевременно перешел к персам, которые страшно покарали население Самоса, протестовавшее против возобновления тирании Поликратова семейства и, вероятно, поддерживавшее Харилея. Остров сильно обезлюдел, когда Силосон получил его как вассал великого царя после того, как солдаты Отана прошли его весь огнем и мечом. Впоследствии из-за нехватки населения в общину принимали с полными правами даже рабов-вольноотпущенников.

Силосон правил Самосом лишь короткое время. Ему наследовали названный в честь деда Аякс, который в 514 году появился на Дунайском мосту среди вассальных тиранов. Как и правителям других городов, с началом Ионийского восстания ему пришлось бежать, хотя его правление и не вызывало ненависти. Все же ему удалось незадолго до битвы при Ладе убедить командующих самосскими кораблями выйти из флота восставших, чтобы уберечь свою родину от нового опустошения, грозившего в случае неминуемой победы персов. Тем не менее значительная часть имущих самосцев решила тогда покинуть остров и обосноваться на Сицилии, чтобы вновь не подпасть под власть азиатов и тиранию Аякса. Тирания была установлена. Даже после смерти Аякса, который умер около 480 года, Самос получил нового властителя, хотя на всем ионийском побережье тираны были устранены еще в 493 году. Им был *Феоместор*, который отличился, командуя самосской триерой в битве при Саламине и в награду за это получил тиранию на острове. За его спиной самосцы впоследствии провели переговоры с победоносным греческим флотом в Делосе и влились в него еще до боя при Микале. Вероятно, тогда и был свергнут Феоместор, не принадлежавший к семейству Поликрата.

Характер тирании в Ионии

Рассматривая многочисленные и, по-видимому, недостаточно хорошо известные нам тирании в Ионийской области, нельзя не отметить, что при их возникновении напряженность и борьба между знатью и простым народом в общем-то играли значительно меньшую роль, чем в метрополии. То немногое, что нам известно о социальном и экономическом развитии общин, довольно редко находится в причинной связи с тиранией, которая в истории этих городов не образует эпоху, а скорее пронизывает политическую жизнь как постоянно возвращающийся мотив. Однако нельзя отрицать, что для ее установления и утверждения позиция незнатных слоев имела значение, а также то, что некоторые властители, пусть и косвенно, поддерживали ремесленников и вообще горожан. Вместе с тем следует отметить: ни об одном ионийском тиране не сообщается, что он пришел к власти как демагог или во время своего правления коренным образом изменил социальное положение. Поэтому разногласия со знатыми собратьями по словию в основном не имели принципиального характера, а речь, скорее, шла о смене господства старого царского рода или определенных аристократических группировок правлением одного человека и его гетерии, чем о революционном перевороте с далеко идущими социальными последствиями. Если Аристагор в конце концов предоставил милетянам изонию, а Маяндрий на Самосе собирался это сделать, то лишь потому, что они не смогли закрепить свою тиранию и подобным актом пытались обеспечить себе руководящее положение или же хотели сохранить значительное личное состояние. Ни один восточноионийский тиран не оказал такого глубокого влияния на историю своего полиса, как Кипселиды, Орфагориды или Писистратиды на историю Коринфа, Сигея или Афин. Их власть, как уже отмечалось, носила скорее эфемерный характер.

К сожалению, нам мало известно об отношении тиранов к политическому организму общин, над которыми они вла-

ствовали, однако создается впечатление, что в Ионии властитель и полис не противостояли друг другу как самостоятельные величины настолько однозначно, как в метрополии, например, в Афинах. Вероятно, причина заключалась в том, что малоазийским грекам было в меньшей степени присуще стремление к свободному государственному самоопределению, чем эллинам по ту сторону Эгейского моря. Впрочем, существовало и республиканское государственное устройство, как, например, подтвержденная подписями конституция Хиоса, по которой назначались айсиметы, и Гераклит, правда, будучи посторонним, требовал, чтобы народ боролся за свои законы как за свой оплот. Однако примечательно, что и эфесцы, и милетяне приглашали людей со стороны для упорядочения государственной жизни. У ионийцев, больше погруженных в свою частную жизнь, мало чувствуется целеустремленность в утверждении наилучшей формы полиса. В этих обстоятельствах их общинам в еще большей степени, чем архаическим городам-государствам метрополии, недоставало сплоченности: знатные господа наподобие известного нам по надписи Харея из Тихивса могли чувствовать себя правителями и считать высшую должность полиса, если она им вручалась, личным доходным владением. Поэтому понятно, что, согласно уже упоминавшемуся свидетельству Аристотеля, в Ионии исполнение высшей должности часто использовалось для установления тирании; вследствие скудости предания надежным примером этому может служить только Фрасибул из Милета. Сочетание правления тирана с его законной должностью в общине, длительное исполнение которой уже является незаконным и, следовательно, тираническим, видно на примере Поликрата. Несколько иначе, но в основном аналогично обстоит дело, когда, как уже неоднократно упоминалось, члены старинного царского рода какого-либо города вновь захватывают власть, утраченную их домом. Здесь тирания в чистом виде тоже сочетается с прежним правящим положением. Наряду с этим существовали также властители, которые не занимали в полисе руководящей должности, как, например, тираны Эритр, завоевавшие власть с чужой помощью, что

повсеместно происходило в Ионии. В общем и целом, тиранов в этой области в меньшей степени характеризует политическая форма их правления, чем то, как они использовали свою власть.

Именно здесь появляется свойственный ионийцам индивидуализм, их склонность давать волю своим страстям и наслаждаться чувственными радостями бытия, их дерзость и авантюризм, ум и изворотливость этого высокоодаренного племени, которые в некоторых случаях достигли грандиозного размаха. Их правлению менее всего было свойственно чувство ответственности, даже войны с внешним врагом служили одновременно утверждению личного господства. Строительство и хозяйственные нововведения Поликрата в конечном счете тоже были обусловлены эгоистическими помыслами и личными склонностями, пусть даже они шли на пользу части населения. Еще откровеннее, чем в метрополии, здесь проявляется себялюбивый характер греческой тирании. Он достаточно четко виден и у некоторых тиранов, обязанных властью персам, прежде всего у Гистиея и Аристагора. Зависимость от великого царя и близость его сатрапов ставили их действия в определенные рамки, однако оставляли возможность, используя текущую политическую ситуацию, действовать в личных интересах. Это определяло их лояльность по отношению к персам, а не принципиальная приверженность азиатской политике; но это же не позволяло им злоупотреблять своей властью в отношении жителей родных городов. Обычно им не была свойственна жестокость, проявлявшаяся у Поликрата. С одной стороны, умеренность вассальных тиранов, с другой — меньшее стремление греков малоазиатского побережья к государственности и автономии, по сравнению с общинами метрополии, были причиной того, что к правителям городов знать не испытывала такой ненависти, как можно было бы ожидать. Когда ионийское восстание нацелилось сбросить скорее экономический, чем политический гнет великого царя, их положение между греческими полисами и персидским правительством стало невыносимым. Однако персы после поражения восстания не стали вновь насаждать в городах

побережья систему вассальных тиранов, которая воспринималась крайне отрицательно и не могла гарантировать спокойствия и верноподданности.

3. Дорийские города

В области расселения дорийцев тирания встречается на островах Кос и Родос, а также в материковом городе Галикарнасе, в котором в основном жили карийцы* и в тирании отчетливо видны карийские элементы. Что касается островов, то нам настолько мало известна их история в доклассическое время, что нельзя сказать с уверенностью, подчинялись ли они около 545 года персам или — по крайней мере фактически — смогли утвердить свою независимость по образцу Самоса. В пользу последнего предположения свидетельствуют обстоятельства правления тирана *Скифеса*, который около 500 года правил на Косе. Когда этот человек добровольно сложил с себя власть и отправился на запад, он смог передать своему сыну Кадму власть «достаточно умеренной». Это не похоже на тиранию по милости персов, хотя Скифес во времена своего правления мог поддерживать хорошие отношения с царским двором. Затем он отправился к Дарию, который особенно уважал его за честность после того, как Скифес, которому он по его просьбе еще раз разрешил съездить на Сицилию, вновь к нему вернулся. Бывший тиран Коса был богатым человеком и умер в преклонном возрасте в Персии. Однако его сын *Кадм* также через некоторое время отказался от власти на острове, причем, как отмечает Геродот, лишь из чувства справедливости, а не потому, что его принудили. Во главе группы, к которой предположительно принадлежал и комедиограф Эпихарм, следуя по стопам отца, он также отплыл на Сицилию, где осел в Цанкле. По-

* Древний народ, заселявший во 2-м тысячелетии до н. э. бассейн Эгейского моря.

скольку его прибытие туда можно отнести к 490 году, то он, вероятно, после окончания Ионийского восстания, в котором жители Коса, по-видимому, не участвовали, отказался от власти, пожимая, что ликвидация Мардонием тираний в Ионии не может не оказать влияния на граждан и что его тирания находится под угрозой. Нам не известно, повлияло ли создание республики на Косе, во главе которой стоял ежегодно избираемый «монарх», на ухудшение отношения тиранов к персам или великий царь после ухода Скифеса и Кадма решил присоединить остров к своей империи. Во всяком случае, упоминается о завоевании Коса персами, которое, очевидно, осуществил Датис в 490 г. Ко времени похода Ксеркса жители Коса уже находились под властью персов и должны были участвовать в походе.

На Родосе единственным тираном считался *Клеобул из Линдоса*, господство которого, длившееся приблизительно 40 лет, можно отнести к середине VI века. Этот человек, который, несмотря на греческое имя, был карийского происхождения, предстает в предании почти исключительно как поэт и один из семи мудрецов, с которыми впоследствии связывали и якобы его дочь Клеобулину. Сомнительно делать из этого какие-либо выводы о характере его правления, учитывая легендарный характер этого предания. То, что сообщается о Линдосе в так называемой храмовой хронике, записанной в 99 году до н. э., не дает надежных сведений о владычестве Клеобула. Там сказано, что после победоносного похода против ликийцев его войска украсили храм Афины в Линдосе восемью щитами, а культовое изображение — золотым венком. Война, вероятно, приходится на поздний период его правления, то есть Клеобулу приписывается начало строительства святилища, которое наверняка длилось много лет и для которого он, очевидно, собрал деньги за счет пожертвований. Нет никаких свидетельств, что Родос в его времена или позже в течение VI века подчинялся персам; родосцы, как и жители Коса, не упоминаются в числе участников Ионийского восстания. Как рассказывается в сильно приукрашенной чудесной истории упомянутой хроники, персы покорили этот остров,

населенный дорийцами, лишь в 490 году, но не поставили там тирана.

Иначе обстояло дело с материковым городом *Галикарнасом*, который уже в 545 году был включен персидским полководцем Гарпагом в состав персидского царства. К сожалению, Геродот почти ничего не сообщает о своем родном городе, но не может быть сомнения, что знатный карийский род, правивший городом с конца VI века, был вассалом великого царя. Несмотря на то, что и правители, и население города были преимущественно карийскими, их появление в рамках истории греческой тирании обуславливает большая степень эллинизации полиса. Первым в ряду правителей Галикарнаса, который нам известен по имени, был *Лигдам*, отец *Артемисии*, время правления которого приходится на конец VI века. Если Артемисия, согласно карийскому обычаю, с которым мы еще столкнемся, состояла в браке со своим братом (Мавсолом?) — другой брат, Пигр, по-видимому, занимался поэзией, — то она могла унаследовать власть после его смерти или непосредственно от Лигдама, что и произошло около 490 года, когда она участвовала в персидском завоевании и наказании острова Кос. Десять лет спустя она командовала во время похода Ксеркса в Грецию не только пятью собственными судами, но и эскадрой Коса, Нисироса и Калимны. Что эти острова не были ей подвластны, можно заключить из того, что на Калимне правил «царь» *Дамасифим*, который зависел не от Артемисии, а от персов. Тем не менее верховное главнокомандование царицы свидетельствует о ее превосходстве над владыками соседних островов и о доверии, которое питал к ней Ксеркс. Во время боев в Греции благодаря своему необычному уму и смелости она стала пользоваться еще большим благоволением великого царя, который руководствовался ее советами. Она упоминается в военных операциях на берегах Эвбеи; в битве же при Саламине, от которой она тщетно пыталась отговорить персов, она отличилась и лишь благодаря своей хитрости и смелости счастливо избежала катастрофы. Напрасно афиняне назначали премию за ее голову. После того как

Артемисия склонила Ксеркса к возвращению в Азию и по его желанию обеспечила царским сыновьям безопасность в Эфесе, она вновь вернулась в Галикарнас. Как долго она продолжала там править, нам не известно.

Этой выдающейся женщине наследовал ее сын *Псиндел*, а ему *Лигдам младший*, второй сын или внук Артемисии, правление которого было прервано насильственным путем около 454 года. Знать Галикарнаса, среди них историк Геродот и его родственник Паниас, свергла тирана, когда в греческих городах Малой Азии уже давно исчезли тираны, которых поддерживали персы, а после победы Кимона при Эвримедонте (около 467 года) морское могущество Атики стало достигать и карийского побережья. Вначале переворот не увенчался успехом: Геродот отправился в изгнание на Самос, а Паниас погиб, предположительно, при неудачном покушении на Лигдама. Вероятно, в результате этих внутренних смут был принят закон по вопросам домо- и землевладения. Для нас он является важным документом о том положении, которое Лигдам и, очевидно, его предшественники занимали в Галикарнасе. Наряду с собраниями граждан галикарнасцев и салмакитов, то есть греческого и карийского населения, у которых были отдельные коммунальные органы, Лигдам выступает здесь как третий политический фактор, в одобрении которого нуждались решения обеих групп. Тогда как греческие тираны, если они — как иногда в Ионии — не занимали верховной должности, могли оказывать влияние на внутривластную жизнь общины, особенно на законодательство, лишь косвенно в силу своего властного положения и авторитета, то в Галикарнасе не только практически, но и юридически решения общин обеих частей города зависели от воли тирана, который, как показывает пример Артемисии, мог издавать указы. Он упоминается в документе как частное лицо, без наименования должности, без царского титула, который Артемисии был присвоен в литературном предании, скорее всего, терминологически ненадежном. Положение Лигдама отличается от положения большинства греческих тиранов тем, что между правителем города и обеими общинами

существовали правовые отношения, установленные конституцией, именно отсутствие которых как раз и характерно для греческой тираннии. Поэтому правильнее было бы говорить не о тиранах, а карийских монархах, пусть даже эллинизированных, которые некогда независимо, а затем как вассалы великого царя управляли общинами Галикарнаса.

Так же мало, как и правящий дом Галикарнаса, могут быть причислены к греческим тиранам и правители других карийских городов во времена персидских войн, даже если некоторые из них носили греческие имена и одного из них, Аридола, Геродот называет тираном. Дело не только в том, что они правили негреческими городами. Видимо, здесь вообще не было антипода подлинной тираннии — автономной по самой своей природе общины, а монархия представляла собой традиционную форму государства. Если подобные правители городов и встречаются в той же роли, что и ионийские тираны, а именно — командующих эскадрами своих городов в рамках персидского флота, то они не обязаны своим господством, как другие, только великому царю. И когда Мардоний в 493/492 гг. ликвидировал в Ионии систему «вассальных тиранов», династическое правление в карийских городах сохранилось именно потому, что оно не было навязанной формой господства. То же относится и к Ликии. Среди членов аттического морского союза, который не допускал в свои ряды тиранов, мы встречаем правителей карийских и ликийских городов.

Глава V КИПР И КИРЕНА

Вопрос о том, насколько монархии в греческой области расселения были тираническими, возникает и относительно эллинистических правителей на Кипре и в Киренаике. Последние упоминаются в литературном предании в основном как цари, а правители Кипра — иногда как тираны. Однако, учитывая часто неточную терминологию авторов, нельзя сделать вывод о характере монархий. Такие выводы можно сделать только на основании относительно надежных данных историков и политической и государственно-правовой ситуации или по сохранившимся надписям и монетам.

1. Кипр

На далеком острове, лишь частично заселенном греками, царское правление существовало с конца VIII века, а возможно, и значительно раньше, и сохранилось до конца IV века, хотя после 449/448 гг. финикийские властители могли на время сменять греческих монархов. Царский титул присутствует в надписях этого периода, даже сыновья, братья, жены и сестры монарха носили титул властителя («анактес» или «анассай»), тогда как греческие тираны доэлли-

нистического периода обходились без всякого титула и не ставили свое имя на монетах, как это делали правители Кипра. Даже если в 475 году в Идалионе появляются высшие лица-эпонимы, а решения принимаются царем и полисом, или в Курione царь считается с демосом как с политическим фактором, то это свидетельствует скорее о существовании конституционной монархии, чем о тираннии, при которой властитель обычно занимает самостоятельное место наряду с общиной. Тот факт, что в кипрских городах речь идет об укорененной монархии, а не о монархическом правлении, установленном лишь персами или возникшем при их поддержке, подтверждается выступлениями против великого царя во время Ионийского восстания. Оно было направлено одновременно против тирапов, поставленных или поддерживаемых персами, которые сразу же были изгнаны, тогда как кипрские владыки, да и некоторые карийские монархи, сами были вождями оппозиционного движения и имели право на это, не отказываясь, как Аристарх из Милета, от своего владычества. Их целью было свергнуть власть персов с ее принуждением к уплате дани и участию в войнах, а также изгнать с острова финикийцев. После их поражения монархический порядок в городах сохранился.

2. Кирена

В Кирене со времени основания этой колонии около 630 года также существовала легитимная монархия. Поэтому в рамках нашего исследования можно было бы не говорить о роде Баттиадов, в котором царская власть была наследственной, если бы с середины VI века мы не сталкивались с определенными чертами, которые больше свойственны тираннии, чем легитимной монархии. Около 560 года царь Аркесилай II, который еще при жизни своего отца

Батта II обнес свой дом защитной стеной, был побежден ливийцами и своими братьями, один из которых, Леарх, вскоре его убил и занял его место. Поскольку власть осталась у Баттиадов, то узурпация не позволяет причислить *Леарха* к тиранам, тем более, что он был назначен царем, чтобы сохранить власть для сына Аркесилая, Батта. Он считается тираном согласно более поздней традиции, поскольку свирепствовал по отношению к знати, самовольно изменил государственное устройство, окружил себя лейб-гвардией и захватил власть с помощью египетских войск, которые предоставил ему царь Амасис. Если эти сведения верны, то, действительно, можно говорить о превращении монархии в своего рода тиранию, признаками которой являются отстранение знати от власти, нарушение законного порядка, использование лейб-гвардии для защиты и сохранение власти с помощью наемных войск. Леарх был убит Эриксо, вдовой убитого им Аркесилая, которую он хотел взять в жены. Но и сын Аркесилая, *Батт III*, став царем, правил, видимо, против воли граждан, особенно знати, и сохранил захваченные Леархом властные полномочия. Однако киренайцы обратились к Дельфийскому богу с просьбой о третьей суде, от которого они ждали ограничения царской власти, если не отмены монархии вообще. Демонакс, аристократ из Мантиней, который был к ним на правлен, не только по-новому организовал и разделил граждан, но и отнял у Батта все, чем владели цари до сих пор, кроме старых царских земель и жреческих доходов.

Если Батт III волей-неволей примирился с таким порядком, то его сын *Аркесилай III*, который наследовал ему вскоре после 530 года, вновь захватил прежнюю собственность и вернул прежнее правовое положение царя. Это удалось ему лишь потому, что после завоевания Египта персидским царем Камбизом (525 год) он подчинился ему и стал платить дань. Даже если он лишь вернул прежние царские полномочия, а не превысил их, как сделал это относительно финансов общины, все же его можно с определенным правом назвать тираном. Ибо положение царя было изменено Демонаксом в законодательном порядке и

в основном ограничено жреческими функциями, так что их самовольное восстановление Аркесилаем не отличалось от установления тирании. Поэтому сильна была и оппозиция прежде всего знати, которой удалось в 518 году изгнать из страны царя и его мать Феретиму. Поскольку от персов из-за их споров за престол помощи ждать было нечего, Феретима попыталась добиться поддержки на Кипре у царя Саламина Эвельфона. Напрасно. Аркесилаю не удалось набрать на Самосе, вероятно, еще во времена Маяндрия, большое войско, которому он обещал в Киренаике землю за счет прежних землевладельцев. Ему удалось с помощью этого войска вновь стать правителем Кирены и жестоко отомстить своим противникам (около 517 года). Однако в городе он ощущал такую угрозу, что вскоре отправился в Барку к своему тестю, царю Алазейру. Там они оба были вскоре убиты баркейцами и беглецами из Кирены. Его мать Феретима, которая осталась в Кирене в качестве регентши и участвовала в заседаниях совета, бежала в Египет и призвала на помощь персов (около 515 года).

Еще раз было свергнуто господство Баттиадов, на этот раз не только в самой Кирене, но и в Барке, и если оно было восстановлено, то лишь тогда, когда вся страна стала египетской сатрапией великого царя. Призванные Феретимой персы завоевали Барку, обратили в рабов жителей, если они не были сторонниками убитых властителей, вторглись в Эвеспериды (Бенгази) и на обратном пути покорили также Кирену. Возвратившаяся Феретима, дав сначала волю своей мести, передала затем власть своему внуку *Батту IV*, а когда его власть окрепла, удалилась в Египет до конца своих дней. Власть Батта IV лишь формально могла считаться легитимной царской властью, на самом же деле была тиранией, поддерживаемой персами. Нельзя сказать с точностью, смог ли правитель, при котором Кирена пережила пору расцвета, после победы греков над персами отказать от азиатской власти и объединить под своим главенством города Киренайки. Во всяком случае, он передал свою власть, будь то власть над Киреной или всей областью, своему юному сыну *Аркесилаю IV*. Победу в соревнованиях на

колесницах, которую он одержал в Дельфах в 462 году, куда, очевидно, пожертвовал еще и дар, Пиндар прославил в двух песнях. Поэт подчеркивает, что царская власть с давних пор была предназначена в Кирене Баттиадам; видимо, в действительности это утверждение было спорным. И просьба Пиндара принять бежавшего в Фивы аристократа Дамофила, и его опасение, что правителя может до срока настигнуть внезапный конец, свидетельствуют о том, что жестокое правление Аркесилая уже тогда в Кирене столкнулось со значительной оппозицией. По обычаю многих тиранов, он пытался на случай свержения обеспечить себе убежище. Для этого он велел собрать колонистов и под руководством своего шурина Каррота заложить в Эвесперидах колонию. И действительно, поскольку персидское царство его больше не поддерживало, а после отпадения Египта (около 460 года) и не могло поддерживать, он был свергнут в конце 40-х годов и вынужден искать убежища в Эвесперидах. Здесь его и настигла рука убийцы перед попыткой силой вернуться в Кирену. Его голова была брошена в море. По-видимому, в Кирене с тех пор был введен умеренно-демократический строй.

История Баттиадов представляет собой примечательный пример превращения традиционной монархии в тиранию, что отметил как исторический феномен уже Аристотель. Если в Ионии, у Василидов в Эфесе, этот процесс едва вырисовывается, то в Кирене он уже явно виден, по крайней мере, в том, что касается внешних событий. Правда, нам ничего не известно о социальных кризисах, от которых он должен был зависеть, и если иногда проявляется противоречие между правителем и знатью, то все же отсутствует четкий признак того, что правитель отстаивал дело демоса перед богатыми и знатными господами. Возникает впечатление, что как свержение монархии, так и сопротивление ее насильственному восстановлению были желанием всех граждан или их большинства, которое хотело заменить монархический строй республиканским, когда былая монархия в большинстве греческих городов уже прекратила свое существование. Но именно в это время в некоторых городах

энергичные люди, такие как Поликрат на Самосе, устанавливали незаконную власть. Их пример мог побудить насаждать тираническую власть вместо законного правления. То, что через несколько десятилетий попытались предпринять лакедемонские цари против постоянного сокращения своих полномочий — установление тиранического правления, — Аркесилай III совершил в 525 году, и правление его преемников носило явные следы тирании. Насколько она отличалась в деталях от прежней неурезанной монархии, легитимными носителями которой пытались стать Баттиады, нам не известно.

Глава VI СИЦИЛИЯ

Тогда как ранняя история греческих колоний на Черном море нам известна мало и нельзя сказать, существовало ли там в архаические времена правление тиранов, о Сицилии уже античные авторы замечали, что она была более благодатной почвой для тирании, чем какая-либо другая страна. Наши сведения о деяниях этих владык довольно скудны, потому что утрачены как локальные истории греческого Запада, так и монография перипатетика* Фиапия с Эреса «О тиранах на Сицилии», кроме отдельных фрагментов. Прежде всего неясными часто остаются социальные условия, которые благоприятствовали появлению тирании в отдельных городах. Здесь можно скорее разобраться во внешнеполитических хитросплетениях, которые сыграли важную роль в установлении и характере городских монархий на восточных окраинах эллинского мира. Если там влияние на политическую жизнь греческих общин оказывали преимущественно лидийцы и персы, то многочисленные колонии на Сицилии столкнулись с сикулами, сиканами и элимами, а с середины VI века — с карфагенянами. Эти племена внутренней части страны, однако, имели значение в структуре эллинского полуса, поскольку низшие слои народа в городах и на относящейся к ним территории в основном состояли из этих догреческих элементов, которые были покорены при основании колоний. В качестве крепостных

* Представитель философской школы Аристотеля.

или кабальных они обрабатывали для колонистов плодородную землю, но даже если некоторым из них с течением времени удавалось осесть в городах в качестве свободных ремесленников, они не имели в общине прав, которые сосредоточивались только в руках колонистов. Приток греческих и негреческих ремесленников постепенно увеличивал круг городского населения, не обладавшего гражданскими правами. Поскольку «варварские» элементы постепенно эллинизировались, в отдельных местах возникал демос, который в один прекрасный день мог потребовать политического равноправия. В противовес ему старые землевладельческие фамилии поселенцев с их приверженцами образовали своего рода аристократическую верхнюю прослойку, которая была тесно сплочена для укрепления собственного положения. Во всяком случае, ничего не известно об обычном для метрополии соперничестве аристократических домов, и даже тирания, по замечанию Аристотеля, выросла из этой верхней прослойки как руководящее положение особо знатного или отличившегося на службе человека и, по крайней мере вначале, утверждалась в согласии с соратниками по сословию. Это, а также внешнеполитическая ситуация, которая нередко требовала твердого монархического руководства и оправдывала господство одного человека, так сильно отличает тиранию на Сицилии от тираний в метрополии, что возникает вопрос, насколько здесь вообще можно говорить о тирании как о незаконном правлении. Так, можно назвать только две самые ранние из известных нам тираний, Панаития из Леонтин и Фалариса из Акраганта, правление которых приходится на период за 2—3 поколения до времени великой тирании начинавшегося V века.

1. Леонтины

Панаитий, правление которого античные хронографы относят к концу VII века, занимает особое положение не

только во временном отношении, но и потому, что он единственный из сицилийских тиранов проложил себе путь к единоличной власти, заботясь о простом народе. Вероятно, он сверг олигархию землевладельцев, когда, будучи военачальником в войне с Мегарой, направил своих легковооруженных сторонников на знатных всадников, победил их и стал, таким образом, тираном города. Его правление, о характере которого мы ничего не знаем, в истории Леонтин было кратким эпизодом и не привело к длительному отстранению землевладельцев от власти. Другой тиран Леонтин, *Эйнесидем*, находился в тени Гиппократа из Гелы и Гелона (Сиракузского. — *Ред.*), которым был обязан своей властью; о нем речь пойдет в другой связи.

2. Акрагант

Фаларис

Гораздо более значительной, чем тирания Панаптия, была установленная спустя поколение тирания Фалариса в Акраганте (примерно 570/554 годы), который в древности казался олицетворением типа жестокого тирана. Всего десятилетие прошло со времени основания города гелойцами (около 583 года), когда сын Леодама из Астипалан у Коса объявил себя правителем общины, видимо, переживавшей тяжелый период становления. Он сделал это следующим образом: по-видимому, взял на откуп взимание пошлин, а затем принялся за строительство храма Зевса Полнеуса* на еще не укрепленном замковом холме. Затем он хитростью получил разрешение на то, чтобы обнести замок стеной, а когда работы были закончены, отпустил на свободу занятых на строительстве заключенных и вооружил их для борьбы с поселенцами. Во время праздника Фесмофорий

* Покровитель государственного порядка.

он прорвался с этим отрядом, убил большинство мужчин, захватил женщин и, таким образом, установил свою власть над городом. Сообщается также о хитрости, с помощью которой ему удалось разоружить акрагантинцев, оставшихся, следовательно, в большинстве живыми. Каким бы сомнительным не казались эти данные позднейшего автора, в них нельзя сомневаться, учитывая также свидетельство Аристотеля, что Фаларис злоупотребил своей высокой должностью для достижения тирании, которая, таким образом, не явилась следствием социальной борьбы. Если сведения о разоружении правдивы, то, поскольку все произошло не одновременно, тирана должна была бы поддержать не только лейб-гвардия, но и пашенные войска, о которых нам, впрочем, ничего не известно даже в его внешнеполитических акциях. Они в первую очередь были направлены против сиканов — племен внутри страны, представлявших постоянную угрозу для колонии. Он покорила Камик, захватил хитростью два других города и основал на расположенном восточнее Акраганта мысе Экномосе два укрепленных замка, впоследствии получивших его имя. То, что потом сочинялось о распространении его власти до Леонтин, даже на всю Сицилию, не заслуживает доверия. Скорее, кажутся правдивыми истории, согласно которым гимерийцы выбрали Фалариса военачальником, хотя поэт Стесихор и предостерегал их от этого, либо просили его помощи в борьбе с проникшими с запада острова карфагенянами и тем самым попали к нему в зависимость. Но это остается сомнительным; еще сомнительнее, что всеобщее сопротивление заставило пунического военачальника Малха прекратить бои на Сицилии и перейти на Сардинию. Укрепление молодой колонии, которую Фаларис обнес стеной, и расширение ее территории признаются его заслугой, пусть даже он рассматривал город и новые территории как личную собственность.

Однако в исторической памяти тиран остался не благодаря своим положительным завоеваниям, а как самый беззаконный и жестокий правитель, которому приписывали все новые гнусные поступки. Поводом для этого послужил прежде всего упомянутый Пиндаром медный бык, в раска-

ленное брюхо которого Фаларис приказывал бросать своих врагов. Их стоны и крики создавали впечатление, что бык ревет. Сказывается ли здесь воздействие карфагенских жертвоприношений Молоху, или изображения речного бога в виде быка, или же память о тех медных быках, которые устанавливались на вершинах гор на Родосе, прежней родине гелойцев и акрагантинцев, и ревущими звуками возвещали о предстоящем несчастье, — в любом случае, согласно Пиндару, нельзя сомневаться в том, что тиран использовал медного быка для мучительной казни. Напротив, чисто новеллистический характер имеет история Харитона, которую передавали ранние перипатетики. Он вместо своего любимца Меланиппа, который был оскорблен Фаларисом и потому решил на его убийство, совершил покушение на тирана, но был схвачен лейб-гвардией. Когда Меланипп под пытками не выдал имени своего сообщника, признав себя истинным виновником, тиран, тронутый таким проявлением дружеской преданности, помиловал обоих, за что Дельфийский бог пообещал ему удлинить срок жизни. Историческое значение этого рассказа заключается лишь в том, что уже в IV веке, то есть за полтысячелетия до того, как Лукан с помощью софистической диалектики встал на защиту Фалариса, сообщается о человеческих чертах этого изверга, которые он проявлял в некоторых случаях. Впрочем, эта история также основана на бытующих представлениях о произволе и жестокости тиранов, оспаривать которые нет оснований. Насколько далеко зашло насилие над общиной, занимал ли Фаларис длительное время высшую должность и командовал ли вновь вооруженными войсками в войнах, или же действовал параллельно полису без должности, выяснить теперь невозможно, поскольку предание, по-видимому, интересуется лишь зверствами тирана. Вероятно, именно они все больше восстанавливали акрагантинцев против Фалариса. Тем не менее он оставался правителем в течение двенадцати лет, однако затем он сам, его мать и ближайшее окружение пали жертвой всеобщей ненависти после того, как Телемаху, прадеду будущего тирана Ферона, удалось свергнуть власть Фалариса. Телемах

со своей родней — Эмменидами — и большим числом приверженцев, вынужден был покинуть свою родину Родос после поражения во внутренних распрях и занял несколько поселений на южном побережье Сицилии, откуда он и осуществил нападение. Возможно, ему помогли также оставшие в городе. То, что благодарные акрагантинцы после свержения Фалариса предложили ему царскую корону, скорее, следует считать позднейшей выдумкой, которая должна была представить власть его правнука Ферона как унаследованную и легитимную. Согласно надежным свидетельствам, во главе общины сначала находился Алкамен, позднее Алкандр, которые не были тиранами и не принадлежали к роду Эмменидов, пришедшему к власти лишь в 489 году в лице Ферона.

Ферон

Ферон, сын Энесидема, правнук Телемаха, занимал высокое положение уже до того, как в возрасте 40 лет (около 489 года) стал властителем Акраганта благодаря своему происхождению, богатству и, предположительно, любви народа. От брака с неизвестной нам женщиной у него было три сына: Горг, Фрасидей и Филократ, а также дочь Дамарета. Квадрига его брата Ксенократа, которой управлял его сын Фрасибуд, победила на Пифийских играх 490 года — успех, воспетый как Симономидом, так и Пиндаром, причем последний не только обращался к юному Фрасибуду и не только восхвалял богатство дома Эмменидов и славу его отца, но и упомянул блистательные деяния его прадеда Ферона. Каким образом он пришел к власти, нельзя сказать точно. Если верить данным более позднего и некритичного писателя, то Ферон достиг тирании теми же средствами, что и Фаларис, взяв на себя строительство храма и используя эти средства на оплату личной гвардии с помощью которой и захватил власть. Однако схожесть этих двух случаев вызывает недоверие. Довольно противоречивые

сведения предания не дают оснований считать, что он пришел к власти с помощью обманных манипуляций. Вряд ли в раг тиранов, историк Тимей, называл бы его тогда «царем» крагантинцев. С другой стороны, нельзя предположить, что и Фероном действительно было признано царское достоинство, ведь Пиндар, имевший для этого все основания, ни разу не называет его царем, не говоря уже о том, что до того в Акраганте вообще не было конституционной монархии, а учреждение ее в начале V века кажется совершенно неправдоподобным. Тем не менее господство Ферона, которого он достиг вследствие государственного переворота, получило известную легализацию благодаря признанию его знатью и народом, как это впоследствии произошло с Гелоном, так что в какой-то степени оправдано наименование «царь», которое Тимей таким же образом дал Гелону после одобрения его монархии народным собранием. Возможно, Ферон, как и Гелон, пройдя испытание в карфагенской войне, когда народ добровольно сражался под его командованием, добился уважения тем большего, что его правление не было жестким и шло на пользу общине, на службу которой он, например, направлял пленных врагов. Несмотря на это, правление Ферона не только в силу его происхождения, но и как нелегализованное законной властью, а также с учетом некоторых «тиранических» черт, которые отличают не только его, но и его сына Фрасидея, может считаться тираническим, правда, не вызывавшим сопротивления.

Блеск поэтического прославления, выпавшего на членов дома Эмменидов, выставляет Ферона, конечно, в лучшем свете, чем это было в реальной действительности, в которой имели место и жесткие меры властителя, и изгнания, и так далее. Судя по стихам Пиндара, владыка Акраганта был серьезным, глубоким человеком со склонностью к ораторическим учениям. С братом и другими правителями западной Греции его объединяло спортивное честолюбие: в 476 году в Олимпии за победу на скачках ему был присужден главный приз. Пиндар воспел славу победителя в двух песнях. Но не только славу. Первое стихотворение

еще больше, чем за победу в соревнованиях, прославляет Ферона как правителя и человека, его власть, его великодушное гостеприимство и щедрость, которые его отличали, его ум, высокий образ мыслей и мужественность. Второе стихотворение, прочитанное в Акраганте по случаю Теоксений, праздника в честь Диоскуров с угощением всего народа, также содержит хвалы Ферону и его прославленному роду. Тогда поэт, прибывший из Сиракуз, находился в окружении тирана, с которым у него возникли теплые личные отношения. Нам не известно, изменилось ли что-либо после его отъезда из-за прибытия старого Симонида, который закончил в Акраганте свои дни. Ферон, очевидно, в тот короткий срок, который ему оставался до смерти (474/473 гг.), больше не одерживал спортивных побед, которые Пиндар мог бы воспеть. Впрочем, брат Ксенократ, который умер незадолго до Ферона, больше стремился к славе победителя на крупных греческих соревнованиях, чем сам правитель. Он выступал на своей квадриге также и в Афинах и к завоеванной им ранее пифийской награде добавил еще и истмийскую. Его герольдом был Симонид, тогда как Пиндар был привязан к сыну Ксенократа Фрасибулу, которому посвятил кроме победной песни 490 года еще сколько-то, а после смерти его отца — утешительное поэтическое письмо.

Стремление Ферона к власти не удовлетворилось Акрагантом. После того как он, видимо, вместе с Гелоном, когда тот еще был тираном Гелы (то есть до 485 года), затеял бесславную войну против карфагенян на западной оконечности Сицилии, о которой речь пойдет ниже, он пошел походом на Гимеру, самое западное греческое поселение на северном берегу. Там был тираном *Герилл*, сын Криппина, связанный узами гостеприимства с карфагенским полководцем Гамилькаром, и тесть тирана Анаксилая из Регия. Ферон изгнал его и овладел городом. Изгнанный тиран обратился за помощью к Карфагену, и после длительной подготовки, начавшейся, вероятно, еще перед нападением Ферона на Гимеру, в 480 году на острове появилось большое пуническое войско. Начавшаяся война велась Фероном в союзе

с Гелоном, который стал к тому времени владыкой не только Сиракуз, но и всего восточного побережья и которому Ферон отдал в жены свою дочь Дамарету. Основная тяжесть предприятия и верховное командование лежали на Гелоне. Его войско было гораздо больше, чем у тестя, который без него вряд ли смог бы оказать успешное сопротивление, так что слава победы, одержанной объединенными войсками при Гимере, выпала на долю правителя Сиракуз. Однако плоды великого дня, который на 70 лет избавил сицилийских греков от дальнейших нападений пунийцев, принадлежал Ферону так же, как и его зятю. Даже если не считать того, что он сохранил Гимеру, ему досталась огромная добыча и прежде всего пленные, поскольку часть вражеского войска спасалась бегством в акрагантскую область и там была захвачена. Многие были переданы участникам битвы или тем, кто их захватил, в личное владение, большинство же было предоставлено для работы на общественных стройках.

Как и другие тираны, Ферон заботился о великолении своего города. Очевидно, при нем было начато строительство огромного олимпиона. При нем же в крепости был возведен храм Афины. Среди прочих сооружений правителя восхищение вызывали подземный водопровод, проложенный архитектором Фаяксом и соперничавший с творением Эвпалина на Самосе, а также искусственный пруд с рыбами. Очевидно, весь город в целом в эти годы после победы над Гимерой приобрел великодушный вид, недаром Пиндар называл его прекраснейшим из смертных. Сельское хозяйство благодаря притоку рабочей силы развивалось более интенсивно; сообщается, что всю свою страну акрагантинцы засадили виноградниками и цветами всех видов. Война велась не лично Фероном, а во имя полиса и его силами, командование которыми — как и Гелону в Сиракузах — поручило ему народное собрание, поэтому и богатая военная добыча в основном досталась полноправным гражданам. Ясно, что при таких обстоятельствах господство Ферона не воспринималось как тирания, а могло быть одобрено всеобщим вотумом. Таким образом, правитель Ак-

раганта как хранитель и покровитель общины заслужил после своей смерти героические почести — что в духе совета, который позднее Ксенофонт через Симонида передал Гиерону. Нет никаких свидетельств, что уже Ферон, как и его преемник Фрасидей, для упрочения своего положения использовали собственные наемные войска; скорее всего, с самого начала у них была сильная опора и среди знати, и в пароде. Нет также никаких оснований предполагать, что он считал территорию Акраганта, включая присоединенную еще до его правления Гераклею, своим личным владением, обязанным платить ему налоги. Это могло, однако, относиться к Гимере, где Ферон посадил на власть своего сына Фрасидея, — мера, к которой прибегали и другие тираны, как, например, Кипселиды или Писистрат, в городах, которые они считали своей собственностью.

В противоположность умеренному и умному правлению Ферона в Акраганте *Фрасидей* установил в Гимере настолько жесткое правление, что гимерийцы, не найдя заступничества у Ферона, обратились за помощью в Сиракузы к брату Гелона и преемнику Гиерона. Последний после смерти Гелона (478 год) рассорился с его младшим братом Полизалом, который женился на овдовевшей Дамарете. Поскольку Ферон был женат вторым браком на дочери Полизала, он принял партию своего дважды свойственника и собственной дочери, что привело к тяжелому конфликту между ним и Гиероном. Поэтому связь гимерийцев с могучим правителем Сиракуз представляла для Ферона большую опасность, и тем большую, что два члена его рода, Капий и Гиппократ, сыновья его дяди Ксенодика, приняли сторону восставшего города и после того, как их разбили в бою под Гимерой (476/475 гг.), заняли сиканский город Камик. Находясь между двумя фронтами, Ферон, уже сошедший с Гиероном на реке Геле, предпочел сомнительному военному столкновению мирное урегулирование, предложенное противником. Гиерон, помирившись с Полизалом, для закрепления возобновленной дружбы вступил в брак с племянницей Ферона, вероятно, дочерью Ксенократа. Однако гимерийцев, брошенных Гиероном на произвол судьбы,

настигла мечь Ферона, показавшего, на какую суровость он способен. Количество казненных по его приказу граждан было столь велико, что ему пришлось заселять ионийскую колонию, расположенную непосредственно на границе с карфагенской территорией, дорийцами и другими добровольцами. Нам не известно, был ли Фрасибул оставлен в Гимере в качестве регента. По-видимому, ему досталось владычество над Акрагантом, Гираклеей Минойской и Гимерой, когда Ферон несколько лет спустя умер естественной смертью (около 473/472 гг.).

Но если Ферон был погребен городом в роскошной гробнице с героическими почестями и надолго оставил по себе у акрагантинцев добрую память, то Фрасидей своим произволом и беззаконием, которые некогда возмутили гимерийцев, вызвал вскоре всеобщую ненависть и в Акраганте. Претенциозный и несдержанный, как некоторые сыновья основателей монархий, он не только сменил благоразумное отцовское правление на деспотическое господство, но и после победы над Гиероном захотел распространить свою власть и на восток Сицилии. Навербовав многочисленных наемников, которые одновременно должны были упрочить положение в Акраганте и Гимере, он довел находившиеся в его распоряжении войска примерно до 20 000 человек. Но Гиерон предупредил его нападение своим походом на Акрагант, и в кровавой битве Фрасидей был разбит. После этого поражения он, видимо, не смог больше удержать власть. Он бежал в Мегару, в Грецию, где его, однако, приговорили к смерти и казнили. Так бесславно закончилась тирания в Акраганте (около 471 года).

Последовала олигархия «тысячи», которая, возможно, существовала еще до владычества Ферона. Она, по-видимому, была спорной, так что через некоторое время опять возникла опасность появления тирании. Ее предотвратил знаменитый философ *Эпедокл*, отказавшийся от монархии в пользу демократической конституции, которая, очевидно, действительно существовала во второй половине V века. Гимера после свержения Фрасибула вернула себе утрачен-

ную свободу — еще один признак того, что она подчинялась не полису Акраганту, а лично Ферону и Фрасидею. Гимерийцы тоже принимали участие в устранении тирании в Сиракузах (466/465 гг.).

3. Селинунт

Самый западный из греческих городов на южном побережье Сицилии временами также находился под властью тиранов, но то немногое, что о них известно, не дает возможности получить цельное представление об их личности или о характере их правления. Во время войны между селинунтцами и карфагенянами, которая, предположительно, произошла во второй половине VI века, *Ферон*, сын Мильтиада, хитростью с помощью отряда рабов захватил власть в своем родном городе. Его тиранию, которой он добился, очевидно, с помощью закабаленного туземного населения, если их считать «рабами», сменила тирания *Пифагора*, с которой известно только то, что она была свергнута около 510 года. Именно тогда Эврилей, один из товарищей спартанского принца Дориея, после того как последний погиб от рук карфагенян, напал с оставшимися на Пифагора. Вначале он занял колонию Селинунта Гираклею Минойскую, которая тогда еще, очевидно, не принадлежала Акраганту, затем помогал оттуда селинунтцам свергнуть тиранию Пифагора. Но эта помощь была небескорыстной, ибо *Эврилей* сам захватил власть в городе, которую, впрочем, сохранял недолго. Он был казнен у алтаря Зевса. Другие тираны в тех скудных сведениях, которыми мы располагаем о Селинунте, не называются. Ко времени великой карфагенской войны 480 года, когда город был на стороне пунийцев, в нем, видимо, — в отличие от большинства греческих общин Сицилии — не было тирана.

4. Гела

Намного важнее для истории древних тираний, чем Селинунт, была расположенная восточнее Акраганта, основанная еще в VII веке родосцами и критянами колония Гела. Около 505 года единоличную власть здесь установил *Клеандр*, сын Пантара, человека, который, победив на своей квадриге в Олимпии, принадлежал к самым уважаемым и богатым людям города. Предположительно, это произошло с помощью гетерии, во главе которой Клеандр затем правил, тогда как раньше существовала олигархия всех семей первопоселенцев. Гелеец Сабилл, который убил Клеандра после его семилетнего правления, может быть отнесен к числу озлобленных олигархов. Благодаря его поступку тирания в Геле не была устранена, а место убитого сразу же занял его брат Гиппократ.

Гиппократ

Учитывая покушение, жертвой которого пал Клеандр, Гиппократ окружил себя лейб-гвардией, сформированной, видимо, из членов гетерии, но одновременно пытался установить хорошие отношения со всеми прежними членами олигархии. В угоду им он поставил командовать всадниками Гелона, одного из своих знатных лейб-гвардейцев, который пользовался их симпатиями. Вряд ли он при этом действовал в силу легальной должности, скорее всего, было заключено соответствующее соглашение. Во всяком случае, теперь во внешних войсках Гиппократ мог рассчитывать на всех всадников, тогда как в пешем бою он использовал не городские отряды, а собственные, сформированные преимущественно из сикионцев, наемные войска. Поскольку они одновременно служили опорой его личной власти, то его правление носило «более тиранический» характер, чем у Ферона в Акраганте. Однако он, видимо, применял силу

лишь против тех греческих городов, которые покорил в течение нескольких лет.

Экспансивное продвижение Гиппократа началось, очевидно, с завоевания сиккульских поселений в глубине гелойской территории, обладание которыми давало ему возможность дальнейшего продвижения на север. Здесь он сначала подчинил себе Каллиполис и Наксос вблизи Этны, затем Занклу и Леонтины вместе с колониями ионийских халкидян. Но и дорийские Сиракузы перед ним не устояли. Очевидно, в 492/491 гг. он предпринял нападение на окрестности города. На реке Гелоре произошла решающая битва. Противники были полностью разгромлены, и Гиппократ смог продвигаться непосредственно к Сиракузам, где разбил свой лагерь в олимпиионе вблизи большой гавани. Он похитил сокровища святилища и одновременно попытался дискредитировать и без того шаткий режим сиракузских землевладельцев (гаморов). Однако демос не откликнулся, и, поскольку Гиппократ видел бесперспективность осады города, который он не смог бы блокировать с моря, он согласился на посредничество Коринфа, метрополии Сиракуз, и Керкиры. За выдачу пленных сиракузцев он получил область Камарины, которую заново заселил гелойцами.

Как никакая другая тирания, правление Гиппократа характеризовалось далеко идущими захватническими планами. В метрополии, где тиран не участвовал в больших состязаниях, но расширил сокровищницу гелойцев в Олимпии и обогатил ее новыми дарами, впечатление о нем осталось положительным. Что же касается безопасности и организации огромной подвластной территории, то определенное представление об этом дают чеканка монет в сочетании с литературными источниками. Впрочем, о Каллиполисе нам ничего не известно, а прекращение чеканки монет на Наксосу свидетельствует об утрате им автономии, тогда как Леонтины, где в конце правления Гиппократа начали чеканить собственную монету, видимо, вышли на первый план. Незадолго до своей смерти Гиппократ поставил здесь тирана Энесидема, сына Патека, предположительно, члена рода Эмменидов, поскольку он носил то же имя, что и отец

Ферона. Вероятно, он прежде входил в лейб-гвардию Гиппократ, как Гелон, при котором впоследствии стал правителем города. Это положение при всей практической зависимости кажется с самого начала формально положением союзника. Получила ли уже при Гиппократе вновь заселенная Камарина своего тирана, остается неизвестным. Однако кое-что известно о Занкле, где Гиппократ, очевидно, разместил флот, чтобы извлечь пользу из судоходства через пролив. Здесь городом правил тот Скиф из Коса, который был тираном в своем родном городе на Эгейском море. Хотя Геродот называет его «царем», однако, как показывает его дальнейшая судьба и тот факт, что Занкла принадлежала к покоренным Гиппократом городам, он был всего лишь зависимым от него, возможно, даже поставленным им тираном, который формально считался союзником властителя Гелы. Старые отношения между Косом и Гелой, основанной выходцами с Родоса, могли побудить его после низложения тирании в его родном городе отправиться в город на южном берегу Сицилии. Поставленный правителем Занклы, он вскоре оказался в сложной ситуации. Вероятно, еще до его правления занклайцы побудили восточных ионийцев, находившихся под постоянной угрозой мести персов, заселить соседнюю с Занклой Кале Акте, чтобы там возник ионийский город. Призыву к основанию колонии последовала лишь довольно большая группа состоятельных самосцев, которые хотели избежать гнета тирана Аякса и персов. Они послушались совета Анаксилая, незадолго до этого (в 494 году) ставшего тираном Регия, — вместо Кале Акте лучше занять Занклу, которую Анаксилай хотел освободить от влияния Гиппократ. То обстоятельство, что Скиф вместе с занклайцами в это время как раз находился в походе против сикулов, создавало благоприятные условия для нападения. Оно увенчалось успехом. Напрасно обманутые занклайцы снесли обратно; они не смогли изгнать самосцев из города и вынуждены были просить помощи у Гиппократ. Он пришел, признал Скифа ответственным за катастрофу, велел заковать его и его брата Фитогена в цепи и отправить в темницу города Инико-

са, откуда Скифу все же удалось бежать через Гимеру ко двору персидского царя Дария. Гиппократ не атаковал Занклу, поскольку с суши ее трудно было взять, а с моря ее защищал Анаксилай. Он сошелся с самосцами на том, что за выдачу занклайцев он получит половину находящихся в городе рабов, а в сельской местности ему достанется все. Массу прежних жителей тиран без зазрения совести обратил в рабство; 300 аристократов он выдал самосцам для казни, однако они сохранили им жизнь (около 495 года). Итак, свое самое северное владение Гиппократ отстоять не смог, и поскольку вскоре провалилась попытка захватить Сиракузы, то незадолго до смерти ему принадлежали греческие города Камарина, Леонтины, Наксос, Каллиполис и, вероятно, Катана, а также ряд поселений сикулов. Независимость, по крайней мере формальную, сохранил, по-видимому, лишь тиран Леонтин. Остались ли в других городах зависимые тираны, нам не известно.

Последние военные акции этого беспокойного человека были направлены против сикульских городов, особенно Эргетиона и Гиблы. Эргетион взяли штурмом его войска, состоявшие из гелойских всадников, камаринцев и сикульских наемников, некоторые из них были даже родом из Эргетиона. У Гиблы (Патерно) он нашел смерть (491/490 гг.).

Гелон

Сразу же после смерти Гиппократ в Геле разразилось восстание, но не преданных умершему тирану землевладельцев, которые в большинстве находились в походе под предводительством Гелона, а демоса, который выступил против тирании богатых и знатных. Под лозунгом, рассчитанным на землевладельцев, что он хочет вступить за сыновей Гиппократ, Эвклида и Клеандра, Гелон направил на город стоявшие за Гиблой войска и захватил его. Однако вместо того чтобы защищать сыновей тирана, он захватил власть сам.

Гелон, сын Диномена, отличался особой смелостью в походах Гипократа. Он происходил из семьи, жившей на острове Телос, расположенном недалеко от Родоса, которая, предположительно, участвовала в основании Гелы и по наследству передавала должность перофанта культа Деметры и Коры. Нельзя с уверенностью сказать, занял ли Гелон после вытеснения сыновей Гипократа сам место предшественника и был ли он еще большим тираном, поскольку рассматривал город после силового захвата как личную собственность, однако в пользу этого предположения свидетельствуют как последующее положение в Геле, так и усиление сил наемников, которые, очевидно, в основном состояли из аркадийцев. На время этого правления (491/490 — примерно 485 года), о котором нам известно только, что он победил в соревнованиях на квадриге в Олимпии (488 год), приходится, очевидно, развязанная им вместе с Фероном из Акраганта война против карфагян. Под предлогом того, что он хочет отомстить за спарташца Дориея, потерпевшего неудачу на западе Сицилии, Гелон напрасно просил о помощи лакедемонян, которые, очевидно, не хотели втягиваться в такое отдаленное предприятие. Даже ссылка на еще одну цель, освобождение греческих торговых пунктов (Эмпория) от пунического господства, не подействовала на греков метрополии. Тем не менее война, о ходе которой у нас нет свидетельств, проходила безуспешно. Она сплотила союз Гелона с Фероном, который впоследствии стал теснее после женитьбы Гелона на дочери Ферона Дамарете.

Все города, подвластные Гипократу или зависимые от него, преемник сумел сохранить за собой. Энесидем, владыка Леонтин, вскоре после завоевания Гелы присягнул ему на верность. Но Гелон не удовлетворился тем, что ему досталось. Он требовал Сиракузы, которые Гипократ никак не мог завоевать. События там шли вразрез с его желаниями, поскольку гаморы, которые до сих пор управляли жизнью общины, были изгнаны городским демосом и их сиккульскими кабальниками, так называемыми киллирийцами, и осели в Касмене. С этого момента в Сиракузах формально установилось демократическое правление, на деле же царил анар-

хия, так что захватчику не грозил сплоченный отпор. Изгнанные гаморы призвали на помощь Гелона. Он использовал благоприятную ситуацию, и когда его войска появились у города, народ сам вручил ему бразды правления (около 485 года). Таким образом, самая большая греческая колония на Сицилии стала его владением. Он не посадил там править независимого тирана, а сам перебрался в Сиракузы, которые для него означали так много, что он впоследствии называл себя не гелойцем, а сиракузцем. Тирания в родном городе перешла к брату Гелона Гиерону, а затем, когда после смерти Гелона (в 478 году) он наследовал ему тиранию в Сиракузах, к другому брату, Полизалу. Если такие зависимые тираны, как Энесидем, формально находились с Гелоном в союзнических отношениях, то для Гелы и Сиракуз можно говорить о своего рода совместном правлении братьев, сначала Гелона и Гиерона, а затем Гиерона и Полизала. Но всей видимости, тирания в Геле перестала существовать одновременно с тиранией в Сиракузах (466/465).

5. Сиракузы

Существование тирании в Сиракузах до Гелона не подтверждено, поскольку легендарный царь Полиий не может считаться тираном, хотя его иногда так называют. На основании манипуляций некоего Агафокла, напоминающих действия Фалария перед установлением тирании, нельзя сделать вывод, что он добился единоличного владычества. Но-видимому, правление гаморов до 500 года было слишком устойчивым, чтобы кто-либо смог сделаться правителем в общине.

Гелон

Гелон, после того как прибыл в Сиракузы, установил там новые порядки. Он вернул гаморов и возвратил им их

пмушество — в Геле он также поддерживал с земледельцами хорошие отношения, однако, с другой стороны, он сохранил за демосом гражданские права, которых, предположительно, остались лишены киллирийцы, сохранившие тем не менее недавно полученную личную свободу. Сформированную таким образом общину правитель расширил впоследствии до невиданных до того времени размеров, принимая жителей других греческих городов и наемников. Поэтому вначале обратимся к отношениям тирана с другими городами его растущей сферы власти.

Положение *Энесидема* из Леонтии в качестве союзника оставалось неизменным, его даже особо чествовали за значительный вклад в победу над карфагенянами, как показывает леонтийский лев на победных чеканках 480 года. В Камарине Гелон посадил кулачного бойца *Главка* из Кариста. Когда население, состоявшее из бывших гелойцев, свергло его, поселение было полностью эвакуировано и полис прекратил свое существование; жители вынуждены были переселиться в Сиракузы, где они получили права гражданства. То же произошло с городами Эвбей и Мегарой Гиблайской, которые при Гипократе, очевидно, еще были свободными, после того как Гелон подчинил их себе с тем, однако, различием, что к переселению в Сиракузы принуждались только богатые, хотя они и начали войну в Мегаре против него, тогда как не повинный в войне демос был обращен в рабство и вывезен с Сицилии. Из Геры же, которая принадлежала его брату Пьерону, напротив, в Сиракузы были переселены ремесленники, то есть демос. Кроме Леонтии, по-видимому, переселения не затронули также подвластные города Калиполис, Наксос и Катану, которые позже были покорены Гелоном. Сиракузы еще больше расширились после предоставления прав гражданства 10 тысячам наемников, которые получили землю в отдаленных окрестностях Сиракуз. Нетрудно понять, что побудило Гелона к подобным мерам. Даже не учитывая свойственную сицилийским грекам тягу ко всему колоссальному, о чем свидетельствуют гигантские храмовые постройки в Акраганте и Селинунте, тиран стремился в своей резиденции

собрать такое население, которое как по количеству, так и по своему составу из разнородных элементов не могло бы стать самостоятельным фактором и в то же время каждый на свой лад чувствовал бы себя обязанным тирану за свое существование. Однако при этом — в отличие от тиранов метрополии — он в основном покровительствовал не низшим слоям, а, как показывает пример Эвбеи и Мегары и возвращение гаморов, состоятельным, прежде всего землевладельцам, которые, предположительно, сохранили свои имения на прежней родине. Ведь Гелон недаром называл демос самой неблагодарной частью сограждан. Однако эта часть населения в материальном плане не пострадала. Экономический расцвет города, строительство огромного флота, служба на нем, сооружение великолепных храмов и других построек давали демосу больше возможностей для заработка, чем прежде.

Слишком мало видеть в Гелоне лишь распорядителя сиракузской общины наподобие айсимнета, от которого его отличает в первую очередь отсутствие соответствующих властных полномочий. Он был самодержавным новооснователем полиса Сиракузы, в котором при формально демократическом правлении необычайно большое число зажиточных граждан играло определяющую роль. О должностях и совете нам ничего не известно, о народном собрании — лишь то, что оно собиралось и принимало решение об участии ополчения граждан в войне. Граждане не только не были разоружены, более того, они принимали участие в большом походе против карфагенян (480 год), а после того как в общину влилось десять тысяч наемников, что скорее всего произошло после победы при Гимере, Гелон вряд ли еще содержал собственных наемников. В соответствии с фактической социальной структурой Сиракуз и Гелы в его войске особый вес приобрела конница, состоявшая из землевладельцев. Наряду с этим он располагал приблизительно в десять раз большим числом гоплитов, которых в немалом количестве рекрутировал из землевладельцев, тогда как городской демос в основном служил на флоте. Здесь возникает вопрос, в силу каких полномочий Гелон в

480 году командовал сиракузскими войсками против карфагенян и вообще каково было его положение в полисе Сиракузы.

Точно известно, что Гелон не получал от граждан ни на постоянной основе, ни специально для карфагенской войны должности военачальника с исключительными полномочиями (стратег-автократор), поскольку это было характерно лишь для зрелых демократических обществ конца V века. В 80-х годах положение было совершенно иным. Гелон, как мы видим, не занимал ни одной из высших должностей в городе, он скорее был полновластным правителем полиса, с органами которого в определенной степени взаимодействовал. Разумеется, он мог на народном собрании вносить предложения или проекты законов, но делал это в таком случае формально как сиракузский гражданин, даже если при сложившихся обстоятельствах его предложения имели обязательный характер. Когда карфагенская армия высадилась на западе Сицилии, Фероп призвал своего зятя на помощь. Гелон принял решение вступить в войну, но поскольку его войск было недостаточно для борьбы с сильной карфагенской армией, ему были необходимы отряды граждан и значительные средства, которые он потребовал от жителей. Они, очевидно, посчитали оказание помощи Ферону личным делом тирана и выразили готовность финансировать его лишь в том случае, если выделенные средства будут считаться займом и после успешного окончания войны возмещены военной добычей. Подобным же образом граждане согласились принять участие в походе Гелона за плату и долю в военной добыче. Взаимоотношения тирана и полиса, особенно отчетливо проявившиеся в данной ситуации, нашли свое официальное выражение в формуле «Гелон и сиракузцы». Нет доказательств, что правитель увеличил в свою пользу взимаемый с сиракузцев налог на землю. Деньги, необходимые ему для содержания двора и оплаты наемников до их включения в число сиракузских граждан, он мог получать от продажи обращенного в рабов демоса Эвбеи и Мегары, в виде дани поработанных городов Кал-

липолиса, Наксоса и Катаны, а также в виде доходов от собственных поместий.

В наши задачи не входит описание великой карфагенской войны и битвы при Гимере. Гелон, которому оказали помощь его брат Гиерон и Энесидем из Леонтий, выставил сухопутную армию в пятьдесят тысяч пеших и пять тысяч всадников и соединился с войсками Ферона под Гимерой. Об использовании флота сведений нет. Его держал под постоянной угрозой Анаксилай из Регия, который после изгнания своего зятя Терилла призвал на помощь карфагенян, вероятно, еще и для того, чтобы ограничить власть Гелона, угрожавшую Занкле, которую Анаксилай захватил несколько лет назад. У него не было никакого предубеждения против совместных действий с варварами, так же как и у Перилла, и у греческого города Селлунта. Возникает вопрос: можно ли считать Гелона и Ферона сознательными передовыми бойцами эллинов на Сицилии или они вступили в борьбу за сохранение и расширение области своего влияния. Ведь в метрополии лишь большое нападение персов — причем не во всех государствах — вызвало политическое осознание между греками и варварами и обусловило отпор врагу. Нет оснований предполагать, что Гелон вступил в войну с Карфагеном по павэлинским мотивам, пусть даже впоследствии он был прославлен как победитель варваров, когда великий успех поставил его в один ряд с победителями при Саламине и Платеях. Его отношение к нападению Кееркса на Грецию и отражению его эллинским союзом граждан, запросившим его помощи, также обусловлено собственными властными интересами. Можно сомневаться, действительно ли, как рассказывали впоследствии Геродоту в метрополии, переговоры о притязаниях Гелона на верховное командование или, по крайней мере, командование греческим флотом потерпели неудачу. Большого доверия заслуживает сицилийская версия, что предстоявшее нападение карфагенян сделало невозможным оказание помощи. Во всяком случае, Гелон послал прибывшего к нему бывшего тирана Коса, Кадма, с тремя судами в Дельфы, чтобы наблюдать за ходом войны

в Элладе и в том случае, если победит великий царь, сразу же послать ему сокровища и «землю и воду» как знак добровольного подчинения. В случае победы греков он должен был вернуться обратно. Очевидно, Гелон боялся, что перс, который уже давно обратил свои взоры на Запад, после поражения Греции вторгнется в Южную Италию и на Сицилию, и хотел в случае необходимости признанием верховной власти персов избежать войны на два фронта.

Меры предосторожности оказались излишними. Опасность стать вассалом персов была предотвращена победами греков в метрополии, а полный разгром карфагенян под Гимерой еще больше увеличил его могущество. При заключении мира пунийцы вновь отошли в свою прежнюю область на западной оконечности Сицилии, им пришлось уплатить две тысячи серебряных талантов в виде контрибуции и построить два храма, в которых хранились грамоты с договором. Ферон, сохранивший за собой Гимеру, был больше, чем когда-либо, обязан своему зятю. Города и правители, находившиеся на стороне врага, тотчас же стали искать союза с могучим победителем, на который он согласился. Кроме поселений сикулов и сиканов, речь здесь идет о Селинунте и Анаксиле, который закрепил союз, как это часто бывало у тиранов, браком своей дочери с братом Гелона Гиероном. Не расширяя область своего непосредственного господства, а благодаря союзническим отношениям и родственным связям Гелон стал отныне фактически вождем и повелителем Сицилии, включая поселения на Мессинском проливе; именно так его и называет античная традиция со времен Геродота. Лишь Панорм и западная оконечность острова оставались в руках карфагенян, которые, однако, после Гимеры утихли на 70 лет. Воля к власти великого тирана защитила от них греческие города и создала политическое образование, подобного которому по форме, размерам и силе не было в эллинском мире. Источником его был не полис Сиракузы, а Гелон лично, от которого прочие зависели как союзники или вассалы.

С формальной точки зрения, поход против персов был тогда личным предприятием Гелона, и он в соответствии с

этим один назван в мирном договоре. Ему досталась добыча, которой он распорядился по своему усмотрению, ему же — и контрибуция, из которых он смог вернуть сиракузцам их заем. Его супруга Дамарета, бывшая, предположительно, посредницей на мирных переговорах, получила в дар от пунийцев золотой венок. Она отличилась еще в период подготовки к войне, пожертвовав свои украшения и тем самым подав пример богатым сиракузкам. На выручку от этого дара или карфагенских контрибуций были отчеканены серебряные монеты достоинством в 10 драхм, так называемые дамареины. Дошедшие до нас великолепные экземпляры позволяют сделать лишь вывод о том, что они могли быть отчеканены и в других подвластных тирану городах; лишь квадрига на оборотной стороне, напоминающая о победе Гелона в состязаниях (488 год), имеет личный оттенок. Квадригу мы встречаем и на других отчеканенных Гелоном монетах. Вскоре после завоевания Сиракуз благодаря продаже демоса и трофеям из ликвидированных им городов он получил средства для чеканки новых денег, которые были ему необходимы для оплаты наемных войск. То, что принесла ему победа над карфагенянами, было в значительной степени пожертвовано богам как благодарность за их очевидную помощь. Так, сам Гелон пожертвовал в Дельфы золотой треножник вместе с золотой Никой, творением Биона из Милета. Аналогично поступил и его брат Гиерон; треножники пожертвовали также младшие братья Полизал и Фрасибул. И как на Парнасе грандиозный монумент увековечил славу победителя варваров на западе, так и в Олимпии из военной добычи была пожертвована колоссальная статуя Зевса. К этому времени, скорее всего, относится и закладка рощи в южноиталийском Гиппонионе, так называемого Рога Амалфеи. Находившиеся в Сиракузах святилища получили ценные дары; сооружались новые храмы Деметры, Керы, Афины; позаботились и о храмах в Гимере.

Жертвователями и застройщиками во всех этих случаях были Гелон или его братья, а не полис Сиракузы, который участвовал лишь в сооружении статуи Зевса в Олимпии и

поэтому упомянут в надписи вместе с Гелоном: взаимоотношения тирана с городом не изменились и после великой победы. После возвращения из Гимеры Гелон отчитался перед народным собранием и выразил готовность к отказу от тирании, однако его просили как спасителя, благодетеля, царя и дальше продолжать свое правление, которое не было тиранией. Даже если признать, что историк Тимей, к которому, очевидно, восходят эти сведения, в обращении использовал формы чествования, типичные для его, эллинистического, времени, то все же предложение отказаться от тирании и отклонение его народом не вызывает сомнений. Итак, его положение осталось прежним: без должности, рядом и над общиной, однако — и это имело для Гелона значение — отныне его правление было свободно от позора тирании как навязанного, а не добровольно признанного владычества. Оно стало почти легитимной, пусть и не закрепленной в конституции полиса монархией, к которой вполне применимо было наименование «царствование», и Диодор, явно вслед за Тимеем, с этого момента постоянно добавляет к имени Гелона и его преемника царский титул. Однако официально, как видно из надписей посвящения, он не был введен, и нет никаких следов фиксации этого положения рядом или в сиракузской общине. Впрочем, мягкая форма, в которой он осуществлял свою, как и прежде, неограниченную власть, уважение к законам, которое он — как и Писистрат — проявлял в качестве гражданина Сиракуз, наконец, тот факт, что он поощрял земледелие, и благосостояние росло, придавали его правлению нечто от естественного авторитета царской власти. Так выглядит идеализированный образ, созданный Тимеем и повторенный позднее в риторических декламациях, с исторической точки зрения. В 478/477 гг. Гелон умер от водянки. При простых похоронах, как сам пожелал, следуя сиракузскому закону, он был погребен в имени своей супруги Дамареты, которая впоследствии там же нашла свой последний приют. Внушительное надгробье, сооруженное на могиле, было в 369 году разрушено карфагенянами.

Гиерон

Дипоменидам принадлежала тирания над Гелой и Сиракузами; в качестве общего владения она указывается также в последних распоряжениях Гелона. Из троих его братьев Гиерон, имя которого указывает на наследственный характер занимаемой им должности иерофанта Деметры и Коры (причем он необязательно должен был быть старшим), с 485 года был правителем Гелы, но до сих пор находился в тени Гелона. Неизвестно, какие задачи были переданы младшим братьям, Полизалу и Фрасибулу. Согласно воле умершего, Гиерон должен был стать преемником в Сиракузах, а Полизал — занять его место в Геле. «Властвующий над Гелой» — так называет он себя в надписи на основании знаменитой дельфийской фигуры возницы, которая некогда принадлежала к пожертвованной им в Пифо квадриге. Следующее требование Гелона также было исполнено: Полизал женился на овдовевшей Дамарете и принял под свою опеку еще несовершеннолетнего пасынка. На случай, если Полизал до срока умрет, его место должны были занять два зятя, Хромий и Аристон, оба женатые на сестрах братьев из рода Дипоменидов. Хромий — лишь о нем нам что-то известно — происходил из знатного рода, уже во времена Гиппократы был спутником Гелона, предположительно, в лейб-гвардии, и отличился в битве при Гелоре и в войне с карфагенянами. Теперь он был близок к Гиерону, когда между Полизалом и Гиероном возникла серьезная напряженность. Брак младшего брата с Дамаретой, которым Гелон, очевидно, хотел обеспечить продолжение тесных отношений с Фероном из Акраганта, мог не понравиться подозрительному Гиерону, а положение, которое занял блестящий Полизал, питало его ненависть. Когда брат не позволил отстранить себя от командования походом в помощь сибаритам против Кротона, Гиерон обвинил его, справедливо или нет, в планировании свержения своего господства. Следует упомянуть, что Полизал в от-

вет на это направился к своему тестю Ферону, которому он, видимо, тогда отдал в жены свою дочь от прежнего брака, и что Ферон принял сторону беглеца (476/475 гг.). О примирении, произошедшем за счет гимерийцев, речь уже была. Мирные отношения между тремя участниками были восстановлены, по крайней мере, внешне, что продолжалось, по-видимому, и в последующие годы.

Правление Гиерона в Сиракузах и подвластных городах было более жестким, чем его предшественника, великодушия и неоспоримого авторитета которого ему недоставало. Тем не менее нельзя признать безусловную историческую достоверность образа тирана, нарисованного Ксенофонтom в его «Гиероне», и нельзя также не учитывать враждебную тенденцию предания, восходящего к Тимею. Но остается фактом — Гиерон считал, что сможет сохранить свою власть, доставшуюся ему не в силу занимаемой должности, а в личное владение, только с помощью наемников; далее, он подавлял свободу слова и учредил тайную полицию для надзора за настроением граждан. Так же, как и некоторые тираны, не чувствовавшие себя в безопасности, он пытался создать безусловно преданную ему общину, которая была бы его опорой, а в случае необходимости — убежищем. Несмотря на свою тиранию, Гиерон все же признавал собственные законы полиса.

Как и у Гелона при формировании полиса Сиракузы, главную роль здесь играли силовые методы. Гиерон ликвидировал города Наксос и Катану, переселил их жителей в Леонтины и дал им гражданские права, чем завершил уже начатое Гиппократом подавление ионийцев, которые были теперь согнаны в одно место. На территории Катаны, расширенной за счет земель сикулов, был основан новый город под названием Этна. 10 тысяч поселенцев, наполовину призванных с Пелопоннеса, наполовину выходцев из сильно разросшихся Сиракуз, получили здесь местожительство и землю. Но самым важным было другое: сын Гиерона Диномен, посаженный в городе под покровительством Хромия, должен был стать не тираном рядом с общиной, а законным царем, полномочия которого, как и других орга-

нов полиса, устанавливались «по дорийскому образцу и подобию», если можно так выразиться, учитывая пример спартацев. Свидетельством тому является первая Пифическая ода Пиндара, хвалебная песнь в честь счастливо проведенного в 476/475 гг. основания города. Эсхил, также привлеченный Гиероном к своему двору, в драме «Этианки» прославил его деяние, которым властитель столь гордился, что после своей победы на квадриге в Дельфах (470 год) велел выкликать свое имя как сиракузца и этиянина. Новый город, по крайней мере формально, был свободен от внешней зависимости, поскольку на его монетах отсутствует какой-либо намек на сиракузскую эмблему. Гиерон считал, что таким образом обеспечит своему сыну более длительное господство, чем если бы он был тираном Сиракуз, где тирания постепенно вызывала все большее сопротивление. Ибо громкие слова, которыми Пиндар и Бакхилид прославляли законное правление Гиерона, мягкое по отношению к горожанам, без враждебности к богатым, отцовское для чужих, царское в Сиракузах, не должны затушевывать истинное положение дел. Ведь Пиндару пришлось на себе испытать, что слух правителя открыт для лести, а серьезные предостережения или настойчивое напоминание о свободе, которую Гиерон обещал знатным, неугодны ему.

Менее проблематичной, чем характер его правления, была успешная внешняя политика Гиерона. С Анаксилаем из Регия, ставшим в 480/479 гг. его тестем — в первом браке женой Гиерона была дочь знатного сиракузца Никокла, мать его сына Диномена, — отношения не были безоблачными, поскольку сицилийский владыка не хотел допускать расширения его власти на проливе. Когда затем Анаксилай двинулся против соседних Локр Эпизефирских, Гиерон через своего зятя Хромия осуществил интервенцию, чтобы агрессор приостановил свои враждебные действия, рассчитывая на благодарность локрийцев. Вскоре (в 476 году) Анаксилай умер. Опекун его несовершеннолетних сыновей Микиф, по-видимому, старался избежать новых конфликтов, во всяком случае, он разрешил военному флоту Гиерона проход через пролив. Последний уже до этого обратил свой взор

на греческие колонии на тирренском берегу, где его брат Гелон приобрел влияние в Гиппонионе, а сам он, очевидно, установил дружественные отношения с Посидонией. Теперь (474 год) Киме (Кумы), самая северная из колоний в этом районе, призвала его на помощь против этрусков, проникавших в Кампанию не только по суше, но и с моря. Гиерон откликнулся на призыв и одержал со своим флотом на рейде Киме блестящую, многократно восхвалявшуюся победу над струсившим врагом. Сами Киме и, возможно, другие греческие поселения с этого момента вступили с ним в союзнические отношения. Даже покинутый прежними эллинскими поселенцами остров Пифекуссай (Испия) Гиерон взял в свое владение и расположил там гарнизон. Понятно, что в виду такого расширения сферы его влияния по западному побережью Италии пролив приобретал для него особое значение. Однако лишь через некоторое время (468/467 гг.) он начал ослаблять власть Микифа в Регии и Мессане (Занкле), побудив сыновей Анаксилая, братьев своей собственной жены, потребовать отчета у своего опекуна и взять бразды правления в свои руки.

Тем временем на Сицилии произошли существенные изменения. Если возникший из-за Полизола конфликт с Фероном мог быть улажен, то смерть владыки Акраганта, на племяннице которого Гиерон был женат в третьем браке, создала новую небезопасную ситуацию (472/471 гг.). Фрасидей, сын и преемник умершего, попал на Гиерона, и он, несмотря на тяжелые физические страдания, был вынужден выступить в поход с войском, состоявшим из наемников и граждан. Он одержал над врагом полную победу. Брат Акрагант в свое владение стареющий властитель не собирался, но после свержения Фрасибула он также не передал власть новому тирану, а заключил с освобожденным полисом мир, считая, вероятно, что свободное государство будет представлять из себя меньшую угрозу, чем стремящийся к завоеваниям властитель. Вероятно, аналогичный договор был заключен также с Гимерой, вернувшейся к свободе и автономии.

О политических отношениях Гиерона с греческой метрополией, на помощь которой в борьбе с персами он некогда выступал при Гелоне, достоверно ничего не известно. Мало доверия заслуживает отвергнутый уже Плутархом рассказ о том, что Фемистокл, бежав и Эллады (467 год), прибыл к сиракузскому двору, просил руки дочери Гиерона и обещал ему господство над Грецией. То же относится и к истории противоположного содержания, что победитель при Саламине из ненависти к тиранам якобы хотел спести шатер Гиерона на состязаниях в Олимпии. Ясно только то, что слава Гиерона в крупных эллинских городах затмила славу Гелона. Он также пожертвовал Аполлону Дельфийскому после победы при Гимере золотой треножник и Нику, для чего, предположительно, получил драгоценный металл от одного коринфянина в обмен на пшеницу. После морской битвы при Киме он послал первые трофеи, которые, вероятно, погибли вместе с транспортом, и Зевс-Олимпиец также получил свою долю после войны с этрусками, в том числе и сохранившийся до наших дней бронзовый шлем. Но прежде Гиерон, который так же как и Гелон, не отрицал своей принадлежности к эллинской знати, победил на состязаниях в обоих местах. Его скаковой конь Дереник дважды победил в Дельфах (вероятно, 478 и 474 годы) и дважды в Алфее (476 и 472 годы). На квадриге он получил приз в 470 году в Пифо*, а два года спустя в Олимпии. Жертвенный дар за эту последнюю победу уже после смерти тирана (467/466 гг.) принес его сын Дипомен. Другие члены дома Диноменидов также участвовали в состязаниях в Греции: о победе Полизола на колеснице в Пифо еще и сегодня возвещает знаменитый «Возница»**. Хромий завоевал призы в Немее и Сикионе. В поэтическом изображении успехов олимпийских владык, которые вызывали восхищение у всей греческой знати, тоже не было недостатка. Знаменитейшие поэты того времени Пиндар и Бакхилид создавали хвалебные гимны, в которых воспевались

* Догреческое название области Парнаса (см. выше — Пифон).

** Бронзовая статуя из Дельф. V в. до н. э.

не только победы на состязаниях, но также личность и деяния прославляемых.

Нет сомнения, что Гиерон видел в поэтах нечто большее, чем просто необходимых его славе герольдов, хотя ему, безусловно, нравилось сравнение его побед при Гимере и Киме с успехами метрополии в войне с персами или прославлением дорийских порядков в Этне. У него была потребность в людях искусства. Так, Пиндар в 476/475 гг. какое-то время был его гостем и поддерживал с этим сложным человеком близкие отношения, которые продолжались, вопреки интригам, еще несколько лет после возвращения поэта на родину. Трогательным свидетельством этого является третья Пифическая ода (475 год), которая на самом деле стала утешительной песней для человека, страдающего от камней в мочевом пузыре и болезни желудка. Лишь незадолго до смерти Гиерона отношения омрачились, так что воспевание величайшего успеха, победы на квадриге во время Олимпийских игр 468 года, было поручено не Пиндару, а его сопернику Бакхилиду, который наряду с ним посылал хвалебные песни в честь побед 476 и 470 годов и, очевидно, вместе со своим дядей Симонидом некоторое время находился в окружении правителя. Уже упоминалось, что из Афин прибыл Эсхил и написал пьесу в честь торжественного освящения нового полиса Этны. По желанию Гиерона он привез для представления в Сиракузах свою знаменитую драму «Персы» в измененной редакции. Ксенофан, великий мыслитель и поэт из Колофона, отправившийся в южноталийскую Элею, также в преклонном возрасте побывал при дворе тирана. Эпихарм, гениальный создатель сицилийской комедии, ссылаясь в своих произведениях на политические события правления Диноменидов, но вряд ли он принадлежал к окружению Гиерона. Можно также сомневаться, что тиран привлекал к государственным делам сиракузца Коракса, одного из основателей художественной риторики. Известно также, что могучий и щедрый властитель искал контактов с различного рода людьми художественного и духовного склада; возможно, что невыносимые страдания особенно побуждали искать их обще-

ства. Во всяком случае, в основе этого лежало не стремление к легким наслаждениям и забавам, которое задавало тон при дворах Поликрата и Гиппарха. Серьезный нрав Гиерона и суровость дорийского характера создавали атмосферу, в которой речь шла о большем, чем о радостях жизни и легковесном общении.

После 11-летнего правления тиран умер в начале 466 года в Этне, где и был похоронен согласно его желанию с греческими почестями в честь основателя города. Полизал, по-видимому, умер раньше, так что место Гиерона в Сиракузах занял четвертый из братьев, Фрасибул.

6. Конец тирании на Сицилии

Как следует из источников, *Фрасибул* стеснял подросткового тем временем сына Гелона. В это действительно можно поверить, зная его жестокую и бесчеловечную натуру и желание сохранить собственную власть. Если правление Гиерона было суровее, чем Гелона, то теперь наступила тирания в худшем смысле этого слова. Не обладая царским величием предшественников, Фрасибул произвольно осуществлял конфискации в свою пользу, изгонял, казил; он противопоставил враждебному ему гражданскому ополчению сильное наемное войско, не сумев, однако, подавить в городе растущее недовольство. Напрасно нытались его родственники — это были, вероятно, зятья Хромий и Аристон — сохранить господство дома, покинув Фрасибула на произвол судьбы. Даже те сарикузцы, в основном богатые люди, которых им удалось привлечь на свою сторону, в конце концов использовали возможность свергнуть монархию и изгнали всех Диноменидов. Хотя Фрасибул получил из Этны (которая теперь, как предвидел Гиерон, стала опорой властителей в спасной ситуации) существенную помощь, имел возможность найти и других союзников

и увеличить свое наемное войско, он сумел укрепиться в Сиракузах лишь на островах Ортигия и Ахрадина. Но вскоре и это стало невозможным. Ибо Сиракузы призвали на помощь освободившихся от господства Фрасидея акрагантцев и тимерийцев, а также селинунтцев и жаждущих свободы сикулов; кроме того, гелойцев, которые, наконец, избавились от тирании, если это не произошло еще раньше после смерти Полизола. Фрасибул, которого покинули все союзники, предположительно, даже этняне, располагал теперь только своими наемными войсками, с которыми он долго и ожесточенно сражался на суше и на море, пока не признал безнадежности своего положения и не капитулировал на условиях свободного выезда. Ему позволили уехать и поселиться в Локрах Эпизефирских, которые со времен Гиерона были многим обязаны роду Диноменидов. Злосчастное правление продлилось лишь 11 месяцев. С его свержением рухнула вся политическая структура, возводившаяся Гелоном и Гиероном, которая охватывала большую часть Сицилии и простиралась вплоть до южной Италии (466/465 гг.). Там, где члены дома Диноменидов еще держали бразды правления в своих руках, вероятно, в Леонтинах и наверняка в Этне, царь которой Диномен теперь тоже должен был восприниматься как обычный деспот, монархическое правление в последующие годы было ликвидировано. Часть людей, переселенных великими тиранами, вернулась на свою старую родину, как, например, перевезенные Гелоном в Сиракузы жители Камаринны, которые по происхождению были гелойцами, поселенные Гиероном в Леонтинах жители Наксоса и Катаны. Население Этны, поскольку сиккульский предводитель Дукетий затребовал обратно свои земли и сиракузцы пошли на него войной, было вынуждено покинуть свой город и осесть в Инессе, которую они переименовали в Этну; гробница же Гиерона в старой Этне была разрушена врагами. Лишь мегарцы остались в Сиракузах и, по-видимому, сохранили свои гражданские права.

Иначе обстояло дело с наемниками, которым Гелон предоставил в Сиракузах права гражданства и которых

осталось в 60-е годы около семи тысяч. Когда после свержения тирании их лишили прав гражданства, они долгое время успешно оказывали сопротивление, удерживая Ортигию и Ахрадину, и были побеждены лишь после тяжелых боев. Наконец-то в Сиракузах наступило относительно спокойствие, когда после отъезда Фрасибула была воздвигнута гигантская статуя Зевса-Освободителя и учреждены большие празднества, отмечавшиеся ежегодно в день свержения тирании, с состязаниями, жертвоприношениями и угощением народа. Не было недостатка и в тиранических попойках, но все же осталась данная Гелоном, по крайней мере формально, демократическая конституция.

И в других греческих городах, из которых в первую очередь следует назвать Гелу, Акрагант и Тимеру, происходили стычки с бывшими наемниками тиранов, изгнание новых граждан и возвращение прежних, требовавших обратно свою собственность, что вызывало большую смуту. При этом, естественно, вступали в конфликт интересы различных общин, так что возникла необходимость в генеральном урегулировании. Его осуществил в 460 году конгресс, на который собрались представители большинства городов. Конгресс постановил, что старые граждане должны повсеместно приниматься в свои прежние общины, а новым, то есть наемникам или людям, которые были родом не из эллинских городов Сицилии, предоставлялось местожительство в области Мессаны (Занклы). Ибо там тоже прекратила свое существование тирания, основанная Анаксиласом. Поскольку все греческое население острова было захвачено освободительным движением, эти настроения проявились и в попытке конструктивного упорядочения отношений. Материальный и духовный расцвет последующих десятилетий доказал правомерность устранения тираний, которые в какой-то степени создали для этого предпосылки. Во внешнеэкономическом отношении отсутствие тиранов также не вызвало негативных последствий, поскольку карфагенская и этруская угроза была ими в корне подавлена. Предводитель сикулов Дукетий объединил отдельные горные города и установил монархическое правление по

образцу греческих тираний, однако вскоре его царство распалось и в последующее время сикулы все больше и больше эллинизировались. И все же остался открытым вопрос, надолго ли сохранится у греков Сицилии в их незащищенном положении усилившийся дух полиса, чтобы в зародыше пресечь возникновение новой тираннии, и смогут ли они в случае новой серьезной внешней опасности оказать вместе действенный отпор без руководства властителя.

Глава VII ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ

1. Регий

Самая значительная тиранния на италийской земле, тиранния *Анаксилая* в Регии, уже одним тем, что она распространилась на Занклу, была тесно связана с Сицилией. Регий был халкидской колонией, но уже в конце VII века здесь находили приют бежавшие из родного города мессенцы, и не только сам Анаксилай, но и Ивик, который предположительно вскоре после 550 года сам мог быть тираном города, были мессенского происхождения. Даже ведущий слой, который около 550 года образовал аристократию «тысячи», состоял в основном из потомков мессенцев. Один из этих знатных и богатых господ, Анаксилай, сын Кретины, захватил в 494 году власть, заняв крепость города. Произошло ли это с помощью гетерии, наемников или во главе низших слоев города, нам не известно, поскольку предание умалчивает также о характере и форме его правления. Однако более поздние упоминания о его справедливости и популярности, тот факт, что ему впоследствии приписывали мудрые высказывания, и то обстоятельство, что после восемнадцатилетнего правления (494—476 годы) его сыновья без осложнений унаследовали власть, подтверждают умный и умеренный характер его правления. Примечательно, что не упоминается лейб-гвардия. Как свидетельствуют его внешнеэкономические планы и акции, Анаксилая, по-

видимому, удалось не ожесточить и собратьев по сословию, и прочих граждан. Он, очевидно, принимал меньше участия в панэллинских состязаниях в метрополии, чем владыки Сиракуз и Акраганта, но всеобщее внимание привлекла победа его четверки мулов в Олимпии (вероятно, 480 год), которую он пышно отпраздновал угощением всех участников празднеств, увеселением на регийских монетах, а Симионид по его заказу воспел в стихах.

Анаксилай с самого начала задумал путем завоевания Занклы сосредоточить в своих руках контроль, а по возможности и взимание пошлин со всех судов, проходящих через пролив. В другой связи уже упоминалось, как выходцы с Самоса по его совету осели не в Кале Акте, а в Занкле. Если тиран надеялся таким образом получить какую-либо власть над городом, то он просчитался. Хотя угрожающая власть Гипнократа больше не простиралась до пролива, самосцы в Занкле пытались отстоять свою свободу не только от сицилийского правителя, но и от Анаксилая. Когда через несколько лет (вероятно, около 490 года) *Кадм*, прежний властитель Коса (и сын того Скифа, которого Гипнократ посадил в Занкле, но вследствие потери города заключил под стражу), прибыл с востока, его приняли и вручили этому человеку, которого высоко ценили за его самоотверженность, господство над общиной, вероятно, считая, что это поможет лучше держаться против Анаксилая. Однако эти ожидания не оправдались, ибо через короткое время Анаксилай завоевал Занклу, изгнал самосцев и заселил город пестрым населением, в том числе бывшими мессенцами, которые недавно покинули свою родину после неудачного восстания гелотов. Учитывая скорее не их, а свое собственное мессенское происхождение, он дал городу название Мессана, сохранившееся и до сих пор (Мессина). Город впоследствии образовал полис рядом с Регием, но Анаксилай как тиран правил обоими городами, чеканил в там и тут монеты и лишь впоследствии разделил власть, доверив правление в Регии своему сыну Леофрону, а себе оставив Мессану. Здесь, по-видимому, он благоприятствовал продвижению дорийских элемен-

тов населения, так что тогда, когда Диномениды и Ферон захватили большинство халкидских колоний на Сицилии, поинийцы на проливе также понесли тяжелые потери.

Переброска на Сицилию неминуемо должна была вызвать осложнение отношений Анаксилая с Гелоном, владения которого простирались на север вплоть до Наксоса и который строил в Сиракузах, где властвовал с 485 года, большой флот, рассчитывая рано или поздно начать борьбу за пролив. Поэтому не случайно изгнанный из Занклы Кадм направился ко двору Диноменида. Поскольку последний был тесно связан с Фероном, Анаксилай в противовес ему заключил союз с Териллом из Гимеры, на дочери которого Кидипп женился вторым браком. Когда в 482 году Ферон изгнал своего тестя, он вступился за Терилла и вместе с ним призвал карфагенян к вмешательству. Отдав им в заложники своих детей, он, по-видимому, обязался воспрепятствовать проходу флота Гелона через пролив, что, кажется, удалось. Но в битве при Гимере (480 год) победил его противник, и теперь тиран поспешил заключить мир с Гелоном, достигшим небывалой власти, что произошло очень легко, поскольку последний по непонятным причинам не претендовал на владение Мессаной. Браком одной из дочерей Анаксилая с Гиероном был скреплен дружественный союз, оставивший владыку пролива в его прежнем положении, но не допускавший расширения его власти. Впрочем, Анаксилай смог укрепить Скилай на северном конце пролива и тем самым перекрыть доступ этрусским пиратам. Но когда он в 477 году попытался напасть на эпизефирских локрийцев, Гиерон вмешался и принудил своего тестя приостановить войну. Год спустя Анаксилай умер, а Леофрон, по-видимому, вскоре последовал за ним, ибо правление перешло не к нему, а к Микифу, сыну Хоира, очевидно, родственнику, которого тиран назначил опекуном своих еще несовершеннолетних сыновей от Кидиппы.

Микиф, девять лет правивший Регием и Мессаной (476—467 годы), был, как и Анаксилай, умеренным властителем, однако его внешнеполитические акции протекали неудачно. На свой страх и риск, в качестве тирана он вступил в

союз с тарентинцами, и когда они вступили в тяжелую борьбу с япигийскими племенами глубинной части страны, принудил горожан Регия оказать им помощь большим войском. Но объединенные войска потерпели страшное поражение — Геродот называет его самым большим кровопролитием эллинов, которое ему известно, — и одни только регийцы потеряли 3000 человек (около 473 года). Тем не менее спустя два года Микиф собрался основать колонию на тирренском побережье в Пиксе, юго-восточнее Элеи, которая вряд ли смогла бы долго продержаться. Его положение в Регии и Мессане не потерпело ущерба вследствие поражения. Более того, когда через несколько лет (в 467 году) подросшие сыновья Анаксилая, по настоянию Ггерона, потребовали от него отчета, он отчитался перед друзьями их отца и добровольно передал сыновьям тиранию. Рассказывают, что, видя его честность, они просили его продолжать правление, но он отказался. Затем он отправился, сопровождаемый доброжелательством народа, в Теген в Аркадии, где и закончил свои дни. Неизвестно, было ли необычайно большое количество статуй, которые Микиф согласно своему обету пожертвовал в Олимпию за выздоровление своего сына, сделано до или после выздоровления; очевидно, эти дары богатого человека не имели политического значения.

Вероятно, Микиф довольно охотно сложил с себя тиранию, поскольку конец ее в Акраганте и Гимере, а также рост освободительного движения в сфере влияния Диноменидов показывали, что годы монархического правления и на проливе уже сочтены. Если он так считал, то был совершенно прав, поскольку несколько лет спустя (около 461 года) жители Регия и Мессаны изгнали сыновей Анаксилая и восстановили республиканское правление, хотя это и сопровождалось тяжелой смутой. Прежде всего, тяжело пострадала Мессана, в которой еще не было старых граждан, и поэтому по решению Конгресса греческих городов Сицилии ей пришлось принять изгнанных из других городов наемников и чужих поселенцев свергнутых тиранов. Сомнительно, что в последующие годы положение в обоих

этих городах было лучше, чем при сравнительно мягком правлении семейства Анаксилая.

2. Города на Тарентском заливе

Если в городах Тарентского залива и встречались тираны, то они не играли значительной роли. В период до 510 года в процветающем *Сибарисе* правил некий *Телий*, который, будучи вождем особенно многочисленного здесь демоса, обвинил самых знатных граждан и способствовал изгнанию 500 самых богатых и конфискации их состояния. О характере и форме его правления ничего не известно, но следует подчеркнуть, что, если при великих сицилийских тиранах и Анаксиласе ничего не было слышно о социальных движениях, которые бы благоприятствовали появлению тирании, то Телий сумел использовать напряженность, существовавшую между народными массами и богатыми землевладельцами в Сибарисе. Лишенные своего имущества и изгнанные люди нашли приют в Кротоне, где существовала олигархическая община, находившаяся под влиянием или руководством Пифагора и его секты, аристократический дух которой исключал союз с тираном-демагогом. Один уважаемый гражданин по имени Филипп был даже изгнан, поскольку посватался к дочери Телия, и все требования последнего об отмене высылки категорически отклонялись. Когда Телий, вопреки предостережениям провидца Каллия, начал войну с Кротонем, он был полностью разгромлен в решающей битве и убит горько разочарованными сибаритами, которые, уничтожая его сторонников, не посчитались даже со святостью алтаря. Следствием тяжелого положения стало вскоре падение Сибариса и разрушение богатого и могучего города кротонцами (511/510 гг.).

Однако и победоносный *Кротон* не смог избежать в последующий период тирании. Через некоторое время после падения Сибариса местному жителю Килону со своей

гетерией удалось вытеснить Пифагора, который отправился в Метапонт и там, по-видимому, умер. Вскоре после этого другой кротонец, Клиний, попытался свергнуть власть олигархов и стать тираном города. Согласно единственному и, к сожалению, довольно краткому сообщению, которым мы располагаем, он достиг своей цели тем, что собрал изгнанных и освободил рабов. Самых видных граждан он частью убил, частью изгнал; сообщается также, что он захватил и другие города. Для изгнанных он был вождем демоса, для рабов речь шла об освободителе. Как и в Сибарисе, здесь также ненависть низших слоев к богатым дала возможность честолюбивому человеку установить свою тиранию. Впрочем, лишь на короткое время. В Кротоне, очевидно, довольно скоро настроенная пифагорийски олигархия вновь пришла к власти и смогла утвердиться, пока в середине V века она не была ликвидирована силой.

Что касается остальных колоний на Тарентском заливе, то в самом Таренте, по-видимому, не было тирана, поскольку Аристофилид, который, согласно данным Геродота, был здесь царем до 500 года, видимо, сохранил в спартанской колонии свое царское звание. В *Гераклее* на *Сирисе*, видимо, был тиран по имени *Архелай*, которого убил Антилеон, поскольку тот хотел увести его любовника Гиппарина. Благодарный за свое освобождение город поставил друзьям бронзовый памятник. Аристотель и другие относят это деяние к *Метапонту* и предполагают там существование тирании между 550 и 514 годами.

3. Элея

Не лучше, чем в вышеуказанных случаях, обстоит дело и с нашими знаниями о тирании в Элее на тирренском побережье. В древности постоянно пересказывалась история о том, как знаменитый философ Зенон готовил заго-

вор против тирана, после раскрытия которого был подвергнут пыткам и проявил при этом героическую стойкость. Однако то, что никто не может назвать имени тирана (Неарх, Дипомедон или Демил), дискредитирует историческую ценность этого эпизода, который в конечном счете кажется еще одной из легенд, так любимых в IV веке, о силе характера отдельных философов, мужественно переносящих мучения, причисляемые извергом, с добавлением некоторых деталей, иллюстрирующих хитрость Зенона. Тем не менее здесь сохранилось воспоминание о том, что Элея в первой половине V века какое-то время находилась под властью тирана, о чем больше не сохранилось никаких сведений.

4. Киме (Кумы)

До нас дошло относительно подробное, хотя и восходящее к эллинистической истории города сообщение о правителе самой северной греческой колонии на западном побережье Италии, *Аристодеме* из Киме, однако на этот рассказ оказало влияние бытовавшее в V веке общее представление о тиранах, что не всегда позволяет отличить подлинное предание от позднейших наслоений. Достоверно известно, что Аристодем, сын Аристократа, принадлежавший к руководящему общиной аристократическому слою, был обижен на то, что его героический поступок во время обороны от этрусков, умбрийцев и давнийцев в 524 г. не был оценен по достоинству. Он отвернулся от своего сословия и стал вождем демоса. Когда 20 лет спустя город Ариция, стоявший во главе Латинского союза, попросил кимейцев о помощи против Арунса Порсены, сына известного завоевателя Рима, Аристодем во главе значительного контингента пеших воинов был послан за море в Лацио. Рассказывают, что правившие землевладельцы надеялись, что он там погибнет. Но под стенами Ариции он одержал

блестящую победу и вернулся с богатыми дарами благодарных латинян и большим количеством пленных. Войска, щедро одаренные им из добычи, он привел к присяге на верность. К тому же ему достались этрусские пленные, которых он отпустил за выкуп. Используя как предлог свой отчет перед советом, он совершил государственный переворот. Собравшиеся главы аристократов были убиты его людьми, крепость, судовые верфи и укрепленные места заняты, приговоренные к смерти освобождены из заключения. Из них и отпущенных военнопленных Аристодем образовал свою лейб-гвардию. Перед народом он оправдывал свой поступок как самозащиту и раздавал большие обещания свободы и равенства. Он особо подчеркивал отмену долгов и перераспределение земли, но потребовал, чтобы на период осуществления этих мер временно, а именно до установления демократического порядка, ему была предоставлена абсолютная власть, что народ и сделал. Если это соответствует действительности, то положение Аристодема вначале было квазизаконным, а не тиранией в строгом смысле этого слова. Однако вскоре оно превратилось в подлинную тиранию из-за невыполнения обещаний демократического преобразования государства, из-за длительного сохранения чрезвычайных властных полномочий и прежде всего из-за проведенного, благодаря хитрой уловке, саморазоружения граждан. Следовательно, в действительности тиран правил скорее не на основании предоставленных ему полномочий, а благодаря войскам, лично преданным ему и им оплачиваемым, которые он сформировал из соучастников своего переворота, рабов, убивших своих хозяев, и двух тысяч наемников негреческого происхождения.

О тирании Аристодема, которая длилась 14 лет (примерно с 505/504 по 491/490 годы), что касается его правления в Киме, сохранились в основном рассказы об ужасных злодеяниях. То, что он убрал водруженные аристократами статуи, конфисковал их дома и имения, забрал себе ценные предметы из их имущества, а прочее, в основном недвижимость, не использовал для оплаты своих телохранителей, соответствует образу действий некоторых других тира-

нов. Однако особо выделяется то, как тиран поступил с сыновьями аристократов, погибших при государственном перевороте, мести которых он опасался. Хотя они и остались в живых по просьбе членов свиты тирана, женатых на их матерях, они были принуждены работать в поле как рабы, и обращались с ними соответственно. Рассказывают также, что Аристодем старался изнежить всю молодежь мужского пола в городе, заставляя воспитывать мальчиков и обращаться с ними как с девочками. Этому трудно поверить или же можно посчитать признаком этрусского влияния на Аристодема, однако, скорее всего, это проистекает из неправильного толкования прозвища «малакос» (изнеженный), которое, согласно Плутарху, дали Аристодему из-за его прически и которое за ним закрепилось. Такое искаженное толкование могло закрепиться тем легче, что тиран — как, впрочем, и Поликрат, — пытался препятствовать традиционным занятиям и закалке знатной молодежи. Не одному Аристодему было присуще желание занять граждан общественными работами и таким образом удержать их от политической деятельности. Если он в этих целях распорядился прорыть ров вокруг своей территории, то речь идет не обязательно, как считает предание, о бесполезном предприятии: возможно, это было необходимо для отвода воды или чего-либо подобного, ибо многие тираны занимались техническими усовершенствованиями большого масштаба.

Аристодем, разоружив граждан, видимо, не затевал военных походов. Известно, однако, что последний этрусский владыка Рима, по традиции называемый Тарквинием Гордым, после морской битвы у Регилла (около 496 года), лишившей его последней надежды на возвращение в Рим, со своей свитой отправился в Киме, где вскоре умер в преклонном возрасте. После его смерти Аристодем проявил заботу о его сторонниках и велел задержать зерно, закупленное римским посольством в Киме, в качестве компенсации за конфискованные имения Тарквиниев или — по другой версии — в интересах беглецов пытался провести переговоры с посланниками. Когда же они отказались

от переговоров и, видя дружеское отношение тирана к изгнанникам, покинули город под залог, Аристодем противоправно присвоил их слуг, выючных животных и оставленные в залог деньги. То, что он вступился за изгнанных Тарквиниев, кажется вполне возможным. Этруссские правители Рима, которые причисляли коринфянина Демарата к своим предкам, вероятно, мало отличались по своему положению и поведению от греческих тиранов, пусть даже характеристика Тарквиния Гордого анналистами находится под сильным влиянием эллинской традиции изображения тиранов. Солидарность тиранов, которая часто встречается в греческом мире, могла быть определяющей и в отношении Аристодема к последнему Тарквинию, тем более, что их общим врагом был Порсена или его сын и знать их городов.

То, что сообщается о падении Аристодема, вызывает сомнений не меньше, чем сведения о его правлении. По одной из двух версий Ксенокрита, дочь одного изгнанного аристократа, которую он взял в жены, принимала участие в организации восстания, тогда как другая версия ничего не сообщает о ее участии. Однако оба рассказа совпадают в том, что восстание было поднято сыновьями аристократов, которые бежали в горы и оттуда установили связь с братьями по сословию, некогда покинувшими Киме и осевшими в Капуе. Они имели возможность на вербовать наемников и приобрести оружие. После того как они вместе совершили ночные налеты на территорию Киме, освободили пленных и призвали рабов к освобождению, мятежникам удалось, наконец, проникнуть в город (предварительно обманув престарелого тирана с помощью мнимого перебежчика). Доступ им обеспечила либо собственная хитрость, либо то, что Ксенокрита приказала открыть ворота. Аристодема настигли на пиру и зверски убили; его приближенные также были убиты, кроме Ксенокриты, которая выпросила тело своего супруга для погребения, а затем была назначена благодарными кимейцами жрицей Деметры. Победа аристократов (около 491/490 гг.) имела следствием восстановление прежнего порядка. Как и в некоторых восточно-

италийских городах, в ионийском Киме на италийском побережье тирания, по всей видимости, была только эпизодом без глубокого воздействия на полис. В предании же, которое сообщает только о произволе и жестокостях Аристодема, несмотря на все сомнительные моменты, содержится глубокая правда.

Глава VIII

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ РАННИХ ТИРАНОВ

Ранняя тирания была явлением архаической эпохи древнегреческой истории, то есть времени, когда могущественные аристократические роды и богатые землевладельцы держали руководство общиной в своих руках, даже если за незнатными слоями населения права гражданства признавались. Тираны все без исключения происходили из этих знатных семей; именно поэтому их естественными противниками были соратники по сословию, которые не переносили возвышения одного из них над всеми. Поэтому человек, стремившийся к единоличному господству, должен был иметь собственную сильную группу соратников. Он мог найти их: в гетерии аристократов, которые хотели участвовать в таком правлении; в наемниках, набор которых позволяло его богатство; в массе мелких землевладельцев и горожан, экономические, социальные и политические требования которых обещал выполнить, если они помогут ему прийти к власти. Он мог также стать властителем над родной общиной с помощью внешней силы, будь то персидский царь или тиран другого города. Для характера и формы правления не имело особого значения, каким образом была установлена тирания; в любом случае она означала то более жесткое, то более мягкое насилие над общиной со стороны властителя, стоящего рядом с ней и над ней. Зародившаяся

уже в VII веке мысль о правовом государстве не пришла в тирана своего проводника. В гораздо большей степени в одном-единственном человеке сосредоточивалось стремление знатных родов к власти и богатству, которое заставляло разрывать даже узы сословной солидарности, поднимая для достижения своей цели простой народ против господского сословия. Выделение энергичной, своенравной личности из коллектива аристократического общества — симптом начинающегося распада аристократического мира, освобождало одновременно новые, перспективные силы и пролагало дорогу прогрессивным тенденциям. Шла ли речь об империалистической политике, о мерах рационализации или технических усовершенствованиях, о пышном проведении празднеств в честь богов или крупных постройках — у большинства тиранов все это было тесно связано с их эгоистической потребностью в господстве и богатстве, в славе и наслаждениях. Но их нововведения неизбежно приобретали собственную ценность и оставались во владении полиса.

Что касается внешнеполитической деятельности тиранов, то ее историческое значение для метрополии было сравнительно небольшим, ибо, как заметил еще Фукидид, тираны были озабочены в первую очередь своей собственной безопасностью. Это сковывало их внешнеполитическую активность, тем более что они не могли положиться на ополчение граждан и еще меньше — на свое сословие. Поэтому тирания не вызвала в Элладе существенных территориальных изменений. Потребность во внешних завоеваниях, если она была у тиранов, удовлетворялась основанием или завоеванием греческих колоний. Поэтому Кипселиды, Писистрат и старший Мильтиад оставили свой след в истории колонизации, а Коринф унаследовал от своего тирана некое подобие колониальной империи. В целом же можно сказать, что в метрополии историческая функция тирании не была внешнеполитической. Иначе обстояло дело в окраинных областях эллинского мира. На востоке Эгейского моря существовала установленная персами, то есть внешнеполитически обусловленная, власть зависимых тиранов как форма господства над греческими городами — явление, которое

постоянно возрождалось в последующие века; с другой стороны, вблизи и под влиянием Востока Поликрат смог установить такое правление, с империалистической энергией которого не могла сравниться ни одна тирания в метрополии. Подобных масштабов достигли тираны на противоположной, западной границе расселения, особенно Дниомениды, и не только по отношению к таким местным племенам, как карфагеняне и этруски, но и греческие колонии. Впервые тема более или менее насильственной концентрации сил тираном для отпора варварам, которая возникала при каждой новой серьезной угрозе, стала актуальной именно для этих правителей. Однако по поводу всех греков можно заметить, что в их истории дух империалистической политики силы, который в V веке все сильнее пронизывал города-государства, тираны первыми восприняли и претворили в жизнь.

Для внутреннего развития и будущей формы общины имела значение рациональная и целенаправленная политика, проводившаяся тиранами, а с другой стороны — проводившееся ими нивелирование сословий путем покровительства крестьянам и ремесленникам и притеснения знати. Она ослаблялась конфискациями и изгнаниями и в то же время лишалась политической власти. Мелкие крестьяне зачастую становились более независимы от своих прежних патронов, а городские ремесленники приобретали в социальной структуре полиса новое положение под знаком материального прогресса, сознательно поощряемого тираном, и связанного с этим перемещением центра тяжести из сельской сферы в городскую. При всех временных, местных и прочих отличиях можно говорить о преодолении аристократической эпохи и, пусть и невольной, подготовке общественного базиса классических полисов как об исторической функции ранней тирании. В общих чертах это относится и к окраинным районам греческого мира, Малой Азии и Запада, хотя у восточных ионийцев эфемерный характер местных тираний и то, что они в основном поддерживались персидским царем, снижало их значение для внутреннего развития общин, а в египетских и южноиталийских колониях сравни-

тельно хорошие отношения между знаменитейшими тиранами и аристократией еще больше затушевывали этот подспудно протекавший процесс.

Трудно сказать, вызывали ли блеск, сила, пышный двор, постройку и блестящие празднества тирана прилив патристической гордости у граждан. Знатные господа, искавшие в близости к тирану безопасности, выгоды или славы, могли испытывать подобные чувства, так же как и слои населения, жившие за счет заказов тирана или состоявшие у него на службе. Многие земледельцы, которых правитель освободил от гнета аристократов, обеспечил возможностью трудиться, чьим младшим сыновьям дал землю, оспаривая или завоевывая колонии, тоже не видели в его господстве ничего унижительного или ужасного. Но врожденное стремление эллинов к созданию содружества свободных людей, которое само устанавливает для себя формы политической жизни, не могла надолго усыпить, а тем более задуть никакая, самая умеренная и успешная тирания.

Большинство аристократов, которые сами, наряду со своими предками, были носителями этого духа, страдали от утраты свободы политической, военной деятельности, это затрагивало их честь (сильнее всего там, где тиран пошел на разоружение). В других слоях, вероятно, в VI веке под воздействием «легалистических» религиозных течений стало расти стремление к автономии. Охваченных этим стремлением больше не удовлетворяли материальные преимущества, обеспеченные милостью тирана; формальное существование конституции полиса не могло скрыть того, что в действительности все существенные решения принимаются тираном или по его воле, а увеличенные тираном налоги ничем не отличались для них от тех, которые персидский царь взимал со своих подданных. Сюда следует добавить во многих случаях злоупотребление властью и ее жесточайшие пресечениями первого тирана; как правило, они уступали ему в характере, уме и силе и опирались на авторитет основателя просто как наследники. Их жестокость и произвол делали тиранию совершенно непереносимой, их злоупотребления властью пробуждали потребность в обязательной для

всех законности. Так тирания против своей воли внесла значительный вклад в осуществление идеи полиса, выдвинутой еще Солоном. Правда, восстания против тирании зачастую происходили спонтанно, и покушения, подобно покушению Гармония и Аристокрита, в основном были вызваны оскорблением личного достоинства, а не стремлением освободить город от тирании. В Афинах свержением тирании были обязаны Спарте, в Малой Азии — персам или победоносному флоту греческой метрополии, но что бы ни происходило в отдельных городах, на смену монархическому управлению приходила исономия, равноправие в слове, который руководил общиной в рамках законного порядка и состоял из аристократических семей. Существовавшее между ними соперничество вновь проявлялось открыто, вновь оживлялась ранее сдерживавшаяся тиранией политическая жизнь. Разумеется, с этим была связана опасность того, что какой-либо род под руководством властолюбивого вождя добьется в общине положения, которое поставит под угрозу или ущемит исономию. Впрочем, такая «династия» еще не представляла собой тиранию, поскольку держалась в рамках закона, однако могла вызвать опасения, что переродится в чистую тиранию, и тем в большей степени, что рыхлая структура государства не являлась достаточной защитой от этого и стремление некоторых аристократов к тиранической власти не было подавлено. Время должно было показать, укрепились ли освобожденные от тирании общины настолько, чтобы успешно противостоять опасности и с корнем вырвать всякие тиранические устремления в будущем.

Вторая часть ПЯТЫЙ ВЕК

Глава I НАСЛЕДНИКИ РАННИХ ТИРАНОВ

1. Афины

Лакедемонский царь Клеомон в 511/510 гг. сверг тиранию, и Гиппий был изгнан из Афин. Род Алкмеонидов был к этому причастен, поскольку добился от дельфийского жречества одобрения такой акции и еще раньше пролил свою кровь при Лисидрионе в борьбе против тирании. Поэтому глава рода Клисфен считал справедливым, что ему отныне должно принадлежать руководство освобожденной общиной. Но тут он встретил в Исагоре, сыне Тисандра, и стоящих за ним гетериях могучего соперника и потерпел поражение в политической борьбе, в которой оставшаяся в стране при тиране знать противостояла своим изгнанным или эмигрировавшим товарищам. На 508/507 годы Исагор был избран архонтом. Тогда Клисфен обратился к демосу, о котором он, по словам Геродота прежде не заботился, и завоевал в нем многочисленных сторонников. Тем самым он вступил на путь, который привел многих властолюбивых людей до него и в последующие времена к тирании.

Далее, он привлек к себе нижние слои, некогда ничего не имевшие против правления Писистратидов. Однако он не пошел на насильственный путч, а провел свою знаменитую конституционную реформу, пропагандой которой привлек к себе демос, законным путем через народное собрание, и архонт Исагор не смог ему помешать. Исагор, напротив, действовал незаконно и тиранически, призвав на помощь царя Клеомена и побудив его изгнать из страны Алкмеонидов за давно искупленное ими убийство времен Килона. Клисфену пришлось уступить, а Клеомен, прибывший в Афины с небольшим войском, по совету своего друга Исагора (еще со времен свержения Гиппия) изгнал 700 близких к Алкмеонидам семей. Затем он попытался распустить сопротивляющийся совет и передать власть Исагору и тремстам его друзьям, под которыми, видимо, следует понимать членов названных гетерий. Это свидетельствует о его намерении установить тираноподобное правление, зависящее от Спарты. Но план рухнул, поскольку призванный советом демос вынудил Клеомена, Исагора и его людей укрыться на Акрополе, а после краткой осады оставить город. Они обосновались в Элевсине, но аттический отряд перебил находившихся среди них афижан, по-видимому, после ухода спартацев. За попытку установить тиранию их приговорили к смерти, разрушили их дома и конфисковали имущество. Приговор был начертан на бронзовой стеле. Исагор же не только ускользнул; его покровитель Клеомен даже собирался привести большое войско и поставить Исагора тираном в Афинах. Но эта попытка не была осуществлена. На равнине Элевсина, куда они продвинулись, цари Клеомен и Дарамат поссорились. Коринфяне, которым все происходящее казалось сомнительным, повернули домой, их примеру последовали и остальные союзники. Таким образом, была предотвращена опасность установления тирании Исагора, опиравшегося на Спарту, но не опасность возвращения Гиппия, которого, как уже упоминалось в другой связи, Клеомен вскоре попытался вернуть. Когда же эта попытка на переговорах с пелопоннесцами провалилась и план восстановления правления Писистратидов, противоре-

чащий традициям Спарты, был отвергнут, возникла угроза возвращения Гиппия с помощью персов. К тому же в Афинах жили родственники и друзья Писистратидов, которым при создавшихся обстоятельствах нельзя было доверять, так что бдительность в отношении их и всех, кто мог подозреваться в пособничестве тирании, стала настоящей необходимостью для защитников свободного государства. Это в особенности касалось Клисфена, основоположника новой республиканской конституции, который своим творением в то же время должен был укрепить собственное положение как вождя и защитника демоса (простата). Ибо для него речь шла об этом положении, а не об установлении собственной тирании, хотя его взлет с помощью демоса мог напомнить о том, как некоторые тираны приходили к власти; его сторонники в народе в значительной части были те же люди, которые некогда поддерживали Писистратидов.

Конституция Клисфена, преимущественно ее система фил и демов, была направлена на то, чтобы устранить условия, существовавшие около 560 года и давшие тогда Писистрату возможность установить тиранию. Дальнейшие меры предосторожности последовали позже. Хотя мы не знаем, как долго еще жил и оказывал решающее влияние тогда уже 60-летний Клисфен — возможно, он дожил до первых лет Ионийского восстания. Во всяком случае, введенная в 501 году клятва членов созданного им совета, содержавшая обязательство искоренять всякое стремление к тирании, несет на себе отпечаток его политической воли. Кроме того, Аристотель, Теофраст и более поздние источники приписывают Клисфену введение остракизма, который хотя и был известен ранее, но впервые был применен значительно позже, в 488/487 годах. Отныне на шестой притании, то есть примерно в январе, следовало опрашивать народное собрание, следует ли устраивать голосование на черепках по поводу каких-либо влиятельных и потому особо подозреваемых в стремлении к тирании людей. Если ответ был положительным, то в установленный срок проводилось голосование, при котором должно было быть сдано не менее

шести тысяч черенков с одним именем. Тот, кто получал больше всего голосов, должен был на десять лет удалиться из страны, не утрачивая при этом своей чести и имущества, поскольку речь шла о мере предосторожности, а не о наказании. Пока Клисфен находился у власти, поводов для применения ostracism не возникало, и даже когда Писистратид Гиппарх, сын Харма, в 496 году, предположительно из-за неблагоприятного поворота в поддерживавшемся Афинами Ионийском восстании, попал в архонат, в народе, очевидно, не было большинства за решение о применении ostracism. Алкмеониды, против которых теперь могла бы быть применена эта мера, видимо, договорились под руководством своего вождя Мегакла, племянника Клисфена, с оставшимися в стране Писистратидами и их сторонниками; Мильтиада же, вернувшегося в Афины в 493 году, они рассматривали как своего соперника. Они выдвинули против него обвинение в тирании, имея в виду его владычество над Херсонесом, но он был оправдан, очевидно, потому, что господствовал не над афинянами.

В годы после его возвращения, предшествовавшие победе при Марафоне, не было никаких проявлений стремления *Мильтиада* к тирании. Во время битвы он был одним из десяти стратегов, главнокомандующим же был полемарх Каллимах, однако победа в значительной степени была обусловлена тактикой, предложенной Мильтиадом, так что ему и досталась вся слава после гибели Каллимаха. Видимо, бывший тиран Херсонеса, чувствуя прочность своих позиций в Афинах, решился на действия, которые не случайно напоминали о внешней политике некоторых прежних тиранов. В 489 году он руководил экспедицией против острова Парос, для чего афиняне предоставили ему 70 судов, деньги и войска. Он пообещал им богатую добычу, но цели похода не назвал. Можно предположить, что завоеванием острова он вновь хотел обеспечить себе личное владычество, собственные владения наряду с государством афинян. Личные мотивы, хотя и другого рода, называет также Геродот. Нападение на паросцев было вызвано их подчинением персидскому флоту в 490 году. Сомнительно, чтобы

выплата 100 талантов в виде штрафа — таково было требование Мильтиада — могла его удовлетворить. Паросцы, во всяком случае, отклонили это чрезмерное требование и отчаянным сопротивлением отбили нападение. Понятно, что афиняне почувствовали жестокое разочарование, и соперники Мильтиада, особенно породненный с Алкмеонидами Ксантипп, нанесли уничтожающий удар, обвинив его в обмане. Впрочем, их предложение о вынесении смертного приговора не было поддержано судьями, однако Мильтиад был приговорен к колоссальному штрафу в 50 талантов, который должен был послужить компенсацией за предоставленные ему деньги, войска и суда. Попытка этого властолюбивого человека создать для себя вне Афин вновь личные владения не удалась, к тому же он утратил ведущее положение в Афинах. Мильтиад вскоре после этого умер от полученной на Паросе раны.

Прошло два десятилетия после свержения тирана, за это время народ Аттики окреп во внешнеполитическом отношении и свылся с порядком, установленным Клисфеном. Если в 496/495 гг. один из Писистратидов мог занимать высшую должность, то попытка персов вернуть Гиппия (в 490 году) показала, что для большинства народа ненависть к тирании стала такой же естественной, как и чествование Гармония и Аристогитона, которых считали провозвестниками свободного государства. Члены дома Писистратидов и их сторонники должны были быть отстранены от политической жизни, для чего естественным средством был ostracism, введенный для этой цели, но еще не использовавшийся из-за внутри- и внешнеэкономического положения. Теперь в течение трех последующих лет (488/487—487/485) он систематически использовался против сторонников тирана, прежде всего Гиппарха, сына Харма, затем Мегакла, главы Алкмеонидов, которые после битвы при Марафоне, передав персидскому флоту опознавательные знаки для нападения врасплох на Афины, попытались помочь возвращению Гиппия; третьим был неизвестный нам человек. Гиппарх, на которого не распространялась амнистия 480 года, очевидно, примкнул к Писистратидам в свите Ксеркса и в 479 году

как предатель был заочно приговорен к смерти. Бронзовую статую, которую он пожертвовал на Акрополь, перелили в стелу, на которой были начертаны имена Гиппарха и позже — других предателей. С середины 80-х годов остракизм применялся не в отношении друзей тиранов, которых, кажется, не осталось среди видных людей, а лишь как средство во внутривластной борьбе.

Это относится и к применению остракизма против *Фемистокла* в 471 году, ибо своевольный и самовластный образ действий, с которым он добивался своих высоких целей, возбудил недовольство и мог выглядеть даже тираническим, хотя ничто не подтверждает, что он добивался личного властного положения и над аттическим государством. Именно он пытался привить полису волю к максимальному проявлению власти, носителями которой прежде были преимущественно тираны. Противники сместили его, поскольку отвергали эту политику, направленную, в первую очередь, против Спарты, а не потому, что усмотрели в нем стремление к тирании. Лишь тогда, когда он покинул Афины, его действия дают повод говорить о нем в рамках истории тирании. Благодаря своему гению и своим свершениям он достиг в греческом мире и за его пределами такой славы, которая позволяла ему, как некоторым тиранам или царственным особам, устанавливать личные связи с правителями или городами. Из Аргоса, своего нового местожительства, где у противника Спарты явно были влиятельные друзья, он завязал отношения с Павсанием, регентом, одержимым планами тирании. Когда затем лакедемоняне добились вынесения ему смертного приговора, поскольку он мешал своими интригами на Пелопоннесе их хорошим отношениям с Афинами, он, гонимый стражами, мог подумать о том, чтобы найти убежище у Гиерона в Сиракузах. Однако он отправился не на Сицилию, а на короткое время на Керкиру, на которой раньше — еще один знак его высокого личного авторитета в Элладе — в качестве третейского судьи уладил спор с Коринфом. Несмотря на это, вскоре ему пришлось уехать, чтобы не возник конфликт с Афинами. То же произошло в Эпире у царя Адмета

и, возможно, в Македонии у царя Александра. При всем том следует заметить, что *Фемистокл* после своего изгнания вступал в контакт с монархами не как представитель Афин, а как самостоятельная политическая величина, надеясь, что они предоставят ему убежище. Однако поскольку цари на севере Греции предпочли от него дистанцироваться, а *Павсаний*, к которому он мог бы обратиться, тем временем умер, беглый победитель при Саламине обратился туда, где он мог быть уверен в дружественном приеме и сильной защите — ко двору персидского царя. Аналогично поступил некогда *Гиппий*, тиран, после своего изгнания из Афин. Когда *Фемистокл* прибыл в Сузы (вероятно, в 465/464 гг.), *Артасеркс I* как раз сменил своего отца *Ксеркса* на троне. *Фукидид* сообщает, что *Фемистокл* возвысился у перса как никакой другой грек — как благодаря своему авторитету, так и возрожденной надежде покорить Элладу. И действительно, кажется, он принимал участие в каких-то военных приготовлениях против Греции, прежде всего против своего родного города Афин и аттического морского союза. Вряд ли можно предположить, что он — как и *Павсаний* — имел виды на тиранию в Элладе по милости персов. Предание об этом ничего не знает, оно лишь сообщает, что великий царь подарил ему несколько городов на западе Малой Азии: *Магнезию*, которая ежегодно приносила ему пятьдесят талантов, а также *Лампсак* и *Перкот* на *Геллеспонте* и *Скеспис* в глубине *Троады*. *Фемистокл*, видимо, старался выучить персидский язык и приспособиться к персидским придворным обычаям. До своей смерти (очевидно, около 450 года) он правил вышеупомянутыми городами, подобно тирану, из своей резиденции *Магнесии*, где возвел храм, оставив по себе добрую память, даже чеканил монеты со своим именем, что до него, насколько нам известно, не делал ни один тиран. Не случайно, что этот человек, который олицетворял идею беспощадной политики силы, наследник тирании, закончил как тиран над греческими городами, пусть даже просто владея тиранией, то есть как персидский вассальный правитель. Возможно, он в конце концов покончил с собой. Несмотря на все, что он сделал

для Афин и Греции, в нем был слишком силен дух тиранического своеволия, политического гения, чтобы он мог вписаться в демократическую атмосферу окрепшего полиса.

2. Спарта

Спартанское государство, которое поколениями воспитывало своих полноправных граждан в духе строжайшего следования законам, в конце VI века давало некоторую свободу для самостоятельных индивидуальных действий разве что царям. Едва ли они так мало были затронуты духом тирании, чтобы не пытались использовать в этом направлении возможности своего положения. Видимо, лишь вследствие скудости наших источников такие устремления мы встречаем только около 500 года.

Не подлежит сомнению, что сильная и самоуверенная личность царя *Клеомена* в десятилетия между 510 и 490 годами оказывала решающее влияние на внешнюю политику Спарты. Однако под вопросом остается, превышал ли он царские полномочия и насколько его действия определялись своекорыстными, тираническими устремлениями. То, что чужие властители обращались к царю за помощью, не отвечает на этот вопрос, и ни изгнание Гиппия, которое вначале было возложено на Анхимолия, ни попытка возвращения Исагора, в которой вначале участвовал один из царей, Дамарат, несмотря на умалчивание целей войны, не является самовластным, чисто личным предприятием Клеомена; и не поход против Аргоса (предположительно в 494 году), который позволяет обвинить царя Спарты в том, что он не использовал шанс взять город. Скорее, можно было бы подумать о его личной инициативе в первом случае с Исагором, который в этой связи подчеркнута именуется его дружественным гостем, и в случае вмешательства в Эгине (вероятно, в 492/491 гг.), которое, по мнению неко-

торых эгинцев, произошло не по воле государства, ибо тогда принять в нем участие должен был бы и второй царь, Дамарат, а как личная инициатива. Впрочем, оба эти случая сомнительны. Ведь вторая попытка вступить за Исагора, как уже отмечалось, была государственной акцией, а враждебность Дамарату внушена была теми эгинцами, почему он и стал врагом Клеомена после ссоры при Элевсине. Тогда Клеомен при содействии дельфийца Кобона повлиять на пифию, чтобы она опорочила его соперника, что повлекло за собой его смещение с царского трона, а Клеомен добился положения монарха, которое напоминало тираническое. Хотя двойное царствование и не было отменено, но уже то, что преемник Дамарата Леотихид был обязан своим царским саном махинациям Клеомена, отодвинуло его в тень и значительно нарушило равновесие.

Но недолго Клеомен радовался этому успеху. Когда стало известно, каким образом он устранил своего противника, настроение в Спарте настолько резко обратилось против него, что он окончательно перешел на тираническое правление. Он обратился за помощью, как некогда Писистратид Гиппий, к фессалийскому владыке. Видимо, ему было отказано в помощи, и тогда он вновь отправился на Пелопоннес и начал подстрекать против Спарты аркадийцев, главы которых должны были поклясться водами Стикса следовать за ним, куда он их поведет. В своем стремлении навязать волю родной общине, придя в сопровождении чужого эскорта, он ничем не отличался от тех, кто подобным путем захватывал единоличную власть. Может быть, он даже способствовал восстанию илотов в 490 году. Но и без того эфоры имели достаточно оснований принять против него меры для сохранения свободы государства. Им удалось подвигнуть царя на возвращение в Спарту при гарантии сохранения его прежнего положения, где он вскоре после этого загадочным образом умер, якобы покончив с собой в приступе безумия. Тиранических происков со стороны его законопослушного преемника Леонида можно было не опасаться.

Дамарат, лишенный царского сана, сначала оставался в Спарте, но постоянные оскорбления со стороны занявшего

его место Леотихида сделали его жизнь настолько невыносимой, что он покинул родину вопреки воле властей. Преследуемый ими, он вначале направился в Элиду, затем в Закинф, чтобы в конце концов искать убежища при персидском дворе (около 489/488 гг.). Оно было ему охотно предоставлено, и бывший царь лакедемонян принял из рук Ахеменида Пергам, Теуфранию и Галисарну — города в Мисии. Здесь он и его потомки, которые владели этими городами еще во времена Ксенофонта, правили как вассальные тираны персов. При Дарии, в свите которого он временами находился, Дамарат пользовался большим уважением, то же и при Ксерксе, которого он сопровождал в военном походе и от которого, видимо, ожидал, что тот посадит его тираном в Спарте, почву для чего должна была подготовить легенда о его зачатии от героя Астрабака. Он напоминает и Гиппия, который в 490 году, и Писистратидов, которые в 480 году сопровождали персидское войско и рассчитывали на восстановление своей тирании в Афинах. Передают также рассказ, что он потребовал себе персидское царское одеяние. Нельзя не вспомнить о Фемистокле, с которым он должен был после 465/464 гг. встречаться при персидском дворе. Как и афинский полководец, спартанский царь окончил свою жизнь в Азии в качестве вассального тирана персидского царя.

Иначе, чем у Дамарата, проявилась склонность к соблазнам тирании у сводного брата Клеомена *Дориея* (около 500 года). Поскольку он не мог вынести того, что в силу своего рождения исключен из царствующей фамилии, он покинул — как некогда старший Мильтиад — опротивевшую ему родину во главе отряда колонистов и на дивийском берегу восточнее Триполи основал поселение (около 515 года), откуда, однако, через три года был изгнан. Вернувшись на Пелопоннес, он вскоре предпринял попытку в качестве ойкиста добыть себе тираноподобное владычество. Уехав на Сицилию, он, видимо, участвовал в войне Кротона против Сибариса, затем отправился на западную оконечность острова и попытался там вблизи Эрикса вдохнуть жизнь в колонию Гераклею, но и это не удалось Дорией

вместе со своими людьми пал в бою с карфагенянами и сегестийцами. Однако одному человеку из его свиты, *Эврилеону*, как уже рассказывалось, удалось захватить селинунтскую колонию Гераклею Миннойскую и даже стать тираном самого Селинунта. Так он временно достиг положения, о котором мечтал Дорией, будучи властителем основанной им колонии.

О *Леотихиде*, преемнике Дамарата, нет сведений, что он стремился к тираноподобному положению в Спарте. Он стал царем, примкнув к Клеомену и клятвенно заявив, что Дамарат по своему рождению не может быть царем, — вероятно, это была ложная клятва. Вскоре после катастрофы с Клеоменом он вел себя настолько дерзко по отношению к враждебным ему эгинцам, что по их ходатайству был брошен на произвол судьбы, хотя до выдачи его дело не дошло. Позднее, через несколько лет после того, как он одержал победу над персами при Микале (479 год), его уличили в подкупе фессалийцами, которых он, несмотря на успешные военные операции, не наказал за их связи с мидийцами. Привлеченный к суду, он бежал из Лакедемона, где его дом спесили, и закончил свою жизнь в Тегее (около 469 года). Это такая же, как и Клемен, пусть в меньшей степени, склонная к тираническому самовластию натура.

Падение Леотихида находилось в определенной связи с выступлением эфоров против человека, который из всех членов обоих спартанских царских домов сильнее других был охвачен стремлением к тираническому господству, — против *Павсания*, победителя при Платеях. Будучи племянником законопослушного Леонида, он после его смерти (480 год) стал регентом при его несовершеннолетнем сыне, но считал себя после одержанной под его командованием блестящей победы спасителем Эллады. Посвящение, которое он велел выбить на обычном в таком случае жертвенном даре Дельфийскому богу, золотом треножнике, где был упомянут только Павсаний, «вождь эллинов», вызвало у государств-участников резкий протест и было убрано лакедемонянами. В морской войне 478 года его властное и надменное поведение также вызвало враждебность союзников. Его целью

уже тогда было ни больше ни меньше как завоевание господства над всей Элладой. Для этого он старался после взятия Византия при посредничестве эретрийца Гонгила, сторонника великого царя, наладить связи с Ксерксом, которого должно было склонить на его сторону одновременное освобождение воспринятых. Предлагая ему власть над Спартой и остальной Грецией; он в то же время посватался к девушке из дома Ахеменидов. Хотя сдержанность, с которой Ксеркс реагировал на это поразительное предложение, не позволила вначале на практике развиться никаким последствиям, безудержная жажда власти спартанского регента, приведшая к предательству малой и большой родины, не становится от этого менее ужасной. Она смогла дать плоды только в Византии и на проливах, где проявились все признаки тирании. Павсаний правил в этом районе как завоеватель и одновременно как ойкист, восстанавливая город, разрушенный персами в 90-е годы. Обложив пошлиной проход через пролив, он составил себе значительное состояние и даже начал, по обычаю тиранов, чеканить монету. То, что он окружил себя египетской лейб-гвардией, носил персидские одежды и держал стол по азиатскому обычаю, происходило от подражания великому царю и его сатрапам или делалось в угоду Ксерксу. Впрочем, до каких-либо соглашений с персом дело тогда не дошло. Павсаний и в Византии официально оставался полководцем союзных греков, которым он, по словам Фукидида, скорее казался тираном, чем военачальником. Жалобы на его надменность и заносчивость умножились до такой степени, что лакедемоняне его отозвали. Так как, действуя на свой страх и риск, он вряд ли смог бы удержаться и не хотел отказываться от видной роли в Элладе, он последовал приказу. В Спарте — вероятно, из-за внешнеполитического престижа — с него было снято обвинение в договоренностях с персами и он был приговорен за мелкие проступки к небольшому штрафу.

Но уже в 477 году Павсаний самовольно на одной-единственной триере вновь отправился на Босфор, осел в Византии и в течение семи лет удерживал господство над городом, причем осталось неизвестным, какими средствами это

было достигнуто. О характере его правления, которое теперь не было оправдано официальной должностью военачальника и тем самым стало по-настоящему тираническим, нам ничего не известно; мы можем лишь предполагать, что восстановление города относится к этому сравнительно длинному периоду господства. О продолжавшейся склонности Павсания к связям с персами свидетельствует то, что Кимон, предводитель аттического союзного флота, в целях устранения последних персидских опорных пунктов на севере Эгейского моря также изгнал Павсания из Византии. Спартяне, не заинтересованные в пребывании его у власти, которое они не поддерживали и не санкционировали, позволили этому произойти, и свергнутый властитель города отправился в Колоней в Троаде, откуда вновь попытался вести переговоры с персами. Однако на этот раз спартанские власти вмешались и потребовали его возвращения на родину, пригрозив в случае отказа войной. Павсаний, который еще не получил определенного ответа от великого царя и считал, очевидно, свое положение затруднительным, повинился в надежде, что сможет противостоять предполагаемым обвинениям благодаря своему богатству и авторитету. Действительно, вначале ему удалось избежать заключения, однако он вынужден был признать, что своим самонадеянным поведением преступил поставленные каждому спартанцу границы и заслужил наказания. Вероятно, в этой ситуации он обратился к плотам и пообещал им за помощь в государственном перевороте, который должен был ему дать единоличную власть над Спартой, свободу и права гражданства. Бросается в глаза параллель с другими тиранами, приходившими к власти во главе бесправного крестьянства. По спартанским понятиям план был настолько чудовищным, что эфоры, прежде чем вынести решение, потребовали дополнительных неоспоримых доказательств кроме тех, которыми они располагали. Получить их было, очевидно, затруднительно, однако одно письмо Павсания к сатрану Артабазу свидетельствовало о его тайных отношениях с персами. Сам он, по-видимому, был уверен, что уже этого достаточно, чтобы его уничтожить, и искал защиты в святилище Афины Халкноксской. Там он и

умер голодной смертью. Его тело вначале, как полагалось для преступников, было сброшено в овраг, а затем зарыто (около 469 года).

Среди выдающихся людей греческой метрополии первой трети V века Павсаний своей наглой заносчивостью наиболее ярко воплощает тип властолюбивого, тиранического индивидуалиста, который не хочет вписываться в рамки государственного порядка. Беспредельное стремление к максимальной возможной личной власти сделало его, хотя он — в отличие от Дамарата, Фемистокла и других — не подвергался гонениям, предателем не только Спарты, но и всей Эллады, за которую он, победитель при Платеях, больше не чувствовал ответственности. Дамарат и Фемистокл окончили свою жизнь как персидские вассальные тираны в малоазийских городах, Павсаний же, если бы его проискам сопутствовал успех, хотел править всей Грецией как вассальный тиран великого царя. Здесь до предела доведены стремления некоторых выдающихся людей или аристократических родов, когда личная власть приобрела для них большую ценность, чем законный порядок в их общине, не говоря уже о всей Греции. Это две эпохи, которые борются друг с другом: уходящая архаическая с ее рыхлой политической структурой, допускающей проявления самовластия, и наступающая эпоха, когда полны уже могли твердо держать в рамках даже аристократов. В ее становление представители ранней тирании против своей воли внесли заметный вклад. Ибо в борьбе с ними укреплялись государство и с победой над индивидуалистами приобретали свою классическую форму.

3. Остальная Греция

Рискованно было бы предполагать для других государственных образований в Греции, о внутривнутриполитическом положении которых нам очень мало известно, такую же,

как в Афинах или Спарте, или похожую ситуацию. Впрочем, есть подтверждения, что в некоторых областях или городах вплоть до середины V века существовали тирано-подобные правления, а кое-где необходимыми считались меры отпора грозящей тирании.

На Эгине около 492 года наибольшей властью обладали богатые, по-видимому, проперсидски настроенные Крнос и Касамб, однако они не возвысились над другими, известными нам по пиндаровским эпиникиям*, аристократическими родами, с которыми они, вероятно, вместе руководили общиной. Против этого аристократического правления вскоре восстал народ под предводительством Никодрома, знатного человека, вероятно, уже до того выступавшего против своих собратьев по сословию, за что был изгнан. Поскольку ему, очевидно, не хватало сторонников, он договорился с афинянами, которых воссоставили против себя эгинские правители, и пообещал им дать возможность высадиться на острове. В условленный день Никодром занял со своими людьми так называемый старый город, однако, поскольку афиняне запаздывали, не смог продержаться своими силами и вместе с несколькими соратниками бежал в Аттику, где беглецам предоставили местожительство у мыса Сунний. Оттуда он в последующее время беспокоил свою родину разбойничьими набегами. Поневоле приходит мысль, что Никодром, подобно Писистрату, с помощью демоса хотел живописать для себя тиранию или тираноподобное положение. За неудавшуюся попытку оставшиеся в Эгине его сторонники заплатили страшную цену.

Что касается *Аргоса*, который испытал сильное потрясение после поражения в борьбе против Клеомена (вероятно, 494 год), то нет никаких свидетельств о стремлении какого-либо одного человека к тирании, однако введение остракизма по примеру Афин позволяет предположить, что нечто подобное все-таки имело место. То же относится и к *Мегаре*. В обоих случаях нам известно о начале применения остракизма лишь то, что это произошло после 487 года.

* Писны в честь победителей на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских играх (4 книги).

Можно подумать, что остракизм применялся не в его первоначальных целях — для предотвращения тирании, а лишь как средство во внутривластительской борьбе, чем он через короткое время и стал в Афинах.

В *Эретрии*, по-видимому, никто из знати не стремился к установлению тирании на родине, хотя те, кто испугался мести персов за участие города в Ионийском восстании, переметнулись на их сторону и пытались извлечь из этого личную выгоду: например, некий *Гонгил*, как говорят, единственный эретриец, вступивший в сговор с персами и находившийся в 490 году при вражеской армии, а также *Эвфорб* и *Леагр*, предавшие осажденный город. Эти последние получили от великого царя землю, предположительно, в Малой Азии. Гонгил же получил в эолийско-мисийской области города *Мирина*, *Гриней*, *Гамбрей* и *Палегамбрей*, которыми он стал править как персидский вассальный тиран. Еще во времена *Ксенофонта* ими продолжали владеть его потомки. Гонгил пользовался большим уважением у персидского царя, поэтому *Павсаний*, который пленил его в 478 году в Византии, надеялся через него установить связь с *Ксерксом*.

Из городов Средней Греции, кроме Афин, вследствие исключительной скудности предания можно назвать лишь *Фивы*, где во времена великих персидских войн существовала «династия» нескольких знатных семей — форма правления, о которой (у Фукидида) фиванский посланник в 427 году сказал, что она наиболее противоречит разуму и ближе всего родственна тирании. Эти господа также ожидали от победы персов каких-то выгод для своей власти. Впрочем, вначале, видимо, под давлением своих противников в Фивах им пришлось согласиться на поддержку готовых к сопротивлению греков, однако после вторжения *Ксеркса* в Среднюю Грецию главы династии, *Аттагин* и *Тимагенид*, примкнули к нему и с готовностью его поддерживали. Однако их личные надежды не осуществились: вместо того чтобы стать в своем городе тираноподобными правителями, они после битвы при *Платеях* предстали перед судом. *Аттагину* удалось ускользнуть, а *Тимагенид* и

его товарищи были казнены. Победа объединенных греков, которая отняла у *Писистратидов* последнюю надежду на возвращение в Афины, воспрепятствовала установлению в Фивах тиранического правления и положила конец местной династии.

В *Фессалии*, где на рубеже VI и V веков, по-видимому, еще не существовало городских общин, политическая ситуация характеризовалась прежде всего владычеством больших родов: в *Кранноне* — *Скопадов*, в *Ларисе* — *Алевадов*, в *Фарсале* — *Эхекратидов*, происходивших из *Ларисы* и родственных *Алевадам*. В рамках нашего изложения мы можем выделить лишь черты, напоминающие о тирании в «династиях» аристократических домов, которые правили на большой территории и главы которых впоследствии иногда становились тиранами. Сюда не относится ни пожизненная выборная должность князя (*тага*) всех *фессалийцев*, хотя род ее исполнения и встречающееся иногда исполнение этой должности несколькими братьями и напоминает о тирании, ни должность *тетрарха*, руководителя одной из четырех областей всей страны. Скорее следует напомнить о богатстве стоящих у власти родов, о характере их двора, которому придворные певцы тиранов *Симонид* и *Пиндар* придавали блеск, о родственных вязях и взаимной поддержке, а также о хороших отношениях с *Писистратидами*, *Клеоменом* и *Леотихидом*. Уже в 575 году *Скопад Диакторид* просил руки дочери тирана *Клисфена* из *Сикиона*, а живший во второй половине VI века *Скопас*, сын *Креона*, своим богатством и жадной наслажденный показался неприглядным Фенипо настолько похожим на тирана, что тот в своем сочинении «Об устранении тиранов из мести» описал катастрофу, знаменитую благодаря элегии *Симонида*, когда *Скопас* вместе с семьей погиб из-за того, что в обеденном зале обрушился потолок; однако это произошло не в *Кранноне*, а в *Фарсале*. Был ли *Скопас* тагом (князем), остается под вопросом, но эта должность не исключала тиранического правления подчиненной его роду областью *Краннона* и, возможно, также и *Фарсала*, вероятно, доставшейся ему после бегства его отца с женщиной из дома *Эхекратидов*. Не

известно, был ли он в Фарсале предшественником или преемником *Антиоха*, сына Эхекратида. Он также был тагом и жил с милетянской Фаргелией, о красоте и знатном положении которой впоследствии много нафантазировали. На его смерть Симонид написал элегию.

В последующие десятилетия Скопады и Эхекратиды по неизвестным причинам отступили на второй план. К моменту свержения Гиппия Киней был тагом, а самое позднее с 498 года эту должность занимал Алевад Форакс совместно со своими братьями Эврипиллом и Фрасидеем. По сообщению Геродота, около 485 года *Алевады* так же, как и жившие в Малой Азии Писистратиды, обратились к недавно взшедшему на трон Ксерксу и призвали его в Грецию. Великий царь действительно поверил, что его через своего тага призвали все роды, когда он в 480 году достиг границ Фессалии. Это понятно. Фессалийские посланцы потребовали у собравшихся на Истме делегатов, готовящихся к отпору эллинов, чтобы они заняли Темпейскую долину, которую в одиночку они не смогли бы защитить, так что без обещанной помощи, в крайнем случае, пришлось бы мириться с персами. Таким образом, этот шаг Алевадов был сделан не во имя фессалийского рода, а, так сказать, в личных целях и, вероятно, тайно. Поэтому напрашивается предположение, что род ожидал от Ксеркса усиления своей власти, по возможности превращения правления тага в наследственную монархию над всей страной, то есть своего рода тиранию; возможно, согласие уже было получено. Нам не известно, осуществились ли эти ожидания, однако чеканка монет по персидскому образцу указывает на то, что Алевады чувствовали себя персидскими вассальными тиранами, пока войска великого царя стояли в Греции. После отвода войск их положение стало затруднительным. Впрочем, им удалось добиться от спартанского царя Леотихида, который должен был наказать их за клевету, чтобы он прервал акцию, несмотря на военные успехи (около 477/476 гг.), но их династия, правление в которой приняли Аристомед и Ангелос, потерпела тяжелый ущерб. На первый план вновь выступили *Эхекратиды* из Фарса-

ла, которые, предположительно, были противниками проперсидской политики Алевадов.

Один из *Эхекратидов* занимал в последующее время должность тага, которая, впрочем, утратила свое прежнее значение. Причиной этого не в последнюю очередь было движение городов против крупных феодальных владений и стремление их общин проявить себя в качестве самостоятельного политического фактора. Сын Эхекратида *Орест* был изгнан из Фессалии и прежде всего из своего города Фарсала; даже с помощью афинян ему не удалось восстановить утраченное положение (454 год). Единственный таг, которого мы знаем во второй половине V века, *Дарх*, был родом из Фарсала, но, очевидно, не принадлежал дому Эхекратидов. Уже в 476 году другой влиятельный аристократ из Фарсала, *Менон*, сын Менеклида, на свой страх и риск оказал помощь афинянам при Эйоне (476 год) и получил в благодарность за это 12 талантов и права гражданина Атики. Видимо, его род после падения Эхекратидов занял доминирующее положение в городе, сын или внук Менона с тем же именем в 431 году был вождем фарсальского отряда, другой потомок, прославленный диалогом Платона, известен около 400 года. Ряд тираноподобных правлений знатных родов в Фессалии, где, по замечанию Фукидида, династическое правление встречалось чаще, чем изономия, проходит и через весь V век, когда остальная Греция уже была свободна от тиранов или династий.

Если о фессальских правителях, которые постоянно находились в напряженных отношениях со своими городами, поднявшимися в V веке, следует говорить не как о подлинных тиранах, а об их тираноподобном правлении, то в границах с Фессалией с севера *Македонии* само отсутствие полисов исключает наличие тирании. Геродот, не проповедующий последовательного различия между царем и тираном, мог считать вступление на трон царя Пердикки I установленным тиранией или называть Александра I тираном, но лишь относительно городов вне македонской территории, которые захватывались царями как их личная собственность. Поэтому было возможно, что Амишта I отдал

Гиппию Анфем, и вряд ли иначе обстояло дело с его предшественником, который отдал Рекел Писистрату и его колонистам. Больше у македонских царей нельзя увидеть никаких проявлений тирании как формы правления, и лишь внук вышеперечисленного Аминта заслуживает упоминания в нашем рассказе. Дед отдал свою дочь Гигаю в жены высокородному персу Бубару. Сыну от этого брака, по имени также Аминта, великий царь подарил позже карийский город Алабанду, в котором он правил с тех пор как вассальный тиран. Впрочем, сын Бубара считался персом, а Алабанда не была греческим городом. Так же обстояло дело с внуками Мильтиада, отец которых Метихос после бегства деда с Херсонеса женился на знатной персиянке и получил от великого царя «владение», то есть управление городом или местностью. Если Дамарат, Гонгил, Фемистокл занимали промежуточное положение между греческими тиранами и персидскими владыками, то Аминта и сыновья Метихоха, по-видимому, вошли в круг последних.

4. Окраинные области Греции

О политической обстановке во второй трети V века в окраинных областях Греции нам почти ничего не известно, что же касается Малой Азии и Сицилии, то информация крайне скудна. Те из зависимых от персов тиранов в греческих городах западного побережья Малой Азии и ближних островов, кому удалось вернуться после разгрома Ионийского восстания или кто занял место изгнанных предшественников, были свергнуты после проникновения эллинского флота в эти воды (479/478). Тем не менее, как показывают дары великого царя Дамарату, Гонгилу и Фемистоклу, в некоторых местах, входивших в состав персидской империи, продолжало существовать тираноподобное правление отдельных греков. Однако для истории грече-

ской тирании более важным является тот факт, что в некоторых общинах, присоединенных теперь к Аттическому морскому союзу*, происки знати были направлены на установление тирании. Это, очевидно, произошло при тайных связях с высокопоставленными персами, с которыми, как иногда выяснялось, враждебные демократическим Афинам круги поддерживали отношения. Решение народа Аттики, относящееся, вероятно, к 60-м годам, по поводу *Эретрии* показывает, что там была установлена тирания нескольких человек, причем остается открытым вопрос, шла ли речь о совместном правлении небольшой группы или об отдельных, следовавших друг за другом правителях. Другой аттический декрет, касающийся *Колофона*, имел целью защиту демократического порядка, установленного Афинами, от стремящейся к руководству общиной олигархии, а также от возможной тирании. Жители *Теоса*, по-видимому, сами смогли защитить себя от подобной угрозы, которая и здесь была возможной.

В *Милете* в 50-е годы четверо аристократов, из которых двое — Алким и Кресфонт — принадлежали одному старому царскому роду Нелеидов, были не просто изгнаны — они и так бежали: граждане за высокое вознаграждение призвали убить их, а в случае захвата живыми — казнить. Судя по такому решению, нельзя сомневаться, что эти двое хотели установить тиранию и, возможно, установили ее на короткое время. Введением остракизма по афинскому образцу — видимо, вскоре после 450 года — попытались предотвратить повторение подобных происков. Похоже в области Геллеспонта города подвергались аналогичной опасности. *Арфмий* из *Зелеи* был лишен в Афинах некогда приобретенного ему афинского гражданства способом, напоминающим наказание за тиранию, вероятно, из-за того, что участвовал в происках Павсания и Фемистокла, направленных на подчинение Греции персам. В *Синопе*, на северном побережье Малой Азии, около 436 года, то есть еще до включения города Периклом в морской союз, существовала

* Архе Афинская — объединение греческих полисов под гегемонией Афин для совместной борьбы с персами.

тирания некоего Тимесилая, возможно, последнего в череде властителей. Нельзя точно сказать, добился он власти благодаря персам или своими силами. Когда прибыл Перикл, он укрылся со своей гетерией в крепости, где вначале успешно оказывал сопротивление, пока не был изгнан с помощью аттической эскадры. Дома и земли тирана по решению народа Аттики были переданы иеистам аттическим поселенцам.

Понятно, что Афины препятствовали возникновению и существованию тиранических правлений в области морского союза, пусть это были и негреческие правители городов на южном побережье Малой Азии, вступившие в союз. Даже почитание Гармодия и Аристогитона было распространено среди членов союза, что доказывает изображение группы на монетах, отчеканенных в Кизике. Место для тирании осталось лишь в пределах владений персов или в отдаленных городах *Киммерийского Босфора*, где в 438/437 гг. за господством Архсанактидов последовало господство рода Спартокидов, сохранявшееся еще и в эллинистические времена. Поскольку наиболее значительные представители этой династии относились к эпохе новейшей тирании, вся история династии будет рассмотрена позже. В эллинических городах на *Кипре*, пребывавших в постоянном противостоянии с финийскими поселениями, монархическое правление, которое, однако, представляло собой не тиранию, а традиционное царствование, сохранялось вплоть до времени диадохов и прерывалось лишь во второй половине V века периодом финийского, также монархического правления. Напротив, в Кирене, которая не попадала под власть персов, царствование Баттиадов, принявшее в конце тиранические формы, в середине века сменилось республиканским правлением, противостоявшим и во времена новейшей тирании всякому порабощению.

В западной области расселения греков следует прежде всего назвать колонию *Астак* на побережье Акарнании; как и ее метрополия Кефалления, она скорее относится к району Ионийского моря, чем Центральной Греции. Здесь правил тиран *Эварх*, в 431 году изгнанный афинянами.

С помощью наемных войск и при поддержке коринфян ему удалось восстановить свое правление, о характере и продолжительности которого нам, к сожалению, ничего не известно. Что касается самой Кефалления, то в VI веке здесь правил не названный по имени тиран — ему приписывались особая суровость и жестокость. Города на побережье Ионийского моря, в особенности основанные Кипсеидами, после падения тирании в Амбракии были, по-видимому, свободны от тиранического правления.

В южноиталийских и сицилийских греческих городах после конца ранней тирании, видимо, больше не было правителей-тиранов. Настроенный против тирании *Эпедокл* отклонил предложенный ему акрагантцами царский сан. В *Сиракузах* в 454 году некий *Тиндарид* с помощью простого народа попытался узурпировать власть, однако, несмотря на усилия его сторонников, эта попытка была отражена, а сам он осужден и казнен. Поскольку подобные попытки продолжали происходить, было введено нечто аналогичное афинскому остракизму, петализм, названный так потому, что при голосовании имя писали не на черепках, а на листьях оливы (петала). Тот, кто получил большинство голосов, должен был на пять лет покинуть город — судьба, которая в последующие годы постигла самых видных сиракузцев. Воздействие меры, обусловившей удаление самых могущественных людей, подозреваемых в стремлении к тирании, было решающим, но именно поэтому и сомнительным, ибо богатые и знатные господа вообще отказались от активной политической деятельности, так что через сравнительно короткое время петализм мог быть отменен. Несмотря на сильное социальное напряжение, Сиракузы после этих мер до конца V века остались свободными от тирании.

Глава II

ТИРАН В ОЦЕНКАХ V ВЕКА

В V веке в эгейском мире, а примерно с 465 года и на западе Греции, тиранов больше не было, но они продолжали существовать в сознании и памяти. Именно тогда в основном сложились представления, определившие эллинскую философию государства и концепцию более поздней античности. Примерами послужили тираны предшествующего периода. От этой эпохи до нас дошли лишь немногие голоса. В основном речь идет о горьких высказываниях знатных людей, таких как Алкей, который пострадал от монархической власти, или Феогид, когда его аристократически-самодержавный образ жизни оказался под угрозой из-за опасности государственного переворота под предводительством вождя демоса. Как и сколии, которые в Афинах пели над погибшими при Лисидрионе или тираноубийцами, эти произведения свидетельствуют о нежелании знати подчиниться кому-либо из своего сословия. Неправильность к тиранам имела скорее не политические, а эгоистические причины, больше происходила от зависти, чем была проявлением правового мышления или осознанных государственных убеждений. Как показывает Солон, некоторые аристократы сами хотели стать тиранами. Обычно народу жилось лучше под властью одного правителя, чем при господстве аристократии, поэтому однозначного отношения к тирану не было. Это отношение в основном определялось тем, что становилось известно о тиране. Сюда надо доба-

вить свойственное народу восхищение властью и удачей, богатством и счастьем, но прежде всего — исключительными качествами личности властителя, возбуждающими фантазию. До нас дошли легенды о чудесном спасении маленького Кипсела; история о сватовстве к дочери тирана Клисфена Агаристе; анекдоты наподобие истории о Писистрате и крестьянине из Гиметта, о его появлении перед судом; многочисленные легенды о сказочном счастье Поликрата, о хитрости его и других тиранов. Уже по изложению Геродота можно понять, что о политико-этической оценке не было и речи. Даже мрачные черты Периадра, а в особенности трагические события в его семье, возбуждали скорее не ненависть, а интерес и любопытство к подобным придворным историям, окутанным тайной. Разумеется, упоение ужасным повлияло на создание образа тирана-изверга, хотя именно Периадр снискал признание как правитель и даже был причислен к кругу семи мудрецов.

Некоторые общие наблюдения над тиранией и поведением тиранов были сделаны, очевидно, уже в VI веке. Известно, что так называемый ответ Фалеса на вопрос, что он видел удивительного, — «старого тирана» (это указывало на недолговечность владычества тирана) был приписан философу позднее. Однако уже довольно потрепанная история о том, как Фрасибул из Милета отескал верхушки колосьев, показывает, что главным для тиранов было устранение глав местной знати — их заклятых врагов. Проявления роскоши Симонид из Аморга считал типичными для тиранов и вещепосцев. Первую принципиальную оценку дал Солон. Он открыто высказал мнение, что алчность и властолюбие порождают пагубную заносчивость, что корни тирании произрастают из всеобщего беспорядка общественной жизни и что тиран, властвующий благодаря силе, пятнает и позорит свою славу. Однако полис тогда был еще слишком рыхлым образованием, самовластие благородных господ слишком велико, политическое сознание слишком слабо развито, чтобы суждения человека, намного опередившего свое время, могли стать общепринятыми и обязательными. Лишь гнет Писистратидов в Афинах позволил знати

(в меньшей степени — и народу) дозреть до антитиранического государственного мышления. Со времен свержения Гиппия восхвалялись тираноубийцы, поборники исономии. Конституция Клисфена, остракизм и призывы архонтов направлялись против тирании, которая все в большей степени оценивалась в свете вердикта Солона.

В эти десятилетия с поражением персов прекратили свое существование и последние поддерживающиеся ими тирании на востоке эгейского мира. Напротив, на Сицилии и в Южной Италии тирания только теперь как следует развернулась. Отчасти это можно было объяснить другим ритмом исторического развития в западной области колонизации, а также необходимостью жесткого руководства в частых схватках с соседними народами; но в значительной степени это было обусловлено и тем, что величайшие из местных властителей умели объединяться со знатью и сами вели аристократический образ жизни. Для отношения Пиндара к тирании это и было определяющим. Он мог находиться в личных отношениях с Гиероном и Фероном, не отступая при этом от аристократического духа; мог прославлять их богатство, их счастье, их славу и — там, где позволял образ восхваляемого — их мудрость и справедливость. Тем не менее он напоминает Гиерону о его ответственности властелина, ибо на ведущих народы тиранов, пусть лишь на некоторых, смотрит всемогущий рок; однако вопрос о законности правления им не затрагивается. Поэт подчеркивает лишь то, что власть должна осуществляться успешно и на пользу граждан. Об ограничениях свободы слова он ничего не знает, хотя Гиерон и содержал осведомителей. Человек, говорящий правду, считает он, может проявить себя и при тирании. Разумеется, если наряду с властителем прославляется также и законный порядок, как было с учрежденной Гиероном конституцией Этны, то это делается с особой теплотой, пусть даже и на примере давно умершего Фалариса. Пиндару пришлось защищаться от обвинения в дружбе с тиранами, которое было выдвинуто против него на родине, в недавно освободившихся от тирании Фивах. Он заявил тогда, что «жребий тирана» про-

тивен ему, но это относилось не к тирании самой по себе, а к ее экстремальным проявлениям. Поэт проводил различие между хорошей и плохой тиранией и, не колеблясь, прославлял первую и при известных условиях приукрашивал ее чертами идеального царствования.

Напротив, в сборнике стихов *Феогида*, относящихся вероятно, ко второй половине VI века, тиран описан как враг знати. Как и Солон, автор считает здесь корыстолюбие и наглую заносчивость одним из корней тирании. По отношению к тираноубийству, о котором великий афинянин, очевидно, ничего не говорил, позиция неоднозначна. Если в одном месте дается совет не помогать тирану в надежде на собственную выгоду, но и не убивать его, принеся присягу, то в другом месте говорится, что устранение «пожирающего народ» тирана не повлечет за собой месть богов. Поэт отказывается прославлять или обвинять умершего тирана. В других сочинениях рубежа VI—V веков содержится немало трезвых наблюдений. Так, Симонид, которого его долгая жизнь приводила ко дворам различных тиранов, считает, что не стоит стремиться к тирании без наслаждений (гедонизм); Эпихарм называет ее смехотворной, если ее носитель не имеет разума, а Ксенофан пришел к выводу, что встречи с тиранами должны быть по возможности либо редкими, либо отрадными.

Однако гораздо больше, чем названные поэты, укрепил в общественном сознании радикальное различие между тиранией и автономным полисом афинянин *Эсхил*, хотя он и прославлял в драме основание Этны Гиероном с ее законным порядком. Будучи участником битвы при Марафоне, он помог воспрепятствовать тому, чтобы Гиппий получил обратно из рук персов утраченную тиранию. Он был свидетелем укрепления отпора тирании в 80-х годах, побед в великой персидской войне, которые отняли у Писистратидов последнюю надежду на возвращение, и чествования тираноубийц после исчезновения опасности. После вторжения персидского царя в Грецию он ощущал угрожающую опасность азиатской автократии. Ее близость к греческим тираниям, носители которой, особенно на востоке, не были

свободны от влияния азиатских деспотий, позволила увидеть в противоположности эллинского полиса и азиатского владычества контраст между свободой и тиранией. Так, в «Персах» Эсхила Ксеркс имеет черты греческого тирана и отражает представление поэта о тирании. Наряду с пышностью, богатством и богоподобной властью поэт прежде всего подчеркивает наглую заносчивость, которая характеризует царя, и отсутствие правовой ответственности перед своим государством. Все же он является законным правителем, тогда как Зевс в «Прикованном Прометее» пришел к власти как тиран вследствие мятежа. Однако не только узурпация делает в этой драме образ тирана еще реалистичнее. Тиран богов, как называет его Прометей, осуществляет свою власть со страшным насилием. Кратос и Биа являются его палачами, безжалостно и жестоко уничтожают он своих противников. Он беззаконен, ибо только собственная воля для него закон. Отсутствие подотчетности подчеркивается также и здесь, и, кроме того, недоверие к друзьям, о котором сказано, что это присущая тирании болезнь. Учитывая такую характеристику самого Зевса, можно предположить, что Эсхил вообще осуждает монархию. Тем более, что в «Персах» он заявляет, что греки отвергли подчинение одному-единственному человеку, а мифические цари в драмах Эсхила и других драматургов выступают в роскошно-изнеженных варварских одеяниях. Однако Эсхил — иначе, чем его последователи — уже терминологически проводит четкое различие между царем и тираном и рисует в Неласге в «Просительницах» яркий образ нетиранического, ответственного перед гражданами и действующего лишь по их одобрению правителя. В резком контрасте к нему и к самому властителю Агамемнону стоит узурпатор и тиран Эгифс в «Орестее». Он добыл трон кровавым преступлением, надменно и деспотически противостоит аргивянам, которые даже не считают его тираном, не говоря уже о царе, поскольку он смог совершить убийство лишь руками жепцины. Здесь возникает еще один мотив типологии тиранов: трусость. И если приговор-проклятие в «Прометее» выносят лишь угнетенные, то теперь

его высказывает весь хор, то есть сам поэт: певыносима тирания, лучше умереть, чем сносить ее! Тираноубийца Орест прославляется как освободитель.

Когда Эсхил создавал «Орестею», опасность тирании, еще существовавшая в первой трети V века, уже была устраниена. Повсеместно свободные государства, олигархические или демократические, укрепились настолько, что одному человеку было уже не под силу подчинить себе полис. Но этот полис — по крайней мере, Афины, о котором нам хоть что-то известно — нуждался для своего самоутверждения в ограждении от тирании. Поэтому в 450 году были сознательно восстановлены почести, признанные за потомками тираноубийц, и с гордостью подтверждалась собственная свобода в сравнении с тираническим правлением прошлого. Иначе нельзя понять, почему в драмах Софокла тиран и тирания играют такую большую роль. При этом бросается в глаза, что второй из великих трагиков, как и его современник Геродот, пренебрегает терминологическим различием между законным царствованием и узурпированной тиранией, которое было у Эсхила, часто употребляя «басилевс» и «тиран» без различия. Например, в «Аяксе» Агамемнон сам себя может называть тираном. Причина такого стирания терминов заключается, видимо, в том, что теперь, когда тирании больше не было, любая монархия — кроме сильно ограниченного спартанского двойного царствования — воспринималась в противоположность свободному государству как тирания, и прежде всего, естественно, персидское царство, с которым единственным еще сталкивались. Тиранами, хотя и не так резко, как у Эсхила, охарактеризованы Эгифс и Клитемистра в «Электре». Тиранические черты носят наиболее выдающиеся образы властителей у Софокла: Креон в «Антигоне» и Эдип в названной так, конечно, лишь позднее трагедии «Эдип-тиран»*. Иначе, чем у Эгифса и Клитемистры, идет здесь речь о двух правителях, которые, преследуя справедливые цели, впадают в ослепление и тираническую заносчивость. Они проявляют их в подстрекательских

* «Οὐδῖτουζ Τυραννοζ»: видимо, дословным переводом (в отличие от привычного «Эдип-царь») автор подчеркивает свою мысль.

речах и насилии, тогда как партнеры и хор своими возражениями или общими замечаниями о поведении этих легитимных правителей вскрывают сущность тирании. Она для Софокла — как и для Солона и Эсхила — плод наглой заносчивости. Как и в «Просительницах» Эсхила, клеймится тираническое уравнение властителя и полиса и подчеркивается, что полис ему не принадлежит, иначе это больше не полис. Страх за сохранение своего владычества, нетерпимость к свободному обмену мнениями, недоверие к друзьям характерны не только для Зевса в «Прометее», но и для Креона в «Эдипе». Кое в чем картина обогащается: без помощи друзей или пародных масс нельзя добиться тирании, для этого необходимо еще и богатство. Ибо поэт, имея перед глазами пример тирании прежних времен, знает о связи богатства и власти. И то и другое возбуждает зависть, тиранический род любит прибыль, эксплуатируя граждан для собственной выгоды. На то, что тиран никому не подотчетен, указано лишь намеком, поскольку его положение рядом и над общиной не может ясно проявиться, так как Креон и Эдип — законные цари, и лишь то, что они преступили установленные законом границы и отождествили свою личность с государством, делает их тиранами.

Но не в подражании и определенном оформлении эсхиловского представления о тиранах заключается то существовавшее, что Софокл мог сказать о феномене тирании, а в человеческо-религиозном аспекте, в котором он все это рассматривает. «Нелегко тирану быть благочестивым», — замечает Агамемнон в «Аяксе». И Креон, и Эдип являются тиранами скорее в этическом, чем в политическом смысле. Их заносчивость в определенной степени происходит от самовластного рационализма и заставляет преступать как божественные установления, так и законы общины. Для поэта окрещенного полиса речь здесь идет о человеке, охваченном тираническим духом и претерпевающим последствия этого, а не о тиране как явлении государственной жизни. Здесь тирания больше не кажется желанной, как некогда современникам Солона. В утраченном «Аяксе Локрийском»

был задан вопрос, может ли тиран быть мудрым, и получен ответ, похожий на ответ Платона: благодаря общению с мудрецами. Что же касается общения с тиранами, то в «Ларисеях» говорится, что каждый хотел бы его избежать; в неизвестной драме Софокла встречается замечательная мысль: «Тот, кто отправляется к тирану, становится его рабом, даже если он пришел свободным человеком».

В том же нравственно-религиозном аспекте, что и великий трагик, рассматривает эту проблему его современник Геродот. Он так же, как и Софокл, и по тем же причинам употребляет наименования «басилевс» и «тиран» нередко без различия. В его рассказах удивляет отсутствие безоговорочной ненависти к тиранам, что странно для человека, который принимал участие в попытке свержения тирании в своем родном Галикарнассе. Открытый миру дух малоазийских греков, желание повсюду познать человеческое в многообразии форм его проявления и по возможности непредвзято это отразить заставляли Геродота всем жадно интересоваться и охотно пересказывать все, что стало ему известно о личностях и событиях. Он понимает незаконность тирании и прославляет поэтому такого властителя, как Кадм с Коса, который добровольно отрешился от власти; видит в судьбе некоторых тиранов божественное наказание за их заносчивость, но в историях о сикионце Клисфене и прежде всего о Поликрате одерживает верх восхищение энергией, смелостью и ловкостью, счастьем и необычайной личностью этих людей. Вопреки распространённому в Афинах суждению даже Писистратиды не изображаются в однозначно неблагоприятном свете; самому Писистрату отдается должное, суровость Гиппия в последние годы объясняется реакцией на убийство Гиппарха, а само это покушение, постоянно превозносившееся, осуждается. Точно не известно, пришел ли Геродот к такой оценке под влиянием определенных кругов в Афинах. Однако изображение семейных раздоров в доме Перикла, в которое были включены несколько мнимых изречений правителя, причисленного к семи мудрецам, свидетельствует о его самостоятельности по сравнению с принятым изображением

тиранов. Это наиболее полно проявляется в речи коринфянина Сокла. Ничто, говорит у него Сокл, не может быть более несправедливым и ужасным, чем тирания, свидетельством чему являются преследования и даже убийства граждан, ограбление богатых, устранение выдающихся, изнасилование женщин и тому подобное. И даже здесь осуждающий приговор смягчается замечанием, что Периандр вначале был мягким и лишь под влиянием Фрасибула стал извергом. Как и в случае с Гиппием, дается объяснение с точки зрения психологии человека.

Однако подобная мягкость не встречается в основополагающих высказываниях о тирании, к которым, если брать в общем, относится и речь Сокла. Они находятся в определенной степени на другом уровне и, по-видимому, испытали влияние проходивших тогда в Афинах дискуссий, преимущественно в кругах софистов. Сюда относится описание возникновения тирании и вырождения царского правления в тиранию в истории о мидийце Диоке, имеющей подчеркнuto типичный характер. Питательной средой тирании, как считали софисты и Солон, было беззаконие (аномия). Диок использует ее, будучи избран судьей и положив ей конец, но затем слагает свои полномочия, чтобы добиться избрания царем и пресечь вновь наступающее беззаконие. Такое возвышение похоже на возвышение тирана, хотя его положение избранного царя законно, но он занял его, как это делали греческие властители. Он заводит себе лейб-гвардию, строит укрепленный замок, затрудняет доступ к своей персоне и использует осведомителей для получения информации о настроениях в обществе. В качестве мотива для введения этих мер выдвигается часто подчеркивающийся страх перед своими знатными собратьями по сословию. Неудивительно, что моделью послужил восточный владыка, ведь уже Эсхил выделил в персидском царстве основные черты тирании, о которой неизвестный трагик сказал, что варвары ее любят.

И знаменитые дебаты по конституции, несмотря на их греческий характер, перенесены на Восток. Если речь Сокла можно назвать первым обвинительным памфлетом, то

дискуссия трех великих персов представляет собой первое известное нам обсуждение трех форм государства: демократии, олигархии и монархии, из которых последняя, пусть даже Дарий не берет слова, представляет собой тиранию в понимании греков V века. О ее возникновении говорит будущий царь, о ее характере — Отан, защитник демократии. Тирания может возникнуть и из-за вырождения демократии вследствие перевеса дурного, и из-за вырождения олигархии в результате деления на партии и кровавых смут: там — когда вождь и защитник народа, здесь — когда некто удачливый кладет конец пагубным поступкам путем установления своего господства. Разумеется, защитник монархии ничего не говорит о ее возможном вырождении в бессовестную тиранию. Он вообще говорит лишь о хорошем, миролюбивом тиране, тогда как выявление дурных сторон тирании остается делом Отана: не подотчетный никому, действуя по своей воле, даже лучший человек, владея абсолютной властью, впадает в заносчивость и даст простор своим прихотям, хотя именно он в этом не нуждается. Следует перечисление прегрешений, как и в речи Сокла. Тиран завидует лучшим, что они существуют, и радуется худшим. Его ухо открыто для клеветы, он считает, что одни им восхищаются слишком много, а другие — слишком мало, но что самое страшное — он переворачивает с ног на голову отцовские обычаи и установления, насилая женщин, убивает граждан без суда следствия. Мегабаз, защитник олигархии, согласен с этим вердиктом, но заносчивость необузданного демоса для него еще более непереносима, чем заносчивость тирана, поскольку последний действует все же разумно, чего нет у массы.

Если рассматривать эту основополагающую дискуссию об общем и целом, то нет сомнений в том, что Геродот отвергал тиранию. Об этом свидетельствуют частое подчеркивание высокой ценности свободы в его трудах, выразительная хвала иномии в речи Отана и укрепления Афин после и вследствие устранения тирании. Однако не только впечатляющие образы некоторых властителей вызвали интерес этого разностороннего рассказчика, который рассматривал и судил их

с человеческой точки зрения. Для него, взволнованного современными ему спорами по государственно-правовым вопросам и о почти монархическом положении *Перикла*, «льва», которого родила Агариста, — как тирания, так и чистая демократия превратились в проблему.

Вероятно, Софокл, который сделал Креона в «Антигоне» стратегом, а Эдипа — первым среди людей в «Эдипе-тиране», мог видеть в личности и власти Перикла опасности рационалистически-тиранического поведения. По-видимому, уже цитировавшиеся строки: «Кто придет к тирану, станет его рабом, даже если он пришел свободным человеком», отражают личный или знакомый ему опыт общения с Периклом. Однако поэт, который не был его врагом, ограничился лишь косвенными намеками. Политические противники и прежде всего сочинители комедий были менее сдержанны и весьма скоры на руку, выставляя тираном этого ведущего человека, хотя он и оставался в рамках закона. Фактическая власть, которой он обладал после устранения Фукидида, сына Мелесия — Плутарх называет ее большей, чем у царей и тиранов, — а также дистанция и достоинство, которые он сумел охранять, наконец, даже его сходство с Писистратом, которое сквозило в его внешности и манере речи, — все это, возможно, давало какое-то основание для подобных упреков. Ведь добилась же оппозиция в 30-х годах остракизма приближенного к Периклу Дамона как «друга тирана». Сочинители комедий также никак не могли успокоиться, продолжая называть тираном человека, который руководил государством строго в рамках конституции, подчеркнуто избегая типично тиранических проявлений. Его сторонники называли их «новыми Писистратидами», требовали от него принесения клятвы, что он не стремится к тирании, и сравнивали его с Зевсом, которого поэты со времен Эхила иногда называли тираном. От связи Крона со Стасией (мятеж), сказано у *Кратина*, родился великий тиран. Насколько бы ни были неоправданными подобные упреки, они показывают, как ненависть к тиранам, которая какое-то время была коррелятом сознания свободы полиса,

вновь вспыхнула из-за выдающегося явления Перикла и стала заразной.

В последующий период, после смерти Перикла, когда демократия переросла себя, ее оправдание было поставлено софистами под вопрос; ее существованию угрожала олигархическая оппозиция, когда Алкивиад вел гениально-бессовестную игру с государством и его учреждениями; страх перед установлением тирании разросся до массового психоза. Благодаря Фукидиду нам известно это состояние накануне сицилийской экспедиции, но уже в середине 20-х годов *Аристофан* высмеял разжигаемый, по-видимому, Клеоном страх перед тиранией и свержением демократии — тема, которой он постоянно касался и в последующее время. Подозрение в стремлении к тирании кажется ему таким же дешевым, как самый дешевый товар. Покупая какое-либо лакомство, покупатель сразу же интересуется, не предназначено ли оно для пиршества тирана, а публичная левка свирепо спрашивает того, кто ее домогается, хочет ли он восстановления тирании Гиппия. То, что дедушка гражданина служил в лейб-гвардии Гиппия, считается тяжелым укором. «Тот, кто убьет мертвого тирана, получит один талант», — объявляется в «Птицах». Над культом знаменитых тираноубийц поэт потешался уже в более ранних вещах: в «Писистрате» хор старцев заявляет, что пахнет тиранией, и он для отражения заговора женщины хочет посить свой меч в миртовой ветви, как Аристогитон. Напротив, совершенно серьезно, а не шаржированно, ненависть к тиранам и настроения полиса увязаны в комедии «Фесмофориазусы»; божественная защитница города, Афина, является там как враг тирании, а посланница, взывая к богине (имея при этом в виду решение народа), призывает проклясть каждого, кто желает тирании и попытается помочь тирану.

Остается неизвестным, изобразил ли *Ферекрат* в комедии «Тирания» исторического тирана. В «Демах» Эвполида появляется Писистрат, называемый здесь царем, что, впрочем, при неточной терминологии современных поэтов не означало положительной оценки. Ибо даже если софистически образованным людям перед лицом все более

радикализирующейся демократии бывший тиран мог являться в более светлом образе, а крестьянам, измученным военной службой, мирное существование при нем казалось «жизнью во времена Крона» (то есть в счастливые времена), все же хвалить Писистрата перед афинским демосом вряд ли отважится даже комедиограф. Он должен был изображать общепринятый ужасный образ тирана и лишь в сказке — как, например, в «Птицах» Аристофана — мог быть показан взлет примитивного человека к царской власти, Пифетера, получающего в конце концов в жены Басилею, в виде политического бурлеска. В остальном же тиран считался таким врагом афинской демократии, что, наоборот, афинянин, подозреваемый в лаконико-олигархических убеждениях, мог считаться сторонником тирании. Но Аристофан не без основания сравнивал с тираном и демос, которого все боятся и которого можно обвести вокруг пальца с помощью лести. Господство же Афин над государствами — членами морского союза он прямо называет тиранией. В его показанных в 425 году «Вавилонянах» хор рабов, заклеянных рабским клеймом, олицетворяет порабощенных союзников. Несколько лет спустя (422 г.) в комедии Эвполида «Города» общины морского союза появляются в виде закутаных женщин, которые жалуются на свое угнетение и, обращаясь к аттическому демосу, по-рабски именуют его «господин». Автор сочинения о государстве афинян, появившегося примерно тогда же, современник Фукидида, также считает главенство афинян в морском союзе тиранией.

В отличие от комедии, для которой тиран и тирания были скорее политическим лозунгами, Еврипид глубоко затронул проблему тирании и личности тирана. основополагающее противоречие тирании и свободного государства поэт выражает в «Просительницах» устами Тесея, который выступает в роли, скорее, вождя и защитника народа (простата), чем царя. Посланный Креона, считающегося тираном, спрашивает, кто в Афинах тиран. В ответ он выслушивает поучение о том, что в Афинах нет тиранов, а народ правит сам. И хотя в ответной речи посланник изображает недостатки и опасности демократии, все же программный ответ

Тесея оказывает решающее воздействие. Он начинает с утверждения, что ничто не может быть враждебнее полису, чем тиран, а затем противопоставляет законность, равенство, свободу и юношескую силу демократического порядка тирании. При ней не существует никаких законов общины, господствует лишь один, содержащий закон (номос) в себе. О равенстве нет больше и речи. Из страха за сохранение своей власти тиран убивает всех, кого подозревает в самостоятельном мышлении. Как может город быть сильным, если некто срывает ростки отваги как колосья, и срывает цвет юности? Зачем копить богатство для своих детей, если от этого богатеет лишь тиран, зачем воспитывать девочек в целомудрии — на потеху тирану и на позор родителям? Лучше не жить, чем обручиться с насилием! Аналогичное высказывается и в других драмах. «Тиранией я называю: многих убить и ограбить, преступать клятвы и разрушать города», — говорится в «Беллерофонте». «Пусть погибнут жалкой смертью все, кто радуется тирании,» — сказано в «Глазе». «Ужасными» называет кормилица в «Медее» прихоти тирана; начиная с малого, они подвергают насилию многое и с трудом останавливают свою ярость.

Эти суждения не новы ни в целом, ни в деталях, ни там, где они конкретизируются в образах отдельных властителей, бурлескно в «Киклопе», грубовато в Лике из «Геракла», более тонко в Этеокле из «Финикиянок». Новым, чисто эврипидовским и характерным для времени, когда повсеместно вырвалось на свободу стремление к власти, была психологическая характеристика охваченного безмерной жадной власти тиранолюбца. Этеокл готов дойти до края земли и спуститься под землю, чтобы добыть величайшее божество, тиранию. И если уж, как он считает, приходится совершать несправедливость, то во имя тирании, в остальном же можно блюсти благочестие. В своем тщеславии и личности (пелеонексия) он считает не мужчиной всякого, кто к этому не стремится. Напрасно предостерегает его мать Иокаста от худшего из демонов, тщеславия, которое является несправедливым божеством, и славит равенство, напрасно перечисляет она ему заботы и непостоянство

владычества, — сын в своем ослеплении продолжает считать высшей целью неограниченную власть. Но так думает не только Этеокл. Несмотря на свои позорные дела, тиран в «Беллерофонте» назван более счастливым, чем те, кто ежедневно в покое почитает богов. «Богopodobной» называет тиранию лишь варварка Гекаба, поскольку, с точки зрения Эврипида, тирания как форма правления подходит только варварам, однако она кажется желанной, пусть даже и несправедливо, и грекам и является предметом восхищения всех смертных. Во времена Солона, прежде чем полис консолидировался, знатные господа готовы были лезть из кожи вон, лишь бы хоть один день побыть тираном. Теперь, когда полис начинает давать трещину, появляется то же самое стремление. Подтверждаются слова Якоба Буркхардта, что в каждом одаренном и честолюбивом греке живет тиран.

Но Еврипид говорит не только о притягательном, но и том горьком, что тирания приносит ее носителю. Дело не в том, что ее тяжело установить и властитель постоянно должен считаться с массами, нет, несмотря на власть и богатство, он несчастлив по своей сути. Уже в раннем произведении «Плеяды» тиран, вызывающий восхищение, назван самым несчастным. Тот, кто обладает тиранией, должен сгубить друзей или же убить их, испытывать страх как раз перед теми, кто ничего не делает. Поэтому Ипполит, как ранее Креон в «Эдипе» Софокла, желает себе второе место в государстве, а Ион даже предпочитает быть простым гражданином, а не фальшиво превозносимым тираном, который снаружи полон блеска, но в глубине души исполнен печали. Кроме того, тирану постоянно приходится сохранять бдительность, иметь друзьями дурных, а хороших бояться и ненавидеть. Даже богатство приносит ему лишь заботы и страх. При этом тирания преходяща и тщеславна: тираны низвергаются из блеска своего положения в ничто.

Была ли после всего этого тирания или монархия отвратительна для Еврипида? Он сам в преклонном возрасте отправился ко двору македонского царя Архелая, и Платон,

считавший этого царя тираном, называл поэта, впрочем, не только поэтому, другом тиранов. В «Андромахе» хор высказывает мнение, что полисом лучше всего руководить разумному, справедливому человеку, и даже неограниченный повелитель (автократор), пусть и со средними способностями, больше сделает для государства, чем толпа мудрецов. А в утерянной драме «Эгей» было даже сказано, что при прекрасном человеке и тирания хороша. То есть могут быть хорошие тираны. Как и в геродотовских дебатах по поводу конституции, проводится различие между хорошими и плохими властителями и тирания как таковая обсуждается с разных точек зрения, по примеру софистов. То же относится и к демократии — опять-таки как у Геродота, когда, с одной стороны, подчеркивается неравенство людей, которое должно учитываться в государстве, а с другой стороны — господство над равными. Что же касается терминологии, то Еврипид, подобно Софоклу и Геродоту, употребляет «басилевс» и «тиран» без различия и лишь в поздних произведениях «Елена» и «Орест» приходит к их четкому различению. Добровольно признанному властвованию, которое, впрочем, не обозначается подчеркнуто «басилевс», он противопоставляет тиранию как насильственное правление, осуществляемое против воли граждан. Более четкая фиксация поэтом форм правления вызвана как определенным поворотом в это время к словоупотреблению Эсхила, свидетеля агонии старейшей тирании, так и борьбой современных философов за ясные, понятные определения.

Гипсий из Элиды исследовал употребление слова «тиран» и установил, что тогда как Гомер именует особо беззаконного Эхета царем, а не тираном, более поздние поэты называют царей до Троянской войны тиранами. Таким образом, это слово появилось у греков довольно поздно, а именно во времена Архилоха, и происходит от разбойников тирренцев. Итак, Гипсий противопоставил законному царю беззаконного, разбойничьего тирана. Возможно, что он или другие софисты установили разницу еще точнее, чем, по свидетельству Ксенофонта, это сделал Сократ. Царствование, согласно ему, — это владычество, осуществляемое на

основании добровольного признания и согласно законам государства, тирания же — владычество, осуществляемое против воли граждан и не по законам, а по воле властителя. Таким образом, в основном были зафиксированы в понятиях обе формы владычества, которые впредь употреблялись в греческой философии государства. Но если царствование и тирания различались по их отношению к номосу (закону), то кризис, в который попало понятие номоса в середине V века, прежде всего из-за аргументации софистов, не смог не сказаться и на суждении о тирании.

Для *Протагора* номос еще сохранял свою ценность: кто отступил от права (дике) и благоговейного страха (эйдос), того следует убить, поскольку он означает для государства болезнь. Ибо тирания пронесткает от всеобщей беззаконности, и сам тиран, который должен быть человеком алмазной твердости, ликвидирует в конце концов массу полезных законов. Если он сумеет восстановить утраченное, то способен править единолично. Таким образом, хотя и не слишком подчеркнуто, делается вывод, что он тогда больше не тиран, а царь, но фактически различие между ними проводится как у позднего Еврипида, с той лишь разницей, что здесь критерием становится не признание гражданами, а новое установление или сохранение закона (номоса). О такой положительной оценке номоса и его конфронтации с тиранией не было и речи у софистов вроде Гиппия и *Антифона*, которые объявляли номос чисто человеческим установлением. Напротив, тираном, принуждающим людей ко многим действиям против их природы, может считаться именно номос. Такая точка зрения высказывается более радикальными софистами.

Фрасимах из Халкедона заявлял, что справедливым считается полезное, — для более сильного, — исполнение законов, установленных более сильным, будь то тиран, олигархия или демократия. Кто им подчиняется, то есть праведник, является пострадавшим, а несправедливый, который действует в своих интересах, напротив, остается в выигрыше. Мелкого правонарушителя наказывают, тот же, кто нарушает все законы, тиран, благодаря этому больше всего бла-

годенствует. Он не отрывает себе по кусочку от чужого добра, личного или общественного, а забирает сразу все. А если после того, как отнимет у граждан их добро, еще и закрепостит их, тогда он всем, даже поработанным, кажется счастливейшим и блаженным. Подобная трезвая констатация горькой действительности еще не провозглашает права сильного, но уже обесценивает номос, делая его относительным и деморализуя. Противоположность между правовым государством и тиранией уничтожается, тиран тоже может издавать законы, и тирания ничем не хуже любой другой формы правления. Однако полностью оправдывали и даже превозносили тиранию те софисты, которые признавали за сильным данное природой право господства. Это провозглашает, как известно, у Платона ученик Горгия *Калликл* в своей знаменитой речи. Существующие законы, говорит он, неходят из противоречащего природе равенства людей, они сковывают сильного в пользу массы слабых, которые в своем бессилии пропагандируют равенство, чтобы отнять у более сильных их естественное право господства. «Но если, как я верю, появится человек с соответствующей натурой, который все это страхнет, разорвет и отбросит от себя, который переступит через наше буквоедство, наше фиглярство, наши заклинания и все наши противоестественные законы, тогда он поднимается, наш раб явится как господин, и воссияет право природы». Такой господствующий человек должен насколько возможно дать волю своим страстям. И если они действительно великие, то он должен быть способен мужественно и благоразумно служить им, на что бы они ни были направлены, и удовлетворять свои страсти, а не держать их в узде. Не требует пояснений, что здесь на щит поднят тип беззастенчивого тирана, которого в V веке до сих пор единодушно проклинали. Тираном в худшем смысле этого слова является для *Калликла* еще в большей степени, чем для *Гиппия*, правовое государство, презирающее права природы. Или, как выразился так же настроенный *Критий*, один из «тридцати тиранов»: Дике (право) — это тиран, а рабом его является наглая заносчивость. Так понятия поменялись местами.

Но только не в широких слоях народа, который, чем больше колебался афинский полис как идея и как действительность, тем более страстно пытался защититься от тиранического насилия. Об этом свидетельствует страх перед тиранией, и не только накануне сицилийской экспедиции, запрет бесчестить тираноубийц и решение народа об укреплении демократии после олигархической интермедии 411 года, разговор о чем пойдет ниже. Тем не менее неудачи демократии во внешней политике и в войнах не только в Афинах, но и в Сиракузах подготовили большинство населения к признанию выдающегося правителя; там — Алкивиада, здесь — Дионисия, а распространившееся в образованных кругах учение софистов признало их правоту.

Находясь под его влиянием и следя за событиями своего времени неподкупным взором, Фукидид писал свою историю Пелопоннесских войн*. Его отношение к тирании, хотя показ ее представителей не входил в задачи его сочинения, определяется тем трезвым реализмом, которым отмечены сочинения Анонима Ямвлиха и Фрасимаха. Однако историк утверждает необходимость номоса (закона), противником которого для него является присущее людям и государствам стремление к власти. Спарта, говорит он, всегда была сильна законами и не имела тиранов, а фиванский посланник у него говорит о лакедемонянах, что династия немногих людей больше всего противоречит законам и разуму, тирания же, напротив, к ним ближе всего. Исполнены эгоистической алчностью (плеонексия) и тщеславия (филотилия) династы, гетерии и прежде всего тираны — враги изомии и демоса. К этому приговору, который выражает общественное мнение V века, добавляется восхваление ранней тирании как исторического явления.

Прежние тирании появились с укреплением Эллады, ростом притока богатства и общественных доходов. Для политического расцвета городов властители не имели большого значения, поскольку они, озабоченные лишь собствен-

* Между Архе Афинской и Пелопоннесским союзом; велись с перерывами с 431 до 404 г. до н.э. Закончились поражением Афин и роспуском Архе.

ной выгодой и сохранением своего владычества, вели войны в основном против соседей. Что касается осуждения Писистратидов, то мнение Фукидида, в отличие от официальных взглядов в Афинах, совпадает с мнением Геродота: они не были ненавистны толпе, проявили усердие (арете) и ум (ксинесис), сохранили законы, и лишь после убийства Гиппарха Пиллий стал проявлять жесткость. Тираноубийцы окончательно лишались своей славы, поскольку не они, а спартанцы свергли тиранию. Однако историку известна не только тирания одного человека над городом, но и тирания одного города над другим. Он не просто заимствовал у противника упрек и меткое слово о владычестве Афин, нет, он увидел в обоих явлениях ту же структуру. Для обоих, говорится в речи Эвфема, все полезное разумно, кто ненадежен, тот не друг. И когда Фукидид при основании морского союза подчеркивает добровольность передачи гегемонии, а во времена более позднего владычества указывает уже на повиновение союзников против воли, то это соответствует различию между добровольно признанным царствованием и сносимой против воли тиранией у Еврипида и Сократа. Афинскую Архе (державу) не только враги, но и Клеон и даже Перикл характеризуют как тиранию. Приписываемое Периклу высказывание, что установить тиранию — незаконно, а отказаться от нее — опасно, справедливо — как учитывая положение Афин, так и для любой тирании. Подобным же образом спор между властью и правом может происходить и между тираном и общиной, которую он захватил силой. Атический демос, страх которого перед тиранией во время конюнктурного случая с гермами* он выразительно описывает, историк не называет тираном и не характеризует как такового. Лишь незаконное использование чистой власти он считает тиранией, поэтому и в деятельности Перикла он видел владычество первого человека, но не тиранию.

Тем временем «тиран» стало модным словом, им стали называть всякого, кто обладал или казался, что обладал

* Перед Сицилийской экспедицией 415 г., когда на афинских улицах были разбиты изображения покровителя путников — Гермеса.

необычайной властью. Не только Перикл, как мы видели, выставлялся авторами комедий в виде тирапа, но и аттический демос, а в дебатах по конституции Отан у Геродота вообще характеризует демос как тирана. Даже женщины и дети были названы в одной драме Еврипида «большой тиранией для мужчин». Среди богов тираном воспринимался в первую очередь Зевс. Если у Эсхила он действительно тиран в строгом смысле слова, то у Софокла, Аристотеля и софиста Горгила он получает это наименование исключительно благодаря своему всемогуществу. В аналогичном смысле Эсхил говорит о тиранах подземного мира, а Еврипид — о всепобеждающем Эросе. То, что мифические цари Троянской войны, из которых лишь некоторые, например, Эхет и Пеллий, имеют ярко выраженные тиранические черты, назывались послегомеровскими поэтами «тиранами», заметил Гиппий из Элиды. Лишь софисты ввели более четкую понятийную фиксацию, после того как полностью была разработана типология тиранов. Это произошло уже в V веке, когда осознавшее себя свободное государство для своего самоутверждения и защиты стало нуждаться в образе беззаконного насильственного правления; философы последующего времени, для которых здесь речь шла о познании и обновлении справедливого государства, взяли этот образ в качестве фона и использовали, добавив лишь несколько черт. Концепция тиранического человека, его блеска и бедствий, его власти и брэнности является плодом классического периода, его очеловечивающего духа. В последней трети V века, когда вследствие внешнего и внутреннего кризиса полиса вновь стала актуальной опасность установления тирании, в русле новых учений, взявших под сомнение правовое государство, до тех пор единодушно осуждавшаяся тирания могла стать проблемой. Тем самым была открыта возможность более положительной оценки монархии. Наступало время новейших тирапий и македонских царей.

Глава III ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПОЗДНИХ ТИРАНОВ

Когда в последней трети V века учение софистов поставило под вопрос идейный фундамент полиса, признало за сильной личностью право властителя и показало монархию в более благоприятном свете, то речь шла не только о явлениях духовного мира. Под разлагающим влиянием Пелопоннесской войны и ее последствий прежние государственно-этические нормы утрачивали свою обязательность. Еще безудержнее, чем раньше, проявляется воля к власти отдельных государств и отдельных людей, не сдерживаемая ни номосом эллинов, ни уставом общины, который с конца ранней тирании еще мог обуздывать самые сильные природы и подчинять их. Если даже сам поздний Перикл, несмотря на его квазимонархическое положение, был словно поглощен государством, то влиятельные демагоги и победоносные военачальники склонялись к тому, чтобы ставить свои интересы выше интересов полиса и вместо того, чтобы служить ему, использовали его. Не случайно поэтому в таких людях ощущался дух тирании, и многие, по крайней мере в массе народа, готовы были поддаться ослеплению и помочь им в их эгоистическом стремлении к власти. Должно было выясниться, достаточно ли сильны дух и структура полиса, чтобы предотвратить эту опасность, если она всерьез возникает. Но не только это. Допустила бы внешняя политика, которая с начала великой войны

оказывала все большее влияние и на внутривластную жизнь, чтобы из страха перед тиранией отвернулись выдающиеся личности, незаменимые в борьбе государства с внешним врагом? Наряду с более сознательным и дифференцированным по сравнению с прежними тиранами индивидуализмом именно сплетение их деятельности и судьбы с внешней политикой и внутривластной потребностями хотя и шаткого, но тем более восприимчивого свободного государства позволяет считать людей, о которых в дальнейшем пойдет речь, предшественниками новейшей тирании.

1. Афины

Все, что некогда составляло основу стремления к тирании: благородное происхождение, богатство, любовь народа, — всем этим в высшей степени обладал *Алкивиад*, и нет никаких оснований предполагать, что он воспринимал ненависть к тирании своего прадеда* как руководство для себя. О поведении старых тиранов напоминает хотя бы то, как он своим блестящим участием в Олимпийских играх старался обратить на себя восхищенные взоры всей Эллады, а во время своих внешнеполитических махинаций после Никийского мира завязал личные отношения с самыми влиятельными кругами многих городов.

Однако сущность и опасность его действий заключалась не в подобном сходстве, а в том, что в этом человеке, одаренном необычайными способностями и пленительной привлекательностью, обнаружилась личность, которая в духе учения радикальных софистов без малейших колебаний преступила бы все обычаи. Еще опаснее для государства делало его то, что он возбуждал этим у толпы, которая легко поддается обману, во времена внутренней неуверенности больше удивления и восхищения, чем осуждения. Хотя в

* Алкивиад, как и Перикл, по материнской линии принадлежал к роду Алкеев, давшему тиранинборца и реформатора Клисфена.

416 году ему грозил остракизм, он сумел направить его с помощью утонченного маневра на своего противника Гипербола и тем самым навсегда дискредитировать как средство политической борьбы. Лишь святотатство с гермами перед выходом флота на Сицилию (415 год) наряду с опасениями, что кара богов может настичь предприятие, разбудили в народе боязнь, что лишены религиозного страха люди могут совершить политический переворот с целью установления тирании. Хотя этим тираном не мог быть никто, кроме Алкивиада, а он обвинялся даже в профанации Элевсинских мистерий, он был настолько уверен в оправдании, что настаивал на немедленном проведении процесса. До тех пор пока он мог воздействовать на судей и народ чарами своей личности, он действительно был неодолим. Именно поэтому его противники добились переноса рассмотрения дела, именно поэтому другие граждане испытывали кошмар его грозившей тирании. На Алкивиаде, кажется, отчеканены слова из драмы Еврипида «Плисфен»: «Никогда не изгоняй человека, которому доверяет demos, но не возвеличивай его слишком, ибо это опасно. Больше карай за нарушение права, чтобы у тебя в полисе не появился блестящий тиран». В речи, дошедшей до нас под именем Андокида, утверждалось, что тот, кто постоянно опасным образом увеличивает вокруг себя гетерию, говорит, как демагог, а действует, как тиран.

Переход на сторону Спарты после его отстранения от командования на Сицилии и переговоры с Тиссаферном — персидским сатрапом, при дворе которого он перенял персидский язык и одежду, как некогда Павсаний и Фемистокл, показывают, что человек, который отбросил свои связи с родным городом и стал сам себе законом, все же не пытался установить свою тиранию в Афинах с чужой помощью. После его возвращения на родину (408/407 гг.), когда ему фактически было передано руководство государством, он, кажется, не носился с подобными планами, хотя массы народа, в восторге от того, что он впервые за много лет вновь провел праздничную процессию в Элевсин, по-видимому, ничего не имели против этого, некоторые же

считали это нежелательным. Алкивиад был достаточно умен, чтобы понять, что неустойчивое настроение толпы, которая сегодня ликует при его виде, а завтра повернется к нему спиной, не может быть надежной базой для тирании. Такой цели нельзя было бы достичь в Афинах даже с помощью наемных войск, которых у него не было, либо при поддержке внешней силы, о которой также нечего было и думать. Так он удовлетворился легально переданными ему чрезвычайными полномочиями, которые, впрочем, через короткое время потеряли силу, когда из-за поражения подчиненного ему военачальника он был лишен их.

После 407 года Алкивиад жил на Геллеспонте. Здесь у него самое позднее с 409/408 гг. было несколько укрепленных поселений, вероятно, подаренных фракийским правителем Медоком: Неон Тесс, Орнос и, возможно, Византий, откуда он со своими наемниками совершал походы за данью против фракийцев, не подчинявшихся никому. Сто лет назад в этой местности был тираном Мильтиад. Алкивиад, по-видимому, тоже занял здесь тираноподобное положение, которое не могло, однако, удовлетворить его чрезмерное честолюбие и не могло быть достаточно прочным после того, как Спарта после победы при Эгоспотамах стала владыкой пролива. После падения Афин он вновь отправился в Даскилий к сатрапу Фарнабазу, который не только принял его с почетом, но и передал ему город Гриней, приносивший доходов от налога 50 талантов. Он мог бы править здесь наподобие тирана, но его старания подвигнуть персидского царя к действиям против «тридцати»* в Афинах, которые заочно приговорили его к изгнанию, привели к тому, что они через своего покровителя Лисандра** добились от Фарнабаза его отстранения (404/403 гг.). Очевидно, до последнего момента Алкивиад надеялся вернуться в Афины с помощью великого царя и вновь играть там ведущую роль. О тирании над городом он, по-видимому, как и раньше, не думал.

* Олигархический режим «тридцати тиранов», навязанный победившей Спартой.

** Спартанский флотоводец.

Гораздо более серьезной угрозе, чем со стороны Алкивиада, подвергалась афипская демократия со стороны олигархических гетерий, которым в 411 году удалось провести изменение конституции в своих интересах. Они затерроризировали народное собрание; навязанный совет «четырехсот» получил неограниченные полномочия и беззастенчиво использовал их, чтобы по образу и подобию тиранов казнить, изгонять и конфисковывать имущество. Поскольку это правление, установленное со ссылкой на «отцовскую конституцию», в действительности было лишь средством удовлетворения личных амбиций пришедших к власти, то в конце концов оно стало казаться тиранией. Уже некий современник называет его так, а реакция после восстановления демократии была такой же, как и столетие назад после свержения Писистратидов. Решение народа, принятое по предложению Демофанта в 410/409 гг., объявляло всякого, кто свергнет демократию или во время свержения демократии займет какой-либо пост, врагом государства, убийство которого не повлечет за собой вины и позора. Все афиняне должны были поклясться устранить того, кто это совершит. Характерно, что в формулу этой клятвы из клятвы совета уходящего VI века был включен пункт о том, что все обязуются убить того, кто станет тираном или поможет кому-либо стать тираном. Приравнение тех, кто свергнет демократию, к тиранам обусловило появление еще одной клятвы: гражданина, который погиб при покушении на высмеиваемых, вместе с его детьми чтить как Гармодия и Аристогитона с их потомками. Видимо, тогда же был принят указ о запрещении высмеивания знаменитых тираноубийц, над культом которых издевались комедиографы.

Тем не менее через шесть лет после падения Афин демократия была заменена тираническим правлением. Как и после переворота 411 года, последовали формально законные выборы тридцати человек для составления новой олигархической конституции, в действительности же проходившие при терроре гетерий и под давлением победителя Лисандра. В качестве временного правительства они имели права назначать новых чиновников и новый совет, который

состоял из послушных им людей, так что они смогли передать ему процессы видных демократов. Вначале они правили довольно сдержанно, но после того как был устранен умеренный Ферамен и они после долгих колебаний решились принять три тысячи новых полноправных граждан, их правление стало противоправным, они присвоили себе право распоряжаться жизнью и смертью и, подобно тиранам, разоружили граждан. Наступило время беспредельной ярости; каждый, кто казался опасным, передавался охранке, доносы распространились больше, чем когда-либо, и некоторые осуждались на смерть лишь потому, что их состояние конфисковывалось в пользу властителей. Таким образом, правление «тридцати» ничем не отличалось от правления худших тиранов. Да, самый значительный и одновременно жестокий из них выказывал явно тиранические черты — Критий, благородного происхождения, некогда слушатель софистов и Сократа, как уже упоминалось в предыдущей главе, в одном из своих сочинений радикально переоценил понятие Дике (право) и проявил себя как настоящий тиран, одержимый заносчивостью. В практической политике он в 411 году был сначала олигархом, затем демократом, предложил вернуть Алкивиада (409/408 гг.), но не смог предотвратить собственное изгнание. В Фессалии, где он находился в последующее время, он, по-видимому, не занимал значительного положения в социальной борьбе, хотя феодалы, с которыми его связывало происхождение и образование, готовы были принять его; он участвовал в подстрекательстве к бунту зависимых пенестов, движимый стремлением к анархии и личной власти. Однако она досталась ему лишь в 404 году, когда он вместе с другими вернувшимися изгнанниками был избран в состав «тридцати», чему способствовали, вероятно, его симпатии к Спарте. Критий и наряду с ним Харикл, став вождями радикальной группы, развернули кровавую деспотию. Они пытались искоренить возможность какой бы то ни было оппозиции, запретили даже преподавание риторики, видимо, учитывая несгибаемую позицию Сократа, которую он не должен был передать своим ученикам, в действительности же потому,

что Критий из своего общения с софистами знал, каким опасным в руках противника может быть оружие зажигательной речи. Когда у Ксенофонта он в дискуссии с Фераменом высказывается о необходимости искоренения всех инакомыслящих, поскольку власть, пусть даже и осуществляемая тридцатью людьми, все же является тиранией и соответственно этому должна использоваться, — он рисует фактическое состояние дел. Навязанные выборы, злоупотребление должностным положением в личных целях, незаконный произвол и жестокость характеризуют это правление не как диктатию, которую Фукидид считал сродни тирании, а как настоящую тиранию. По праву позднейшие писатели говорили о «30 тиранах», и те борцы за свободу, которые способствовали их падению, почитались народом подобно Гармодию и Аристокитону.

«Тридцать» стоят у истоков поздней тирании, самый старший и значительный представитель которой Дионисий I как раз незадолго до этого пришел к власти в Сиракузах. Как и для него, отправной точкой для них послужили чрезвычайные полномочия, предоставленные решением народа, границы которых они постоянно преступали, пока в конце концов их деспотия не перекрыла полностью первоначальное поручение. Подобное правление, как и всякая радикальная тирания, могло утвердиться только с помощью военной силы. Недовольные и к тому же разоруженные граждане не принимались в расчет, а наемной армии не было. Лисандр по просьбе «тридцати», которым он содействовал с самого начала, предоставил необходимую военную поддержку, направив на Акрополь гарнизон из 700 человек. Подобно тиранам в малоазийских греческих городах в конце VI века или некоторым тиранам IV и III веков, «тридцать» были поддержаны внешней силой. Тем не менее их господство через несколько месяцев рухнуло, когда Критий потерпел поражение и погиб (зима 404/403 гг.) в борьбе с Фрасибулом, который вместе с изгнанниками и бежавшими вначале занял горную крепость Филу*, а затем захватил Пирей.

* В 20 км севернее Афин.

«Тридцать» были низложены тремя тысячами полноправных граждан; их место заняла коллегия из десяти человек, которая, видимо, хотела закрепиться при поддержке Лисандра, если бы этому не воспротивился лакедемонский царь Павсаний. Если эта ссора двух спартанцев напоминает конфликт между Клеоменом и Дамаретом при попытке первого помочь восстановлению Исагора, то осуществленный Критием захват Элевсина в качестве возможного убежища напоминает о подобных мерах предосторожности Писистрата и других тиранов. И действительно, оставшиеся в живых из «тридцати» направились туда и после того, как в 403 году правление десяти в Афинах было отменено и восстановлена демократическая конституция, до 401 года смогли продержаться в Элевсине. Однако афинский полис, освободившийся от тирании, установленной в момент его краха, благодаря счастливым внешним обстоятельствам, но прежде всего демократической воле к свободе Фрасибула и его соратников в конечном счете проявил достаточно сил, чтобы отстоять свою свободу. Чтобы сохранять ее и дальше, не удовлетворились одним решением народа от 411 года, а ввели так называемый процесс эсангелии, дав каждому гражданину возможность доносить на тех, кто угрожает демократии.

2. Спарта

Если в Афинах на какое-то время с помощью извне была установлена тирания, то государству на Эвроте, которое могло похвалиться тем, что никогда не испытывало гнета тиранов, это не грозило. Однако военные условия и их воздействие могли создать опасность того, что какой-нибудь победоносный военачальник попытается бы занять тираноподобное положение. Брасид, принявший илотов в армию и наwerbовавший наемников, после своего отлично-

го от обычной спартанской стратегии похода в Халкидики (424 год), безмерно прославлялся там скинопейцами, а после смерти почитался как новооснователь города. Филипп, чье именительство в Сиракузах внесло большой вклад в уничтожение афинского войска на Сицилии, попытался впоследствии обогатиться обманным путем и был изгнан. Но прежде всего Лисандр, победитель при Эгоспотамах, занял такое положение, что возникает вопрос: не появилась ли у него, самого могущественного человека в Греции, мысль об установлении своей тирании.

Надежных свидетельств тому вплоть до времени его возвращения в Спарту нет (раннее лето 404 года). Тиранические планы в отношении родного города не подтверждаются ни введением декархий и гармостов, которые в основном формировались из симпатизировавших Спарте олигархических гетерий, ни передачей Сестоса его морским офицерам, впрочем, скоро отмененной лакедемонянами. Та беспардонность, с которой он обращался с неспартанцами, божеественные почести со стороны олигархов Самоса, воспевание его деяний поэтами, которые иногда находились в его окружении, также нельзя считать доказательством — хотя они и напоминают о некоторых тиранах, — что Лисандр желал тирании. Скорее, на такую мысль могло бы повести посвящение в Дельфах монумента в честь победы, где его венчает Посейдон, что несколько напоминает регента Павсания. Но, в отличие от победителя при Платеях, ни на вершине своей власти, ни после того как он утратил свое влиятельное положение из-за царя Павсания, он не пытался установить в Спарте тиранию. Богатую военную добычу, с которой возвратился, он передал в государственную казну Спарты, сам же не обогатился и не пытался использовать эти сокровища для установления личной власти на родине. Он не делал попытки сплотить вокруг себя илотов или другие ущемленные и недовольные группы населения, что могло бы послужить опорой государственного переворота, также не участвовал в попытке путча некоего Кшиадона. Спартанские власти были настолько уверены в отсутствии у него тиранических устремлений, что направили

его посланником к Дионисию I, с которым поддерживали хорошие отношения. Разумеется, этот честолюбивый и самоуверенный человек хотел опять играть руководящую роль, и поскольку он после горького опыта с царем Павсанием видел в традиционном двойном царствовании препятствие своим планам, он решил ввести выборное царствование, надеясь, что выбор падет на него. Изречения оракулов из Додоны и Дельф и даже из ливийского святилища Аммона, которое он посетил сам, должны были морально подготовить изменение конституции. Однако святилища отказали ему в помощи, и другие манипуляции, которые он попытался повернуть, тоже не удались. Для нашего рассмотрения имеет значение скорее не этот провал, а цель его плана. Лисандр стремился к законному положению, а не к тирании и, когда его планы рухнули, покорился обстоятельствам и в конце концов, командуя войсками в битве при Галиарте (395 год), погиб. Даже в этот период спартанский строй был достаточно силен, чтобы удержать в своей власти самые сильные, самые победоносные и в глазах всего мира самые независимые личности. Если Алкивиад мог заигрывать с мыслью о тирании, но, будучи умным, не давать ей ходу, то спартаец Лисандр был от нее далек. Он никогда не перешел из эгоистических соображений на сторону врага своей родины. Установить тиранию спартаец мог бы лишь в другом городе, в котором он мог бы быть гармоном.

Это произошло с Клеархом, который был послан не Лисандром, а эфорами в Византию по его просьбе для защиты от фракийцев и улаживания внутренних конфликтов (403/402 гг.). Несколько противоречивое предание сообщает как о его военных походах против фракийцев, так и жестоком правлении, которое он осуществлял в городе вопреки своему поручению. Он не только велел казнить высших чиновников, по ложным обвинениям еще многие жители были казнены или изгнаны, причем Клеарх присваивал себе их имущество, что позволило ему создать значительное наемное войско. Благодаря этому, он стал независим от спартанских властей, не повиновался отзыву и

был затем на родине приговорен к смерти. Впрочем, его тираническая деятельность в Византии, напоминающая деятельность регента Павсания, длилась довольно короткое время. Учитывая враждебное отношение граждан Византии, он не решился на отпор посланным для его изгнания лакедемонским войскам. Тогда он вернулся в Селимбрию, которую захватил ранее, и попытался там удержаться. Когда это не удалось, он бежал в Малую Азию к принцу Киру; тот дал ему тысячу солдат для создания нового наемного корпуса, который Клеарх должен был повести в поход против его брата Артаксеркса II. До того момента, когда войска Клеарха должны были принять участие в походе, он, первым из представителей позднегреческой тирании объединивший и себе черты кондотьера и тирана, на свой страх и риск воевал с фракийцами и защищал от их нападений прибрежные греческие города за определенное финансовое вознаграждение.

3. Сицилия

Предшественником позднегреческой тирании на Сицилии по праву можно считать *Гермократа*, чья неудачная попытка государственного переворота произошла за несколько лет до завоевания тирании Дионисием. Имевший в 424 году, а возможно, и раньше значительное влияние, этот олигархически настроенный человек во время сицилийской экспедиции афинян был вождем сопротивления своего города Сиракуз. Когда после неудачи осенью 415 года его вместе с двумя другими вместо обычных 15 стратегов избрали полководцем с чрезвычайными полномочиями, он не использовал это положение, чтобы стать властителем государства. Даже когда несколько месяцев спустя из-за отсутствия успехов он был смещен вместе со своими двумя коллегами, то не предпринял никаких силовых действий; напротив, увидев, что отношение народа к нему вновь

стало положительным, он встал во главе продолжающейся обороны от афинян и исправно командовал сиракузской морской флотилией, которая в 412—410 годах поддерживала спартанцев на Эгейском море и сильно пострадала при их поражении под Кизиком. Повторно лишившись должности и даже изгнанный (409 год), он отклонил предложение своих воинов выступить против родного города и передал командование в законном порядке присланным оттуда наемникам. Однако горький опыт, полученный в родном городе, а также известие о вторжении карфагенян на Сицилию заставили его думать о вынужденно насильственном возвращении в Сиракузы. На деньги, которые дал ему для этого сатрап Фарнабаз, он построил пять триер и завербовал тысячу наемников, с которыми вначале поддерживал спартанцев в борьбе за Пилос, а затем вернулся в Сицилию. Здесь он смог пополнить свои войска тысячью гимерийцев, которые лишились крова после завоевания их города карфагенянами, и решился на попытку свержения в Сиракузах радикальной демократии под руководством Диокла. Вероятно, он надеялся затем стать во главе оборонительной войны против пунийцев. Но предприятие провалилось. Гермократ на свой страх и риск закрепился в разрушенном карфагенянами Селинунте со своей армией, которую ему удалось довести до шести тысяч человек, проводил оттуда успешные вылазки в старокарфагенскую область на западном побережье Сицилии и проник в руины Гимеры. Однако его основной целью оставалось возвращение в родной город, что он не хотел делать силой, а теперь задумал осуществить под предлогом захоронения останков сиракузцев, павших под Гимерой в боях с пунийцами. Поскольку Диокл пытался воспрепятствовать этому акту, он был свергнут, но Гермократ не получил приглашения вернуться, поскольку олигархи из страха перед тиранией этого человека ничего не хотели слышать о его возвращении. Можно сомневаться, что он, неоднократно доказавший свой патриотизм и свою лояльность по отношению к конституции, будучи оскорблен такой бесцеремонностью, всерьез задумался об установлении тирании. Однако теперь, когда и

олигархи были против него, он не видел иного выхода, чем силой оружия установить свою тиранию в Сиракузах. Ситуация слишком напоминала 480 год, когда греческое население острова под угрозой карфагенян было вынуждено прибегнуть к монархическому руководству. Однако ему не удалось — почти против своей воли — захватить единоличную власть: при нападении на город он был убит в уличном бою (407 год).

Среди его соратников тогда находился человек, которому удалось, благодаря беззащитности, отсутствовавшей у Гермократа, и ловкому использованию как социальной напряженности в Сиракузах, так и чрезвычайно возросшей карфагенской опасности, не только установить свою тиранию, но и утвердить ее на целый человеческий век: Дионисий.

Третья часть ПОЗДНИЕ ТИРАНЫ

Уже в последние десятилетия V века в Элладе ощущалось наступление эпохи, которая, в отличие от предшествующего века, свободного от тирании, содержала в себе духовные, социальные и политические предпосылки для ее нового появления. Глубокое воздействие великой братоубийственной войны греков на все сферы жизни, проявившееся в движении софистов пренебрежение всеми общепринятыми обязательствами призывали отдельному человеку самостоятельность, чтобы не оказывать самовластие, каких прежние поколения не знали. Раньше личность была менее индивидуализирована и больше связана с родной общиной, даже если вступала с ней в конфликт. Теперь же государственный порядок стал постепенно утрачивать свою обязательность, интересы и запросы личностей или групп безбоязненно выступали на первый план, личные, особенно экономические интересы стали считаться важнее, чем благо всего полиса, и тогда как к существовавшему антагонизму между богатыми и бедными прибавился антагонизм между образованными и необразованными, усиливалось социальное напряжение. Если прежде путь к тирании энергичным и властолюбивым людям пролагал кризис шатких аристократических общин, то теперь смелым и рвущимся к власти личностям давали шанс на установление единовластия ослабление существующего государственного порядка или же его несостоятельность. Благоприятствовала этому и внешнеполитическая атмосфера. В ней восторжествовала империалистическая воля к власти, которая появилась еще у

прежней тирании, затем широко проявилась у Афин, а после их падения перешла к Спарте: последняя теперь, вразрез со своими лучшими традициями, оказалась еще большим насильником автономии греческих городов. Одновременно произошли изменения и в военном деле, все больше отвергающие состязательные формы. Возникла новая тактика полутяжелых вооруженных формирований (пелтастов), отдававшая преимущество вышколенным войскам наемников перед тяжелыми на подъем отрядами гоплитов — вследствие пренебрежения готовностью граждан к военной службе общины для пополнения своих войск вынуждены были прибегать к наемникам. С давних пор тираны с помощью наемников устанавливали и поддерживали свою власть; теперь же государственные военачальники во главе доверенных им наемников становились кондотьерами и преследовали цели личного господства. И поскольку с последней трети V века внешняя политика повсеместно оттеснила внутривнутриполитическую жизнь на второй план, она могла и здесь помочь человеку, стремящемуся к власти, заручиться чужой поддержкой или благодаря внешнеполитической конъюнктуре закрепить занятые позиции, если вообще не установить свою тиранию и не удерживать ее с помощью чужой силы. Уже «тирания тридцати» в Афинах была возможна только благодаря поддержке Лисандра. Подобное происходило в IV веке нередко. Однако несмотря на все то, что благоприятствовало возникновению тирании, крупные греческие города-государства были достаточно устойчивы и крепки, чтобы противостоять ей: в Афинах и Спарте даже не могла возникнуть серьезная опасность тирании, а Фивы и Коринф смогли ее избежать. В метрополии лишь в некоторых больших городах и в политически и социально отсталых областях возникли тираны в течение 80 лет, прошедших с окончания Пелопоннесской войны до смерти Александра. Однако на периферии эллинского мира, где руководство борьбой с варварами создавало благоприятные условия для захвата власти честолюбивым человеком, уже на рубеже V и IV веков возникло самое обширное и значительное тираноподобное образование с центром в Сиракузах.

Глава I СИЦИЛИЯ И ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ

Как в истории раннегреческой тирании в конце V века, так и в истории возникновения позднегреческой тирании Сицилия занимает выдающееся место. Нигде, как заметил уже Дiodор, сам уроженец этого острова, стремление к единоличной власти не повторяется так часто. Тогда как Фукидид объяснял частые политические перевороты отсутствием единства у жителей колоний и непрерывными раздорами среди общин, Платон обвинял в этом пышный и распущенный образ жизни сицилийских греков (сикелиотов) и то, что конституции их городов-государств слишком неустойчивы и предрасположены к тирании. Разумеется, все эти моменты, а также слабость полисного духа у греков-колонистов облегчали приход тирании, но их недостаточно, чтобы объяснить ее исключительное значение в истории западных греков. Это можно понять, только учитывая опасность, которой подвергались эллины этой области со стороны карфагян и других пегреческих народов и которая делала необходимым жесткое сосредоточение разрозненных сил под монархическим руководством. Как тирании позднеархаического периода, так и тирании Дионисия и Агафокла стояли под знаком большой карфагенской войны, тогда как свободный от тирании период в V веке был как раз свободным от угрозы карфагян. В 409 году пунийцы, призванные на помощь эллинистическим городам Сегестой, решили

покорить остров; им достались Селинунт и Гимера. Во втором походе (406 год) им удалось завоевать Акрагант, который был очищен от населения и разграблен победителями. В Сиракузах, где почувствовали угрозу, были ошеломлены, но еще больше было разочарование в своих полководцах, которые с войском в 30 тысяч человек не смогли снасти союзный город. Гермократов план введения монархического правления, из-за которого он погиб, мог теперь казаться оправданным не только его сторонниками, к которым, предположительно, относились уважаемый Гиппарин и состоятельный Филлест: только один военачальник с неограниченной властью мог бы предотвратить поражение Акраганта, сдержать дальнейшее продвижение врага и защитить Сиракузы. Такой была ситуация, когда появился молодой Дионисий.

1. Дионисий I

Установление тирании

Дионисий, родившийся в 431/430 году, происходил из уважаемой сиракузской семьи. По-видимому, он рано потерял отца, которого звали Гермокрит, и вырос при отчине Гелоре. Позднее рассказывали о снах и предзнаменованиях, которые указывали на славное владычество или на то, что он принесет несчастье. Будучи занят вначале в канцелярии сиракузских стратегов, в 408 году Дионисий присоединился к великому Гермократу. В личном бою, который стоил Гермократу жизни, он получил ранение, приковавшее его к постели и благодаря чему его не схватили охранники. После Акрагантской катастрофы (406/405 гг.), известный своей смелостью, проявленной в боях с карфагянами, выступил перед народом с обвинением стратегов, но был оштрафован властями за подстрекательство к беспорядкам. Поскольку связанный с ним друг Гермократа Филлест зая-

вил, что заплатит и этот, и любой другой штраф, Дионисий мог продолжать свои резкие нападки на стратегов, исполненных, подобно остальной богатой знати, лишь алчности. Разжигая с демагогической ловкостью как ярость по поводу поражения, так и ненависть толпы к богачам, он без труда завоевал народные массы на свою сторону. Стратегов сместили, и была избрана новая коллегия военачальников, в которую входил Дионисий и близкий к нему Гиппарин. То, что он уже тогда собирался установить тиранию, подтверждается его предложением призвать обратно изгнанных олигархов и сторонников Гермocrates якобы для увеличения сил в борьбе против карфагенян. Но он явно хотел создать себе свиту, которая сделала бы его независимым от милости переменчивой толпы и как бы подняла над партиями.

По-видимому, вначале Дионисий продолжал выступать как вождь демоса против богатых. В Геле, которая была недостаточно защищена корпусом наемников под руководством спартамца Дексиппа и поэтому просила помощи Сиракуз, существовавшие здесь социальные противоречия привели к тяжелым конфликтам. Дионисий, посланный весной 405 года с двумя тысячами пехотинцев и четырьмястами всадников, вскоре стал на сторону простого народа, велел казнить предводителей богатых и конфисковать их имущество. Полученные за счет этого средства позволили ему выплатить наемникам Дексиппа оставшееся жалованье и пообещать сиракузским войскам удвоить обещанное государством довольствие. Так он сделал оба войска обязанными себе, кроме того, завоевал симпатии демоса Гелы, который его богато одарил и через посланника объявил ему хвалу в Сиракузах. Пока же он вернулся в Сиракузы с обещанием привести более сильные формирования. Тем временем благодаря сообщениям из Гелы его авторитет настолько возрос, что он уже собрался сделать решительный шаг, тем более что теперь у него была военная поддержка и вернувшиеся изгнанники в надежде на месть своим противникам и возвращение своего имущества поддержали бы государственный переворот человека, который принял в них такое уча-

стие. Перед народом он обвинил своих состратегов, за исключением близкого к нему Гиппарина, что они пренебрегли выплатой жалованья наемникам и подкуплены карфагенянами, военачальник которых Гимилко и его хотел подкупить или, по крайней мере, заставить промолчать о поведении его коллег. Продолжать совместное командование с такими людьми ему не по душе, поэтому он слагает с себя полномочия стратега. Реакция, на которую он рассчитывал, не заставила себя ждать. Народ и войска впали в величайшее возбуждение, и когда Дионисий на следующий день по-настоящему обвинил своих коллег-военачальников, судебное разбирательство решено было отложить, но спонтанно прозвучали требования: прежде чем враг выступит против Сиракуз, сосредоточить верховное командование в одних руках и назначить Дионисия единственным стратегом с исключительными полномочиями (стратег-автократор). Народом было принято соответствующее решение. Тем самым Дионисий на период войны получил почти монархические полномочия. Гиппарин, который, скорее всего, участвовал в принятии решения, выступил на его стороне в качестве советника.

Должность полномочного стратега, которую в любой момент можно было отменить, Дионисий, очевидно, с самого начала использовал как основу для достижения неограниченной личной власти. Социальное напряжение, скопление большого количества беженцев из занятых карфагенянами областей, которых можно было легко сделать сторонниками или наемниками, и, главным образом, угроза городу Сиракузы со стороны врага обеспечивали сейчас наибольшие шансы на достижение этой цели. Дионисий использовал их напористо и хитро. Заявив, что в некоторых кругах начинают боятся установления тирании, он откомандировал более молодых призывников из гражданского ополчения в Леонтины, принадлежавшие Сиракузам, где собралось много беженцев. При этом он рассчитывал на их повиновение, поскольку они нуждались в его помощи, а также на отказ его противников в Сиракузах повиноваться приказу. Со стороны ополчения можно было не опасаться сопротивления.

И действительно: когда он объявил, что ночью на него было совершено нападение, ополченцы тут же выделили ему для охраны лейб-гвардию в шестьсот человек, которую он сформировал из бедных и отважных людей, при этом самовольно увеличив их число до тысячи. Так же, как Иностранат и другие тираны, он создал себе таким образом хорошо вооруженную и слено ему преданную ударную группу. Он увеличил количество наемников в войске и еще теснее привязал их к себе обещаниями; он принимал на службу изгнанных и безработных и поставил на командные должности в ополчении преданных ему людей. Трудно было не видеть, что надвигается тирания. Спартавец Дексинп, который не хотел в этом участвовать, вернулся на родину, а войска, находившиеся под его командованием, окончательно перешли к Дионисию. Когда он летом 405 года вернулся в Сиракузы и разбил свой лагерь у гавани, то, как замечает историк Диодор, он уже открыто вел себя как тиран.

Трудно сказать, осуждали ли народные массы поведение Дионисия; скорее, они ждали от владычества человека, который столь стремительно вознесся, выгод для себя. Во всяком случае, учитывая присутствие наемников и предстоящие бои с карфагенянами, они волей-неволей поддерживали его и даже осудили по его обвинению двух стратегов последних лет на смертную казнь. Примечательно, что один из них был олигархом, а другой — демократом. Еще меньше, чем прежде, Дионисий думал сейчас о присоединении к одной из этих групп. Ловко разыгрывая вождя демоса, он тем временем женился на дочери великого Гермократа и отдал ее сестру Фесту в жены Поликсену, шурину Гермократа, чтобы двойным родством со знатным домом оградить свою тиранию также и от олигархов, растущую враждебность которых он не мог не ощущать. Какая опасность грозила ему с этой стороны, выяснилось вскоре в боях с карфагенянами, выступившими из Акраганта против Гелы, в которых участвовала тысяча всадников из знати.

Дионисий устремился на помощь гелойцам с большим войском, состоявшим из сиракузцев, наемников, сицилийских и италийских союзников; на рейде города появилась также

морская флотилия. Но его гениально задуманный план концентрированного наступления различных соединений на карфагенский лагерь полностью провалился, так что ему пришлось покинуть Гелу, а также находившуюся под угрозой Камарину и эвакуировать население обоих городов под Сиракузы. Понятно, что среди всадников-олигархов вспыхнуло возмущение против властителя, который потерпел такой же провал, как и обвиненные им раньше стратеги, и к тому же сознательно старался побережь свою лейб-гвардию. Они планировали на обратном пути устранить его. Но поскольку к окруженному наемниками тирану было не подступиться, они поспешили в Сиракузы, разграбили его дом вместе со всеми находившимися там ценностями и в ярости обезчестили его жену, которая от отчаяния покончила с собой. Они уже были уверены в своей победе, когда Дионисий с 700 отборными солдатами в полночь появился на окраине города. Он велел разжечь огонь и ворвался в лагерь. Напрасно всадники пытались ему противостоять. Основная их группировка и разрозненные отряды были побеждены, остальные изгнаны из города, тогда как победоносные воины врываются в дома олигархов, убивая их. Ускользнувшие от резни бежали в Этну-Инессу, некогда вторую родину Гнерона, и осели там. После прибытия основной массы войска на следующий день Сиракузы вновь полностью были в руках Дионисия. Леонтиды же, куда в отчаянии от своего бегства направились гелойцы и камаринцы, можно было считать потерянными. Был ли после подобных событий человек, который так обманул всеобщую веру в свои стратегические способности, в состоянии успешно отразить ожидавшееся нападение карфагенян?

На помощь ему пришла удача. Пуническое войско, взяв Гелу и Камарину, было охвачено эпидемией и слишком ослабло для того, чтобы начать бои за самый большой город Сицилии. Военачальник Гимилко проявил готовность заключить мир на основе существующего положения, согласно которому греческие города южного побережья, а также Гимера и, кроме того, сиканы и элимы оставались в подчинении Карфагену. Дионисий же, находясь в столь тяжелом

положении, имел тем больше оснований для заключения мира, что противник признал его владычество над Сиракузами. Впрочем, пришлось отказаться от Леонтины, признать независимость сикулов, которые при продвижении карфагенян сбросили сиракузское владычество, гарантировать автономию Мессаны, а также, очевидно, Катапы и Наксоса. Разумеется, этот мир нельзя было считать заслугой, которая оправдала бы тиранию. Поэтому Дионисию и в дальнейшем приходилось считаться с сильной оппозицией, тем более, что он не собирался после окончания войны слагать с себя должность стратега-автократора, как это следовало. Только дальнейшее укрепление его тираннической власти могло бы сохранить ему в будущем монархическое положение. Поэтому вскоре после заключения мира (405/404 гг.) он велел отделить старый город, то есть связанный с сушей остров Ортигия, мощной крепостной стеной с башнями, за пределами которой остались крытые торговые ряды, здание суда и общественные места, тогда как территория острова принадлежала тирану. Поскольку он как самовластный правитель занимал место, скорее, рядом с полисом, чем в полисе, то и резиденцию свою он разместил вне районов общественной жизни. Вблизи укрепленной крепости, которую он там построил, на Ортигии жили только его доверенные лица и наемные войска. Далее внутри крепостной стены находились укрытия для шестидесяти триер и маленькая гавань, узкий вход в которую позволял пройти только одному судну. Тем самым под рукой Дионисия была сосредоточена значительная часть его морских и сухопутных войск и он обезопасил себя от внезапного нападения. Что же касается полиса Сиракузы, конституция которого формально сохранялась, то тиран, разумеется, был озабочен тем, чтобы содействовать своим сторонникам и расширять их круг. Для этой цели он использовал имущество убитых или изгнанных олигархов, раздавая их городские дома простым людям, их плодородные угодья — друзьям и командирам, небольшие участки земли — как гражданам, так и чужакам. Когда говорят, что среди этих граждан были также вольноотпущенники, которых он называл «но-

выми гражданами», то, вероятно, в них видели личных рабов, поскольку некогда поработанные киллирийцы уже давно были лично свободны. О всеобщем переделе земли не говорится нигде. Тем не менее указанные меры должны были вызвать значительную перегруппировку социальных сил в пользу сторонников тиранни.

Наряду с упрочением своего положения Дионисий, естественно, был озабочен тем, чтобы восстановить у граждан пошатнувшуюся веру в его полководческий талант и успешными военными действиями оправдать сохранение за собой исключительных полномочий стратега. Так, в нарушение мира с Карфагеном он направил гражданское ополчение против укрепления Гербесс (404 год). Однако прежде чем можно было говорить об успехе, граждане отряда возмутились, так что Дионисию пришлось прервать осаду, вернуться в Сиракузы и искать убежища в своей островной крепости. Однако здесь он был заблокирован с суши восставшими, которых призвали бежавшие в Эгину олигархи, тогда как 50 военных кораблей из Мессаны и Регия — к этим городам тоже обратились за помощью — закрыли доступ в Ортигию с моря. Нападавшими была даже установлена награда за голову тирана. Когда же часть наемников перешла на их сторону, положение стало отчаянным (404/403 гг.). Дионисий собрался кончать жизнь самоубийством, и лишь ближайшие соратники отговорили его от этого. Его отчим Гелор упрекнул его в том, что тирания — прекрасный саван, а шуриин Поликсен посоветовал ему скакать на самом быстром коне к карфагенянам, чтобы раздобыть там кампанских наемников, тогда как Мегакл, сын Гиппарина, высказал мнение, что от тиранни не убежишь на коне, а можно только утащиться на ногах. Дионисий заимствовал понемногу из всех трех советов. Он отказался от мысли о самоубийстве, через курьера установил связь с кампанцами, сам же терпеливо выжидал в Ортигии и для видимости вступил в переговоры с гражданами. Последние, пригласив из метрополии Коринфа третейского судью и предводителя Никотела, позволили тирану свободный выезд на пяти судах. Они до такой степени

были уверены в своей победе, что разрешили сельским отрядам вернуться домой, а олигархов отпустили в Этну. Однако ситуация резко изменилась. Морем в крепость прибыло 300 наемников, из глубины страны подоспели кампанцы числом 1200 человек, проложили себе путь через ошеломленный город и соединились с тираном, которому удалось теперь сравнительно легко разбить растерявшихся и к тому же перессорившихся друг с другом граждан. Сиракузы были вновь в его руках. Однако прирожденный ум заставил его не мстить, а объявить амнистию олигархам в Этне и тем семи тысячам сиракузцев, которые бежали к ним после поражения. Некоторые после этого вернулись, остальные же упорствовали в своей враждебности. Отношения между тираном и гражданами, которыми руководил Никотел, остались напряженными. При таких обстоятельствах для Дионисия было очень важно, что из Спарты, где в лице Лисандра он имел единомышленника и уже установил с ним связи, к нему был послан Арист, который вначале разбудил в сиракузцах надежду на то, что он принесет им свободу, на деле же помогал укреплению господства Дионисия, которого лакедемоняне считали ценным союзником. Арист устранил Никотела и полностью предоставил Сиракузы в распоряжение тирана. Однако Дионисий, разочарованный и озлобленный безрезультатностью своей амнистии, приказал отправить население на уборку урожая, а тем временем обыскать дома и полностью разоружить сиракузцев, как это делали некоторые прежние тираны. Так с 403 года его господство над городом могло считаться обеспеченным.

Установление территориального господства

Сицилия

Дальнейшее укрепление тирании могло быть достигнуто, если бы удалось выйти за пределы Сиракуз и, следуя по стопам Диноменидов, превратить весь восток острова в свою

опору. После 403 года Дионисий занялся решением этой задачи. По опыту Гербесса он понял, что для этой цели не подходят гражданские отряды, да о них после разоружения практически не могло быть и речи. Подобно некоторым тиранам прежних времен, он мог рассчитывать только на наемников, из которых, однако, после захвата Сиракуз пришлось отпустить 1200 кампанцев в силу их ненадежности. Действия начались после захвата гнезда сопротивления Этны, павшей без тяжелых боев. Нападение же на Леонтины не увенчалось успехом. Город, автономия которого была оговорена в Карфагенском мире, сдался лишь после того, как страшная судьба Катаны и Наксоса повергла жителей в ужас. Дионисий не только пренебрег автономией обоих городов, очевидно, предусмотренной в том же договоре, но обратил большую часть населения в рабов, продал их, а имущество граждан отдал на разграбление своим наемникам. Избежавшие катастрофы в отчаянии бродили по стране, пока не нашли в Милах новую родину. Общины распались, а Наксос, по-видимому, был полностью разрушен. Территорию тиран отдал соседним сикулам, предоставив Катану для жительства кампанским наемникам, которых он позднее (в 396 году) переселил в лучшие защищенную Этну. Леонтинцы, сдавшиеся теперь по первому требованию, сохранили, по крайней мере, жизнь и имущество. Однако Дионисий принудил их переселиться в Сиракузы, ликвидировав их общину и предоставив им новое гражданство. Через несколько лет (в 397 году) он поселил в Леонтинах десять тысяч наемников. Нет никакого сомнения, что вся область трех городов, которые тиран завоевал с помощью наемников, а не во главе сиракузского ополчения, стала его личной собственностью, которой, как мы видим, он неограниченно распоряжался. На севере Мессана и Регий чувствовали теперь угрозу, тем более что бежавшие туда из Этны старые противники тирана в своих интересах нагнетали страх. Они даже пытались побудить граждан обоих городов, во время большого восстания в Сиракузах уже продемонстрировавших свою враждебность Дионисию, первыми начать войну, но поход не состоялся

из-за нежелания части мессанцев (399/398 гг.). Дионисий, который в это время готовился к большой войне с Карфагеном, не стал мстить, а постарался укрепить союз с мессанцами, предоставив им земли, и охотно перетянул бы на свою сторону и Регий. Однако там враждебность к тирану была настолько велика, что его попытка сближения, а особенно желание жениться на знатной регийке была категорически отвергнута. Потом наступило время, когда городу пришлось искупить свой отказ страшной ценой.

Еще прежде чем напасть на Наксос и Катану, Дионисий выступил против сикулов в области западнее Этны. Он пытался завоевать Энну, гордый горный город в глубине острова, тем, что подвинул одного из ее граждан, *Аимнеста*, к установлению тирании. Однако когда последний после удавшегося государственного переворота запретил ему вступать в город, Дионисий призвал жителей к восстанию против изменника и, воспользовавшись начавшейся смутой, вторгся в укрепление. Аимнеста он выдал на расправу эннейцам; сам же город не покорил, а, по-видимому, заключил с ним союз. Подобный союз состоялся и с расположенной севернее Гербитой после того, как местный демос под руководством некоего *Архонида* (который вскоре после этого основал на побережье на месте Алесы город под названием Архонидей) отразил нападение Дионисия и заключил мир. *Агирию* же, могучему владыке Агириона, не пришлось бороться за свою независимость, она была ему сохранена, учитывая его дружественное поведение во время сиракузского восстания. Таким образом, основная область расселения сикулов в 399 году была не подчинена, а связана союзническими отношениями с владыкой восточной Сицилии. Дионисий присвоил лишь территорию юго-западнее Этны, где он тогда же основал Адрапон.

Захватом греческих городов и наступлением на сикулов грубейшим образом были нарушены условия Карфагенского мира, однако со стороны пунийцев ответных мер не последовало. Эта слабость, вызванная эпидемиями и внутренними трудностями, могла бы укрепить тирана в его лелеемых с некоторых пор планах отнять у карфагенян

доставшиеся им греческие города путем широкомасштабной войны. При этом он мог не только опереться на свои увеличившиеся наемные войска и союзных ему сикулов, но и рассчитывать на добровольное участие возрождаемых отрядов гражданского ополчения. Ибо страстная ненависть к пунийцам, которая выразилась в Сиракузах и других местах в избиениях карфагенских торговцев, была сильнее антипатии к тирану, который, впрочем, избегал теперь жестких мер и тем самым разрядил обстановку. Поэтому он решил рискнуть и вооружить граждан. Хотя его акция преследовала прежде всего цель расширить собственные владения, однако требование возврата всех греческих городов он осепил панэллинской идеей, провозглашенной тогда великим ритором Горгием. Именно в таком ключе он обращался к просвещенным слоям, захваченным этой идеей, но прежде всего к гражданам разрушенных карфагенянами городов, которые смогли вернуться на свою родину после мира 405 года при условии не сооружать укрепления и платить пунийцам налоги. Дионисий рассчитывал на их отпадение от Карфагена, что и произошло при его продвижении. Кроме того, война должна была положить конец отъезду греков, которые вследствие этого лишились имущества и родины, в карфагенскую область, где они становились гражданами местных городов и заново наживали имущество.

После усиленного приготовления, о котором пойдет речь в другой связи, и получения гражданами оружия, после того как народное собрание Сиракуз само приняло решение о войне, Дионисий с сильным войском в 398 году, практически не встречая сопротивления, дошел до западной оконечности Сицилии. Благодаря осадным машинам новой конструкции и с помощью большого флота ему удалось даже подчинить островной город Мотию. Неожиданно быстрым и легким казалось освобождение греческих городов от карфагенского ига. Однако следующий год принес роковой поворот. Пунийский военачальник Гимилко сумел отвоевать не только Мотию и другие утраченные поселения, но и вынудить противника снять осаду с Сегесты. Дионисий проводил свои военные операции в области, сиканское

население которой выступило на его стороне только под давлением обстоятельств; кроме того, он испытывал трудности со снабжением армии, поэтому благоразумно решил отступить в Сиракузы. Следствием было то, что Гимилко на северном побережье прорвался на восток и разрушил союзный тирану город Мессану. После этого сикулы за немногим исключением перешли к пунийцам. Те, кто получил область Наксоса, построили с помощью Гимилко на господствующей высоте крепость Тавромений. Напрасно Дионисий пытался предотвратить опасность, грозившую теперь Сиракузам, переводя поселенных в Катане кампанских наемников в лучше защищенную Этну, выдвигая сильные укрепления в Леонтинах и пополняя поредевшие войска вольноотпускниками и новыми наемниками. Еще прежде чем дело дошло до битвы на суше, флот под командованием его брата Лептина потерпел на широте Катаны катастрофическое поражение, которое позволило вражеской армаде войти в Большую гавань Сиракуз. Тирану ничего не оставалось, как укрыться в своей крепости, защищать которую ему только и осталось. Вся область его господства на востоке Сицилии отошла продвигающемуся вперед Гимилко; греческие союзники рассеялись по своим родным городам; остаток войска в Сиракузах был окружен с суши и с моря.

Неудивительно, что теперь (397/396 гг.) в окруженном городе оппозиция вновь подняла голову против тирана, который довел граждан до еще более бедственного положения, чем оно было в 415 году во время афинского нападения. Впрочем, карфагенянам не удалось полностью блокировать Малую гавань, так что в нее смогла войти вспомогательная эскадра с наемниками, которых шурину Дионисия Поликсену удалось собрать у союзников на Пелопоннесе и в Италии, под верховным командованием спартамца Фаракида. Дионисий со своим братом Лептином смог также морем завезти провиант. Кроме того, форсированное нападение на мощное крепостное кольцо было безнадежным; карфагенянам осталось делать ставку лишь на истощение города. Но где же была освободительная борь-

ба властителя, которая могла бы оправдать его должность стратега-автократа, а в какой-то степени и его тиранно? Когда сиракузцам в его отсутствие удалось напасть на вражеские корабли, многие решили, что вполне смогут обойтись без него после его повторного провала в роли военачальника. Можно сомневаться в правоте Тимея, который столетие спустя рассказывал, что некий Феодор призвал граждан, раз уж они вооружены, свергнуть неспособного тирана и внес в народное собрание предложение о его низложении и изгнании, но и без того наступило всеобщее ожесточение, и, возможно, в осажденном городе дошло бы до боев между горожанами и наемниками тирана, если бы спартаец Фаракид не заявил, что он послан на помощь сиракузцам и Дионисию, а не для его свержения. Вскоре затем Дионисию неожиданно представилась возможность опровергнуть выдвинутые против него упрёки в военных неудачах. Когда пуническое войско, как и девять лет назад, вновь охватила эпидемия, которая парализовала его способность к сопротивлению, он смог нанести ему тяжелое поражение, пожертвовав при этом собственными неудобными наемниками. Тем временем Лептин и Фаракид по его приказу вошли в Большую гавань и вместе с ним уничтожили пунийский флот. Одним ударом Сиракузы были освобождены от осады (конец лета 396 г.). Гимилко, который теперь просил о свободном отходе, получил его от Дионисия, лишь уступив ему карфагенский контингент; он согласился на это и предоставил остальные войска их судьбе. Из них сикулам удалось спастись на своей родине, иберийских наемников тиран по их желанию включил в свои собственные наемные войска, а всех остальных взял в плен и отдал вражеский обоз на разграбление своим солдатам. Мир не был заключен, но можно было не опасаться нового нападения карфагенян, поскольку восстания в Африке сковывали всякую внешнеполитическую активность Карфагена. Теперь Дионисий мог без помех приступить к восстановлению и расширению подвластных ему областей.

Со стороны граждан Сиракуз, которых он старался по возможности не затрагивать, тирану после его победы,

по-видимому, больше не грозила серьезная опасность. Сложности возникали с наемниками, которые и раньше проявляли строптивость, а после завершения военной кампании окончательно вышли из повиновения. Возникла даже угроза его правлению с их стороны. Но он избежал и этой угрозы, отдав им вместо требуемой платы Леонтины с их плодородными землями, где с этого момента возникло поселение наемников, аналогичное Этпе. В остальном же за тираном после ухода карфагенян осталась вся восточносицилийская территория. К ней добавилась разрушенная Гимилко Мессана, где Дионисий поселил 1000 локрийцев и 4000 медмайцев из Южной Италии и которую он вскоре обнес крепостной стеной, разместив там гарнизон. 6000 мессенцев, изгнанных спартаками из Закинфа и Навпакта, получили отрезок побережья, где они основали быстро выросший город Тиндарис. Завоевание этой местности было частью расчета с сикулами за их поддержку Карфагена. Дионисий завладел также Мененом и Моргантиной и, кроме того, Этпой, которая пала в результате предательства. С Агиром из Агирона, Никодемом из Кентурины, с Гербитой, оставшимся верным Ассором и отдаленным Гербессом он заключил договора, которые позволили зафиксировать подчиненные отношения в форме союза государств. Подлинную независимость сохранили только сикулы в Тавромении, поскольку попытка покорить их не удалась (394 год). Хотя, таким образом, весь северо-восток острова в большей или меньшей степени теперь подчинялся тирану, он хотел расширить свое владычество на западе северного побережья: благодаря предательству ему удалось захватить Кефалоидион и расположенный вблизи Панорма Солунт; Гимеру, которая отказалась поставлять ему провиант, он взял силой. По-видимому, он претендовал и на города, подвластные Карфагену с 398 года: Камарину, Гелу, Акрагант, Селиунт. Акрагант, чтобы стать свободным, после неудачи Дионисия под Тавромением разорвал с ним военный союз. Прежде чем он смог что-либо предпринять, пунийцы вновь начали проявлять активность, и их военачальник Магом даже вторгся в область Мессаны (393 год). Снова господство тирана

над большей частью острова стояло под вопросом, поскольку множество сикулов вступило в военный союз с Карфагеном, который теперь значительно мягче обращался с вновь попавшими под его власть эллинскими полисами и сплачивал вокруг себя врагов Дионисия. Однако военные действия разворачивались теперь в глубине страны, где на стороне Дионисия выступал Агир из Агирона, причем до решающей битвы дело не доходило, к чему и стремился тиран. По-видимому, это вызывало недовольство сиракузского отряда, который вернулся домой, так что ему пришлось отпустить на волю рабов и включить их в свое войско. Однако вскоре он вернул рабов их господам, когда завершились длившиеся уже некоторое время мирные переговоры. По сравнению с договором 405 года новый означал большой успех тирана. Карфаген ограничивался своими старыми владениями на западе Сицилии, к ним относился временно отторгнутый у него Солунт, но не Селиунт и Гимера. Все греческие города, которыми он время от времени владел, были оставлены Дионисию если не формально, то практически, причем его владычество вынужден был признать и Акрагант. Ничто не указывает на то, что отныне между городами и владыкой Сиракуз существовали союзные отношения, напротив, в рассказах современников со всей трагичностью говорится именно о подчинении. Сикулам также пришлось стать с согласия Карфагена подданными тирана, за исключением, возможно, верного Агира, который, с правовой точки зрения, продолжал считаться союзником. Дионисий изгнал из Тавромения привезенных туда ранее пунийцами сикулов и расселил там элитный корпус своих наемников.

Насколько нам позволяет судить чрезвычайно скудное предание, содержащее к тому же большие пробелы, подвластная территория, консолидированная миром 392 года, в течение последующих десятилетий не претерпела изменений своей структуры. Определенные территориальные утраты она, однако, понесла, когда тиран, сделав некоторые из подчиненных карфагенянам мест своими союзниками и тем самым развязав в 382 году новую войну, после многолетней

борьбы потерпел поражение в своем намерении подчинить себе всю Сицилию. Согласно заключенному в 374 году миру ему пришлось не только выплатить противнику компенсацию в размере 100 талантов, но и отдать западные греческие города. На юге под пуническим господством опять оказались Селлунт, Гераклея и часть области Акраганта, на севере, предположительно, Гимера; реки Галик и Гимер образовали границу между двумя сферами власти. Позднее (в 368 году) Дионисий еще раз попытался вытеснить Карфаген с острова и даже захватил гору Эрикс, однако прежде чем эта война завершилась, весной 367 года его унесла смерть. Его владычество к тому времени уже давно не ограничивалось Сицилией. Еще за два десятилетия до этого он обосновался на итальянской земле.

Италия и Адриатика

Регий, ближайший город, вместе с Мессаной в 404 году пришел на помощь восставшим сиракузцам, оба города в 399 году начали поход против Дионисия, который, по-видимому, закончился провалом. Кроме того, регийцы отвергли его попытку установить хорошие отношения посредством брака со знатной женщиной из их города. Тогда тиран женился на женщине из Локр, Дорис, и сделал этот город, а также, по-видимому, и Медму своими союзниками (397/396 годы). Два года спустя, когда Дионисий занял разрушенную пунийцами Мессану и заново заселил ее, регийские беженцы у Наксоса и Катаны, нашедшие здесь приют, решили осесть западнее Мессаны в Милах. Нападение тирана на Регий натолкнулось на упорное сопротивление (393/392 гг.). Из-за вновь разгоревшейся войны с карфагенянами ему пришлось заключить перемирие, и лишь в 390 году война была продолжена. Теперь он шел от союзных Локр, которые, видимо, призвали его на помощь против враждебного соседа Регия, тогда как большинство греческих городов на севере, сплотившихся в оборонительном союзе против луканов, а теперь и против Дионисия, поддержали Регий в страхе перед дальнейшей агрессией тирана. Ответом

Дионисия был союз с луканами, которые в 389 году под Лаосом на западном побережье разбили отряд фурийцев, прежде чем успела подойти посланная им на помощь эскадра под предводительством брата Дионисия Лептина. То, что он принял бежавших фурийцев, могло еще сойти, но то, что он установил мир между луканами и союзом итальянских греков (италиотов), противоречило намерениям тирана; он заметил Лептина на посту командующего флотом другим братом, Феаридом. Теперь ему пришлось без луканов вести борьбу против италиотов, прежде чем думать о войне с Регием. Ближняя Кавлония, на которую он вначале напал, получила помощь морем от Элси, сушей от Кротона и других союзников, которую привел отчим Дионисия Гелор. Однако на реке Эллепоре Дионисий одержал решающую победу над деблокирующими войсками (388 год). Впрочем, одного этого удара вряд ли было бы достаточно, чтобы вывести союз италиотов из игры, если бы победитель при оценке своего успеха не проявил мудрой сдержанности, за что побежденные провозгласили его благодетелем и почтили золотыми венками. Он отпустил без выкупа десять тысяч пленных, из земельных наделов оставил себе лишь самую южную часть бретийского полуострова до Истма между Кавлонией и Скиллетием. Жители разрушенной Кавлонии и завоеванного Гиппония были переведены в Сиракузы (388/387 гг.), где в первые пять лет получили освобождение от налогов. Сами поселения, а также завоеванный Скиллетий получили локрийцы; с городами, расположенными севернее, Дионисий заключил мир и признал их автономию.

Регий, изолированный со времен битвы на Эллепоре, видя свое все более безнадежное положение, попытался купить себе мир ценой выдачи флота, выплаты 300 талантов и передачи заложников. Напрасно, ибо Дионисий был полон решимости крепко держать в своих руках пролив и уничтожить ненавистного врага. Новым, невыполнимым налогом он вызвал его на решительную борьбу, которую регийцы вели 9 месяцев (387/386 гг.) с мужеством отчаяния, пока, наконец, остаток изголодавшегося населения не капитулировал. Свободу сохранили лишь те, кто смог уплатить

дорогой выкуп, все остальные попали в рабство. На месте разрушенного города тиран заложил себе увеселительный сад. Теперь он полностью овладел южной оконечностью Италии; на севере область Локр, которые он обогатил и тем самым сделал зависимыми от себя, простиралась вплоть до упомянутого перешейка, где было начато строительство так никогда и не законченной заградительной стены. Ведь отношения с городами союза италиотов даже после мира 388 года оставались весьма напряженными, причем с Тарентом меньше, чем с Метапонтом, который Дионисий напрасно пытался перетянуть на свою сторону, а также с Фурием и Кротонам. Но не только эти два города во время третьей карфагенской войны, по-видимому, были на стороне карфагенян, которые тогда восстанавливали Гиппонию, но и весь союз. Дионисий отреагировал на это нападением на Кротон, который он завоевал в 379 году. Он попытался также, впрочем, безуспешно, захватить Фурий с моря. Если тогда луканы вновь двинулись против греческих городов, то могло состояться возобновление союза с тираном. Они вместе разгромили союз италиотов, что привело к его распаду. Итальянская территория Дионисия, которая теперь включала Кротон и другие местности, исключала район для союзных Локр вместе с отведенными им местами, но фактически этот город находился в его подчинении. Вплоть до самой смерти тиран сохранял свои владения на италийской территории. С разбойничьими шайками в горах он, по-видимому, так и не смог справиться.

Осталось рассмотреть дальнюю часть владений Дионисия. Уже в первой половине 80-х годов, стремясь овладеть также и проливом Отранто и завоевать опорные пункты для своего флота, он заложил на иллирийском берегу южнее Скурати колонию Лисс (Алессио). Несколько лет спустя он поддержал иллирийцев, с которыми заключил союз, направив им войска, чтобы они восстановили на троне изгнанного молосского царя Алкета, который, видимо, был в тесных отношениях с тираном и особенно с его братом Лептином. Операция удалась, хотя вскоре иллирийцев отеснила Спарта. Расширению его позиций в Адриатике по-

служила также помощь, которую он оказал паросским колонистам на расположенном далеко на севере острове Фарос. Это произошло, предположительно, через эпарха (губернатора) колонии, основанной Дионисием на острове Исса (Лисса), которая, как и другие колонии властителя и большинство колоний тиранов, не обладала независимостью, а подчинилась наместнику. То же произошло и с городом Атрия в дельте По, которую Филист, когда ему пришлось покинуть Сицилию, захватил для Дионисия. Название предложенного им канала «Фосса Филистина» и позднее свидетельствовало о его деятельности в дельте По. Анкона, напротив, не подчинилась тирану. Если в предании сказано, что там осели сиракузские беженцы, то речь не может идти о находящейся во владении Дионисия колонии депортированных. Отношения с кельтами на севере Италии установились из Атрии как бы сама собой. С ними, завоевавшими несколько лет до этого Рим, тиран заключил союз; позднее в его армии появились и кельтские наемники. Дионисий совершал вылазки и в Тирренском море и воевал с этрусками, с которыми почти столетие назад воевал уже Гieron. Но не для того, чтобы захватить Этрурию, а чтобы накануне третьей карфагенской войны пополнить свои доходы. И действительно, ему удалось напасть на Пирги, гавань Агиллы, и похитить из святилища сокровищ примерно на 1500 талантов. Однако свои территориальные владения севернее территории луканов, за исключением Атрии, Дионисий так и не расширил, так же как и на Кирносе (Корнике).

Характер и форма тирании

Сиракузы

Если рассматривать характер и форму господства Дионисия, которое превзошло все властные образования, когда-либо основанные греческими тиранами, то нужно начинать с родоначальной клетке, полиса Сиракузы. По отношению к нему в течение всех 37 лет правления его положение

оставалось неизменным, то есть он оставался избранным стратегом-автократором, хотя фактически оно изменилось с тех пор, как он подавил два восстания, окружил себя лейб-гвардией, соорудил укрепленный замок и разоружил сиракузцев. Тем самым установилась тирания, и даже самовольное сохранение чрезвычайной должности после окончания первой карфагенской войны, из-за которой она была введена, было тираническим актом, так что Платон мог сказать с полным правом, что Дионисий злоупотребил даром, доставшимся ему в результате выборов. К тому же временное разоружение граждан лишило стратегию ее подлинного смысла. Дионисий, вопреки этому и несмотря на поддержку собственного наемного войска, в отличие от властителей прежних времен, не хотел отказываться от должности, поскольку сформировавшийся город-государство его времени представлял собой крепкий организм, руководить им в силу должности тирану начинавшегося IV века представлялось важнее, чем прежним владыкам, которые в еще примитивной общине могли выражать свою волю не прямо, а через доверенных людей; кроме того, для запланированного вытеснения с острова карфагенян нельзя было обойтись без командования сиракузским ополчением. Оно было вновь возрождено к жизни с началом великой войны, благодаря чему должность чрезвычайного военачальника вновь обрела свой смысл. Вопрос о том, достоин ли ее Дионисий, возникший в отчаянной ситуации 396 года, после мира 392 года больше не поднимался. Положение властителя было теперь настолько прочным, а должность за 13 лет стала настолько привычной, что больше никем не оспаривалась, несмотря на то, что последующие карфагенские войны, казалось, это оправдывают. Но война с карфагенянами была выгодна Дионисию и во внутривосточном отношении, хотя нельзя верить утверждению Тимея, что тиран ради укрепления своего положения не уничтожил вражескую силу. Тем не менее именно ненависти к пунийцам и воле к сопротивлению он был обязан не только своим подъемом, но и укреплением своего владычества. Даже его внутривосточные противники, учитывая войну с Карфагеном, не подчер-

кивали свою антипатию и способствовали укреплению тирании, сражаясь против варваров.

Нельзя избежать вопроса, в какой степени Дионисий действовал в силу своих чрезвычайных командных полномочий, а в какой — в силу своего положения тирана, хотя все это настолько переплетено, что разделение часто невозможно или исказило бы характер его правления. Без сомнения, в качестве стратега-автократора он осуществлял верховное военное руководство и назначение офицеров, а также обеспечивал вооружение, защитные укрепления и тому подобное. Далее, после решения народного собрания о войне он мог объявить призыв граждан, поднять (брать-таки по решению народа) военный налог, наемников для полиса и потребовать от союзников Сиракуз присылки войск. Кроме того, он обладал правом созыва и руководства народным собранием, с которым, очевидно, разговаривал с безопасного расстояния и с высокого постаментов. Нельзя точно сказать, какие вопросы, кроме названных, должен был выносить чрезвычайный стратег на народное собрание. Однако можно предположить, что это был прием вольноотпущенников и жителей завоеванных земель в городскую общину. Так же мало нам известно, продолжали ли в полисе функционировать архонты и совет и кто обеспечивал коммунальные нужды. Об этом можно судить лишь по определенным признакам и из соображений всеобщей очевидности, что сиракузская община, от лица которой чеканились монеты, продолжала существовать со своими гражданскими органами. Возможности воздействия стратега-автократора на все аспекты жизни города-государства были велики и возрастали тем больше, чем больше новых граждан по желанию Дионисия принимали в полис. Дело не только в том, что таким образом значительно возрастало процентное число его сторонников, но раздувание количества граждан, как это уже делал Гелон, практически почти исключало проявление собственной единой инициативы народного собрания. Кроме того, политический разум и воля у сиракузцев были выражены слабее, чем в Спарте или в Афинах. При всем этом Дионисий, мастерски умевший

обходиться с людьми, несмотря на проявляемую жесткость, умел завоевывать симпатии. По-видимому, многие меры, которые предания, основывающиеся на сочинениях Тимея, представляют как произвол, в действительности предлагались народному собранию и утверждались им. С другой стороны, необходимо учитывать вмешательство Дионисия в сиракузскую конституцию, поскольку он был не только стратегом-автократом, а одновременно и тираном.

Ни существование лейб-гвардии, ни резиденция в крепости, защищенной от города, ни продолжавшееся в течение многих лет разоружение граждан не имели отношения к должности стратега, так же как учреждение тайной полиции и использование осведомителей, что в свое время делал и Гиерон. Явным признаком тирании было то, что власть Дионисия в значительной степени была основана на наемных войсках, ибо не подлежит сомнению, что с момента установления тирании они находились на его службе, а не на службе полиса. Последнее могло относиться лишь к войскам, завербованным для войны с Карфагеном, поскольку эти бои велись также сиракузской общиной и ее ополчением. Именно наемники давали тирану возможность держать Сиракузы в постоянном страхе после того, как они помогли ему удержаться у власти во время великого восстания. Опираясь на них, он мог позволить себе вмешательство в общественную жизнь, должность стратега не давала такой возможности. Даже если то, что враждебно настроенное предание сообщает о его произволе, конфискациях и противозаконных казнях, является выдумкой, подобное не могло происходить только при подавлении мятежей. Нельзя также точно ответить на вопрос, считал ли себя Дионисий после двукратного вооруженного захвата Сиракуз владыкой города; на это указывает только кое-что в наших источниках. Как бы то ни было, во главе полиции он стоял не только как чрезвычайный стратег, но и как тиран, то есть властитель города, и это положение было определяющим. В сохранившейся записи договора с Афинами партнерами на Сицилии являются только Дионисий и его потомки, тогда как органы полиса Сиракузы яв-

ляются лишь свидетелями клятвы. Важные решения он принимал не после обращения к сиракузцам, а выслушав «совет друзей», который, не будучи узаконен государственным правом, является личным учреждением тирана. К сожалению, неизвестно, что из себя представлял собственный чиновный аппарат, которым должен был располагать тиран, учитывая хотя бы его финансы. Кроме тайной полиции упоминаются казначей и органы пограничного контроля. Как обычно при тирании, явно виден дуализм государственной и квазигосударственной организации. Этому соответствует и заявление спартамца Фаракида, что он послан на помощь сиракузцам и Дионисию.

Далее, рассмотрение ведения финансовых и военных дел показывает, насколько тесно были переплетены в Сиракузах вследствие названного двойственного положения Дионисия государственное и личное, легитимное и тираническое. В качестве чрезвычайного стратега он до высшей степени увеличил военный налог (эсфора); это, по данным Аристотеля, поглотило за пять лет все наличное состояние, что происходило, правда, недолгое время, в период подготовки к великой карфагенской войне. Одновременно эсфора значительно меньших размеров, в которую входил и иногда упоминаемый налог на скот, взималась длительное время. Это можно объяснить постоянной угрозой со стороны Карфагена, содержанием флота и строительством укреплений, но без давления тиранической власти собирать ее было бы невозможно. Прямой подоходный налог, который тиран мог бы взимать как господин и владыка города, не упоминается; по-видимому, он не наложил руку и на городские поступления и пошлины, хотя его частые финансовые затруднения и толкали к этому. Он пытался преодолеть их другим путем, будь то принудительные займы, использование опекунских денег, возврат которых был гарантирован сиротам, достигшим совершеннолетия, или какие-либо другие манипуляции. Что касается последнего, то почти анекдотические рассказы часто недостоверны. Впрочем, вполне вероятно, что он, будучи правителем полиса Сиракузы, как это некогда сделали в Эфесе, потребовал, чтобы женщины

сдали свои украшения; вполне вероятно также использование храмовых сокровищ, как это делалось в Афинах в случае нужды. Для преодоления постоянно возникающих финансовых трудностей Дионисий, после предварительного одобрения народным собранием, то есть в качестве стратега-автократора, чеканил вместо серебряных монет оловянные или медные с оловянным покрытием по минимальной стоимости серебра или серебряные монеты по двойной курсовой стоимости. Как и другие тираны, он не чеканил на монетах свое имя или изображение, они считались сиракузскими. Нельзя сказать точно, должны ли были состоятельные люди, кроме эфоры, взимавшейся очень строго, и разовых взносов на военные цели взять на себя еще и триерархию*. Выручка от военной добычи, включая доходы от продажи или выкупа пленных, а также контрибуция с побежденных противников, если победа достигалась участием гражданского ополчения, шла в городскую кассу Сиракуз.

Кроме вышеперечисленных доходов, которые Дионисий получал как стратег-автократор, были и такие, которые поступали к нему иными путями. Сюда входило все то, что приносили войны, которые он вел с помощью наемников на свой страх и риск, например, сокровища, захваченные им в храмах Кротона и Агиллы, но не те, что он приказал отдать союзным с Сиракузами локрийцам. Вероятно (но не доказано), жители покоренных городов платили ему налоги. Скорее всего, основу его состояния составило вначале конфискованное имущество его противников в Сиракузах, особенно убитых или изгнанных олигархов; кроме того, позже вблизи города у тирана были обширные угодья. Большие средства, получаемые в последующие десятилетия от походов, он в основном использовал на военные цели, а именно, как свидетельствует надежный источник, не только на оплату наемников и финансирование собственных войн, но и при крупных столкновениях с Карфагеном, когда он исполнял обязанности стратега-автократора. Поэтому нельзя

* Строительство флота (Триер).

четко отделить деньги тирана от тех, которыми он распоряжался как уполномоченный военачальник, ни в доходной, ни в расходной части. Многое — как, например, оплату лейб-гвардии и наемного войска, содержание весьма скромного двора и подарки своему окружению, расходы на замки и парки, а также на пожертвования в Дельфы и Олимпию, наконец, на подкуп — властитель финансировал из собственных средств. Огромные затраты пришлось на благоустройство Сиракуз, что сделало их одним из прекраснейших городов греческого мира: величественные храмы, великолепный крытый рынок, широкие улицы, гимнасии и солнечные часы, видные издали. На оплату многого другого, как, например, гражданского ополчения и дополнительно на вербованных наемников во время карфагенской войны, грандиозной подготовки к ней, колоссальных укреплений Сиракуз, складов и арсеналов, шли суммы из эфоры. Остается открытым вопрос финансирования флота, укрытия для кораблей которого находились на территории крепости тирана, а команда во второй карфагенской войне формировалась из граждан и наемников. В предании сказано, что для его увеличения сиракузцы должны были платить специальный налог, однако Дионисий, по-видимому, и здесь доплачивал из своих средств. На его счет, разумеется, относились расходы, необходимые в подвластных тирану областях, например, для заградительной стены в Южной Италии или для сооружения поселений на Адриатике; но, с другой стороны, в его распоряжении оставались и доходы от его личных владений, в италийской части которых он, очевидно, продолжал чеканить монеты с прежними эмблемами Регия.

Двойственное положение Дионисия как стратега-автократора и тирана сказывалось также и в военном деле. В силу своей должности военачальника он после предварительного решения народного собрания мог объявлять призыв в гражданское ополчение Сиракуз, которое находилось под его командованием, что, впрочем, после установления тирании произошло лишь после начала войны с Карфагеном и его союзниками. Даже в период с 404 по 398 год

граждане, по-видимому, были разоружены. Однако после окончания боевых действий (392 год), несмотря на определенную оппозицию во время войны, они еще долго оставались при оружии. Учитывая большие внешнеполитические успехи и подавляющий перевес властителя, восстания можно было больше не опасаться. В последующее время Дионисий даже отважился привлечь гражданское ополчение для акций, которые не были рассмотрены и одобрены народным собранием. К сожалению, невозможно определить численность гражданского ополчения, пополненного новыми гражданами, поскольку в сохранившихся данных учитывались также несиракузские войска, и эти данные, по крайней мере частично, преувеличены. Так, тиран якобы оставил своему сыну войско в 110—130 тысяч человек и 400 военных судов, тогда как для его войн назывались значительно меньшие цифры. Что касается наемников, то в 405 году они находились на службе полиса Сиракуз, однако тиран вскоре переподчинил их себе. После установления тирании, по-видимому, наемники опять вербовались на средства полиса, однако в общем можно предположить, что после разоружения граждан именно Дионисий содержал наемное войско из своих средств и в своих интересах. Оно составлялось из самых разнообразных и сменяемых элементов, так что можно было не опасаться единодушного возмущения. Наряду с потерявшими родину жителями городов, разрушенных пунийцами, вольноотпущенниками, а также пролетаризированными сиракузцами здесь были и люди с перенаселенного Пелопоннеса, но прежде всего представители варварских народностей: кампанцы, кельты, иберийцы, ливийцы, все вооруженные по обычаям своего народа. Разумеется, превосходство этих вышколенных сил над призывавшимся только в случае необходимости ополчением греческих и негреческих общин было очевидным. Дионисий рьяно заботился об обеспечении этих наемников, на которых не в последнюю очередь держалась его власть. Он награждал их за особые успехи, по возможности избегал сокращения оплаты, разрешал грабеж и предоставлял им богатую добычу, хотя, если она была слишком велика, какую-то часть

отбирал себе. Тем не менее иногда случались конфликты с этими необузданными ордами, а при особо тяжелом финансовом положении возникали трудности с расчетом. Когда тиран в 396 году вместо денег предоставил десяти тысячам наемников обезлюдившие Леонтины с прилегающими землями, а четыре года спустя поселил других наемников в Тавромении, как он уже делал в 403 году с кампанскими наемниками в Катане, то, вознаграждая их, он одновременно обеспечивал охрану подвластных территорий. Здесь возникли военные колонии, мужское население которых при необходимости можно было призвать к оружию. Во всех важных точках подвластных территорий были размещены гарнизоны наемников. Но и по ту сторону границы Дионисий использовал свои наемные войска, если речь шла о помощи союзным государствам, например, спартамцам. Уже упоминалось, что флот, насчитывавший с 397 года более 300 единиц, в великой карфагенской войне и после нее был укомплектован наполовину гражданами, наполовину наемниками.

Шла речь о гражданском ополчении или наемниках, в любом случае главнокомандующим был Дионисий, он также назначал офицеров в обе группы войск. Лично командуя сухопутными войсками, для руководства флотом, видимо, по спартанскому образцу он ввел должность наварха и назначал на нее кого-либо из членов своей семьи: вначале своего брата Лептина, пока тот не впал в немилость, затем другого брата, Феарида, а после его смерти (около 370 года), вероятно, своего племянника и зятя Диона. Среди комендантов населенных пунктов самый важный пост, в Сиракузах, много лет занимал его друг и помощник Филист, пока тоже не павлек на себя гнев правителя. О контингентах подвластных областей в период полного формирования владения (с 392 года) и без того необычайно скудное предание полностью умалчивает, так что можно сомневаться, требовал ли Дионисий их участия в своих войнах или же довольствовался материальной поддержкой. Союзные войска в великой карфагенской войне, которыми, возможно, командовали их собственные военачальники, прибывали из

греческих городов, стряхнувших иго карфагенян, а также от формально независимых общин сиколов и сиканов; в борьбе против Регия и других южноиталийских городов — предположительно из Локр, тогда как также принадлежавшие к союзу луканы выступали не под командованием Дионисия, а проводили операции на своем фронте самостоятельно. Дальними союзниками были спартапцы, которые, по-видимому, ограничивались присылкой офицеров; в 90-е годы союзниками были также, пусть и на определенных условиях, коринфяне — от них поступали суда; далее, царь молосцев Алкет, иллирийцы и кельты, причем последние позволяли вербовать в своей стране наемников.

Величайшее организационное достижение тирана в военной области, без сомнения, превращение Сикаруз в гигантскую крепость, руины которой и сегодня повергают в удивление. Все это было осуществлено в основном с 402 до 398 год, причем так, что вначале на северной стороне Эпипольского плоскогорья западнее так называемого Гексапиллона (ныне Скала Грека) была сооружена не слишком высокая, но толстая стена из тщательно обработанных блоков. Мощные башни усиливали защиту. У нас сохранилось впечатляющее описание возведения этой постройки ее свидетеля Филлеста. Согласно ему, Дионисий в качестве стратега-автократора пригласил вначале много архитекторов, затем созвал в город сельское население и выбрал из него шесть тысяч пригодных рабочих, часть которых занималась обработкой камня, а часть была распределена по отдельным участкам стройки, по 200 человек примерно на 30 метров. Шесть тысяч воловьих упряжек подвозили материал. Каждым из указанных отрезков руководил мастер-строитель (ойкодом), верховный надзор над пятью участками осуществлял архитектор, и соответственно этому между архитекторами, строителями и рабочими распределялись премии за особо хорошую и быструю работу. Уже у некоторых прежних тиранов было заметно сознательное поощрение творческой энергии, соответствовавшее динамичному и в то же время рациональному духу этих людей

действия. Дионисий же не только проводил много времени с друзьями на стройке, но в самых тяжелых местах тоже прикладывал руку, невзирая на свое положение и физическое напряжение; невольно напрашивается сравнение с современным стремлением к повышению производительности труда, тем более что у него было влечение к техническому прогрессу. За двадцать дней благодаря единственной в своем роде организации труда и страстному пылу тирана была закончена северная стена длиной 4,5 км, за которой в последующие годы выросли другие ее отрезки, пока не образовалось кольцо длиной 27 км, в которое вошли также расположенные глубже части города и окрестностей. На севере расположенные шестью уступами ворота (Гексапиллон) обеспечивали доступ в огромный укрепленный район, лишь частично застроенный домами. На западной оконечности возвышался укрепленный замок Эвриал, фортификационные сооружения которого, видные и сегодня, возможно, были возведены позднее.

Об изготовлении оружия для войны с Карфагеном Дионисий также побеспокоился сам: были приглашены ремесленники не только из подвластных ему областей, но и из цунийской области, Италии и Греции, и это стало еще одним блестящим проявлением его организаторских способностей. Было изготовлено четырнадцать тысяч превосходных панцирей для всадников, офицеров пеших войск и лейб-гвардии, вдесятеро больше щитов, шлемов и мечей для прочих войск. Впервые в греческой военной истории была сконструирована катапульта для осадной войны. При Мотии, Регии и в других местах Дионисий показал себя мастером использования новой военной техники. К тому времени в Сиракузах уже были созданы арсеналы и зернохранилища, но прежде всего большой военный флот. К ста десяти имевшимся судам, которые стратег-автократор велел усовершенствовать, прибавилось еще сто единиц, среди которых, кроме обычных триер, были четырех- и пятирусные суда (тетеры и пентеры). Флот укрывался в ста пятидесяти специальных укрытиях, вмещавших по два суд-

на. Уже одно добывание необходимого строевого леса на Этне и в лесистых горах вблизи союзных Локр, не говоря о самой постройке судов, свидетельствует об организации, не уступавшей организации строительства укреплений.

Судя по тому, с какой энергией Дионисий занимался военным производством и техническими усовершенствованиями, видно, что он вообще имел склонность к хозяйственной деятельности. К сожалению, предание сохранило об этом очень мало сведений. Так, нам лишь случайно стало известно, что одному спекулянту, который сосредоточил в своих руках всю торговлю железом и тем самым нанес ущерб военной экономике, он оставил его прибыли, но запретил дальнейшее пребывание в Сиракузах; в другом случае он потребовал, чтобы деньги не прятались в кубышку, а расходовались. Понятно, что в период правления тирана некоторые люди сильно обогатились, однако не могли быть уверены в сохранении своего богатства при существующих обстоятельствах. Можно не сомневаться, что сиракузские мануфактуры переживали значительный подъем. Уже одно привлечение чужих ремесленников, часть которых наверняка надолго осела в Сиракузах, должно было значительно оживить экономику, но в первую очередь — огромное количество заказов, иногда нового типа, в рамках гигантской кампании вооружения и гражданского строительства. В силу этого немалая часть населения города была обязана тирану своим благосостоянием. В первую очередь — низшие слои, но и владельцы ремесленных мастерских, а также судовладельцы, крупные торговцы, которым расширение владений Дионисия до севера Адриатики открывало новые экономические перспективы, извлекали из его больших начинаний значительные прибыли. Эти материальные выгоды, плоды которых пожинали широкие круги сиракузских граждан, в эпоху превалирования частновладельческих интересов обуславливали с конца 90-х годов достаточно лояльное отношение населения к деспотичному правлению этого энергичного человека, несмотря на политические притеснения и тяжелый налоговый пресс.

Прочие подвластные области

Если положение Дионисия по отношению к сиракузцам было двойственным в том плане, что он правил полисом и в силу своих полномочий стратега, и в силу своей власти тирана, то другие области его господства как на Сицилии, так и в Италии и на побережье Адриатики являют однозначную картину территориальной монархии, при которой отдельные общины сохраняют лишь некоторую коммунальную самостоятельность. Исключение составляли только город сикулов Агригон, владыка которого сохранил верность в великой карфагенской войне, и Локры, издавна связанные с Сиракузами и преданные тирану; оба они фактически были ему подвластны, однако формально оставались союзниками. Все прочие города некарфагенской Сицилии, проживали ли в них греки или сикулы, с 392 года формально были подвластны Дионисию, как и прочие местности вне острова с момента их завоевания. Это неоспоримо подтверждают свидетельства современников; охрана некоторых поселений гарнизонами или колониями наемников, свободное распоряжение тирана жителями и территориями, а также тот факт, что свержение младшего Дионисия произошло под лозунгом освобождения городов Сицилии, не оставляют в этом сомнения. При этом продолжали действовать конституции отдельных полисов. Когда Платон говорит о том, что Дионисий собрал всю Сицилию в один полис, то он имеет в виду только единство правления из резиденции властителя, а не основание гигантского полиса, охватывающего большую часть острова. Еще более метко характеризует ситуацию Исократ, который подобно Феопомпу называет Дионисия тираном полностью поработенной Сицилии; оратор Лисий на Олимпийских играх 388 года призывал к освобождению Сицилии от владычества тирана. Это владычество уже перед миром 392 года, когда карфагеняне передали Дионисию большую часть острова, казалось настолько обширным, что афиняне в чествовании 394/393 гг. назвали его архонтом (владыкой) Сицилии. Это титулование, как прежде и у Гелона, можно считать

самым подходящим, учитывая, что старались избежать слова «тиран». Если в чествовании характер и форму этого правления можно было не уточнять, то сохранившийся дословный текст договора о союзе, заключенного между тираном и Афирами в 368/367 гг., показывает, что подобные соглашения на всю подвластную территорию мог заключить только Дионисий. Формула гласит: «Дионисий и его потомки», о союзниках нет и речи, а органы полиса Сиракузы присутствуют лишь как свидетели клятвы, но не партнеры по соглашению. И во внутри-, и внешнеполитических делах Дионисий проявляет себя как абсолютный монарх, который, впрочем, оставляет подвластным городам скромную автономию в коммунальных делах, так что сам он может ограничиться контролем и охраной военной безопасности, однако единство целого воплощается в его персоне и только в ней.

Установление подобного владычества обеспечивала прежде всего оборонительная борьба с карфагенянами: ее требованиям Дионисий был обязан своим подъемом и успехи в ней позволяли ему выглядеть спасителем сицилийских греков от пунийского порабощения. Уже Платон прославлял его в этом качестве, Исократ в начале 60-х годов пытался сделать его сторонником панэллинских идей, обращаясь с просьбой к человеку, который избавил эллинов запада от варваров, позаботиться теперь о греках метрополии перед персидской угрозой. Не подлежит сомнению, что в великой карфагенской войне сам Дионисий хотел видеть себя в лучах панэллинской славы, но историк обязан спросить, заслужил ли он ее в действительности. В борьбе с южноиталийскими греками он не остановился перед союзом с варварами, привлекал их в качестве наемников и частично расселял в Сицилии, причем на месте старых греческих городов. Если вспомнить далее, что бывшие рабы зачислялись в войска или иногда вступали в брак со свободными, тогда как, с другой стороны, многие регийцы были обращены в рабство, то от уважения эллинского народа мало что останется. Скорее, можно говорить об определенной варваризации подвластной тирану части Сицилии, тем более что и двадцать лет спустя после

его смерти большинство городов острова изнемогало под засильем варваров или безработных наемников. В гораздо большей степени, чем позднее для Александра, учитывая такое поведение, панэллинский лозунг был для Дионисия преимущественно средством для достижения цели, обольстительной личиной, покровом, которым он облекал свои завоевательные и тираннические устремления. Уничтоженные греческие колонии — Камарина, Паксос, Катана, Регий, Кавлония и Гиппоний — могут лишь подтвердить это, как и ослабление союза италиотов по сравнению с родами из глубины страны, а также отсутствие заботы о восстановлении разрушенных карфагенянами поселений на Сицилии. Людей там не хватало еще в середине века, ибо тогда как пунийцы все же разрешали прежним жителям возвращаться при определенных обстоятельствах, чем пользовались, впрочем, немногие, то Дионисий, подчинив себе город, ничего не делал для его возрождения, очевидно, вполне осознано. Ведь если бы они вновь окрепли, их местный патриотизм ослаблял бы зависимость и угрожал господству тирана. Измена поселенных им в Тиндаре мессенцев в великой карфагенской войне показала ему, чего в таком случае можно было ожидать от городов южного побережья. Эллинские полисы на острове владели жалкое существование, они больше не чеканили монету, кроме резиденции Сиракуз, и их жители могли бы задать себе вопрос: что они выиграли «освобождением» от карфагенского ига? Они теперь находились на той же ступени, что и большинство сикулов, были верноподданными властителя и, по всей видимости, платили ему налоги. Такое приравнивание греков и негреков бросает характерный свет на панэллинский лозунг Дионисия, пусть даже одновременно с этим оказывалось косвенное содействие эллинизации поселений сикулов.

Отношение к греческой метрополии

Если о столкновениях с карфагенянами и италиотами, а также об отношениях с иллирийцами и царем молоссов, с кельтами и этрусками речь уже шла при описании расши-

рения господства Дионисия, то его отношение к городам метрополии заслуживает отдельного рассмотрения. С начала своего подъема тиран находился в хороших отношениях с лакедемонянами, лишь иногда омрачавшихся. Уже в 403 году, желая расположить к себе преемника их бывшего друга Гермocrates, возможно, по совету Лисандра, в дружбе с которым Дионисий был заинтересован, они послали Ариста — он устранил коринфянина Никотела и тем самым внес немалый вклад в укрепление тирании. Через некоторое время Лисандр сам прибыл в качестве посланника, и большой кризис 396 года был преодолен с помощью спартаца Фаракида, явившегося во главе 30 триер, после того как лакедемоняне уже оказали помощь в карфагенской войне, разрешив вербовку наемников в своей области. То, что Дионисий послал одного вожака восставших наемников в Спарту для наказания и при новом заселении Мессаны считался со своим союзником, показывает, насколько ценен он для него был. На Эвроте, с другой стороны, где теперь также доминировал дух политики силы, в поддержке тирана больше не находили ничего предосудительного. Напрасно афиняне пытались перетянуть Дионисия на свою сторону после его большого успеха в карфагенской войне. Ни решение о чествовании тирана и его ближайших родственников (394/393 гг.), ни переданное афинским посольством предложение породниться с кипрским правителем Эвагором не принесли результата, хотя Дионисий, когда Спарта находилась в тяжелом положении, промедлил с оказанием помощи, поскольку война с пунийцами требовала всех его сил (393/392 гг.). В Афинах его тогда заклеили как тирана, а комедиографы Филоксен в своем «Киклопе» (389 год) и Аристофан в «Плутоне» (388 год) поливали его насмешками. Еще резче озлобленность проявилась во время Олимпийских игр (388 год), на которые Дионисий послал много квадров, затем певцов для исполнения им самим сочиненных стихов и блестящее праздничное посольство во главе со своим братом Феаридом. Его представление было отклонено самым неприятным образом. Афинский метек Лисий, сын сиракузца, сумел настолько настроить участников

праздника панэллинскими лозунгами против персидского царя и западного тирана, что на шатер Дионисия набросились и оскорбили его посланцев. Политическим следствием этой демонстрации было то, что тиран стал еще больше держаться за союз со Спартой. После посещения лакедемонского посланника Пойлия он в 387 году послал двадцать кораблей под руководством Поликсена, которые внесли существенный вклад в заключение столь выгодного для Спарты царского мира.

Естественно, отношения с Коринфом — метрополией Сиракуз были более сложными, чем со Спартой. В Коринфе, с одной стороны, ненавидели тиранию, но с другой — не хотели, чтобы колония попала в руки Карфагена. Так, коринфяне, несмотря на устранение их земляка Никотела (404/403 гг.), выступавшего против тирании, послали в Сиракузы войска на помощь в обороне от пунийцев в тяжелой ситуации 396 года, и, видимо, Дионисий впоследствии выразил за это свою признательность, хотя скудное предание не дает более точных сведений. Напротив, нам известно о помощи Спарты в третьей карфагенской войне, а также о полемическом сочинении, которое Дионисий опубликовал через сиракузца Аристотеля, направленном против прославляющего Афины «Панегирика» Исократ. Такое взаимное согласие со Спартой не было омрачено даже ее вмешательством в Эпире, где лакедемоняне изгнали союзных тирану иллирийцев. Напротив, он послал им для борьбы с Афинами, выступавшими за демос Керкиры, эскадру, которая была захвачена аттическим стратегом Ификратом (373/372 гг.) вместе с жертвенными дарами для Дельф и Олимпии. То, что он в 70-е годы собирался вместе с персом поделить предварительно завоеванную Грецию — явно лишь злонамеренная выдумка его противников, скорее всего афинян. Для Дионисия имело значение лишь укрепление Спарты, союзником которой он оставался и после катастрофы при Левстрах. Поскольку он хотел быть представленным на конгрессе, предшествовавшей битве, и, видимо, на следующем, состоявшемся в Афинах после битвы, то летом 369 года пошел более двух тысяч человек с жалованьем на 5 месяцев,

а на следующий год, несмотря на начало четвертой карфагенской войны, послал на Пелопоннес еще один вспомогательный корпус. Тем временем в Элладе совместная оппозиция Фивам, ставшим слишком могущественными, сблизила афинян и спартанцев, так что больше ничто не препятствовало союзу Дионисия с Афинами, которые настоятельно желали этого, учитывая беотийскую опасность. Благоприятную атмосферу должны были создать решения о чествовании, присвоение аттического гражданства властителю вместе с его сыновьями и потомками, а также признание первой премии за его трагедию «Смерть Гектора», которая была представлена на празднике 367 года. И действительно, в марте того же года был заключен союзный договор, правда, он не имел практического значения, поскольку тиран вскоре после этого умер. Сомнительно, чтобы он старался вместе со Спартой и Афинами начать широкомасштабную борьбу против Беотии и таким образом обеспечить себе в метрополии место третейского судьи или вообще доминирующую позицию, что советовал ему Исократ. Прежде всего перед лицом новой карфагенской войны подобное было просто неосуществимо. Кроме того, насколько нам известно, до тех пор Дионисий не сделал ничего, что можно было бы истолковать как попытку распространения своей власти на Элладу. Утверждение враждебных источников, что он хотел разграбить Дельфийское святилище, которое, наоборот, поддерживал богатыми дарами и содействием в строительстве храма, не заслуживает никакого доверия.

Семья и двор

Дионисий не мог проводить династическую политику породнения с другими монархами, поскольку, если не считать Эпира, греческие цари или тираны были лишь восточнее метрополии. Однако так далеко его интересы не распространялись, поэтому для него не составляло труда отложить предложенный Афинами его союз с Эвагором на

Кипре, которым он, кроме всего прочего, мог вызвать недовольство Спарты. Тем сильнее его донимали династические помыслы в сфере своего господства. Это ясно видно уже со времен его возвышения. Первый брак с дочерью Гермократа должен был обеспечить ему доступ в благородное общество Сиракуз, что, впрочем, не удалось, а стало причиной насильственной смерти его супруги. Свадьба к региянке имело целью заключение союза с ее родным городом. Получив отказ, Дионисий вступил в брак с Дорис из южноиталийских Локр, благодаря чему лично привязал к себе город, у которого и раньше были хорошие отношения с Сиракузами. В тот же день, как гласит предание, он заключил брак и с Аристомарой, дочерью своего знатного помощника Гиппарина (около 398 года). Этот брак оставался бездетным, а Дорис, которой приходилось нелегко в чужом городе, родила ему сына, младшего Дионисия, затем еще одного, Гермокрита, и дочь Дикеосину. Однако позже и Аристомара родила двух сыновей, названных Гиппарином, в честь деда, и Нисеем, и двух дочерей, Арету и Софросину. Примечательно, что все три девочки были выданы замуж внутри семьи: Дикеосина вышла замуж за брата тирана, Лептина, у которого уже было две дочери от первого брака, Арета — за Феарида, также брата своего отца, а позднее, после смерти супруга (около 370 года), за Диона, сына старшего Гиппарина и брата Аристомары, который так же, как и пять его братьев и сестер, после ранней смерти своего отца, находился под опекуном Дионисия. Софросина в конце концов вышла замуж за своего сводного брата, младшего Дионисия. Сестра тирана Феста уже в 405/404 гг. получила в мужья Поликсена, брата первой жены Дионисия. Намерения этой матримониальной политики яснее нечего: никакая другая семья не должна была достигнуть этого уровня, дом владыки должен был независимо возвышаться над всеми знатными сиракузскими семьями. Когда Лептин одну из своих дочерей от первого брака отдал в жены Феаисту, то навлек на себя немилость тирана, хотя супруг был в числе самых верных и способных его помощников.

Выбор помощников из родственного круга соответствовал практике греческой тирании. Так, *Лептин*, названный в аттическом декрете о чествовании 394/393 гг. наряду со своими братьями Дионисием и Феаридом, командовал в великой карфагенской войне флотом и, несмотря на поражение при Катапе, сохранил свое положение. Любовь народа к нему, видимо, вызывала недоверие тирана и побудила его использовать Лептина лишь за пределами Сиракуз. Однако Лептин, вызвавший неудовольствие тирана самовольным браком его дочери с Филистом, был отстранен от командования флотом лишь тогда, когда перечеркнул политику брата установлением мира между луканами и фурийцами (389 год). Но поскольку он нашел убежище в Фурии, тирану показалось правильнее призвать его назад и женитьбой на Дикеосине вновь привязать к себе. Лептин принимал участие в третьей карфагенской войне и пал в битве под Кронионом. С *Феаридом*, вторым братом, ставшим командующим флотом после отстранения Лептина, у него, по-видимому, не было разногласий; напротив, зять *Поликсен*, который в 387 году привел вспомогательную эскадру в Эгейское море и еще до того благодаря своему влиятельному положению чествовался афинянами вместе с Дионисием и его братьями, в один прекрасный день рассорился с тестем и бежал с Сицилии. Мужество, с которым его супруга Феста, невзирая ни на что, приняла его сторону, спешкало ей уважение сиракузцев до глубокой старости и, кажется, произвело впечатление и на ее брата. Наконец, *Филист*, помогавший Дионисию еще в государственном перевороте, до 80-х годов был не только комендантом Сиракуз, но и одной из самых надежных опор тирании. Однако потом он, как и Лептин, самовольно покинул страну, предположительно из-за разрыва с Дионисием вследствие самовольной женитьбы. По-видимому, полного примирения с ним — в отличие от Лептина — не последовало, однако ему доверялись важные задачи на Адриатике, особенно связанные с расширением поселений в дельте По. Очевидно, там он начал писать свое самое значительное историческое сочинение о Дионисии, в котором прославил

его деяния. Убежденным сторонником и защитником тирании Филист проявил себя и при младшем Дионисии, который сразу же после своего прихода к власти призвал его к себе.

Даже если не обращать внимания на тенденциозные рассказы о том, что тиран, прежде чем войти в супружескую спальню, всегда приказывал ее обыскать, все же нельзя отрицать, что Дионисий относился к своим родственникам и ближайшим друзьям с тайным недоверием и не терпел самостоятельных действий. Гелорий, Лептин, Поликсен и Филист испытали это на себе. Он с недоверием относился даже к своему старшему сыну, родившемуся в 396 году *Дионисию младшему*. Он не старался подготовить из него наследника, привлекая к государственным делам, а предоставил его личным интересам и занятиям. Напротив, *Дион*, шурин и позднее зять тирана, пользовался его милостью и доверием в полной мере. Облеченный важными дипломатическими миссиями, возможно, даже назначенный командующим флотом как преемник Феарида, он был уполномочен без предварительного разрешения производить платежи из каассы властителя. То, что он находился под влиянием Платона и его учения, не вызывало неприятия Дионисия, насколько он вообще воспринимал это серьезно, тем более что он старался представить жизнь при дворе относительно свободной.

О дворе тирана, к которому кроме многочисленных родственников принадлежал также круг «друзей», образовавшийся своего рода государственный совет, нам известно мало. Образ жизни самого Дионисия был умеренным, но как всякий выскочка он придавал большое значение демонстрации своего могущества. Перед общественностью он появлялся в сопровождении своей лейб-гвардии, а в особо торжественных случаях — в пурпурном одеянии и с золотым венком на голове, а также другими атрибутами облачения, напоминавшими театральный костюм царя. Упоминается своего рода государственная карета — экипаж Дионисия, запряженный четырьмя белыми лошадьми. Такие праздники, как его бракосочетание с Дорис и Аристомахой, давали

ему повод для праздничного угощения войск и большой части граждан. Но особый блеск его двору придавало привлечение выдающихся представителей духовной жизни метрополии. Еще до 402 года прибыл аттический оратор Андокид, но, по-видимому, был плохо принят Дионисием. От большинства авторов, которые были настроены враждебно к тирану и старались выискать что-либо преимущественно анекдотическое для рассказа о нем, мы меньше узнаем об общении и обмене мнениями с властителем, чем о конфликтах. То, что знаменитый автор дифирамбов Филоксен из Киферы, пребывавший вначале в фаворе, из творческой ревности был брошен Дионисием в темницу и там создал «Киклон», одно из своих лучших творений, является, безусловно, выдумкой, но поэт, кажется, действительно вызвал неудовольствие своего хозяина и в произведении, представленном в Афинах в 389 году, высмеял тирана в мифологическом образе. Что же послужило поводом для казни трагика Антифона (ее факт подтверждает Аристотель) остается неизвестным. Общение со вспыльчивым и обидчивым властителем, очевидно, не переносившим возражений, было тяжелым и небезопасным. Он прислушивался к лестцам, и лишь тот, кто умел приспособливаться, мог с ним поладить на какое-то время. Людьми такого рода были местный автор пантомим Ксенарх, высмеивавший ненавистных тирану регийцев как трусов, и Аристини, основатель гедонистического направления в философии. Он, от кого Дионисию не приходилось ожидать никаких неприятных политических или моральных поучений, явно пользовался его милостью и отвечал на нее, посвятив ему свое произведение по ливийской истории и трактаты. Тиран мог вести с ним серьезные и глубокие философские беседы. И хотя ему особенно была близка поэзия, о чем речь впереди, все же он был открыт и для современных ему философских течений, если их представители не выступали принципиально против его владычества и действий.

Последнее относится прежде всего к Платону и его пребыванию в Сиракузах (388 год). От Дионисия к нему не поступало никакого приглашения, скорее, он явился по

собственной инициативе, чтобы ознакомиться со ставшей притчей во языцех счастливой жизнью на богатом острове и получить непосредственное впечатление от пребывания во владениях знаменитого тирана. Тогда 21-летний Дион был совершенно захвачен его личностью и учением; это для обоих через два десятилетия сказалось большими последствиями и дало повод старому философу назвать свой первый приезд в Сиракузы велением судьбы. Если верить преданию, то Платон был принят Дионисием по просьбе Диона. Однако беседа, хотя о содержании ее много напридумано (кстати, сам Платон о ней умалчивает), не привела ни к какому результату. Да и как могло возникнуть согласие между философом, мечтавшим построить новый порядок жизни полиса на основе духовных и моральных ценностей, и беззастенчивым человеком власти, который в сфере своего господства подвергал полисы насилию, а то и вообще уничтожал? Да, для Дионисия было нежелательно дальнейшее пребывание Платона в Сиракузах, поскольку тот своим нескрываемым отрицанием тирании мог оказать слишком большое влияние на умы. Поэтому, когда возвращение спартанского посланника Поллия в Грецию предоставило благоприятную возможность, он с должным уважением, но и твердой настойчивостью отправил неудобного гостя обратно. Поллий довез Платона до Эгины и там либо сам продал его в рабство, либо допустил, что эгинцы превратили гражданина враждебных им Афин в раба; правда, через короткое время его вызволили аттические друзья. Когда позднее античные писатели, друзья философа и враги тирана, продолжали утверждать, что Дионисий сам побудил спартанца продать своего спутника, то в этом нельзя видеть ничего кроме тенденциозной выдумки. Что должно было его подвигнуть на такую ненужную жестокость? С другой стороны, между этими людьми в течение двух последующих десятилетий не было никаких связей. Картина тирании в «Государстве» Платона в некоторых чертах могла включать определенные воспоминания о пребывании в Сиракузах, но является слишком общей, чтобы считаться изображением господства Дионисия.

Личность и деяния

Предание, в основном настроенное антитиранически, не дает возможности справедливо оценить личность и деяния Дионисия, ставшего впоследствии больше любого его современника олицетворением тирана в худшем смысле этого слова. О его внешнем облике нам известно лишь, что он был большим и сильным, рыжеватым и веснушчатым; изображения, существовавшие еще во времена Цицерона, до нас не дошли. Не подлежит сомнению, что он в боях доказывал личную смелость и, исполненный властолюбия, не остановился бы ни перед каким кровавым преступлением, если бы речь шла об утверждении или распространении его власти. Как страшно он умел мстить, показывает его жестокое обращение с регийцами и мучительная казнь их военачальника. Вообще, преувеличенная недоверчивость и почти патологическая подозрительность — дежурный признак, придаваемый образу античного тирана, но Дионисию эти черты, видимо, были действительно присущи. Рассказывали же современники, что он боялся даже бритвы брадобрея и поэтому бороду ему брили его несовершеннолетние дочери. Ощущение постоянной угрозы иллюстрирует также анекдот о придворном Дамокле, превозносившем счастье тирана; тогда Дионисий предложил ему все удовольствия, но одновременно приказал подвесить над его затылком меч на тонком волоске, чтобы продемонстрировать ему, как в действительности обстоит дело с его счастьем. Тиран вполне отдавал себе отчет в том, что он окружен завистью и ненавистью; что его сторонники присоединились к нему по большей части из корыстолюбия, и, подобно другим, постепенно впал в глубокую мезантропию. «Дионисий, который от слишком большого ума никому не доверял, не мог удержаться, потому что ему не хватало верных друзей», — говорит Платон в воспоминаниях о том, что он видел в Сиракузах во время своего посещения. Даже с членами семьи, как мы видели, доходило до тяжелых конфликтов, и тиран до самого последнего времени старался — вероятно,

из подозрительности — не привлекать будущих наследников власти к правлению. Общеизвестная благодаря шиллеровской «Поруке» история о дружеской верности пифагорийцев Дамона и Финтия, в союзе которых Дионисий хотел участвовать, показывает, насколько болезненно он ощущал свое одиночество.

Дионисий изводил себя постоянным беспокойством в стараниях укрепить и приумножить свою власть, частью под давлением обстоятельств, но прежде всего из-за демона в его груди. Покой был для него непереносимым состоянием. Фанатик действия, он по возможности хотел все делать сам и лично следил за исполнением своих приказаний. Угрызения совести современнику Алкивиада, Лисандра и Крития были еще более чужды, чем прежним тиранам. «Детей обманывают игральными костями, а мужчин — клятвами», — высказался он однажды, и действительно, то коварство, с которым он довел регийцев до отчаянной борьбы, соответствует этим словам. Однако утверждение, что он сознательно поощрял нравственное разложение своих поданных, вряд ли заслуживает доверия, как бы деморализующе тирания ни воздействовала на некоторых. Подлинной религиозности от Дионисия с насковзь рациональным духом нечего было и ожидать. Он принимал религию как условность и отдавал ей должное тем, что в его дворце герольд регулярно произносил молитву о прочности его власти, он строил храмы и постоянно посылал жертвенные дары в Дельфы и Олимпию. Но все это должно было больше служить его славе, чем богам; он не остановился перед тем, чтобы силой изъять храмовые сокровища из Кротона и Агиллы, конфисковать их в свою пользу даже в союзных Локрах, как он это уже делал в Сиракузах, правда, как стратег-автократор, с тем оправданием, что это было необходимо для подготовки к карфагенской войне. Несмотря на все преувеличения во враждебной тирани традиции, все же создается впечатление, что он был свободен от религиозных предрассудков и даже относился к ним с известным цинизмом.

Тираны прежних времен нередко наслаждались своим богатством. Дионисий, напротив, был сам весьма невзыскательным и не выказывал особого стремления к пиришествам, обильным угощениям или любовным приключениям. Все анекдотические рассказы о его педерастических наклонностях или внебрачных отношениях с женщинами не заслуживают доверия; скорее, можно поверить, что он находил радость в драгоценных тканях и шитье и искал отдыха за игрой в мяч. Среди своих придворных он вел себя общительно, его острый и подвижный ум блистал, и льстецы могли обмануть его самое большое в оценке его собственных произведений, ибо Дионисий сочинял трагедии, возможно, также и комедии. До нас дошло немного стихов и названия четырех драм, которые все были написаны на мифологические сюжеты (*Адонис, Алкмена, Леда, Гектор*). Характерным для их стиля было использование вычурных слов, делавших язык напыщенным; далее, склонность к общим местам и изречениям, что ясно видно в сентенции: «Тирания — мать всякой несправедливости». Однако в этих словах, кем бы они ни произносились, нельзя заметить ни цинизма тирана, ни подлинной увлеченности этико-философскими оценками его времени. Скорее, его произведения, оторванные от реальной тирании, существуют в идеальном пространстве нравственных воззрений, принятых в просвещенном кругу, которые он принимал в расчет; с этим же связано то, как он давал своим дочерям имена добродетелей, стараясь приукрасить их или завуалировать свое тираническое правление. О художественных достоинствах трагедий и не известных нам поэм, которые читались на празднествах в Олимпии лучшими рапсодами, мы можем судить тем меньше, что порицания насмешки античных авторов при присуждении афинянами первой премии за драму «Смерть Гектора» еще требует объективной оценки. Дионисий, подобно всем царственным дилетантам, особенно гордился своими поэтическими достижениями. Насколько чувствителен он был к отрицательной критике, позволяющей предположить анекдоты о его конфликте с дифирамбиком Филоксеном*. Очевидно, он считал, что может

* Видимо, и анекдоты, связанные с каменоломнями.

подражать Эсхилу и Еврипиду. Однако участие тирана в духовной жизни не ограничивалось лишь поэзией. Широкая образованность, которую признавали даже враги, не могла не пробудить его интереса к философии и ораторскому искусству, в коем он сам был мастером, а также к медицинским вопросам. При этом он не придерживался определенного направления, а старался получать импульсы с самых разных сторон. Его помощник Филист, вдохновленный Фукидидом, в значительном труде изложил историю Сицилии до 406 года, а позднее посвятил четыре книги времени Дионисия. Возможно, и сам властитель пробовал себя в историографии, например, в автобиографии. Во всяком случае, для него, по-видимому, имело значение защита себя и своего правления также и духовным оружием. Личность и деяния должны были соответствовать идеальному портрету властителя, изображенному в государственно-теоретических сочинениях современности, и не должны были нести позорное пятно ненавистной тирании. В этом плане могли подействовать как превознесение панэллинских заслуг в оттеснении карфагенян, так и указание на некую божественную избранность властителя. Действительно, Исократ видел во владыке Сицилии в 369 году возможного объединителя и вождя греков метрополии против персов, а Платон прославил его как спасителя западных эллинов от Карфагена, но несмотря на это и на возвеличивание тирании в произведениях Филиста, списавших большую популярность, отвращение и ненависть к тирании определили ее негативное восприятие в течение всех древних времен.

И все же Дионисий, без сомнения, был великим явлением. То, что человек из среднего сословия Сиракуз сумел стать владыкой Сицилии и основать такую державу на суше и на море, какой доньше не было, уже возбуждало удивление современников. Осуществленная в кратчайшие сроки постройка крепостной стены, снабжение войск в больших походах, военное обеспечение господства над завоеванными областями, которое продолжалось десятилетиями, умелое руководство экономикой, не говоря уже об отдельных акциях, с полной ясностью доказывают, что тиран был

гениальным организатором. Не так однозначно обстоят дела с его способностями как стратега. Впрочем, и здесь мы встречаем планирование нового типа, как, например, в борьбе за Гелу, и удивительную гибкость тактики: завоевание Мотии и победу на Элленоре можно считать большими успехами полководческого искусства Дионисия, однако нет недостатка и в тяжелых поражениях и неудачах, хотя в начале 90-х годов в его распоряжении был гигантский военный потенциал. Насколько нам известно, обе последние карфагенские войны были малоудачными, да и удачным исходом двух первых властитель обязан не столько собственным победам, сколько эпидемиям во вражеском стане, а возможно, и той стойкости, с которой он противостоял отчаянным ситуациям. Впервые использованное им техническое оружие, открывшее новую эпоху в военной истории, сделало возможным захват нескольких исключительно хорошо защищенных поселений; однако ни осадные машины на суше, ни гигантские суда и многочисленные изобретения на море, которые по непонятным причинам никогда как следует не использовались, не стали решающими в карфагенских войнах. И хотя наемные войска в качестве постоянной, прекрасно подготовленной армии при нем приобрели невиданное раньше значение и превосходили отряды греческих городов и сикулов, Дионисий с ними и с гражданским ополчением Сиракуз и других городов все же не сумел окончательно вытеснить Карфаген с острова, а даже вынужден был впоследствии вернуть несколько отторгнутых у него областей. Даже если принять во внимание сопротивление в собственном лагере и вспомнить, что римляне достигли той же цели лишь после 23-летней борьбы, нельзя не видеть границ его военного искусства и возможностей военных успехов тирании, вынужденной принимать скорые решения.

В то же время как реальный политик Дионисий заслуживает безмерного восхищения. Изворотливый и хитрый, в минуты самой большой угрозы не теряющий собранности, он не только планомерно строил и распространял свое господство вширь, но и — что значит еще больше — сумел

удержаться у власти целый человеческий век. Как говорили, он алмазными цепями оградил свою власть для наследника, который сохранял ее больше десятилетия. Разумеется, здесь в первую очередь думают о власти и силе, но Дионисий, очевидно, очень хорошо знал, что внешняя охрана одна не может гарантировать прочность, и поэтому заболел о «расположении» сиракузцев. По отношению к гражданам чужих городов он не всегда был таким жестоким, как можно предположить на основании отмены их автономии. Уже Сципион Старший превозносил в нем соединение величайшей энергии, рассудительности и смелости, прежде всего, конечно, говоря о его внешней политике. И действительно, как столкновение с карфагенянами, так и союз с луканами в борьбе против италиотов, союз со спартамцами, которые поддерживали его в критических ситуациях, и отказ от ведущей роли в эгейском мире характеризуют его как мастера тщательно обдуманных политических действий. Безмерность властолюбия, в которой позднее упрекал его историк Тимей, коренилась, скорее всего, в его натуре, однако она сдерживалась трезвым, учитывающим границы возможного разумом тирана. Со свойственным ему умом он, принимая живое участие в духовной жизни времени, подхватывал политические и теоретические мысли для оправдания собственных действий, тем более что вел борьбу против Карфагена не только материальным оружием.

В его время, а также в последующие десятилетия, пока кошмарная картина, нарисованная Тимеем под впечатлением от тирании Агафокла, не стала доминирующей, деяния Дионисия оценивались по-разному, в зависимости от точки зрения наблюдателя. С государственно-правовой точки зрения, они представляли собой жесткое насилие над свободными греческими полисами, перед которым отступало на второй план сохранение западного эллинизма от карфагенского владычества. Платон был достаточно объективен, чтобы, проклиная одно, признавать другое; Спевсипп, его преемник в руководстве Академией, видимо, на основании заключений, которые он и Платон сделали во время общения с младшим Дионисием, считал, что одним из самых

безбожных и самых плохих людей был его отец. С другой стороны, Исократ, происходя из полиса, был захвачен монархической идеей и убежден в необходимости сплочения государств метрополии под эгидой сильного человека. В начале 60-х годов он сделал ставку на Дионисия и не скупился на восхищение им. Разумеется, таких решительных и откровенных защитников сицилийской тирании, как Филист, было немного, однако грандиозный пример установления такого широкомасштабного господства, каким было владычество этого исключительного человека на западе, не мог оставить равнодушными других правителей. Клеарх, тиран Гераклея Понтийской, назвал одного из своих сыновей в его честь, и тот впоследствии скупил его домашнюю обстановку. Царь Филипп, по-видимому, не нуждался в указаниях Исократа в сочинении, посвященном ему, чтобы изучить политическую и военную практику сиракузца и усвоить ее. То же, видимо, относится и к Александру, приказавшему прислать сочинения Филиста в Азию. Каким видел и как оценивал его перипатетик и временный регент Афин Деметрий из Фалерона, опубликовавший сочинение о Дионисии, нам, к сожалению, не известно.

Современный историк прежде всего спросит о значении образа Дионисия и его деяний в рамках греческой истории. Несомненно, что принятый им план после вытеснения карфагенян сделать всю Сицилию политически единой, даже если он и не был полностью осуществлен, представлял собой новую эпоху в истории Сицилии и как идея просуществовал до периода римского завоевания. Но было ли господство Дионисия, которое современники сравнивали с персидским царством, а Диодор считал крупнейшей династией в Европе, в действительности чем-то большим, чем некое эфемерное образование, честолюбивый и жестокий творец которого находил высшее удовлетворение в упоении властью? Было ли оно по характеру и структуре пригодно для того, чтобы дать грекам Сицилии и, по возможности, Южной Италии политическую форму, в рамках которой они бы преуспевали и могли утвердиться относительно варварского окружения? Трудно поверить, что сам тиран имел в

виду эту великую, сверхличную цель, учитывая то, что он использовал панэллинскую идею лишь в пропагандистских целях, и по-всему тому, что мы знаем о его поступках и намерениях. Но, может быть, элементарной силой своего эгоистического стремления к власти, сам того не желая, он создал необходимый порядок для сохранения западного гречества? Ведь некогда тирания Гелона, а позднее тирания Агафокла остановили карфагенян. Как бы ни хотелось ответить на этот вопрос утвердительно, хотя Тимолеон и показал, что при известных условиях отпор пунийцам можно было оказать и без тирании, путем союзнического сплочения греческих городов, нельзя не осознавать, что территориальная монархия Дионисия с ее насилием и упряднением эллинских общин могла быть утверждена лишь его исключительной личностью и выполняла внешнеполитические задачи, но что она пренебрежением к автономии полисов сама себя лишила базы, которая придала бы ей прочность, ибо нельзя было безнаказанно надолго подавлять общинно-государственный дух. На какое-то время его можно было приглушить в Сиракузах тем материальным подъемом, который пережил город как резиденция тирана, в подвластных городах он мог казаться задушенным, но политическое образование, сплотивавшее эллинов в некое единство, не могло без него долго обходиться. Для защитника монархической и панэллинской идеи, особенно для Исократа, сохранение автономии городов-государств и свободы были естественны. Даже эллинистические цари по возможности с этим считались, хотя их позиции были намного прочнее, чем сицилийского властелина. Возможно, на первый взгляд установление протяженного территориального господства, абсолютизм правления, резиденция, совет «друзей» и придворное общество позволяют считать Дионисия предшественником тех царей, но несомненно, что такое сходство, является коренное различие позиций и, тем самым, характера правления. Крупные эллинистические империи выросли не на почве полиса и не граждане полиса вызвали их к жизни. Чуждые полису монархически настроенные македоняне были их основателями и носителями, а подданными — в основном не

греки, а народы, привыкшие к царской автократии. К греческим городам, входившим в эти империи, отношение было гораздо более деликатное, чем у владыки на западе к подвластным ему эллинским городам. Отсутствие какой-либо традиционной основы и всех надличностных, долговечных элементов лишило созданную им принудительную организацию возможности дальнейшего существования или развития после смерти властителя. Опиравшаяся на наемников, поддерживаемая демонической волей к власти насилиника, который не считался с государственными убеждениями, обычаями и конституцией, она была и оставалась, несмотря на все усилия по ее духовной легитимизации, брешней тиранией, так же как Дионисий сам был и оставался тираном, пусть и величайшим среди многих, которые появлялись в греческом мире.

Весной 367 года Дионисий умер естественной смертью. Когда он был уже охвачен смертельной болезнью, Дион напрасно пытался добиться от него урегулирования наследования тирании, учитывающего сыновей Аристомахи, которое обеспечило бы ему как опекуну еще несовершеннолетних племянников самостоятельное положение рядом с молодым Дионисием, сыном локриянки Дорис. Дионисий, назначенный наследником, велел соорудить для умершего великолепный погребальный костер, а пепел со всей пышностью захоронить у «Царских врат» островной крепости.

2. Дионисий II и современные ему тираны

Дионисий II до его свержения Дионом

Переход власти к почти тридцатилетнему старшему сыну, которого родила локриянка Дорис, произошел без осложнений, поскольку сыновья Аристомахи еще не выросли, а

наемники высказались в поддержку молодого Дионисия. Он предстал перед народным собранием и просил его благосклонности, которая выказывалась его отцу. В предании не говорится, что ему была передана должность стратега-автократора, ибо в течение последних десятилетий тирания старшего Дионисия настолько перекрыла то должностное положение, от которого он никогда не отказывался, что сын мог бы командовать гражданским ополчением без предварительного решения народного собрания, для чего ему не обязательно было иметь полномочия стратега. По-видимому не возникло никаких противоречий, и как масса сиракузцев, так и имущие примирились с дальнейшим существованием тирании, длившейся уже человеческий век. Если новый властитель при передаче правления и подвергался опасности, то только со стороны своего брата Гермокрита, которого он, видимо, приказал устранить. Напротив, у него вначале не было повода недоверчиво относиться к Диону, дяде его сводных братьев и сестер, которому великий Дионисий давал важные поручения, пусть даже он и проявил беспокойство об интересах детей Аристомахи. Он прислушивался к реформаторским замыслам Диона, который был на 10 лет старше и с 388 года восхищался Платоном и его идеями. Будучи мужем Ареты, Дион являлся его шурином. В какой-то степени Дионисий позволил ему руководить собой, по-видимому, не только потому, что отец совершенно не подготовил его к будущей деятельности правителя и он искал поддержки у опытного человека. Он также понимал, что не обладает беспощадной энергией своего отца и что сможет утвердить свое господство, лишь смягчив суровость тирании. Во всяком случае, он открыл свое правление несколькими актами, которые могли создать впечатление, что начинается новая, более свободная эра. Военный налог, несмотря на латентное продолжение карфагенской войны, был на три года снижен; три тысячи заключенных, очевидно, задолжники по налогам, получили свободу. Вероятно, сыграли роль тактические соображения и стремление к репутации великодушного правителя, которой его отец никогда не искал. Однако о том, что Дионисий серьезно думал

об изменении формы правления, свидетельствует приглашение, которое он по настоянию Диона зимой 367/366 гг. направил Платону, и его восприимчивость к политическим идеям философа.

Нам известно от самого Платона, что его подвигло последовать призыву тирана. Дион в письме описал рвение к учению молодого правителя, его сильную потребность в философском образовании и показал Платону единственную в своем роде возможность воплотить в жизнь его государственно-теоретические идеи с помощью могущественного властителя. Платон воспринимал это как призыв к своей собственной чести и чести философа, от которого не мог уклониться, хотя, учитывая молодость Дионисия, мог сомневаться в серьезности его намерений. К тому же он считал, что не имеет права покинуть своего друга Диона в беде, поскольку тот писал, что не дремлют те, кто хотел бы отвлечь его шурина от благих намерений. На самом деле тиран прислушивался не к одному лишь Диону, доктринерская манера которого могла ему уже надоесть, но и к тем, кто хотел сохранить форму правления его отца; он даже вызвал с Адриатического побережья в Сиракузы Филиста. Последний, несмотря на все разногласия с великим Дионисием, остался убежденным сторонником чистой тирании. Он попытался убедить сына в том, что Дион готовит заговор на случай, если влияние Платона не подействует. Несмотря на некоторые сомнения, Дионисий все же не стал полностью отстранять Диона, возможно даже, что резкое противостояние двух групп при дворе было в его интересах. Вскоре после этого (366 год) прибыл Платон и был принят с почестями. Под впечатлением его личности Дионисий отказался от своего роскошного образа жизни, в котором мало отличался от отца, и высказал некоторые мысли, прозвучавшие почти как отказ от продолжения тирании. Платон же, в соответствии со своей системой воспитания, вначале не настаивал на каких-либо практических политических шагах. Первой задачей, стоящей перед правителем, он считал обуздание своих прихотей и воспитание в себе философского благоразумия и именно тем путем, который обыч-

но указывал ученикам. Надо было заниматься математикой, в особенности геометрией, и добиваться истинного познания. Если правитель ценой тяжелых, полных самоотверженности усилий придет к подлинному образованию, то сам, по своей воле захочет учредить вместо тиранического законный порядок, дать полису Сиракузы настоящую конституцию и возродить города, которые его отец разрушил, ликвидировал либо отдал наемникам. Нельзя сказать, чтобы Платону доставляло удовольствие то сверхрвение, с которым Дионисий принял сначала его воспитательный план, или то старание, с которым придворное общество стало заниматься математикой и рисовало геометрические фигуры на песке. Тем не менее духовная открытость и интерес к философии одаренного, способного и воодушевленного правителя давали ему надежду, что его деятельность принесет свои плоды.

Понятно, Филист и его единомышленники теперь стали бояться, что Дионисий воспримет и политическое учение философа: тогда Дион в качестве ближайшего друга Платона окажется чуть ли не подлинным правителем. Со своей стороны, Дионисий, ранее, очевидно, не обращавший внимания на обвинения, выдвигаемые против его шурина, теперь стал реагировать на них иначе. Когда ему передали письмо Диона к карфагенянам, в котором тот без его ведома предлагал им вести переговоры только через него, чтобы чего-либо добиться, Дионисий воспринял своевольные действия Диона как граничащие с государственной изменой, как неслыханное нарушение прав властителя и быстро удалил надоевшего родственника с Сицилии. Если наказание было сравнительно мягким — Дион даже сохранил свое большое состояние, нажитое при старшем Дионисии, — то не в последнюю очередь это было связано с оговядкой на Платона. Ибо, хотя молодой правитель и мог испытывать к нему некоторое недоверие и, видимо, в целях осторожности разместил его в своей крепости, он добивался его дружбы с ревностным чувством, которое не могло мириться с тем, что обожамый человек явно отдает предпочтение Диону. Но поскольку Платон настаивал на

возвращении Диона, Дионисий, по-видимому, сам хотел уступить в этом щекотливом деле. Однако возобновившаяся в это время война с Карфагеном вынудила его покинуть Сиракузы на длительное время. Тем временем Платон, который вновь попросил его отпустить, поскольку после удаления Диона духовное общение с Дионисием стало бесплодным, вынужден был возвратиться в Афины с тем, чтобы потом, когда тиран укрепит свое могущество, вернуться вместе с Дионом, которому не следует тяжело переживать свое изгнание. Таким обещанием философ, по-видимому, хотел восстановить свое положение: на обратном пути он способствовал установлению хороших отношений между пифагорейцем Архитом, ведущим государственным деятелем в Таренте, и Дионисием. Но всей видимости, Платон состоял с Дионисием в переписке и иногда получал от него денежные выплаты, которыми тиран хотел показать свое дружественное к нему расположение.

Можно сомневаться, что Дионисий действительно собирался разрешить Диону вернуться в Сиракузы, поскольку был убежден после того письма карфагенянам, что он намеревается его свергнуть. Если после отъезда Платона он и склонен был вернуть Диона, то группировка Филиста сделала все для того, чтобы убедить его отказаться от этого намерения. И царственное появление шурина в Элладе, куда он смог захватить значительные богатства и где регулярно получал доходы от своего состояния, мало способствовало тому, чтобы укротить гнев Дионисия. В Коринфе, который только что избежал тирании, Диону удалось завоевать симпатии к себе и своему делу, то же и в Спарте, где он часто бывал после возвращения Платона, он жил в кругу Академии среди единомышленников, из которых особенно близки ему были племянник Платона Спевсипп и Калипп. Заговоров, которые там могли возникнуть, можно было избежать, если бы удалось вновь привлечь самого Мастера (Платона. — *Ред.*) в Сиракузы. Хитрость, свойственная Дионисию, позволяет предположить, что Платон должен был послужить своего рода заложником, однако наряду с этим и даже в первую очередь определяющей была потребность

вновь видеть рядом с собой обожаемого и ревниво любимого философа. О серьезности духовных интересов Дионисия свидетельствует то, что его, очевидно, не удовлетворяло общение с гибким Аристиппом и другими «учителями мудрости», хотя с ними он мог тешить свое тщеславие, разыгрывая из себя философа. Зимой 362/361 гг. тиран послал приглашение Платону. Карфагенская война тем временем закончилась заключением мира; теперь в соответствии с прежними договоренностями должно было последовать разрешение на возвращение Диона. Но этого не произошло. Дионисий лишь обнадежил его, что он сможет вернуться в течение года. Когда Платон, ссылаясь на прежнюю договоренность и на свой возраст — ему уже было 65 лет, — отклонил приглашение тирана, несмотря на настойчивые возражения Диона, Дионисий весной 361 года повторил свою просьбу и для удобства и безопасности поездки прислал в Афины триеру. Теперь философ решил ее приехать, пусть даже и с тяжелым сердцем. Его решение определили скорее не новые известия, которые он получил из Сиракуз от своего друга пифагорейца Архедема о действительно сильном настрое правителя на встречу, и не предостерегающее письмо от Архита, который боялся, что из-за повторного отказа могут оказаться под угрозой хорошие отношения, установленные Платоном между Тарентом и сицилийским властителем, а оглядка на Диона, который вместе с другими членами Академии вновь сильно досаждал его просьбами. Ведь Дионисий написал, что в случае приезда Платона все дела с Дионом будут улажены, и в противном же случае на это нечего и надеяться. Платон, по-видимому, уяснил опасность положения, в которое он попал, и на всякий случай заручился помощью тарентинцев. Он все же последовал приглашению, которое скорее напоминало принуждение, и отправился в Сиракузы в сопровождении Спевсиппа, Ксенократа и других друзей.

Дионисий принял его с почестями и глубоким доверием, и вначале сообщения о философском рвении тирана повслались ему верными. Однако во время разговора, затронувшего самые глубокие вопросы, у него создалось

впечатление, что у Дионисия нет ни способностей, ни желания серьезно заниматься основными вопросами философии и что он довольствуется простым повторением наполовину усвоенных мыслей Учителя. Этот философский разговор остался единственным, а о политических реформах, по-видимому, речь вообще не велась. Основное место заняло обсуждение вопроса о Дионе. Согласно собственному сообщению Платона, Дионисий внезапно отдал приказ управляющему делами Диона больше не посылать ему деньги в Пелопоннес, поскольку они принадлежат его сыну, опекуном которого является сам Дионисий. Трудно поверить, чтобы тиран, стараясь добиться дружбы Платона, сделал это без важной причины, каковой явились интриги Диона в Элладе. Платон настроился на скорейший отъезд, но Дионисий удерживал его в Сиракузах хитростью и мягкой силой. Чтобы окончательно решить этот спорный вопрос, он объявил о своей готовности отправить состояние Диона на Пелопоннес, где тот мог бы пользоваться процентами сам, но к основному капиталу прикасался только с одобрения Платона и его друзей. Дион даже мог бы вернуться в Сиракузы, если бы его друзья, то есть Платон и его окружение, поручились, что он ничего не затевает против Дионисия. Таким образом тиран хотел обезопасить себя от Диона и его интриг, а не финансировать самому вербовку наемников. Платон, живя в крепости и не имея возможности уехать, но и не желая через голову Диона отвергать предложение, заявил о своем согласии, если до получения ответа от Диона не будет никаких изменений, и в преддверии зимы остался в Сиракузах. Дионисий же, видя, что Платон остался и не дожидаясь ответа Диона, сделал новое предложение: поскольку половина денег положена сыну Диона, то будет справедливо, если Платон при отъезде заберет лишь половину состояния Диона. Платон подавил свое возмущение и потребовал лишь дожидаться ответа Диона и сообщить ему новое предложение. Вскоре после этого, как он кратко замечает, тиран просто продал все имущество.

Причиной такой радикальной меры послужило, возможно, то, что Дионисию стало известно о поисках Спевсиппа и

других спутников Платона, которые, вероятно, без ведома Учителя, выясняли уровень антитиранских настроений в Сиракузах. Он также считал, что имеет доказательства общения Платона с мятежно настроенными лицами, близкими Диону. Но до окончательного разрыва дошло, когда Платон попытался заступиться за друга Диона, командира всадников Гераклида, который во время мятежа наемников подпал под подозрение и бежал. Резкий спор между Платоном и тираном имел следствием удаление гостя из крепости. После посещения Платоном дяди Гераклида разрыв стал окончательным. Дионисий позволил Платону жить в городе, где тот ощущал угрозу со стороны наемников, ненавидящих реформы. Уже до этого Платон чувствовал себя пленником. Теперь, когда его жизни угрожала опасность, он обратился к Архиту в Тарент с просьбой о вмешательстве, и друг не разочаровал его. На ходатайство Архита Дионисий выразил готовность отпустить Платона и даже дал ему деньги, необходимые на дорогу. Прощание произошло в пристойной форме (весной 360 года). Разумеется, о вручении половины состояния Диона уже не могло быть и речи, поскольку тиран полностью порвал со своим шурином. Он даже выдал его супругу Арету, свою сводную сестру, за Тимократа, одного из своих друзей. Тем не менее и несмотря на военные приготовления Диона, его отношения с Платоном не прервались. По-видимому, он обращался к нему по философским вопросам и состоял в полемической переписке с Спевсиппом, еще оставшимся в Сиракузах.

В основном же в окружении тирана, как и прежде, находились значительные в духовном отношении люди. Как долго пробыл в Сиракузах Аристипп, неизвестно; Эсхин из Сфетта, автор знаменитых сократовских диалогов, несмотря на то, что он скорее симпатизировал Диону, оставался до 356 года. После отъезда Платона оставались еще «диалектик» Поликсеп, историк Поликрит из Менды, который писал историю Дионисия II, трагик Каркил и кифаред Стратоник. Сам правитель, как и его отец, занимался литературой. Он сочинял пьесы, издал сочинение о произведениях Дионисарма и излагал основы платоновской философии так,

как он их понимал. Во всем, в том числе и в его общении с Платоном, проявлялось характерное для Дионисия сочетание подлинных духовных интересов с претенциозным тщеславием, которое расцветало в лучах придворного общества и требовало постоянного восхищения. Не приходится также сомневаться, как сообщал уже Феофаст, что льстецы всегда пользовались доверием тирана. Они укрепляли у него чувство, что он обласкан Аполлоном и даже является сыном бога, в честь которого он назвал вновь возрождаемый Регий «Фойбея», но не распространялись о его излишествах. В тираноборческой традиции они, разумеется, преувеличены, однако склонность к пьянству, из-за которого у него началось заболевание глаз, отрицать нельзя. Из-за постоянного пьянства он утратил уважение граждан. Аристотель замечает, что гениальная порода отца переродилась у него в бешенство. Поэтому в какой-то степени заслуживают доверия данные других авторов о его роскошных пирах, страсти к женщинам и игре. Если в этом он отличался от великого Дионисия, с которым менее значительный и больше склонный к удобствам сын не мог сравниться ни в работоспособности, ни в энергичности, то все же его объединяли с отцом свойственные многим тиранам недоверчивость и хитрость, в которых он не уступал отцу. Но если у отца его страшные насилия происходили от витальной страсти или холодного расчета, то молодой Дионисий впадал в злобу или жестокость, проистекавшие не от силы, а от слабости. Тем не менее, как показывают письма Платона, несмотря на тщеславие, непостоянство и ненадежность, его личность не кажется полностью отрицательной, а образ жизни не заслуживает такого резкого порицания, как можно было бы судить по вышесказанному. Возникает впечатление, что Дионисий лишь в последние годы, после своего изгнания из Сиракуз, давал волю своим страстям, как это описывается. Против его раннего падения свидетельствует то, что после смерти Диона Платон хотел включить его в коллегию из трех правителей, которую он рекомендовал учредить, и то, что нам известно о его правлении после 360 года.

Как заявил Дионисий, Платон своим требованием сначала усвоить основы философии воспрепятствовал осуществлению его планов политических реформ. И здесь он не совсем неправ, поскольку это требование притушило воодушевление тирана. Тем не менее он придумал кое-что в направлении ослабления тираннии. Прежние жители Наксоса, еще остававшиеся в живых, после 358 года при Андромахе, отце историографа Тимея, получили разрешение возродить свою общину в Тавромении. Жестоко разрушенный старшим Дионисием Регий сын начал восстанавливать под названием «Фойбея», но обезопасил его, разместив гарнизон, ибо во властном положении тирана и его военной основе ничего не изменилось, об этом позаботились уже Филист и его единомышленники. Еще в 357 году в распоряжении Дионисия находилось сто тысяч пеших воинов, десять тысяч всадников и четыреста военных судов. Наверняка значительную часть войск составляли наемники, из которых приблизительно десять тысяч были размещены в Сиракузах для охраны властителя. Уже у великого Дионисия возникали определенные проблемы с наемниками; сын попытался снизить жалование, но перед лицом взбешенных орд вынужден был снова его повысить. Но несмотря на такую мягкость, которая сказалась и на уровне дисциплины, во всяком случае, при обучении, военная мощь на протяжении многих лет оставалась настолько большой, что существование тираннии не могло даже подвергаться сомнению. Еще в начале 50-х годов тиран мог считаться самым могущественным правителем Европы.

Незадолго до своей смерти старший Дионисий заключил с карфагенянами перемирие. После того как переговоры остались безрезультатными, война разгорелась вновь, не принося, впрочем, ни одной из сторон существенных успехов, так что в 364 году было заключено мирное соглашение, в котором заново были установлены границы между подвластными территориями, согласованные еще в 374 году. По-видимому, Дионисий, не будучи военачальником, никогда не рассчитывал на полное вытеснение пунийцев из Сицилии. Его внешняя политика в основном была оборонительной. Так,

в Южной Италии он ограничился тем, что дал отпор наступающим лукам, а когда эта цель была достигнута, заключил с ними мир (примерно в 359 году). Со свободными городами Тарентского залива у Дионисия, по-видимому, были хорошие отношения, и прежде всего — после посредничества Платона — с самим Тарентом. Происходил обмен посольствами, Архит, который иногда бывал в Сиракузах, смог посодействовать отъезду Платона, а сицилийский властитель пожертвовал роскошный канделябр для правительственного здания города. С согласия Тарента в Апулии на Адриатике было заложено два новых города. Об отношении к метрополии известно лишь то, что Дионисий продолжал поддерживать дружбу со Спартой, которой он в первые годы своего правления посылал военную помощь. Установил ли он контакты с персидским царем, из скудного и мало надежного предания узнать трудно.

В течение десяти лет при поддержке верного и способного Филиста Дионисию удавалось поддерживать наследие своего отца, но за это время его твердость и внутренняя сила ослабли. Положение тирана постепенно подтачивало не столько преувеличенное Аристотелем презрение сиракузцев к нему, падкому на наслаждения и пьянство, сколько отсутствие сильного властного импульса и впечатление слабости, которое вызывали его колебания между предупредительностью и упорством в отцовских методах как у подданных, так и у наемников. Однако половинчатая тирания, если она ослабила свои «алмазные цепи», но все же поддерживала притязания на господство, неминуемо должна была дать волю подавленному стремлению к свободе и вызвать потребность в устранении пошатнувшегося правления — и в том большей степени, что при каждом сравнении с отцом он выглядел еще ничтожнее, чем был в действительности. Отношение к властителю-эпигону ухудшилось до такой степени, что ему пришлось в целях своей безопасности разоружить граждан и прибегнуть к ссылкам, тюремному заключению и другим силовым мерам. Дело не дошло до спонтанного восстания. Но когда после провала миссии Платона Дион подготовил военное нападение на,

как он знал, ставшую нежизнеспособной тиранию, в конце лета 357 года высадившись на западном побережье Сицилии с отрядом наемников всего в шестьсот человек и при поддержке карфагенского военачальника в Мипсе предприняв наступление на Сиракузы, одним ударом была разрушена большая часть владычества Дионисия. Акрагант, Гела, Камарина стали свободными. Дион получил пополнение от них, а также от сикулов и сиканов, которые тоже сбросили игет тирании. Восстание распространилось, по-видимому, даже на Мессану и италийские владения, и тогда как Дион приближался к Сиракузам со своим войском, выросшим до двух тысяч человек, к нему устремились крестьяне из окрестных земель. Поскольку комендант города Тимократ, женатый на Арете, бежал из страха перед разразившимся в городе восстанием, Дион смог войти без боя в сухопутную часть Сиракуз, восторженно приветствуемый народом, который тем временем перебил всех найденных осведомителей тирана. Гарнизон Дионисия располагался лишь в островной крепости.

Сам Дионисий в это время находился далеко от столицы, от него не укрылись военные приготовления Диона и то одобрение, которое они нашли в кругах Академии, если не у самого Платона. Поэтому, получив известие, что предстоит отъезд из Закинфа, он принял ответные меры. Ошибочно предполагая, что противник подойдет обычным морским путем вдоль побережья, он послал навстречу Филиста с эскадрой и сам с 80 кораблями занял позиции под Кавлонией. Полностью обескураженный внезапным появлением Диона на острове, он быстро устремился в Сиракузы, но смог высадиться в Ортингии лишь семь дней спустя после входа Диона в город. Тем временем сделало свое дело программное заявление Диона, согласно которому Сиракузы и Сицилия объявлялись свободными. К уже отпавшим городам присоединились не только Тавромений под властью Андромаха, но и Леонтины, хотя их население и состояло из бывших наемников великого Дионисия. Почти всю подвластную область Сицилии можно было считать потерянной. И все же положение тирана вряд ли было

хуже, чем у его отца в 396 году. Смог бы он, как отец, справиться с ним? Он, конечно, уступал ему в силе и стойкости, но не в хитрости. После того как не удалась попытка лично встретиться с Дионом и официальное заявление о снижении постоянного военного налога и о праве граждан на отказ от военной службы было официально отвергнуто Дионом, который настаивал на низложении тираннии, Дионисий заявил о своей готовности к дальнейшим компромиссам, намекнув на то, что готов отказаться от власти, но не в пользу Диона. Но тогда как делегаты сиракузцев находились у него, его наемники ворвались в город и почти захватили его, однако войска Диона оказали им сопротивление. После этой неудачи Дионисий еще интенсивнее пытался выставить «освободителя» человеком, который в конечном счете стремится лишь к установлению собственной тираннии. По-видимому, он был убежден, что это и есть подлинная цель его родственника, но на всякий случай такая дискредитация могла быть полезной и для него. Письма, якобы написанные женщинами из дома тирана и сыном Диона Гиппарииом, на самом же деле принадлежавшие перу самого Дионисия, вконец запутали потерявший уверенность народ, который категорически потребовал от Диона их оглашения; к тому же его властные, недемагогические повадки побуждали растущее недоверие. Тиран очень ловко напомнил о важных, щедро оплаченных услугах, которые Дион в свое время оказал старшему Дионисию, а самого его обвинил в намерении не освободить ненавидящий его народ, а установить свою тираннию. Воздействие этого коварного хода не замедлило сказаться. Первый пункт отрицать было нельзя, а поскольку Дион еще не обнародовал свой план учреждения законной монархии и олигархического правления в духе Платона, а также явно не проявлял симпатий к демократии, то легко могло сложиться убеждение, что член семейства тиранов просто хочет занять место предшествующего властителя. И действительно, толпа еще больше настроилась против Диона, но Дионисию это не принесло существенных преимуществ. Напротив, его положение в Ортигии значительно ухудшилось после прибытия Гераклида, некогда бе-

жавшего к Диону в Элладу; сейчас он привел двадцать триер и 1600 воинов. Будучи назначен навархом, Гераклид активизировал войну на море за островную крепость. Надежда тирана обеспечить гарнизон пиратскими плаваньями рухнула так же, как и надежда на то, что возвратившийся Филист сумеет переломить ситуацию. Этот поборник тираннии, после безуспешного нападения на освободившийся Леонтины разбитый Гераклидом на море, сам попал в плен и погиб страшной смертью от рук черни. Новые предложения Дионисия, о которых Дион доложил народному собранию, были отвергнуты. Поскольку на Сицилии уже ничего нельзя было добиться, а в Италии подстрекаемые Дионом лукавы и бретийцы становились все опаснее, тиран считал самым разумным отправиться туда самому, а Ортигию с отобранными войсками оставить своему сыну Аполлократу и поддерживать его издали. Напряженность между Дионом и сиракузским демосом давала ему надежду на то, что дальнейшее развитие даст возможность завоевать город и даже восстановить власть над Сицилией. Дионисию удалось незаметно выехать и со своими сокровищами и драгоценными предметами домашнего обихода добраться до Италии.

Казалось бы, осуществилось то, чего он хотел. Дион полностью рассорился с демосом, который Гераклид натравливал на него, и удалился со своими наемниками в Леонтины, тогда как Аполлократ получил провиант и поддержку от эскадры под командованием неополитанца Нипсия, посланной Дионисием, которая достигла крепости тирана ценой тяжелых потерь. Когда в конце концов наемники вырвались из крепости в город и не встретили организованного сопротивления, Сиракузы были близки к тому, чтобы попасть в руки Дионисия; однако Диону, вызванному в снешке из Леонтин, удалось со своими войсками восстановить прежнее положение. И все же вновь разгоревшиеся раздоры между Дионом, с одной стороны, и Гераклидом с городскими массами, с другой, все еще оставляли тирану надежду, тем более что к нему прибыл вспомогательный корпус из союзной Спарты под командованием Фаракла. Последнему удалось добиться заключения соглашения

между Дионисием и Гераклидом, который вышел из подчинения Диону и находился со своим флотом под Мессаной. Согласно этому соглашению тиран отказывался от Сиракуз, но ему было предоставлено право завосывать другие города на Сицилии. Поэтому, возможно, Мессана и Катана присоединились к нему. Сам Фараке и офицеры Дионисия в последующее время проводили операции под Акрагантом, где Гераклид, вернувшийся в это время в Сиракузы, принудил Диона против его воли вступить в битву, закончившуюся его поражением. Однако Дионисию от этого не было никакой пользы, поскольку его союзник, скорее кондотьер, чем спартанский офицер, начал действовать самостоятельно и, разыгрывая из себя освободителя, на самом деле порабощал сицилийские города. В Спарте отправка этого человека, который вообще не вступил в контакт с Дионом, а больше мешал, сочли промахом, и в поддержку «почетному спартанцу» Диону был послан некий Гесил с поручением в случае необходимости принять на себя командование войсками. Поскольку Дион отверг последнее, спартаец ограничился улаживанием ссоры между ним и Гераклидом. Дионисий же делал ставку на раздоры во вражеском лагере. Дион теперь мог сконцентрироваться на осаде Ортигии, где все больше ощущался недостаток провианта. По-видимому, тиран, наконец, дал согласие в обмен на безопасность Аполлократа, чтобы он сдал крепость со всем ее содержимым Диону и с пятью кораблями отплыл к отцу в Италию (355 год). Хотя некоторые города Сицилии и Южной Италии еще были подвластны Дионисию, но воздвигнутая его отцом система власти с центром в Сиракузах была разрушена.

Сицилийские тираны в середине столетия

Рассказ о дальнейшей деятельности Диона и его трагическом крахе не входит в рамки истории тиранов, ибо хотя

противники представляли его тираном, так как он происходил из дома тиранов и принял на себя некогда врученную старшему Дионисию должность стратега-автократора, далее, так как опирался на наемников и имел лейб-гвардию, он со своими царственными манерами мало соответствовал представлению об освободителе, — короче, тираном трезвым, который заступит место пьющего, но можно с уверенностью сказать, что Дион не стремился к незаконной тирании. Как бы ни представлял он будущее сиракузской общины, в которой, без сомнения, собирался занять ведущее положение, его следовало зафиксировать законодательно. Те же признаки тирании, на которые ссылались его противники, были в значительной степени обусловлены необходимостью сохранить добытую в борьбе с Дионисием власть, пока не будут приняты соответствующие законы. То, что до этого так и не дошло, зависело не только от некоторых личных моментов и стечения обстоятельств, но и от утопического характера плана реформ, который отдалил Диона и от олигархических кругов. Поэтому он, который так же мало желал знать о демосе, как и демос о нем, и больше не мог удовлетворять требования наемников, в конце концов оказался в бессильной изоляции. В сущности, он потерпел фиаско еще до того, как африянин Калипп, который некогда принадлежал к кругам Академии и участвовал в походе Диона на Сицилию в привилегированном положении, приказал его убить (354 год).

Калипп совершил этот поступок не потому, что он тоже считал Диона тираном, а перед лицом растущего хаоса в Сиракузах, который реформатор-доктринер не мог преодолеть. Нельзя отрицать, что и личное честолюбие, желание занять ведущее положение в сиракузской общине подвигло его на это. Приветствуемый демосом, для которого Дион в конце концов стал тираном, он с гордостью известил о происшедшем народ Афин, где его также славили как освободителя. Наемники Диона, которых он заранее тайно перемашил к себе, и благосклонность толпы сделали его на один год ведущим человеком в полисе, которым он правил

нетиранически, насколько нам известно. Понятно, что сторонники Диона и олигархии вели с ним, опиравшимся на демос, борьбу, прежде всего, Гиппарин и Нисей, сыновья старшего Дионисия и Аристомахи, сестры Диона, но им пришлось бежать из города и искать убежище в преданных Диону Леонтинах, тогда как Аристомаха и супруга Диона Арета, арестованные после его убийства, продолжали находиться в заключении. Калипп чувствовал себя настолько уверенно в своем положении, что решил в 353 году освободить города, расположенные севернее, которые все еще или вновь находились под господством Дионисия. Это удалось в Катане и не удалось в Мессане, но из противоположного Регия гарнизон тирана удалось изгнать. Калипп дал этому городу и Катане автономию и тем самым продемонстрировал, что он и за пределами Сиракуз был далек от мысли об установлении тирании. Конец его деятельности положило восстание. Это был возвратившийся из Леонтии Гиппарин, которому отсутствие Калиппа дало возможность захватить власть. Таким образом, Калиппу был перекрыт доступ к средствам для оплаты наемников, его войска восстали в Регии, и два офицера, Лептин и Полиперхон, убили его (352/351 гг.).

Лептин, некогда тоже близкий к кругам Академии и друг Диона, стремился к власти и положению тирана. Он взял наемников к себе на службу, покинул с ними Регий и завоевал на Сицилии господство над Аполлонией, Энгием и некоторыми другими местами в центре северного побережья, где продержался около восьми лет. В это же время властителем Мессаны стал некий *Гиттон*, а Катаны — *Мамерк*, полевой командир кампанских наемников, которых за десятилетия на острове становилось все больше и больше. Предположительно этрусского происхождения, он получил греческое воспитание и даже, вдохновленный, видимо, примером великого Дионисия, сочинял стихи и трагедии, в которых также находил удовольствие. Но тем не менее он правил городом как настоящий суровый и твердый военный. Над Тавромением утвердился *Андромах*, тоже тиран, даже если он и не прибегал к жестким методам правления,

как утверждал позднее его сын Тимей. Судя по разрозненным данным, некоторые города на юге, возможно, и сам Акрагант, после поражения Диона у этого города на какое-то время попали под власть спартанского кондотьера *Фаракса* и много от него претерпели. Следует добавить, что города сикулов Кентурипа и Агирий в последующее время также управлялись династиями: первый — *Никодемом*, по видимому, сыном или внуком правителя с тем же именем в 90-е годы, второй — *Аполлоном*, наследником Агирия. Таким образом, свержение тирана Дионисия привело не только к дроблению великой державы, но и вместо всеобщей свободы — к возникновению или продолжению тиранического господства над городами.

Это в первую очередь относится к Сиракузам. Используя отсутствие Калиппа, *Гиппарин* из Леонтий, принадлежавших наемникам, сравнительно легко с их помощью смог захватить Сиракузы (352/351 гг.). С его свитой возвратились бежавшие Диониды; Аристомаха и Арета вместе с сыном, которого она родила после смерти Диона в заключении, были освобождены, но вскоре погибли во время поездки в Пелопоннес. Теперь, когда друзья Диона обратились к Платону за советом относительно будущего устройства сиракузской общины, то это происходило с ведением и по желанию Гиппарина, который еще в молодости познакомился с идеями Учителя. Следовательно, он не собирался сохранять тираноподобное положение, которого достиг, а, по видимому, чувствовал себя последователем Диона. То, что предложил старый философ, нам известно от него самого: Гиппарин и сын Диона с тем же именем, называемый для различия Аретей, а также, в случае отказа от тиранического правления, даже Дионисий должны вместе стоять во главе государства как законные цари, но не сами осуществлять властные полномочия, а передать их судебной коллегии из 35 человек. Предусматривалась также еще ситуационная комиссия, в которую могли быть избраны лишь те, кого Гиппарин и сын Диона предназначили для улучшения отношений с Дионисием. Проект конституции так и не был выполнен из-за сложностей его реализации.

Даже сторонники Диона вынуждены были признать, что умеренная тирания лучше, чем новые эксперименты. Так Гиппархию пока остался у власти, но о его правлении, к сожалению, ничего не известно. Уже в 350 году он погиб, предположительно, в результате пьяной шутки. Его брат Нисей, без проблем унаследовавший власть, больше не думал о реформах, хотя и был некогда захвачен идеями Платона. Враждебно настроенный историк Феопомп изображает его пьяницей, который к тому же предавался излияниям и всевозможному распутству. Его бесславному правлению в 346 году положил конец Дионисий, завоевав Сиракузы, очевидно, с помощью предательства. Сам Нисей при этом погиб.

В течение десяти лет после своего отъезда из Ортигии Дионисий жил преимущественно в союзных Локрах, на родине своей матери Дорис, где его охотно приняли. Оттуда он послал в Сиракузы на помощь своему сыну Аполлократу Нисею и, по-видимому, боролся с луканами и бреттийцами. На Сицилии его войскам удалось захватить несколько городов, пока сражавшийся за него спартанец Фаракс не начал действовать самостоятельно и Калипп не освободил Катану. Сохранил ли Дионисий Мессану, которую Калипп не сумел взять, остается под вопросом; однако возродившийся Регий он потерял, и вообще оставшаяся ему от отца подвластная область в Южной Италии сильно уменьшилась. По-видимому, эти потери побудили Дионисия попытаться создать новую базу для тирании, заняв крепость Локр и учредив свою тиранию в городе (352/351 гг.). Возмущенных этой гнусной неблагодарностью граждан он в последующие годы подавлял своим жестоким правлением. Согласно данным античных историков, которые из-за своей антитиранической направленности не могут заслуживать полного доверия, он чудовищным образом насиловал женщин и девушек, конфисковал собственность зажиточных локрийцев, а их самих изгонял и убивал. Однако он, по-видимому, никогда не отказывался от мысли о восстановлении своей власти над Сиракузами. Не принимая во внимание непрочность своего господства над Локрами из-за ненависти населения, он сразу ухватился за возможность

осуществления этого желания, уповая на слабость Нисея. Но как только он отплыл, локрийцы выгнали его гарнизон и в тяжелых боях с войсками тирана восстановили свободу города. Все просьбы Дионисия и ходатайствовавших за него тарентинцев о выдаче его супруги и детей, оставшихся в Локрах, они отвергли и осуществили страшную месть над Софросиной и двумя дочерьми тирана. По-видимому, младший сын тоже был убит, тогда как старший, Аполлократ, который иногда вступал в конфликт с отцом, отправился вместе с ним против Сиракуз. С Локрами Дионисий потерял все, что еще оставалось у него в Южной Италии. На Сицилии же Сиракузы были единственным, чем он правил после свержения Нисея. Тем временем в ближних Леонтинах тираном стал Гикет, некогда сторонник Диона. Тираноборческое предание рисует его страшный портрет, с которым несколько не вяжется то, что дионисийцы бежали из Сиракуз от Дионисия к нему и даже вручили ему командование борьбой против возвратившегося тирана в надежде на то, что прежний единомышленник Диона после победы будет править в его духе.

Вместо обширной территориальной тирании великого Дионисия на Сицилии теперь существовало множество мелких локальных тираний, в основном установленных людьми, которые не были уроженцами попавших под их власть мест. Они еще могли пытаться разбойничьими походами вплоть до берегов Италии добывать средства для поддержания своего господства, но никто из них не смог бы своими силами сбросить тиранов других городов и еще раз добиться объединения сицилийских греков. Эта раздробленность, дополненная обезлюдением и опустошением некогда цветущих местностей, которые еще усугубили тираны и орды их наемников, лишала эллинов острова возможностей и сил сплоченно выступить против карфагенян, если бы они опять вернулись к своим завоевательным планам. А распад империи Дионисия мог пунийцев к этому побудить, тем более что они надеялись, что кто-нибудь из тиранов в целях сохранения или расширения своего господства станет на их сторону, если вообще не призовет их.

И действительно, Гикет пытался заключить с ними союз против Дионисия, тогда как бежавшие к нему сиракузцы просили помощи у своей метрополии Коринфа как против Дионисия, так и против растущей угрозы вторжения карфагенян — шаг, который Гикет поддержал для видимости, надеясь, что коринфяне откажутся. Однако когда тираноненавистники коринфяне решились на помощь, ему пришлось опасаться за свое положение в Леонтинах, но прежде всего за желанное господство над Сиракузами, которое он надеялся получить с помощью карфагенян. Поэтому он заключил с ними соглашение и попытался отговорить коринфян от экспедиции на Сицилию, пугая их вероятностью столкновения с превосходящими людскими силами пунийцев. Получив известие, что несмотря на это предостережение, коринфянин Тимолеон отплыл со своей эскадрой и приближается к острову, Гикет решил действовать быстро. Он уговорил карфагенян перехватить Тимолеона в проливе под Мессаной, а сам с находящимися у него сиракузцами и прочими войсками совершил налет на Сиракузы, но не смог туда проникнуть. Лишь когда он на обратном пути в Леонтины разбил преследовавшего его Дионисия, он смог захватить сухопутную часть города, но не Ортигию, где противник продолжал удерживаться. Положение тем больше напоминало ситуацию времен Диона, что Гикет, нуждающийся в сиракузцах для завоевания островной крепости, не мог открыть им свои истинные цели, а представлял себя освободителем (345 год).

Тем временем Тимолеон, посланный для борьбы с пунийцами и тиранией, у Регия натолкнулся на карфагенскую эскадру, командование которой попыталось повернуть его назад. Там же появились посланцы Гикета и заявили, что их господин, который перед коринфянами тоже разыгрывал борца за свободу, хотел бы видеть Тимолеона рядом с собой в качестве советника, но настоятельно рекомендует ему отослать войска, поскольку борьба против Дионисия почти завершена. Но Тимолеон не дал ввести себя в заблуждение. Со своими десятью судами он ловко ускользнул от пунийцев и высадился под Тавромением, тиран

которого Андромах присоединился к нему. Теперь Гикету пришлось открыть карты. Он призвал на помощь карфагенский морской контингент и по просьбе части населения Адранона, расположенного юго-западнее Этны, двинулся против Тимолеона. Хотя последний не располагал значительными силами и не мог рассчитывать на поддержку граждан греческих городов, обманутых свободолюбивыми лозунгами будущего властителя, ему все же удалось победить сомнительного соперника и настолько ослабить его положение в Сиракузах, что отныне Гикет не мог и мечтать о скором установлении своей тираннии во всем городе (345/344 гг.). Его шансы уменьшались и за счет того, что Тимолеон, из тактических соображений вначале выступивший вместе с другими тиранами, поразительно быстро завоевал Ортигию. Дионисий, которому противостояли теперь три врага: Гикет, карфагенская эскадра и стремительно приближавшийся Тимолеон, вступил в переговоры с коринфянином, в результате чего последнему были переданы островная крепость, богатое военное снаряжение и две тысячи немцев. Команду над четырьмя сотнями человек принял на себя два коринфских офицера, тогда как сам Дионисий с несколькими приближенными, захватив деньги, явился в лагерь Тимолеона под Катаной. Оттуда он отправился в изгнание в Коринф (344 год).

Там свергнутый тиран жил еще долго и спокойно как частное лицо. Видимо, в 337 году у него была встреча с царем Филиппом, интерес которого вызвал человек, некогда правивший самой большой державой в греческом мире. Его падение с царственных высот и современники, и потомки считали подлинной судьбой всякого тирана и не считали расписывать ничтожность его существования в Коринфе. То он кутил со всяким сбродом в кабаках и играл с невичками, то становился классным наставником или нищенствующим монахом Великой Матери. В действительности же он жил в скромных условиях, предаваясь не своим прихотям, а духовным интересам, в первую очередь, философии, которую, по-видимому, никогда не оставлял. Со временем он не помирился и сравнивал не в его пользу

с Платоном, о котором, очевидно, сохранил добрую память. Он поддерживал отношения и с другими выдающимися умами своего времени, например, с учеником Аристотеля Аристоксеном, которому, вероятно, рассказал историю о Дамоне и Финтии. То, что его преследовало всеобщее презрение, разумеется, преувеличено, так же как и вся история младшего Дионисия тенденциозно искажена преданием, за исключением отзывов Платона. Конечно, нельзя отрицать его слабости и пороки, но он обладал искристым умом, живым интересом к большим жизненным вопросам, склонностью к поэзии и некоторыми по-человечески симпатичными качествами. Тираноборческая традиция также недооценивает его качества политика и властителя. В сравнении с анархией и раздробленностью сицилийских греков после его свержения Дионом десятилетие его господства, в сущности, не слишком угнетающего, можно назвать почти счастливым временем. Эллины острова не смогли поставить на его место нечто лучшее. Был ли на это способе коринфянин Тимолеон, могло показать только будущее.

После сдачи Ортигии и отъезда Дионисия Сиракузы освободились только от одного властителя, потому что в сухопутной части города как и прежде правил Гикет, больше не скрывавший, что для него речь идет не об освобождении граждан, которые, кстати, не назначили его стратегом-автократом, а о тираническом господстве. Когда провалились его попытки захватить островную крепость и устроить покушение на Тимолеона, он воспользовался заключенным ранее союзом и призвал на помощь карфагенского военачальника Магона, который до сих пор действовал на южном побережье Сицилии. Со 150 судами тот вторгся в Большую гавань, но не смог воспрепятствовать Тимолеону снабжать Ортигию. Поэтому было решено вместе выступить против него в Катану — предприятие, ставшее несчастливym еще до начала боевых действий, ибо тем временем коринфянину Неону, коменданту островной крепости, удалось проникнуть в сухопутную часть города и занять округ Архадину. Срочно вернувшийся Гикет вынужден был довольствоваться оставшейся частью города,

Но и этого мало: трения между ним и Магоном, а также нежелание сиракузцев поддерживать ни предполагаемого освободителя, ни ненавистных пунийцев, но прежде всего смута в Карфагене, где грозила тирания некоего Ганнона, побудила Магона отправиться на запад. Вскоре после этого под Сиракузами появился Тимолеон. Его превосходство было настолько явным, что Гикет вынужден был пойти на соглашение, согласно которому он, очевидно, отказался от союза с карфагенянами, согласился на срытие крепости тирана и отказался от всяких претензий на руководящее положение в Сиракузах. Затем он отошел со своими войсками в Леонтины, где его тирания оставалась незыблемой (343/344 гг.).

Тимолеон, теперь владыка всего города, приказал разрушить не только крепость на Ортигии, но и дома прежних тиранов, даже их надгробные памятники. Он, действительно стремившийся к освобождению от тирании, упорядочил конституцию в демократическом духе, однако с олигархическими чертами. Отныне избираемый из трех родов жрец (амфипол) Зевса-Олимпийца занимал высшую должность эпонима, которая, впрочем, не давала больших политических полномочий. Далее его заботы были направлены на пополнение числа жителей. Поскольку призыв к сиракузцам, которые в течение последнего времени нашли приют на суше, остался без ответа, с помощью коринфян были призваны вернуться все живущие в эгейском мире изгнанники. Вернулось около пяти тысяч, затем еще из Италии и с Сицилии. Кроме того, из Коринфа и из остальной Эллады пригласили новых поселенцев, которые откликнулись в большом количестве, так что на старой территории Сиракуз смогло осесть примерно сорок тысяч человек, а в присоединенной к Сиракузам области Агирон — еще десять тысяч. Очевидно, Тимолеон хотел создать сильные Сиракузы, которые могли бы во главе союзных греческих городов на Сицилии противостоять карфагенянам. В конце концов, он ведь был послан для отражения этого противника, не оставлявшего мыслей о завоевании Сицилии, что подтвердила казнь отступившего от Сиракуз Магона. Однако решающего наступления так и не последовало вследствие внутренних конфликтов в пунийской столице.

Тимолеон использовал передышку, укрепляя тем временем новый порядок в Сиракузах, а с другой стороны, пытаясь предотвратить объединение Гикета и других тиранов с карфагенянами. Хотя ему не удалось взять Леонтины и свергнуть Гикета, однако он теперь обратился против Лептины, владыки Энгия и Аполлонии, и заставил его отправиться в изгнание в Коринф. Подвластные города получили автономию. Стремительная атака на Сиракузы, которую тем временем совершил Гикет, осталась безуспешной (342/341), но Тимолеон больше не отважился нападать на Леонтины. Он направил своих наемников, частично чтобы их занять и получить средства для их оплаты, частично чтобы использовать временную слабость Карфагена, для нападения на область, подвластную пунийцам; они добились отпадения этой области, а затем он завоевал принадлежавшую карфагенянам Энтеллу. Но прежде всего перед лицом грозящей ответной реакции пунийцев он создал боевой союз (симмахию) подчиненных или склоняющихся к нему городов на Сицилии под руководством Сиракуз (341/340). В него вошли не только автономные общины, как, например, завоеванная и освобожденная в 344/343 гг. Мессана или Эпгий и Аполлония, но также тиран Андромак из Тавромения и Мамерк из Катаны. Даже сам Гикет из Леонтин, с которым Тимолеон возобновил переговоры, изъявил готовность выставить для борьбы с Карфагеном значительный корпус наемников и сдержал свое обещание, когда в 339 году разразилась война. Следует подчеркнуть, что большая победа, одержанная коринфянином над пунийцами на реке Кримис, стала возможной только благодаря участию войск многих тиранов.

Именно блестящий успех и ведущее положение на острове, обеспеченное этим успехом, позволили обратиться к претворению в жизнь лелеемого им с самого начала плана устранения на Сицилии всех тираний. Перед этой угрозой Гикет и Мамерк заключили союз не только между собой, но и с карфагенянами, пообещавшими желанным союзникам сохранение или даже расширение их господства. И действительно, вместе им удалось разбить отряд наемников

Тимолеона под Мессаной — успех, большой вклад в который сделал Мамерк. Гикет, по-видимому, не получил никакой помощи для борьбы против Тимолеона и сиракузцев; тогда как коринфянин осаждал маленький город Калаврию, он, разграбляя все на своем пути, вторгся в сиракузскую область, но был разбит Тимолеоном на реке Дамирий. Когда победитель после этого ушел в Леонтины, наемники Гикета подняли мятеж против своего господина, оставленного карфагенянами в беде. Один он не мог противостоять врагу. Они захватили его вместе с его сыном Эвполомом и командиром конницы Эвтимом и выдали Тимолеону. Все трое были казнены как тираны и предатели; родственников тирана Тимолеон отправил в Сиракузы, где народное собрание приговорило их к смерти, возможно, на основании обвинения, что Аристомакха и Арета были убиты Гикетом во время их поездки на Пелопоннес.

Оставалось рассчитаться с другими тиранами, в первую очередь с Мамерком. Несмотря на карфагенскую поддержку, он потерпел тяжелое поражение, а после заключения нового мира между Тимолеоном и пунийцами, когда они обязались не помогать тиранам, оказался в полной изоляции (338 год). В этом бедственном положении он отправился в Южную Италию, чтобы объединиться с луканами. Его окружение, сочтя этот план бесперспективным, покинуло его и сдало Катану Тимолеону, положившему конец господству кампанских наемников в Этне. Сам же Мамерк, получив отказ от луканов и потеряв власть, нашел приют у Гиппона, посаженного карфагенянами тираном в Мессане. Здесь его и постигла судьба. Когда Тимолеон появился у города, Гиппон после неудавшейся попытки побега был зверски убит восставшим населением, после чего Мамерк сдался при условии, что его выдадут народному суду Сиракуз, а не Тимолеону. Если он надеялся, что на суд произведет впечатление речь, которую сочинил этот гордый своим обращением тиран, то он был жестоко разочарован. Граждане, измученные его пиратскими налетами, даже не пожелали его слушать, когда же он в отчаянии попытался покончить с собой, то был схвачен и, видимо, по желанию Тимолеона,

распят на кресте. Тираны сикульских городов юго-западные Этны, Никодем из Кентурипы и Аполлониад из Агирия, были свергнуты Тимолеоном еще до похода на Мессану. Первый бежал, о судьбе второго ничего не известно. И Кентурипа, и Агирий, где появилось много новых жителей, вошли в сиракузский гражданский союз. Что касается Тавромения, то часть населения явно была связана с Никодемом, но не сам тиран Андромах, который после прибытия Тимолеона на Сицилию присоединился к нему и продолжал хранить верность. Поэтому он оказался единственным владыкой города, которого коринфянин оставил на прежнем месте.

Ничто не свидетельствует о том, что Тимолеон, несмотря на большую власть, которой он теперь обладал, стремился к господству над Сицилией. Он модифицировал конституцию Сиракуз в некоторых пунктах и собирался сделать город сильным автономным государством, которое во главе боевого союза греческих и сикульских городов могло бы длительно отражать натиск карфагенян. Он привлек в Сиракузы много тысяч новых жителей из дальних и ближних мест и превратил их в гигантский город, в который влились Леонтины, а жители Кентурипы и Агирия получили гражданские права. Все это напоминало о старшем Дионисии. Но, в отличие от него, Тимолеон не создавал многочисленные бесперспективные города. Об этом свидетельствует как литературное предание об Акраганте, Геле и Камарине, так и археологические находки в этих и других местах. Тимолеону повсюду воздавались почести как победителю и ойкасту, освободившему города от тиранов, орд наемников или господства карфагенян; он привел в них новых поселенцев и пытался обеспечить дальнейшую автономию и благополучие их существования. В симмахию после мира с пунийцами были приняты все города восточнее Галика, союз получил четкий устав, нашедший отражение и в чеканке монет. Тем не менее остался вопрос, надолго ли сицилийские греки смогут сохранить свою свободу в такой форме. Не свидетельствует ли договоренность, что в случае новой карфагенской войны глава союза, Сиракузы, должны

вызвать полководца из метрополии Коринфа, о том, что Тимолеон опасался появления новой тираннии? Несколько лет он, который чувствовал себя настоящим коринфянином и никогда не занимал никакой должности в Сиракузах, стоял на страже своего детища, но, видимо, полностью ослеп после похода против Мессаны. Целое десятилетие после его смерти его творение просуществовало на благо Сицилии. Но было бы странным, если бы тогда, когда городские общины метрополии приходили в упадок и внутри, и во внешнеполитическом отношении, желаемое Тимолеоном возрождение духа полиса произошло бы в той части греческого мира, где этот дух был развит гораздо слабее. Да и такое усиление партикуляризма перед лицом постоянной угрозы Карфагена было сомнительно. Лишь мощная тиранния, существовавшая до Тимолеона, была способна действительно противостоять пунийцам. Вряд ли можно было ожидать, что союз автономных городов будет на это способен или что появится новый Тимолеон в эпоху, проходившую под знаком великих территориальных империй Филиппа и Александра, когда полисы могли развиваться, лишь став их частью или примкнув к ним. Да и для эллинов Сицилии существовала в будущем лишь такая альтернатива: либо попасть в зависимость от одной из великих держав, либо вновь подпасть под власть тирана типа Дионисия, который сам основал бы великую территориальную империю. И то, и другое вряд ли было бы хуже, чем новое появление множества мелких тиранов, которые, как показывал опыт последних десятилетий, вместо защиты от внешнего врага и внутреннего умиротворения вновь принесли бы анархию. Если греческие города Южной Италии, где в IV веке нигде не возникла значительная тиранния, постепенно все больше и больше отступали в тень Рима, то на Сицилии уже 20 лет спустя после смерти Тимолеона вновь появился тиран, Агафокл, закрепившийся на целый человеческий век. Для характера и положения сицилийских греков было типично, что установленный Тимолеоном республиканский порядок остался лишь эпизодом в более чем вековой истории тираннии.

Глава II МЕТРОПОЛИЯ

1. Фессалия

В течение V века наряду с феодально-аграрными отношениями, еще существовавшими на обширных пространствах, вследствие усиления городских общин с их значительным слоем ремесленников появился новый фактор. Их социальные запросы, а также растущее недовольство более или менее зависимых пенестов* могли бы помочь человеку, защищавшему их интересы, установить свою тиранию над каким-либо городом. Очевидно, нечто подобное хотел совершить некий Прометей, когда в 406 году вместе с изгнанным из Афин Критием в неизвестной нам части Фессалии вооружил пенестов против их господ, даже если он и собирался установить республиканский порядок. Однако после того, как покушение на него закончилось неудачей, он сам потерпел политическое фиаско. По-видимому, Критий познакомил Прометея с учением софистов. Многие крупные землевладельцы, к которым, возможно, относился и он, были проникнуты духом нового образования, откуда они лучше всего усвоили учение о праве на господство отдельного, превосходящего других индивидуума. Алевяды из Ларисы были связаны с Горгием; один из членов этого дома, Эврилох, так же как княжески богатый Сколий и

* В Фессалии — зависимое сельскохозяйственное население, близкое по своему положению к плотам в Спарте.

Кранионе, попытался привлечь в свое окружение Сократа, который в обоих случаях отклонил предложение. Если верить Ксенофону, которому, впрочем, противоречит положительное мнение Платона, то в конце V века Менон, происходящий из царского рода в Фарсале, представлял собой тип софистически образованного фессалийского господина. Он, очевидно, слушал Горгия, но был исполнен бесстыдной личности и властолюбия. Нечто подобное представляли собой и те господа, которые на рубеже веков на земле Фессалии основывали тиранию или достигали тираноподобного положения.

Когда Ликофрон из Фер стал тираном своего экономически развитого родного города, нам не известно. Однако в 404 году его власть была настолько прочной и сильной, что он, вероятно, с одобрения спартанцев попытался подчинить себе всю Фессалию, которая после смерти тага (племенного вождя, князя. — *Ред.*) Даоха (около 420/415 гг.) меньше, чем когда-либо, сохраняла политическое единство. 3 сентября он разбил ларисанцев и других фессалийцев и сверг правление Алевадов, так что в Ларисе могла появиться умеренная демократия, но осуществить свой великий план ему не удалось. Аристипп, глава Алевадов, нанес вскоре ответный удар (402/401 гг.), после того как персидский принц Кир на его просьбу о двух тысячах наемников и оплате их за 3 месяца прислал ему четыре тысячи и оплатил их службу за 6 месяцев. Аристипп установил в Ларисе свою власть. Когда Кир вскоре отозвал войска для похода против своего брата и предложил Аристиппу пойти на компромисс со своими противниками, тот, по-видимому, не согласился с этим, а распорядился, чтобы дружественный Менон из Фарсала предоставил принцу тысячу топщитов и пятьсот пеластов. Он нуждался в военной силе, чтобы предохранить свое господство от Ликрофона и строптивых ларисанцев. Он пытался представить свое господство как продолжение «династии» Алевадов, но в действительности оно ничем не отличалось от тирании. Возможно, Аристипп и Алевяды попали тогда в настолько трудное положение, что призвали на помощь македонского царя

Архелая и тем самым дали ему возможность подчинить себе большую часть Фессалии и разместить в Ларисе свой гарнизон. Однако чужая власть просуществовала недолго, поскольку царь умер в 399 году. Видимо, Аристипп тоже вскоре ушел из жизни, потому что в 395 году правителем Ларисы становится *Медий*, тоже из дома Алевадов. Он возобновил борьбу с проспартански настроенным Ликофроном из Фер, врагом своего рода, и с помощью анτισпартанской коалиции в Центральной Греции и Пелопоннесе завоевал город Фарсал, где в течение нескольких лет размещался спартанский гарнизон. Часть жителей была продана в рабство. Если Медий рассчитывал разбить Ликофрона и вернуть своему роду прежнее господствующее положение, то его ожидания не оправдались, несмотря на распространяющуюся с стране ненависть к спартамцам. Друзья Спарты были везде, в том числе и в самой Ларисе. Когда Агесилай в 394 году при возвращении из Малой Азии проходил Фессалию, враги еще имели перевес, но в том же году после битвы при Коронее положение изменилось, по крайней мере, в Фарсале: там в кровавой резне были перебиты наемники Медия. Нам так же мало известно о характере его тираноподобного господства, которое сохранило в Фарсале существование власти, как и о господстве Ликофрона. Нельзя даже точно определить продолжительность их правления, поскольку предание молчит об истории Фессалии последующих пятнадцати лет.

Видимо, к началу 70-х годов внутренние смуты в Фарсале привели к тому, что граждане наделили *Полидама* особыми полномочиями. Он не принадлежал к некогда правившему роду, как Менон, погибший в Азии, но во всей Фессалии пользовался большим уважением. Ему передали крепость, взимание законных налогов и их использование на общественные цели, то есть предоставили почти царское положение. Он оплачивал теперь гарнизон крепости, который состоял, очевидно, из наемников, и иногда выдавал средства из собственного большого состояния, но от тирани отличался законностью своего положения, которым дорожил, ежегодно делая отчет. Во внешней политике он при-

держивался как руководитель общины союза со Спартой и поэтому в 375 году отклонил добровольное присоединение к Ясону, могучему тирану Фер, пока отказ лакедемонян энергично выступить против него не вынудил Полидама к соглашению с опасным соседом. Но и при этом он действовал не тиранически, когда самовольно и только от себя лично заключал соглашение. Он пообещал уговорить фарсалийцев заключить союз с Ясоном и ходатайствовать об избрании его тагом фессалийцев, но, с другой стороны, отдал своих детей как залог соблюдения договора. Его мудрая, умеренная политика привела к тому, что после смерти Ясона (370 год) он остался во владении крепостью Фарсала и в признанном за ним квазимонархическом положении, но пока он находился в зависимости от человека, который среди всех известных в IV веке в метрополии был самым могущественным и значительным.

Ясон из Фер

Ясон, сын Ликофрона из Фер, принадлежал к тем властолюбивым людям, которые в молодости получили софистическое образование. Он был слушателем Горгия и находился в дружеских отношениях с его учеником Исократом. Невозможно узнать, непосредственно наследовал он Ликофрону господство на Ферами или тиранию вначале унаследовал *Полиалк*, старший брат Ясона; неизвестным остается и время, когда он пришел к власти. Во всяком случае, это произошло еще в 80-е годы, поскольку незадолго до 379 года он помогал некоему *Неогему* захватить крепость Гестию на севере Эвбеи и стать тираном округа и города Орей. Однако попытка самому укрепиться при выходе из Пагасайского залива не удалась, поскольку спартамцы вскоре изгнали ставленника Ясона и разместили в Орее свой гарнизон. Зато ему удалось до 375 года с отрядом вымуштрованных наемников в шесть тысяч человек вынудить большинство крупных городов Фессалии к

союзу и подчинить себе мараков, долопов и молосского царя Алкета в Эпире. Полидам из Фарсала, пытавшийся ему противостоять, в конце концов тоже вынужден был отступить, видя, что Спарта не решается ничего предпринять против этого могущественного человека, который к тому же объединился с Фивами и другими врагами лакедемонян. Так Ясону удалось без проблем стать избранным тагом фессалийцев (предположительно в 375/374 гг.), вследствие чего он на законном основании стал во главе всех фессалийцев. Он придал этой должности, которая была свободна 40 лет, гораздо более монархический характер, чем она когда-либо имела, и рассматривал ее как основу для дальнейшего распространения своего господства. Ясон собирался также присоединить окраинные народы, включая македонян, чьи леса могли обеспечить ему древесину для постройки большого флота, который он собирался укомплектовать пенестами. Он рассчитывал оснастить и вооружить корабли за счет военных взносов богатой Фессалии и дани подвластных областей. При этом чувствовал себя конкурентом, если вообще не противником Афин и их морского союза, в который он отказался вступать. Союзник Афин, хотя и не член морского союза, Ясон все же в 373 году вступил в него, очевидно, захваченный врасплох хитрым маневром аттического стратега Ификрата, проводившего с ним переговоры. В конце того же года он даже лично явился в Афины, чтобы свидетельствовать в пользу обвиненного военачальника Тимофея.

Но несмотря на официальные связи с Афинами, Ясон сохранял полную свободу действий. Хотя он лелеял мысль вытеснить Спарту из Средней Греции, но все же поддерживал с ней хорошие отношения, унаследованные от Ликофрона, и придавал большое значение тому, чтобы быть другом-гостем лакедемонян. В Фивах, в честь которых он еще раньше назвал свою дочь Фивой, ему был близок Пелопид; Ясон также добивался расположения Эпаминонда, но безуспешно. Последний видел в нем соперника в борьбе против Спарты, тогда как Ясон, исходя из своих интересов, не мог желать усиления Фив. Однако там после битвы

при Левктрах надеялись с его помощью полностью сломить Спарту и призвали его в 371 году. Он прибыл с наемниками и судами; однако отсоветовал вести против лакедемонской армии борьбу на уничтожение. Беотия не должна была становиться слишком сильной, желательнее было равновесие со Спартой, которое давало ему возможность воздействия, а при необходимости и вмешательства. Поэтому он добился перемирия между противниками, оно позволило остаткам разбитого спартанского войска беспрепятственно вернуться на Пелопоннес. Затем Ясон возвратился на север, где незадолго до этого воевал с фокейцами, и теперь не только опустошил часть их страны, но и, используя слабость Спарты, разрушил стены укрепленной крепости Гераклея Трахинийской. Область города он предоставил соседним ойтайцам и мамийцам, которые, будучи «перизками» фессалийцев, подчинялись ему как тагу. Поскольку затем македонский царь Аминта III был вынужден признать верховенство Ясона в форме союза, как это уже сделал молосский царь Алкет, то в 371/370 гг. подвластная область великого династа на юге, севере и западе простиралась за границы Фессалии.

Исходным пунктом была тирания над Феррами и соседними Пагасами, которыми владел уже Ликофрон, а Ясон сохранял владычество всю свою жизнь. Оно основывалось на унаследованном богатстве семьи, которое он, как и многие властелины, сумел приумножить финансовыми манипуляциями, иногда даже за счет собственных родственников. С самого начала эти средства дали ему возможность содержать наемное войско, которое уже в 375 году насчитывало шесть тысяч человек. Это были отборные, превосходно обученные люди, ибо, как и Дионисий I, на которого он в чем-то был похож, Ясон предъявлял к ним высокие требования и вознаграждением разжигал их честолюбие, безжалостно отбрасывая неудобных. Опираясь на наемное войско, окруженный лейб-гвардией, он властвовал над Феррами как прежние тираны в Греции. Ни о какой верховной должности в городе не было и речи. Ясон, богатый и могучий, стоял как самостоятельная величина рядом с общиной, сохранявшей свои коммунальные порядки и чеканившей

монету от своего имени. Нельзя точно сказать, повысил ли тиран регулярно выплачиваемые налоги. То, что его власть над городом была крепкой, объяснялось, очевидно, не только подавляющей военной силой, но и умеренным правлением, а также экономическими выгодами, которые обеспечивала населению его политика. Аристотель передает его высказывание: «Я голодаю, если не повелеваю как тиран.» Но при всем своем властолюбии Ясон все же не был тираном, нагло попиравшим право и закон. Его слова: «Нужно совершить нечто несправедливое, чтобы иметь возможность совершить нечто справедливое» характеризуют его как человека, глубоко вникнувшего в этическую проблематику любого политического деяния. Однако наибольшее впечатление на Ксенофонта и других современников произвели прежде всего его колоссальная энергия, самодисциплина и необычайные военные способности. В физических упражнениях или в перенесении лишений Ясон лично подавал своим солдатам лучший пример. Он заботился также о больных и почетном погребении павших и проявил себя и на поле битвы, и в разработке новой тактики военного искусства. К сожалению, о его внутривосточной деятельности нам ничего не известно. Его правление Феррами положительно воспринималось демосом города, но коренным улучшением положения пенестов Ясон, видимо, не занимался ни как тиран, ни как таг.

После избрания на пожизненную должность предводителя всего племени, которое прошло формально корректно, но фактически под давлением его власти, Ясон остался владыкой Фер, но и в этом качестве он проводил по отношению к Афинам свою собственную политику и совершал походы только со своим наемным войском. Даже после его вмешательства после битвы при Левктрах это не подлежит сомнению, хотя он был призван беотийцами на основании их союза с фессалийцами. Создается впечатление, что он присоединил ойтайцев, малиев и перрхобов не столько к фессалийцам, сколько к себе лично. Если уж таг противостоял союзу родов (койнон) как партнер, то положение Ясона походило на отношение тирана к своему полису, в

котором он — как, например, Дионисий — занимал исключительно высокую должность. О тирании напоминает также тот факт, что он был избран не для руководства решенной всеми фессалийцами войной — нормальной задачей тага, а в лучшем случае для улаживания внутрифессалийских раздоров, и прежде всего потому, что таково было его желание. Свидетельством тому служит и передача должности по наследству, что позволяет говорить о династии. В то же время нельзя уподоблять тиранию Ясона над всей страной территориальному владычеству Дионисия. Нет и речи о насилии над городами, кроме Фер, а также об использовании большого военного потенциала Фессалии для расширения своей личной власти. Этот потенциал составлял 8000 всадников, 20 тысяч гоплитов и множество легковооруженных, сюда же можно добавить массу занятых на флоте пенестов, а также военное участие окраинных родов. Возможно, в будущем он собирался использовать эти силы, если бы дело дошло до осуществления лозунга, провозглашенного его учителем Горгием и поддержанного дружественным ему Исократом, — пойти войной на персидского царя, победить которого ему казалось легче, чем покорить Грецию. Однако для этого вначале необходимо было обеспечить койнону фессалийцев гегемонию над Элладой. Почву для этого должно было создать восстановление прежнего ведущего положения в дельфийском амфикионе. Лишь теперь, зимой 371/370 гг., он выступил как таг всей Фессалии. Для весенних Пифийских праздников, руководство которыми Ясон хотел взять на себя, он велел во всех городах подготовить необычайно большое количество жертвенных животных и назначил приз за лучшего быка — золотой венок. Однако сами фессалийцы должны были явиться в полном вооружении. Страх дельфицев, что Ясон может покуситься на сокровища святилища, был совершенно неоправданным. Ему было необходимо продемонстрировать военную мощь, имеющуюся в его распоряжении, и показать себя подлинным вождем всей Греции в совместной борьбе против персов. Можно сомневаться, что он достиг в этом успеха, несмотря на его

выдающиеся способности, на мощь фессалийского войска и сравнительно благоприятный шанс, который появился после крушения Спарты. Это сомнение подтверждается не только укреплением Беотии, но и общими соображениями. Еще в меньшей степени, чем на Сицилии, греки полисов метрополии были готовы добровольно признать деспота, не говоря уже о человеке, на котором было пятно тирана. Когда Ясон еще до начала Пифийских празднеств был убит во время осмотра конницы в Ферах семью юношами благородного происхождения, пятеро из заговорщиков, которые, кажется, служили в лейб-гвардии, встретили в нефессалийских городах восторженный прием: до такой степени — свидетельствует современник Ксенофонт, обычно отзывавшийся о Ясоне с восхищением — боялись эллины, что он может стать их тираном. Исполнение должности тага — и не без оснований — казалось завуалированной тиранией, заключавшей в себе возможность ее распространения на всю Грецию. Подоплека покушения, которое, возможно, было не первым, покрыта мраком. Видимо, как утверждали некоторые, к нему был каким-то образом причастен Полидор, брат Ясона, но точно известно, что за убийством не последовало ни свержения тирании в Ферах, ни восстания в остальной Фессалии. Владычество над городом и должность тага остались за домом убитого.

Трое сыновей, оставшихся от Ясона, к моменту его внезапной смерти, по-видимому, еще не выросли. Во всяком случае, должность тага была передана братьям погибшего, *Полидору* и *Полифрону*, которые вначале совместно властвовали и над Ферами, как это происходило обычно, например, у Писистратидов. Но уже через короткое время Полидор был убит по пути в Ларису, предположительно Полифроном, которому достались тирания и должность тага. В отличие от Ясона, в качестве тага воздерживавшегося от силового вмешательства в дела фессалийских общин, Полифрон в этой роли был похож на тирана, как замечает Ксенофонт. В Фарсале он приказал устранить Полидама вместе с восемью самыми влиятельными гражданами и выслал немало жителей Ларисы, преимущественно чле-

нов дома Алевадов. В обоих городах подняла голову оппозиция превращению должности тага в династию. Однако господство Полифрона продлилось лишь десять месяцев, а затем его убил Александр, сын Полидора, но не только потому, что видел в нем убийцу своего отца, а потому что сам стремился к господству.

Александр из Фер

После устранения дяди Александр получил как тиранию над Ферами, так и должность тага. Женатый на дочери Ясона Фиве, он в течение 11 лет (369—358 гг.) был владыкой родного города, но постепенно полностью утратил власть над остальной Фессалией. Уже в 369 году иппианты Полифроном жители Ларисы призвали на помощь македонского царя Александра II, который занял этот город, а также Краннон, но не для того, чтобы обеспечить обеим общинам свободу, а чтобы сохранить их для себя. Напрасно ферейский Александр пытался ему помешать. Ему пришлось примириться с утратой городов, когда и в других местах поднялись волнения. Ибо вскоре стало очевидно, что он, который вначале выдавал себя за освободителя от тирании Полифрона, идет по его стопам и хочет подчинить себе фессалийские города. В своем бедственном положении они обратились к Фивам с просьбой помочь им обрести свободу. Тогда явился Пелопид с войском, занял Ларису, продвинулся в Македонию, где уладил споры вокруг трона и вынудил Александра II отказаться от обоих фессалийских городов. Затем Пелопид занялся делами других городов, попытавшись, кстати, заставить ферейца отказаться от его тиранических намерений в отношении фессалийцев и исполнять должность тага в духе Ясона. Когда эти усилия не увенчались успехом, он усилил отпор тирании, образовав единый фронт всех фессалийцев, которые, по-видимому, выбрали нового тага. Однако поскольку Александр не прекратил своих нападений на города, фессалийцы вновь

запросили помощи Фив (368 год). Военной помощи они не получили, но в качестве посредников были присланы Пелопид и Исмений. Вначале Александр, по-видимому, держался тихо, так что фиванец вновь мог вмешаться в династические споры в Македонии, где умер Александр II. Надеясь задержать на вербованных, но изменивших ему наемников у Фарсала, Пелопид неожиданно столкнулся с подоспевшим тираном и его войском, когда же направился на переговоры в его лагерь, то был вместе со своим сопровождением вероломно схвачен. Вслед за тем Александр захватил город Фарсал, где продолжалось сопротивление владыке Фер и после устранения Полидама. Произшедший затем открытый разрыв с Фивами должен был навести тирана на мысль искать поддержки у их противников, прежде всего у Афин. Он заключил союз с городом, который вскоре послал ему вспомогательный корпус, тогда как он, со своей стороны, давал ему субсидии. Беотийская опасность была вначале не слишком велика. Вторгшееся в Фессалию войско из-за бездарного командования попало в тяжелейшее положение, из которого его вызволил Эпаминонд, ранее отстраненный от командования, но теперь спонтанно назначенный самим войском вновь военачальником. Враждебные Александру фессалийцы не оказывали помощи и, когда в 367 году беотийские войска под командованием Эпаминонда вновь появились в Фессалии, поддерживали их очень мало. Больше, что было достигнуто — Александра вынудили пойти на перемирие и выдать Пелопида. Возможно, он отдал также Фарсал; в остальном же Фессалия была оставлена ему беззащитной.

Тиран использовал открывшиеся возможности со свойственной ему беззащитностью. Еще до последнего похода Эпаминонда он напал на города Мелибою и Скотуссу; его наемники зверски вырезали мужское население, детей и женщин он продал в рабство, чтобы использовать выручку для оплаты наемников. Разумеется, он считал себя теперь не только тагом фессалийцев, но и продолжал стремиться к установлению своей тирании над всей Фессалией. Плохим тагом для фессалийцев называет его Ксенофонт, а

также плохим врагом для фиванцев и афинян, наглым разбойником на суше и на море. Позднейшие писатели тоже часто говорили о жестокости тирана. Однажды он покинул драматическое представление, чтобы не растрогаться от сочувствия, и вместе с тем ему приписывали ужаснейшие преступления, а о его подозрительности ходили такие же рассказы, как и о недоверчивости Дионисия. Даже если в этих рассказах портрету тирана придавались типичные черты, постоянно упоминающиеся с V века, не может быть сомнения в деспотизме его природы и его владычества. Права, которые Ясон оставил за полисом Феры, были, очевидно, урезаны его племянником, который первым среди тиранов начал чеканить на монетах свое имя, а не название общины. Он энергично продолжал покорять Фессалию. Александру действительно удалось покорить окраинные племена фтиотийских ахейцев и магнетов и присоединить их к подвластным ему областям, разместив там свои гарнизоны. Ему удалось также сломить некоторые города центра страны, но следствием было третье обращение фессалийцев за помощью к Фивам. Пелопид, охваченный понятной ненавистью к вероломному тирану, не смог вывести свой отряд в семь тысяч человек, который фиванцы решили послать, поскольку выходу воспрепятствовало солнечное затмение (июль 364 года), однако он появился с тремя сотнями всадников-добровольцев и корпусом наемников в Южной Фессалии, где получил пополнение от городов, борющихся за свободу. Надежды на раздоры в доме тирана, которые сковали бы действия противника, не оправдались, поэтому Пелопид вынужден был выступить со значительно более слабым войском, превосходящим противника лишь конницей. Тем не менее в Киноскефальских горах он одержал вторую победу, однако погиб при попытке сразить тирана собственной рукой. Александр, по-видимому, сознательно уклонился от поединка. Положение фессалийцев продолжало оставаться ненадежным, пока их не спасла вторая победа, одержанная беотийским отрядом в том же году. Тирану пришлось пойти на мировую, причем он отказался от господства над Фессалией и окраинными районами, исключая

южную часть территории магнетов. Ограниченный Ферами и Пагасами, он должен был отныне оказывать военную помощь беотийцам, и независимо от него ту же обязанность нес койнон фессалийцев, контингент которого сражался рядом с отрядом тирана при Мантинее (362/361 гг.) на стороне Эпаминонда. Союз продолжал придерживаться Фив, не выпуская из внимания все еще опасного владыку Фер. Когда же после падения власти в Беотии дело вновь дошло до военных столкновений с Александром, фессалийцы заключили договор с Афинами, который запрещал обоим государствам сепаратный мир с тираном (361/360 гг.).

Последний же после мира 364/363 гг. стал врагом своего бывшего союзника. Чтобы добыть нужные средства на оплату наемников, он, опираясь на несколько пунктов оставшегося ему юга полуострова Магнесия, начал заниматься крупномасштабным пиратством, что сильно затронуло и афинян, особенно после того, как летом 362 года Александр напал на остров Тенос и обратил в рабство его жителей, а в следующем году напал на Киклады и Пепарифос, который был членом аттического морского союза. Афиняне объявили тирану войну и объединились со свободными фессалийцами, но не смогли предпринять против Александра ничего существенного. Последнему, напротив, удалось захватить пять аттических триер, шестьсот пленных и освободить свои временно запертые на острове войска. Видимо, желая закрепить этот успех, его эскадра внезапно ворвалась в Пирей, где его люди собрали деньги со столов менял и с добычей скрылись. Вряд ли эта вылазка преследовала серьезные политические цели. Зажатый в Фессалии тиран вел себя как атаман разбойников и, что характерно, попытался объединиться с кондотьером Харидемом, который незадолго до этого установил свою тиранию над городами Трояды. Однако вскоре его постигла судьба. Его супруга Фива испытывала привязанность к городу, в честь которого получила имя, и была неравнодушна к врагу Александра Пелопиду, что и раньше приводило к ссорам с мужем. Она жила в бездетном и явно несчастливом браке. Отношения между супругами стали

совершенно невыносимыми после каких-то случаев, о которых уже современники не знали ничего определенного. Фива утверждала, что супруг посягает на ее жизнь, и по ее настоянию ее братья Тисифон и Ликофрон убили Александра в супружеской спальне на ее глазах (это отразил поэт Мосхий в своей трагедии «Ферейцы»). Позднее в этом стали видеть типичную судьбу тирана, так же как Александр стал воплощением беспощадной, жестокой тирании. Как рассказывают, его труп ферейцы предали поруганию; другие утверждали, что убийцы бросили тело в море, и это может соответствовать действительности. Предположительно, близкий к тирану человек из Пагас выудил его из воды, доставил к единомышленникам в Краннон, где его и похоронили.

Тираны середины века

После смерти Александра владыкой Фер стал *Тисифон*, старший из трех сыновей Ясона, но его брат *Ликофрон* играл наряду с ним не меньшую роль, так что вновь можно говорить о совместном правлении. Оба пользовались всеобщей симпатией за расправу с ненавистным тираном, потому что власть в Ферах стала значительно мягче. Тем не менее по отношению к койнону фессалийцев Тисифон продолжал прежнюю политику Александра, опираясь на оставшихся у него наемников, так что почувствовавшие угрозу противники, прежде всего Алсвады, искали помощи в Македонии у Филиппа II. Он воспрепятствовал новому распространению власти владыки Фер на другие города Фессалии (357 год). О Тисифоне нам известно, что он в том же году на основании договора, некогда навязанного Александру, поддерживал фиванцев против афинян на Эвбее; известно также, что он умер в 354 году, поскольку в этом году владыкой Фер стал уже Ликофрон, а третий брат, Пифолай, также стал соправителем. Видимо, уже в конце правления Тисифона внутри- и внешнеполитический

курс изменился; управление городом, несмотря на предостережения Исократы, стало жестче, а место союза с Фивами занял союз с враждебными Филиппу Афинами. Ликофрон, как и его предшественники, желавший распространить власть своего дома на всю Фессалию, видел основного противника в македонском царе, расстроившем замыслы Тисифона.

И это было совершенно верно. Когда он в 354 году пошел войной на свободных фессалийцев, прежде всего на Ларису, они вновь обратились к северному соседу. Филипп появился с войсками, отбросил Ликофрона назад и удачным нападением на соседние Пагасы отрезал Феры от моря. Брошенный в беде союзными афинянами, тиран обратился за помощью к Ономарху, могучему полководцу фокидцев, который послал ему семь тысяч человек под предводительством своего брата Фанлла (353 год). Однако они были разбиты македонцами, когда же пришел Ономарх с большим войском, он в двух битвах победил Филиппа. Впрочем, Ликофрон от этого не получил ничего, кроме мгновенного освобождения, поскольку победитель и не думал о передаче ему Фессалии, а собирался присоединить ее к своим владениям. При новом нападении македонца (352 год) тирану пришлось предложить Фессалию фокидцу, чтобы добиться от него повторного вмешательства. Однако теперь Филипп с помощью фессалийцев, боявшихся владычества как Ономарха, так и Ликофрона, добился решающей победы, которая стоила жизни фокидскому властителю. Тем самым тирания Ликофрона над Ферами утратила всякую опору. Он и его брат Пифолай капитулировали перед Филиппом, возможно, уже тогда избранного тагом, под гарантию отхода с двумя тысячами наемников. Эти войска, присоединив к ним 150 фокидских всадников, они послали спартамцам для борьбы против Мегалополя. В 349 году они оба находились в Афинах, где им пришлось предстать перед судом по не известному нам обвинению. Пифолай был лишен гражданства Атики, которое носил, видимо, во времена союза; Ликофрон больше не упоминается: вероятно, он умер до окончания процесса. Сомнительно, чтобы Пифолай вскоре после этого сумел вновь установить свою тиранию над

Ферами, он был сразу же изгнан Филиппом, как о том сообщает Диодор. По-видимому, с 352 года город стал свободным и членом койнона фессалийцев.

Родом из Фер был также *Диний*, сын Телесиппа, которому в середине 50-х годов принадлежало господство над Кранноном. Он разбогател на ловле птиц и арендовал у общины охрану города. Три года, как гласит предание, он превосходно заботился о безопасности граждан, при этом увеличил количество полиции и дал своему брату возможность арендовать десятину урожая. Для ведения его дел он передал ему много молодых охранников. После того как он распределил таким образом вооруженных людей по городу и предместьям, он во время праздника напал на граждан, многих перебил и установил тиранию над Кранноном. Подобным образом в 570 году Фаларис захватил в свои руки Акрагант. Нам ничего не известно о характере правления Диния; о его взаимоотношениях с тираном Фер можно также высказывать лишь предположения. В 352 году тиран потерял свою власть.

В Ларисе Алевады постоянно отражали попытки ферейского тирана установить власть над городом, но, как и в прежние времена, члены их собственной семьи также не были свободны от стремления к тирании. Видимо, около 350 года Алевод Сим, опираясь на часть рода, занял тираноподобное положение, проявившееся в том, что он, подобно Александру из Фер и Тисифону, чеканил на монетах города свое имя. Очевидно, большее сопротивление он встретил не у народа, а у недовольной группы Алевадов, с которыми дело дошло до кровавых столкновений. Когда брат Симы был убит членом этой группы Эвридамом, сыном Медия, он не только приказал убить преступника, но и протанцевать труп вокруг гробницы его жертвы. Кажется, противники Симы обратились в конце концов к царю Филиппу, изгнавшему в 344/343 гг. властителя вместе с его ближайшим окружением, хотя некогда тот сам призывал Филиппа в Фессалию. Обе группы рода Алевадов сошлись в конце концов на назначении архона, облеченного военной властью и стоящего над партиями; он занимал такое же

положение, как и Полидам в 70-е годы в Фарсале. С этого времени в Фессалии больше не было тирании, гарантией тому был новый порядок, установленный македонянином. Если историк Феопомп называет назначенного им тетрархом фарсалийца Фрасидея тираном, то это надо считать одним из его злобных высказываний, а не характеристикой вида правления.

2. Средняя Греция

Фокида

Фокидец Ономарх, которого Ликофрон из Фер дважды призывал на помощь, в середине 50-х годов сам занимал положение тирана. Определенные признаки этого можно увидеть уже у его предшественника, *Филомела*. Фокидцы воспротивились приговору амфикиона в отношении нескольких знатных людей и выбрали его стратегом-автократом (356 год), тем самым подчинив себя одному человеку так же, как подчинились сиракузцы Дионисию под угрозой войны с Карфагеном. Филомел, знатный и богатый человек из Ледона, призвал к оружию тысячу пелтастов и одновременно создал крепкий корпус иностранных наемников за счет собственных средств, а также тех денег, которые спартанский царь Архидам III передал ему лично, а не фокидской общине. Таким образом, как и некоторые будущие тираны, он создал собственный военный контингент. Однако, по крайней мере вначале, он не думал об установлении монархического господства, а напротив, захватил со своими войсками для фокидцев Дельфийское святилище и оплачивал отныне наемников из денег, конфискованных в сокровищнице. Такая конфискация храмовой собственности должна была восприниматься как вопиющее насилие и тем самым — как проявление тирании, если бы это не было

совершено во имя и на пользу фокидцев, которых из-за этого впоследствии обвинили в святотатстве, хотя Дельфы и были включены в состав Фокидского государства насильственно. Наемники теперь находились на службе фокидцев, а не Филомела: он командовал ими как избранный военачальник и к тому же обещал дать отчет о конфискованных ценностях перед всей Грецией. Устранение дельфийского рода Фракидов и конфискация их имущества также не может считаться «тираническим действием», поскольку ничто не говорит о том, что Филомел присвоил эти ценности себе. Если не придавать слишком большого значения сплетням и легендам, то лишь в самом начале деятельности Филомела можно найти отголоски обычного поведения тиранов.

Иначе обстоит дело с *Ономархом*, который участвовал в последних боях как сокомандующий Филомела и после его гибели в неудачной битве при Неоне (354 год) был избран стратегом-автократом. Уже то, что он назначил своим преемником своего брата Фаилла, указывает на его династические цели. Хотя враждебное ему и его дому предание и преувеличивает кое-что, он был тем не менее беззащитнее и корыстнее, чем его предшественники. По личным мотивам этот честолюбивый и жаждущий власти человек добился продолжения войны против амфикионов. Своих противников в Фокиде он казнил, а их имущество конфисковывал, возможно, для собственного обогащения, как он, видимо, присвоил кое-что и из храмовых сокровищ. Весь краткий период его деятельности был посвящен борьбе, поэтому трудно что-либо сказать о его насилии над Фокидским государством кроме того примечательного факта, что он — как до этого тиран Фер Александр — чеканил свое имя на местных монетах. Следует упомянуть также его вмешательство в Фессалии в пользу тирана Ликофрона из Фер; впрочем, оно было и в интересах самого Ономарха.

После множества победных боев, которые могли создать впечатление, что фокидский военачальник установил гегемонию над обширными областями Средней и Северной Греции, он был полностью разбит на поле Крока в 352 г.

царем Филиппом и сам погиб в бою. В соответствии с принятым ранее решением должность стратега-автократора перешла к его брату Фаиллу. Если в этом почти династическом наследовании прослеживается дальнейший поворот к тирании, то и личность Фаилла мало чем отличается от типичного тирана. Еще бесцеремоннее, чем Ономарх, он переплавлял сокровища святилища и превращал в оружие или монеты с собственным именем; жалование наемникам, число которых значительно увеличилось, было удвоено, а из находившихся в его распоряжении драгоценностей он делал своим гетерам богатые подарки. Вероятно, проявлением «солидарности тиранов» следует считать то, что Ликофрон и Пифолай, свергнутые владыки Фер, прислали оставшихся наемников фокидскому властителю. Когда Фаилл, сраженный смертельной болезнью, почувствовал приближение конца, он, как заведено среди тиранов, назначил своего несовершеннолетнего племянника Фалика, сына Ономарха, преемником на посту главнокомандующего под опекой родственника Мнасея из Элатеи, который, правда, в том же году (351) погиб.

Юный Фалик, который, что характерно, способствовал покоему Клитарху, изгнанному из Эретрии, в его усилиях восстановить там свою тиранию, сам, несмотря на неоднократные нападения фиванцев с 351 по 347 год, сумел сохранить свое положение. Однако постепенное уменьшение храмовых сокровищ и вызванное этим недовольство наемников подорвали его авторитет и у фокидцев, тем более что он не смог достичь значительных военных успехов. От него хотели избавиться, обвинили в хищении священных денег, лишили его почти царского положения; один из его подручных был даже мученически казнен. Хотя теперь была вновь избрана коллегия из трех стратегов, Фалику все же удалось привязать к себе часть наемников деньгами, добытыми не известным нам путем, скоро мы опять видим его на должности стратега-автократора, вновь у власти. Он бесцеремонно дезавуировал начатые коллегией переговоры с Афинами и Спартой. Одновременно, видя, как тают храмовые сокровища, он начал искать подход к царю Филип-

пу, чтобы, по крайней мере, себе и наемникам обеспечить свободу отступления. Во всяком случае, в конце лета 346 года он на условиях македонян заключил с ними договор о капитуляции, озабоченный лишь собой и своими войсками, бросив на произвол судьбы Фокиду, ожидавшую тяжелой кары со стороны амфикионов. Вся последующая жизнь характеризует его как кондотьера в чистом виде: вначале он содержал свое войско на Пелопоннесе за счет незаконно захваченных средств; затем отплыл из Коринфа в Тарент и поддерживал этот город в борьбе против луканов, пока взбунтовавшиеся наемники не принудили его к возвращению; наконец, он завербовался со своими людьми к кипотцам на Крит (около 342 года) и пал в боях за Кидонию. Для истории позднегреческой тирании его значение заключается в том, что в нем проявилось соединение тиранического властолюбия и кондотьерского духа, характерное уже для Александра из Фер и потом часто встречавшееся в странах у Эгейского моря.

Четыре фокидских стратега в середине века не были тиранами в чистом виде, хотя противники и в особенности более поздние источники их так и называли. Основой их почти монархического положения была должность стратега-автократора, которая, будучи уже наследственной, могла быть взята Фаликом, а не самостоятельная власть правителя, стоящего рядом с общиной. Правда, границы между подобной законной высшей должностью и незаконной тиранией были расплывчатыми, если учесть хотя бы то, что наемные войска были связаны, скорее, с личностью военачальника, чем с государством. Кроме того, некоторые тираны IV века были теснее переплетены с правовой структурой соответствующих общин, чем некогда правление Писистрата или Поликрата. Четко различить это в данном случае мешает скудость предания. Оно также не позволяет сказать, были ли после 346 года в отдельных городах Фокиды тираны. Впрочем, Плиний Старший называет тираном жившего во времена Александра Великого Мнасона из Элатеи, сына того Мнасея, который был опекуном при Фалике, но ни Аристотелю, лично знавшему его, ни тирано-

ненавистнику историку Тимею ничего не было известно о господстве этого человека над его родиной. Обременительным, очевидно, было только его богатство, позволявшее ему содержать тысячу рабов, что в полностью обнищавшей Фокиде ограничивало возможности заработка свободных, вызывая всеобщее озлобление.

Озольская* Локрида

Уже в первой четверти века некий Фрикодем установил свою тиранию в Оянфее на побережье Коринфского залива. Единственное известие о нем, к сожалению, до такой степени пропикнуто традиционным представлением о тиранах, что из него вряд ли можно извлечь достоверные сведения. Тиран, который принуждает девушку Фемисто к браку со своим сыном и затем бросает ее братьев на растерзание диким зверям; сама молодая женщина, которая закалывает ненавистного супруга в спальном покое, чтобы затем искать убежища в святилище Посейдона в Ахайе, где ее, в нарушение права на убежище, выдают брату убитого; наконец, спасение благодаря враждебным Фрикодему акарнянам, которые передают ей закованного свекра и убивают его мучительной смертью, хотя Фемисто даст согласие на его освобождение и за это получает обратно своих родителей, — все это несет на себе штампы, свойственные легендам о тиранах, и не заслуживает обсуждения. Историческим фактом может считаться лишь то, что Оянфея в период до землетрясения в Гелике (373 год) находилась под владычеством сурового тирана по имени Фрикодем, который, как свидетельствует рассказ, был убит гражданами.

ФИВЫ

Ксенофонт и более поздние авторы называют «тиранами» фиванцев Архия, Филиппа, Леонтиада и Гипата вместе

* Западная.

с их товарищами, которые в 382 году помогли спартанцу Фоибиду заполучить Кадемею, чтобы под его защитой править городом. Они образовали гетерию, правление которой, во многом незаконное, в течение трех последующих лет вынудило трехсот их политических противников покинуть Фивы, что действительно напоминает правление тиранов. При этом Архий, Лсонтиад, а возможно, и Филипп, по крайней мере в 379/378 гг., занимали должности полемархов, имевших также значительные гражданские полномочия, на которые граждане вряд ли избрали их по собственному почину. Но, как обычно при сочетании тирании и высшей должности, последняя, собственно, и составляла основу их деятельности; это была в большей степени фактическая власть, которой они обладали, не нуждаясь в собственных наемных войсках, благодаря поддержке спартанского команданта крепости, который сделал возможным их произвол. В IV веке все более частым явлением становится тирания с помощью и по милости посторонней власти, а также такое явление, когда не отдельный человек со своим родом, а небольшая группа олигархов захватывала власть и затем вела своего рода совместное правление, как это с древних времен и до сих пор делали члены семьи тирана. И то, как эти люди в конце концов были убиты, кто во время пира, кто в своих жилищах, напоминает о тираноубийстве и уже современниками приравнялось к нему.

Эвбея

В другой связи уже упоминалось, что в *Ореос-Гестиее* около 380 года некий *Неоген* с помощью Ясона из Фер сумел на вербовать наемников, занять крепость и стать тираном над городом и его окрестностями. Но лишь на короткое время, так как его изгнали лакедемоняне совместно с населением, призванным ими к свободе. Затем в течение одного-двух лет в городе находился спартанский гармост, который присоединялся временами то к Афинам,

то к Фивам. В это время, предположительно в 60-е годы, город, видимо, опять на время подпал под власть тирана, о котором нам, впрочем, известно только имя: *Хариген*. Несколько больше известно о тирании *Филистида* и его товарищей во второй половине 40-х годов. Против враждебных Македонии демократов, руководимых Эвфраем, выступили тогда Филистид, Менипп, Фой, Агапай как вожди олигархической группы, которая не в последнюю очередь из эгоистических соображений желала союза Гестиея с царем Филиппом. Обвиненные Эвфраем, они сплотились и добились того, что он был брошен в темницу (343 год). Осенью следующего года они открыли ворота македонскому полководцу Пармению и смогли, наконец, установить свое деспотическое правление, опираясь на чужую силу. Как и в Фивах до этого, здесь речь идет о господстве гетерии, поощряемой извне, что не без оснований обозначается противниками как тирания. Эвфрай умер в заключении (было ли то самоубийство или казнь по приказу Пармения?), остальные противники бежали из города или были убиты. О положительных поступках известно лишь то, что Филистид увеличил городское население, приняв эллопийцев из окрестностей. По-видимому, он надеялся найти в этих людях, которым предоставил конфискованное имущество изгнанных или казненных, надежную опору. Но уже летом 341 года тирания его и его товарищей была свергнута афинянами в союзе с Каллием из Халкиды и восстановлена демократия. Сам Филистид при этом погиб.

В *Эретрии* в середине 60-х годов появляется тиран *Фемисон*, рядом с которым находился некий *Феодор*, так что, возможно, и здесь существовало своего рода совместное правление. По-видимому, Фемисон достиг власти с помощью фиванцев, от которых он, во всяком случае, зависел настолько, что ему пришлось отдать им аттический город Ороп, захваченный им. В первое время после утраты господствующего положения Фив их влияние на Эретрию было еще значительным. Тогда дело доходило до кровавых стычек между сторонниками и противниками Фив, пока не вмешались афиняне в 357/356 гг. Самое позднее после их

вмешательства, если не раньше, было покопчено с тиранией Фемисона, но и в последующие годы, когда город находился в союзе с афинянами, не обошлось без тирании. Около 352 года Эретрией правил некий *Менестрат*, которого Демосфен называл «династом», а не «тираном», вероятно, лишь в силу его дружеских отношений с Афинами, а три года спустя это же место занял *Плутарх*. Теперь за кулисами борьбы партий в городах Эвбеи стояли не Афины и Фивы, а Афины и царь Филипп. Находясь под угрозой своего земляка Клитарха, дружественного македонянам, который в изгнании сумел получить наемников от Фалика, фокидского тирана, Плутарх обратился к Афинам, где его другом был Мидий, за помощью; ее привел Фокион. Но в бою под Тамисеем против Клитарха и также дружественного македонянам Каллия из Халкиды Плутарх перешел на сторону противника, вероятно, предполагая, что афиняне собираются аннексировать остров. Победивший в одиночку Фокион изгнал его вместе с наемниками из Эретрии и восстановил республиканское правление, которое решил подстраховать гарнизоном (348 год). Несмотря на восстание, во время которого комендант был взят в плен, в течение последующих шести лет все оставалось без изменений. Роль Плутарха была сыграна, *Клитарх* же, который больше не располагал фокидскими наемниками и не получал военной помощи от царя Филиппа, не мог и думать о государственном перевороте. Лишь когда македонянин в 342 году перекинулся на Эвбею и занял Порфмос, гавань Эретрии, пробил его час, ибо теперь он вместе с двумя приспешниками царя, *Автомедоном* и старым *Гиппархом*, который, видимо, вскоре умер, был поставлен тираном. Вновь мы видим господство маленькой группы, вновь властителя поддерживает чужая власть. Понятно, что Афины использовали политические и военные рычаги, чтобы исправить нежелательное положение в ближнем городе. Дважды пришлось Филиппу командировать в Эретрию корпус для поддержки своего «подвластного тирана», и все-таки вскоре после конца Филистида в Гестиее (341 год) афиняне, после того как демос Эретрии отослал их посланников и принял сторону

Клитарха, свергли его силой и восстановили прежнее состояние. По-видимому, народ был недоволен правлением Клитарха, о форме и характере которого нам, к сожалению, ничего не известно. Явно под афинским давлением был принят закон, угрожавший строгим наказанием за попытку государственного переворота; обещалась выплата вознаграждения тем, кто воспрепятствует установлению тирании.

Такое же положение, как Плутарх в Эретрии, занимал и начале 40-х годов в Халкиде Каллий со своим братом Тавросфеном; отличие было лишь в том, что он, как уже его отец Мнесарх, тяготел не к Афинам, а к царю Филиппу, почему о тиранин и говорят преимущественно афинские ораторы. Наемные войска, полученные от Фалика и македонского царя, он использовал не для укрепления своей тирании, а лишь для борьбы против Афин. Во всяком случае, Каллий обладал властью и авторитетом, позволявшими ему проводить политику города по своему усмотрению. Даже поражение, нанесенное ему Фокионом при Тамине ничего в этом не изменило. Каллий в последующее время напрасно добивался помощи Филиппа, которого он, очевидно, оскорбил, затем он сблизился с Фивами, чтобы в конце концов бесповоротно обратиться к Афинам, где после заключения союза ему были предоставлены права гражданства (341 год). Вместе с афинянами он сверг владычество Ореоса-Гестиея и Эретрии — Филистида и Клитарха, теперь смог достичь своей желанной цели — возобновления союза общины Эвбеи с Халкидой в качестве центра. Будучи основателем и руководителем этого союза, Каллий не стал властителем острова, а был его главой, пока победа Филиппа при Херонее (338 год) не положила конец его деятельности.

Трудно ответить на законный вопрос, идет ли речь в этом случае, то есть в отношении правителей на Эвбее, о незаконном владычестве, во-первых, потому что предание умалчивает об их положении над или в родной общине, во-вторых, зная ту легкость, с которой аттические ораторы имели обыкновение именовать враждебных политиков других государств «тиранами». По-видимому, настоящая тирания

была в Ореосе-Гестиее, тогда как картина в Эретрии остается весьма неясной и Каллий из Халкиды едва ли можно называть тираном. Во всяком случае, зависимость властителя от внешней политической силы, использование наемников фокийцем Фаиллом, принятие в Эретрии, пусть и под давлением Афин, решения о мерах защиты от тирании, а также тот факт, что возобновление союза эвбейских городов стало возможно лишь после свержения Филистида и Клитарха, дают право видеть в деятелях, которые появились на острове в середине IV века, тираноподобных правителей.

Афины

Полные афиняне в IV веке по внешнеполитическим соображениям не боялся связей с Дионисием I, Александром из Фер и другими тиранами, но вместе с тем был достаточно силен, чтобы не допустить в своих пределах никакого стремления к тирании. Дело не только в том, что политики использовали каждую возможность для провозглашения своей ненависти к тирании, а Демосфен, как передают, охотно называл себя «тиранопеневистником»; ведь после свержения «тридцати» каждому, кто подозревался в тиранических замыслах, грозило судебное преследование. Создание гетерий, которые стремились к свержению демократии, было законодательно запрещено (Псефисма Демофанта (410/409 гг.)). Тираноубийцам Гармодию и Аристогитону, осмеяние и клевета на которых были запрещены, воздавались те же, если не большие почести, что и в V веке. Серьезной опасности установления тирании или устранения демократии не существовало вплоть до битвы при Херонее. С этого момента можно было опасаться, что царь Филипп, хотя созданный им Коринфский союз гарантировал автономию и свободу отдельным государствам, благоприятствуя стремлению к власти одного человека или с примкнувшей к нему группой, может изменить внутривнутриполитическую ситуацию. Ведь он

поддержал наступление тирана на Эвбею и, как будет показано ниже, в отдельных городах Пеллопоннеса. Насколько велика была в Афинах у враждебных Македонии демократов озабоченность и недоверие к членам ареопага, считавшимся друзьями македонян, показывает закон, принятый очень скоро после учреждения Коринфского союза (337/336 гг.). Закон в дополнение к Псефисме Демофанта снимал наказание за убийство того, кто с целью тирании поднимется против демоса, или примет участие в установлении тирании, или ликвидирует демократию в Афинах. Кроме того, было решено, что при ликвидации демократии в Афинах ни один из членов ареопага не имеет права принимать участие в заседаниях этого органа. Если кто-либо все же это сделает, то он вместе со своим родом лишается права гражданства и состояния. Применение закона, насколько нам известно, не понадобилось, и когда зимой 322/321 гг. демократия, действительно, была ликвидирована, то это произошло не по вине тирана или олигархической группы, а благодаря победоносному македонскому правителю Антипатру. Примечательно, что наряду с Гиперидом и Демосфеном к смерти тогда был приговорен и Эвкрат, который внес этот закон.

3. Истма и Пеллопоннес

Города Истма, благодатная питательная почва уже для раннегреческой тирании, и в IV веке испытали тиранию, которая, впрочем, была недолговечной и по своему значению не могла сравниться с великими явлениями архаического времени. *Мегара*, где богатый Птоодор пользовался решающим влиянием, в 344/343 гг. попал под тиранию *Перилла*, принадлежавшего к промакедонской гетерии, которому царь Филипп для совершения путча предоставил наемников; но заговор рухнул прежде всего из-за вмеша-

тельства Афин. В Коринфе и Сикионе после крушения спартанской мощи в битве при Левктрах олигархи чувствовали себя лишенными лакедемонской защиты от появления тирана. Обострение экономических и социальных противоречий, а также использование наемников могли теперь вдохновить какого-нибудь честолюбивого человека на то, чтобы, подстрекая низшие слои и используя наемников, проложить дорогу к господству.

В *Коринфе* им стал *Тимофан*, принадлежавший к знатной и богатой семье, то есть к ведущим олигархическим кругам; он в 366 году установил свою тиранию. Благодаря особым военным способностям он получил командование четырьмя сотнями наемников, которые были завербованы для защиты города, предоставленного самому себе из-за слабости Спарты. Опираясь на этот отряд и ставшую на его сторону немущую толпу, предположительно им вооруженную, он сделался владыкой города. Тимофан старался представить себя вождем народа, но и то, как он распоряжался порученным ему корпусом наемников, и то, что многие олигархи были казнены без приговора суда, слишком походило на обычную практику тиранов, кем его и считали противники. Его брат Тимолеон, впоследствии освободитель Сицилии, свойственник Эсхил и некий астролог из гетерии напрасно пытались убедить его отказаться от этого правления, которое явно не имело законной базы. Когда эти усилия не увенчались успехом, Тимофан был убит Эсхилом и астрологом с согласия Тимолеона по-видимому, переманившего у него наемников. Естественно, этот поступок, а также поведение Тимолеона, снискали одобрение олигархов, традиционное тираноборчество которых было еще больше распалено жестокостями убитого по отношению к ним, тогда как сторонники Тимофана не отваживались на открытое осуждение, хотя и обвиняли Тимолеона в братоубийстве. Тирания, просуществовавшая лишь несколько месяцев, не повлекла за собой изменения конституции или социальной ситуации.

Примерно за два года до этого (около 368 года) соседний Сикион также подпал под тиранию. *Эвфрон*, подобно

задающим тон в городе олигархам, к которым он сам принадлежал, был сторонником Спарты. Он не смог помешать собратям по сословию, когда они, вследствие изменившегося положения на Пелопоннесе и вразрез со своей прежней позицией, присоединились при Эпаминонде к фиванцам, которые затем разместили в городе гарнизон. Поскольку честолюбивый Эвфрон со своим стремлением к первым ролям в городе больше не мог использовать Спарту в своих интересах, он также совершил поворот, но не перешел непосредственно на сторону Фив, а установил связь с антиспартански настроенными аргивянами и аркадийцами и убедил их поддержать в Сикионе превращение олигархического строя в демократический, что и было осуществлено. Новое народное собрание избрало Эвфрона вместе с четырьмя другими на должность стратегов. Вскоре он передал командование наемниками, которых содержал этот полис, своему сыну Адею. Согласно несколько тенденциозному сообщению Ксенофонта, он использовал средства, полученные от государства, от храмовых сокровищ и за счет конфискации имущества преспартански настроенных олигархов, чтобы подкупить наемников и тем самым сделать их удобным орудием для своих тиранических целей. Политических противников, а заодно и коллег-стратегов, как это сделал некогда Днионисий, он кого сослал, кого казнил и полностью захватил власть в городе. «Теперь, — говорится у Ксенофонта, — он явно был тираном». Чтобы усилить опору в народе, он предоставил рабам права гражданства, также занял позднее крепость и чеканил монету со своим именем. Аргивян и аркадийцев он склонил к признанию нового положения и к союзу путем подкупов и военной помощи, которую оказывал им своим отрядом наемников, доведенным уже до двух тысяч человек. Фиванского коменданта Сикиона он, видимо, расположил к себе, поскольку последний не выступал против него, а вместе с ним отправился в экспедицию против города Флия, сторонника Спарты, во время которой комендант командовал сикионским ополчением, а Эвфрон — тиран, стоящий рядом с городом, — своими наемниками (367 год). Вскоре после

этого фиванский гарнизон был выведен из Сикиона, и Эвфрон смог сам занять крепость города, откуда он, впрочем, был вскоре изгнан Энеем, стратегом аркадийцев, который двинулся на ставшего неудобным тирана (366 год). Эвфрон бежал в гавань и передал ее своим бывшим друзьям спартамцам, перед которыми пытался оправдать свое прежнее поведение стечением обстоятельств. Он, скорее всего, ничего этим не добился, поскольку гавань была очень быстро отвоевана сикионцами и аркадийцами, а крепость вновь стали охранять фиванцы. Однако он смог вернуться благодаря борьбе, вновь вспыхнувшей вследствие его изгнания между зашевелившимися теперь олигархами и демосом, признательным Эвфрону за изменение конституции. Если раньше ему приходилось лавировать между спартамцами, аргивянами, аркадийцами и фиванцами, чтобы сохранить свое положение в Сикионе, то теперь с помощью Афин он собрал новый корпус наемников и, пользуясь поддержкой в широких народных слоях Сикиона, еще раз захватил власть над родным городом. Однако она была ограничена находившимся в крепости фиванским гарнизоном, который защищал олигархов, как тех, кого он повалил, так и тех, кого аркадийцы вернули из изгнания. Эвфрон прилагал все усилия, чтобы вновь овладеть крепостью, но напрасно. Дерзкий и отчаянно смелый, он решил, что если он лично отправится в Фивы, то подкупом сможет добиться отзыва гарнизона. Однако одновременно с ним там появились его олигархические противники и закололи его на переговорах в Кадмее прямо на глазах фиванского совета (365/364 гг.). Совет был в сущности рад избавиться от этого ненадежного и самовольного человека и отказался от наказания. Однако демос Сикиона, как и прежде видевший в Эвфроне своего защитника, доставил труп на родину и захоронил на площади, где ему воздавались героические почести как спасителю и новооснователю города. Следовательно, демократическая конституция, воссозданная Эвфроном и позднее закрепленная, была прочной — успех его дела, которое отличает его от большинства тиранов, подтверждает, что он использовал тираническую власть как средство для более высоких целей

неэгоистического характера. Впоследствии в Сикионе играли ведущую роль, не прибегая к тиранической власти, его сын Адей, предположительно, способствовавший договору с Фивами, и названный в честь деда внук Эвфрон.

Нельзя сказать, чтобы в последующие десятилетия город совершенно не затронула тирания, но это были люди другого типа: их поддерживали македонские цари, а противостоял им младший Эвфрон как доверенное лицо демоса. *Аристрата*, который вместе с другими олигархами в 343 году способствовал присоединению Сикиона к Македонии, столетие спустя Арат рассматривал как тирана и хотел уничтожить полотно, где были изображены Аристрат и другие тираны Сикиона. И в одном анекдоте, говорящем о его живом интересе к поэзии и живописи, Аристрат характеризуется как тиран. В какой степени он им был, уже невозможно установить; Демосфен называет его среди предателей греческого дела и замечает, что он был «выброшен» — это позволяет сделать заключение о его удалении, возможно, еще царем Филиппом. При Александре, предположительно между 334 и 331 годами, правителем Антипатром был посажен новый тиран, защищаемый гарнизоном. Этот человек, имя которого нам не известно, был прежде учителем гимнастики, то есть человеком невысокого сословия. Возможно, именно он изгнал младшего Эвфрона, но его правление, скорее всего, длилось недолго, так как Александр в 330 году отменил тиранию в Элладе.

Кроме названных, известны еще три тирании: в Ахейе, Мессении и Аргосе. Если последнего тирана в Сикионе дискредитировало то, что он был учителем гимнастики, то *Херон*, тиран *Пеллены* в Ахейе, был знаменитым борцом, лишь в Олимпии завоевавшим четыре победы. Однако он не мог быть человеком низкого происхождения, поскольку слушал Платона и Ксенократа. Владычеством над Пелленой он, по всей видимости, был обязан македонскому полководцу Коррхагу, который в 331 году со своим войском пришел на Пелопоннес. Херон использовал власть, полученную с чужой помощью, не в духе своих учителей-философов; он принадлежал к тем членам Академии, которые

своим тираническим правлением издевались над учением Платона. Предводителей граждан он сослал, их имущество и даже жен отдал вольноотпущенным рабам, чтобы превратить последних в свой преданный оплот, как подобное совершали и другие тираны. Остается невыясненным вопрос, действительно ли, как утверждают, он основал город Херонею, который затем носил его имя и стал местом решающей победы царя Филиппа (338 год). По-видимому, Херон, при котором Пеллена в войне спартанского царя Агиса III была на стороне македонян, был убит, возможно, еще до приказа Александра об упразднении всех тираний в Элладе.

Что касается тирании в *Мессене*, то во времена царя Филиппа *Неви* и *Фрасилох*, сыновья некоторого Филиада, стояли во главе промакедонской партии на своей родине, позиции которой в значительной степени определялись враждебным отношением к Спарте. Они вели себя не как тираны, уважали законы, выполняли свои обязанности в отношении родного города — все это подтверждает Полибий, несмотря на нападки Демосфена, диктуемые его страстной враждой к Македонии. После известия об убийстве Филиппа (336 год) они, по-видимому, были изгнаны народом, но при Александре возвращены, очевидно, Антипатром, и вели себя теперь более тиранически, хотя их господство не опиралось на македонский гарнизон. Разумеется, враги Македонии называли их теперь настоящими тиранами, но это еще не доказывает, что их правление стало более незаконным в качестве явной тирании и было ликвидировано на основании указа Александра в 330/329 гг. Как это часто происходит в IV веке, трудно провести четкое различие между вождями мощной фракции и тиранами, если мы не располагаем сведениями об их положении и их воздействии на общину. Это относится также и к Митасею, вождю сторонников Македонии в Аргосе в последние годы царя Филиппа. О его тираноподобном положении могло бы свидетельствовать то, что он после битвы при Херонее поставил над Троиэном аттического метека Афеногена и через него изгонял затем граждан из города. Была ли еще где-нибудь установлена подобная тирания сторонников

Македонии, сказать трудно, но создается впечатление, что ко многим тиранам, а не только к известным нам, относились обвинения в казни противников без суда и следствия, изнасиловании женщин и детей, унижении граждан до бесправных подданных.

Как и Афины, государство лакедемонян было в IV веке еще достаточно крепко для того, чтобы воспрепятствовать стремлению отдельного человека к тирании. Однако и на Эвроте не было недостатка в жаждущих власти натурах. Но они могли найти поле деятельности лишь вне своей родины. Уже упоминалось, что институт гармостов и декархий создавал возможность для тирании; не было также недостатка в упреках, что Спарта допустила подобное. Но после победы над Афинами спартанцы попали в водоворот чистой политики власти и до такой степени были захвачены стремлением к господству над Грецией, что отреклись от всех основных принципов и прежде всего от провозглашенной ими самими автономии всех эллинских городов. Они не побоялись для укрепления своего положения в Элладе пойти на союз с тираном Дионисием; они, не колеблясь, после захвата Кадмеи подчинили город Фивы группе людей, которые в их представлении ничем не отличались от тиранов. После битвы при Левктрах и предпринятых Эпаминондом изменений на Пелопоннесе Спарта больше уже не была способна на такие действия. Люди, честолюбие и энергия которых не могли найти выхода в создавшихся условиях, становились кондотьерами на чьей-либо службе, как, например, царь Агесилай и его сын Архидам. Вряд ли можно предположить, что этим они обеспечили себе какую-то личную власть, особенно старый Агесилай, который со своими наемниками пришел на помощь египетскому фараону Таху. Однако за четыре десятилетия правления при всем своем своеволии он не проявлял тенденций к тирании. Иным был его сын, который поддерживал тарентинцев против мессанцев и луканов. Лишь посланный на помощь младшему Дионисию в 355/354 гг. спартанец Фаракс, по-видимому, временно захватил на свой страх и риск несколько городов на Сицилии.

Глава III СЕВЕР ЭГЕЙСКОГО МОРЯ И ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ

1. Область проливов

Уже в истории раннегреческой тирании область по обеим сторонам проливов играла немалую роль. Можно вспомнить о господстве семейства Мильтиада над фракийским Херсонесом, Писистратидов в Сигее, связанного с ними родством Гиппокла в Лампсаке, правление Павсания в Византии, а также о «персидских тиранах» периода перед Ионийским восстанием. Сто лет спустя Алкивиад получил от фракийского царя Медока княжеское владение вблизи Геллеспонта, а в Византии при спартанце Клеархе царил произвол, превосходивший по жестокости правление Павсания. Когда через два года после смерти Клеарха кондотьер *Ксенофонт** с шестью тысячами наемников, остатком «десяти тысяч», поступил на службу к царю одрисов Сеуфу (399 год), тот предложил ему почти те же места, которые некогда дал Алкивиаду: Византий, Неон Теос и Ганос. Там вполне могло бы установиться тираноподобное правление афинянина, если бы один грек из окружения Сеуфа не уговорил его отказаться от сделанного Ксенофонту предложения.

* Известный писатель и историк, автор «Анабасиса».

В Трояде в это время существует династия, которую нельзя считать греческой тиранией в строгом смысле слова, но, поскольку она охватывала и греческие города и — по крайней мере, частично — гресков, мы не можем о ней не упомянуть, тем более, что по своему характеру она родственна тираническим режимам, существовавшим при Дарии I. Мания, вдова дарданца Зениса, которому сатрап геллеспонтской Фригии Фарнабаз подчинил внутреннюю часть Трояды, стала его преемницей и завоевала с эллинскими наемниками после крушения морской мощи Аттики города Ларису, Гамаксит и Колоней. Она была убита своим греческим зятем *Мидием*. Последний сумел из всех мест, которыми владела Мания, сохранить лишь Скепис и Гергис — в этих местах были депопированы сокровища правительницы; остальные города и их гарнизоны не признали Мидия, сославшись на Фарнабаза как на своего владыку, и отказались от подчинения. Но Мидий, о котором нам известно только то, что он по образцу тиранов завел себе гвардию, удерживал Скепис и Гергис лишь краткое время. Когда в 399 году появился спартанский полководец Дерхилид и призвал греческие общины Трояды к свободе, властитель не смог удержать Гергис против воли населения; Скепис он, по-видимому, тоже потерял.

Скепис через три десятилетия опять подпал под тираноподобное правление, после того как им, так же как Клионом и Кебреном, завладели братья с Родоса, Ментор и Мемнон, когда их тесть, сатрап Артабаз, отказался подчиниться великому царю (около 361 года). Кондотьер *Харидем*, родом из Ореоса на Эвбее, служивший командиром наемников для Афин и фракийского царя Котиса, поступил тогда к ним на службу, но вскоре разорвал заключенный договор и самовольно захватил Скепис, Кебрен и Илион в свое владение, и ни Артабаз, ни его зятя не смогли ему помешать. Как и другие тираны, он разоружил граждан и, чтобы заплатить своим наемникам, с помощью хитрых макипуляций, на которые был мастер, выжимал из них деньги и имущество. Точно известно, что в качестве властителя он стоял рядом и над общиной. Однако вскоре затем

подступил Артабаз, который некоторое время находился в заключении из-за мятежа против великого царя, с такой сильной армией, что положение Харидема стало безвыходным (около 359 года). Благодаря посредничеству Ментора и Мемнона, он получил право свободного ухода, но тирания над тремя городами была потеряна. Вся его дальнейшая бурная жизнь — в качестве помощника фракийского царя Керсobleпта, его зятя, в качестве полководца Афин, которые ему присвоили права гражданства еще в 60-е годы, и, наконец, в качестве предводителя наемников на службе персидского царя Дария III — больше не дала ему шанса стать тираном.

Илион, Скепис и Кебрен после отхода Харидема, по-видимому, вновь подпали под власть Ментора и Мемнона, но опять ненадолго, ибо с закатом карьеры их тестя Артабаза в середине 50-х годов они потеряли возможность закрепиться в Трояде. Тогда как Ментор через какое-то время попал в милость к великому царю и даже получил высокий пост командующего в походе против Египта (около 346/345 гг.), Артабаз и Мемнон жили на положении беженцев при дворе царя Филиппа, пока Ментор, своими военными успехами спискавший особую милость Артаксеркса III, смог добиться у него возвращения своих родственников (около 343/342 гг.). Он сам тем временем стал главнокомандующим на западе Малой Азии; три города в Трояде, по-видимому, были переданы Мемнону, который после смерти брата (около 336 года) владел ими единолично и правил как тиран. Чтобы дискредитировать его в глазах Дария III, Александр после своего перехода через Геллеспонт приказал пощадить «землю Мемнона» и лишь позже подчинил ее македонскому сатрапу геллеспонтской Фригии. После возвращения из изгнания Мемнон мог управлять также Лампсаком и выкачивать здесь хитростью деньги у жителей, но остается неясным, владел ли он сам этим городом или же был лишь в качестве преемника Ментора на посту главнокомандующего на западе Малой Азии. Когда пришел Александр, граждане были настроены проперсидски; о Мемноне в этой связи не было и речи.

Лампсак в течение предшествующих десятилетий пережил целую вереницу тиранов. Их ряд открывает *Филиск* из соседнего Абидоса, вначале появившийся как помощник афинского стратега Хабриаса в морской битве при Наксосе (376 год) и последующих боях. Вскоре после этого с войсками, предоставленными его покровителем Ариобарзаном, сатрапом геллеспонтской Фригии, он завоевал несколько греческих городов, среди них Лампсак, и установил здесь тиранию, которая, если верить словам Демосфена, отличалась особой жестокостью. Оратор ставит ему в вину: неуважение к законам, насилие над свободнорожденными детьми и женщинами, злодеяния разного рода, заимствованные, разумеется, из типологии тиранов и поэтому не слишком заслуживающие доверия. Благодаря поддержке Ариобарзана, который в 369/368 гг. направил его посланником на конгресс греческих государств метрополии в Дельфы, он, будучи самым могучим из «персидских тиранов» в 60-е годы, смог овладеть Геллеспонтом. С Афинами, предоставившими ему в 367 году права гражданства, он находился в тесных отношениях и даже оплачивал наемников аттического государства в Перинфе из собственных средств, которые получал от платы за проход через пролив и налогов с подвластных городов. Неизвестно, как долго Лампсак находился во владении Филиска, как и большинство греческих тиранов бывшего «милоостия персов» и эллипским властителем города, и рукой персидского сатрапа. По-видимому, с гибелью Ариобарзана (362/361 гг.), участвовавшего в восстании сатрапов, было связано то, что два лампсакийца, Эксекест и Ферсагор, устранили ненавистного тирана. Вероятно, после его кончины, то есть в первой половине 50-х годов, ученик Платона *Эвзон*, урожденный лампсакец, попытался стать тираном в родном городе посредством финансовых манипуляций. Из своего весьма значительного состояния он дал общине ссуду на укрепление акрополя. Когда, как он и ожидал, она не была возвращена или проценты не были уплачены в срок, он решил подчинить задолжавший ему город, заняв расширенную на его деньги крепость. Однако лампсакцы ничего не захотели об этом слышать,

выплатили занятую сумму и изгнали Эвзона. О следующем тиране Лампсака, *Астианаксе*, сообщает только короткая заметка, что он не прочел записку о готовившемся на него покушении и вскоре был убит. Сообщение относится также к периоду до 355 года.

Долгое время продолжалась в Лампсаке тирания человека, который, как и Харидем в Троаде, примкнул к властителю греческих общин на Геллеспонте в качестве кондотьера. «Все эти предводители наемников, — говорит Демосфен, имея в виду Харидема, — если они получают эллипские города, хотят владеть ими». Так же повел себя и афинянин *Харес*, один из самых значительных и прославленных военачальников своей родины в середине века, когда он с подчиненным ему корпусом наемников в 355 году захватил Сигей и Лампсак, разграбил их и оставил в своем владении. Это примечательно и напоминает о позднеархаической эпохе, когда афинянин Мильтиад, не выходя из аттического союза государств, установил самостоятельное господство на Херсонесе; аналогично и Харес, опираясь на наемников, установил свою тиранию над двумя городами, ранее принадлежавшими Писистратидам или их родственникам, и при этом не только сохранил гражданство Атики, но и выступил как афинский полководец. Своей резиденцией в мирное время он сделал Сигей, где, видимо предавался разгульной жизни. Он безуспешно попытался захватить и Мефимну на Лесбосе (340 год). Лампсак он потерял самое позднее в 335 году (город отошел Мемнону), Сигеем же владел вплоть до прихода Александра. Когда царь в 334 году посетил Илион, Харес отправился к нему и вручил ему золотой венок в надежде, что тот утвердит его владычество над Сигеем. Персидское правительство и Мемнон не затрагивали эту тиранию, они лишь воспрепятствовали ее распространению на Лесбос. Македонский же царь, против отца которого Харес сражался четыре года назад при Херонее, отказал ему в просьбе. Александр по пути на малоазийском западном побережье устранял тирании и олигархии, поддерживавшиеся персами. Тогда Харес поступил к персам на военную службу в качестве

полевого командира. Позднее он еще раз появляется как командующий сформированным Афинами корпусом наемников (примерно около 326/325 гг.), но Сигей для него был потерян навсегда.

В конце 60-х годов мы встречаем на азиатском берегу Геллеспонта еще одну тиранию — в *Абидосе*. Когда существовавшая здесь олигархия нескольких гетерий раскололась, было принято решение поручить защиту города наемникам под руководством архонта, стоящего вне партий, как это уже было сделано кое-где в Фессалии. Этот архонт — им был *Ифиад*, тоже стоявший во главе гетерии, — с помощью находившихся в его распоряжении наемников сам захватил власть. То, что речь шла о настоящей тирании, подтверждается решением книдян, представителем которых в полисе Абидос был Проксеп. Однако они передали эту должность Ифиаду и даже его потомкам, а также установили для них особые привилегии при посещении Книды, очевидно, поскольку хотели установить личные связи с властителем, стоявшим рядом и над полисом. Он расширил свое господство, завоевав лежащий напротив Абидоса *Сест* (360/359) и город *Парнион* на Пропонтиде, что тоже можно считать распространением тирании. Ему удалось сохранить власть вплоть до своей скорой смерти, а его сын ее потерял. Во всяком случае, в середине 50-х годов он находился у фракийского царя Керсobleпта, который вначале обещал выдать его афинянам, но затем отказался. Тираном в подлинном смысле этого слова, пусть даже и по милости персов, можно также считать *Никагора* в *Зелее* в глубине страны юго-западнее Пропонтиды; Александр сместил его в 334 году. Поскольку он следовал по Миссии за врачом Менекратом, выдававшим себя за Зевса, в костюме Гермеса, напрашивается мысль — он хотел, как и Клеарх из Гераклеи, чтобы его считали богом и, естественно, чувствовал себя абсолютным владыкой своего города.

На европейском берегу проливов и Пропонтиды в IV веке мы видим лишь одного человека, занимавшего тираноподобное положение: *Гекатея* из *Кардии*, но ни о его деятельности, ни об отношении к родному полису ничего

не известно. Предположительно, он еще при царе Филиппе во главе промакедонской группы граждан захватил власть, и его земляк Эвмен напрасно пытался добиться у Александра устранения Гекатея, так что он продолжал властвовать над Кардией и после смерти великого царя. Если в других городах фракийского побережья больше не встречаются тираны, то это связано не с отсутствием сведений в предании, а с отсутствием предпосылок, характерных для азиатского побережья. Здесь же вновь возродилась традиция персидского правительства — обеспечивать верноподданность городов, покровительствуя тирапам, а растущая слабость имперского управления и восстания сатрапов с их далеко идущими последствиями давали честолюбивым политикам и кондотьерам желанную возможность установить свое господство над одним или несколькими городами. По-видимому, социальные кризисы в общинах не играли при этом существенной роли. Иначе обстояло дело в Гераклее на Понте, которая отличалась от уже рассмотренных примеров не только в этом отношении.

2. Гераклея Понтийская

Клеарх

Цветущая мегарская колония на западе северного малоазийского побережья, к которой примыкала большая территория, возделывавшаяся местными крепостными (марианди-терами), за свою историю претерпела многочисленные конституционные бои. Их так же тяжело зафиксировать во времени, как и случайно упомянутую тиранию некоего *Эвотия*, которая, возможно, относится еще к VI веку. В 365 году, видимо, существовало олигархическое правление, находясь под постоянной угрозой мятежного демоса. Как часто случалось в эту эпоху, противоречия носили преимущественно

экономический характер. Это значит, что беднейшие слои требовали освобождения от долгов и передела земли, которая по большей части находилась в руках олигархов. Напрасно олигархии в этом критическом положении обращались за помощью к аттическому военачальнику Тимофею, а затем в начале лета 364 года — к Эпаминонду, проводившему операции вблизи Византия. В конце концов им ничего не осталось, как обратиться к знатному гераклиоту, которого они сами изгнали из страны и который поступил на службу к Митридату (вероятно, сыну сатрапа Ариобарзана) в качестве командующего наемниками. Клеарх, высокообразованный человек — он слушал Платона и четыре года подряд был учеником Исократы — не заставил себя долго просить. Он увидел в этом призыве желанную возможность захватить господство над родным городом. Он надеялся получить согласие Митридата, враждебного гераклиотам, втайне пообещав отдать город ему в подчинение с тем, чтобы самому стать здесь «подвластным тираном». Возвратившись в Гераклею, он хитрым маневром подвел олигархов к тому, что они сами предложили разместить наемников на акрополе; Клеарх, таким образом, получил крепость без борьбы. В интересах олигархов были также его хорошие отношения с демосом и то, что он освободил их от страха перед Митридатом. Ибо вместо того, чтобы передать ему Гераклею в условленный срок, он вероломно захватил его и отпустил лишь при условии отказа от города и за большой выкуп. Полученные таким образом деньги дали возможность переманить подчиненных ему наемников перса на собственную службу, увеличить их количество и создать свою лейб-гвардию. За этим первым шагом к тирании быстро последовал второй. Клеарх объявил, что собирается передать правление в руки олигархического «совета трехсот» и отойти на второй план. Когда же после этого совет собрался в городской ратуше, чтобы поблагодарить его, он приказал окружить здание и 60 членов совета — остальным удалось убежать — захватить и отправить в крепость. Перед народом он провозгласил себя его вождем и объявил, что до тех пор, пока демос сам в

состоянии дать отпор олигархическому правлению, он будет держаться в стороне, в противном же случае готов бороться за дело народа. Собрание, созванное по его инициативе, спонтанно выбрало его стратегом-автократором. Это был тот же путь к тирании, который прошел старший Дионисий, и это еще раз доказывает, что великий сицилийский властитель, в честь которого Клеарх назвал одного из своих сыновей, послужил для него примером. Чисто тиранический характер правления, установленный 45-летним властителем в том же году, когда его призвали из ссылки на помощь (364/363 гг.), со свойственной ему беззастенчивостью не изменился после назначения его на высшую должность стратега, которую он должен был исполнять по воле народа вплоть до введения новой демократической конституции. Клеарх, следуя примеру Дионисия, сохранил за собой эту должность и разоружил граждан, назначивших его своим военачальником, чтобы держать их под постоянным страхом перед своими наемниками. Формальное существование демократии при таких обстоятельствах мало что значило.

Данные о правлении Клеарха, которыми мы располагаем, рисуют портрет такого жестокого, исполненного наглою заносчивости деспота, что трудно поверить в то, что он в молодые годы впитывал идеи Платона и Исократы. Возможно, кое-что преувеличено антитиранической традицией, однако нельзя отрицать тиранический — в худшем смысле этого слова — характер поведения Клеарха, что подтверждает и письмо его бывшего учителя Исократы, позднее дистанцировавшегося от него, адресованное после смерти Клеарха его сыну Тимофею, где говорится об этом, хотя и намеками. Жертвами его свирепого нрава стали в первую очередь обманутые и потому исполненные ненависти олигархии. Шестидесяти членам совета, которых он захватил, он пообещал, что избавит их от народного гнева, и выжал из них большие суммы денег, а затем казнил. Когда безжалостные олигархи с помощью соседних городов приготовились идти против него войной, он, как передают, дал их холопам, то есть мариандинерам, свободу и заставил дочерей и жен

этих олигархов вступить с холопами в брак. Еще раз, и не случайно, мы вспоминаем Дионисия. Если верить преданию, то Клеарх, победив в битве бежавших олигархов, провел пленных, прежде чем предать их мучительной казни, устроив триумф. Производившиеся, кроме того, изгнания, тюремные заключения, казни и не в последнюю очередь конфискации, которыми он приумножал свое состояние и добывал средства для содержания наемников, полностью соответствовали обычному поведению тирана по отношению к его олигархическим противникам. Особенностью Клеарха было то, что он приказывал давать своим жертвам ядовитый напиток, приготовленный из местного растения аконита. И тем не менее он не смог победить оппозицию. Много раз устраивались покушения на его жизнь, некий Силен даже сумел захватить на время крепость Гераклея. Подозрительность, с которой тиран относится к своему окружению, не была беспочвенной. Позднее рассказывали, что Клеарх из страха перед покушением спал не в своей кровати, а в ящике.

Народ, видевший в нем вначале победоносного вождя против олигархии, постепенно, по-видимому, понял, что сам навлек радикальную тиранию. Ибо все яснее становилось, что Клеарх, будучи вождем, соблюдает не интересы демократической общины, а, опираясь на своих наемников, совершает над ней насилие, хотя при этом он, как и другие тираны, не отменял конституцию. Настроение толпы ухудшалось еще больше оттого, что не оправдалась надежда на отмену долгов и передел земли. Поэтому при таких обстоятельствах ополчение граждан больше не казалось тирану достаточно надежным. Даже если рассказ о ложном нападении на Астака, которое тиран предпринял лишь затем, чтобы вооруженные геракляоты погибли от царившей в этой местности болотной лихорадки, в этой форме и не заслуживает доверия, то предпринятое вскоре разоружение народного ополчения доказывает, что Клеарх хотел от него избавиться, опасаясь восстания. Нам не известно, последовали ли затем другие меры подавления народа, как, например, выплачиваемый тирану налог с доходов. Зато есть

сведения, что Клеарх, считая свое правление недостаточно защищенным наемниками, искал поддержки внешних сил. Он направлял посольства персидским царям Артаксерксам II и III, чтобы в период мятежей сатрапов засвидетельствовать свою преданность и получить их признание. Со времен своей учебы он поддерживал связи с Афинами и прежде всего с полководцем Тимофеем, в честь которого назвал одного из своих сыновей. Афиняне и здесь не побоялись совместных действий с тираном и по представлению Тимофея присвоили ему афинское гражданство. Предпринимать вылазки в соседние области тиран не мог, учитывая негативный настрой граждан и вызванную этим необходимость держать большую часть своих наемников в Гераклее в качестве охраны. О его внешнеполитической деятельности нет никаких свидетельств, кроме сведений о бесплодной борьбе против Астака.

Все, что нам еще известно о Клеархе, касается его личности и тех претензий на божественное происхождение, которые он предъявлял. Он называл себя сыном Зевса, надевал по случаю праздников одеяние, положенное только богам, разрисовывал лицо красной краской, приказывал нести перед собой золотого орла, украшал себя золотым венком и называл своего сына — скорее всего Тимофея — «Кераунос» (громобой). В это же время на Западе младший Дионисий, с которым Клеарх, почитатель его отца, поддерживал отношения, выдавал себя за сына Аполлона. Многим современникам такое поведение должно было казаться непереносимой дерзостью и самомнением; впрочем, в это же время царю Филиппу в Амфиполе воздавались божественные почести, и спустя не так уж много времени сыном Зевса ощущал себя Александр. Следовательно, вряд ли речь идет о театральных причудах или выражении преувеличенного тщеславия. Скорее, возникает впечатление, что тиран старался освятить свое незаконное владычество религией. На образованных людей в Гераклее и за ее пределами эти ухищрения тиранического режима, по-видимому, производили так же мало впечатления, как и тот факт, что он, как и раньше, проявлял духовные интересы,

даже основал библиотеку (и в этом стал предшественником царей эпохи эллинизма). Хион из Гераклеи, как и Клеарх, был учеником Платона, но именно поэтому он был глубоко возмущен перерождением своего земляка. Вместе с единомышленниками он решил устранить ненавистного тирана. Поскольку он состоял с ним в родстве, то мог, не вызывая подозрений, проникнуть в его ближайшее окружение. Большой религиозный праздник, во время которого Клеарх приносил огромные жертвы, представлял благоприятную возможность для действий. Раненный Хионом в пах, тиран упал, но умер только через два дня в страшных мучениях от нестерпимой боли. Часть заговорщиков была заколота лейб-гвардией, часть захвачена позже и мученически казнена. Память Хиона почтили в Академии. Во времена императоров было предано гласности его последнее прощальное письмо Платону, в котором он сообщает о своей решимости на этот славный поступок.

Сатир и Тимофей

Устранение Клеарха, погибшего после двенадцатилетней тирании в возрасте 58 лет (352/351 гг.), не стало концом правления его рода. Восстания разоруженных граждан не произошло, и брат тирана Сатир принял власть от имени еще не совершеннолетних сыновей убитого и учинил кровавую расправу над заговорщиками и их детьми. Затем, видимо, началось более мягкое правление, во всяком случае, предание больше ничего не сообщает о жестокостях, а ограничивается общим замечанием, что Сатир совершенно не был расположен к философии и духовным интересам и вообще был плохим. В предании все же подчеркивается, что новый тиран был озабочен сохранением наследия брата для его сыновей, а наличие значительного богатства после его смерти свидетельствует о его бескорыстном управлении семейным достоянием. Еще до того, как тяжелая болезнь, отвратительные проявления которой представляются

наказанием за его тиранию, в возрасте 65 лет (345 г.) свела его в могилу, Сатир передал бразды правления в руки старшего сына Клеарха, Тимофея, у которого они оставались в течение восьми лет.

Еще больше, чем предшественник, он старался смягчить тираническое правление, возможно, потому, что его натура не выносила жестокости или же он, как и младший Дионисий, считал, что без определенной поддержки населения тирания в Гераклее долго не продержится. Кредиторам он вернул их деньги, нуждающиеся получали беспроцентные ссуды, невиновные и даже виновные были выпущены из тюрьмы, а в отношении обвиняемых он проявил себя как человечный, вызывающий доверие судья. Тимофеем жил глубокой духовной жизнью, в его правление ученик Платона Гераклид (Понтик) основал в городе философскую школу. Старый Исократ, учитель его отца, причислял его к своим лучшим ученикам, хвалил его правление и советовал ему, в сравнении с силовым правлением Клеарха, привести полис в более счастливое состояние. Тимофей и без того действовал подобным образом и соответственно этому предание его восхваляет — похвала, которой он не в последнюю очередь обязан контрасту между ним и его отцом. Ведь тирания как наследственное владычество продолжала существовать. Об этом свидетельствует и назначение младшего брата Дионисия сорегентом (событие это было отмечено чеканкой памятных серебряных монет с полным именем обоих правителей без названия полиса Гераклеи), а также исполнение Тимофеем обязанностей судьи, что не было связано ни с какой должностью в полисе. Существенным изменением можно считать лишь вооружение граждан, ибо когда мы слышим о военных способностях тирана, о его личной испытанности в борьбе, ясном разуме и целеустремленной энергии в осуществлении своих планов, если, как сообщается далее, он был страшен для врагов и милосерден к гражданам, то можно было бы подумать и о походах с ополчением, хотя такие свидетельства есть только для его преемников. Как и в Сиракузах,

верховное командование местным контингентом передавалось по наследству вместе с тиранией.

Дионисий

Тимофей умер, оплакиваемый всеми, в возрасте лишь тридцати лет (337 г.). Ему без сложностей наследовал младший брат Дионисий, который был к нему сильно привязан. Он родился в 360/359 гг. и в 340 году стал соправителем. Новый властитель чтит память умершего: он воздвиг ему пышную гробницу и как в честь героя регулярно проводил поэтические и театральные состязания. Уже при жизни Тимофея гераклиоты прославляли его как благодетеля и спасителя и возвысили до тех надчеловеческих сфер, которых его отец надеялся достичь силой своей власти. Теперь в честь умершего был учрежден культ, положенный основателям городов. Подобно своему брату, умный, политически одаренный Дионисий правил благоразумно и осмотрительно. Впрочем, сообщается, что изгнанники обратились к Александру, а позднее к регенту Пердикке, чтобы добиться устранения тирана, но неизвестно, были ли эти люди изгнаны недавно или они или их потомки пострадали от первых тиранов. Внешнеполитическое положение Дионисия было значительно сложнее, чем у его предшественников, находившихся в хороших отношениях с персидским царем, поскольку после перехода Александра через Геллеспонт существовала угроза, что новый повелитель Малой Азии ликвидирует все прочие тирании. С другой стороны, тот факт, что царь во время своего похода не затронул крайний северо-запад полуострова, а сатрапу, которого он поставил над геллеспонтской Фригией, приходилось бороться с серьезными трудностями, давал возможность определенного территориального расширения, которую использовал и Дионисий. Александр, очевидно, прислушался к ходатайствам изгнанных гераклиотов и неоднократно (правда, издали) грозил войной, но тирану удавалось откладывать

окончательное решение, ссылаясь на хорошие отношения со своими подданными, а также заручившись ходатайством сестры Александра Клеопатры, используя некоторые уступки и ловкую тактику затягивания, пока преждевременная смерть царя не освободила его от этой опасности. Однако преждевременной была беспредельная радость, охватившая его при этом известии (он даже воздвиг статую Эвфимии, радостному настроению), ибо изгнанные обратились теперь к правителю империи Пердикке, так что положение ничуть не улучшилось. Однако и во второй раз Дионисия спасла его умелая дипломатия и внезапная смерть владыки Азии (321 год). Во время последующей борьбы диадохом благодаря своей мудрой политике он не только укрепил господство над Гераклесей, но и расширил сферу своей власти благодаря военным действиям, которые вел с помощью гражданского ополчения. Более того: уже перед кончиной Пердикки он женился на Амастрис, племяннице последнего персидского царя Дария, благодаря чему вступил в родственные связи с некоторыми диадохами. Военачальник Александра Кратер, который должен был жениться на принцессе по желанию царя, после его смерти отказался от нее и дал согласие на ее брак с Дионисием.

Амастрис принесла супругу большое приданое, давшее ему возможность содержать великолепный двор. Можно сомневаться, что, как гласит предание, он лишь теперь приобрел предметы домашнего обихода великого Дионисия. Скорее, это приобретение имущества сицилийского тирана, в честь которого он был назван, можно отнести к более ранним годам, когда он еще не вошел в мир македонских властителей. Среди них следует назвать в первую очередь Антигона, назначенного в 321 году верховным главнокомандующим имперской армии, милость которого имела значение для дальнейшего правления Дионисия. Возможно, уже общими противоречия с Пердиккой свели их вместе. Во всяком случае, своей поддержкой Антигона в 314 году тиран заслужил такое расположение, что Антигон сквозь пальцы смотрел на дальнейшее расширение владений Дионисия и дал согласие на брак своего племянника Птолемея, правителя

геллеспонтской Фригии, с дочерью тирана от первого брака. Насколько владыка Гераклеи и немалой территории вокруг чувствовал себя равным македонским правителям*, показывает тот факт, что он в то же время, что и они (306 год), принял титул царя. Он уже давно чеканил на серебряных монетах свое полное имя вместо наименования Гераклеи. Казалось, что эта существовавшая уже более полувека тирания над понтийским городом должна развиваться в эллинистическую территориальную монархию. Появились и наследники владычества: Клеарх и Оксафр, названные в честь дедов с отцовской и материнской стороны, а также дочь Амастрис, названная в честь матери.

Глядя на внешний облик и образ жизни Дионисия, нельзя было и предполагать, какими способностями и энергией обладает этот человек. Он был настолько тучным, что страдал одышкой, а во время аудиенций старался скрыть свою полноту. О его патологической сонливости рассказывали, что разбудить его можно было только уколами иголки. Но несмотря на неуклюжесть, склонность к наслаждениям и внешнее равнодушие к делам правления Дионисий зарекомендовал себя блестящим правителем и политиком. При его правлении в Гераклее наступил экономический расцвет. Во время голода в Эгейском регионе (330—326 гг.) тиран послал афинянам, которые дали его отцу права гражданства, зерно, и за это ему были оказаны государственные почести. Не без основания называли его в Гераклее «Превосходным», и когда он умер после 33-летнего правления в 305/304 гг., его оплакивали искренне и, вероятно, оказывали культовые почести.

Преемники Дионисия

Благодаря продолжавшейся милости Антигона благоприятные условия сохранялись и при вдове Дионисия Амастрис, умной, энергичной женщине. Поскольку оба сына были

* Диодохам, преемникам Александра.

еще слишком малы, супруг перед смертью вручил правление ей. Когда через несколько лет (в 302 году) остальные диадохи сплотились против Антигона, она разорвала с ним связи и установила отношения с Лисимахом, царем Фракии, который мог представлять наибольшую опасность. Он пошел на это и взял Амастрис в жены, приобретая тем самым в Гераклее важный опорный пункт для своих военных операций против Антигона. Однако после поражения и гибели Антигона под Ипсом (301 год) город утратил для него военное значение; на передний план выступили другие политические соображения, и, хотя он испытывал симпатию к Амастрис, он разорвал брак с ней через два года, чтобы жениться на дочери царя Птолемея Арсиное. Однако между бывшими супругами сохранились хорошие отношения, которые поддерживали и сыновья правительницы. После их возвращения из Сард, где они находились по желанию Лисимаха, Амастрис продолжала править сама и основала северо-восточнее Гераклеи город, который стал носить ее имя. Новый полис был создан объединением, а не совместным поселением, жителей Сесама, Китора, Кромпы и Тиоса, завоеванных еще Дионисием. Находившуюся в старом Сесаме крепость Амастрис выбрала своей вдовой резиденцией, когда подростки взяли бразды правления в свои руки.

Старший сын, Клеарх, участвовал в 292 году в походе своего отчима Лисимаха против гетов, вместе с ним попал в плен, но через какое-то время, в течение которого он, видимо, был заложником, вновь стал свободным. От своего родного отца ни он, ни его брат Оксафр не унаследовали ни ум, ни умеренность. Их жестокость вызвала отчуждение у населения Гераклеи, они даже убили собственную мать. Передают, что Амастрис не давала им никакого повода для ненависти, не говоря уже о подобном шаге. Но даже если сыновья тяготились ее сильной, властной натурой и она вызвала чем-то их сильное раздражение, убийство матери было не только ужасным поступком, но и политически безрассудным, учитывая все еще глубокую привязанность Лисимаха к бывшей супруге. Он не замедлил с мстью.

Царь, используя свободный доступ в Гераклею, приказал убить сначала Клеарха, а затем Осафра. Сокровища правителей он присвоил себе и после 75-дневного тиранического правления в Гераклее восстановил там свободную демократическую форму правления (288/287 гг.). О подлинной самостоятельности полуса, разумеется, не могло быть и речи, поскольку Лисимах считал город вместе со всеми присоединенными Дионисием территориями своей подвластной областью. Это особенно проявилось, когда через несколько лет (в 284 году) он подарил эти владения своей супруге Арсиное, которая поставила управлять ими Гераклида из Киме. Его правление (народ сверг его после смерти Лисимаха в 281 г.) ничем не отличалось от правления тиранов, поставленных или опиравшихся на внешнюю силу. Лишь после устранения этого тирана город вернул себе независимость. Но преобразования города с тираническим правлением в эллинистическое территориальное царство, которое, казалось, уже произошло при Дионисии, все же не случилось, и не только из-за ничтожества его преемников. Это удалось, тем не менее, за пределами владений великих диадохов, на далеком Боспоре Киммерийском.

3. Боспор Киммерийский

Необходимость полной концентрации всех сил для защиты своей самостоятельности от варваров из глубин страны и других держав способствовала возникновению тирании на окраинах греческой области расселения. Особое положение занимают в сравнении, например, с Сицилией, поселения на Керченском проливе, поскольку здесь не соблюдается последовательность: раннегреческая тирания — период отсутствия тирании — позднегреческая тирания. Насколько нам известно, первый тиран здесь появился около 440 года, сумевший, однако, на века установить свое гос-

подство над Пантикапеем и Фанагорией, вместе называемых «Боспором». Трудно сказать, какими были политические обстоятельства этого. Сведения о VI веке вообще отсутствуют, но, видимо, Фанагория уже тогда находилась в зависимости от Пантикапея. Этим городом с 480/479 гг. правил род *Археанактидов*, происходивших, предположительно, из метрополии Милета, положение которых Диодор не точно обозначает как царствование, тогда как они, скорее всего, занимали высшие выборные должности. Возможно, речь идет о потомках ойкистов; во всяком случае, нет достаточных оснований видеть в них тиранов. Лишь Спарток, имя которого свидетельствует о фракийском происхождении, установил в 438/437 гг. свою тиранию, очевидно, силой, выдворив Археанактидов. Сам он, видимо, был сильно эллинизирован, а его потомки, частью носившие греческие имена, частью еще фракийские, хотя они многократно породнились с местными правителями, были настолько «грецизированы», что этот род заслуживает места в истории греческой тирании.

Сатир

О Спартоке, правление которого, очевидно, длилось всего пять лет (438/437—433/432 гг.), нам, к сожалению, известно лишь то, что он захватил власть. Кое-что известно только о его сыне и преемнике Сатире, который был тираном 44 года (до 389/388 гг.). По-видимому, он сделал своим соправителем до 393/392 гг. родственника, а возможно, и брата по имени Селевк. Он передал командование наемными войсками греку Сопею, которого обеспечил богатыми земельными наделами. Последний, видимо, попал под подозрение в покушении на государственный переворот и какое-то время находился в заключении, но сумел доказать необоснованность обвинения. После этого он получил свободу и еще большие земельные наделы; он даже был принят в семью Сатира после брака своей доче-

ри с его сыном Левконом, что еще больше эллинизировало семью. Афинянин Гилон, дед оратора Демосфена с материнской стороны, был также награжден за верную службу. В качестве посланника своей родины он передал тирану расположенный вблизи Пантикапея город Нимфей, на который распространялись интересы Аттики. Боясь преследования в Афинах, он направился к Сатиру, который предоставил в его распоряжение поселение Кепы на азиатском берегу пролива. Там он женился на богатой скифской женщине и правил как «зависимый тиран». Хорошие отношения, в которых Сатир находился с Афинами, по-видимому, от этого не пострадали, хотя бы из-за заинтересованности в импорте понтийского зерна. Такое же положение сохранялось и при следующих тиранах: постоянно сообщается о подношениях зерном со стороны властителей Боспора, об освобождении от пошлин и других льготах, за которые афиняне благодарили чествованиями, предоставлением прав гражданства и освобождением от налогов, золотыми венками и сооружением почетных статуй. Первоначально экспорт зерна и других товаров осуществлялся через гавань Пантикапея, поскольку более удачно расположенный для этих целей город Феодосия до начала IV века сохранял свою независимость от Сатира. Прежде чем он решился завоевать его и тем самым расширить свои владения в Крыму на запад, он попытался увеличить подвластную ему область на азиатской стороне Керченского пролива.

Здесь, на Таманском полуострове, местным племенем синдов правил грек Гекатей, супруг Тиргатао, представительницы княжеского рода живших на Азовском море иксоматов. Изгнанный, он был возвращен сюда Сатиром, который сделал его своим зятем, поскольку хотел распространить свою власть владыки Боспора на синдов. Но Тиргатао, вначале взятая своим супругом под стражу, а затем бежавшая на родину, из мести заставила царя иксоматов пойти войной против синдов и Сатира. Последний вынужден был пойти на мировую, что позволило Тиргатао вернуться, и отдал своего сына Метродора в заложники. Несмотря на это, тиран нарушил договор, отнимавший у него

новые подвластные территории, и посягнул на жизнь Тиргатао, которая в ответ на это устранила Метродора и возобновила войну против Сатира (о Гекатее больше ничего не сообщается). До конца этой трудной для него и безуспешной войны Сатир не дожил: он пал в битве за Феодосию, которую поддерживала Гераклея Понтийская. Его гробница была сооружена на мысе на Боспоре Киммерийском.

Левкон

Тирания над Пантикапеем и Фанагорией перешла к его сыну Левкону, который сохранял ее в течение 40 лет (389/388—349/348 гг.). Ему удалось присоединить Феодосию и добиться господства над синдами, к чему безуспешно стремился его отец. Однако вначале его брату Горгиппу пришлось отправиться к Тиргатао с богатыми дарами и вымолить мир, но затем, по-видимому, урегулирование было достигнуто иным путем: Горгипп женился на местной принцессе, возможно, дочери Тиргатао, и после смерти последней стал правителем синдов. Он основал в «гавани синдов» резиденцию, назвав ее в свою честь «Горгиппией», но, видимо, был подвластен Левкону, сын которого Перисад женился на его дочери Комосарии. После этого бракосочетания, если не раньше, Левкон принял титул «царя синдов». Он подчинил также племена, жившие южнее и севернее Кубани: торетов, дандарийцев и пессейцев, узурпировав и здесь царское звание. Невозможно точно определить, относится ли его борьба с высадившимися в Крыму геракльотами к периоду войны за Феодосию или связана с другим нападением тирана — на Херсонес. Остается также неясным, было ли осуществлено намерение родосца Мемнона пойти войной на Левкона, которое возникло у него во время пребывания в Македонии. Отношения с Афинами продолжали оставаться хорошими: Левкон и его сыновья приняли аттическое гражданство. Он поддерживал дружественные отношения и с остальными городами эгейского

мира, с Митиленами на Лесбосе, гражданам которых было обеспечено снижение пошлин на зерно, возможно, также и с аркадийцами.

На вопрос о характере правления Спартокидов над греческими городами можно дать более-менее определенный ответ лишь для времени Левкона, о котором нам известны наряду с литературными данными и надписи. Не подлежит сомнению, что Левкон и его преемники правили покоренными варварскими племенами как их цари, то есть заняли место местных князей. В то же время их монархия в эллинских общинах требует изучения. Современные и более поздние авторы именовали боспорских владык просто «тиранами», не желая их этим дискредитировать. Это позволяло предположить определенное внешнее сходство с тираническим правлением, например, наличие лейб-гвардии, обширные личные земельные владения, раздаривание больших земельных наделов преданным людям, а наемное войско, сочетавшее греческие и скифские элементы, изгнание политических противников и тому подобное заставляли сделать такой вывод. Однако решающим в вопросе о наличии тирании является отношение правителей к полису. Левкон и его предшественник, с правовой точки зрения, могли быть гражданами Пантикапея, где и находилась их резиденция. Греки считали их, как и всех тиранов, частными лицами, а не царями или законными главами одной или нескольких общин; им лично присваивались почетные права и сооружались статуи, только им, а не общинам, гарантировалось освобождение от налогов. Как абсолютные властители правили Спартокиды Пантикапеем и Фанагорией, а со времен Левкона еще и Феодосией, причем без участия городских органов они устанавливали снижение пошлин и другие привилегии, просто объявляя свою волю через глашатаев. Хотя на монетах при Левконе еще чеканились названия городов, а не имя тирана, однако чеканкой монет распоряжался он. Именно он начал перечеканку денег, увеличивая при этом вдвое их номинал, — мера, к которой прибегали и другие тираны, совершая свои финансовые махинации. Правители получали гигантские доходы с пло-

дородных земель, которые обрабатывало зависимое местное население, в виде дани с покоренных варварских племен и особенно от пошлин. Их богатство давало возможность содержать сильную наемную армию и значительный флот. Вместе с гражданским ополчением и контингентами военнообязанных синдов, торетов, дандарийцев и пессейцев это составляло весьма значительную военную силу.

Возможное командование гражданским ополчением ставит перед нами вопрос, стояли ли Спартокиды, как и большинство тиранов, без всякого законного обоснования их властного положения рядом с общиной или они, как великий Дионисий, занимали высшую должность в полисе. На надписях со времен Левкона они именуется «архонт Боспора и Феодосии», но их предшественники, по-видимому, тоже именовались архонтами Боспора. Правда, речь идет о формуле датировки без указания года исполнения должности, поэтому существует сомнение, означает ли это выражение должность или в большей степени фактическое наличие господства, как это можно предположить для Дионисия в качестве «архонта Сицилии». Правильность последнего предположения подтверждает то, что «архонтат» охватывал много городов, а именно Пантикапей, Фанагорию и Феодосию, а также меньшие города, не упоминаемые в формуле датировки. Кроме того, пожизненная, законно наследуемая должность архонта в одном или даже нескольких греческих городах не встречалась. Нет никакого упоминания ни о назначении руководителем общины, ни о выборах на должность стратега с чрезвычайными полномочиями. Если все же верховное командование гражданским ополчением принадлежало Спартокидам и датирование производилось по времени правления властителя без указания года, а не по чиновнику-эпониму, то это ясно подтверждает существование чистой тирании — в терминологии античных авторов, — которая лишь благодаря своей продолжительности получила определенную легитимность. Как и обычно при тирании, конституция полиса с его органами продолжала существовать; лишь при сыне Левкона Перисаде она была либо отменена, либо насильственно изменена в

Пантикапее. Правда, не было недостатка в сопротивлении монархическому правлению — оно выражалось в нежелании ополчения воевать, а также в заговорах, которые после своего раскрытия приводили к изгнанию виновных и подзреваемых, но в общем и целом мягкое правление династии и ее забота о благосостоянии подданных, о чем свидетельствуют богатые находки, делало тиранию вполне переносимой. «Их называли тиранами, — сказал позднее понтийский грек Страбон, — но большинство из них со времен Левкона и Перисада были хорошими правителями».

Перисад и его сыновья

Когда Левкон после сорокалетнего правления умер (349/348 гг.), он оставил троих сыновей, которые уже при нем официально участвовали в правлении. Самому старшему, *Спартоку II*, досталась тирания на Боспоре, среднему, *Перисаду* — господство над Феодосией и царствование над синдами, фатейцами и, очевидно, племенами на Азовском море, тогда как третий, *Аполлоний*, по-видимому, не получил собственных владений. Пять лет (до 344/343 гг.) длилось совместное господство, на это время старшие братья продолжили привилегии, предоставленные их предшественниками афинянам, и получили за это почести и уступки. Затем Спарток умер, и *Перисад* — об Аполлонии больше не было речи — остался во владении всем созданным его отцом государством, которое он во время своего 33-летнего правления (344/343—311/310 гг.) не только сумел отстоять, усмирив отделившихся пессейцев, но и расширил. Он с гордостью именовал себя царем всех мест и похвалялся, что его владычество простирается от тавров до границ Кавказа. Возможно, отход скифов, с которыми он успешно воевал, из области восточнее Азовского моря был следствием этой экспансии. С азиатской частью своих владений Перисад, кроме всего прочего, был связан браком с Комосарией, дочерью своего дяди Горгиппа, а с городами гре-

ческого мира вплоть до Сиракуз его объединяли торговые соглашения. Афиняне почтили его и его сыновей — Сатира и Горгиппа, установив на агоре их бронзовые статуи. О каких-либо связях с Александром или диадохами ничего не известно, однако привлечение эллинических деятелей искусства, например, кифареда Стратоника, а главным образом божественные почести, которые, по всей видимости, установил для себя Перисад, свидетельствуют об эллинистическом характере его двора и всего правления. В отличие от отца он чеканил на монетах свое имя. Ловкий и изворотливый правитель, Перисад в то же время обладал мощной деспотической энергией. С особой силой это испытали на себе подвластные ему греческие города. В Пантикапее он, как уже упоминалось, если и не отменил конституцию вообще, то изменил ее по своей воле, отменил освобождение от налогов и ввел вместо враждебно настроенного, ненадежного гражданского ополчения чужие наемные войска. Возможно, это было связано также с тем, что брак с полугречанкой Комосарией, который существенно расширил неэллиническую часть его владений, обусловил преобладание варварских элементов.

Еще до смерти Перисада в 311/310 гг. уже начался спор между тремя его сыновьями: Сатиром II, Эвмелом и Пританием. Горгипп, по-видимому, умер до этого. Отец назначил наследником *Сатира*. Однако после его смерти Эвмел, объединившись с Арифарном, царем фатейцев, который был ранее вытеснен Перисадом, но теперь вернулся, напал на Сатира и был разбит им в большой битве, так что ему пришлось бежать в царскую крепость Арифарна. Во время тяжелой осады этой крепости Сатир получил смертельную рану, положившую конец его правлению уже через 9 месяцев (310/309 гг.). *Пританий* предал тело погребению в Пантикапее, принял на себя командование армией погибшего брата и заявил претензии на всю подвластную территорию. Он не согласился на предложение Эвмела разделить отцовское достояние, хотя Пантикапей в качестве резиденции не был надежен. Его усилия сохранить столицу привели к тому, что Эвмел захватил ряд

крепостей и, когда Пританий начал против него войну, вынудил его капитулировать. Ему пришлось передать свои войска брату и в договоре подтвердить отказ от всяких претензий на власть. Попытка сохранить за собой Пантикапей ему не удалась; при попытке к бегству в Кепы Пританий был убит. Эвмел, отныне единоличный владыка государства, чтобы обезопасить себя, приказал убить не только ближайших сподвижников, но также жен и детей своих братьев. Лишь одному из сыновей Сатира, Перисаду, удалось бежать к царю скифов Агару. Судя по началу, от нового правления можно было ожидать самого худшего.

Однако произошло как раз наоборот. По-видимому, Эвмел осознавал, что он сможет удержать завоеванное силой и запятнанное убийствами господство лишь хорошими отношениями с гражданами греческих городов, прежде всего Пантикапея. Он восстановил конституцию полисов в том виде, как она существовала до Перисада, возобновил прежние освобождение от налогов и, по-видимому, пообещал увольнение или, по крайней мере, сокращение наемных войск, что должно было означать возрождение гражданского ополчения. Эти меры создали впечатление, что он по сравнению с Перисадом правитель «справедливый», и это нашло свой отклик. Ему удалось также завоевать симпатии других греческих поселений на Понте победой над таврами и жившими на Кавказе племенами генихов и ахайцев, а также благодарностями, оказанными городам Синопу, Византию и осажденному царем Лисимахом Каллатию. Они с одобрением наблюдали, как этот царь, в отличие от своего отца, укреплял эллинский элемент, расселяя каллатийцев, тысячами бежавших из своего города, и основывал новый греческий город Псою. Он также включил колонии на западе и юге Черного моря в сферу своего влияния, делал вылазки в далекие, неподвластные его предшественникам варварские земли, и его слава росла. Однако на земле синдов произошло несчастье с его колесницей, и Эвмел умер после правления продолжительностью всего в пять с половиной лет (304/303 гг.).

О двадцатилетнем правлении его сына *Спартока III*, который, по-видимому, не расширял свои владения, нам

практически ничего не известно, как и то, придерживался ли он в отношениях с греческими городами линии своего отца; остается также открытым вопрос, принял ли царский титул по отношению к ним он или его сын *Перисад II* (с 284/283 гг. до примерно 250 года). Титулатура на надписях колеблется между «архонтом» и «царем» даже у *Перисада II*, который, однако, на золотых монетах именовал себя царем, как это делали и все его преемники, так что не может быть сомнения в основании царства, охватывавшего и эллинов, и варваров, по примеру царствований диадохов. То, что не удалось в Гераклее — перерастание греческой городской тирании в эллинистическое царствование, осуществилось на Боспоре Киммерийском, где тирания давно уже сочталась с царствованием над варварскими племенами. Характерным для феномена тирании является то, что этот переход не повлек за собой коренных изменений в отношениях властителя к греческой общине. Скорее всего, территориальный элемент стал превалировать над городским, который раньше был исходным пунктом, и естественным продолжением стал процесс нарастающей варваризации, издавна тяготевшей над этим родом тиранов, полугреков по своему происхождению, тесно связанных с неэллинистическим окружающим миром. Если владыки Боспора в IV веке выполняли эллинскую миссию, оправдывавшую их тиранию, то к царям более позднего периода никак нельзя отнести почетный титул защитников всего греческого.

Кроме владений Спартокидов, на севере Черного моря нам не известны тирании, за исключением одной римского периода (хотя имени тирана мы не знаем) в городе Херсонесе, которая была свергнута силой.

Глава IV ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ МАЛОЙ АЗИИ

1. Мисия и Эолида

В Мисии и Эолиде, как и в области проливов и в Троаде, в IV веке не было недостатка в тиранических правлениях; некоторые из них существовали уже во времена ранней тирании. Так, Пергамом, Тевфранией и Галисарной около 400 года правили потомки лакедемонского царя Дамарата; потомки эретрийца Гонгила после десятилетий своего рода безвластия были поставлены Ксерксом около 480 года над Палеогамбрием, Гамбрием, Мириной и Гринем. Городами правили две пары братьев: там — *Эрисфен* и *Прокл*, здесь — *Горгий* и *Гонгил*, которые в 339 году присоединились к спартанцу Фиброну в его борьбе против персов. После восстановления власти великого царя на западе Малой Азии (около 394 года) они потеряли свои владения, по крайней мере временно. Были ли поставлены новые тираны, неизвестно. О появлении тиранов в городах во времена крупных восстаний сатрапов мы также недостаточно информированы. Единственный известный нам случай, Атарнея и Асса, вряд ли не имел аналогов. Оба эти поселения, первое из которых расположено западнее Пергама, а второе — на западном побережье Троады, около 360 года завоевал эллинизированный вифиниец *Эвбул*. Впоследствии

он умело отстоял Атарнею от натиска сатрапа Автофрадата. Он привлек в свое окружение поэта Персина и вообще, по-видимому, имел серьезные духовные интересы. Поэтому то, что его правление было деспотичнее, чем правление его преемника Гермия, могло быть тенденциозной выдумкой в пользу последнего, который был близок к Академии и перипатетикам и славился там как друг и покровитель философов.

Гермий из Атарнея

Гермий, подобно Эвбулу, эллинизированный вифиниец, но несвободный по рождению и предположительно евнух, происходил из маленького города Тарне. Трудно сказать, был ли он рабом Эвбула и лишь им отпущен на свободу или же был приближен к Эвбулу как вольноотпущенник другого господина, достигший богатства и уважения. Нельзя также сказать, не ускорил ли Гермий смерть Эвбула, чьим соправителем он был в последнее время, чтобы стать единоличным владыкой. Во всяком случае, он был уже свободен от рабства, когда в 50-х годах отправился в Афины и там близко сошелся с Аристотелем и другими учениками Платона, но не с ним самим. Духовное содружество, которое его здесь окружало, продолжало оказывать на него воздействие и после его возвращения, когда он незадолго до 350 года стал властителем Атарнея и Ассоса. Не то чтобы он публиковал сочинения о бессмертии души, но Платон в письме мог похлопотать, чтобы установить между своими единомышленниками Эрастом и Кориском в троадском городе Скенсисе и Эвбулом контакты в духе общей философии, а после смерти Учителя Аристотель и Ксенократ прибыли к Гермию, и первый оставался у него в течение трех лет (348/347—345/344 гг.). Он помогал ему советами и даже вступил с ним в родство, женившись на его племяннице Пифее. Получить ясное представление о явно выдающейся личности Гермия очень тяжело, поскольку

сохранившейся в философских школах апологетической традиции противостоит дискредитирующее предание, представленное двумя современниками — настроенным против Платона историком Феопомпом и его земляком поэтом Феокритом. Оба они никак не могли забыть, что властитель захватил господство над континентальной частью владений их родного города Хиоса. По-видимому, Гермий и в своем существе, и в своей деятельности был крайне противоречив и поэтому вызывал противоречивые суждения.

Правление Атарнеем и Ассосом, которое многократно называлось тираническим, характеризовалось следующим: Гермий поручил город Ассос Аристотелю и названным платоникам Эрасту и Кориску и позволил этой коллегии философов ввести там умеренно демократическую конституцию, как она виделась Аристотелю. Так же, как и другие «спутники» тирана, которым, видимо, он раздавал подвластные города, члены этой коллегии не были органом переданных им общин, они не имели даже их прав гражданства, а подобно тиранам стояли рядом и над ними. Таким образом, правление Гермия представляет собой правление гетерии. В союзном договоре с Эрифреем называются не подвластные ему города или он сам, а «Гермий и его гетерии» как партнеры по договору, которым принадлежит вся территория. Именно им должны эретрийцы платить налог за сохранение их собственности во время войны. Они как собственники страны имели право повышать налог с дохода. Следовательно, если речь идет о чистой тирании небольшой группы, то не подлежит сомнению, что подлинным правителем был сам Гермий, и это подтверждается — пусть тенденциозным — утверждением Феопомпа, что он устранил многих своих «друзей». Тем не менее установление «правления философов» над Ассосом на тиранической основе примечательно, учитывая неудачную попытку Диона на Сицилии, а также памятуя о тех членах Академии, которые, достигнув власти, подобно Клеарху из Гераклеи, позабыли политическое учение Платона.

В своей резиденции Атарнее Гермий содержал блестящий двор. Со своими колесницами он участвовал в боль-

ших эллинских состязаниях, и «божественный мир» на время проведения празднеств в Олимпии был провозглашен и у него. О характере его правления друзья и враги высказывают совершенно различные мнения, но трудно себе представить, что Аристотель посвятил бы ему пэан*, прославляющий аreté (усердие), а позднее сочинил бы хвалебную эпиграмму его статуе в Дельфах, и даже вообще поддерживал с ним дружеские и родственные отношения, если бы тиран действительно был таким жестоким деспотом, каким его изображает его противник Феопомп. Гермий, по-видимому, сумел нажить большое состояние благодаря финансовым операциям, а также налогам с подданных. Эрифрейцы, продавая депонированное у них имущество, платили сбор два процента; хиосцы и митиленцы за защиту своих континентальных владений также платили значительные суммы. Основной внешнеполитической задачей было признание великим царем владений, установленных Эвбулом во время восстаний сатрапов, которые при Гермии еще больше расширились, включив в себя большое количество городов и территорий. Это было тем более необходимо, что Гермий как суверенный владыка заключал союзы или договоры с городами как в пределах границ персидского царства, так и вне его. Формально тиран признал верховную власть царя и мог это сделать совершенно спокойно, поскольку Артаксеркс III вначале был занят возвращением Финикии и Египта и не мог уделять много внимания малоазийским делам. Однако ситуация изменилась, когда Египет был покорен (345/344 гг.) и Ментор принял командование над западным побережьем Малой Азии. Тиран правильно почувствовал угрозу и установил связи с царем Филиппом, который, учитывая его отношения с персами, был заинтересован иметь сторонников по ту сторону Геллеспонта. Но тут вмешался Ментор, не бывший, очевидно, в курсе дела. Он подвел войска, пригласил изменника на переговоры, обнадежив его прощением великого царя и вероломно захватил его в плен. Гермий был отправлен к Артаксерксу и по его

* Разновидность мелической поэзии, объединявшей слово, музыку и танец.

приказу казнен. Каллисфен, племянник Аристотеля, воспел его мужество и стойкость, выразившись в том, что он не выдал заключенного им с Филиппом соглашения. Поведение Гермия, как он рассказывает, произвело на персидского царя такое впечатление, что тот хотел отпустить его на свободу, но этому воспротивились Ментор и влиятельный Багой, и тогда он, по крайней мере, избавил его от мучений. Враги же утверждали, что его пытали и затем распяли. Гермий умер в убеждении, что не совершил ничего недостойного философа. Его соратники, которым он это передал, после его гибели также подвергались гонениям, если им не удалось спастись, как Аристотелю, который бежал в Митилены. Ментор, пользуясь письмами с печатью Гермия, добился сдачи отдельных городов или их владык и таким образом занял всю подвластную область (374 год).

2. Иония

В Ионии ничего не известно о тиранах, которые, подобно Эвбулу или Гермия, используя слабость персидской власти на западе, на свой страх и риск устанавливали свое правление и в течение нескольких лет удерживали его. Можно упомянуть лишь *Пифона* из *Клазомен*, который с помощью наемников захватил родной город, или правившего в *Фокее* «архонта» Аристотеля с *Родоса*. Скучное предание не дает точных свидетельств, как и тот факт, что в *Ларисе* в IV веке был обновлен дворец, но не сообщает о существовании тирании, не говоря уже о ее отношениях с персидскими властями. Тираны встречаются нам лишь в *Эфесе* во времена Александра. Здесь Мемнон отгеснил вторгшиеся в 336/335 гг. македонские войска и вместо установленного с их помощью демократического порядка, которому, возможно, уже предшествовала зависимая от персов тирания, ввел правление олигархической группы, во главе

которой, видимо, стояло семейство *Сирфакса*, и защитил ее гарнизоном. Под его защитой владыки города ссылали своих противников, посягнули на сокровища святилища *Артемиды*, разрушили стоявшую там статую царя *Филиппа* и убрали с агоры гробницу *Геропифа*, почитавшегося как освободитель. Однако когда при приближении *Александра* гарнизон покинул город и царь смог беспрепятственно войти в *Эфес*, их владычеству пришел конец. Демократия была восстановлена (334 год). Однако озлобленный народ выместил свою ярость на *Сирфаксе* и его родных. Как характер расправы — побивание камнями, так и деяния, в которых обвинили правителя, свидетельствуют о том, что на деле существовала не соответствующая конституции олигархия, а тирания одной или нескольких гетерий. Теперь эта ситуация была изменена *Александром*, который, кстати, положил конец убийствам других членов группы. *Эфес*, как и другие греческие города, находившиеся ранее под властью персов и перешедшие теперь под власть *Александра*, получил гарантированную им, хотя и ограниченную свободу, не исключавшую его вмешательства. Подобное произошло в 20-х годах. Тогда городом правил тиран *Гегезий*, а поддерживал его поставленный над прибрежной областью македонянин *Филоксен*. Когда тиран был убит тремя братьями, *Анаксагором*, *Кодром* и *Диодором*, *Филоксен* потребовал их выдачи, а поскольку в ней было отказано, ввел в город гарнизон. Он отправил преступников в оковах в тюрьму *Сард*, откуда *Анаксагору* и *Кодру* удалось бежать. *Диодор* незадолго до смерти *Александра* был отправлен ко двору, он предстал перед судом не там, а в *Эфесе*, куда его отослал правитель *Пердикка* для судебного разбирательства. Там его и освободили братья. Причина, по которой *Александр* или его полномочный представитель вступились за тирана, не ясна. Ведь царь, как уже упоминалось, не только ликвидировал тирании на *Лесбосе* и *Хиосе*, но и распорядился об их отмене в области *Коринфского союза*. Возможно, для укрепления зависимости подвластных городов *Малой Азии* он в конце своей жизни решил не пренебрегать

испытанным средством персов — содействием или назначением угодного тирана.

3. Острова

Лесбос

Тогда, когда Гермий находился у власти в соседнем Атарнее, на острове Лесбос, который оставался верным Афинам во время союзных войн и после них, появился тиран, правление которого, впрочем, было весьма кратким. Около 349/348 гг. некий *Камий* с отрядом наемников захватил власть в городе Митилены, предположительно, его родина, и разорвал его связь с Афинами. Однако еще до весны 346 года он был свергнут с помощью аттического стратега Федра. Позднее олигархи Митилен были настроены проперсидски, а народ — промакедонски, так что после победы Александра при Гранике первым пришлось покинуть город. В их числе был *Диоген*, которого персы после захвата острова (333 год) сделали тираном и для защиты от нападений македонян выделили ему корпус наемников под предводительством кондотьера Хара. Но с передачей города македонянам правление Диогена закончилось уже в следующем году, он сам, по-видимому, был доставлен в Египет и передан Александром своим согражданам для судебного разбирательства.

Аналогичная картина наблюдается в *Мефимне*, с той лишь разницей, что пришедший здесь к власти одновременно с Камием *Клеомний* был не врагом, а другом Афин. Однако Исократ, видимо, не только из-за этого изображает его как «нетиранического» правителя, который не казнил, не изгонял и не конфисковывал, а наоборот, вернул изгнанных и отдал им их имущество, сохранил гражданам оружие и почти не ограничил их политических прав. Он был, по-

видимому, строгих моральных правил и боролся с проституцией и сводничеством, по возможности противодействовал пиратству и освободил из рук пиратов несколько афинян; в благодарность за это ему и его потомкам была присуждена проксения и другие почести. До 340 года тирания *Клеомния* закончилась, поскольку затем владыкой города был *Аристоним*, друг Мемнона и, следовательно, персов. Попытка Хара изгнать тирана, которого, видимо, поддерживали персы, и самому сесть на его место не удалась из-за вмешательства Мемнона; однако Аристоним был свергнут во время наступления Александра на побережье, и в Мефимне установился демократический порядок. Он просуществовал недолго, поскольку Мемнону вскоре удалось захватить Лесбос и посадить в Мефимне нового тирана, *Аристоника*, зарекомендовавшего себя верным приспешником персов. С пятью судами он пришел на помощь комфлоту Фарнабазу, но, поскольку тот незадолго до этого был взят в плен, сам попал в руки македонян (332 год). Александр, к которому его доставили в Египет, предоставил его суду сограждан; он был мученически казнен.

В *Антиссе* до битвы при Гранике также была тирания, однако тиран нам не известен. Он был свергнут в 334 году, и непонятно, была ли затем тирания восстановлена Мемноном. О положении дел в *Эресе* мы лучше информированы благодаря большой надписи. Здесь в 40-х годах осуществлялась тирания в форме совместного правления трех братьев, *Гермона*, *Герей* и *Аполлодора*, зависимых от персов, поскольку их свержение в 343/342 гг. произошло с помощью царя Филиппа, который, как доказывают его отношения с Гермием, хотел иметь на малоазиатском побережье опорные пункты. В знак признательности за освобождение благодарные эресцы посвятили жертвенники Зевсу Филлинийскому, а тиранов осудили на основании закона, принятого, видимо, после устранения более ранней, неизвестной нам тирании. Этот закон предусматривал для тиранов смерть, для их потомков — лишение прав, а в случае, если виновные были вне пределов досягаемости, — изгнание и конфискацию имущества. Гермону, Герей и Аполлодору народ

вынес приговор, видимо, заочно. Однако это свержение тирании, в котором участвовал знаменитый философ Теофраст, принесло городу свободу лишь на несколько лет. Ко времени убийства Филиппа (336 год) тиранию над городом установили, очевидно, с помощью Мемнона *Агониста и Эверсилы*. Они уничтожили жертвенники Зевса Филиппийского, восстановили крепость на акрополе, вынудили граждан заплатить двадцать тысяч статеров и интенсивно занимались пиратством. Когда их, как и других тиранов на Лесбосе, свергли после битвы при Гранике, они бежали к Мемнону, который вскоре после этого вернул их на старое место. Здесь они дали полную волю своей мести: разоружили граждан, многих сослали, оставив женщин и детей в качестве заложников. Они выжали из горожан еще 3200 статеров и разграбили город вместе со святилищами, часть которых погибла в пламени. Как и тираны Митилен и Мефимны, они в 332 году попали в руки македонян и были доставлены в Египет к Александру. Однако они сумели так ловко перед ним оправдаться, что царь отправил их обратно для вынесения приговора, сопроводив недовольным письмом к демосу Эреса, что скорее разожгло, чем уменьшило ненависть к ним граждан. Приведенный к присяге суд из 883 человек, над которыми довлело проклятие тиранам, высказанное народным собранием, на тайном заседании приговорил их почти единогласно (против 7 голосов) к смертной казни, конфискации их имущества и изгнанию детей. Тяжелое наказание грозило каждому, кто потребовал бы отмены приговора. После казни тиранов, получивших право выбрать себе вид смерти, в Эресе закончилось проперсидское владычество отдельных людей. Впрочем, внуки Гермона и Герся попытались добиться пересмотра приговора для себя и детей Аполлодора сначала у Александра, а затем у царя Филиппа Арридея; с такой же просьбой сыновья Агониста обратились к царю Антигону еще после 306 года. Но во всех случаях цари передавали дело на рассмотрение эресцев, которые подтверждали приговор — к изгнанию.

Хиос и Родос

Уже отмечалось, что в IV веке иногда трудно бывает провести различие между легальной или, по крайней мере, квазизаконной олигархией и незаконной тиранией, поскольку обе представляют собой правление группы людей. Хиос является хорошим тому подтверждением. Здесь в 334 году во время кровопролитного восстания была свергнута персидская олигархия, вскоре, однако, восстановленная Мемноном. Она отдавала власть над островом *Аполлониду, Фесину, Мегарею* и нескольким другим при условии действий в ее интересах. Их правление представляло собой настоящую тиранию, но вскоре они вступили в конфликт с находившимся на Хиосе персидским гарнизоном. После победы македонского флота (333/332 гг.) их постигла та же судьба, что и лесбосских тиранов, с той лишь разницей, что Александр не отправил их на родину для предания суду, а депортировал в Элефантин в Верхнем Египте.

Самос, с 365 года принадлежавший Афинам, в предшествующие десятилетия, по-видимому, был освобожден от тиранов. Напротив, на *Родосе* тираноподобная власть существовала, когда после союзнической войны он отошел в тень власти Мавсола (355 год). Тогда некоему *Гегесилоху* с помощью карийских правителей удалось свергнуть демократию и установить олигархическое правление, во главе которого стал он сам, поддерживаемый гетерией и посторонним правителем. Это правление было сродни тирании, даже если имело какую-то правовую основу. Поэтому нельзя считать злопамятной клеветой подробный рассказ историка Феопомпа о том, как Гегесилох и его «соратники» цинично позволяли себе безобразные выходы и за счет граждан предавались удовольствиям. Остается неизвестным, происходило ли нечто подобное и в других греческих городах: в Косе, Гераклее на Латме или в Хиосе, на которые распространялась власть Мавсола и его преемников.

4. Кария и Ликия

Неизвестно, находились ли греческие или сильно эллинизированные города *Карии* в IV веке под властью тиранов. Впрочем, на одной надписи упоминается некий Филерат, «царь Кавна», хотя остается под вопросом, занимал ли он тираноподобное положение. Династическое правление Гекатомна и его преемников, особенно Мавсола, не являлось греческой городской тиранией и не выросло из нее, а возникло благодаря обособлению сатрапов. Положение владык относительно общин с эллинской конституцией города, после того как они фактически освободились от верховенства персов, полностью соответствовало положению сатрапов. Об установлении или благоприятствовании локальным тираниям в карийской области нет и речи, династы, очевидно, поддерживали сношения с конституционными органами отдельных городов. Когда Мавсол перенес свою резиденцию из Миласы в Галикарнас, он не стал тираном этого города, поскольку город и так был подвластен ему как сатрапу. Таким же образом нельзя считать тираниями династов *Ликии*, из которых двое носили эллинское имя Перикл. Старший из них, правивший, видимо, на исходе V века, в надписи на гробнице назван «царем ликийцев», так же именуется Феомопт младшего Перикла. Слабость центрального правительства, усугубленная неприступностью страны, благоприятствовала возникновению здесь полностью или почти самостоятельных княжеств. О греческих тиранах в этой местности, где было мало городов, ничего не известно.

В неизвестном нам месте, по-видимому, на малоазийском побережье, в IV веке установил свою тиранию некий человек, который до этого занимался ловлей устриц: *Филоксен Соленист*. Он пришел к власти, демагогически привлекая на свою сторону беднейшее население, но был свергнут.

Глава V КИПР И КИРЕНА

Правителями кипрских городов в древние времена были не тираны, а законные цари. Если в годы после Каллиева мира (449/448 гг.), который практически отдал остров во власть персам, ряд греческих царей прерывается, то не потому, что свергались тирании, а потому, что Саламин, Идалий и, возможно, другие греческие города попали под власть финикийцев. На Саламине последнего эллинского царя сверг финикиец из его окружения, который в последующее время не только придал городу чуждый отпечаток, но и распространил свою власть на весь остров во славу и на пользу персидского царя. При Абдемене из Тира, который устранил его и занял его место, греки острова тяжело страдали: *Эвагор*, отпрыск древнего царского дома Саламина, ведущего свой род от Тевкра, замышлявший восстание против финикийского владычества, вынужден был покинуть родину в 415 году и бежать в Киликию. Через некоторое время в возрасте 25 лет он положил конец владычеству Абдемона (около 412 года). Всего лишь с полусотней людей он проник на Саламин, занял город и царский дворец без помощи населения, отомстил своим противникам и захватил власть.

С государственно-правовой точки зрения, это господство было царствованием, а не тиранией. Эвагор называл себя царем и в надписях на монетах, и на переговорах с персами; современные писатели также называли его и его преемников царями и говорили об этом правлении как о

царствовании. В предании говорится, что Эвагор восстановил честь предков, тем более что он, видимо, придавал большое значение своей принадлежности к роду Тевкридов. Ничто в предании не указывает на характерные для тирании напряженные отношения между правителем и полисом, гораздо больше свидетельств того, что Эвагор выносил приговоры строго по закону и вообще правил согласно традиционным царским полномочиям. В соответствии с этим нет и следа совета, народного собрания и других органов полиса. Видимо, аналогичное положение существовало и в других греческих городах, расположенных на этом острове на краю эллинского мира. Во всяком случае, их правители именуются в основном царями, иногда также архонтами или династами, но никогда тиранами. Если же Исократ называет Эвагора и его сына Никокла то царем, то тираном, в этом вряд ли можно видеть лишь стилистическую вариацию выражения и терминологическую неточность. Как сам способ прихода к власти, так и абсолютная монархическая власть, испытывая сильное влияние близкого Востока, должны были казаться грекам тираническими. С другой стороны, то, что властитель пользовался услугами осведомителей, чтобы узнавать о настроениях народа, что он дружелюбно обращался с толпой, а также давал ей возможность заработка на своих больших стройках, на сооружении флота и поощрял торговлю, могло только усилить это впечатление. Это же можно сказать и о деятельной энергии, чем славился Эвагор, и о склонности его сына Никокла к роскошной жизни, которые считались характерными для тирании. Афинянин Коппон, пытаясь установить родственные связи между Эвагором и старшим Дионисием, подметил у них общие черты, характерные для этих властителей, пусть и имевших различный правовой статус. В глазах Исократа их объединяла общая роль передовых борцов эллинства против варваров. Тем не менее было бы ошибкой причислять царя Саламина и царей других городов на Кипре к тиранам лишь из-за некоторых черт и действий, напоминающих подлинные тиранов. Здесь отсутствует определяющий признак: когда грек, не имея право-

вых оснований занимать царское положение, силой подчиняет себе один или несколько городов и правит ими незаконно, используя силу. Лишь в таком случае можно говорить о тирании в собственном смысле этого слова.

Остается упомянуть лишь кратковременную тиранию в Кирене, где с середины V века действовала демократическая конституция. Около 400 года некий Аристон вместе с другими людьми, очевидно, своей гетерией, установил господство над городом. Он казнил 500 знатных граждан; остальные представители верхнего слоя бежали, по-видимому, в Эвеспериды, служившие убежищем еще для Аркесилая IV, и начали оттуда борьбу против тиранического правления с помощью мессенцев, которым после падения Афин пришлось оставить Навиакт и Кефаллению. После необычайно кровопролитных боев было заключено соглашение, положившее конец господству Аристона и его товарищей. Полное отсутствие каких-либо сведений в предании не позволяет выяснить, была ли это единственная попытка установления тирании и какое место она занимает в истории города.

Глава VI ТИРАН В ОЦЕНКАХ IV ВЕКА

1. Общее отношение к тирании

Суждение о тирании V века определялось образом мыслей, всецело зависевшим от номоса (закона); на номосе была основана вся жизнь общества, сформированного в государство. Тиран считался его нарушителем и противником. Этот образ мыслей пошатнулся во время Пелопоннесской войны. Дело не только в том, что софисты подвергли сомнению обоснованность и действенность номоса — их влияние было ограничено сравнительно узким кругом, а в том, что повсеместно происходили изменения, влекущие за собой тяжелые последствия. Частные интересы гражданина, особенно экономического характера, все больше определяли его поведение по отношению к полису, наносили ущерб установленным порядкам. На место номоса, который управлял всем, теперь все чаще ставили отдельные номосы (законы) — все менее нравственные, которых старались придерживаться. Подчас не делалось принципиальной разницы между законами и обычными решениями народа, и мог даже возникнуть вопрос, не следует ли рассматривать приказы тиранов как законы. Стирание противоположности между свободным государством и тиранией, проявляющееся в этом, происходило тем легче, чем эгоистичнее и самовольнее при-

сваивали себе олигархи и радикализированный демос властные полномочия. Не случайно Аристотель усматривал близкое сходство между олигархией и демократией в их крайних проявлениях. Он также отмечал, что в полисах обычным явлением стало не желание равенства, а стремление либо захватить власть, либо пристроиться к уже существующей власти. Сам Демосфен считал, что в городах одна часть жителей сама не хочет ни над кем властвовать и не потерпит над собой ничьей власти, другая же часть, которая везде одерживает верх, стремится к тирании или тираноподобному господству и готова ради этой цели подчиниться кому-либо (имеется в виду царь Филипп), так что одни Афины остаются полисом с гарантированной демократией.

В межгосударственных отношениях также стирается разница между свободным государством и тиранией. Хотя Демосфен в средние века и заявлял, что полис не может вступать в сношения с тираном без опасности для себя, в действительности же ни Спарта, ни Афины давно уже не страшлись вступать в союзы с тиранами, если это сулило им выгоду. Однако прежде всего империалистическая экспансия отдельных государств, особенно Спарты в первые десятилетия века, придавала их внешней политике сходство с образом действий отдельных тиранов. Подобно действовали уже Афины со своим господством над членами первого морского союза, которое воспринималось как тирания. Теперь же таким образом действовал враг тиранов и защитник самой Эллады, через гармостов или правящие коллегии навязывавший свою волю другим городам, и в своей политике, не сдерживаемой никаким общегреческим номосом, не уступал тиранам во властолюбии и насильии. Серьезные упреки предъявлялись и государству на Эвроте из-за введения тираноподобных правлений. В Афинах же немало гордились тем, что под властью морского союза, который некогда поносили как тиранию, ни в одном городе не потерпели тирана. Ибо несмотря на то, что на практике пропасть между свободным государством и тиранией иногда казалась несущественной, отрицание тирании, даже нена-

висть к тиранам были неотъемлемой частью сознания полиса, что время от времени давало характерную романтическую вспышку. Во время Олимпийских игр 388 года подстрекательские речи оратора Лисия стали причиной нападения участников празднества на тирана Дионисия. Убийцы тирана могли быть уверены во всеобщем признании и дружеском приеме, как, например, те, кто убил Ясона или Эвфрона из Сигея. Несмотря на довольно доброжелательное отношение, которое выказывалось в современной литературе Писистрату и его сыну Гиппарху, в Афинах тем не менее высоко чтити память Гармодия и Аристогитона, и даже спартанцы, правда, лишь после катастрофы под Левктрами, напоминали афинянам об изгнании Писистратидов как о благе. То, что участие Тимолеона в убийстве Тимофана встретило в Коринфе двойственное отношение, даже несмотря на позор братоубийства, было связано с тем, что демос видел в Тимофане своего вождя и он не успел установить тиранию. Совершенно справедливы слова, которые говорит у Ксенофонта Гиерон: «Вместо того, чтобы карать тираноубийц, города оказывают им высокие почести; вместо того, чтобы отстранять их от жертвоприношений, как это происходит с убийцами частных лиц, они устанавливают в святилищах статуи этих людей». Кроме Эретрии и Эреса, во многих городах существовали законы, каравшие тиранию и даже попытку ее установления смертью, иногда мучительной казнью, но как минимум изгнанием и конфискацией имущества. Так что Исократ мог с полным правом констатировать, что греки, не переносившие монархии, не только уничтожали людей, стремившихся к единоличной власти, но и искореняли их род.

В действительности же отношение к тирании и тираноподобному поведению было в IV веке противоречивым, о чем свидетельствует и современная литература. Отрицание тирании одного человека или небольшой группы кажется само собой разумеющимся, и многочисленны голоса тех, кто стал рупором старого, антитиранического духа полиса. В то же время росло понимание несовершенства и испорченности унаследованного государственного порядка, бессиль-

ного во внешнеполитических и общегреческих делах, что влекло за собой вопрос: не заслуживает ли в создавшихся условиях предпочтения монархия?

Эту мысль подтверждали и то основополагающее значение, которое приобрели выдающиеся личности в военной и политической области, и государственно-теоретическая критика софистов и сократиков. Софисты проповедовали учение о естественном праве сильнейшего на господство, следствием которого могло быть и оправдание монархии, и даже оправдание тирании. Сократики, как, например, Антисфен в своих сочинениях о царской власти или Ксенофонт в «Киропедии», рисовали идеального правителя, с высоким нравственным и духовным уровнем, правящего по закону и праву, превосходящего других в политическом и военном отношении. Они показывали преимущества монархии и одновременно ненавязчиво противопоставляли ее ситуации, царившей в греческих республиках. Идеальный портрет превращался в своего рода зеркало правителя, когда тиранам или царям предлагалось следовать этому образцу, как это делал Исократ и своих посланиях Никоклу из Саламина. Понятно, что положительная оценка монархии, лежащая в основе этих проектов, должна была сказаться и на оценке тирании. Единоличное господство больше не казалось предосудительным, а критерием стал характер его использования. С другой стороны, при сопоставлении с царской властью тирания приобрела более четкие контуры и стало легче зафиксировать перерастание монархии в тиранию.

Если рассматривать вопрос об отношении людей творческого труда к тирании, то по сравнению с V веком поэты как свидетели отступают на второй план. Дело не столько в том, что сохранилось мало поэтических произведений этого периода, сколько в том, что их сменили прозаики и философы. Разумеется, и теперь мифические персонажи появлялись в образе тиранов, а некоторые выдающиеся люди легендарного прошлого лишь сейчас приобрели черты тиранов, как это ранее уже случилось с Эхетом и Пелием. Сневипп называл тиранами гиганта Алкиона из Паллены; сыновей Протея, Тмола и Телегона, правивших на Халкидике,

а также Гиппокоона из Спарты. Всех их убил Геракл, поскольку считалось, что он очищает землю от тиранов как от чудовищ в образе зверей. Омфала тоже стала причисляться к тиранам, равно как и Ардией Великий из Памфилии, которого Платон лишь теперь причислил к тиранам. В суждении о тирании трагики IV века, как подтверждают не многие фрагменты, придерживались традиционной точки зрения. Даже сам тиран Дионисий, будучи сочинителем трагедий, считал своей обязанностью присоединиться к этому хору. Впрочем, тогда, когда он поддерживал Спарту против Афин, он сам стал мишенью аттической комедии. Бежавший из Сиракуз дифирамбик Филоксен высмеял его в образе болвана-циклопа, Стратгий издевался над страхом тирана за свою жизнь, Эвбул сочинил пьесу под названием «Дионисий», представлявшую собой карикатуру на властителя. В основном же, высказываясь об общественных делах, поэты делали своей мишенью страх демоса перед тиранией и культы памяти тираноубийц. Но постепенно с перераспределением на частные сферы жизни все, связанное с тиранией, утратило для комедии интерес.

Для аттических ораторов, обращавшихся к народным массам, радикальное отрицание тирании было естественным. Лисий сожалеет о существовании тиранов и тирании, особенно Дионисия, и прославляет ненависть к тирании афинян прежних времен. В то же время ненависть Демосфена, Гиперида и других врагов Македонии направлена на законного царя Филиппа, которого, как и его сына Александра, клеймят тираном. И не столько потому, что он покровительствовал некоторым мелким тиранам, а потому, что являлся монархом. Царская власть и тирания, заявляет Демосфен, в равной мере являются противниками свободы и законов. Однако его противнику Эсхину олигархия и тирания кажутся на одно лицо, поскольку обе они определяются не помосом, а характером господствующих. Они едины в отрицании тирании, которая характеризуется подозрительностью, насилием и покровительством приспешникам, хотя Эсхин рассматривает прежде всего внутривластительскую ситуацию, а Демосфен — отношения республики с

другими властителями. К ним нужно относиться с подозрительностью, особенно если они находятся по соседству, и подрывать их устои наступательными войнами, поскольку шаткость тиранического правления скрыта, пока оно наступает, но проявляется, как только оно переходит в оборону. Демосфен признает за тиранией единственное преимущество — приказы монарха здесь исполняются гораздо быстрее, чем решения при демократии.

Намного показательнее для суждения о тирании в IV веке, чем случайные замечания отдельных ораторов, сочинения Исократа, которых мы ранее касались лишь постольку, поскольку они информировали об отношении великого ритора к тирании. Оно носит двойственный характер как из уже упоминавшихся общих оснований, так и потому, что Исократ обычно старался приспособиться к текущим задачам и людям, перед которыми он говорил. Некоторые его высказывания резко и однозначно отрицают и осуждают тиранию. Но, с другой стороны, его поведение свидетельствует и об оправдании тирании: по словам Цицерона, из его школы выходили настоящие государи (*principes*); он состоял с тиранами и их сыновьями в дружеских отношениях, он посвятил хвалебное сочинение Эвагору, который был хотя и не тираном, но все же абсолютным монархом, он оправдывал правление Никокла, помогая ему советами. Здесь монархия выглядит лучшим общественным устройством. Прославляются ее преимущества в проведении внешней политики, ее успехи в войне и вклад в процветание полиса, возможности властителя провидеть сущность и действия людей и выдвигать самых дельных. Но что особенно важно: Исократ терминологически не делает принципиального различия между легитимным царствованием и нелегитимной тиранией; так, например, он называет кипрских правителей то царями, то тиранами. Это не просто терминологическая неточность, как у Геродота. Это не означает также приравнивания тирана к царю, что допускает Демосфен, охваченный ненавистью к Филиппу. Это, скорее, свидетельствует о том, что ритор употребляет слово «тиран» не обязательно в негативном смысле, не говоря уже о том,

что он не противопоставляет, подобно сократикам, царя и тирана как типы правителей. Так, например, он говорит об Эвагоре, что тот самым благородным образом получил тиранию, которая, по всеобщему мнению, из всех человеческих благ является величайшим, наиболее выдающимся и желанным. Эти слова подтверждают затушевывание противоречий, о котором мы уже говорили. У Исократе это лишь частично объясняется его надеждой на появление правителя, который в заботе о благе Эллады положил бы конец внутривосточным раздорам и возглавил бы совместную борьбу против варваров, вопрос же о том, не будет ли желанный спаситель тираном, мало волновал его. Он не отрицал тиранического правления, а движимый педагогическим рвением, видел свою задачу не в его радикальном неприятии, но в облагораживающем влиянии на тирана. Он никогда не одобрял жесткого правления, в лучшем случае мог простить насильственное установление тирании. Но тем больше он старался нацелить таких властителей, как Никокл, сыновья Ясона или Тимофей из Гераклеи, править умеренно, благоразумно, «человечно». Подобно Тессею, они могли обладать властью тирана, но и должны были вести себя как подлинно народные вожди. Целью Исократе было духовное и нравственное формирование монарха (характерно, что он охотно употребляет это нейтральное обозначение), и он наверняка питал надежду, что больше сделает своими призывами, не требовавшими отказа от абсолютной власти, для устранения неприкрытой тирании, чем другие своими категорическими требованиями или бессильными проклятиями. В этом он следовал по стопам Пиндара и других поэтов.

Ксенофонт стал последователем Исократе и после 360 г. написал сочинение «Пирон», которое не обращено к определенному тирану, хотя, возможно, предполагало Дионисия. У Ксенофонта поэт Симонид советует сицилийскому тирану, как соответствующим поведением завоевать любовь граждан и всеобщее восхищение. Еще раньше в «Киропедии» он набросал портрет идеального правителя и в панегирике *Агесилаю* прославил спартаца как образец царя. В этих

произведениях тирания изображается как безудержный деспотизм: законопослушному персу Киру противопоставляется как тиран деспотический Астиаг; Пирон также располагает всеми возможностями абсолютного властителя. Для отношения Ксенофонта к тирании характерно то, что у него сиракузский тиран страдает от пагубной роли, которую вынужден играть, и автор считает его трагической фигурой, а не просто подвергает осуждению. Ксенофонт, сопровождавший молодого Кира, начальник десяти тысяч отряда, чуть сам не ставший властителем города, прекрасно разобрался в проблематике тиранического господства. Хотя он отдает предпочтение легитимному, ответственному, пользующемуся всеобщим уважением царствованию, однако, по крайней мере в своих исторических произведениях, высказывает понимание и даже симпатично суверенно правящим диктаторам. В словах глубокого восхищения способностями и действиями Ясона, которые он вкладывает в уста фарсальца Полидама, явно чувствуется собственное мнение писателя. Он готов также признать мудрость и удачливость ранних тиранов. Впрочем, его суждения не всегда свободны от личных или политических мотивов. Произвол Клеарха в Византии, с которым он сблизился при дворе молодого Кира, где командовал пемниками, он обходит молчанием, а на тирана Эвфрона из Сигея смотрит глазами спартацев. В конечном счете, однако, не личные мотивы определяют у Ксенофонта известную противоречивость его суждений о тиранах, а обусловленный временем конфликт между традиционной ненавистью к тиранам и односторонним осуждением тирании, с одной стороны, и собственным политическим опытом и более гибкой оценкой историка, с другой.

Меньшее значение имеет для нас отношение к тирании других историков, о котором мы можем судить по фрагментам из не дошедших до нас произведений. *Феоном* высказывался о таких властителях, как Гермий из Атернея или царь Филипп, то с похвалой, даже с восхищением, то со злобой и ненавистью. При всем интересе к исключительным людям, который испытывал этот иониец,

прежде всего им руководило стремление к эффективности и когда он хвалил тиранов, и когда разоблачал их развращенность; кроме того, играла свою роль и страстная ангажированность хиосского патриота, втянутого в водоворот политической борьбы. Все же его изображение отдельных тиранов, приправленное пикантными подробностями, было оригинальнее и увлекательнее, чем у его современника *Эфора* из Киме. Последний изображал тиранов в общепринятых мрачных и ужасных тонах, не выделяя никаких индивидуальных черт, не говоря уже о собственной концепции, которая служила бы отправной точкой его оценок. Впрочем, такой точки зрения не существовало больше даже в метрополии, где все подвергалось сомнению. Поэтому в IV веке глубоких идейных дискуссий с тиранией не наблюдалось ни в поэзии, ни в риторических сочинениях, ни в историографии; исключение составляла лишь философия. Более подробно об этих дискуссиях речь пойдет ниже. Вначале мы обратимся к взглядам самых значительных современных философов и их единомышленников на тиранию и отдельных тиранов. Не подлежит сомнению, что *Сократ* категорически отрицал тиранию, противоречившую его этическим воззрениям и взглядам на государство и право, хотя противники и упрекали его, что он превращает людей в тиранов, имея в виду Алкивиада и других. Его ученики, какие бы различные выводы они ни делали из его учения, придерживались того же отрицательного отношения: *Антисфен*, *Аристипп* и прежде всего *Платон*. Из них *Антисфен*, по всей вероятности, никогда не вступал в личные отношения с тираном или правителем, тем не менее он, как уже отмечалось, нарисовал портрет подлинного царя и противопоставил ему тирана как недостойного деспота. *Аристипп*, долгое время находившийся при сиракузском дворе, в полном соответствии со своей манерой и образом мыслей, никогда ни лично, ни в своих сочинениях не выступал против тирании, но если верить приписываемым ему высказываниям, при случае называл ее незаконной, эгоистической деспотией и болезнью. Об отношении *Платона* к старшему и младшему Дионисию речь уже шла; его представ-

ление о тирапах мы рассмотрим в следующем разделе. Что отличает его отношение к тирании от позиций других мыслителей, так это нравственная сила и безоговорочность, с которой он отвергает эту форму правления в ее типичных проявлениях, а с другой стороны, предпринятая им и Дионом попытка превратить ее на Сицилии в законное царствование и вера в то, что с помощью молодого, высоконравственного и решительного тирана можно воплотить в жизнь царство справедливости в меру возможного. Об этом также речь пойдет ниже. Здесь же мы рассмотрим вопрос, как взгляды и учение Платона повлияли на отношение его учеников к тирании.

Среди них были такие, кто из радикального осуждения Платоном тирании сделал вывод, что подобное правление нужно устранять, а тиранов предоставить судьбе, ими заслуженной. Так, Хион из Гераклеи убил Клеарха, и аналогичные мотивы присутствовали в убийстве фракийского царя Котия братьями Пифоном и Гераклидом, которые хотели прежде всего отомстить за своего отца. Дион вначале не посягал на жизнь младшего Дионисия и попытался свергнуть тиранию лишь после того, как потерпела провал попытка принципиального преобразования правления. В этой попытке вначале Дион, а затем и сам Платон выступили в роли советника властителя; аналогичную роль играл его ученик Эвфрей при дворе македонского царя Пердикки III, призвавшего его к себе по рекомендации философа. Тем не менее эти усилия не увенчались успехом. И даже начинания Диона были обречены на провал, когда он после изгнания Дионисия хотел дать полису Сиракузы новую конституцию в духе Платона и при этом, следуя взглядам Учителя, не останавливался перед тираническими мерами. Последствия были трагическими: ведь он не стремился к тирании. Другие же, которые провели более или менее продолжительное время в кругу Академии, становились тиранами своих родных городов. Нам не известно, руководствовались ли они при этом мнением Платона, что правильное государственное устройство, скорее всего, может ввести тиран, но большинство, по-видимому, и не пыталось исполь-

зывать полученную власть в этом смысле. Клеарх из Гераклеи, по свидетельству его бывшего друга Исократ, был самым настоящим деспотом, у которого усвоенные в Академии высокие убеждения проявились лишь в основании библиотеки. Все то, что сообщается о тирании Херона из Пеллены, а также об Эвее из Лампсака и Тимолае из Кизика, которые хотели стать тиранами, не свидетельствует ни о каких высоких целях. Противники Академии указывали на такие примеры со злорадным удовлетворением. Еще в III веке Гермипп написал сочинение о философах, которые стали тиранами или династами. И действительно, казалось, что ученики Платона (за исключением Каллиппа, убийцы Диона) подтверждают слова Учителя, что больше нет правителей, стремящихся к благоразумию и справедливости. Став тиранами, даже при попытке установления тирании, они больше не вспоминали о воспринятом ими учении. Исключением является Гермипп из Атарнея, который, даже став тираном, прислушивался к советам своих друзей из Академии и даже ввел в Ассосе конституцию в их духе; впрочем, неизвестно, насколько она соответствовала учению о государстве уже умершего к тому времени Платона.

Аристотель, принадлежавший к его друзьям, невзирая на воздействие Платона, отвергал чистую тиранию на основании собственной концепции этического и политического назначения человека. Однако, как будет показано ниже, его суждения о тирании были объективнее и трезвее благодаря хорошей информированности о тираниях как старого, так и нового времени. Уже в VI веке сформировалось, а в V веке укрепилось четкое представление о тирании как о незаконном, жестоком произволе и деспотизме. Оно продолжало существовать и в духовной жизни IV века. Аристотель осмыслил его в более четких и дифференцированных понятиях, противопоставив чистую тиранию, прототипом которой со времен Геродота считался Периаандр, тирании завуалированной. Его определение чистой тирании во многом совпадает не только с мнением Платона и других философов, но и с мнением Ксенофонта и Исократ, так что историк тирании, которого индивидуальные нюансы

отдельных авторов интересуют меньше, чем общая картина, может объединять высказывания Платона, Аристотеля и других писателей.

2. Картина чистой тирании

В отличие от синонимичного употребления слов «тиран» и «царь», которое встречается в V веке у Геродота и позднее — хотя и из других соображений — у Исократ, Сократ проводил четкое различие между этими формами правления. Как сообщает Ксенофонт, «царской властью он называл правление по воле людей и в соответствии с законами, под тиранией же, напротив, понимал такое правление, которое осуществляется против воли людей и не в соответствии с законами, а по воле правителя». Это определение, соответствующее традиционной концепции, которое, очевидно, было дано и Аристиппом, легло в основу характеристики идеального царствования, данной Антисфеном и Ксенофонтом, а также характеристики тирании у Платона, Аристотеля, Исократ и Ксенофонта. Когда Эсхил и Геродот подчеркивают безответственность тирана и называют его власть беспредельной или Аристотель заявляет, что ни один свободный не станет добровольно сносить тиранию, то все это уже было заключено в сократовском определении. И в нем, и вообще в греческой теории государства постоянно подчеркивается узурпация власти как существенный признак тирании, а также констатируется, что власть удерживается силой и тиран является абсолютным владыкой закабаленного им полиса. Признавать такую тиранию как государственный порядок (политию) и Платон, и другие со всей решительностью отказываются; Аристотелю она представляется плохой, противоестественной побочной формой, даже врагом абсолютной царской власти (памбасилия), и худшей из трех дурных побочных форм, которые ему

известны, поскольку объединяет в себе худшие черты двух других — олигархии и радикальной демократии. Для него тирания — либо вообще не полития, так что ответственность полиса за принятые его тираном обязательства может стать проблемой, либо это худшая полития. Не менее резко выразился и Платон, который не только объявил город под властью тирана самым несчастным, но и — следуя Еврипиду и, возможно, Аристиппу — назвал тиранию четвертой и последней болезнью полиса.

И все же и Солон, и Еврипид, и другие знали, насколько желанной была тирания для греков. Даже в IV веке было распространено мнение, и не только среди софистов, что тиран счастлив и «богоравен», поскольку неограниченное владычество позволяет ему удовлетворять все желания. Ибо, как и прежде, тиранией считалась монархия, которая служила личной выгоде своего носителя. Однако эту выгоду усматривали, скорее, не в упоении властью, а в возможности безудержно удовлетворять чувственные желания. Целью тирании, говорит Аристотель, является приятное. По Платону, душой тирана владеют желания; Исократ также отмечает, что тираны обеспечивают себе удовольствие за счет страданий других. Любовные утехы, изысканные яства, пышные одежды, роскошь всякого рода — вот радости, доступные тирану, тогда как нет и речи о высших соображениях, которые могли бы оправдать узурпацию и применение насилия. Когда Исократ об этом высказывает свое суждение применительно к Эвагору, то следует помнить, что речь идет о панегирике человеку, который, собственно, и не был тираном.

Появление тиранов Платон считает признаком вырождения, возникающего из-за распущенного образа жизни граждан; впрочем, они могут появиться и из-за развращения царской властью, в основном же происходит от крайней демократии, примером чего ему служили Сиракузы. Неский демагог, поясняет он, провозглашает себя защитником (протестом) и вождем распущенной толпы против имущих; чтобы удовлетворить желания низов, он преследует богатых

процессами, подвергает их непомерному государственному налогообложению, отравляет им жизнь, пропагандируя отмену долгов и передел земли, пока ему, наконец, чтобы спасти свою жизнь, не остается ничего иного, как решиться на тиранию, которую он действительно на время устанавливает, изгнав своих врагов. Эта концепция обычного возникновения тирании, в основу которой легла именно доктрина Платона об определенной последовательности государственного устройства, вызвала возражения Аристотеля. По его мнению, в концепции Платона оставался открытым вопрос, какая форма государства последует за тиранией; кроме того, платоновская схематическая классификация тирании казалась ему не соответствующей многообразию исторических явлений. Аристотель считает, что тирания возникает как из царской власти, когда цари нарушают установления предков и становятся деспотами, так и из олигархии и демократии. Тирании может также предшествовать тирания. Олигархии, по мнению Аристотеля, дают толчок тирании, когда господствующий слой несправедливо обращается с народом и тем самым дает возможность кому-либо, особенно из своих рядов, захватить единоличное владычество в качестве вождя недовольной толпы, или если господствующий слой в поисках удовольствий растрачивает свое достоинство и тогда ждет спасения от тирании; наконец, если благодаря передаче верховного командования один или несколько человек получают шанс установить тиранию или тираническое господство некой группы (династия). Кроме того, в мирное время расколотые раздором олигархи могут призвать третейского судью, который потом может легко захватить власть над городом. Поскольку он обладает законными полномочиями, то, в сущности, так же мало является тираном, как и назначенный по тем же причинам айсимнет, положение которого обозначается как «избранный тиран». Аристотеля в этом случае побуждает говорить о тирании, а также о царской власти у некоторых варварских народов не беззаконность и не всеобщее негативное отношение — то и другое неверно, — а деспотический характер признанной силы, и он вполне отдает себе отчет в том,

что выражение «тиранический» не дает полной характеристики. При длительном отправлении легальной верховной должности могущественный человек тоже получает возможность установления тирании.

Это относится и к олигархии, и к демократии. Некогда вожди народа были одновременно и военачальниками, высшие чиновники обладали большими властными полномочиями, города были еще малы, а массы трудились на земле. Тогда тиранию могли установить те, кто становился защитником масс и борьбой против богатых завоевывал их доверие. К таким людям причисляется еще старший Дионисий. Однако философ не останавливается подробнее на том, как возникает тирания в его собственное время. Он замечает, что демагоги теперь не становятся тиранами из-за отсутствия военного опыта. Он подчеркивает, что тиран, в отличие от царя, выдвигается из народа и толпы для защиты ее от имущих, и можно сказать, что большинство тиранов было народными вождями. Последнее утверждение он, впрочем, относит лишь к периоду роста городов. В другом месте он указывает, что тирания возникает из необузданной демократии или олигархии, намного реже — при преобладании среднего сословия. О значении, которое в его время имели наемники для появления тиранов, он говорит лишь в связи с падением олигархов, хотя в меньшей степени это касается и демократий. Демосфен, напротив, постоянно подчеркивал опасность, грозившую со стороны наемников и кондотьеров. Что же касается государственного устройства, которое устанавливается после окончания тирании, то на этот вопрос Платон не дал ответа. Аристотель и здесь был свободен от всякой схемы: тирания может перейти и в олигархию, и в демократию, и в другую тиранию, но для старых времен характерной была схема: олигархия — тирания — демократия.

Если кто-либо станет неограниченным властителем города, что, как правило, происходит путем захвата акрополя, этой «олигархической и монархической мерой», то он сможет развернуть свою тираническую деятельность. Вначале, как говорит Платон, он со всеми любезен, обещает не быть

тираном, обещает улучшения, действительно снижает бремя долгов и распределяет среди народа и своих сторонников землю. Но вскоре, когда разделается с внешними врагами, его господство показывает свой истинный облик, а именно — полнейшую несправедливость. Ибо тирания означает для такого человека возможность действовать по своему хотению, изгонять и казнить по собственному усмотрению. Как и прежние поколения, Платон и другие современники позднегреческой тирании считали наиболее явным ее признаком несправедливость и насилие, тогда как о паглой заносчивости, в которой прежде упрекали тиранов, больше не было речи. Тиран отдает свои приказы без учета существующих законов, закон — его личная воля. Он не возвращает чужое добро, находящееся в его владении; но если у кого-то есть нечто, принадлежащее тирану, то он требует возврата с процентами. Он не остановится ни перед какой жестокостью для удовлетворения своей жадности и своих прихотей.

Как действует большинство тиранов, Аристотель описал в своей «Политике», а именно в первой части изложения о сохранении власти тирана. Упомянутые там меры (примером их послужила деятельность Перандра) вполне соответствуют тем, которые называют Платон, Исократ, Ксенофонт и другие современники. Согласно им, образованные люди IV века представляли себе правление чистого тирана следующим образом:

Тиран не позволяет выдвигаться выдающимся людям, он устраняет всех мужественных, смелых, благоразумных и богатых, даже если они ранее были ему близки. Постоянно происходят казни, в том числе и невиновных, и убийства. Он запрещает совместные пиры мужчин, гетерии и объединения, которые служат духовному развитию. Ибо он враг образования (идея), поскольку оно порождает высокие мысли, которые могут ему навредить, и не менее того боится духа взаимного доверия, возникающего в таких сообществах. Далее, тиран наставляет, чтобы граждане как можно больше появлялись в общественных местах, чтобы их поведение не было тайным и они как рабы, которыми они на деле и являются, привыкали к низменному образу мыслей,

ибо порабощение является судьбой граждан, над которыми царит тиран. Наблюдатели стерегут их, так что они не решаются открыто высказываться из боязни, что каждое слово будет доложено деспоту. Той же цели подавления оппозиционных настроений служит разжигание вражды между гражданами, между друзьями, между народом и богатыми, а их — между собой. Далее, тиранам приписывается стремление сделать подданных бедными, чтобы они не смогли создать собственные вооруженные отряды и в заботах о хлебе насущном не имели времени на конспирацию. В качестве примеров Аристотель приводит дорогостоящие постройки и ценные жертвенные дары отдельных тиранов, а также пирамиды фараонов. Аристотель при этом, в соответствии с темой своего сочинения, думает только о том значении, которое имели финансовая политика и огромные стройки для сохранения господства, и упускает из виду момент, который в дискуссиях о тиранах всегда занимал значительное место: личную алчность, даже хищность тиранов.

«Тираном не становятся, чтобы прозябать», — говорит сам Аристотель в другом месте; потребность в обогащении, накоплении сокровищ кажется ему, как и его современникам, характерной для тиранов. Среди них есть такие, которые из жадности разрушают дома, убивают жителей и часто обращают в рабство целые города, говорит у Ксенофонта Алкисфен. Платон также упоминает разорение граждан, особенно верхнего слоя, посредством жесткого налога обложения; для него тиран — разбойник, волк и коршун, который ненасытно хватается все, чем можно завладеть. Он присваивает чужое добро, защищенное религией и мирской властью, частное и общественное, тайно и открыто с применением силы, ему все едино. То же говорят Исократ и Ксенофонт. Однако средства, получаемые таким образом, он тратит на обеспечение безопасности своего владычества, прежде всего на содержание лейб-гвардии и подачки своему окружению, своим приспешникам и гетерам. Как замечает Платон и Аристотель, возможно, имея в виду Дионисия, для ведения войн он использует налог на имущество, идущий и

его пользу. Ибо тиран — и вновь вспоминается Дионисий — воинствен, хотя бы потому, что в войне против внешнего врага подданные находятся в постоянном напряжении и нуждаются в его предводительстве, а также потому, что войны дают ему возможность избавиться от своих внутренних врагов на поле брани, а при проведении удачных операций еще и взять богатую добычу.

Однако до народа постепенно доходит, что человек, которому он сам помог прийти к власти, живет за его счет и что вместо ожидавшейся большей свободы наступило худшее порабощение. Но напрасно он пытается восстать и изгнать деспота. Следствием становится лишь наказание заговорщиков и ужесточение тирании. И чем больше в народе распространяется недоверие и ненависть к тирану, тем больше становится его подозрительность, которая уже побуждала его ранее к мерам предосторожности против возможного восстания. Аристотель в их числе называет разоружение граждан, жестокое обращение с массами, изгнание и переселение, то есть примерно те же действия, которые осуществляли и олигархи. Ксенофонт также отмечает, что тираны, хотя они должны были бы в своих интересах заботиться о полисе, без которого они бы не могли утвердиться и стать счастливыми, избегают вооружать граждан. Тиран ведет свои войны преимущественно с помощью наемников, тем более что они обычно сильнее, чем гражданское ополчение.

Поскольку тиран, чувствуя ненависть граждан и воспринимая их как врагов, находится с ними в латентном состоянии войны, он охотно привлекает чужаков к своему столу и в свое окружение, делая их новыми гражданами и своей лейб-гвардией. Корпус наемников, без которого не мог обойтись ни один тиран, формируется не только из числа свободных греков, но часто из варваров или прежних рабов, которых он в этих целях отпускает на волю. Даже сами по себе подобные освобождения возмущают граждан, а тем более когда их подавляют с помощью их же бывших рабов. Видимо, тиран усматривает в этом наилучшую защиту. Ему также по душе, когда в домах ослабевает

дисциплина среди рабов или женщинам предоставляется большая свобода, потому что в обоих случаях надеется легче получать информацию о тайнах мужчины. Аристотель в этой связи указывает на аналогичные явления при радикальных демократиях, в то же время другой феномен подтверждает для него внутреннее родство тирании и олигархии: и там, и здесь народные массы, прежде всего заинтересованные в личном заработке, терпят деспотизм, пока он не мешает их делам и не ущемляет их материально. Впрочем, это относится к тирании лишь раннего этапа; к сожалению, о своем времени он не говорит, так что остается непонятным, почему в IV веке, для которого характерно сильное превалирование частных интересов, должно быть иначе.

Подозрительность тирана — его основная черта — направляется прежде всего против друзей, включая лейб-гвардию, тем более что он понимает, как ей легко его свергнуть. Другими его являются худшие, потому что лишь дурных людей можно использовать для дурных дел, а он хочет видеть вокруг себя людей, которые ему покорны, на что неспособны свободомыслящие люди, не привыкшие льстить. Тиран не расположен к людям с достоинством и свободным духом, ибо хочет один казаться таким; он боится, что такой человек лишит его превосходства и деспотизма его положения, и ненавидит его. Впрочем, людей подобного рода мало; большинство, если только они не ищут при дворе тирана веселого времяпрепровождения и не подстраиваются к тирану, молчат и скрывают свою ненависть в душе. Как при крайней демократии народ поддается лестьдемагогов, так и тиран поддается своему окружению, в котором часто находятся поэты, получающие за свои хвалебные гимны почести и вознаграждение. Платон клеймит их с особой резкостью и причислил к ним Еврипида, который остаток жизни провел при дворе македонского царя Архелая.

Греки рассматривали тиранию прежде всего как внутренне-политическое явление, поэтому внешняя политика властителя была для них малосущественна. О ней вообще почти не

упоминается, кроме перечисления преимуществ от военных акций тирана. Лишь в отдельных случаях она может влиять на суждение. Так, Платон, несмотря на свое принципиальное отрицание тирании, признает отпор Дионисия карфагенянам славным деянием панэллинского масштаба, чего ожидал также и Исократ, прославивший Эвагора как передового борца эллинов, от сицилийского тирана, а также от фессалийского властителя Ясона для греков эгейского мира по отношению к Персии. Здесь тиран благодаря своим действительным или мнимым заслугам появляется уже в ореоле защитника и вождя борьбы против варваров; тем не менее он остается насильником над другими городами, либо присоединяя их к подвластной ему территории, либо устанавливая свое тираническое правление над чужими городами как кондотьер. Поэтому республика не без опасений вступает в тесные отношения с таким человеком. Доверив ему свою защиту, она сама роет себе могилу. Напротив, для тирана связи с чужой общиной или правителем полезны, потому что в случае необходимости он может получить от них военное подкрепление для подавления собственных граждан. Разумеется, ему приходится опасаться вражды более могущественного и антитиранически настроенного государства. Ибо если он подвергнется его нападению, то станет очевидной вся шаткость его владычества — тогда ему грозит гибель.

Для принципиальной оценки тирании как в V веке, так и теперь значительно важнее свержение властителя гражданами своего города, чем внешними силами. Со времен Гармония и Аристогитона тираноубийство играло немалую роль в политическом и государственно-теоретическом мнении греков. Оно в принципе повсеместно одобряется и считается заслуживающим уважения поступком. Платон хотел, чтобы лишнего стыда и справедливости властителя уничтожили как раковую опухоль; Ксенофонт и Аристотель считали чествование тираноубийц вполне оправданным. Аристотель подробно остановился на побудительных причинах свержения тирана. Если не учитывать вмешательства внешних сил, то их две: раздоры в семье тирана и

покушения доведенных до предела граждан. О восстаниях, которые могли происходить только с внешней помощью, речи нет. Согласно Аристотелю, среди побудительных мотивов заговорщиков реже всего присутствует честолюбивое желание ценой своей жизни освободить родной город от беззаконной деспотии. Примером такого поведения он смог назвать лишь Диона, в основном же это неполитические, чисто личные побудительные причины. Покушения, направленные на жизнь тирана или против характера его правления, происходят от ненависти, презрения и честолюбия. От ненависти, если сам заговорщик или его близкие испытали оскорбление, жестокое обращение или насилие от тирана, чему приводится множество примеров. «Тираноубийствам из мести» ученик Аристотеля Фений из Эреса посвятил целое сочинение. Презрение реже встречается в отношении основателя тирании, который обычно является сильной личностью, чем в отношении его сыновей и преемников, погрязших в роскоши и наслаждениях. Люди из их окружения часто чувствуют свое превосходство над ними, особенно те, кто занимает высокие военные должности; они в своем честолюбии считают себя достойными владычества. В другом месте Аристотель упоминает еще одну возможность свержения тирана — когда казначей использует пребывание властителя в походе, чтобы захватить власть. Но из всех жаждущих его падения больше всего тирану следует опасаться тех, кто не пощадит собственной жизни для его уничтожения.

В заключение философ замечает, что те же причины, которые приводят к уничтожению крайней демократии и олигархии, а именно алчность и жажда наслаждений демагогов, несправедливость, деспотическое поведение, стремление к роскоши и ревнивые интриги правящих также служат причиной конца тиранического правления. С крайней олигархией тиранию роднит краткая продолжительность, на которую указывал еще Фалес и которую отметили также Платон и Ксенофонт. Ибо если тирании свойственно кое-что от радикальной демократии, то еще большее роднит с олигархией. Ведь иногда и тирания бывает совместным

правлением нескольких людей. Как и Фукидид, которому династия представлялась «близкородственной тиранией», Аристотель и Демосфен не видят между ними принципиального различия, разве только в том, что при одной у власти несколько человек, а при другой — один. И в том, и в другом случае ее источником может быть богатство, большое количество сторонников или многолетнее занятие высокой должности, но для обеих форм властвования характерно, что решающим является не закон, а воля правителя. Впрочем, согласно Аристотелю, династия не может произойти от демократии, если исключить внешние воздействия; она скорее всего возникает, когда одни олигархи одерживают верх над другими или когда число полноправных граждан вследствие сохранения старого высокого ценза сокращается до очень малого количества. Отношение философа к подобному правлению ничуть не лучше, чем к тирании. Для Платона династия находится посередине между четырьмя неудачными формами государственного устройства: критской или лакедемонской, олигархией, демократией и — худшей из всех — тиранией.

3. Тиран и попытки его воспитания

Умы IV столетия изучали тиранию не только как политическое явление, но и в аспекте психологии тиранов. Платон, для кого формы государства соответствовали человеческим характерам, рисует портрет «тиранического человека»: его внутреннее состояние соответствует состоянию тиранического управляемого полиса. Неограниченную власть над обоими имеют дурные и буйные страсти. Тираническая натура воспитана отцом — выходцем из народа, который уже избавился из нужды и теперь полностью предастся удовольствиям. Она подвергается искушениям, побуждающим ее к незаконно и вызывающим стремление к неограниченному

удовлетворению ее желаний, тогда как разум и нравственность вытесняются — точно так же, как тиран изгоняет хороших граждан. Вскоре у такого человека кончаются деньги, и теперь он использует обман и силу, даже против собственных родителей, чтобы снова получить средства и продолжать удовлетворять свои прихоти. Теперь он полностью становится рабом своих страстей, которые толкают его на любой риск — как тиран толкает полис. Если подобных людей в государстве мало, то они идут в наемники к какому-нибудь тирану или занимаются разбоем, взломом, грабежом храмов и тому подобным. Если же таких много, то они благодаря безрассудству толпы выдвигают настоящего тирана, причем именно того, в ком таятся самые большие и сильные страсти. Такой человек, если ему окажут сопротивление, применит к родному городу силу как некогда к своим родителям и закабалит его при поддержке сторонников. Тем самым будет достигнут последний предел его желаний. Однако его дурные задатки разворачиваются в полную силу, когда он приходит к власти. Он бесцеремонно отталкивает прежних помощников и людей, привлеченных с помощью лести; к настоящей дружбе он неспособен, поскольку держится либо деспотически, либо лицемерно рабленно; он в высшей степени несправедлив. При этом, если проводить аналогии между людьми и формами государственного устройства, то он является не только худшим из всех, но и самым несчастным, тогда как государство, управляемое настоящим царем, является самым лучшим и счастливым. Находясь в рабской зависимости от своих страстей, он постоянно несвободен и, поскольку никогда не сможет удовлетворить свои страсти, постоянно беден.

Это справедливо для каждого человека тиранического типа и в еще большей степени — для настоящего тирана, который постоянно мучим страхом, поскольку его положение не защищено государством как положение господина в отношении его раба, а основывается только на нем самом и потому постоянно находится под угрозой. Испытывая непреходящий страх перед окружающими его врагами, он

не может отважиться на путешествие или участие в празднике, он погребен в своем доме. На своем тиранском троне он выглядит как физически ущербный на состязаниях. Раб и лстец самых развращенных, он не может смирить свои страсти; бедный и подавленный, он влачит жалкую жизнь — жизнь раба. Если принять в расчет, что он с самого начала вероломен, незаконен, без друзей, без богов, средоточие всего дурного, и все это, испорченное тиранией, постоянно усугубляется, то становится ясно, что если даже тиранически настроенный человек кажется самым несправедливым и несчастным, то подлинный тиран будет еще более несправедливым и еще более несчастным. Он бесконечно далек от подлинных философских устремлений. Поэтому Платон в «Федре», где излагается учение о странствиях душ, объявляет те из них, которые меньше всего интересовались идеями, душами тиранов. В «Горгии» сказано, что тиран живет хуже всех, поскольку не может не творить несправедливость, а в «Государстве» даже вычислено, что он в 729 раз более убогий, чем руководствующийся разумом царь. В конце произведения появляется Ардией, памфилийский тиран древних времен, совершавший ужасные преступления и теперь приговоренный к вечным мукам ада. Уже в «Законах» философ, чье отношение к тирании, как мы увидим, претерпело определенные изменения, объявляет тиранов несчастными, хотя они «часто бывают смелыми и одаренными».

Против расхожего мнения, что тираны особенно счастливы, выступали также Исократ и Ксенофонт, вообще образованные люди того времени, после того как постепенно стихло софистическое прославление тиранов. Учитывая почести, богатство и власть, замечает аттический ритор, тиранов можно было бы считать счастливыми, но перед лицом страха и опасности, окружающих их, а также насилия, к которому они вынуждены прибегать даже в собственной семье, предпочтительнее любая другая жизнь, чем даже быть со всем этим царем Азии. Еще до начала обуржуазившегося IV века была высказана мысль, что в ответ на тиранию следует уйти в частную жизнь. Она звучит у Ксенофонта

в диалоге «Гиерон», где подробно рассматривается вопрос, может ли тиран быть счастливым. Описание несчастного положения, в котором он находится, производит тем большее впечатление, что оно вложено в уста самому тирану. Неправда, говорит он поэту Симониду, что у тирана больше радости и меньше страданий, чем у других людей, ему гораздо больше не хватает покоя и мира. Он постоянно живет в состоянии войны, ему не хватает привязанности родных и его, окруженного продажными рабами или врагами, постоянно мучает подозрительность. Даже богатство не приносит ему удовлетворения. Поскольку он испытывает страх перед лучшими из своих подданных, он вынужден устранять именно их, свой родной город он одновременно любит и ненавидит, всякое общение отравлено для него страхом. Какое удовлетворение может доставлять власть, если она не позволяет делать добро друзьям и вредить противникам, какое удовлетворение могут доставить почести, отдаваемые из страха, а не из уважения? При этом тиран не может освободиться из жалкого состояния своего господства путем отречения, ибо как он сможет загладить все то, что сделал? Положить конец его жалкому существованию может лишь самоубийство.

Нельзя не увидеть сходства этой картины с платоновской, но у Ксенофонта гораздо сильнее звучит мотив трагической безысходности. Собеседник Симонид не хочет с этим смириться, он пытается показать, как тиран мог бы сделать свою жизнь приятной и счастливой. Ведь он в гораздо большей степени, чем частный человек, может завоевать расположение благодаря своей власти и связанным с нею почестям. Он должен лишь избегать того, что вызывает ненависть, предоставить жесткие меры другим, а сам предпринимать лишь то, чем можно завоевать симпатии, например, награждение отличившихся граждан. Разумеется, наемники тирану необходимы, но он должен их использовать как постоянную армию для обеспечения безопасности полиса, а не для подавления граждан, чтобы избежать всеобщего неудовольствия из-за наличия этих войн. Его затраты должны в меньшей степени направляться на собственную

персону и двор, чем на общину, благосостоянию которой он должен всячески содействовать. Если он будет поступать подобным образом, то ему обеспечены любовь и восхищение всех, и, служа своим друзьям и государству, он служит самому себе.

«Гиерон» Ксенофонта был не первой и не единственной попыткой показать тиранам, как они могут избежать ненависти подданных и завоевать их любовь благодаря заботе о них. «Киропедия» с ее идеализацией великого Кира как высоконравственного, ответственного правителя, написанная по следам Антисфена, изображала в качестве примера царя, причем не эллинского, однако она могла и должна была послужить современным греческим тиранам призывом следовать этому примеру. В качестве «зеркала правителей» она сродни тем сочинениям, которые Исократ посылал царю Никоклу из Саламина; у обоих авторов совпадает многое из того, чего они ожидают от настоящего властителя. Воздается хвала царственному происхождению и отца Никокла Эвагора, и Кира. Однако решающим остается нравственное превосходство правителей, которое проявляется в мягком правлении, дружелюбном поведении и преданности государству. Даже тот, кто захватил власть силой, может стать превосходным монархом. Такой монарх хочет иметь добрую славу, он полон достоинства, почитает богов и творит справедливость, которая не ставит всех граждан на один уровень, а оценивает каждого по его заслугам. Он проявляет доблесть на войне и больше думает о славе, чем о деньгах, берет себе в друзья честных людей, разрешает гражданам свободу слова и побуждает их проявлять свою инициативу в целях всеобщего благосостояния. Во всем этом он отличен от чистого тирана, но прежде всего в том, что смиряет свои страсти, владеет собой и правит таким образом, что граждане подчиняются ему добровольно, потому что он руководит ими лучше, чем они сами могли бы это делать. О законодательном обосновании и ограничении власти у Исократа нет и речи. Его Никокл в одноименном сочинении, которое должно разъяснить подданным их обязанности в отношении правителя, заявляет, что его слова

нужно выполнять как законы, и требует для образования гетерий согласия царя. Ксенофонт, чей портрет властителя отличается от исократова лишь в некоторых нюансах, прославляет отца Кира, который считался с персидскими законами, и воздает хвалу Агесилаю за то, что для него законы родины значили больше, чем господство над Азией; но и для него хороший царь — это «видимый» закон. Примечательно, что среди советов, которые у него Симонид дает Гиерону, отсутствует рекомендация связать себя законными обязательствами и тем самым отказаться от тирании. Оба писателя говорят не о монархии как форме государственного устройства, хотя и воздают должное ее преимуществам, а о духовном и нравственном воспитании властителя, будь он царем или тираном. Он сам должен стремиться к образованию, поскольку оно обеспечит правление, которое вызывает симпатии, что гарантирует его долговечность. Следовательно, речь идет об определенном ослаблении тирании, причем один из ее существенных признаков — отрицательное отношение подданных — должен быть преодолен, тогда как другой — отсутствие законных обязательств — останется в неприкосновенности.

Иначе у Платона, который не ограничивается гуманными и полезными советами, а хочет видеть справедливое государство, воплощенное в жизнь тираном. Уже в «Государстве» он не исключает возможности, что у династов или царей будут сыновья, которые в силу своей предрасположенности и склонности к философии возьмут на себя эту задачу. Тогда он возлагал свои надежды на младшего Дионисия и старался, пусть даже напрасно, внушить ему свои взгляды. В годы между двумя пребыванием философа в Сиракузах (366 и 361/360) возник «Политик», сочинение, свидетельствующее о некотором изменении взглядов по сравнению с радикальным отрицанием тирании в «Государстве». Впрочем, эгоистичный властитель, рабски потакающий своим страстям, критикуется, как и прежде, самым резким образом, но момент незаконности правления и его осуждения гражданами отступает на второй план рядом с требованием, чтобы властитель обладал подлинными

политическими умениями и познаниями. Если это так, то монарх может не связывать себя законами, ибо они в своей неизбежной окостенелости не будут в достаточной степени соответствовать меняющимся условиям и станут помехой в осуществлении его лучших намерений. Но тогда совершенно и то, правит ли он с согласия граждан или против их воли, не говоря уже о формальной легитимности его положения. Ведь он лучше тех, кто принимает законы, знает, что справедливо и полезно общине. В знаменитом месте в «Государстве» Сократ говорит у Платона, что для всего человечества нет другого избавления от беспорядка, кроме того, чтобы либо философы стали царями, либо те, кто сейчас зовутся царями или династами, стали философами и слили воедино политическую власть и философию. В продолжение этой и аналогичных мыслей тому, кто обладает наибольшими способностями к власти в духе Платона, дается неограниченная власть, которой в Греции обладали лишь тираны. Убеденный, что без суверенной власти одного человека не может быть создано государство справедливости, философ допускает для подлинного государственного деятеля и действия, сильно напоминающие тиранию: изгнания, казни, прием новых граждан, удаление неугодных посредством высылки в колонии, если это кажется целесообразным в высших интересах. Как врач выжигает и вырезает опухоль, так и правитель должен искоренять пагубные элементы в общине. Исократ и Ксенофонт также позволяют хорошему правителю кое-что из того, что обычно считается типичным для тиранов, например, содержание наемников и ограничение гетерий, но они не провозглашают его независимости от законов и воли граждан, а также не оправдывают и не одобряют тиранические акты подобного рода. Правда, государственный деятель Платона творит добро и справедливость, даже используя тиранические средства, он думает не о своей пользе и своих личных удовольствиях, а о правильно понятом общем благе и осуществлении справедливости. Все остальные формы государства представляют собой более или менее несовершенные подражания созданному им государственному строю, в том

числе общераспространенная тирания, но именно она должна считаться наиболее пагубной, поскольку обладает наибольшей властью. Ибо тиран, как подчеркивается вновь, приписывает себе абсолютное господство, не обладая подлинным господством. Он не превосходит других в знаниях и умениях и не придерживается законов, а служит лишь себе и своим страстям.

В «Политике» подлинный государственный деятель ставится над законами; в то же время его распоряжения сами являются законами, причем еще более обязывающими, поскольку они основываются на политических умениях и знаниях, которыми может обладать не толпа, а лишь один или несколько людей. Однако старый Платон, памятуя свой печальный опыт в Сиракузах, считал весьма сомнительным, чтобы властитель одновременно был и законодателем. Реализация наилучшего законного порядка, о котором идет речь в одном из его последних произведений, в «Законах», может быть осуществлена только с помощью такой власти, которой обладает лишь неограниченный властитель, тиран. Можно ли ждать от него выполнения этой задачи? В силу своей человеческой природы правитель, особенно молодой, не всегда сможет быть разумным и подавлять эгоистические склонности. Даже если отец был хорошим царем, сыновья часто вырождаются так, что их невозможно отличить от тиранов, примером чему могут служить Камбиз и Ксеркс. Необходимо руководство и обязательства. Рядом с тираном должен находиться законодатель. Тогда власть правителя будет воплощать на практике созданные им законы. Легче всего это можно осуществить тогда, когда законодатель встретится с молодым, восприимчивым, способным, энергичным и одновременно осмотрительным тираном. Платон теперь больше рассчитывает на подобное положение дел, чем в «Государстве». Но такого сосуществования тирана и законодателя, при котором один занимается законотворчеством, а другой — исполнением законов, еще недостаточно. Если нужно провести отбор среди граждан или удалить дурные элементы, то лучше всего, чтобы тиран и законодатель совмещались в одном лице. Однако это

предполагает властителя, исполненного благоразумия и справедливости, как некогда Нестор. Но таких больше нет. Если он когда-либо существовал, будет существовать или, вопреки ожиданиям, все же существует в настоящем, тогда счастлив не только он, но и те, кто выполняет его распоряжения. Таким образом, сосуществование законодателя и тирана является лишь вторым наилучшим вариантом.

Наилучшее государственное устройство и наилучшие законы можно воплотить, когда вся полнота власти в сочтении с подлинным пониманием и разумом соединяются в одном человеке, а иначе — никогда. Следовательно, как и в «Политике», делается вывод, что наилучшее государство, если оно вообще существует, может возникнуть из тирании. К повиновению законом, установленным идеальным тираном, граждан нельзя привести либо только насильем, либо уговорами; они должны быть объединены, чтобы, наконец, достигнуть добровольного признания нового государственного порядка. Если тиран, воплощающий законность, правит подобным образом, то он становится законопослушным монархом, который властвует с одобрения граждан. Это означает, что теперь, когда не существует больше двух основных признаков тирании — беззаконности и неприятия гражданами, — он перестает быть тираном. Тираном, заслуживающим проклятия, остается правитель, не отвечающий этим высоким требованиям или презирающий их; вместо законного порядка он со всей жестокостью отстаивает свои интересы. Он продолжает быть для Платона, как и прежде, самым плохим и одновременно самым несчастным человеком. Какой бы гордой ни казалась его власть, судьба его постигнет. Поэтому в восьмом письме дается совет всем тиранам избегать наименования «тиран» и соответствующих ему поступков, а преобразовать свое правление в ограниченную законом монархию. Те же, кто стремится к тирании, должны избегать хваленного счастья жадных до богатства и наслаждений тиранов и также стараться превратить свое правление в законопослушное царствование, ибо тогда они по воле людей и по закону пользовались бы наибольшими почестями.

Гораздо более трезвые советы даст тиранам Аристотель. Они не определяются стремлением превратить тиранию в царствование, законодательно ограниченное и подерживаемое гражданами, а предполагают сохранение тирании. Она может утвердиться грубой силой, как это сделал Периандр, либо путем известного смягчения и пусть даже кажущегося уподобления законному царствованию. Когда философ излагает принципы поведения тирана, решившего пойти по второму пути, он в своих рассуждениях созвучен Исократу и Ксенофону и до определенной степени Платону, однако рассуждения носят, скорее, тактический характер и не свидетельствуют о стремлении перевоспитать властителя в идеального правителя.

Как царствование, по мнению Аристотеля, готовит себе гибель, становясь тираническим, так, наоборот, и тирания может сохраниться, становясь «царственной», разумеется, при сохранении неограниченной власти, чтобы властвование могло продолжаться и против воли населения. Ибо тот, кто отказывается от власти, отказывается и от тирании. В остальном же тиран должен действовать так, как будто он хорошо играет роль царя. Следовательно, он будет заботиться о государственном бюджете, не делать расточительных частных подарков и не тратить слишком много на себя, а, как уже делали некоторые тираны, отчитываться о доходах и расходах, чтобы выглядеть не тираном, а управляющим. У него при этом не будут иссякать средства, поскольку он является господином над полисом. Если он потребует введения налога с имущества или других выплат, то должен создать впечатление, что к этому его вынуждает финансовое положение общины или войны, и обязан всегда казаться хранителем и казначеем общего, а не личного имущества. В общении с гражданами он должен казаться не тяжеловесным, а исполненным достоинства, возбуждать не страх, а благоговение, если не благодаря другим добродетелям, то, по крайней мере, воинской доблестью. Далее, важно, чтобы он или кто-либо из его окружения не позорил публично юношу или девушку, а женщины его дома — других женщин, ибо из-за злодеяний над женщинами

погибли уже многие тирании. В противоположность некоторым современным тиранам, которые даже публично чванятся своим благополучием и роскошью, рекомендуется вести себя умеренно или же, по крайней мере, не демонстрировать это открыто. Разумный и трезвый не будет подвергаться нападкам и презрению. В общем и целом, тиран, который ведет себя подобным образом, является противоположностью тирана типа Периандра, которого Аристотель ранее приводил в пример. Если он заботится об украшении города, то в нем видят не тирана, а хозяина; если ему удастся создать впечатление, что он глубоко чтит богов, то он завоеует доверие и затруднит покушение на свою жизнь, при условии, что не поведет себя неловко. Выделять способных граждан и, напротив, накладывать взыскание на чиновников и судей, вести себя с достоинством — все эти советы давали уже Исократ и Ксенофонт, однако Аристотель добавляет еще одно предостережение всем монархам — не возвышать слишком сильно одного человека. Безопаснее выделять нескольких, поскольку тогда они будут следить друг за другом. Если тиран все же хочет выделить кого-либо одного, то это не должен быть безрассудно смелый человек; если же он лишает кого-либо высокого положения, то это должно происходить постепенно. При наказании молодых, учитывая их обостренное чувство чести, он должен проявлять отцовскую снисходительность, избегать оскорблений и насилия и в общении с ними проявлять симпатию, а не произвол. То, что выглядит как оскорбление, следует загладить подчеркнутым уважением, потому что люди, оскорбленные тираном, в своей страстной ненависти самые опасные. В отношении двух групп — олигархов и демократов, существующих в каждом полисе, тирану дается совет: заинтересовать обе или, по крайней мере, сильнейшую, в своем господстве. Если это ему удастся, то не придется прибегать к таким мерам, как освобождение рабов или разоружение граждан. Других подробных указаний Аристотель не дает, ссылаясь на то, что общая направленность его советов ясна, а именно, что надо вести себя не как тиран, а как царь и хранитель родного полиса,

не проявлять свой эгоизм, избегать эксцессов и придерживаться умеренности, общаться со знатью как с равными, а толпу завоевывать демагогией. При таком поведении, когда власть распространяется не на униженных людей и к ней не испытывают ни страха, ни ненависти, она будет лучше, прекраснее и длительнее. Характер подобного тирана добродетелен, хотя бы наполовину, и неплох, а если и плох, то лишь наполовину.

Советы Аристотеля вызваны практической озабоченностью, как можно сохранить тиранию, не прибегая к жестокостям Перикла. Кое-что, как, например, совет не очень возвышать одного человека и отнимать власть у слишком возвысившегося постепенно, могло бы быть полезным и тиранам типа Перикла. Не обсуждается ни отказ от абсолютной власти, ни ее законодательное ограничение, к которым, согласно Ксенофону и Платону, Ликург обязал лакедемонских царей. То, что тиран отчитывается о своем финансовом положении, происходит по его доброй воле из чисто утилитарных соображений. Точно так же все, что он делает для города, или изменение его жизненного стиля и поведения по отношению к гражданам определяется только расчетом и больше напоминает обманчивый маневр. Постоянно подчеркивается, что он должен производить впечатление хорошего, предусмотрительного правителя. Приобретаемые таким образом симпатии граждан вовсе не означают признания тирании, не говоря уже о том, что не создают ей законоподобной основы, а приближение к подлинной царской власти остается, невзирая ни на что, внешним. Если для Исократ, Ксенофонт и прежде всего Платон дело заключалось в формировании из тирана высоконравственного, превосходящего других по способностям и проницательности правителя, то при следовании практическим советам Аристотеля известное изменение характера в лучшую сторону является не более чем вторичным следствием политических соображений. Тем не менее философ считал возможным явление в лице тирана идеального властителя. То, чего он не коснулся при изложении практических рекомендаций для укрепления тирании, рассматривается им в дру-

гих местах. Аристотель воздает хвалу Гермипу из Атарнея, который осуществил или помог «существовать наилучшее «среднее» государственное устройство, и прославляет в панегию его добродетельную жизнь (аретий). Однако высшей добродетелью, определяющей идеального царя, который — как государственный деятель Платона — стоит над действующим номосом и законами, является сам номос. Царское правление, значение которого как общественного явления кажется Аристотелю в некоторых отношениях проблематичным, только тогда будет наилучшим государственным устройством, когда оно осуществляется человеком с такой высшей аретий, включающей знания, умения и все добродетели правителя. Его ценность определяется личностью правителя. Однако если для идеального царя нет необходимости в законах полиса, то, по крайней мере, в этом пункте на самом высоком уровне исчезает общепринятое различие между царствованием и тиранией. Остается второй критерий: признание или непризнание подданными. Но и здесь — и это относится также к неупомянутой в сократовском определении царствования заботе о полисе — границы размыты, если тиран ведет себя скорее «по-царски», чем «тиранически». Так же, как у Исократ, Ксенофонт и особенно Платона, у Аристотеля характерным для духа IV века образом центр тяжести смещается с формы правления на личность правителя, хотя сохраняется более соответствующая конституции характеристика тирании по степени ее незаконности и отрицательного отношения к ней граждан. Уже Сократ объяснял, что царями и властителями являются не те, кто правит или избран, не те, кто достиг этого лозунгами или применил силу и обман, а те, кто умеет властвовать. Этой способностью, не зависящей ни от какой легитимности положения, может обладать и тиран. В какой-то степени тирания предоставляет даже больше возможностей реализации настоящего властвования, чем ограниченное традициями и законами царствование. Платон и ожидал воплощения справедливого государства от тирана.

Уже в давние времена в соответствии с чисто личным характером тирании поведение властителя имело значение

для вынесения суждения. О наглой заносчивости, которая тогда особенно отличала тиранов, в IV веке больше нет и речи, лишь изредка в связи с родственными ей чертами: нарушением прав, подавлением, насилием, грабежом и бесстыдным удовлетворением всех, в том числе и самых низменных инстинктов. С отходом на задний план государственно-правового различия и превалированием моральных критериев более или менее преступные моменты стали полностью определяющими для понятия тирана и остались таковыми на грядущие тысячелетия. Однако если под тиранической деятельностью понимали безнравственное, деспотическое применение любой политической силы, то о тирании говорили и тогда, когда, с государственно-правовой точки зрения, ее не существовало. Так, назначенная решением народа, хотя и под давлением, коллегия «тридцати» была заклеена как тираническая; законная должностная власть спартанских эфоров некоторым казалась тиранической, а признанный военачальник македонский царь Архелай был для Платона образцом тирана. Еще легче, чем прежде, можно было теперь на любого враждебного или просто неудобного властителя нацепить ярлык тирана, как это делали по отношению к Филиппу и Александру антимакедонские ораторы в Афинах. Даже нежелательное для Спарты объединение Аргоса и Коринфа в единое государство (394/393 гг.) было охарактеризовано Ксенофонтом как тиранический акт коринфского демоса.

Однако чем больше понятие «тиран» обобщалось и переходило в область морали, тем больше оно отделялось не только от институциональной, но и от внутриполитической сферы полиса, его питательной среды. Грекам досократического периода тиранией казалось персидское царство как таковое, учитывая его неограниченную власть над поработченными народами государства. Платон, напротив, проводил четкое различие между отдельными царями. В великом Дарии он видел тип хорошего царя и законодателя, а о Камбизе и Ксерксе говорил, что они, будучи сыновьями тиранов, дурно воспитаны и в своем царствовании, как и в своей судьбе, показали себя тиранами. С другой стороны,

Ксенофонт противопоставлял традиционному, признанному народом царствованию основателя державы Кира тираническое правление Астиага, который стал деспотом мидийцев. Подобное мерило законности и признания подданными использовалось и в государственно-теоретических рассуждениях Аристотеля, который, правда, не слишком хорошо различал отдельных властителей и народы варваров. У них, полагал он, цари обладают полнотой власти, напоминающей тираническую, но их суверенное положение соответствует номосу и является наследственным, оно к тому же охотно переносится рабской натурой варваров, потому надежно и не нуждается в лейб-гвардии из чужаков. Нравственная значимость личности властителя, которая здесь не учитывается, возникает, однако, в характеристике греческого царствования. Причину его упадка в прошлом видят в том, что последние цари вопреки номосу присвоили себе тиранские властные полномочия. Однако философ на вопрос, почему больше не возникают новые царства и, если бы они возникли, были бы они тираноподобными или чисто тираническими, отвечает аналогично Платону: нет больше никого, кто настолько бы выделялся, чтобы соответствовать по величию и достоинству монархии, наделенной полнотой полномочий и в то же время добровольно признаваемой. Следовательно, дело заключается в отсутствии необходимых личных качеств современных властителей, почему их правление и не признается гражданами и поэтому не является «царствованием»; совершенно не учитывается то, что Аристотель все равно считал тиранией монархию, основанную с помощью силы и обмана. Однако при наследственном царствовании, считает он, часто получается так, что на трон попадают презренные натуры, и хотя они занимают не тираническое, а царское положение, они совершают кощунство. При этом явно увязывается сократовская мера того, что считать тиранией, а что царствованием, с индивидуальной этической оценкой времени. Аристотель так же, как и Платон, и с той же уверенностью предполагает согласие граждан на правление настоящего царя и их отрицание

плохого властителя; далее, настоящий царь не подчиняется законам полиса, а сам олицетворяет подлинный номос. Таким образом, признаками отличия царствования от тирании на уровне, скорее, этического, чем политического суждения опять являются законность и добровольное признание гражданами.

Глава VII ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОЗДНЕГРЕЧЕСКОЙ ТИРАНИИ

Принятое у нас различие ранне- и позднегреческой тирании, которое прямо-таки напрашивается, если учитывать промежуток времени практически без тиранов, не опирается ни на какие античные свидетельства. Даже у Аристотеля нет этого деления; в крайнем случае, говоря о возникновении тирании, он указывает на определенные различия в старые и новые времена. Он также совершенно не затрагивает различия между тираниями в IV веке, обусловленные неравномерностью уровня политического развития и изменением окружающего мира, которых еще больше, чем в позднеархаический период. Тогда как в Фессалии возникновение тираний связано с усилением городской общины по сравнению с традиционным феодальным порядком, так что даже появляется искушение говорить о последние ранней тирании, а в Фокиде существует еще род, а не полис, владыкой которого становится предводитель войска, — в большинстве районов эллинской области расселения поздняя тирания предполагает существование полностью развитого, даже перзрелого полиса, который намеревается из настоящего политического организма превратиться в коммунальную организацию, служащую частным интересам граждан

Как некогда в силу своей незрелости и обусловленной этим слабости полис сделал возможным тиранию, так и теперь некоторая внутренняя слабость обнаруживает аналогичные последствия, как бы ни были различны обстоятельства и тем самым историческая роль тирании.

В архаическое время тирания, представлявшая собой революционную переходную стадию от аристократического государства к гражданскому, внесла свой вклад в возникновение или формирование нового общественного порядка, классического полиса, пусть непрямо и против воли, когда нивелирование сословий способствовало будущему равенству граждан, а голая власть — лишённое законной основы деспотическое правление — вызывала потребность в свободном, законном государстве, которое само себе придает политическую форму. Функция поздней тирании была, разумеется, иной. Она не пролагала невольный путь воплощению нового облика города-государства, а непосредственно и нередко даже осознанно способствовала уже протекающему процессу, который можно назвать растущей коммунализацией полиса. Возрастающему значению частных интересов, снижающейся готовности граждан к военной службе, выдвиганию на первый план профессионального и технического по сравнению со всеобщим и исконным, экономического по сравнению с политическим соответствовало стремление тиранов деполитизировать граждан, вести войны преимущественно силами своих наемников, поощрять профессиональные и технические достижения и интересоваться материальным положением своего города не только с точки зрения налоговых поступлений. Однако возникает вопрос, сделала ли позднегреческая тирания что-либо существенное для преодоления обусловленных этим процессом социальных, экономических и политических кризисов полиса, которым были обязаны своим взлетом как раз самые могущественные властители. Ведь в конце V века вследствие постоянно обостряющегося имущественного неравенства противоречия между богатыми и бедными, олигархами и демосом усилились до такой степени, что во многих местах дошло до кровопролитных гражданских войн, которые ча-

сто делали сомнительным внешнеполитическое самоутверждение городов.

Понятно, что перед лицом внутренних и внешних бедствий, в которые попал полис, в образованных кругах поднимался вопрос, не следует ли предпочесть существующему ничтожному руководству полиса умеренного человека, который бы придерживался рамок законного порядка или же сам олицетворял этот порядок. Понятен также и страх немудрых, настроенных в основном олигархически, подчиниться кому-либо из своего круга, кто мог принудить их к определенным жертвам, если вообще не употребить свою должность для установления чистой тирании. Кроме того, олигархи были не подготовлены к тому, чтобы провести подобные преобразования, хотя бы из-за своей раздробленности на группировки, каждая из которых преследовала эгоистические интересы. Если подобная группировка приходила к власти с чужой помощью, как, например, в Фивах, то по своему образу действий мало отличалась от тиранов. Потребность в умеренном, законопослушном монархе, возраставшая в образованных кругах, крайне редко воплощалась в жизнь; даже ученики Платона поддавались искушению тиранического пути. К чистому тирану, который обычно достигал власти в противоположность олигархии, они обычно относились не менее враждебно, чем некогда аристократы к тиранам своего времени. Впрочем, и при демократическом государственном устройстве они ощущали угрозу со стороны доносчиков и решений большинства, но при тирании им часто угрожало нечто худшее: конфискация имущества, изгнание, если вообще не смерть. Во всяком случае, они чувствовали себя лишёнными того политического влияния, которым обладали сумевшие приблизиться к тирану и которым они владели при радикальной демократии благодаря имуществу и традициям. Именно в них прежде всего находило отклик учение современной философии государства, а стремление к республике было достаточно сильным, чтобы отвергать тиранию принципиально, а не из чисто эгоистических соображений. Даже Демон, будучи вынужден прибегнуть к тираническим мерам, лишился поддержки олигархов.

Лишь там, где сильная внешняя власть ставила или поддерживала тирана, как это делали персы на востоке Эгейского побережья, олигархи видели в этом защиту своих внутри- и внешнеполитических интересов и не противились такому правителю. Правда, устанавливая тираническую власть не боялись ни отдельные олигархи, ни их группы, и народные массы в демократических полисах не без основания пытались законодательным путем воспрепятствовать как тираническому, так и олигархическому правлению.

Демос этих городов был заинтересован в сохранении демократического порядка вместе со всеми его материальными преимуществами и идейными ценностями, которые заключались в нем для толпы, способной и на эгоизм, и на романтическое воодушевление свободой. И того, и другого в олигархически управляемых общинах нижние слои были лишены. Здесь народ требовал политического равноправия и в еще большей степени устранения неравенства условий жизни, которое везде проявлялось из-за растущей капитализации деловой практики, но при государстве имущего меньшинства становилось особенно вопиющим. Демагоги, предвещавшие принципиальные изменения этой ситуации и даже полный передел земли, могли быть уверены в большом количестве сторонников, готовых вручить им власть, благодаря чему они могли бы подвергнуть насилию весь город. Очевидно, никто не думал об опасности, грозившей при этом свободе общины; толпа же после установления тирании каким-либо путем была готова принять ее, если она сулила хоть какое-то улучшение экономического положения. Это заметил еще Аристотель, и немало тиранов принимали это в расчет, давая своими стройками и другими мероприятиями возможность заработка для низших слоев. Лишь когда народ жестоко разочаровывался в своих материальных ожиданиях или понимал, что гнет тирана еще хуже, чем был гнет имущих и правящих, в нем вновь загорался идеал свободы, чтобы после смерти или изгнания тирана, даже если они не были следствием всеобщего восстания, проклинать его память и торжествовать, мстя его семье.

Позднегреческая тирания не продемонстрировала принципиального, судьбоносного изменения политической структуры греческого города-государства, который, постепенно превращаясь в коммунальную организацию, продолжал существовать и под властью тирана, причем даже там, где тирания продолжалась достаточно долго. В крайнем случае, демократическая форма, которая повсеместно продвигалась и оппортилась демагогами-тиранами при их подъеме, после завоевания ими монархической власти продолжала существовать, а в некоторых случаях путем приема многочисленных новых граждан еще и расширялась. В социальной структуре также не происходило существенных изменений из-за тиранического правления. Ни один из будущих тиранов, обещавших передел земли, после прихода к власти не исполнил своего обещания, и если в некоторых городах значительная часть имущих олигархов лишалась своих богатств, то тиран распределял их между своими сторонниками и они занимали места экспроприированных, образуя вместе с теми, кого пощадили, все тот же слой богатых, к которым неимущая толпа продолжала относиться с такой же враждебностью, как и к их предшественникам. В конечном счете социальный кризис сохранялся, лишь иногда нивелируемый тиранией, чтобы после ее конца вновь проявиться с прежней остротой и дать возможность продвижения новому тирану. Наиболее прогрессивные деятели с передовыми взглядами сказались в сфере экономики и техники: при них торговля и ремесла переживали существенный подъем, но все это шло в русле времени и не ограничивалось городами, подпадавшими под власть тиранов, не говоря уже о том, что их недолговечность не могла дать широких возможностей для постоянных новшеств. В общем и целом поздняя тирания не произвела эпохальных изменений ни во внутренней политике, ни в социальной и экономической областях. Поэтому ее историческое значение меньше, чем у раннегреческой тирании.

Как форма правления поздняя тирания принципиально не отличается от ранней. Новые разновидности, обусловленные произошедшим тем временем организационным усо-

вершенствованном полисе, не затронули ее фундамент — незаконность единоличного владычества, которое базируется на группе приверженцев и более или менее завуалированной силе и не подотчетно никому. Ведь даже когда передача чрезвычайной должности с широкими полномочиями делала возможным установление тирании, ее базой скорее служила не эта должность, а внегосударственное властное положение, которое ее держатель занимал благодаря своим наемникам, сильной группе сторонников или владению покоренными им территориями. Пути, которыми можно было достичь тирании, оставались по большей части теми же, что и в архаическое время: демагогическое ослепление восставших нижних слоев, активизация олигархической гетерии, нападение с помощью войска, сформированного за личный счет, преданность сильной внешней власти, которая могла лучше всего обеспечить свое господство над городом, поставив или поддерживая там зависимого от нее человека. Впрочем, новым явлением в конце V века, когда греческие города начали вербовать наемников, стало установление тирании командующими таких формирований. В основном это были чужие города, где люди, овладевавшие ими, исполняли в то же время должность, полученную от своего родного полиса. Те, кто достиг власти, в основном принадлежали старым знатым родам, но в противоположность архаическому времени, когда лишь аристократы могли отважиться властвовать городом, в обуржуазившемся IV веке мы встречаем и людей среднего сословия — как Дионисия, и даже ловца устриц. Хотя во многих случаях невозможно установить социальное происхождение, все же ясно, что благородное происхождение больше не играло роли, не говоря уже о том, что не могло быть предпосылкой для достижения и сохранения единоличной власти. Это повлияло и на характер поздней тирании. Знатный тиран прежних времен, несмотря на подавление своих собратьев по сословию, все же оставался аристократом и в значительной степени был связан обычаями и нормами аристократии; напротив, индивидуализм послефистической эпохи позволял властителю, не связанному никакими сословными

традициями, отправлять беспрепятственное тираническое правление, возможностями которого и хотел воспользоваться выскочка. Об этом свидетельствуют портрет тирана в современной литературе и многочисленные отдельные данные. Лишь очень немногие воспринимали обладание абсолютной властью как обязательство в духе государственно-философских и этических учений.

IV век был временем, когда в Греции в наибольшей степени внешнеполитическая ситуация определяла судьбу и поведение государств. Принципиальное неприятие тирании даже в городах, воспрепятствовавших появлению тирании у себя, больше не могло быть определяющим во внешнеполитических делах. Даже Афины и Спарта не боялись поддержки или сотрудничества с тиранами, если это обещало им усиление их власти или какие-либо преимущества. Что же касается тирании как таковой, то вторжение царя Филиппа в Элладу вызвало появление целого роя зависимых тиранов, и, таким образом, это явление, ранее ограничивавшееся в основном западными окраинами персидского царства, укоренилось теперь в метрополии. Уже ранняя тирания на Сицилии была в значительной степени обусловлена внешними обстоятельствами. Раньше необходимость жесткого руководства в борьбе против карфагенян и других варварских народов заставила подчиниться способному и энергичному человеку и скрепя сердце примириться с его тиранией; опасность со стороны пунийцев помогла Дионисию установить и закрепить свое единоличное правление. У него же ясно проявилась еще одна черта, характерная для некоторых ранних тиранов, но полностью развернувшаяся лишь в век расцвета гегемонистской власти, — стремление к территориальному господству не ограничивалось одним городом, а простиралось на многие общины. В метрополии эту цель преследовал Ясон из Фер, на Киммерийском Боспоре — дом Спартокидов, в Малой Азии — Клеарх и Дионисий из Гераклеи, а также Эвагор и Мавсол; они, хотя и не все были тиранами, попадают в этот список. Соблюдались ли ими автономия покоренных городов, существенно ограничивалась или вообще отменялась

— положение этих тиранов и правителей по отношению к полисам напоминает положение царей и династов после Александра, так же как и тип кондотьера-тирана находит свое продолжение в эллинистическую эпоху. Выше уже упоминалось, что двор могущественного тирана, в особенности Дионисия в Сиракузах, с крепостью-резиденцией, лейб-гвардией, советом друзей и созвездием поэтов и философов напоминал царский двор эпохи эллинизма, но подчеркивалось также и существенное отличие даже самых мощных тираний от царств диадохов.

Тирании IV века нельзя было увязать ни с наследной монархией, ни с укоренившейся в народе монархической традицией. Владычество этих тиранов, за немногими исключениями, простиралось только на греческие города, а в основном на один город, и за пределами этого города не имело опоры, которая была определяющей во взаимоотношениях эллинистических властителей с полисами в пределах сферы власти. Существование тиранов было неразрывно связано с полисом и тем самым — с формой государства, которая находилась в неумиримом противоречии с их господством, ибо хотя Исократ и надеялся на политическое благо для Эллады со стороны тирана, но уже в его время греческая государственная мысль и государственная воля были в корне антимонархическими, как он сам отмечает. Тиранию могли принимать какое-то время, когда она прекращала братоубийство граждан, спасала от внешних врагов или приносила экономический подъем, однако пропасть между ней и полисом не исчезла никогда, хотя отдельные властители и пытались преодолеть ее умеренным правлением или панэллинскими лозунгами. Основанная лишь на личности тирана и его споминутной власти, тирания и в IV веке оставалась эфемерной, какой она была всегда. Несмотря на определенное внутреннее сродство и внешнее сходство, которые нам еще не раз встретятся в следующих главах, не ее исторической функцией было подготовить абсолютное царствование эллинистического периода, имевшее другие корни. Примечательно, что лишь на Киммерийском Боспоре, где правители городов узурпировали варварские

племенные царства и тем самым смогли создать широкую сверхличную опору своей власти за пределами греческих полисов, тирания не только продержалась полтора столетия, но в конце концов превратилась в царствование, сравнимое с эллинистическими монархиями. В то же время принятие Дионисием из Гераклеи титула царя ничего не могло изменить в том, что его господство оставалось, по сути, своей городской тиранией и вскоре после его смерти рухнуло.

Четвертая часть ТИРАНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Изложение истории греческой тирании в период эллинизма, то есть в течение трех столетий с момента смерти Александра до битвы при Акции*, кроме скудости предания, сталкивается с целым рядом трудностей. Раньше наименование «тиран» чаще употреблялось не для характеристики государственно-правовой ситуации, а для указания на жестокость и произвол при отправлении должности или при правлении. Философы и публицисты IV века до такой степени выдвинули на первый план моральный аспект слов «тиран», «тирания» и «тиранический», что они, особенно в обиходной речи, не дают никакого представления о политическом и правовом положении дел. Тираном можно было легко заклеймить не только любого деспотического правителя, но и любого неудобного государственного деятеля и вообще политического врага. Филиппа и Александра — законных эллинистических царей — из-за характера их правления и политики, а также из-за их личных качеств современники заклеймили как тиранов, а последующие писатели так их и изображали. То же относится и к мелким территориальным правителям, наместникам и губернаторам,

*Битва при мысе Акций (31 г. до н.э.) между флотом Октавиана с одной стороны, и флотом Антония — Клеопатры, с другой — символический пункт окончания эпохи эллинизма.

назначенным по закону руководящим чиновникам полиса, и людям, которые, благодаря своему большому состоянию и высокому авторитету, играли в городе ведущую роль. Поэтому с еще меньшей достоверностью на основании простого наименования «тиран» можно сделать вывод о существовании подлинной тирании. С другой стороны, под наименованием «династ», которое в официальном языке царства Селевкидов обозначало территориального правителя (и в этом же значении будет употребляться нами далее), а у Диодора беспорядочно перемежается с «тираном», может скрываться подлинный тиран города. И даже там, где не дается никаких титульных указаний, следует выяснить, не выказывает ли характер правления данного человека тирана города или, по крайней мере, не напоминает ли оно тиранию. Дополнительные трудности возникают в связи с тем, что границы между тиранией и легитимным должностным положением в эллинистическую эпоху стали еще более зыбкими, чем в IV веке. Тем не менее в книге, посвященной тирании у греков, следует попытаться по возможности провести эти границы, поскольку необходимо проследить существование тирании в последующие столетия греческой истории и проанализировать ее.

Сравнительно просты случаи, когда речь идет, несомненно, о законных царях и правителях или о назначенных ими чиновниках (стратегах, фрурархах, эпимелетах и др.), так как они находятся за рамками нашей темы и должны приниматься в расчет лишь постольку, поскольку у них, например, у некоторых лакедемонских царей или самовластных командующих гарнизонами, появлялись элементы тирании. Сложнее выяснить, можно ли считать тиранами в строгом смысле этого слова называемых так в предании властителей или же речь идет о территориальных владыках, предводителях рода или разбойниках, вождях восставших рабов и т.п. Ибо тираном, с политической точки зрения, как и прежде, может считаться лишь тот властитель, который без правовых полномочий и законного основания осуществляет свою власть над одним или несколькими греческими городами таким образом, что их автономия существенно

ограничивается, если вообще не отменяется. Беззаконность и противозаконность не унаследованного, а узурпированного владычества, которое, даже если оно переносится гражданами без сопротивления, в конечном счете основано на голой силе; скрытое напряжение, существующее между полисом и человеком, ставшим его властителем, — остаются и в века после Александра признаком греческой тирании. Что касается ее носителей, то в соответствии с уравнением македонцев и греков, которое происходит в это время, следует также учитывать македонских властителей городов и эллинизированных жителей Востока. Аналогично, говоря об объектах владычества, наряду с греческими следует учитывать также эллинизированные, похожие на полис города восточных стран. Напротив, можно оставить без внимания союзы государств и союзные государства эллинистического периода либо упоминать их вскользь, так как противником тирании у греков столетиями оставался автономный город-государство, который и теперь, уже лишившись прежнего значения, продолжает отстаивать свое право на существование в изменившемся мире.

Чтобы установить над ним тиранию, властолюбивый, дерзкий и способный человек располагает теми же возможностями, что и прежде. Социальные кризисы продолжают во всей греческой сфере расселения, борьба против внешних сил предполагает облечение военачальника исключительными полномочиями, которые благоприятствуют установлению тирании. Использование городами наемников, как и прежде, плодит кондотьеров, которые часто пытаются установить собственное господство; как и во времена персидских царей, продолжается насаждение или поддержка зависимых тиранов великими царями, а также раздача городов как награды за оказанные ценные услуги. Кроме того, эллинистические монархии вызывают в честолюбивых и жадных до власти людях желание занять ведущее положение, пусть даже в рамках владычества над городом, и по возможности попытаться приблизиться к блеску и абсолютной власти царей, завоевывая большие территории. Соперничество диахов и их преемников на востоке Эгей-

ского моря и в Малой Азии способствовало таким стремлениям. В ливанских странах с их старыми городами-царствами и монархическими храмовыми правителями смелые авантюристы во времена всеобщей смуты не упускали возможности сесть на место прежнего правящего дома. Здесь также постоянно возникает вопрос, по праву ли употребляется наименование «тиран» и идет ли речь о греческой тирании в строгом смысле слова.

Глава I МЕТРОПОЛИЯ И МАКЕДОНИЯ

1. Период диадохов (323—276 гг.)

В течение первых двух десятилетий после смерти Александра в Элладе, по-видимому, не было тираний. Там, где они существовали с попустительства или при поддержке правителя Антипатра еще при жизни великого царя, они были упразднены его указом (330 год). Ранние диадохи не пытались обезопасить себя от общин Греции путем поддержки отдельных властителей, а поддерживали либо олигархические — как Антипатр и Кассандр, либо демократические режимы — как Полиперхонт, Антигон и Деметрий Полиоркет*. Во всяком случае, во времена Кассандра Афины дважды побывали под властью людей, которых, по праву или нет, называли тиранами.

Афины

С 317 по 307 гг. *Деметрий Фалерский* занимал почти монархическое положение. В качестве доверенного лица Кассандра он напоминает деспотов, которых царь Филипп

* Сын Антигона (Полиоркет — «Градоосаждалель»).

оставил в некоторых городах. Поэтому понятно, почему его противники говорили о тирании и упрекали его в том, что он, подобно тиранам, использует государственные средства для своих весьма пышных застолий. Тем не менее его нельзя считать тираном, потому что часть граждан, имеющая право голоса при олигархическом строе, легально, пусть даже и под давлением македонянина и его гарнизона, избрала его руководителем (эпимелетом) государства и временами возлагала на него еще и полномочия архонта или стратега. Кроме того, мудрое и умеренное правление высокообразованного перипатетика было далеко от эгоистической тирании. Она также вряд ли соответствовала намерениям Кассандра, который, допуская ее, настроил бы против себя не только афинских демократов, но и олигархов и одновременно дал бы своим соперникам в борьбе за Элладу зажигательный лозунг свержения тирании. Лишь после отделения Полиперхонта (303 год) и поражения Антигона и его сына при Ипсе (301 год) эти соображения потеряли свое значение. Тогда в Афинах появился настоящий тиран.

Вскоре после отхода Деметрия Полиоркета (осень 302 года) в городе, демократический строй которого был восстановлен в 307 году, роль вождя демоса начал играть некий *Лахар*. Неизвестно, оказал ли он решающее влияние на постановление народа Аттики, который запретил разбитому Деметрию Полиоркету доступ в Афины, мотивируя тем, что Афины больше не хотят принимать царя (300 год). Будучи избран стратегом наемников, он рассорился со своим коллегой Харием, стратегом гражданского ополчения, который после признания автономии Афин царем Кассандром (299 год) относился к последнему враждебно, тогда как Лахар придерживался его и, по-видимому, поощрялся им к установлению тирании над городом. Чтобы предотвратить эту опасность, Харий занял Акрополь, но, очевидно, он обманул ожидания народа, не обеспечив достаточного продовольственного снабжения, что было на руку противнику. Лахару удалось изгнать Хария с его отрядом из крепости и добиться на народном собрании смертного приговора

ему и его ближайшим сподвижникам, которые напрасно пытались найти убежище в храме Афины. Однако победа была неполной, поскольку войска Хария, которым был гарантирован свободный отход, вместе с частью городского населения заняли Пирей, из которого Лахар их не смог изгнать. Зато в Афинах он пользовался неограниченной властью, преданные ему наемники заняли Акрополь, и, по крайней мере вначале, он пользовался симпатиями большинства демоса. Более чем через 200 лет город вновь достался тирану (около 299/298 гг.).

Нет доказательств, что Лахар и в последующие годы избирался стратегом наемников. Но даже если и так, это ничего не меняет в том, что он использовал наемные войска как тирап для обеспечения своего господства. Чтобы оплачивать их, он приказал снять со знаменитой статуи Афины Парфенос*, выполненной из золота и слоновой кости, металлические украшения, а также реквизировал золотые щиты в крепости и ценную обстановку некоторых зданий — меры, которые были расценены как святотатство. Хотя афиняне в конце V века использовали священное имущество для военных целей, однако поступок Лахара (пусть даже дело было в наемниках, которые официально находились на службе у полиса) не был подкреплен решением народа, а учитывая использование войск в личных интересах властителя, был расценен как тиранический акт. Суждение более позднего автора, что правление Лахара было не только самым беспощадным к богам, но и самым жестоким к людям, можно подвергнуть сомнению, поскольку больше нет никаких сведений о насилиях. Органы полиса продолжали при нем существовать, как и при большинстве тиранов, кроме некоторых должностей, особенно любимых в народе. Народное собрание продолжало собираться, назначались архонты и стратеги, и лишь один раз — возможно, из-за происков оппозиции — еще до истечения годичного срока по желанию Лахара были избраны новые лица. Тирап не мог воспрепятствовать тому, что граждане Пирея

* Афина Дева, работы Фидия, стояла внутри храма. На площади Акрополя высилась Афина Воительница с золотым копьем.

и, возможно, в сельской местности считали себя законными носителями государства, потому что были свободны.

Однако вскоре в связи со смертью Кассандра (298/297 гг.) он лишился своей македонской поддержки. Кроме того, Деметрий Полиоркет пытался вновь завоевать Афины. В 296 году ему помешало крушение его флота во время бури, однако на следующий год ему удалось занять Эгину и Саламин и разбить лагерь на аттической территории. Он решил взять город измором, опустошив поля и установив на море жесточайшую блокаду. Врагам Лахара не помогло то, что они предоставили Деметрию по его желанию тысячу человек для борьбы против тирана; он пришел, чтобы подчинить своему господству всех оставших афинян вместе. Именно это, а не просто принуждение Лахара, заставило граждан принять решение о смертном приговоре каждому, кто выступит за мир и примирение с царем. Тем временем голод распространялся все больше и цены на простейшие продукты питания возросли неимоверно. Тирап своим подчеркнuto аскетическим образом жизни пытался подать пример выдержки, надеясь тем временем на спасение с помощью флота Птолемея. Флот действительно появился в Сардоническом заливе, но отступил перед превосходящей морской мощью Деметрия. Тем самым исчезла последняя надежда на освобождение. Лахар бежал в Беотию, бросив Афины на произвол судьбы — он и в этом проявил себя как тирап. Изнуренные голодом граждане открыли ворота осаждавшим, которые уже захватили Пирей и Мунихию (весна 294 года). Победитель разместил гарнизон на холме Муз, но в остальном проявил себя с хорошей стороны и позаботился о восстановлении чистой демократии. Лахар, разумеется, был приговорен к смерти, а его потомки — к изгнанию. Сам он после разнообразных приключений нашел приют в Фивах, откуда в 292 году, когда Деметрий взял и этот город, через Дельфы попал ко двору Лисимаха. Использовал ли его Лисимах каким-либо образом, неизвестно. Когда после гибели царя в битве под Курупедием (281 год) Селевк перешел Геллеспонт, Лахару вновь удалось своевременно ускользнуть и найти приют в

Лисимахии. Немного позже (279 год) он появился в Кассандрии. Последнее, что о нем известно, это то, что бывший тиран был выдворен по приказу кассандрийца Аполлодора, который вскоре сам стал тираном родного города.

Остальная Греция

Пронесло ли в остальной Греции в первой четверти III века установление тиранического правления, нельзя с точностью сказать как из-за необычайной скудости предания, так и из-за неточного употребления слова «тиран» позднейшими писателями. Так, по-видимому, под «тиранами», от которых философ Менедем пытался освободить свой родной город *Эретрию* с помощью Деметрия Полиоркета, следует понимать олигархическую группу, которая, подобно Лахару, вскоре после 301 года пришла к власти, опираясь на Кассандра. У Полибия этолийский посланник в Спарте (211/210 гг.), имея в виду Кассандра, Деметрия и его сына Антигона Гоната, говорит, что некоторые из них размещали в городах Греции свои гарнизоны, а другие «сажали» тиранов, так что вполне может быть, что не только Антигон, но и его отец и Кассандр способствовали появлению отдельных тираний. Однако примеров подобных действий до 276 года не имеется. Что касается Кассандра, то можно указать лишь на Лахара, а Деметрию с некоторой осторожностью можно приписать лишь допущение монархической тирании в городе *Сикионе*, оставшемся подвластным ему и после битвы при Ипсе, которым в течение полувека, с 301 по 251 годы, с небольшими перерывами правили тираны. Совершенно неизвестно, находился ли также *Аргос* в течение первых десятилетий после 300 года под тираническим господством. Из двух аргивянских тиранов, время правления которых нам не известно, один — *Архин* — по-видимому, относится к VI веку, а другой, *Лафаес*, мог кратковременно удерживать господство в названные десятилетия. О нем сообщается лишь то, что он — когда-то —

был тираном города и, когда народ его изгнал, был принят спартанцами, которые — хотя и напрасно — пытались восстановить его господство. Возможно, эта акция лакедемонян, которые уже способствовали возвышению Лафаеса, приходится на период империалистической политики царя Арея (309/308—265 гг.). Во всяком случае, напрашивается мысль, что эту тиранию поддерживали не македонские цари, а в противоположность им спартанцы. Сама Спарта, как и прежде, оставалась свободной от тирании. Свою потребность в тирании члены обоих царских домов могли удовлетворить только вдали. Так, два сына царя Клеомна II, не попавшие на трон, стали тиранами на западе. *Акротат* в Акраганте, граждане которого призвали его для борьбы против Агафокла (315 год), а *Клеоним*, которого 12 лет спустя тарентинцы назначили военачальником против лукавов и римлян, — в Метапонте, который ему подчинился не сразу. Оба отказались от спартанского образа жизни и правили как злые тираны. Они принадлежат к тем известным нам уже по IV веку кондотьерам, которые использовали доверенную им военную должность для установления собственной власти, но без долговременного успеха. Акротата акрагантинцы вскоре изгнали; Клеоним, после того как он не смог устойчиво закрепиться в Южной Италии, сумел захватить Керкиру, но владел этим богатым островом всего 2—3 года, пока керкирейцы в 299 году от него не избавились.

На северном побережье Пелопоннеса, кроме Сигея, в первой четверти III века тираны встречаются в области *Ахайя*, покоренной Деметрием Полиоркетом в 303 году. Нельзя точно сказать, обязаны ли они своим правлением этому царю или его сыну Антигону Гонату, которому отец доверил свои владения в Элладе, отправляясь в 287 году в Азию. Нам известно лишь, что даже после того, как в 281/280 гг. четыре ахайских города сбросили македонское иго и объединились, *Бура* еще пять лет оставалась под властью неизвестного тирана, который затем был убит ахайцами под предводительством молодого Марга из Керинен. В это же время в самой Керинее тиран *Исей* под

угрозой изгнания македонского гарнизона и под гарантию безнаказанности сложил с себя господство и включил свой город в новый Ахейский союз. Если в других городах этой области и были тираны, то они утратили свою власть самое позднее после появления Пирра, которого призвал Ахейский союз (273/272 гг.), когда оставшиеся ахайские города отказались повиноваться Антигону и вступили в союз. С тех пор Ахайя не только была свободна от тиранов, но и стала передовым борцом против тирании на всем Пелопоннесе.

Македония

Аполлодор из Кассандрии предложил выслать бывшего афинского тирана Лахара (279 год). Сам будучи демагогом, за которым, по-видимому, стояли ремесленники, он пытался таким образом отвести от себя подозрение в стремлении к тирании, так же как демонстративно отверг предложение некоего Феодота придать ему лейб-гвардию и на народных собраниях называл тиранию чем-то ужасным и святотатственным. В то же время его подлинные намерения не остались тайной. Его обвинили в тиранических происках, и лишь тем, что он явился на процесс в черных одеждах и заставил выступить свою супругу и дочерей, он тронул судей и добился оправдательного приговора. Тогда македонский трон после гибели Птолемея Керавна в бою с кельтами был свободен и господствовала анархия. Эвридика, мать павшего царя, была вынуждена предоставить Кассандрии свободу. Аполлодор после этого добился народного решения учредить в ее честь праздник «Эвридикейя», присвоить выводимым гарнизонным войскам права гражданства полиса, а безземельных расселить на полуострове Паллена, чтобы они оставались вблизи города как «стражи свободы». В действительности же он хотел тем самым обеспечить военную поддержку для запланированного государственного переворота. Одновременно он постарался обеспечить удачу мероприятия и внешнеполитически, про-

ведя через народное собрание решение о дружбе и союзе с Селевкидом Антиохом I, то есть практически вверил Кассандрию царю, отец которого Селевк уже предъявлял права на Македонию. В качестве благодарности Аполлодор мог ожидать грядущего признания тирании Селевкидами.

После этих приготовлений в 279/278 гг. последовал путч, опиравшийся на рабов и ремесленников, которых Аполлодор, как передают, привязал к себе на веки вечные совместным поеданием тела убитого юноши. В этом можно увидеть одну из ужасающих историй (их рассказывали еще во времена римских императоров) о властителе, который, подобно Фаларису, считался воплощением деспотического, жаждущего крови тирана. Однако уже современный поэт Ликофрон в своей драме «Кассандрийцы» изобразил страшную месть Аполлодора, так что в произволе и жестокости этого человека нельзя сомневаться, хотя отдельные черты и могли быть заимствованы из излюбленной модели кровавого тирана, изображаемой в более поздней литературе. Точно известно, что его власть опиралась на гвардию диких кельтских наемников, которых он хорошо оплачивал, так же как и старые войска, прежде всего бывший гарнизон; далее, что он казнил многих зажиточных граждан и присвоил себе их имущество, чтобы платить солдатам. Следует также отметить постепенное нарастание его вымогательства, когда он не останавливался перед применением пыток к женщинам. Точно неизвестно, действительно ли его советником был некий Каллифон, который на Сицилии был близок со многими тиранами, ведь остров считался питомником тирании. Впрочем, нельзя не учитывать, что Аполлодор пришел к власти как вождь социальной революции, что его жестокие меры затрагивали только состоятельных, тогда как простому народу он выделял из конфискованного им имущества, что делали лишь немногие демагоги, добившиеся тирании.

Однако невзирая на покровительство демосу и значительную военную мощь, которой располагал властитель, существование этой тирании также зависело в конечном счете от общего политического положения в эгейском

регионе. Аполлодор рассчитывал на Антиоха I и его союзников в Элладе, из которых в непосредственном союзе с ним была Спарта под властью царя Арея. Однако после того как Антиох и Антигон Гонат заключили мир и Македония перешла к последнему (278 год), на Селевкидов больше нельзя было рассчитывать как на опору; скорее, со стороны Антигона исходила теперь угроза свержения. И действительно, после победы над кельтами (277 год) он подошел к городу и начал его осаду. То, что он не мог добиться цели в течение десяти месяцев, зависело, конечно, в значительной степени от сильных укреплений Кассандрии, но следует иметь в виду, что за Аполлодором наверняка стояли народные массы. Царю удалось взять город только хитростью: он отвел свои войска и поручил этолийскому предводителю пиратов ведение мнимых переговоров, заставив тирана почувствовать себя в безопасности и недостаточно внимательно следить за караульной службой. С вторжением Антигона владычеству Аполлодора пришел конец (276 год). Нам не известно, что с ним стало, но передают, что он видел во сне, как скифы сдирают с него кожу и варят в котле, и еще как его собственные дочери танцуют в пламени вокруг его тела. Возникает мысль, что тем самым античные авторы указывают на ужасный конец, который его постиг. Народные массы, поддерживавшие его до самого последнего момента, обрушились после его поражения на его друзей и ближайших сторонников.

2. Период Антигонидов (276—168 гг.)

Северная и Средняя Греция в этот временной промежуток — исключая Афины, — как и в предшествующие десятилетия, были свободны от тирании. Нам не известен ни один тиран, который бы установил свою власть над городом в социальной борьбе или при поддержке внешней

силы. Общины были либо свободны, либо находились в зависимости от македонских царей, которые, по-видимому, никуда не сажали подвластных тиранов. Иначе обстояли дела на Пелопоннесе. Здесь уже незадолго до 276 года в Сигее и городах Ахайи появляются тираны, которые в середине 70-х годов, когда молодой Ахейский союз освободился от македонского господства, вынуждены были уйти со сцены. И далее мощно развернувшийся союз, по свидетельству Полибия, сразу начинал войну против тех, кто сам или с помощью Антигонидов поработал свой родной город. Уничтожить повсеместно единоличное владычество и вернуть городам свободу отцовских времен — такова была основная задача его самого значительного вождя, Арата из Сигея, тогда как Антигон Гонат «насадил» в Элладе большинство монархий. Это утверждение историка, который, будучи сыном ахейского стратега Ликорта, в свои молодые годы был не только страстным патриотом, но и одним из деятелей союза, нуждается в проверке на основании предания. Возникает также вопрос, не привели ли к возникновению тирании влияние македонского царя, или социальные кризисы, или все вместе. При этом, естественно, нельзя не учитывать комендантов гарнизонов или губернаторов царя, которых также иногда называют тиранами, как македонского командующего в Пирее около 245 года.

СИКИОН

В ряду тиранов, которые с 301 по 251 год правили Сикионом, первым следует назвать *Клеона*, авантюристическую личность, если верить сведениям, что прежде он был морским разбойником. Когда и как он захватил власть, не сообщается; возможно, это произошло в начале 60-х годов. Не сообщается также о поддержке со стороны Антигона, да она и маловероятна. Плутарх приписывает то, что город во второй четверти века переходил от одного тирана к другому, внутренним раздорам и честолюбию демагогов.

Вряд ли царь был заинтересован в такой сомнительной фигуре, как Клеон. Антигон не вмешался, когда через короткое время Клеон был устранен; более того, он допустил восстановление республики, во главе которой стояли два выборных архонта, вначале Эвфидем и Тимоклид, а затем Тимоклид и Клиний, отец Арата. Однако эти аристократы не сумели преодолеть социальный кризис. После смерти Тимоклида Клиний был убит в 264 году своим родственником *Абантидом*, вновь установившим тиранию. И теперь Антигон не вмешался, хотя убитый Клиний состоял с ним в хороших отношениях и его родственников и друзей изгоняли и даже убивали. Сына Клиния, семилетнего Арата, сестра Абантида Сосо укрывала в Аргосе в безопасности. Сравнительно большая продолжительность новой тирании (264—253/252 гг.) позволяет предположить, что большинство народа отнеслось к ней терпимо. По-видимому, Абантид достиг власти с его помощью. Он охотно присутствовал на философских диспутах и, кажется, был не лишен духовных интересов. Но именно среди философов со времен Платона была наиболее распространена ненависть к тиранам. Так получилось, что во время одной особенно бурной дискуссии на площади властитель был убит своими собеседниками Динием и «диалектиком» Аристотелем. Этот поступок вряд ли соответствовал настроению народа, иначе отец Абантида Пасей не смог бы так легко занять место сына. Через год он также был убит, и опять-таки причиной этого стало не всеобщее недовольство, а стремление другого человека к господству, которого он достиг после своего преступления не с согласия народа, а при поддержке наемников.

Этот последний тиран Сикиона, *Никокл*, сумел продержаться лишь четыре месяца (251 год). Его правление, державшееся наемниками, — не так, как у его предшественников, — было особенно жестоким. Утверждали, что он даже по внешнему облику похож на Периандра, который давно уже стал символом жестокого тирана. Предположительно он изгнал 80 граждан. Никокл, так же как и Клеон, Абантид и Пасей, вряд ли был ставленником Антигона.

Напротив: он присоединился к Александру, сыну сводного брата Антигона Кратера, который вначале, как и его отец, был представителем македонского царя в Элладе, но незадолго до этого отказался от своего дяди. Поскольку резиденция Александра, как и прежде, находилась в Коринфе и он владел проходом в Пелопоннес, Антигон не мог войти в Сикион, как это предлагал ему подросший Арат из Аргоса, пользуясь хорошим отношением царя к его отцу Клинию. Возможно, царь попытался сделать это непрямым путем, и тогда предпринятая этолийцами попытка завладеть Сикионом могла быть инспирирована им. Арату, по-видимому, не понравилось такого рода вмешательство, и, поскольку он сначала не смог получить поддержки у Птолемея II, с которым у его отца тоже были хорошие отношения, он решил, невзирая на свою молодость, действовать самостоятельно. Тиран города Аргоса, где он находился, Аристоммах (I) не видел причины, чтобы противиться двадцатилетнему юноше, который сумел привлечь к своему отчаянному предпринятию лишь малую часть проживавших в городе сикионских изгнанников. Кроме них у Арата было также несколько человек, вооруженных и оплаченных дружественными аргивянами, далее, 30 рабов, которых он вооружил сам, и разбойничья банда некоего Ксенофила, рассчитывавшая разжиться лошадьми. Кроме самого Арата, который из-за тираниа потерял отца и родину, лишь немногие изгнанники были исполнены такой же ненависти к тирану, в частности, двое из Мегалополя, Экдел и Демофан, которые уже свергли тиранию на родине, о чем речь пойдет ниже. Оба были учениками Аркесилая, тогдашнего главы Академии, и, видимо, из-за своих философских убеждений чувствовали себя обязанными и вне пределов родины вести борьбу с тиранией. Они помогали Арату словом и делом.

Никокл, по-видимому, через осведомителей информированный о намерениях Арата, не придавал им, очевидно, значения и не принял никаких мер защиты. Тем самым ночному походу маленькой группы на Сикион был обеспечен успех. С отрядом всего в 50 человек, среди которых был Экдел, Арат взобрался по стене и без помех достиг дома Никокла

и помещения казарм, где наемники тирана были обезврежены и захвачены в плен. Когда на рассвете народ устремился в театр, чтобы узнать, не означает ли это, как уже не раз бывало, установления новой тирании, Арат, подобно Диону, с которым его роднило принципиальное отрицание тирании, призвал граждан к свободе. После этого толпа подожгла дом Никокла, но тут же потушила пожар и начала грабить его имущество. Сам тиран ускользнул через подземный ход. Его имущество было роздано народу, разумеется, не по инициативе Арата, столкнувшегося с тяжелой проблемой реституционных требований изгнанников, из которых 20 было изгнано Никоклом и еще 150 — прежними тиранами, тем более что он не хотел вступать в конфликт с демосом. Но со свойственным ему тактическим мастерством он нашел выход. Благодаря хорошим отношениям своей семьи с Птолемеем II, который также хотел принимать участие в пелопоннесских делах, Арат получил от него необходимые денежные средства, чтобы возместить ущерб владельцам за возвращение имущества прежним собственникам. Восстановление демократической республики он ознаменовал тем, что приказал уничтожить все изображения тиранов, даже IV века, или, по крайней мере, закрасить их. Сикион отныне вступил в тираноборческий Ахейский союз.

Эпоха тирании в этом городе не позволяет точно сказать, что указывает на благоприятствование или помощь местному тирану со стороны Антигона Гоната. Она была обусловлена социальным и политическим напряжением в среде самих граждан, а также определенной предрасположенностью демоса к тирании. Ведь существовала же здесь насильственная власть не только в течение столетия в архаические времена, но периодами и в IV веке. Нам не известно, вручал ли народ отдельным тиранам, как, например, Абантиду и Пасею, какие-либо властные полномочия; Никокл, власть которого держалась на наемных войсках, безусловно, их не имел. Как тираны, так и их противники не были связаны с большой политикой. Освобождение города произошло без посторонней помощи, это было чис-

то личное дело Арата, а движущей силой — глубокая ненависть к тирании, поддержанная Экдемом и Демофаном. Он нуждался в возможности утверждать свои взгляды и за пределами родины.

Арголида

В Аргосе, где провел свою юность Арат, в конце 50-х годов тираном был Аристомах, сын Аристиппа, который за 20 лет до этого, будучи сторонником Антигона Гоната, стал противником своего соотечественника Аристея, призвавшего некогда на помощь Пирра. Время установления тирании над Аргосом трудно определить точно, но вполне возможно, что после смерти Пирра (272/271 гг.) тот самый *Аристипп* (I) с согласия или с помощью Антигона стал владельцем города и ему наследовал его сын *Аристомах* (I). Семья была богата и с давних пор находилась в дружбе с Афинами, которым один из ее членов уже около 300 года оказывал ценные услуги. Аристомах также выступил совместно с афинянами против изменившего его дяде Антигону Александра, пока оба соперника из-за отсутствия помощи царя не заключили с ним мир, за который тирана чувствовали решением народа Аттики (около 249 года). Отношения Аристомаха с Антигоном Гонатом, которому его отец был, предположительно, обязан установлением тирании, а он — ее сохранением, не было этим омрачено. Как сильно он нуждался в поддержке царя, видно из того факта, что он разоружил большинство граждан, следовательно, большинство аргивян было настроено против него. Будучи чистым тираном, Аристомах стоял рядом и над полисом. Внешнеполитические соглашения заключались им одним, а не органами общины; кроме того, в случае необходимости он выплачивал для этих целей из собственных средств такие суммы, что можно думать об обложении граждан налогом в пользу тирана. Поэтому неудивительно, что его правление, пусть и не жестокое, вызывало враждебность.

Она проявилась в попытке покушения, которую поставками оружия поддержал Арат, озабоченный освобождением города и вовлечением его в Ахейский союз. Однако нападение не удалось, поскольку главы заговора, Эхил и прорицатель Харимен, поссорились и последний выдал заговор. Тем не менее большинству участников удалось бежать и найти убежище в Коринфе, незадолго до того завоеванном Аратом. Тирана же судьба настигла с другой стороны: он был убит своими рабами (около 241 года).

Однако смерть Аристомаха не принесла свободы Аргосу. Аристипп (II), предположительно сын убитого, благодаря поддержке Антигона Гоната, наследовал тирану, не вызвав при этом никаких народных волнений. Наш источник, превозносящий Арата и враждебный тирану, утверждает, что Аристипп был еще худшим извергом, чем его предшественник, и рисует портрет деспотичного, недоверчивого, исполненного страха тирана. Сообщается, что он не оставил в живых никого из своих противников, что для защиты своей персоны он содержал большую лейб-гвардию, но телохранителей и стражников заставлял спать вне дома, под портиком, так же как и рабов, напомиавших ему о печальном конце Аристомаха. Сам же он со своей возлюбленной спал в маленьком помещении за закрытой дверью, лестницу от которой убирала мать девушки и до утра держала под замком. Тем не менее правление Аристиппа не было настолько плохим, как можно было бы предположить на основании подобных рассказов. Даже когда Арат, по-видимому, вскоре после его начала, попытался с отрядом молодых ахейцев свергнуть его, никто в городе не поддержал освободителя, и при более поздней попытке устранить тирана и присоединить Аргос к Ахейскому союзу Арат не получил должной поддержки от граждан, хотя он уже перебрался через стену и Аристипп готовился к бегству со своими сокровищами. Неубедительным кажется объяснение Полибия и Плутарха, что аргивяне были уже хорошенько запуганы и привычны к кабале, ибо память об Аристиппе впоследствии не предали проклятию. Следовательно, не настолько ужасным было и его господство. На первую

неудачную попытку нападения Арата тиран ответил тем, что на третейском суде, составленном из мантинейцев, обвинил Ахейский союз в нарушении мира. Но поскольку Арат совершал нападение явно на свой страх и риск, он был приговорен только к денежному штрафу. Попытки из-за угла устранить непримиримого врага, которые Аристипп предпринимал тогда (скорее всего, в 240 году) с помощью престарелого Антигона Гоната, опасавшегося за свое положение на Пелопоннесе из-за происков Арата, остались безрезультатными. Поэтому Арат в качестве стратега союза не только смог нанести второй удар по Аргосу, но и после его неудачи добивался окончательного решения дела в бою. Он вторгся в окрестности города, но, в какой-то степени и по своей вине, потерпел поражение у ручья Харадрос (235 год). В то же время ему удалось склонить Клеоней, который, по-видимому, не находился под властью Аристиппа, к вступлению в Ахейский союз. Когда тиран вскоре двинулся со своим войском против этого города, он неожиданно для себя подвергся нападению Арата. Его войска обратились в бегство, но у Микен были остановлены и полностью разбиты. Погибло 500 человек, а сам Аристипп был убит критянином Трагиком (235/234 гг.).

Однако смерть тирана опять не стала концом тирании, хотя корпус наемников, ее опора, был разгромлен. С войсками македонского царя Деметрия (239—229 гг.), которые подросли из Коринфа, Аристомах (II), брат убитого Аристиппа, и Агий заняли город, прежде чем в него вошел Арат. Еще отчетливее, чем прежде, проявилась здесь поддержка, которую оказывали Антигониды тирании в Аргосе. Суждения античных авторов о новом владыке Аргоса противоречивы. Филарх называет его «неплохим» человеком и, говоря о его горьком конце, считает, что ни один человек не пережил такой несправедливости, как он. Полибий же считает, что его судьба как тирана была совершенно справедливой, чуть ли не излишне мягкой. При этом он в общих чертах говорит о множестве его преступлений, но в качестве конкретного примера приводит лишь один, а именно, казнь 80 граждан по обвинению в том, что когда

Арат еще при его отце уже почти захватил город, но не нашел поддержки у большинства, эти граждане стали на его сторону. Разумеется, это была кровавая акция, которую тиран, памятуя о катастрофе при Микенах, осуществил в начале своего правления против оппозиционных элементов, симпатизировавших Ахейскому союзу. Впоследствии же его правление не было слишком тяжким. Это видно по поведению аргивян после отречения Аристомаха, вопреки мнению Полибия, который ненавидел врага и будущего предателя Ахейского союза, несмотря на его уверения в обратном. Хотя Аристомах, как известно, правил городом несколько лет, не испытывая внутренних потрясений или нападения со стороны Ахейского союза, он понимал, что после смерти царя Деметрия (229 год), которого Полибий называет «хорегом* и содержателем тиранов», он не сможет противостоять растущему влиянию союза, тем более что нельзя было больше рассчитывать на помощь македонян, бывшую с самого начала для тирании в Аргосе решающей. Преемник Деметрия Антигон Досон (229—222/221 гг.) вследствие войны далеко на севере был лишен какой-либо возможности оказать помощь и довольно скоро дал понять, что пелопоннесские тираны могут на него не рассчитывать. Когда в этой ситуации Арат, старавшийся на основании горького опыта избежать войны за Аргос, пообещал Аристомаху за отречение от тирании личную безопасность, вознаграждение и почести, даже должность стратега Ахейского союза на 228/227 гг., последний объявил о своей готовности принять предложение, если только ему еще выдадут 50 талантов для расчета с увольняемыми наемниками. После удовлетворения этого требования Ахейским союзным собранием Аристомах сложил с себя власть, а Аргос после длившейся десятилетиями тирании вступил в Ахейский союз.

Если бы оценка Полибия была справедливой, то жители Аргоса выместили бы свою ненависть на Аристомахе. Но ничего подобного не произошло. Хотя его господство было установлено с помощью македонских войск и сохранялось благодаря наемникам, которых частично оплачивал царь, он

* Лицо, отвечавшее перед общиной за состояние хора.

не только остался жить в городе и продолжал владеть своим имуществом, но и играл в нем в последующие годы ведущую роль. Напротив, его положение в Ахейском союзе было довольно сложным, особенно в отношении Арата. Хотя, как и было обещано, его избрали стратегом, но его поход против лакедемонского царя Клеомена III не был санкционирован Аратом, который предотвратил битву и воспротивился повторным выборам Аристомаха. Такое оскорбление стало причиной отхода этого честолюбивого человека от союза и побудило помочь Клеомену, которому он позволил захватить Аргос. Хотя дело и не дошло до возобновления тирании со спартанской помощью, все же Аристомах принял сторону царя, который навязал городу союз с ним, разместил там гарнизон и практически снова взял в свои руки руководство общиной. Тогда же произошло бракосочетание его племянницы Апии со спартанским принцем Набием. Его положение стало почти монархическим, но опять опиралось на внешнюю силу. Вначале аргивянам пришлось ей покориться. Но когда Антигон Досон появился на Истме (224 год) и — иначе, чем его предшественники — попытался привязать к себе города Пелопоннеса не с помощью гарнизонов и тиранического правления, а путем вовлечения их как свободные общины в союз под своей гегемонией, они возмутились. Аристомах, по-видимому, не смог взять верх над растущей оппозицией и тем самым утратил всякий интерес для Клеомена. После открытого перехода аргивян на сторону Антигона и связанного с ним Ахейского союза он попал в руки своих врагов. Как предателя дела союза его утопили в море при Кенхрее (224 г.); его владения граждане по совету Арата передали в дар македонскому царю. Статуи Аристомаха и прежних тиранов Аргоса были повержены, но вскоре восстановлены Антигоном, хотя он и не был сторонником тирании. В неприкосновенности была оставлена скульптурная группа, изображавшая Аристомаха, его племянницу Апию и еще одного члена семьи тирана.

Одновременно с Аристомахом вскоре после смерти царя Деметрия тираны двух ближних к Аргосу городов, *Ксенон*

из *Гермионы* и *Клеоним* из *Флиуса*, из тех же соображений, что и он, сложили с себя власть. Больше нам ничего о них не известно, так что остается открытым вопрос, существовала ли их тирания при Антигоне Гонате или была учреждена лишь при его преемнике. Не подлежит сомнению, что и эти тираны, как и аргосские, опирались на поддержку македонского царя. После их отречения оба города вступили в Ахейский союз.

Аркадия

Установление тирании над *Мегалополем* произошло, по видимому, после смерти *Пирра* (273 г.) и, как и одновременный захват власти *Аристиппом* в Аргосе, поддерживалось или даже было вызвано им. Известно только, что во второй половине 60-х годов у власти находился *Аристокдем*, сын некоего *Артила* из *Фигалии*, ставший мегалополютином вследствие усыновления. В противоположность другим аркадийским городам при нем или, если он только недавно наследовал господство, при его предшественнике Мегалополь в Хремонидовой войне поддерживал Антигона, победа которого над спартанским царем *Ареем* (264 год) еще больше упрочила положение тирана. Так, ему удалось победить в кровавой битве сына павшего *Арея Акротата*, который вскоре на него напал. Остается неизвестным, удалось ли ему после этого распространить свое господство и на другие аркадийские города. В Мегалополе он за счет военной добычи воздвиг великолепный портик, названный *Мирополем*, и старался украсить город постройкой храмов. Его правление, по видимому, было основано не только на оружии наемников и деньгах македонского царя, но и на одобрении большинства граждан; во всяком случае, он был в нем уверен уже во время борьбы против *Акротата*. Впрочем, и при нем не было недостатка в изгнаниях, которые касались в основном оппозиционных олигархов, но такой необычайный факт, что он, тиран, получил прозвище «Пре-

восходный», позволяет сделать вывод о сравнительно бескорыстном правлении, которое толпа воспринимала как благотворное. Если *Аристокдем* около 253 года был убит двумя высланными из города учениками *Аркесилая*, *Экделом* и *Демофаном*, которые вскоре, как нам уже известно, участвовали в свержении *Никокла* в *Сикионе*, то это произошло не из-за всеобщего недовольствия или жажды мести изгнанных, а из-за принципиального неприятия тирании людьми из круга Академии. Напротив, граждане Мегалополя сохранили об *Аристокдеме* уважительную память. Город соорудил ему монументальную гробницу, тогда как убийцам, очевидно, пришлось покинуть родину.

В последующее время Мегалополь, ставший республикой, главенствовал в Аркадийском союзе, который был близок Ахейскому. Впрочем, город был вынужден в одиночку противостоять осаде лакедемонян, с которыми воевал еще *Аристокдем*, однако в решающей битве при *Мантинее* (около 249 года) на его стороне сражались другие аркадийцы и войска Ахейского союза, контингентом которого командовали *Лакид* и *Лидиад*. Последний, молодой человек из знатного рода, происходивший, возможно, из небольшого местечка *Кафией*, несколько лет спустя, когда нападение этолийцев на Аркадию вызвало необходимость в твердом, диктаторском руководстве войсками (около 244 года), стал тираном Мегалополя. О характере его правления, длившегося почти десятилетие, у нас нет точных сведений, поскольку те положительные мнения, которые превозносят его честность и патриотизм или, по крайней мере, признают, что он был благороден, бескорыстен, пусть даже и исполнен честолюбия, — определяются скорее его позднейшими деяниями, чем его поведением в качестве тирана. Если судить по скудным сведениям предания, он правил самодержавно и до такой степени считал себя собственником территории Мегалополя, что при проведении своих частных дел с элейцами уступил им в виде обмена местечко *Алифейра*. Так не менее в городе не было серьезного сопротивления. Лишь по внешнеполитическим причинам он стал первым тираном *Пелопоннеса*, который в 245/244 гг. сложил

с себя владычество. Лидиад добился власти без помощи Антигона Гоната и не пользовался поддержкой его преемника Деметрия, когда подвергся нападению со стороны других аркадийцев, которые после установления тирании в Мегалополе разорвали с ним союз, и выступившего с ними тираноборческого Ахейского союза. Когда Арат после своей победы над Аристином из Аргоса направил против него войска, он почувствовал свою изоляцию и вынужден был пойти на мирное соглашение. Как и Аристоммах (II) шесть лет спустя, Лидиад согласился под гарантию должности стратега в Ахейском союзе отречься, восстановить в Мегалополе республику и присоединить город к союзу (235 год). То, что эти изменения были проведены без внутренних осложнений, еще раз свидетельствует, что граждане, несмотря на автократический характер правления Лидиада, не испытывали к нему непримиримой ненависти.

Собранием Ахейского союза бывший тиран был избран стратегом не только в 234 году, но и еще дважды (в 232 и 230 годах) и баллотировался еще и в 227 году, но проиграл своему сопернику Арату. Насколько напряженным оставалось отношение поборника демократии к бывшим тиранам даже после их отречения, незадолго до этого испытал на себе Аристоммах из Аргоса, которого Лидиад предупредил о неистребимом отвращении Арата к тиранам. Его вмешательство в 228/227 гг. в военные операции, которыми Аристоммах руководил в качестве стратега, заставило мегалополитянина выступить с обвинением, причем наряду с обоснованной критикой недостаточных военных способностей Арата свою роль могла сыграть и определенная солидарность бывших тиранов. Но тогда как Аристоммах из-за этих противоречий позже перешел к Клеомену, Лидиад, который в 227/226 гг. подчинился своему сопернику как командир конницы, остался верен делу союза. Он не выносил лишь нерешительность и медлительную тактику стратега Арата. Когда под Мегалополем произошла битва со спартанским царем, он самовольно вырвался со своей конницей вперед, по после первоначально-

го успеха был окружен и убит. Ахайцы обвинили в его гибели Арата, который бросил Лидиада на произвол судьбы. Клеомен почтил своего мужественного противника, велел принести его тело в пурпурном плаще и украшенное венком к воротам Мегалополя.

Возможно, аркадийский Орхомен в III веке времени находился под властью тиранов. Вероятно, хотя и не доказано, что тиран *Аристомелид* относится к этому времени. Единственное упоминание о нем сообщает лишь то, что он доверил свою любимую девушку некоему Хронию, и после того, как она из страха и стыда лишила себя жизни, к Хронию явилась Артемида и потребовала от него убить тирана. После совершения убийства Хроний бежал в Тегею и там основал святилище богини. Если здесь, по крайней мере, засвидетельствована тирания, хотя хронологически и неточная, то в другом случае, когда речь идет о *Неархе*, весьма сомнительно, был ли он вообще тираном, хотя и указаны сроки до 235 года. Ибо в акте, свидетельствующем о приеме Орхомена после отречения Лидиада в Ахейский союз, содержится постановление, что выдвинутые ранее против Неарха и его сыновей обвинения можно считать снятыми и нет необходимости в судебном разбирательстве. На этом основании предполагалось, что Неарх был тираном Орхомена и, как и Лидиад, сложил с себя власть, но он мог быть и одним из вождей враждебной ахайцам группы граждан.

Элида

Несколько больше нам известно о тирании *Аристотима* из Элиды, которая продлилась всего пять месяцев. Его образ захватил Филарха, историческое повествование которого полно женских историй и трогательных сцен. Будучи благородного происхождения, сын Дамарета и внук Этима, он вскоре после смерти Пирра захватил власть с помощью Антигона Гоната (271/270 гг.). Своим наемникам, частью

италийцам, он прощал любое насилие, постоянно опасаясь самому попасть в кабалу к этим ордам. Правление Аристотима, державшееся лишь на наемниках и не имевшее поддержки в народе, изображается в резких тонах как особо жестокое. Он избавлялся от своих противников, происходивших преимущественно из знатных и состоятельных семей, убивая или ссылая их. Как передают, 800 человек, оставив своих жен и детей, бежали к этолийцам. Напрасно требовали этолийцы выдачи их родственников. Тиранин содержал ценных заложников в строгом заключении и угрожал их смертью, когда беглецы заняли одно поселение в Элиде. Затем в рассказе описывается героизм некоей Мегисто, которая гордо отвергла требование тирана, чтобы жены письменно заставили мужей покинуть страну, и якобы даже предложила для убийства собственного ребенка. Однако Киллону, одному из друзей Аристотима, удалось его смягчить, причем он тайно уже готовил заговор против него. Тем временем тиран, понимая, что с одними наемниками он долго не продержится, призвал на помощь македонского полководца Кратера, который в качестве наместника своего сводного брата Антигона Гоната находился в Коринфе. Получив весть, что македонцы уже находятся под Олимпией, тиран стал настолько беспечен, что появился в городе без охраны. Заговорщики воспользовались удачей, их предводитель, Гелланник, призвал к восстанию против тирана. Киллон и другие напали на него, но ему удалось бежать в храм Зевса. Там, в нарушение права на убежище в святилище, он и был убит. Ненависть толпы обрушилась на дом Аристотима; чтобы избежать ее, его супруга покопчила с собой. Его дочерей уже схватили и тащили на мучительную казнь, но Мегисто великодушно вступилась за них. Тем не менее разъяренный народ заставил их совершить самоубийство. Правда, статую в Олимпии освободителю Киллону соорудили не элидцы, а этолийцы.

Нам не известно, последовали ли за краткой тиранией Аристотима, в характере и жесткости которой не приходится сомневаться, невзирая на романическую традицию, другие тираннии, поддерживаемые Антигоном в Элиде. Если

утверждение Полибия, что этот царь насадил в Греции большинство монархов, не является грубым преувеличением, то на Пелопоннесе должны были существовать и другие, не известные нам зависимые тираннии, поскольку известное нам число таковых не слишком велико. Во всяком случае, твердо установлено, что Антигон Гонат поощрял тираннии в целях укрепления своего верховенства, как это делали царь Филипп, а до 330 года — регент Александра Антипатр. Не следует предполагать, что философски образованный правитель, как считали, руководствуется не только целесообразностью, но и желанием воплотить в этих городах идеал правления мудреца. Если Аристодем, «Превосходный», свидетельствует «за», то изверг Аристотим — «против». Премник Антигона Деметрий, которому вряд ли можно приписать философские мотивы, продолжил политику своего отца. Кроме того, тиранния, даже самая умеренная, встречала страстный отпор именно в философских кругах. В принципе правление зависимых тиранов не отличается от правления тех, кто захватил власть над городом вследствие социальной борьбы или как восначальник. И те, и другие содержали лейб-гвардию и собственных наемников, ссылали или убивали своих противников и были абсолютными владыками общин, органы которых хотя и продолжали существовать, но утратили политическое значение. За некоторыми тиранами, как зависимыми от македонцев, так и самостоятельными, стояли народные массы, они могли мобилизовать граждан для внешних войн и оставили по себе хорошую память, которой обязаны своему умеренному правлению. Лишь те тираны, которые своей жестокостью вызвали всеобщее возмущение, такие как Аристотим, Аристомелид, а также Клеон из Сикиона, были устранены при всеобщем одобрении, тогда как в Аргосе, несмотря на всеобщую оппозицию старшему Аристомаху, династия тиранов продержалась четыре десятилетия. Конец тираннической эпохи на Пелопоннесе последовал не по внутриаполитическим причинам, а в связи с изменением внешнеполитической ситуации. Усиление и наступательная тактика Ахейского союза, который под руководством Арата повсеместно насаждал республики,

после ликвидации тирании в Сикионе в 251 году вынудил тиранов отречься сначала в Аркадии, а затем и в Арголлиде. В конце концов после того, как Антигон Досон объединился с союзом и тем самым перестал поддерживать зависимых тиранов, чем его предшественники обычно укрепляли свое господство на Пелопоннесе, больше нечего было и думать о существовании тирании без всякой внешней поддержки. В роли тирана, грозившего поработить пелопоннесские города, выступил теперь лакедемонский царь Клеомен III.

Спарта

О тирании в Спарте в течение III и начала II веков можно говорить лишь с оговорками, даже если Ливий и заявляет, что город долго находился под господством тиранов, первым из которых был Клеомен. Однако вплоть до правления Маханида речь идет о законных царях, которые, однако, преступали традиционные границы своих полномочий или же вообще насильственно разрушали основы государственного строя и выказывали своим поведением тиранические черты. В соответствии с классификацией Аристотеля, их тирания возникла из злоупотребления царской властью, которая в Спарте была весьма ограничена. В рамках нашего изложения мы не будем касаться истории этих царей; нас интересует только, в какой степени им были свойственны чисто тиранические черты и действительно ли они установили незаконную тиранию, перед которой царствование отошло на задний план.

Уже в первой половине III века у членов дома Агиады проявлялись тиранические тенденции. Ранее упоминавшийся братя Акротат и Клеоним продемонстрировали это на западе. Последний в 274/273 гг. с помощью Пирра попытался оспаривать царское достоинство у своего племянника Арея, но получил отпор. Сам Арей (309/308—264 гг.), сын Акротата, в некоторых отношениях преступил границы

положенного лакедемонскому царю. Он самовластно полностью оттеснил второго царя Архидама IV и начал чеканить монету со своим именем вопреки всем существующим обычаям. Иностранные державы рассматривали его как самостоятельный политический фактор, который должен быть упомянут в договорах в качестве партнера наряду с лакедемонянами, что указывает на его положение тирана. Даже если он не намеревался военным путем установить на Пелопоннесе свое личное господство, а хотел скорее вернуть Спарте ее роль лидера, все же в его действиях прослеживается соперничество с эллинистическими царями во внешнеполитической деятельности, авторитете и великолепии.

Еще более четко эти черты проявились у царя Клеомена III из дома Эврипонтидов (235—222/221 гг.). Полибий говорит о нем как о ярко выраженном тиране: он уничтожил унаследованные от отцов устои государства и превратил законное царствование в тиранию. Эти слова не выглядят простой клеветой на одного из опаснейших врагов Ахейского союза, поскольку тот же самый Полибий в другом месте воздает должное необычайной личности царя. Они также подтверждаются теми фактами, которые передает симпатизирующий Клеомену Филарх. Если отец и предшественник Клеомена Леонид, временами живший при царском дворе Селевкидов, подобно Арею выказывает склонность к царственному великолипию, то «тиранические» склонности сына были не так ярко выражены. В своем стремлении стать абсолютным монархом он насильственно отменил два самых уважаемых института Спарты — эфорат и двойное царствование. Установление тирании произошло часто использованным способом: Клеомен с преданными ему наемниками ворвался в город и во время ночного пира перебил всех эфоров, кроме одного, которому удалось бежать, тогда как гражданское ополчение было умышленно оставлено им в Аркадии (227 год). Из почетных кресел эфоров он велел оставить лишь одно в знак того, что берет на себя исполнение их служебных обязанностей. В пропагандистских целях царь оправдывал это тем, что при Дикурге еще не было эфоров; в начатых вскоре после

этого реформах он также выступил как обновитель порядков, установленных Ликургом. Тем не менее отстранение царского дома Эврипонтидов было грубейшим нарушением старейшего института Спарты. Приложил ли Клеомен руку к преждевременной смерти своего первого соправителя, юного Эвдамида, остается под вопросом, но его участие в устранении его преемника Архидама V вполне вероятно. Как сообщает Плутарх, Клеомен взял в соправители своего брата Эвклида, что означало отклонение от традиции царствования двух домов. При изгнании восьмидесяти спартанцев, переделе земли и пополнении числа полноправных граждан царь, разумеется, руководствовался соображениями социальной и политической необходимости, но, по-видимому, здесь проявилось и желание приобрести сторонников, напоминающее о некоторых тиранах. И действительно, видимо, с их помощью ему удалось легитимировать решением народа свои изменения в государственном устройстве и реформы. За пределами Спарты начатая Ареем и усиленная Клеоменом империалистическая политика, а также поддержка честолюбивых людей, которые — как, например, в Коринфе — хотели с его помощью установить тиранию над родным городом, заставляют почувствовать дух тирании и эллинистического владычества, внутреннее родство которых проявляется и у Клеомена. Но речь идет именно о тираническом духе. Однако насколько мало царь Лаконики после своих революционных мер поставил себя рядом и над государственным порядком и осуществлял не легитимированное решением народа тираническое правление, скорее всего опираясь на наемников, настолько мало он хотел своими походами на Пелопоннес установить свое собственное господство. И на родине, и вне ее он оставался царем лакедемонян, от чьего имени и для чьей пользы он стремился действовать.

После битвы при Селласии (222) и бегства Клеомена победитель Антигон Досон восстановил старый порядок, и эфоры выбрали двух царей: один из них, член дома Агиадов Агесипол, был еще ребенком, а второй, *Ликург*, по-видимому, даже не был царского рода. Путем подкупа

эфоров ему удалось отстранить реформистски настроенного Хейлона, члена дома Эврипонтидов. Хейлон вскоре организовал путч, убил эфоров, но не смог захватить бежавшего Ликурга. Однако, поскольку его планы дальнейшего передела земли не нашли поддержки, Хейлон покинул Лаконику. Год спустя Ликургу, которого эфоры обвинили в подготовке переворота, также пришлось бежать в Этолию. Обвинение, по-видимому, не было беспочвенным, поскольку Ликург увел с собой личную дружину, на которую он опирался при проведении мероприятий, подобно тирану, и о том же напоминает его поведение после возвращения (218/217 гг.). Именно тогда он изгнал еще несовершеннолетнего второго царя Агесипола и, оставив его место свободным, собирався положить конец двойному царствованию. Еще больше, чем нечестное получение места царя, этот акт, пусть и легализованный, очевидно, решением народа, заставил потомков считать Ликурга тираном. Но хотя у него явно видны тиранические черты, его положение и его действия, особенно в качестве военачальника, были действиями законного царя лакедемонян; римляне считали его сына и наследника Пелопса законным царем.

Иначе обстояли дела со следующим так называемым тираном Спарты, *Маханидом*. Он не был царем и даже не был, как иногда считают, после смерти Ликурга (около 212 г.) опекуном его малолетнего сына Пелопса, к которому, очевидно, без трудностей перешло царское звание. Если же в предании он назван тираном, то в первую очередь потому, что был в Спарте господствующей личностью и продолжал империалистическую политику Клеомена в отношении республик Пелопоннеса, но все же кое-что указывает на его тираническое положение. Наемники, которыми он командовал и с которыми проводил в основном удачные походы, хотя и не находились на службе у него лично, были преданы ему до такой степени, что он практически располагал собственной военной силой рядом с общиной, пусть даже использовал эти войска во внешнеполитических интересах общины, а не для установления и поддержания собственного господства. Нам не известно, насколько

он вмешивался во внутривластную жизнь и навязывал свою волю; ни о каких жестокостях нет и речи, что указывает на благоразумное правление; по-видимому, в его честь было названо общественное здание и продолжало носить его имя и впоследствии.

Значительно радикальнее и более тиранически действовал *Набис*, который встал во главе лакедемонского государства после гибели Маханида в неудачной битве с Филопоимом, стратегом Ахейского союза (207 год). Он был сыном Дамарата, предположительно, потомка царя того же имени, который в начале V века бежал к персам и семья которого около 400 года владела несколькими городами, подаренными их прародителю великим царем. Предок Набиса в конце IV века вновь появился в Спарте. Следовательно, Набис принадлежал к ветви дома Эврипонтидов, традиции которой восходили к тирании, и его супруга Апия, дочь Аристиппа из Аргоса и сестра второго Аристомаха, также происходила из семейства тиранов. О его опекунстве над юным Пелопсом, так же как и об опекунстве Маханида, ничего не известно; стоявшего у него на пути ребенка он вскоре устранил и присвоил себе царское достоинство. Его звание царя не оспаривалось не только в Лаконии, но и признавалось другими государствами, даже Римом. Лаконика, члена одного из двух царских домов, он воспитывал вместе со своими детьми; напротив, изгнанный Ликургом Агесипол оставался в изгнании, затем отправился к римлянам и выдавался ими за законного царя, после того как они в 195 году поссорились с Набисом и перестали считать его царем, а заклеили как тирана. Итак, если с государственно-правовой точки зрения положение Набиса в Спарте считать не тиранией, а законным царствованием, то все же возникает вопрос, не превышал ли он самовольно пределы своих полномочий и не осуществлял ли свое господство так, что его можно было бы по праву считать тираном. Предание, на которое наложили свой отпечаток ненависть ахайцев к тиранам и враждебность Рима, рисует портрет царя давно уже типичными для изображения тирана красками и поэтому не заслуживает полного

доверия. Даже Полибий с удовольствием рассказывает жуткие истории, как, например, о «железной деве», некоем творении, видимо, похожем на Апию, в руках которой жертву кололи иголки, что вынуждало последнюю отдавать извергу свое состояние. Но как явное клише портрета тирана это можно отбросить; в основном тяжело, если вообще возможно, отличить правду от злонамеренной выдумки.

Существуют неопровержимые доказательства того, что Набис убил или изгнал множество знатных спартанцев, конфисковал их имущество и удерживал их семьи в качестве заложников. Не подлежит сомнению, что он по обычаю тиранов содержал лейб-гвардию и смог увеличить количество наемников за счет выжатых или конфискованных денег, пусть даже количество телохранителей преувеличено и не следует принимать всерьез утверждение Полибия, что его наемники состояли из убийц, разбойников, воров и обманщиков различного происхождения. На основании дошедшей до нас традиции невозможно решить вопрос, существенный для характеристики правления Набиса: оплачивались ли наемники им лично или лакедемонским государством, поскольку традиция смешивает наемников и лейб-гвардию и истолковывает все поступки как вопиющую тиранию. Скорее всего, речь идет, как и у его предшественников, о войсках государства и тем самым о взимании средств на их оплату в государственную казну, а не в пользу властителя, который посылал против восставших граждан не наемные войска, а свою лейб-гвардию. Кроме того, Набиса обвиняют еще и в такой тиранической мере, как освобождение многочисленных илотов, наделение их землей, а в особенности принуждение жен изгнанных спартанцев к браку с илотами и наемниками, который влек за собой вступление в права гражданства. Возможно, здесь Набис повел себя более тиранически, чем Агий IV и Клеомен III, революционные социальные новшества которых он продолжал, хотя и ссылаясь на знаменитого законодателя Ликурга. С другой стороны, освобождение рабов и насильственное сочетание браком жеп изгнанных граждан с их бывшими рабами или наемниками часто производилось

жестокими тиранами, так что и в этом случае нельзя полностью доверять преданию. Освобождение илотов, не подлежащее сомнению, в общем лишь продолжило уже давно начавшуюся социальную перегруппировку, которая была необходима прежде всего с военной точки зрения. Нельзя отрицать, что Набис тем самым хотел увеличить число граждан, обязанных ему лично, и укрепить свою дружину. А считалась бы «тиранической» какая-либо мера на основе народного решения? Даже враги Набиса не отрицали, что при нем собиралось народное собрание; они лишь утверждали, что он подавляет свободное выражение мнений. Тем не менее большинство спартанцев не было настроено против его правления; более того, когда Спарта была осаждена римлянами (195 год), они примкнули к нему. Сам ахайский военачальник явно рассчитывал на то, что если Набис добровольно откажется от власти, ему нечего опасаться со стороны лакедемонян. Он был особенно уверен в периеках, которые составляли значительную часть войска и поселения которых на побережье были опорным пунктом для его морских операций.

Если после всего изложенного, невзирая на некоторые признаки тирании и учитывая государственно-правовые моменты и отношения между царем и народом, нельзя говорить о тирании Набиса, то все же остается вопрос, кому принадлежали завоеванные им города, прежде всего Аргос и несколько городов на Крите — ему лично или государству лакедемонян. Античные авторы приводят данные только об Аргосе: с 197 по 195 годы, после того как Филипп уступил город Набису, он считался его владением. Он разместил там гарнизон, проводил конфискации, ссылки и казни, повысил налоги, причем его супруга Алия отобрала у женщин своей родины их украшения. Перед народным собранием аргивян Набис объявил о снятии долгов и разделе земли, то есть и здесь провел революционные социальные изменения, которые должны были склонить толпу на его сторону. Надпись, в которой упоминается насильственный вывод отряда молодежи из принадлежавших тогда Аргосу Микен, подтверждает, что сообщения враждебного

ему предания, хотя во многом и преувеличенные, верны относительно твердости его правления. Однако в ней нет подтверждения тому, что Набис наряду со своим званием лакедемонского царя установил в Арголиде еще и личное господство; подобное вряд ли можно предположить и в отношении критских городов, которые поставляли ему вспомогательные войска. Точно так же его морские предприятия, заклеянные противниками как бесстыдное пиратство, должны рассматриваться как акции лакедемонского царя, а не как личные акции тирана; тем более и делосцы, которым Набис оказал при этом услуги, именуют его в почетном декрете царем.

Разумеется, это царствование уже не походило на строго нормированное царствование прежних архагатов. Еще в большей степени, чем Арей и Клеомен, отступившие от старой традиции, Набис, больше не имевший рядом с собой второго царя, перед лицом восстановленного эфората, сговорчивости граждан, перегруппированных его предшественниками и им, а особенно благодаря проявленной им внешнеполитической энергии, с которой он стремился распространить лакедемонское господство на обширные области Греции, воспринимался современниками как автократор, а с точки зрения городов-государств — как тиран. Исторически он скорее представляет собой одного из местных владык, которые, используя напряженное международное положение на рубеже III—II веков, пытались подражать великим монархам и вступить в их общество. Характерно в этой связи, что он чеканил монеты со своим именем и царским титулом, или то, что Филипп V предложил сочетать браком своих сыновей с его дочерьми, или великолепие его дворца в Спарте. Даже победоносные римляне не решились на его низложение. Он был предательски убит союзными ему этолийцами (192 год). С его смертью закончилось лакедемонское царствование, которое было искажено уже его предшественниками, а благодаря ему совершенно утратило свой традиционный характер.

Ахейский союз, в который Спарта теперь была принуждена вступить, не терпел ни царей, ни тиранов. Впрочем,

могло быть и так, что оппозиционный союзу демагог Херон, продолжая реформы Набиса, спустя десятилетие самовольно производил раздел земли между беднейшим населением и, как передают, расходовал общественные деньги, не считаясь с законами, народным собранием и властями, то есть действовал подобно тирану (181 год). Однако когда он приказал убить члена назначенной Ахейским союзом контрольной комиссии, его бросили в тюрьму и отменили все проведенные им акции. В последующий период в Спарте больше не было возможностей для революционных социальных новшеств или тирании отдельных людей.

3. Период римского владычества (с 168 года до Августа)

Греческая метрополия в этот период в основном была свободна от тиранов. Римская политика не использовала для утверждения своего господства назначение или поддержку тиранов. Она отстаивала свои интересы другими способами, прежде всего покровительствуя олигархическим группам в отдельных общинах. Напротив, в 88—86 годах, когда власть царя Митридата VI распространялась на часть Эллады, по крайней мере, в одном месте появляется тираноподобный правитель — в Афинах.

Афины

Здесь незадолго до рубежа века при поддержке Рима на смену демократическому строю пришел олигархический, что вызвало внутреннюю смуту. Более двух лет некий *Медий* удерживал должность архонта (91/90—89/88 гг.), что имела тогда такое же значение, как и за пять столетий до того, когда Дамасий также удерживал архонат более двух лет. Когда же до Афин дошла война Митридата, ска-

зано у Страбона, она принесла им тиранов, которых хотел царь. Насколько нам известно, их было двое, Афений и Аристий. Об *Афении* Посейдоний сообщает в красочном, приправленном иронией и насмешкой рассказе, что он был сыном афинянина Эвримнея, образованного перипатетика, и сам в качестве учителя философии этого направления подвизался в Мессене и Ларисе. Обогатившись благодаря преподаванию, он вернулся на родину и ко времени первых успехов Митридата в Азии (89/88 гг.) был послан к нему своими согражданами в качестве посла. Он снискал благоволение царя, был даже принят в число его «друзей» и возвестил в письмах афинянам, что властитель не только сделает подарки отдельным гражданам и полису, но и освободит город от долгов и восстановит демократию. Вернувшись, Афений был встречен с безмерными почестями восторженными от его посланий афинянами, которые уже воображали крушение римского господства и в азиатской провинции, и в Элладе. Вскоре он появился перед пораженной толпой в роскошных одеждах и покровительственно принимал ее преклонение. В речи, произнесенной с трибуны у портика Атолла, оставшейся от римского наместника, он восхвалял могущество и успехи Митридата, обрисовал бедственную судьбу римских чиновников в Азии и призвал граждан покончить с невыносимым положением Афин, достойнейшее общественное устройство которых захирело, присоединением к царю, уничтожающему власть Рима. После этого его избрали стратегом и позволили поставить на другие военные должности людей по его выбору. Как рассказывают, уже через несколько дней философ показал себя тираном, который больше следовал поучениям Пифагора о хитроумных интригах, чем учению перипатетиков. Благонамеренных граждан он убирал со своего пути и строго запретил любые отлучки из города. Неподчинившихся догоняли всадники, некоторых убивали, других связывали и доставляли обратно. Против всех, кто был связан с бежавшими гражданами, Афений принимал меры и казнил их без надлежащего судебного разбирательства. Вскоре Афины стали ощущать недостаток продовольствия,

так что гражданам начали отмерять зерно, которого было явно недостаточно. Никто также не имел права ночью, когда ворота закрывались, выходить со светом.

Таков смысл рассказа Посейдония, поскольку в предании он искажен повторами и ошибками. Он демонстрирует отрицательное отношение к Афению, которое следует учитывать при оценке этого человека. Однако поскольку других сведений нет, то трудно сказать, насколько верно это отношение и идет ли речь о подлинной тирании. Можно было бы предположить чрезвычайное положение, объявление которого вызвали внутривластная напряженность и внешнеполитическая ситуация. Будучи ведущим стратегом, Афений должен был заботиться о сохранении спокойствия и имел полномочия карать за нарушение своих распоряжений. С другой стороны, здесь присутствуют моменты чисто тиранического характера. Если с этой точки зрения не придавать особого значения изображению пышного выступления Афения, то самовольное назначение на высшие должности, конфискация имущества граждан, казни без суда и следствия и существование лейб-гвардии, о которой упоминается в одной из версий, свидетельствуют о тирании, если только эти сведения заслуживают доверия. Однако это не так, поскольку в тексте, как уже отмечалось, много несоответствий и противоречий. Казням без суда в одном варианте противоречит упоминание о том, что Афений сам сдал судебские камушки для голосования; беглых граждан захватывает то лейб-гвардия властителя, то подчиняющееся стратегу гражданское ополчение; не ясно также, назначались ли высшие чиновники самим Афением или, скорее, избирались по его предложению. Наименование «тиран», которое с IV века употребляли чаще в моральном, чем в государственно-правовом смысле, не исключает того, что в действительности Афений был беззастенчивым демагогом, который был избран антиримски настроенной толпой ведущим стратегом и бессовестно использовал свое должностное положение. В пользу этого говорит и тот факт, что единственная внешнеполитическая акция, которую он предпринял, касалась не его личного владычества, а интересов

аттического государства, ибо он послал перипатетика Апеллика с войсками на Делос не для того, чтобы присвоить священные сокровища, как утверждает Посейдоний, используя излюбленный мотив типологии тиранов, а чтобы отвоевать остров, который многочисленные осевшие там римляне отторгли от Афин. Афений, который до этого если и не выдавал себя за друга римлян, но все же старался избежать разрыва с ними, начал тем самым войну, которая в конце концов привела к захвату города Суллой. Неудача нападения, которое римские поселенцы на острове отбили под Орбием, привела, очевидно, к тому, что Афению пришлось уйти с политической арены. Больше о нем ничего не сообщается, не говорится также, был ли против него как тирана возбужден судебный процесс. По-видимому, с точки зрения своих земляков, он не был тираном. Его краткое пребывание на должности ведущего стратега закончилось по истечении 89/88 гг.

То, что вскоре после этого другой афинянин, эпикуреец *Аристий*, появляется как «тиран», свидетельствует о продолжении внутривластной напряженности, которая выразилась и в том, что в 88/87 гг. должность стратега не была занята. Аристий, который, как и Афений, искал тесных связей с Митридатом, поехал к его полководцу Архелаю, который, заняв Делос, отправил его со священными сокровищами под охраной двух тысяч солдат в Афины, без сомнения, чтобы перетянуть на свою сторону город, воевавший с Римом. С помощью этих войск Аристий установил свое господство над Афинами и стал, согласно Страбону, самым могущественным из тогдашних афинских «тиранов». Он убил верных друзей Рима или выдал их Митридату. Сокровища он украл в крепости, возможно, для собственного пользования; он набрал себе лейб-гвардию и угнетал граждан. Если предание не вводит нас в заблуждение, то здесь с гораздо большей степенью вероятности, чем в случае Афения, можно говорить о тирании. Ничего не сообщается ни о какой занимаемой Аристием высокой должности, власть правителя основывалась на понтийском гарнизоне, возможности распоряжения делосскими сокровищами и поддержке

Митридата, которому Аристий оказывал услуги в качестве посланника в других греческих городах. Если на монетах его имя стоит рядом с именем царя, то не потому, что Аристий был аттическим чеканщиком монет, а чтобы подтвердить, что он является владыкой Афин, которого поддерживает Митридат. Изгнание, в которое были отправлены впоследствии его потомки, также свидетельствует о том, что Аристий установил тиранию. Зимой 87/86 гг., когда римляне осадили Афины, он принял жесткие меры против всех граждан, склонявшихся к капитуляции, что характеризует его как тирана и с моральной точки зрения. Тогда, как население Афин бедствовало, он предавался пиршествам и попойкам, развлекался фарсами и бесстрашно, даже издевательски разговаривал со жрицей Афины. После того как 1 марта 86 года Сулла штурмом взял Нижний город, Аристий некоторое время еще продолжал обороняться на Акрополе, где он, возможно, жил с самого начала, пока, наконец, нехватка воды не вынудила его капитулировать. Победитель Сулла, в руки которого он попал, только после заключения с Археласом предварительного мира (85 год) отравил его, очевидно, чтобы оказать услугу понтийскому полководцу, с которым Аристий поссорился.

Спарта

Многие сограждане считали тираном спартаца *Эврикла*, который в течение первых десятилетий правления Августа занимал на своей родине положение монарха. Уже его отец Лахар был богат и пользовался уважением за пределами Лаконии. Хотя Антоний приказал казнить его из-за предполагаемого морского разбоя, то скорее всего потому, что Лахар, как и вся зависимая от Клавдиев спартанская община, склонялся к Октавиану, на стороне которого сражался его сын в битве при Акции. Эврикл снискал тем самым благоволение победителя, получил римское гражданство, так что с тех пор носил имя К. Юлий Эврикл и впоследствии

с согласия Августа мог править как владыка городом на Эвроте. С правовой точки зрения, его положение, которое современник Страбон расплывчато именуется «гегемония» и «эпистазия», не зафиксировано; очевидно, оно основывалось на благоволении императора, большом богатстве и симпатиях, которые Эврикл завоевал в народе благодаря жертвоприношениям. Во всяком случае, он, по-видимому, подобно тиранам содержал свой собственный чиновничий аппарат, отодвигавший на второй план аппарат государственный, а его мероприятия вызывали недовольство знатных спартанцев. Возврат Августом (21 год до н.э.) Киферы лакедемонянам усилил его монархическое положение, поскольку Эврикл имел там, очевидно, большие поместья и теперь его материальное превосходство стало еще более явным. Связи, которые он установил с другими влиятельными персонами, также напоминают тиранию. Передают, что в 9/8 г. он направился ко двору Герода, чтобы добыть денег. Он действительно был по-царски принят царем и его сыном Антипатром, которому сообщил ценную информацию о его сводном брате Александре, а в Каппадокии получил значительное вознаграждение от царя Архелая, тестя Александра, за то, что примирил зятя с отцом того Геродом. По-видимому, он использовал эти средства для того, чтобы благодеяниями привязать к себе города «свободных лаконцев» Асоп и Гифей, но кроме того, возможно, также Коринф и Афины, что выходило за пределы предоставленной ему Августом «эпистазии» в Спарте. Тем самым он дал своим противникам повод обратиться к императору для вмешательства против его фаворита, который, как они утверждали, разжигает смуту в провинции Ахайя и грабит города. Август вначале не реагировал и повелел лишь, когда явилось второе посольство, чтобы Эврикл был выслан, если он со своей стороны не представит доказательств. Однако наказание не было связано с большими затратами. Будучи изгнан, он до самой смерти (предположительно 2 год до н.э.) продолжал свои интриги за пределами Спарты.

Сын Эврикла Лакон через некоторое время, но еще при Августе, смог занять в Спарте место своего отца, поскольку

отказался от его властолюбия. Поэтому, как видим, нет оснований его и его потомков, которые играли в Спарте ведущую роль до конца 2 века н.э., причислять к тиранам или тираноподобным правителям, если Эврикл обманул доверие своего покровителя и попытался присвоить себе почти тираническую власть. Тем не менее этот властолюбивый человек оставил по себе в народе добрую память, и Август в последние годы своего правления не возражал против его посмертной реабилитации. В 15 году н.э. в память об Эврикле был учрежден праздник Эвриклеи, который просуществовал долго благодаря уважению к семье.

Глава II ГРЕЧЕСКИЙ ВОСТОК

1. Период диадохов (323—281 гг.)

В Малой Азии и на островах вдоль ее побережья к моменту смерти Александра больше не было тиранов или самостоятельных правителей территорий (династов). Они были лишь в тех областях, куда не вступил великий царь и где не смогли продвинуться также и его сатрапы. Так, перс Митридат сохранял свое владычество над городами Киос и Карина в Мисии, которые перешли к нему от его отца Ариобарзана (337 год), не только во времена Александра, но и вплоть до 302 года. Точно так же сохранялась тирания Дионисия над Гераклеей Понтийской (337—304 годы). Своим браком с персидской принцессой Амастрис и принятием титула царя владыка города даже основал, по-видимому, самостоятельную эллинистическую монархию, конец которой положили злоба сыновей на мать и вмешательство Лисимаха через полтора десятилетия (288/287 гг.).

Смуты и борьба интересов периода от смерти Александра и до победы Селевка над Лисимахом (281 год) позволили некоторым властолюбивым и энергичным людям установить свое владычество над многими городами или небольшими территориями. Поскольку речь идет в основном о македонских офицерах и к тому же о территориальных владыках, которые находились с подчиненными поли-

сами в таких же отношениях, как великие цари с городскими общинами своих владений, их скорее можно было причислить к династам, чем к тиранам, однако четкое различие между двумя группами возможно лишь в редких случаях. Так, *Фиброн*, родом из Спарты, служил офицером у казначея Александра Гарпала, после его смерти подчинил себе Кидонию на Крите, затем пытался подчинить города Киренаики. Он представляет собой известный нам по IV веку тип кондотьера-тирана, но намерением этого дерзкого человека было не установить городскую тиранию, а основать территориальное владычество над всей Киренаикой и соседней Ливией. Монеты, на которых он чеканил свое имя, свидетельствуют о монархических притязаниях. Осуществить их ему вскоре помешал *Офелл* (322 год), который победил его и взял в плен. *Эвполем*, который около 315 года властвовал над многими карийскими городами, а именно Миласой, Иасом и Феангелой, тоже не был собственно городским тираном. Это имя, вообще, встречается в Феангеле, так что можно подумать о местном властителе. Но не только то, что владыка этих городов явно идентичен офицеру Кассандра с тем же именем, который действовал в Карии, но и тот факт, что на его отчеканенных в Миласе монетах изображен македонский щит, свидетельствует, что *Эвполем* был разбогатевшим — возможно, во время похода Александра — офицером, который использовал свои денежные средства и военные поручения, полученные от одного из диадохов, для того, чтобы на фоне войны великих захватить господство над многими карийскими городами. То, что это была не городская тирания, а династия над территорией, подтверждает надпись из Феангелы, в которой упоминается «земля» *Эвполема*.

Аналогичное явление представляет собой и *Доким*, который был поставлен Антигоном Одноглазым стратегом над Фригией. Один из основанных им городов, где он, по-видимому, расселял ветеранов, он назвал в свою честь *Докимей* и чеканил свое имя как их ойкист. По-видимому, звание ойкиста, как некогда старшему Мильтиаду на Херсонесе, обеспечило ему тираноподобное положение по отноше-

нию к новым общинам, но *Докима* можно также считать территориальным династом, который пытался эмансипироваться от верховенства Антигона. Доверенные ему Антигоном сокровища, спрятанные в надежных местах, он, скорее всего, использовал не для установления собственного господства, как это сделал позднее находившийся у него в 302 году *Филетер* с деньгами своего господина; он был вынужден еще до битвы на Ипсе отдать их противнику Антигона, *Лисимаху*. Типу тирана-кондотьера соответствует лакедемонянин *Антитатрид*, который некоторое время после смерти Александра владел ликийским городом *Телмесом*, но был хитростью вытеснен из крепости *Неархом*, сатрапом Ликии и *Памфили*, своим бывшим другом, и лишен своего владычества. О его деяниях как владыки города, к сожалению, ничего не известно.

Постоянно меняющееся соотношение сил в этот период и продолжающаяся социальная и экономическая напряженность привели к появлению тирании в чистом виде в некоторых городах — число их, по-видимому, было значительно больше, чем нам известно по скудному преданию. Нельзя сказать с точностью, действительно ли эпикуреец и историк *Идомей* из *Лампсака*, который принадлежал к знати у себя на родине и, как передают, вместе с другими осуществлял «правление философов» в городе, как некогда *Гермий* в *Атарнее*, его соратники в *Ассосе* или платоники *Эрат* и *Кориск* в *Скепсисе*. Напротив, хорошо доказаны тиранические происки ученика Платона *Тимолая* в *Кизике*. В 320 году он подготовил в своем родном городе государственный переворот, обеспечив себе раздачей денег и зерна беднейшим гражданам сильную личную поддержку и одновременно установив связь с *Архидеем*, сатрапом Малой Азии. Оба пути к достижению владычества были не новы и уже неоднократно успешно использовались. Однако *Тимолай* не достиг цели, поскольку *Архидей*, который хотел ввести в город свой гарнизон и тем самым обеспечить опору для господства зависимого от него человека, был отбит кизикцами. Неудавшийся узурпатор был схвачен и предстал перед судом. Учитывая большое число его сторонников, его

приговорили не к смерти или ссылке, а лишь к денежному штрафу, так что Тимолай до самой старости мог жить в городе, пусть даже — как гласит предание — в бесчестии и без прежнего уважения.

В *Иллионе* в период с 323 по 281 годы тирании не отмечено, но сохранился в надписи закон, по-видимому, относящийся ко времени после битвы под Курупеднем (281), который подтверждает, что при господстве Лисимаха город на какое-то время был отдан тирану. В законе сказано, что демократический строй должен быть огражден от любых попыток установления олигархии или тирании. Как и в других аналогичных законах, принимавшихся ранее, например, в Афинах, главы олигархических группировок, тираны и тому подобные противники демократии считаются ее злейшими врагами. Поскольку этот документ не только проливает свет на возможность появления тиранов в первые десятилетия III века, но и содержит подробнейшие указания о вознаграждении за тираноубийство и о наказании свергнутых тиранов и их сторонников, он заслуживает более подробного рассмотрения.

Вначале устанавливается вознаграждение для тех, кто убил тирана, предводителя олигархов или совершивших покушение на демократию, причем вознаграждение зависит от того, являются ли убийцы полноправными гражданами, чужаками или рабами. Первые сразу же получают серебряный талант, позднее бронзовую статую, далее пожизненное питание в пританее и две драхмы ежедневно; их должны приглашать на публичные состязания для почетного присутствия. Те же отличия гарантируются чужакам, плюс к тому еще гражданство Иллиона и разрешение свободного выбора филы, куда их следует вписать. Рабы получают свободу, правомочность и, очевидно, положение метеков; кроме того, они сразу же получают 30 миш и затем по 1 драхме в день пожизненно. Почести первым двум группам настолько напоминают почести Гармонию и Аристогитону, что можно предположить подражание знаменитому афинскому образцу; новым же и соответствующим духу эллинистической эпохи является обеспечение пожизненной

пенной. Что же касается имущества устраненных врагов государства, то одна часть отходит полису, который возмещает ущерб пострадавшим от свергнутого режима гражданам; остаток может быть использован для вознаграждения освободителей. Если тиран, предводитель олигархов или другой насильник над демократией свергнут своими «соратниками», то им обеспечивается прощение за оказанную ему прежде помощь и каждый из них даже получает серебряный талант.

В следующем разделе закона речь идет о стратегах и должностных лицах, которые при тирании или олигархии исполняли свои должностные обязанности, а также о тех, кто взимал тогда с граждан деньги. Никто из них не имеет права ничего покупать либо принимать в залог или в приданое; такая сделка признается незаконной. Те, кому был причинен ущерб вышеуказанными лицами, имеют право без оценки их претензий получить в возмещение убытков все их состояние. Стратеги и прочие должностные лица, которые дважды занимал данную должность, обязаны также отчитаться за все прошедшие через их руки общественные средства, а также свои личные долги. Они могут быть привлечены к ответственности любым и в любое время, пока — уже при демократии — не будет вынесено судебное решение. Это относится также ко всем тем, кто при тирании или олигархии раздавал или брал деньги из общественных средств.

Следующая статья документа, первая часть которой в надписи не сохранилась, гласит, что состояние тех, кто при тирании или олигархии убил гражданина, наполовину отходит полису, а наполовину — детям убитого или его наследникам. Тот, кто в указанный период держал гражданина в оковах, в заключении или бросил в тюрьму, получает удвоенный по сравнению с обычным штраф и должен возместить ущерб в двойном размере. Далее, если при тирании или при олигархии каким-либо должностным лицом был убит гражданин, то все, проголосовавшие за это, признаются убийцами и как таковые могут быть привлечены к суду. Если кто-либо из них скроется от процесса, то

он теряет гражданские права и изгоняется навеки со своими потомками. Он не имеет права на замирение благодаря родственным связям со своим обвинителем или благодаря денежным выплатам. Если это произойдет, то оба подвергаются одинаковому наказанию. Все приобретения земли, домов, рабов и прочего имущества, которые были произведены тираном, вождем олигархов или гражданином, занявшим должностное положение при них, объявляются недействительными; купленное вновь возвращается к продавцу. Один параграф направлен против тех, кто при олигархии способствовал выборам квазидемократического совета или на квазидемократические должности. Они обязаны убрать имя тирана, предводителя олигархов или человека, который привел тирана к власти либо сверг демократию, со всех своих жертвенных даров, гробниц и изъять из списков жрецов. На надписях, которые кто-либо из вышеупомянутых сделал как частное лицо, следует вымарать весь текст, чтобы о нем не осталось никакой памяти. Жертвенными дарами должен распорядиться народ. Если жертвенный дар был сделан вместе с другими гражданами, то имя врага народа должно быть сделано хотя бы неузнаваемым. Наконец, в следующем разделе тем гражданам, которые использовали личные средства для его свержения, присуждается чествование публичным возложением венка и возвращением затраченных средств.

Целью этого закона, непримиримую ненависть которого к тиранам и всем прочим душителям демократии трудно превзойти, является устрашение не только тех, кто лелеет планы переворота, но и всех тех, кто готов стать на службу недемократическому режиму. Поэтому наказание, которое ожидает этих людей после свержения тирании или олигархии, значительно суровее, чем сравнительно мягкие предписания закона, принятого в Афинах после свержения правления «тридцати», целью которого было внутривполитическое умиротворение. Поскольку обычно при тирании органы полиса продолжали существовать, то в законе учитывается наличие стратегов и других выборных государственных чиновников при предполагаемой тирании, а также выборов

народным собранием. То же, без сомнения, относится и к совету в период тирании, хотя в соответствующем пункте, частично разрушенном, речь идет только о совете при олигархическом правлении. Нарушение демократического должностного регламента происходит, очевидно, тогда, когда одна должность занимает дважды. Поскольку тираны, как показывает уже пример Писистрата, оказывали влияние на внутривполитическую жизнь тем, что содействовали преданным людям в получении высоких должностей, то понятно, что во всех должностных лицах при тирании видели верных сторонников или услужливых ставленников тирана, которые действовали лишь для его или собственной пользы. Аналогично рассматривались председатели и заседатели судебных палат. То, что все понесшие во время тирании материальный ущерб от чиновника могли без подтверждения своих претензий получать от него возмещение ущерба, так же как общее заявление, что каждый, кто проголосовал за казнь гражданина, должен рассматриваться как убийца, показывает, насколько при принятии закона политические страсти возобладали над правовым мышлением. «Соратникам», под которыми можно понимать использованных тираном наемников или солдат из граждан, тоже грозит наказание; сохранившийся текст, впрочем, не уточняет его, поскольку эту группу он упоминает только как возможных убийц тирана. Точно так же текст больше ничего не сообщает о наказании, которое должно постигнуть самого тирана и его дом, но, учитывая радикальный характер других статей, а также закон Эреса времен Александра, можно с уверенностью сказать, что в Илионе за тиранию полагалась смерть, что родственники свергнутого тирана и его потомки, если им не полагалась также смерть, навечно изгонялись, далее, что все имущество дома конфисковывалось и, наконец, что тиран и все его ближайшие соратники торжественно проклинались. Разумеется, погребение его тела также было запрещено. Это напоминает аналогичные положения документа почти того же периода с острова *Нисирюс*, расположенного у карийского побережья, где в последний период царствования Лисимаха, по-видимому, существо-

вала больше нигде не встречавшаяся тирания. Вопрос о том, имел ли илионский закон обратную силу, связан с другим: предшествовало ли ему тираническое или олигархическое правление, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть, поэтому окончательное решение невозможно.

Как для Нисироса, так и для трех городов Ионии наличие тирании в III веке доказано, но, к сожалению, неизвестно, кто были ее носители. Остается также под вопросом, относятся ли эти тирании к периоду до 281 года. На острове *Хиос* воздвигнут памятник борцам, которые ценой собственной жизни убили тирана. В *Эретрии* или *Клазоменах* тиран был убит неким Филитом, которому восстановленная демократия воздвигла бронзовую статую с мечом. Когда олигархи, симпатизировавшие тирании, удалили этот меч, демос решил восстановить статую в первоначальном виде и по праздникам возлагать на нее венок. В *Теоесе* из страха, что командующий может сделаться тираном над присоединенным Кирбиссом, как это, очевидно, уже было, издали закон, который карал тирана изгнанием, проклятием и конфискацией имущества, а тираноубийцу объявлял незапятнанным убийством.

Если в этих трех случаях личность тирана для нас — лишь безымянный расплывчатый силуэт, то около 300 года появляются два тирана, о личностях которых нам кое-что известно. Вскоре после битвы на Ипсе (301 год) *Гиерон* из *Приены* стал владыкой своего родного города. Неизвестно, удалось ли ему это с помощью наемников, или благодаря поддержке большей части населения, или благодаря сочетанию обоих этих факторов. Скорее всего, верно последнее, поскольку доказано, что он, будучи тираном, пользовался поддержкой части граждан и занял укрепленные поселения в округе преданными ему войсками. Об исполнении им какой-либо должности ничего не известно. Господство Гиерона казалось потомкам жестоким: по обыкновению тиранов, он изгнал своих противников из города. Однако они были настолько многочисленны, что смогли захватить одно из укреплений и обосноваться там. Они совершали рейды по стране и обратились за помощью к

родосцам и эфесцам. Тогда как первые, по-видимому, уклонились, вторые прислали свою помощь при молчаливом согласии Энета, коменданта, размещенного Деметрием в Эфесе. Изгнанники считали себя, в отличие от большинства населения, которое было на стороне Гиерона, единственными легитимными гражданами Приены: они принимали собственные народные решения, а после того как заняли укрепленный пограничный замок Харакс, были официально признаны эфесцами в качестве союзников. При Гиероне, как и при большинстве тиранов, сохранились органы полиса, так что и в самой Приене могли приниматься народные решения. Гиерон, по-видимому, пожаловался Деметрию на поведение Энета и обратился к царю Лисимаху за содействием, но практически не получил никакой помощи. Подобно другим городским тиранам, ему пришлось понять, что в это время тирания без опоры на одного из диадохов не может рассчитывать на длительное существование. Изгнанникам удалось после осады проникнуть в город, свергнуть тирана и восстановить прежний политический порядок — событие, которое отмечалось с тех пор ежегодным праздником свободы. Что стало с Гиероном, нам не известно; как и некоторые его сторонники, он мог отправиться на Родос (298/297 гг.).

На *Самосе* после смерти Александра и конца аттической клерухии (233 год) также существовала тирания. Она была установлена *Дурием*, известным историком, но, по-видимому, уже его отец *Кай* был владыкой города. Если относить его владычество к раннему периоду диадохов, прежде чем остров попал под власть Антигона (306 год), то из-за недостатка доказательств остается непонятным, правил ли сын еще до этого момента или только в годы после битвы при Ипсе. Нам также ничего не известно о форме и характере его владычества. Тот факт, что *Дурий* и его брат *Линкей* были учениками *Феофраста*, следовательно, принадлежали к кругу перипатетиков, дает так же мало сведений, как и в отношении других тиранов — выходцев из Академии. Точно так же нельзя сказать, имели ли аitiaфинские тенденции, согласно историческому труду

Дурия свои корни в прежнем владычестве Афин над островом или связаны с последующим опытом автора. Не ясно, относятся ли его «собственные страдания», о которых он говорит в одном месте, к концу его тирании и последствиям, которые она имела для него. Однако конец тирании не совпадает с его смертью, поскольку он еще пережил захват острова Птоломеем II после битвы при Курупедии (281 год). То, что его не постигла судьба многих других тиранов, доказывает, что его правление было мягким.

Городские владыки на *Кипре*, которых было много при Александре и старших диадохах, так же как некогда Эвагор и другие тогдашние правители острова, были скорее законными царями городов и в основном происходили из старой династии. На надписях, макетах и в литературном предании они единодушно именуется царями. О тираническом превышении ими своих полномочий сведений нет. Если позднейшие авторы называют Никокрея из Саламина (331—311/310 гг.) «тираном», то это связано с тем, что он зверски убил последователя Демокрита Анаксарха из Абдер, который его затронул. Мужественный, презирающий смерть и мучения философ потребовал в качестве противника не царя, а тирана, поэтому как параллель приводится сцена между элеатом Зеноном и тираном Элеи. Следовательно, здесь просто использован излюбленный мотив, который во времена преимущественно моральной оценки тирана заклеивал царя Никокрея тираном, хотя он таковым, с политической точки зрения, не был.

2. Период правления Селевкидов (281—66 гг.)

Малая Азия

О двух столетиях после битвы при Курупедии, когда вся Малая Азия подпала под власть Селевкидов, дошедшее

до нас предание слишком скудно, чтобы можно было проследить за распространением греческой городской тирании на азиатской почве и в какой-то степени ясно обозначить формы, какие она здесь принимала. Очень тяжело провести четкое различие между тиранами, династами и губернаторами. Все же можно с достаточной уверенностью сказать, что ни Селевкиды, ни Птолемеи в греческих городах Малой Азии, которые были ими покорены, не способствовали появлению покорных им тиранов так, как это делали Антигониды на Пелопоннесе.

Старейшим властителем, который, предположительно, установил свою тиранию, является *Филетер* из *Пергама*. Сын некоего Аттала, он был со стороны отца, очевидно, македонского происхождения, тогда как его мать Боа происходила из азиатской пафлагонийской семьи. В юности, когда он, якобы вследствие несчастного случая утратил свою мужскую силу, он жил на родине в Теосе, одном из городов, который *Амастрис* впоследствии включила в новое поселение, названное ее именем. О его брате *Эвмене* пишут, что он около 279 года владел этим новым городом, но затем передал его понтийскому владыке Ариобарзану. По праву считается, что Эвмен был не тираном Амастриса, а губернатором, поставленным супругой Лисимаха Арсиноей, как это было и в Гераклее. Подобно своему брату Филетер возвысился на службе у Лисимаха, к которому он перешел в возрасте 40 лет еще до битвы при Ипсе, будучи в дружбе Докима. Последнему Антигон поручил управление своими богатствами. Филетер также получил в 80-е годы от Лисимаха в доверительное управление деньги, депонированные в Пергаме, в размере 9000 талантов. Но во время кровавого раздора в царской семье он отказался от своего господина и примкнул к Селевку, который, очевидно, пообещал ему передать во владение город Пергам и хранящиеся там богатства Лисимаха (283/282 гг.). Если раньше он был практически губернатором города, то теперь стал его владыкой и по положению ничем не отличался от тирана. О тирании напоминает большое богатство властителей, позволившее ему содержать сильную наемную армию;

сохранение органов полиса, глав которых, пятерых стратегов, властитель, однако, назначал сам, проявив себя в этом отношении деспотичнее, чем большинство тиранов. Кроме того, он воздвигал великолепные сооружения и рассылал жертвенные дары в ближние и дальние святилища. Это не может опровергнуть и признание верховенства Селевкидов, которое подтверждают монеты. И тем не менее ни Филетера, ни тем более его потомков нельзя причислить к тиранам. Вначале он был губернатором царя, затем изменил ему и сам занял его место не только по отношению к городу Пергаму, но и по отношению к другим городам. Вскоре после битвы при Курупедии и смерти Селевка ему удалось подчинить себе всю Мисию, то есть стать правителем значительной территории, и в предании его всегда называют «династ» и никогда — «тиран». Его положение, а также положение более поздних Атталидов по отношению к Пергаму соответствовало отношению эллинистических царей к их резиденциям. То, что многое напоминает о тирании, вновь показывает, насколько похоже отношение этих властителей, а также династов, к подвластным им городам на подлинную тиранию.

Настоящую тиранию мы встречаем в *Милете* в середине III века. Птолемей, сын царя Птолемея II Филадельфа, отказался от своего отца, обосновав в Эфесе и призвал на помощь столийского кондотьера *Тимарха*. Последний высадился на побережье южнее города, сжег свои корабли и начал борьбу за Милет. Комендант города, поставленный Филадельфом, при этом погиб. Надев его македонские одежды, Тимарх сумел обеспечить себе доступ в гавань, по-видимому, Самоса. Отсюда ему удалось захватить Милет, которым он отныне правил как тиран в течение двух лет (259/258 гг.). Перед нами вновь предстает известный еще в IV веке тип кондотьера-тирана. Его владычество, о характере и форме которого нам ничего не известно, было, по-видимому, вскоре свергнуто Селевкидом Антиохом II, который вернул Милету свободу и демократический строй, за что жители отблагодарили его воздаянием божественных почестей. Городская тирания, не жизнеспособная без опоры

на сильную внешнюю власть, была в Милете лишь кратким эпизодом. До конца III века, насколько нам известно, она оставалась на малоазийской земле единственной в своем роде.

Еще в меньшей степени, чем Филетер, могут считаться греческими городскими тиранами мелкие династы, правившие в центральной и юго-западной части Малой Азии, хотя, а возможно, потому, что они по примеру могучих владык основывали города и давали им свое имя. Как и у Докима, речь идет о людях македонского или также греческого происхождения, которые, занимая высокую военную или гражданскую должность, становились практически владыками территорий. Так, *Фемисий*, фаворит Антиоха II, в Южной Фригии, в области, по-видимому, подаренной ему царем, основал город Фемисоний; *Лисаний* (называемый также кратко Лисий), династ из Фригии, два десятилетия спустя основал на своей территории город Лисий, а его сын *Филомел*, следуя по стопам отца, стал основателем Филомелия. Кроме Лисания, среди династов, которые материально помогли в 227 году в восстановлении разрушенного землетрясением города Родоса, упоминаются неизвестный нам *Лимней* и *Олимпих*, резиденция которого, по-видимому, была в Алинде. Олимпиха также нельзя назвать тираном, напротив, он был формально стратегом Карики при Селевке II, затем при Филиппе V, но фактически являлся династом области, в которой ранее подобное положение занимали Гекатомениды. По неопубликованной надписи можно заключить, что вблизи Латмосских гор, очевидно, в Гераклее, во времена Антиоха II правил тиран, который был насильственно смещен. Примерно в это же время Кеосом правил некий Молнагор. Благодаря ловким действиям и речам он сделался предводителем толпы, взбунтовавшейся против богатых, и в силу этого в качестве народного вождя обеспечил себе положение монарха, напоминавшее тиранию. Впрочем, возможно, что устранение и изгнание имущих происходило не по его приказу, а по решению народа. Во всяком случае, конфискованное имущество он не присваивал себе, а распределял среди беднейшего населения. К сожалению, нет никаких сведений, существовали

ли в других городах Малой Азии подобные проявления социальной напряженности.

Сомнительно также, чтобы некоторые властители в ликийско-писидийском пространстве, которых называли тиранами, действительно были таковыми. То, что они были в основном местного происхождения, не могло помешать им становиться греческими тиранами, поскольку сами они были в значительной степени эллинизированы и правили городами с греческим устройством полиса; однако все же возникает вопрос, идет ли речь о настоящих владыках города или, скорее, о династах, если вообще не о главарях разбойников. Относящаяся к началу III века надпись в ликийской *Аполлонии* сообщает о тиранах прежних времен, однако речь может идти о династах, наподобие известных в IV--V веках мелких македонских властителей, как, например, Антипатрид, который после смерти Александра обосновался в Телмессе. После того как Ликия самое позднее в 280 году перешла во владение Лагидов, этот же город Птолемей III около 240 года передал сыну царя Лисимаха и знаменитой Арсиной *Птоlemeос**, и его потомки правили здесь до II века. Эти члены царского дома не были тиранами, скорее, вице-королями территории, включавшей также и Телмесс. Они выпускали собственные распоряжения и с попустительства центральной власти занимали все более самостоятельное положение.

Иначе обстояло дело с ликийцем *Моагетом*, который в надписи, относящейся к 180 году, назван тираном, предположительно города *Бубон*. Во всяком случае, за некоторое время до этого, видимо, еще до того, как Антиох III завоевал Ликию (197 год), он вместе с бубонцами совершал грабительские набеги; кроме того, он находился в каких-то особых, теперь уже непонятных отношениях с городом *Кибир*, возможно, даже зависел от него, ибо жители *Араксы*, которой грозил *Моагет*, направили посланников сначала в *Кибир*, а потом к нему. Согласно *Полибию*, который изображает его жестоким и коварным, в 189 году он был

* Жена Лисимаха, потом последовательно своих братьев — Птолемея Керавна и Птолемея II Филадельфа.

тираном *Кибир*, *Силлеона* и еще одного «города, расположенного на болоте». Тогда после острых столкновений с римским военачальником *Манлием Вульсо* он, выплатив 100 талантов и 10 тысяч медимнов зерна, добился установления дружбы с римским народом. Следовательно, *Моагет* располагал значительными средствами и плодородными областями, которые позволили ему сохранить свое положение. Его преемником в тирании над *Кибирой* стал *Паукритт*. Однако до 167 года он либо сам сложил с себя тиранию, либо был свергнут. В *Бубоне* в середине века также больше не было тиранов. Ибо некий человек из этого города, которого, вероятнее всего, звали *Моагет (II)* и который наверняка был родственником тирана того же имени, незадолго до 140 года был избран писидийцами стратегом на основании глубокого к нему уважения; он использовал эту должность, чтобы стать владыкой *Бубона*. Он окружил себя лейб-гвардией и в остальном также вел себя как тиран. Однако через некоторое время он был убит своим братом *Семием*, который и захватил владычество, пока подростки сыновья убитого не отомстили за своего отца, но вместо того, чтобы вновь поработить город, вернули ему республиканский строй. О *Кибире* в этой связи ничего не известно, однако *Страбон* утверждает, что *Тетраполис*, охватывавший предместья *Бубона*, *Бальбуры* и *Ойпоанды*, всегда находился под властью тиранов, правление которых, по всей вероятности, было мягким. Лишь римский полководец *Лициний Мурена* положил конец господству *Моагета III* и присоединил *Бубон* и *Бальбуру* к *Ликийскому союзу* (84 год до н.э.).

Что касается характера тирании над этими городами, то следует отметить, что при первом *Моагете* жители *Бубона* и *Кибир* участвовали в боях против *Араксы*, следовательно, граждане не были разоружены. Поэтому их отношения с тираном не могли быть враждебными. Это подтверждает и свидетельство *Страбона* о мягком правлении властителя, и тот факт, что второй *Моагет*, будучи членом семьи тирана, до восстановления тирании спокойно проживал в *Бубоне*, и также требование родосца *Полиарата* принять его в

Кибире, поскольку он воспитал у себя детей Панкрата. Лишь при Моагете II, окружившем себя лейб-гвардией, и его преемнике Семии, пришедшем к власти через братоубийство, режим стал непопулярен, так что после устранения последнего сыновья Моагета II сочли наиболее разумным дать Бубону свободу. Хотя об отношении властителя к обоим полисам ним ничего более точного не известно, нельзя сомневаться в существовании настоящей тирании. При Моагете I и, возможно, при Панкрате она распространялась на Бубон, Кибиру, Силей и «город на болоте», при Моагете II и Семии — на Бубон и, очевидно, на Кибиру и оба других города, поскольку третий Моагет появляется как тиран Кибире. Можно предполагать, что также и Бальбура, и Ойноанда как территории Тетраполиса фактически подчинялись тирану Кибире. Таким образом, как подсказывает скудное предание, речь идет о тирании над многими городами, которая с перерывами передавалась по наследству в семье первого Моагета.

Кроме того, в период до 180 года сообщается еще и о других тиранах в Ликии, которые, возможно, были с ним связаны. *Лисаний* и *Эвдем* после кровопролитных боев завладели *Ксанфом*. Чем закончился поход Ликийского союза против этих двух властителей, нам не известно, но Эвдем, а возможно, и Лисаний, бежали. Когда первый вскоре завладел городом *Глосом* и установил здесь тиранию, его атаковали силы союза и одержали верх. Точно так же в расположенной недалеко от *Араксы Орлоанде* в это же время был свергнут тиран, после чего освобожденная община была принята в Ликийский союз. Как и Ахейский союз в греческой метрополии, он проявил себя принципиальным борцом с тиранией и защитником республиканского строя. Однако с владыками Кибире и Бубона он не справился, так же как и с соседними горными пещерными властями, область которых, по сообщению Страбона, была поделена на владения тиранов. Однако вследствие малого количества городов и слабой эллинизации здесь не приходится говорить о греческой городской тирании, тем более что точно доказан разбойничий образ жизни здешних властите-

лей. Таким образом, предполагаемые тираны там являются и действительно атаманам разбойников, которые временно подчинили себе всю область.

Атаманами разбойников были, очевидно, и «тираны», подчинившие, по свидетельству Страбона, на некоторое время «уровню Киликию», которая обычно подчинялась верховным жрецам расположенного неподалеку святилища Зевса. Затем они были изгнаны либо римлянами, с 103 года закрепившимися в этой местности, либо только в середине I века Зенофаном, который тогда узурпировал жрецское господство. Напротив, эпикуреец *Лисий* из *Тарса* в «равнинной Киликии» проявил себя как настоящий городской тиран. Избранный стефанофором, то есть жрецом мифического ойкиса Геракла, он после истечения законного срока не сложил с себя полномочия, которые были связаны со значительным политическим влиянием, а установил свою тиранию. Он одевался в наполовину пурпурный, наполовину белый хитон, накидывал на плечи драгоценное верхнее одеяние и носил белые сандалии и золотой лавровый венок. Имущество богатых он распределял среди бедных, сопротивлявшихся убивал. На маласийской территории в эллинистическую эпоху Лисий наряду с Молпагором из Киоса был единственным тираном, у кого подтверждаются социально-революционные мероприятия и который не был орудием внешних сил. Однако скудость нашего предания не позволяет сделать вывод, что оба названных властителя были действительно единственными тиранами такого рода. Невозможно поверить, чтобы Лисий мог вести себя подобным образом на глазах римского наместника, находящегося в Тарсе, и даже вообще мог бы стать тираном. Ввиду отсутствия прочих хронологических данных его деятельность скорее можно отнести к тому времени, когда Тигран из Армении распространил свою власть на Киликию (83—69 гг. до н.э.), чем ко времени Антония или даже Августа.

Римляне после захвата Малой Азии, так же как и в Греции, не поддерживали тиранические режимы. Совершенно иную политику проводит Митридат VI Понтийский при укреплении своей власти над западной Анатолией. Нам

известно, что царь распределил среди своих друзей богатства, династические и тираннические владения; мы можем назвать из периода его первой большой войны с Римом, по крайней мере, два подобных случая. Так, Колофон в это время находился под властью тирана Эпигона, которого Лукулл устранил в 85 году, а Траллей — под властью сыновей некоего Кратитта, которые также установили тираннию. Очевидно, они были гражданами этих городов, а не назначенными царем губернаторами, как, например, Филопоим в Стратоникее, отец его супруги Монимы, которого он поставил надзирать на Эфесом. Разумеется, и его, и прочих охранял понтийский гарнизон, на оружии которого держалось их господство, так же как Аристий утвердил свою власть в Афинах с помощью войск полководца Архелая. Таким образом, Митридат для подчинения греческих городов на западе Малой Азии использовал те же средства, что и столетия назад Дарий I. И в начале его последней войны против Рима наблюдалось нечто подобное. Тогда в Адрамиттии некий Диодор, гражданин и стратег города, чтобы услужить царю, убил членов явно антиримского совета, и вполне вероятно, пусть и не подтверждено преданием, что таким образом он установил свою тираннию. В демагогической ловкости у бывшего защитника и оратора не было недостатка. При отходе Митридата из окрестностей Адрамиттии он последовал за ним в Понт, был обложен своими согражданами тяжелейшим штрафом и покончил с собой, предположительно потому, что, стараясь казаться учеником Академии, не вынес позора.

Кирена

Под властью Птолемеев немногие греческие полисы Египта и города Кипра не переживали тираннии. Кирена же переживала тираннию в те периоды, когда правление Лагидов здесь прерывалось или приходило в упадок. Очевидно, около 250 года, когда Деметрий Красивый, сводный брат

македонского царя Антигона Гоната, правил Киренаикой и предоставлял ее городам довольно значительную самостоятельность, известные нам по своей деятельности на Пелопоннесе тираноборцы академики Экдел и Демофан по желанию граждан Кирены изменили ее конституцию и, как передают, сохранили их свободу, но предание упоминает лишь предшествовавшую внутреннюю смуту, а не тираннию. Тиранния, по-видимому, появилась лишь столетие спустя, около 163/162 года. Тогда киренцы в войне с одним из Птолемеев, предположительно Птолемеем Фисконом, братом Птолемея VI Филометора, призвали этолийского кондотьера Ликопа и передали ему руководство общиной. Гибель большей части киренского гражданского ополчения в бою позволила ему установить «монархию», то есть тираннию, о которой, к сожалению, известно лишь то, что она принесла тирану такое единодушное поношение со стороны женщин города, что он казнил их в большом количестве, причем некоторые сами шли на смерть. Тиранния осталась лишь кратким эпизодом в истории Кирены.

То же относится и к тираннии некоего Никократа и его брата Леандра, о которой кроме кратких сведений имеется еще и романически изукрашенный рассказ. Незадолго до своей смерти (96 год до н.э.) сын Птолемея VIII Апий, которому была выделена Киренаика, завещал эту землю римлянам; они, однако, не взяли ее в свое управление, а объявили города свободными. Следствием явились внутренние смуты и борьба, в ходе которой Никократу удалось стать тираном города Кирены, а возможно, и других общин, очевидно, при поддержке низших слоев населения. Он изображается как жестокий деспот, который не только совершил много преступлений, изгнал и казнил многих граждан, но и сам проверял у городских ворот погребальные процессы, чтобы из Кирены тайно не выносили живых. Он принудил к браку Арегафилу, красивую и умную дочь египетского Никократом киренца Федима, которая, несмотря на его искреннюю любовь и даже свое участие в правлении, задумала убить насильника ее родного города. После того как попытка отравления не удалась, она отдала в

жены свою дочь (от первого брака) брату Никократу Леандру и вовлекла его в свои планы. Леандр убил тирана с помощью раба Дафния. Однако Аретафила увидела, что ее зять нарушил обещание возратить Кирене свободу и хочет сам стать тираном. Поскольку она была сопрательницей Леандра, она намеренно вовлекла его в войну против ливийского правителя Акаба, однако затем, ссылаясь на опасное недовольство его друзей и офицеров, предложила свои услуги для переговоров с Акабом, чтобы урегулировать конфликт. Она предложила ливийцу большие деньги, чтобы он во время переговоров схватил Леандра. Леандр вначале оттягивал переговоры, собираясь дожидаться своей лейб-гвардии, но затем попал в ловушку и в присутствии Аретафилы и нескольких киренейцев был захвачен Акабом и выдан гражданам города. Его утопили в мешке, а его и Никократа мать Кальбию, которая была злейшим врагом Аретафилы, предположительно, сожгли заживо. Безмерно почитаемая народом освободительница отказалась от участия в установлении олигархического правления «лучших» и ушла в частную жизнь.

Какими бы сомнительными в этом рассказе ни были романтические черты, типичные клише образа тирана и даже имя «любящей добродетель» Аретафилы, не приходится сомневаться в установлении в 93/92 гг. тирании Никократа и затем его брата, а также в их насильственном конце, учитывая точные детали изложения. Характерным для Греции этого периода является то, что один из самых достойных эллинских городов, пробыв два столетия под властью Птолемеев, не сумел распорядиться своей свободой и вновь достался тирану. И при введенном после смерти Леандра олигархическом правлении смута, по-видимому, не прекратилась. Лишь Лукулл положил ей в 86 году до н.э. конец, установив в Кирене умеренно демократический строй. С тех пор тирании в Киренаике больше не было; функционировавшая там с 74 года римская провинциальная администрация подавила бы любую такую попытку в корне.

Ближний Восток

Еще сложнее, чем для Малой Азии, определить для Сирии и соседних стран, какие властители, именуемые в предании тиранами, действительно являлись греческими тиранами или просто тиранами, как это понимали греки. Даже если старые восточные города эллинизировались до такой степени, что их можно уподобить греческим полисам, и если людей местного происхождения, принявших греческие имена, считать греками, все равно часто остается открытым вопрос, о ком идет речь: о местных владыках города, верховных жрецах храмовых государств, владеющих территориями династиях, губернаторах царя или действительно о деспотах, соответствующих греческому представлению о тиранах. Как много говорит простое наименование «тиран», пусть даже употребляемое не только в моральном смысле, о характере и форме монархического владычества, уже достаточно часто демонстрировали наши основные авторитеты по истории городов Передней Азии — Страбон и Иосиф. Однако объективные сведения, которые они приводят, в основном настолько скудны, что крайне редко позволяют определить политическую структуру.

В трансйорданской *Филадельфии* во времена Антиоха Сидета (139/138—129 гг.) тираном был *Зенон Котил*, сын которого Феодор подчинил себе также Герасу, Гадару и Аммиф (около 100 года). Таким образом, настоящая тирания в Филадельфии могла стать центром обширной подвластной территории, которая, впрочем, вскоре могла быть ограничена иудейским царем Александром Ианнаем до Филадельфии и Герасы, а при сыне Феодора Зеноне — опять одной Филадельфией; но точных сведений об этом нет. *Дора* на рубеже I—II веков тиранически владел поселением *Дора* на побережье южнее Кармела, а также *крепостью Сиратона*. Имея наемную армию и учитывая распри между Селевкидом Антиохом VIII Грипом и Антиохом IX Киниским, он питал надежды на еще большую «тиранию»,

которой, однако, не достиг, поскольку был разбит своим бывшим союзником Птолемеем XI Лафиром в союзе с Александром Ианнаем. Еще более сомнительна в конце 80-х годов I века тирания некоего *Деметрия* над *Гамелой*, и другими поселениями восточнее Геннисаретского озера, тем более что сам Иосиф называет его не тираном, а архонтом, следовательно, считает руководящим чиновником. Предполагать существование греческой тирании, скорее всего, можно в *Берое*, новом городе, основанном первым Селевком в северо-восточной Сирии, которая, разумеется, имела эллинистическое государственное устройство. Здесь, по-видимому, единолично властвовал *Дионисий*, сын Гераклея, после того как в 96 году он убил Селевкида Антиоха VIII Грипа. Он мог подчинить себе также меньшие города, такие как Бамбик и расположенную восточнее Антиохии Гераклею. Был ли *Стратон*, который около 88 года являлся тираном Берои и, по-видимому, его преемником, сыном Дионисия, сказать точно нельзя.

Названные правители являются не единственным примером того, что полный распад царства Селевкидов способствовал появлению местных властителей в Сирии и в соседних странах. Когда в 64 году в этих областях появился Помпей, он застал большое количество властителей городов, правлению которых положил конец. Кроме еврея *Сила*, правившего *Лисием* в среднем течении Оронта, предание называет также *Кипира*, тирана *Библа*, и *Дионисия*, тирана города *Триполиса*, расположенного значительно севернее по побережью. Оба погибли от руки палача, когда породнившийся с Дионисием *Птолемей*, сын Меннея, смог купить дальнейшее существование своего владычества, которое он осуществлял уже более 20 лет и позднее завещал своему сыну *Лисанию*. Эти владыки и Менней были в меньшей степени тиранами городов, чем династиями итурского рода. О характере и форме владычества настоящих городских тиранов нам ничего не известно, как и то, пришлось ли им противостоять сильной оппозиции или же тираническое правление спокойнее переносилось жителями

Ию года, привыкшими к деспотии, чем гражданами греческих или сильно эллинизированных общин Малой Азии. Возможно, что казнь Сила и Дионисия Помпеем отвечала желанию их подданных.

Наконец, решение вопроса о том, могли ли в Парфянском царстве с его эллинизированными формами управления существовать тираны, сталкивается с теми же трудностями государственного-правового определения, которые для Малой Азии и сирийских стран лишь редко допускают ясный ответ. Наследование должности стратега в Дура-Европосе, несмотря на определенный тиранический элемент, не считается признаком существования тирании. О *Вавилоне* и *Селевкии* на Тигре Посейдоний сообщает, что *Гимер* с тремя сотнями человек стал тираном обоих городов, а по монетам можно определить, что этот человек был назначен парфянским царем Фраатом II в 129/128 гг. губернатором Месопотамии, с 124 по 122 год правил независимо от своего повелителя, однако здесь речь идет, очевидно, о территориальном правлении, носитель которого по отношению к городам занял место парфянского царя. Наименование «тиран» относится здесь, скорее, не к государственно-правовой ситуации, а к жесткости режима. Другие писатели рассказывают, что Гимер правил с «тиранической жестокостью» или даже «более жестоко, чем все тираны». В двух других источниках, напротив, подтверждается вероятность существования настоящей тирании. Сообщается, что тогда, когда Кресс продвинулся против парфянцев (53 год), городом *Ниневодотиином* правил тиран *Аполлоний*; далее, что *Андромах* из *Каррхея* в награду за то, что предательски заманил Кресса и его войско в ловушку, получил тиранию над своим родным городом, но впоследствии из-за своей жестокости был сожжен вместе со всей семьей. Если в случае Аполлония можно думать о назначенном парфянским царем губернаторе, то у Андромаха и вознаграждение в виде города за оказанную услугу, и страшная месть, которую осуществили жители Каррхея, свидетельствуют о том, что здесь действительно местный гражданин установил тиранию над родным городом. Признательность царя которой он был

этим обязан, и последующее покровительство владыкам городов в Сирии со стороны парфянцев, о котором речь еще впереди, подтверждают, что парфянские цари нередко старались обеспечить послушание эллинизированных городов посредством назначения или поддержки тиранов, как это ранее делали персы по отношению к греческим городам Малой Азии и ближних островов.

3. Период римского владычества (с 66 года до Августа)

В течение последнего полувека своего существования Римская республика, как и прежде, не прибегала к назначению или поддержке тиранов для закрепления своего господства над греческими городами. Если все же в восточных землях империи встречались тираны или тираноподобные личности, пусть и в небольшом числе, то лишь из соображений политической целесообразности, поскольку было выгодно иметь в некоторых областях преданных людей и роли владыки города, а также потому, что в гражданских войнах покровительство подобным владыкам могло быть выгодно для борющихся между собой великих мира сего. Вновь не следует принимать во внимание территориальные династии, на землях которых находились греческие города и которым они были даны Помпеем или позднейшими римскими военачальниками на Востоке. Ближе к тиранам, чем эти территориальные владыки, стоят высшие жрецы крупных святилищ; они были владыками городов, в которых или рядом с которыми находились их храмы. Здесь речь идет о чистом владении городом; оно в основном передавалось по наследству в греческих семьях и может считаться законным. Впрочем, *Зенофана*, члена жреческой династии в Ольбе в Киликии, которая вела свое происхождение от Тевкра, Страбон называет тираном, причина чего,

однако, скорее всего, заключается в том, что этот человек, не имея права на наследование, узурпировал жреческий пост (середина I века). Сочетав свою дочь Абу браком с законным наследником, он в какой-то степени легитимировал собственное положение, которое, впрочем, передал не зятю, а Абе и в течение всей своей жизни оставался ее регентом. Несмотря на это, владычество Абы, простиравшееся на обширные территории, воспринималось как противоправное и тем самым как тираническое. Хотя вначале ей удалось закрепиться благодаря благоволению Антония и Клеопатры, которых она в 41 году привлекла на свою сторону, все же позже она была свергнута.

Как уже упоминалось, тиранами называли и атаманов разбойников в Киликии и соседних гористых областях. К ним можно отнести *Мойрагена*, который около 50 года до н. э. распоряжался в Тавре. Однако *Антипатр* из *Дербе* в Ликаонии не принадлежал к их числу, хотя противники и называли его разбойником. Это можно исключить хотя бы на основании того, что во времена каликийского наместничества Цицерона (51/50 гг.) он был связан с ним не только узлами гостеприимства, но и очень близким общением. Трудно сказать, каким образом этот человек, чье имя и имя отца которого (*Перилай*) свидетельствуют о македонском происхождении, завладел городами *Дербе* и *Лараида*. Нельзя отвергать возможность, что это произошло с помощью Помпея. Поскольку господство Антипатра ограничивалось этими двумя городами и не охватывало других территорий, далее Страбон называет *Дербе* «резиденцией тирана», — можно действительно думать о тираннии. Ее существование подверглось угрозе уже в 54 году, когда правитель провинции Марций Филипп захватил сыновей Антипатра, об освобождении которых ходатайствовал Цицерон. Тем не менее тирану и дальше удавалось удерживаться у власти, даже в смутные времена после смерти Помпея, пока он, по-видимому, после битвы при Акцие, не был побежден царем галатов Аминтой.

В середине первого века относится владычество двух женщин над *Прусием на море*, прежним Киосом. Их звали

Муза Орзобарис и Ородалтис, и обе они именовали себя «царицами». Они известны нам лишь по монетам, которые не дают ни точной хронологической фиксации, ни определения характера их правления, о котором можно лишь предположить, что оно было тираноподобным. Точно так же остается неясным, является ли Орзобарис дочерью великого Митридата того же имени, которую Помпей привел к своему триумфу и которая позже получила город Пруссий, а также был ли Ликомед тем самым отцом Ородалтис, которому Цезарь обеспечил жреческое правление в понтийском Комане. Нельзя причислять к тиранам некоторых уважаемых и богатых людей, например, *Митридата из Пергаля*, который поддерживал в Египте Цезаря войсками, оплаченными, очевидно, из его средств. Такие люди, разумеется, играли ведущую роль у себя на родине, но нет никаких признаков их тиранни или тираноподобного владычества.

В сирийских землях и после утверждения в провинции Помпея (64 год) продолжало существовать множество династических и тиранических владений. С последними проконсул Габиний в 57/56 г. заключил договоры о денежных выплатах, а помпеец Метелл Сципион после битвы при Фарсале взыскал с них большие суммы. К династии, очевидно, принадлежал *Птолемей, сын Созма*, которого в 47 году называли «тираном Ливана», хотя в действительности, как и ранее упоминавшийся Птолемей, сын Менелая, он был одним из местных территориальных владык. После смерти Цезаря, когда Сирией стал править Кассий, число подобных владык и в особенности городских тиранов возросло. Недаром Иосиф утверждал, что вся страна тогда (в 43/42 годах) была поделена на тиранические владения. Из числа тиранов, которых Кассий посадил или которых благоволил, нам известен лишь *Марий из Тура*; его власть распространялась даже на Галилею. И после смерти своего патрона он сумел удержаться у власти благодаря помощи парфян, продвинувшихся в 40 году на запад. Доказано, что они благоприятствовали тогда, а возможно, и после поражения Красса (53 год) тиранам в Сирии, которые тоже искали их поддержки. Лишь начатая Антонием Парфянская

война (38—36 годы) привела к свержению владык городов, находившихся в зависимости от парфян.

Если здесь триумvir по политическим мотивам устранял тиранов, то возникает вопрос: не благоприятствовал ли он им во время своего правления в Малой Азии (41—31 годы), когда этих мотивов не было. Он, по-видимому, продавал должности династов или принуждал правителей и города к денежным выплатам, но мог поддерживать тиранию преданных людей над греческими общинами и для укрепления своего положения в борьбе с Октавианом. Однако предание не упоминает ни одного владыку города подобно рода. Не грек, а сын одного галатийского правителя *Адиаторикс* получил от Антония эллинистическую область *Гераклеи Понтийской*, где со времен Цезаря существовала также римская колония, жители которой, поддерживавшие Октавиана, перед битвой при Акции были убиты Адиаториксом, вероятно, по приказу Антония. Поэтому позднее он вместе с супругой и детьми был проведен в триумфе, а затем казнен. Если в данном случае можно говорить об установленной Антонием зависимой тирании эллинизированного галата над полисом Гераклея, то у правившего в это же время Амасом *Стратона* подобных отношений с триумvиром не существовало. Скорее, Антоний передал город «царям», под которыми, видимо, нужно понимать Птолема I и его дом. Таким образом, тиран, потерявший из-за победы Октавиана владычество, если не жизнь, находился в зависимости. О характере его правления ничего не известно.

В случае знаменитого ратора *Гибрея* из *Миласы*, который как до этого богатый Эвфидем — занимал в своем родном городе почти монархическое положение, непосредственное покровительство Антония не доказано. Гибрей, занимавший должность рыночного надсмотрщика, после битвы при Филиппах* сумел благодаря своей демагогической ловкости стать влиятельным человеком в Миласе; положение это он сумел себе вернуть и после временного изгнания младшим Лабиемом, парфянским полководцем.

* Антоний и Октавиан против Брута и Кассия (42 г. до н. э.)

Тираном его назвать нельзя, поскольку даже Страбон не употребляет в его отношении этого слова, а ограничиваясь замечанием, что в его действиях, направленных на полку полиса, было «нечто тираническое». Так же, как Гибрей из Миласы, *Зенон* из фригийской Лаодикеи удержал свой родной город от сближения с Лабиемом. Не установлена его тесная связь с Антонием; на нее пошел, очевидно, лишь его сын *Полемон*, которого Антоний сделал вначале царем части Киликии, а затем Понта. Ничто также не указывает на то, что *Зенон* был кем-то большим, чем ведущим политиком Лаодикеи. Фаворитом Антония был *Боеф* из *Тарса*, попавший в любимчики благодаря стихотворению на битву при Филиппах. Антоний поставил его своим заместителем на должности гимнасиарха и передал ему также полномочия по сбору средств для обеспечения необходимого гимнасии масла. Точно не известно, какие злоупотребления он при этом допустил, что дало повод его благодетелью для обвинений, и верно ли утверждение Страбона, что он разграбил весь город. Однако этого недостаточно, чтобы считать *Боефа* тираном *Тарса*. Лишь после катастрофы Антония его земляк *Афенодор* в силу данных *Августом* полномочий изгнал его.

Если в Малой Азии не было тиранов, которые могли бы считаться ставленниками Антония — речь не идет о территориальных властителях, — то на острове *Кос* триумфатор не только благоприятствовал тирании, но, возможно, даже стал причиной ее возникновения. *Никий*, ученый, богатый и обладающий глубоким внутренним миром гражданин города, с 50-х годов многократно бывал в Риме и завязал личные отношения с *Помпеем*, *Цицероном* и другими значительными людьми. Он даже имел римское гражданство. В 44 году он вновь надолго осел на *Косе* и благодаря своим связям с *Брутом* и *Кассием* даже сумел предотвратить их вторжение на остров. В 41/40 гг. он установил на острове свою тиранию. На монетах последующих восьми лет выбиты его имя и портрет, но в то же время и имена чиновников данного года; следовательно, здесь и при тирании сохранялось коммунальное управле-

ние. По-видимому, *Никия* поддерживал не только *Антоний*, но и народ, для которого он, очевидно, кое-что делал. *Иппиниси* восхваляют его как героя и благодетеля, даже сына демоса, — звание, которое позволяет сделать вывод, что *Никий* формально был усыновлен демосом. Разумеется, и у этого тирана не было недостатка во внутривитических противниках, которых возглавлял музыкант *Феомнест*. Вначале возникает мысль о сопротивлении олигархов, но, учитывая позицию народа в последующий период, можно предполагать и растущую оппозицию демоса. Тем не менее *Никий* умер в 32 году естественной смертью, оставаясь у власти, хотя после свержения его покровителя *Антония* тело тирана вытащили из гробницы, а со служебных списков вывели имена жрецов, которые при нем исполняли свои обязанности. По-видимому, это было сделано для того, чтобы дистанцироваться от своего прошлого перед *Октавианом*, который, впрочем, относился к городам мягко, ибо как тиран *Никий* продолжал жить в сознании народа. Дети на *Косе* пересказывали историю, что когда он был еще частным человеком, его овца разродилась львенком — предвестие будущей тирании.

Октавиан после победы над *Антонием* устранил некоторых царей и династий, которых поддерживал его соперник, в том числе *Адиаторикса* из *Гераклеи*. Другие остались на своих местах, а те, кто успел вовремя отказаться от *Антония*, даже пользовались милостью. Так, разбойник *Клеон*, который закрепился некогда в *Гордиу-Коме* в Среднем Салонике и в столкновениях с парфянским полководцем *Лабиемом* помогал *Антонию* (40/39 гг.), после измены ему даже расширил свои владения и, по словам *Страбона*, превратился в династа. Он правил в *Гордиу-Коме*, переименовав его в город *Юлиуполь*, но жреческое правление *Абреттенной* ювнее мисийского *Олимпа*, которое он получил вместе с местностью *Мореной*, превращает его в территориального владыку. Должность жреца в *Комане* *Понтийской*, которая ему была передана незадолго до смерти, ничего общего с тиранией не имеет. Точно так же не может считаться тираном своего родного города стоик *Афенодор* из *Тарса*.

Учитель и доверенное лицо Октавиана, он после его победы над Антонием вернулся на родину и данной ему Октавианом властью добился, чтобы наиболее влиятельный до этого в Тарсе Боеф был изгнан народом, после того как Афенодор напрасно пытался договориться с ним и его сторонниками полюбовно. Дожив до преклонного возраста Афенодор стоял во главе общины, не занимая при этом длительное время какой-либо должности, и пользовался расположением народа, который даже воздавал ему после смерти героические почести. Его место занял Академик *Нестор*, который был единственным учителем юного Марцелла, находился в хороших личных отношениях с Августом и так же, как и его предшественник, пользовался расположением граждан Тарса. Хотя в обоих случаях о тирании напоминают отсутствие официальной основы и поддержки властителя, о ней можно говорить еще меньше, чем в случае Эврикла в Спарте. То, что некогда было или могло стать тиранией, теперь, в рамках прочной империи, стало положением, основанным на доверии императора и одобрении граждан, — положение, отсутствием определенной должности и практическим влиянием напоминающее положение простата демоса в классический период. «Тираном» на малоазийской земле после битвы при Акции называли только не известного нам по имени человека, который, однако, был не греческим властителем города, а главой племени гомонидеев на Трогитском озере. Он был убит в 25 году до н. э. Амнтой, царем галатов.

Глава III ГРЕЧЕСКИЙ ЗАПАД

1. Агафокл

Греческие города Сицилии, которые Тимолеон освободил от власти тиранов или карфагенян и объединил в симмахию под руководством Сиракуз, в течение двух десятилетий после его смерти (337/336 гг.), очевидно, не испытывали внутренних потрясений. В самих же Сиракузах вскоре после смерти коринфянина произошли изменения с широко идущими последствиями. Здесь, несмотря на установленную Тимолеоном умеренную демократию, власть отошла к олигархической группировке, которой предводительствовали Гераклит и Сосистрат. Оппозиция демоса создала взрывоопасную атмосферу, в которой ловкий и смелый демагог вполне мог бы, выступая защитником широких масс, обеспечить себе большую поддержку и с ее помощью осуществить свои честолюбивые планы. К началу 20-х годов такой человек появился: Агафокл. Его отец Каркин был родом из Регия, но был оттуда изгнан и обосновался в городе Фермы на северо-западе Сицилии, который был карфагенским владением. Там он женился на местной женщине, которая родила ему сыновей Антандра и — в 360 г. — Агафокла. То, что нам известно о его юности, это либо легенды, которые обычно окутывают детство будущих властителей, либо злобная клевета сосланного Агафоклом

впоследствии историка Тимея из Тавромения, среди прочего утверждавшего, что будущий тиран был некогда продажным мальчиком для удовольствий. Тем не менее известно, что мальчик вырос у своего дяди с материнской стороны Гераклида. Каркин, содержащий керамическую мануфактуру, в которой сын обучался горшечному ремеслу, когда Тимолеон собирал по всей Сицилии поселенцев в Сиракузы, последовал его призыву и получил права гражданства для себя и своих сыновей. По-видимому, он принадлежал к зажиточным кругам города, потому что его старший сын Антандр при господстве олигархов достиг должности стратега. Сам Агафокл отличился еще при Тимолеоне в борьбе против кампанцев в Этне в качестве командира отделения, а через несколько лет в войне с Акрагантом был уже хилиархом, то есть командиром большого подразделения, положение, которым он, по-видимому, был обязан богатому сиракузцу Дамасу. Женившись вскоре на его вдове, он получил во владение большое состояние, которое помогло ему выйти на авансцену политической жизни.

Он старался не примыкать к господствующей гетерии так называемых «шестисот», а стать представителем толпы в народном собрании, где смог бы продемонстрировать свои необычайные ораторские и демагогические способности. Вскоре он почувствовал неудовольствие олигархов. Хотя Агафокл как участник экспедиции в помощь олигархам Кротона против местного демоса проявил невиданную смелость в качестве хилиарха, после окончания похода он считал себя недостаточно вознагражденным. Оскорбленный подобным пренебрежением, он начал открытую борьбу против «шестисот», обвинил Сосистрата и его клику в стремлении к тирании, однако переоценил свою поддержку демоса и не достиг цели. Те, на кого он напал, после возвращения из Кротона захватили всю полноту политической власти и утверждали ее жестокими методами. При таких обстоятельствах Агафокл не мог оставаться в Сиракузах, не говоря уже о политической деятельности; он попытался создать себе базу для действий за пределами Сиракуз, в Южной Италии. По-видимому, его сопровождало много сторонни-

ков; кроме того, состояние позволило ему наберечь пиэминок. Однако попытка захватить Кротон, где он рассчитывал на поддержку демоса, не удалась, и тогда он в качестве кондотьера поступил на службу к тарентинцам, которые, однако, довольно скоро избавились от этого дерзкого, беспокойного человека. Но и эта новая неудача не оставила Агафокла пасть духом. Когда около 322 года Гераклид и Сосистрат напали на тогда демократический Регий, место рождения его отца, чтобы установить там удобный для них олигархический строй, Агафокл, который, видимо, тем временем промышлял пиратством, захватывая сиракузские суда, собрал в Южной Италии изгнанных из своих городов демократов и двинулся с ними на помощь находящимся в бедственном положении регийцам. Здесь он столкнулся со своими сиракузскими противниками, вынудил их отступить, а возможно, и нанес им настоящее поражение, и тем самым достиг успеха на родине. Сосистрат и Гераклид были свергнуты по причине неудачи их предприятия и вместе с многочисленными знатными сторонниками покинули Сиракузы, тогда как Агафокл, проявивший себя передовым борцом за демократию и внесший свой вклад в свержение олигархии, получил разрешение вернуться. Однако никакого ведущего места в полисе он не получил. Уже тогда возникло опасение, что он может использовать его для установления единоличной власти.

Поэтому в последующих боях против изгнанных, нашедших поддержку в олигархической Геле, Агафокл принимал участие как хилиарх, а временами даже как простой солдат. И хотя при существовавшем командовании невозможно было разбить мятежников, которых теперь поддерживал еще и Карфаген, решено было лучше пойти на любовное соглашение с ними, чем передать верховное командование этому опасному человеку. Согласно принятому еще при Тимолеоне закону на случай возможных государственных кризисов, к метрополии (Коринфу) обратились с просьбой прислать стратега, который смог бы утихомирить внутренние раздоры и при необходимости вести внешнюю войну. Поскольку присланный из Коринфа Акесторид с самого

начала был настроен на улаживание конфликта с олигархами, радикальный враг олигархов Агафокл вновь покинул город. Подозреваемый в стремлении к тирании, он должен был чувствовать угрозу со стороны Акесторида, который мог попытаться устранить его тайно. Благодаря посредничеству коринфянина, изгнанные вскоре смогли вернуться, но им уже не удалось занять прежних ведущих позиций. Союзным им Карфагеном был заключен мир. При таких обстоятельствах даже после отъезда Акесторида политическая деятельность в Сиракузах была Агафоклу заказана. Лишь с внешней помощью он мог надеяться методами более или менее силовыми создать себе положение в городе.

И действительно, благодаря большому состоянию, он набрал в глубине страны личные войска, на его сторону также перешли некоторые подчиненные Сиракузам и недовольные этим обстоятельством сикелиотские города. Количество находившихся в его распоряжении войск было столь значительным, что он мог выступить и против карфагенян, которых ненавидел как помощников олигархов, и против собственно Сиракуз, от которых отторг принадлежавшие к их полису со времен Тимолеона Леонтины.

Он даже напал на сами Сиракузы, но ничего не смог достичь, поскольку пунийский полководец Гамилькар пришел на помощь городу и олигархам, которым он уже помогал прежде. Со свойственной ему дипломатической ловкостью Агафокл справился с этой затруднительной ситуацией. Он установил связь с карфагенянином, стремившимся на своей родине тоже к властному положению, и добился, чтобы тот отвел свои войска и больше не вмешивался в сиракузские дела. После того, как олигархи потеряли военную поддержку, верх в полисе одержал демос. Учитывая повышенную опасность установления тирании, исходящую от Агафокла, его призвали в город при условии ничего не предпринимать против демократии. Он действительно дал торжественную клятву в святилище Демстры. Не нарушая клятвы, он не отступил от своей давней цели, но преследовал ее теперь легальными средствами.

Чтобы уничтожить власть и влияние олигархов и создать себе надежную опору на будущее, он вначале должен был завоевать на свою сторону низшие народные массы. Хотя социальное напряжение, которое в Сиракузах было никак не меньше, чем в других городах, играло ему на руку, все же своим успехом он был обязан в первую очередь тому демагогическому искусству, с которым обратился к массам. Шутками и театральными жестами он умел увлечь их, так же как и позже, уже будучи монархом, вспоминал о времени, когда изучал в мастерской отца горшечное ремесло. Несмотря на свое богатство, которое он мог использовать и наверняка использовал в политической борьбе, он, очевидно, хотел производить впечатление человека из народа. Даже если он отпустил нанятых им наемников или перевел их на службу полиса, он по-прежнему мог рассчитывать на соседних сикелиотов, которые ждали от него улучшения своего положения. Достичь примирения между ними и сиракузцами, а также в самом городе между демосом и олигархами было в интересах всех. Агафокл в этих условиях был избран «стратегом и защитником мира» — должность, которую должен был занимать, пока среди сиракузцев не наступит единодушие. С расчетом на сикелиотов и некоторые города типа Леонтин, а также Мегары Гиблейской, которые он захватил при нападении на Сиракузы, ему было передано командование с исключительными полномочиями над всеми укрепленными поселениями в глубине страны (319 год). В некоторых сикелиотских городах, особенно в Моргантине, он провел воинский набор, чтобы победить у Гербиты «отщепенцев», под которыми скорее следует понимать бежавших из Сиракуз олигархов, чем восставших сикелиотов. Агафокл еще не был единственным стратегом, однако благодаря своим полномочиям во внешней области он держал под постоянной угрозой Сиракузы, где опять зашевелилась гетерия «шестипалая», хотя Сосистрата и Гераклида с ними больше не было.

Неизвестно, почему в течение трех последующих лет он не решился нанести окончательный удар по олигархии и

стать во главе Сиракуз. Лишь проведение упомянутой акции под Гербитой, которая дала ему возможность включить в свои военные формирования кроме моргантинцев и людей из других городов, а также и бедных, революционно настроенных сиракузцев, было использовано им для уничтожения внутрисполитических противников (316 год). На намеченные переговоры явилось около 40 человек из группы «шестисот». Так же, как некогда Писистрат перед афинским народным собранием, Агафокл утверждал здесь, что его жизнь находится под угрозой. Недолго думая, он приказал арестовать этих 40 человек. Своим заявлением, что на его жизнь посягают из-за его любви к народу, он настолько возбудил преданные ему войска, что они потребовали мести преступникам. Он пошел навстречу их желанию, приказал убить арестованных и разграбить все владения «шестисот» и всех замешанных в их происках. Ярость была настолько грозной и кровавой, что, как передает предание, восходящее к историку Тимею, многие почувствовали угрозу, примерно около шести тысяч, бежали и нашли убежище в Акраганте. Перед народным собранием Агафокл оправдывал свое жестокое поведение тем, что он очистил полис от тех, кто раньше составлял олигархию, а теперь стремится к абсолютной власти. Теперь он возвращает демосу демократию, а сам, устав от трудов, удаляется в частную жизнь, чтобы жить равным среди равных. Итак, он считает свою задачу как стратега и гаранта мира выполненной и сложением с себя полномочий, переданных ему для выполнения этой задачи, еще раз подчеркивает свою лояльность основному закону. В то, что он действительно хотел отойти от политической жизни, можно поверить так же мало, как и столетия спустя Октавиану. Его намерение очевидно: оповестив о своем уходе, побудить народ вручить ему новые и еще более обширные полномочия, чем те, которые были ранее. Впрочем, и теперь речь не шла о легальном пути, хотя он, предположительно, посредством путча, опираясь на войска, намеревался стать неограниченным владыкой Сиракуз. Его расчеты оправдались. Не только участники бойни и грабежа, которые были заинтересованы

в том, чтобы он их покрывал, выкрикивали, что он должен взять на себя «заботу обо всем», — увлеченные ими или принужденные массы народа также настаивали, чтобы он сохранил должность стратега. Когда Агафокл после этого — как некогда Дионисий — заявил, что он согласится лишь в том случае, если у него не будет коллег, поскольку он не хочет отвечать за их противоправные действия, народное собрание признало за ним единоличное управление, избрало полномочным стратегом (стратегом-автократором) и передало ему управление (эпимелею) полисом. С тех пор, говорится у Диодора, он был явным властителем, а приморская хроника Пароса за 316/315 гг. отмечает: «Агафокл стал тираном Сиракуз». После многолетней, полной прерывистостей борьбы в возрасте 44 лет он достиг своей цели.

Чрезвычайная должность стратега-автократора, насколько нам известно, в греческом мире до сих пор давалась для осуществления определенной военной задачи и в соответствии с этим была ограничена сроком. Лишь ее самостоятельное сохранение старшим Дионисием после окончания первой карфагенской войны, на которую она была ему предоставлена, полностью разоблачило его как тирана. В случае же Агафокла не было дано ни конкретное военное поручение, ни прямо или косвенно обговорен срок; не существовало также непосредственной угрозы для государства, поскольку со стороны изгнанных или бежавших можно было не опасаться чего-либо серьезного. При таких обстоятельствах назначение стратега-автократора, к тому же без ограничения срока, то есть некоторым образом пожизненно, означало внесение монархического элемента в конституцию Сиракуз. Приняв эту должность и формально нарушив свою клятву ничего не предпринимать против демократии, он практически стал владыкой Сиракуз. Его полномочия в качестве чрезвычайного военачальника были теми же, что и у Дионисия. Кроме верховного командования всеми войсками и назначения офицеров, как говорит предание, он имел право на призыв гражданского ополчения, вербовку наемников, а также увеличение налогов для

военных кампаний, которые будут вести город Сиракузы под его руководством. Однако принимать решения о подобных военных кампаниях по-прежнему оставалось прерогативой народного собрания. Труднее определить ту компетенцию, которая заключалась в переданной ему «эпимелее». Если Агафокл после своего избрания пообещал отпущение долгов и передел земли, то нам неизвестно, сдержал ли он вообще и в какой степени это обещание и можно ли было его осуществить в силу этой эпимелеей без особого решения народного собрания. Последнее относится также к проводившемуся им впоследствии предоставлению прав гражданства многочисленным наемникам в Сиракузах. Предположительно, он добивался по мере надобности решения народного собрания, заседания которого при его владычестве подтверждены многими свидетельствами. Есть также сведения о продолжении существования традиционных должностей, за исключением коллегии стратегов, а то, что совет полиса ни разу не упомянут, можно отнести за счет скудости предания. Так же, как и при Деметрии Фалерском, которого афиняне за год до этого по желанию Кассандра избрали эпимелетом своего города, при Агафокле не был отменен республиканский строй, но оба они имели также и в гражданской области исключительные, не известные нам в деталях полномочия.

Хотя нужно считаться с возможностью противоправного вмешательства со стороны властителя, однако достоверность того, что в этой связи сообщает враг Агафокла Тимей, в высшей степени сомнительна. Его сведения, даже если они не всегда надуманны, все же носят злонамеренный характер. Кое-что, как, например, использование состояния сирот, пока дети не вырастут, принудительный заем у купцов, конфискация жертвенных даров в храмах или украшений у женщин относится к акциям, издавна типичным для тиранов, и уже в силу этого вызывает подозрение, что эти акции Агафокла, которые могли действительно послужить основой тенденциозного рассказа, выходили за пределы полномочий стратега-автократора, обязанного финансировать военные предприятия полиса. То же относится и к утверж-

дению, что Агафокл отобрал у граждан их имущество и подарил его историку-подхалиму Каллию: при распределении конфискованного имущества олигархов фаворит властителя был богато одарен. Разумеется, возможности воздействия властителя выходили далеко за пределы его должностных полномочий. Сконцентрированная в его руках властная сила придавала особый вес его личным желаниям, тем более что город при нем содержал довольно значительную армию, преданную властителю, гарантировавшему ей жалованье, вознаграждение, добычу и последующее обеспечение, и потому в случае необходимости могла быть им использована против восставших граждан. Кроме того, Агафокл мог рассчитывать на назначенных им офицеров и граждан, получивших часть имущества убитых или бежавших. Однако все это, с государственно-правовой точки зрения, еще не делает его тираном. Его положение не было ни позицией чистой власти, держащейся на личных наемных войсках и лишенной законной основы, ни противоправным удерживанием ограниченной сроками должности; не подкреплялось оно и какой-либо силой извне. Скорее, Агафокл был избранным народом лидером сиракузской общины и до самой смерти придавал большое значение тому, чтобы таковым и считаться. Он даже отказался от лейб-гвардии, которая у греков всегда ассоциировалась с припадком тираннии. Если тем не менее в историографическом предании и в современной комедии его называли тираном, то имелась в виду исключительная полнота его властных полномочий, но прежде всего, в соответствии с употреблением слова в эллинистический период, — характер его применения. Он пробил себе дорогу к почти монархическому положению страшной резней «шестисот» и их сторонников, и в последующие годы также использовал против оппозиционных элементов кровавые методы, не говоря уже о необычайно жестоком обхождении с городом Сегестой (306 год). Даже если, как считает Полибий, он проявил обычную жестокость и грубость при установлении своего господства над греками Сицилии (около 305/304 гг.), а в последующие годы проявлял удивительную мягкость, то все

же прежние деяния не могли быть забыты. Не только непримиримый ненавистник Тимей, который после взятия своего родного города Тавромения вынужден был покинуть Сицилию, но и далекий Дурис с Самоса, подробно рассказавший в своем историческом сочинении о деяниях властителя, видели в Агафокле тирана в худшем смысле этого слова. Даже Полибий в другом месте называет его дурным человеком и тираном, причем самым злодейским, хотя он и дистанцируется от изображения Тимея. Основанием для такого приговора могло послужить безжалостное обращение с олигархами, если ему удавалось схватить их, однако имеются сведения, что даже демос, пусть и временами, переносил господство ведущего стратега против воли и вынужденно, так что, несмотря на все приукрашивания в виде подчеркнутой любви к народу, можно с определенным правом говорить о тирании. Как явствует из найденного папируса, во время пребывания Агафокла в Африке (вероятно, в 310 году) агенты карфагенского военачальника и изгнанников сумели настроить часть народного собрания против него, а в последние, очевидно, мягкие годы властитель до такой степени не имел поддержки в народе, что после его смерти, хотя он, умирая, вернул полису полную свободу, народ разрушил сооруженные им статуи и конфисковал его состояние. Поскольку предание сохранило крайне мало сведений о последних годах его правления, мы не знаем, что вызвало особую враждебность и озлобление. Как показывает поведение сиракузцев в течение двух десятилетий после смерти Агафокла, это вряд ли было монархическое правление как таковое, хотя при желании можно увидеть в отчаянном внешнеполитическом положении Сиракуз около 310 года причину этого; в последние годы правления недовольство вызывали тяготы из-за строительства большого флота для наступательной борьбы против Карфагена или такие непопулярные меры, как получение прав гражданства большим количеством наемников, с которыми после смерти властителя дело дошло до открытых конфликтов; однако из-за недостатка сведений все это остается в области чистых предположений.

Даже тенденциозный рассказ Тимея признает, что Агафокл за годы, последовавшие после его избрания (315/314), проводил военные операции как военачальник полиса Сиракузы, а не как тиран — от собственного имени и для собственной пользы. Эти походы, направленные против поселений в глубине страны, а также против Мессаны и соседних мест, служили для расширения подвластных Сиракузам территорий и поэтому не могут быть подтверждением тиранического характера его правления при всей его личной инициативе. В рамках истории греческой тирании следует упомянуть, что акрагантинцы, которые почувствовали угрозу из-за приема Агафоклом сиракузских олигархов, не решились вручить одному из своих сограждан для оборонительной войны исключительные военные и гражданские полномочия, поскольку боялись, что по примеру Сиракуз может возникнуть тирания. Поэтому в качестве вождя они призвали спартанского принца Акротата, который пришел к ним на помощь с тарентинскими судами. Но именно со стороны этого человека, жаждавшего тиранического господства колдотьера, и исходила основная опасность. Грубый как тиран и распутный как перс, он не совершил ничего с военной точки зрения, но вел себя таким образом, что через некоторое время вынужден был покинуть город с позором. Акрагантинцам, лишившимся помощи Тарента, пришлось искать приемлемого мира с Сиракузами, чему способствовал пунийский полководец Гамилькар (314/313 гг.). За год до этого карфагеняне, ссылаясь на заключенный при Тимолеоне договор, выступили против сиракузской экспансии и сохранили свободу Мессане; в новом мирном договоре было определено, что Гераклея и Селинунт на юге, Гимера на севере относятся к пунической области, а прочие греческие города острова в качестве автономных общин должны образовать симмахию под гегемонией Сиракуз, а не лично Агафокла. Понятно, что такое формальное урегулирование перед лицом активизировавшихся Сиракуз не удовлетворяло правительство в Карфагене. Гамилькар был смещен со своей должности и осужден. Агафокл действительно не давал покоя. Уже вскоре (313/312 гг.) он не только

вынудил Мессану присоединиться к Сиракузам, но и поставил в зависимость от них другие города, защищенные договором. При этом он повсеместно жестко обходился с сиракузскими эмигрантами, которые находились в этих городах, и с местными противниками верховенства Сиракуз. Однако он не смог совладать с массой изгнанников, которые сгруппировались против его бывшего друга, сиракузского олигарха Динократа, которого он пощадил в 316 году.

Вначале города, которые находились под угрозой сиракузской экспансии или уже были захвачены, обратились за помощью к Карфагену. Агафокл не постеснялся в явное нарушение договора вторгнуться в область пунийцев и захватить Гераклею. Однако когда он вслед за этим собрался напасть на Акрагант, то обнаружил, что город защищают 60 карфагенских судов. Гелу, которую он раньше привел к покорности и принудил к денежным выплатам, ему пришлось оставить перед лицом превосходящих сил нубийцев. При последующем продвижении карфагенян под руководством уже другого Гамилькара, сына Гискона, от Сиракуз отпали все города, находившиеся ранее под их гегемонией; прежние территории симмахии, охватывавшие большую часть Сицилии, были изолированы и попали в отчаянное положение. Карфагеняне с моря перекрыли доступ в гавани города. В этой ситуации (310 год) Агафокл принял смелое решение: непосредственно напасть на африканские территории Карфагена, а по возможности и на саму метрополию, и вынудить пунийцев отозвать с острова свою огромную армию. Ему удалось прорвать их блокаду и высадиться с войском в тринадцать с половиной тысяч человек на ливийском побережье в районе Кап-Бон. Как подтверждает участие сиракузского гражданского ополчения, это было не личной акцией Агафокла, а операцией, проводимой под руководством избранного стратега-автократора полиса Сиракузы. Агафокл не собирался устанавливать свое монархическое господство на африканской земле, что, возможно, входило в намерения Офелла, который подошел из Кирены с сильным войском. Даже когда он с ним вскоре рассорился, убил его и присоединил его войско

к своему, Агафокл по-прежнему не ставил такой задачи. Его целью была Сицилия. С роспуском симмахии и крушением лидирующей роли Сиракуз там возник политический вакуум, и его личные планы предполагали установление монархии, которая распространялась бы на весь остров.

Во время своего пребывания в Африке он назначил заместителем (энимелетом) своего брата Антандра, а командующим оставшимися наемниками — этолийца Эримнона. Однако Гамилькару и изгнанникам удалось возбудить в народе беспокойство с помощью некоего Диогнета. Тем не менее, когда карфагеняне напали на город с суши, им был дан успешный отпор. Карфагенянам пришлось не только отступить, но и срочно отправить на родину оказавшуюся под угрозой большую часть своих войск, вследствие чего они уже не могли определять ситуацию на острове. Но паши не были способны и блокированные с моря Сиракузы, так что Акрагант смог сделать попытку стать во главе остальных греческих городов, чтобы сохранить как свою, так и их автономию. В интересах своих новых, монархических целей Агафокл сумел расстроить эти усилия. С помощью размещенных в Сиракузах и окрестных крепостях войск военачальники Лептин и Демофил по его поручению наголову разгромили акрагантинцев, так что вначале успешная акция под девизом «Автономия городам Сицилии» полностью рухнула. Завоеванные или отвоеванные ими поселения, число и названия которых нам не известны, подчинялись теперь не сиракузцам, а лично Агафоклу. Однако дальнейшие завоевания натолкнулись на твердое сопротивление Динократа, который вместе с сиракузскими эмигрантами и другими изгнанниками последнего периода собрал сильное войско. Ввиду такого сопротивления, которое грозило расстроить планы его личного владычества над Сицилией, Агафокл передал руководство все более затихавшей африканской кампанией своему сыну Архагару и высадился с 2000 наемников в подчиненной Карфагену части Сицилии, где был принят в Селинунте, очевидно, без сопротивления (308/307 гг.). Отсюда ему удалось овладеть Гераклесей, заключить союз с Сегестой и договор — со своим

родным городом Фермы. Он объединил свои войска с подоспевшим с востока Лептином и завоевал на северном побережье Кефалондион, тогда как другие города, например Аполлония, смогли отбить его наступление.

По данным преданиям невозможно определить, как широко простиралось личное господство Агафокла над островом после его возвращения в Сиракузы. Из-за неблагоприятного поворота событий на африканском театре военных действий ему пришлось после своего прибытия туда отказаться от этой заморской кампании и спастись бегством с немногими сопровождающими на Сицилию, оставив там вышедшее из повиновения войско и своих сыновей Архагафа и Гераклида. На Сицилии он возобновил борьбу за обладание островом, но уже в менее благоприятных условиях, поскольку известие о его полном крахе в Африке не замедлило оказать свое действие на население Сицилии. Хотя в самих Сиракузах дело не дошло до серьезных волнений, ему изменил один из его военачальников Пасифил, переманив подчиненные ему войска от Агафокла, который и без того терпел недостаток в наемниках и деньгах, и захватив доверенные ему города в собственную власть. Союзная Сегеста также отказалась от требуемых платежей. Агафокл наказал город с беспрецедентной жестокостью и основал на его месте другой полис, названный Дикеополис (город справедливости), который он заселил перебежчиками. Тем не менее его положение оставалось крайне тяжелым: силы противника под командованием Динократа укрепились благодаря измене Пасифила, а в Африке торжествующие карфагеняне могли нанести удар. Но и в этой тяжелой ситуации он сохранил свою необычайную ловкость и тактическую изворотливость. Он сделал великодушное предложение отказаться от должности стратега-автократора в Сиракузах и от всех территориальных владений (династий) последних двух лет, выговорив в свое владение только Фермы и Кефалондион. Тем самым он дискредитировал Динократа, который был не склонен отказываться от позиции силы во главе большого войска и вводить в Сиракузах демократический порядок. Когда

Динократа, как и ожидалось, отклонил это предложение и потребовал, чтобы Агафокл покинул Сицилию, оставив своих детей заложниками, Агафокл быстро заключил мир с карфагенянами, с которыми, по-видимому, уже до этого вступил в переговоры, и тем самым обеспечил себе тыл в борьбе против своего противника на Сицилии. Разумеется, ему пришлось отказаться от старой пунийской области на западе острова, включая недавно завоеванные им города, но за это он получил 150 греческих серебряных талантов, которые были ему жизненно необходимы, а также двести тысяч медимнов зерна (306/305 гг.). По-видимому, карфагенянам в этот момент Динократа представлялся опаснее, чем Агафокл. Тем не менее борьба, несмотря на численное превосходство войск противника, закончилась полной его победой, потому что во время решающей битвы на его сторону перешло около двух тысяч человек. Даже Динократа, бывший друг, перешел к нему на службу, вернул города, защитником которых он до этого выступал, и даже помог захватить в Геле своего бывшего союзника Пасифила и убить его. Там, где сопротивление еще продолжалось, как, например, в Леонтинах, оно было сломлено. По-видимому, лишь Аграванту удалось отстоять свою независимость, все же остальная Сицилия, исключая зону карфагенского влияния и, разумеется, Сиракузы, перешла в личное владение Агафокла как «завоеванная копьем» земля.

Если владыка большей части острова именуется античными писателями так же, как и Дионисий I — тираном Сицилии, то это гораздо более оправданно, чем наименование «тиран Сиракуз», поскольку положение Агафокла относительно подчиненных ему городов — а вся эта область в основном состояла из городских округов — основывалась исключительно на силовом превосходстве, а не на порученной ему должности, как это было в Сиракузах. С другой стороны, им было создано крупное территориальное владение, которое полностью оправдывало использование слова «тиран», и в политическом плане имело в виду существование коррелята полисов. Дионисий не считал нужным подчеркивать свое господствующее положение неким

титолом, Агафокла к этому побуждали процессы, происходящие на востоке Средиземного моря. Когда он узнал, что тамошние династы — имеются в виду великие диадохи — приняли царский титул, то, по сообщению Диодора, не желая отставать от них ни по могуществу, ни по завоеванной территории, он также стал именовать себя царем. По всей видимости, это произошло в 304 году. Как и у диадохов, царство здесь не связывалось с определенной территорией или даже городом, оно, скорее, свидетельствовало, что его носитель и завоеванных им областях не признает над собой никакой власти и никакого закона, что он — неограниченный властитель всей этой территории. В последующее время, о котором нам, к сожалению, известно очень мало, Агафокл сумел завоевать Липарские острова (около 304/303 гг.), далее, Керкиру, очевидно, также Левкас (около 299 года), но прежде всего часть Бреттийского полуострова Южной Италии. Самый значительный там греческий город Кротон подчинился ему в 299 году; на западном побережье он завоевал Гиппонион. Однако покорение диких горных племен в глубине страны представляло большие трудности и, по-видимому, удавалось лишь на время. Тарент и некоторые племена вступили с царем в союзные отношения, которые практически были отношениями зависимости, что подтверждается также размещением там гарнизонов. О славе Агафокла за пределами собственно подвластных ему территорий свидетельствует чеканка монет Метапонта и Тарента и даже Элен и Неаполя, которые он осуществлял.

Подвластными ему территориями на Сицилии и за ее пределами царь распоряжался по своему усмотрению. Он мог раздавать их или передавать в наследство. Так, его дочь Ланасса по случаю своего бракосочетания с Пирром (вскоре после 299 года) получила в приданое Керкиру, а сам Пирр ввиду отсутствия других наследников в качестве ее бывшего супруга предъявил в 278 году претензии на подвластную Агафоклу территорию на Сицилии. Это те же самые отношения, что и в империях на Востоке, с которыми западный властитель стал наравне и был признан ими равным. Птолемей I отдал ему в жены свою дочь.

Феооксену, Деметрий Полнокрет принимал сына Агафокла с царскими почестями. При таких обстоятельствах о тирании вообще не может быть и речи, можно говорить только об эллинистической монархии. Тем не менее это царствование, о структуре которого нам, к сожалению, ничего не известно, поддерживалось теми же способами, что и тирания, то есть находившимися в распоряжении монарха наемными войсками, состоявшими из людей разных народностей: кельтов, лигуров, этрусков, разумеется, греков. Кроме того, в случае войны привлекаются контингенты подвластных общин. Вопрос о том, принадлежали ли к подобному контингенту беспособные жители Сиракуз в качестве войск царя, влечет за собой следующий вопрос: изменилось ли правовое отношение Агафокла с полисом Сиракузы после основания царства и правил ли он теперь общиной без официальной городской должности, абсолютистски и подобно тирану.

Еще во времена африканского похода (310—307/306) Агафокл действовал как избранный стратег-автократор, которому одновременно было доверено управление городом (эпимелея), временно замещавшееся его братом Антандром. Ничто не указывает на то, что в последующие годы Сиракузы, подобно другим городам за исключением Акраганта, были захвачены им силой или на основании капитуляции, ни на то, что граждане возвысили его до царя. С 304 года Агафокл прибавил на чеканившихся в Сиракузах монетах к своему имени царский титул, но право чеканить монеты со своим именем он получил или узурпировал еще до этого, так что оно не находится ни в какой причинной связи с принятием царского титула, а свидетельствует лишь о расширении первоначально доверенных ему полномочий. Свое царское достоинство и царскую власть Агафокл старался демонстрировать в Сиракузах как можно меньше. Даже если он и продолжал жить в городе, то ни о каком дворце или укрепленной крепости, наподобие воздвигнутой Дионисием, нигде нет и речи, тогда как называются другие его постройки. В довольно скудном предании нет также упоминания о его дворе. Не упоминаются ни поэты, ни ученые, ни философы, которых обычно привлекали к сво-

ему двору правители и тираны, чтобы приумножить свою славу, кроме поэта-пародиста Бойота, который, впрочем, был сослан. Характерно, что о царственной роскоши мы слышим только в связи со взаимоотношениями Агафокла с другими царями, где было необходимо подчеркивать и внешне свое царское положение. Для Сиракуз же все обстояло иначе. Агафокл не возлагал на себя диадему, а носил во время общественных мероприятий венки, положенный ему на основании должности жреца, которую он занимал с 316 года. От лейб-гвардии он, по всей видимости, принципиально отказался и в народном собрании Сиракуз, а особенно на пирах, вел себя не как властитель, а как человек из народа. Из всего вышесказанного со всей очевидностью следует, что положение Агафокла в Сиракузах после учреждения монархии над завоеванными сицилийскими и южноиталийскими областями формально осталось таким же, как и прежде. Подтверждением тому служат события накануне смерти властителя.

Из двух или трех сыновей, которые были у Агафокла от его брака со вдовой Дамаса, тогда уже, по-видимому, не было в живых никого. Его вторая супруга, Алкия, кроме дочери Ланассы родила ему сына, который получил имя отца. От своей третьей жены, Феоксены, дочери Птолея I, он имел двух сыновей, которые еще были несовершеннолетними. Когда в возрасте 70 лет в 290/289 гг. он был поражен неизлечимой болезнью, в вопросе наследования на первый план вышел его сын Агафокл. Именно его отец представил сиракузцам в качестве наследника монархии и, по-видимому, как позволяют предполагать дальнейшие события, рекомендовал избрать его стратегом и эпимелетом города. Вначале он должен был принять командование над находящимися под Этной войсками вместо Аркагафа, внука от первого брака, однако, когда он прибыл туда, то был убит Аркагафом, который тоже претендовал на место преемника. Обреченный на смерть владыка обвинил его перед сиракузским народным собранием в злодеянии и призвал толпу к мести. Одновременно он объявил, что возвращает демосу демократию; это могло означать лишь то, что он

сам сложил с себя должность стратега-автократора и эпимелетю, не желая преемника. Таким образом, он до конца обладал и тем, и другим, что не мешало его царствованию над большей частью Сицилии и южноиталийскими областями. Подобная государственно-правовая ситуация не кажется странной, если вспомнить о владыках на Киммерийском Боспоре, которые в IV веке являлись архонтами греческих городов, но царями соседних местных племен. Если там была определяющей разница между греческими и варварскими подданными, то особое положение, проявляющееся в последних действиях Агафокла, объясняется историей возникновения крупного политического властного образования, и позже нельзя было отрицать, что его зародышем был город-государство, чьим вождем был его основатель.

Акт капитуляции умирающего властителя, который вскоре после этого умер мучительной смертью, положил конец ситуации, которая, по крайней мере в последние годы, воспринималась как неприкрытая тирания. Что же касается городов царства, то ничто не говорит о том, что Агафокл своей последней волей возвратил им свободу. Об их характере и организации нам ничего не известно кроме того, что оно, например, в Кефалоидоне, основывалось на присутствии гарнизона. Господство над ними захватил его преступный внук Аркагаф, которого, впрочем, устранил Менон из Сегесты. Поскольку никто другой не мог занять место умершего царя — детей Феоксены с их матерью он перед смертью отослал назад в Александрию, — то царство распалось и города опять сами собой получили свободу. Предание позволяет предположить, что они воспринимали владычество царя, как бы оно ни сказывалось на отдельных общинах, так же как некогда владычество Дионисия, то есть как тиранию. Здесь не были готовы признать абсолютную монархию, которой, в отличие от стран Востока, в областях Западной Греции никогда не существовало, хотя в некоторых городах Сицилии довольно скоро после смерти Агафокла (289 год) появились тираны, пусть и гораздо меньшего масштаба. Поэтому сомнительно, чтобы основанное им царство просуществовало долго, даже если бы он

передал его способному преемнику. Противостояние Карфагена было слишком слабым ферментом. Ведь ни Агафокл, ни греческие города острова, почувствовав его угрозу, не испугались союза с пунийцами. Но прежде всего большая область, состоявшая в основном из эллинских или эллинизированных общин, каждая из которых в конечном счете пыталась сохранить свою автономию, еще могла на несколько десятилетий удерживаться силой выдающегося человека, но не могла сохраняться долго, если у властителя не было прочной властной опоры за пределами городских территорий, какой обладали на востоке эллинистические цари, а на Западе позднее — римляне. Со смертью Агафокла исчезло и его царство, разделив тем самым судьбу некоторых тираний, о которых уже Аристотель заметил, что они редко переживают своих основателей. Также и в силу этого их носители должны были казаться последующим поколениям скорее тиранами, чем царями.

Как мы видели, с государственно-правовой точки зрения Агафокл не был тираном в Сиракузах. И точно так же его царствование, следовавшее примеру диадохов, нельзя считать тиранией. Тем, что он остался в историографии все же тираном, он обязан нескольким особо жестоким акциям и неразборчивости в выборе средств, но еще больше — писаниям своего врага Тимея, исполненным ненависти и насыщенных всеми клише типологии тиранов. Ослабить их впечатления не смогли ни радужные картины, нарисованные Дурием с Самоса, ни положительная характеристика в произведениях брата Антандра, а также современного историка Каллия. Моральное осуждение высказал также Полибий, но, в отличие от Тимея, признал не только мягкое правление его последних лет, но и величие властителя именно потому, что он пришел из горшечной мастерской, чем Тимей его упрекал, его взлет до владыки Сицилии, то, что он подверг Карфаген величайшей опасности, удержав свое господство до самой смерти и стал царем, — все это свидетельствует о его удивительном даровании, о его могучей энергии и воле в политической деятельности. Эти качества еще до Полибия признавал Сципион Старший

который на вопрос, кого он считает самыми энергичными и при всей осмотрительности самыми смелыми, ответил: Агафокла и Дионисия. Современному историку трудно вынести свое суждение из-за враждебной традиции, основывающейся преимущественно на полных ненависти писаниях Тимея, и отсутствия мало-мальски достоверных сведений о второй половине царствования Агафокла. Он не должен присоединяться ни к проклятиям, ни к возвеличиванию — и то, и другое пришлось на долю Агафокла в новейшее время. Хотя его выдающиеся военные и политические деяния и необычайная значимость его личности не подлежат сомнению, все же нельзя безоглядно причислять его к подлинно великим историческим личностям. Страшные кровавые жертвы, которые он приносил, ни с чем не считаясь, служили лишь для установления и поддержания его исторической власти, которая не принесла Сицилии и Южной Италии лучшего и более стабильного положения по сравнению с существовавшими ранее. В десятилетие после его смерти положение в его царстве было еще более смутным и несчастливым, чем когда-либо. По сравнению с этим временем последние 15 лет владычества Агафокла уже не кажутся такими неблагоприятными, хотя города и были лишены независимости.

Другие тирании на западе греческого пространства во времена Агафокла нам неизвестны, кроме одного случая. В 20-е годы демос Кротона для борьбы с местными олигархами, которые были изгнаны из-за своих связей с сиракузскими собратьями по сословию, Сосистратом и Гераклидом, избрал стратегами Парона и Менедема. Поскольку при впадении Агафокла на город Менедем появляется уже в качестве тирана Кротона (около 295 года), возможно, что он использовал должность военачальника для установления единоличного правления, которое продолжалось четверть века. Со времен совместной борьбы против глав олигархии в Сиракузах его объединяла с Агафоклом дружба, что не помешало последнему хитро его провести, когда он захватил Кротон. Тем самым тирании Менедема, о которой нам больше ничего не известно, был положен конец.

2. Тираны после смерти Агафокла

Погребальная процессия Агафокла была организована Оксифемием, посланником Деметрия Полиоркета, и проведена, по-видимому, без помех со стороны толпы, которая обычно проклинает память тирана. После этого Менон, находившийся в ближайшем окружении покойного, бежал из Сиракуз к Аркагафу. Желая установить свое господство, он убил его и захватил командование войсками, деяние которых ему удалось завоевать. Сиракузцы, которые теперь грозило нападение, для отражения опасности избрали стратегом своего земляка Гикета, причем, очевидно, стратегом-автократом. В последующее время чеканились золотые монеты с надписью «Во время Гикета». Таким образом, в Сиракузах сохранилась в основном та же государственно-правовая ситуация, что и при Агафокле; подобно ему *Гикет* в предании именуется тираном. Новый руководитель общины показал в войне свое превосходство над Меноном. Однако Менон нашел союзников в Карфагене, который, учитывая подготовку Агафокла в его последние годы к большому наступлению, укрепил свою военную мощь на Сицилии. При таких обстоятельствах Гикет был вынужден приостановить борьбу и заключить мир с карфагенянами. Изгнанники, предположительно противники Агафокла, искавшие убежища в пунийской области, были взяты Сиракузами. О Меноне больше ничего не известно, так же как и о его войсках. Он мог быть выдан карфагенянами, прежде всего заинтересованными в том, чтобы держать Сиракузы под контролем. Гикет остался в городе на своей чрезвычайной должности, которую после заключения мира он сохранил противоправно — на это указывает наименование «тиран». Вскоре возникли новые осложнения из-за конфликта между наемниками, получившими от Агафокла права гражданства, и старыми гражданами. Последние хотели отстранить первых от выборов. Обе группы уже проти-

стояли друг другу с оружием в руках, тогда Гикету удалось примирить их на том, что наемники изъявили готовность продать свое имущество и покинуть Сицилию в установленные сроки. Это были в основном аскийцы*, сами себя именовавшие «людьми Марса» (мамертинцами). По пути на свою италийскую родину они попали в Мессану, были там дружески приняты, но вероломно, с кровопролитием овладели городом. Отсюда они в последующие годы не только покорили северо-восток острова, но и вынудили окрестности города платить дань, а Камарину и Гелу на южном побережье разрушили. Сиракузы они, по-видимому, не потревожили, но, возможно, с опасностью со стороны мамертинцев связано или совпало то, что Гикет оставался в своем положении до 280 года.

Необходимость энергичной защиты под жестким руководством и продолжающиеся социальные кризисы привели к тому, что, как и после крушения господства великого Дионисия, во многих, особенно предрасположенных к тирании городах Сицилии властолюбивые люди могли захватывать власть. К концу 80-х годов, кроме Сиракуз, мы видим тиранов в соседних Леонтинах, которые после смерти Агафокла отделились от Сиракуз, а также в Тавромении и Катане. В *Леонтинах* правил *Гераклид*, в *Тавромении* — *Тиндархон*, в *Катане*, предположительно, *Ономакрит*, о котором сообщается только, что у него был ручной лев. Однако самым значительным среди городских владык этих лет был *Финтий* в *Акраганте*, единственном городе, который не находился под господством Агафокла.

Финтий пришел к власти вскоре после смерти Агафокла, свергнув во главе демоса олигархов и убив многих из них. Первое время его правление было крайне жестоким и вместе с тем достаточно прочным, чтобы подчинить большое число поселений в глубине острова, среди них Агирини. Даже укрепленная Энна смогла избежать его нападения, только разместив у себя карфагенский гарнизон. На основании этих завоеваний Финтий, следуя Агафоклу и

* Из Кампаний.

диадохам, принял царский сан, о чем свидетельствуют отчеканенные при нем медные монеты. В подражание диадохам он основал вблизи Экномских гор город и назвал его в свою честь Финтием. Здесь он поселил жителей Геллы после разрушения города мамертинцами. По своей старой родине, оставшиеся стены и дома которой тиран приказал срыть, они продолжали называть себя геллойцами, хотя жили теперь в новом, хорошо укрепленном городе, с храмами и прекрасным рынком. С согласия основателя они образовали собственную общину. После того как его первоначальная жестокость привела к отпадению Агириона, а в некоторых местах — к изгнанию его гарнизонов, Финтий стал вести себя более великодушно по отношению к подвластным ему городам. Возможно, этому способствовало окончание войны между ним и Гикетом, в которой обе стороны опустошили территории друг друга и, наконец, сошлись в битве на реке Терий. Финтий был разбит и, по-видимому, вынужден пожертвовать частью области своего господства. Сколько времени он еще правил Акрагантом и вновь основанным городом, неизвестно. То, что ему в сновидении была предсказана смерть от дикого кабана, не позволяет сделать заключение о его гибели, поскольку эту историю могли придумать из-за изображения кабана на оборотной стороне его монет. Во всяком случае, в 279 году он уже не был у власти и вряд ли был в живых.

Тогда же другой тиран, *Сосистрат*, видимо, внук одноименного противника Агафокла, бежавшего из Сиракуз в Акрагант и там убитого Акротатом, захватил этот город и еще около 30 поселений. Неизвестно, каким образом он достиг тирании над Акрагантом, стал преемником Финтия и, по-видимому, расширил территорию его господства. По происхождению сиракузец, он хотел, чтобы его родной город принадлежал его семье, и ситуация в 279/278 гг. предоставила желанный случай для вмешательства. Незадолго до этого после девятилетнего правления Гикет был свергнут человеком, имя отца которого позволяет предположить в нем предводителя наемников: Фоинон, сын Мамевса. Видимо, он стремился захватить тиранию над горо-

дом, опираясь на свои войска и, возможно, на старых сторонников Агафокла, тогда как большинство граждан относились к нему враждебно. Именно Сосистрату удалось использовать напряженное положение в Сиракузах и склонить большинство народа к изгнанию сторонников Агафокла, особенно тех, кто некогда помог врагу его дела прийти к власти. И действительно, около тысячи человек были выведены из города, но большинство из них убиты сопровождавшими их гоплитами и всадниками. Однако вскоре освободитель от остатков прежней тирании, каковыми он выставлял олигархов, показал свое истинное лицо. Состояния изгнанных и убитых Сосистрат, который уже правил Акрагантом и другими городами, присвоил себе, завербовав на эти средства греческих и варварских наемников и даже освободив из каменоломен заключенных. С помощью этих войск он захватил господство над сухопутной частью Сиракуз, а Фоинон со своими войсками закрепился на Ортинге. Оба использовали в борьбе большие войска, пока вторжение карфагенян не изменило ситуацию.

Иначе и быть не могло, поскольку пунийцы после долготрапного распада империи Агафокла всеми силами пытались воспрепятствовать образованию на Сицилии нового сильного государства. Так, заняв Энну, они помешали распространению господства Финтия, а Гикету после его победы над владыкой Акраганта нанесли поражение, очевидно, облегчившее Фоинону его свержение. Они не собирались допускать объединения владений Финтия с Сиракузами и их территорией в руках Сосистрата и пошли в наступление, заблокировав большую гавань Сиракуз, начали осаду города, решив им овладеть. Вновь, как некогда до появления Тимолеона, греческие города Сицилии искали спасителя, который освободил бы их от карфагенской угрозы и одновременно от тиранов. Граждане Сиракуз, Акраганта и Леонтин обратились к царю Пирру; тот после неудовлетворительного результата битвы при Аускуле (279 год) был склонен пока прервать войну против Рима и заняться сицилийскими делами. Сосистрат и Фоинон, подвергавшиеся одинаковой опасности со стороны пунийцев и измученные

безрезультатной борьбой друг с другом, обратились к нему за помощью. Каждый из них, по-видимому, надеялся с его помощью избавиться от карфагенского окружения и вытеснить соперника. Как и граждане, они заявили о своей готовности вручить ему занятую часть Сиракуз. Сосистрат мог пообещать это и в отношении Акраганта и других подвластных ему территорий. Было известно, что Пирр в качестве прежнего супруга Ланассы претендовал на всю подвластную Агафоклу территорию и потребовал бы передачи и непринадлежавшего тому Акраганта. Сиракузцы даже настойчиво напоминали ему о его родстве с Агафоклом. Очевидно, его царствование на острове воспринималось ими, а также акрагантинцами и леонтинцами, как меньшее зло по сравнению с существующей тиранией или грозящим господством карфагенян. Пирр последовал их призыву и высадился на острове под Тавромением, как некогда Тимолеон.

Тиндарион, тиран этого города, от поведения которого многое зависело в начале кампании, встретил царя с его войсками дружелюбно. За это он был признан союзником. Ни он, ни граждане не передавали Пирру город, который вообще остался за пределами его сицилийских владений и продолжал чеканить золотую и серебряную монету. Тиран, к которому народ относился с симпатией, впоследствии поддерживал Пирра войсками в соответствии с союзническим договором. Неизвестно, находилась ли тогда Катана под властью тирана, в частности, уже упоминавшегося Ономакрита, но и там царь встретил дружеский прием. Гераклид из Леонтий по решению граждан предоставил город вместе с некоторыми укреплениями и войском в 4500 человек в распоряжение Пирра, но о нем больше ничего не известно. В Сиракузах Фоинон передал царю остров Ортигию, а Сосистрат — материковую часть города; он получил также флот и боевую технику. Утверждают, что Пирр примирил тиранов но, к сожалению, неизвестно, какое положение они занимали в Сиракузах в последующее время. Сосистрат вскоре после этого передал продвигающемуся на запад царю Акрагант и тридцать прочих подчиненных ему городов, а

также свои войска в этой области, приблизительно 8000 пехотинцев и 800 всадников. Возможно, Сосистрат стал губернатором этой области, а Фоинон — Сиракуз, во всяком случае, оба принимали активное участие в дальнейших операциях Пирра. По-видимому, благодаря этому они приобрели сильную поддержку не только в войсках, где их бывшие отряды образовали сильный контингент, но и у гражданского населения, поэтому царю, когда он собрался перебраться в Африку, показалось опасным взять их с собой, но не менее опасным — оставить на месте. Он подумал об их устранении. Сосистрат попытался избежать этой судьбы изменой, успешно ли — неизвестно. Царь, ставший теперь по-настоящему недоверчивым, обвинил Фоинона также в попытке измены и приказал его казнить, чем вызвал ненависть в народе. Пирр не оправдал ожиданий, что устранит тиранические режимы, а своими деспотическими акциями в подвластных городах уже показал себя хуже тиранов, конфликт его с которыми превратил их чуть ли не в поборников свободы. Когда Пирр не оправдал также надежды на полное изгнание карфагенян с острова, некоторые города перешли на их сторону, другие стали искать замирения с мамертинцами, от которых он также не смог их защитить. После его стремительного возвращения с Сицилии в Италию (276 год) в скудном историографическом предании тираны греческих городов больше не упоминаются. Если они еще и находились у власти, то после отхода царя были свергнуты. Однако год спустя сиракузцу Гиерону удалось завоевать господство над своим родным городом.

3. Гиерон II

В войнах Пирра на сицилийской земле отличился один сиракузец из уважаемой семьи, он был щедро вознагражден царем и удостоен его гостеприимства, — Гиерон, сын Гие-

рокла. Ему было тогда 30 лет. Когда Пирр покинул остров и карфагеняне вновь пачали наступление, города на востоке объединялись в союз под руководством Сиракуз и вместе пытались противостоять грозящей опасности. По-видимому, это не давало результата, потому что армия, состоявшая по большей части из наемников, вместо прежних начальников своевольно избрала Гиерона, который, очевидно, был офицером в этой оборонительной кампании, и некоего Артемидора. Однако они не стали продолжать войну против пунийцев, а Гиерон — об Артемидоре больше не будет речи — отвел преданные ему войска в Сиракузы, где его сторонники открыли ворота, так что он сравнительно легко овладел городом (275/274 гг.). Итак, с помощью наемников и какой-то части граждан он установил тиранию над Сиракузами, которую частично оправдывала необходимость строгого сосредоточения всех сил под монархическим руководством для борьбы против Карфагена, как некогда при Дионисии и Агафокле. Подобно поэту Феокриту, многие ожидали от Гиерона не только защиты от пунийцев, но и их оттеснения и даже полного изгнания с острова, но лишь под давлением военной силы тирана большинство граждан легализовало его возвышение до военачальника, избрав единоличным чрезвычайным стратегом (стратегом-автократором).

По всей видимости, эта исключительная должность была вручена Гиерону не бессрочно, как за несколько десятилетий до этого Агафоклу, а для ведения войны с карфагенянами, как некогда Дионисию. Во всяком случае, для борьбы против мамертинцев вслед за тем она могла быть продлена. Поскольку союзные города подчинялись военному руководству Сиракуз — от них они вообще находились в зависимости, которую уже нельзя точно определить, — в случае войны сиракузский стратег мог располагать также и их войсками. Это были отряды Акрея, Неетона, Гелора, Мегары, Гиблы и Леонтия — общин, позже переданных Гиерону римлянами. Нам не известно, насколько он превышал пределы предоставленных ему чрезвычайных полномочий, используя фактическую власть, опирающуюся на наем-

ников, в интересах своей тирании. Во всяком случае, не только дружелюбно, даже с восхищением относившийся к Гиерону Полибий свидетельствует, а дальнейшее поведение властителя подтверждает, что он избегал вопиющих актов насилия и, в отличие от большинства тиранов прошлого, щадил имущество и жизнь олигархов. Он даже постарался разрядить напряженность, естественно, возникшую между ним и этими кругами, тем, что заключил брак с Филистис, дочерью очень уважаемого олигархами Лептина, и поручил ему быть своим заместителем, когда находился в походах вдали от Сиракуз. Лептин был потомком брата Дионисия Лептина, дочь которого вышла замуж за знаменитого полководца и историка Филиста. Это не отпугнуло Гиерона, иначе ему никогда бы не удалось добиться примирения с олигархами. Однако оно состоялось и оставалось в силе почти 60 лет, существенно повлияв на долговечность правления Гиерона.

Новый тиран не стал вести большую войну против Карфагена, хотя многие от него этого ожидали, а переговорами добился надежного мира для Сиракуз и союзных городов, который дал ему возможность обратиться против мамертинцев в Мессане. Они распространили свою власть на многочисленные поселения на северном побережье и в глубине страны восточнее Этны; оттуда они угрожали сиракузской союзной области. Первый поход, предпринятый Гиероном в 271 году с наемниками и ополчением, принес чувствительное поражение на реке Кнамасор, но ему удалось спасти гражданский контингент, сознательно пожертвовав наемниками. Его мудрая политика примирения, которая их разочаровала, поскольку в определенной степени делала тирана независимым от них и лишала их вознаграждения из конфискованного имущества, позволила ему избавиться от ставших неудобными помощников. Такая тактика способствовала тому, что поражение было прощено. Однако Гиерон и в последующем не мог обойтись без наемников, как учитывая предстоящие бои с мамертинцами, так и для утверждения собственного монархического положения. Вскоре он набрал новых наемников, еще больше,

чем прежние, привязанных к нему лично. С ними и с гражданским ополчением, обученным и заново вооруженным, он в 270 году вновь выступил в поход против мамертинцев. В это же время он помог зерном римлянам, борющимся против кампанцев в Регии, где у мамертинцев была опора. На этот раз ему удалось ошеломить врагов внезапным ударом севернее, вдоль восточного побережья, где Катана и Тавромений вступили в Сиракузский военный союз, и захватить Мессану. Когда из мест мамертинской области владычества стали подтягиваться деблокирующие войска, ему пришлось снять осаду города, однако удалось завоевать Милы и другие поселения, среди них также расположенный между Кентуриной и Агирионом Амеселон. Гиерон разрушил его, а область разделил между этими двумя городами, которые, как Катана и Тавромений, очевидно, уже до этого стали союзниками сиракузцев.

Благодаря расширению союзной территории, Гиерон располагал теперь значительной армией и мог надеяться на следующий год (269) организовать новый поход против мамертинцев и полностью их покорить, хотя он тем временем и потерял Милы. И действительно, некоторые подвластные мамертинцам города на северном побережье перешли к нему либо вследствие капитуляции гарнизонов, либо благодаря готовности жителей принять спасителя от чужеземного владычества. Когда он затем повернул от Тиндариса на восток, мамертинцы подошли к нему со стороны Мессаны. Превосходящими силами он разгромил их до такой степени, что они готовы были сдаться на милость победителю. Нет никакого сомнения, что он добился бы их ухода из Мессаны, если бы к нему не обратился с ходатайством карфагенский военачальник Ганнибал, который со своей эскадрой находился на Липарских островах. Но его настоянию победитель, не желавший начала новой войны с пунийцами, отказался от дальнейшего наступления и допустил размещение в Мессане карфагенского гарнизона. Хотя он и был лишен плодов своего великого успеха, но все же добился значительного расширения круга союзников Сиракуз: весь северо-восток Сицилии, за исключением Мессаны;

в военном отношении подчинялся стратегу-автократу Сиракуз. Однако Гиерона такое положение не удовлетворяло. После своей блестящей победы он побудил сиракузцев и союзников в войсках провозгласить себя царем. С этого момента он был уже не только военным руководителем симмахии и не просто тираном Сиракуз, который мог заставить зависимые города почувствовать свою власть, а признанным властителем империи, состоявшей из многочисленных городов с прилегающими территориями. Однако в отличие от владений Дионисия и Агафокла, присоединявших общины силовыми методами, царство Гиерона выросло из союза государств и было ему передано его членами в какой-то степени добровольно. Поэтому его правление над ними не имело характера тирании. Тем не менее, учитывая способ, которым Гиерон его получил, оно заслуживает внимания в рамках истории греческой тирании.

Что касается размеров владений, то новое наступление, которое царь предпринял в 264 году после отвода пунийского гарнизона из Мессаны, привело к уменьшению империи до размеров области прежнего Сиракузского союза государств 275/274 гг., так как часть мамертинцев обратилась за помощью к римлянам, которые приняли город в свой союз государств и для его защиты послали консула Аппия Клавдия с двумя легионами. Впрочем, карфагеняне, призванные другой частью мамертинцев, вторично заняли крепость Мессаны, но их командующий был вынужден отступить; они не смогли также предотвратить переправу консула через пролив. Охрана города римским гарнизоном, в равной степени расстроившая планы и Гиерона, и карфагенян, объединила прежних соперников: царь, как бы это тяжело ему ни было, заключил союз с пунийским командующим для совместной борьбы против Рима, и обе армии блокировали Мессану на суше. Но Гиерон был быстро отброшен консулом со своих позиций. Он вернулся в Сиракузы, а карфагеняне, также потерпевшие поражение, больше не отваживались двинуться из своего удобно расположенного лагеря и укреплений в глубине страны. Тем самым Аппий Клавдий получил возможность стремительно

продвинуться к Сиракузам, однако нападение врасплох не удалось. Ему пришлось в большой спешке возвращаться и Мессану, под стенами которой мог вновь появиться Гиерон. От его и пунийской угрозы мамертинцы были избавлены лишь летом 263 года после появления консулов Манция Валерия и Манция Отацилия с четырьмя легионами. Последнему удалось разбить объединенных противников. Когда после этого консулы стали продвигаться на юг, изменили почти все города, принужденные Гиероном в 271 году к союзу, и римляне вновь оказались перед Сиракузами, на этот раз с гораздо большей военной силой. Если царь хотел сохранить свое государство хоть в каком-то объеме, то для него не было другого выхода, чем уступить желанию олигархов, а возможно, также и демоса, и заключить мир с римлянами. Последние, учитывая перспективу предстоящей войны с Карфагеном, хотели закончить свою войну с Гиероном и сделать его своим союзником против старого врага сиракузцев. Поэтому они наложили на него довольно значительное возмещение военных издержек, но вместе с тем оставили ему господство над Сиракузами и городами прежнего Сиракузского союза государств: Акреем, Неетоном, Геллором, Мегарой Гиблейской и Леонтинами. Этой сравнительно небольшой, но очень плодородной областью, которая позже, по-видимому, была несколько расширена, Гиерон правил с 263/262 гг. в качестве союзного римлянам царя почти полвека.

Царская власть Гиерона, в конечном счете вышедшая из тирании над Сиракузами, была абсолютной в духе эллинистических монархий Востока, на которые она походила титулатурой, династическим порядком, двором и прочими внешними атрибутами. Прием в соправители сына Гелона также подтверждает это. Сиракузы в качестве резиденции властителя и благодаря своей величине были естественной столицей. Но они не занимали, как при Агафокле, особого положения. Гиерон, будучи царем, больше не занимал должности стратега-автократора. Он обладал правом верховного командования гражданским ополчением, которое, очевидно, после 263/262 гг. больше не собиралось, и контингент

тами других городов в силу своей царской власти. «Царскими» и содержащимися царем были военный флот и наемники, царь также организовал и финансировал модернизацию укреплений и их оснащение новыми орудиями, сконструированными Архимедом. Если его положение монарха рядом и над городом позволяет увидеть известное продолжение тирании, то в первую очередь это относится к тому роду налогообложения, которое Цицерон с полным правом назвал тираническим. Дело не только в том, что царь окружил область своего господства, включая Сиракузы, таможенным барьером и в его пределах ввел знаменитый «Закон Гиероника» («Закон Гиерона»), установив за границами городских территорий повышение десятины дохода с земли в свою пользу. Взимание налогов, в отличие от принятого в эллинистических империях, являлось прерогативой не коммунальных властей, а было предоставлено откупщикам налогов, так что общины, которым оставалась лишь роль посредников или третейских судей, были лишены существенного элемента своей автономии. Такое положение могло сохраниться лишь до тех пор, пока в Сиракузах и других городах старые органы полиса, чиновники, совет и народное собрание не имели большого политического значения. Правители восточных империй могли проявлять большую широту, поскольку они располагали обширными территориями, а не городами. Гиерон же, которому подчинялась небольшая область, состоящая из городских общин, должен был крепко держать полисы в своих руках. Поэтому союз городов подвластной ему области, именовавший себя «сикелиотами», как и сами города, не имел политических полномочий. Его задача в основном исчерпывалась тем, чтобы за свой счет смягчать налоговое бремя и демонстрировать лояльность в отношении царского дома. Тогда как Агафокл, по крайней мере, в Сиракузах, в правовом отношении довольствовался пожизненной должностью стратега-автократора, избегал навязчивого подчеркивания своей власти над большей частью Сицилии и не соорудил себе на Ортигии резиденции, подобной крепости, то Гиерон не относился настолько бережно к республикан-

ским чувствам граждан. Он был царем также и в Сиракузах, не отказываясь ни от диадемы, ни от монархического придворного штата и жил подобно Дионисию, о котором напоминает абсолютизм его правления, в укрепленном замке на острове Ортигия. Уже одно это вызывает подозрения, что Гиерон вовсе не был так любим в народе, как пытаются представить прославляющие его источники. Другие признаки также однозначно указывают на постоянное напряжение между царем и массой населения как в Сиракузах, так и в других городах. Как уже было отмечено, правление Гиерона отличалось от тирании Дионисия, Агафокла и многих других тиранов тем, что он покровительствовал олигархам, и, став царем, придерживался этой политики. Лишь с одобрения царя и по его желанию совет полиса Сиракузы в основном состоял из олигархов, даже если это и явилось продолжением или возрождением порядка, установленного Тимолеоном. Еще яснее предпочтение этой группы сказывается в том, что «Лекс Гиероника» касался лишь мелких землевладельцев и арендаторов, а не крупных землевладельцев в Сиракузах и других городах. Пользуясь политическим и экономическим покровительством, олигархические круги поддерживали царствование Гиерона и считали уменьшение автономии полиса, мало затронувшее их собственные интересы, вполне приемлемой платой за преимущественную и безопасную, которыми они пользовались. Хотя скудное предание не содержит сведений о наличии сильной оппозиции в низших слоях народа, ясно, что городской демос, крестьяне и арендаторы были недовольны таким положением. Все же имеется много свидетельств, что Гиерон неоднократно заявлял о своем желании сложить с себя царствование, причиной чего могло быть не что иное, как эти внутривосточные осложнения; далее, его сын и соправитель Гелон, который после битвы при Каннах (216 год), в отличие от своего старого отца, перешел на сторону пунийцев и тем самым привлек на свою сторону демос Сиракуз и других городов; наконец, после смерти внука Гиерона, Гиеронима (214 год), полностью проявилась ненависть городских масс и сельского населения к режиму Гиерона, всю

семью которого они готовы были истребить. Его ненавидели за покровительство олигархам, суровый порядок налогообложения и, по-видимому, за уменьшение свободы и автономии общин. О выдающихся качествах Гиерона-властителя и государственного деятеля свидетельствует то, что ему в течение полувека удавалось сдерживать оппозицию, не используя находящихся в его распоряжении наемников против недовольных масс. Демонстрации преданности, которые он получал после своих предложений об уходе, были, скорее всего, инспирированы им самим и, что касается поведения демоса, осуществлялись под тайным нажимом военной силы царя.

И все же возможность использования наемных войск и опора на олигархов не позволили бы продержаться несколько десятилетий абсолютистскому режиму Гиерона, который, несмотря на форму царствования, воспринимался широкими кругами как тиран, если бы после мира 263/262 гг. его не поддерживал Рим, ибо не только внешнеполитические причины сделали царя вернейшим союзником великой державы, но и утверждение его господства в стране. После того, как он однажды решился искать поддержки не у переменчивого демоса, а у надежных имущих слоев, союз с ними, склонявшимися к олигархическому Риму, определил и его внешнеполитический путь, с которого Гиерон после краткого отступления 264/263 гг. больше не сходил. Именно поэтому с особой силой в последние годы его правления проявилась ожесточенность масс не только против него и олигархов, но и против Рима. Этому ловкому политику удавалось сохранять самостоятельность, несмотря на превосходство римлян на Сицилии, ставшее после окончания первой Пунической войны почти подавляющим. Чтобы поддерживать определенное равновесие сил, в котором он был заинтересован, в начале 30-х годов он послал зерно в Карфаген, находившийся на грани гибели из-за крупного восстания наемников, и при этом избежал конфликта с Римом. Как и Агафокл, он установил родственные связи с царским домом молоссов, женив своего сына Гелона на их принцессе Перейс, — акт, который, впрочем, из-за последовавшего вскоре

свержения монархии в Эпире (около 230 г.) потерял свое политическое значение. Следуя по стопам Агафокла, Гиерон поддерживал хорошие отношения и с Птолемеями, греческим городам метрополии он поставлял зерно, а республика Родос после страшного землетрясения 227 года получила от него большие суммы денег и ценные дары. Хотя у царя небольшой территории не было значительной военной силы, но благодаря использованию в политических целях богатства, получаемого от жесткого налогообложения, он играл в ансамбле великих держав заметную роль. Это относится как к Риму и Карфагену, так и к эллинистическим монархиям, с царями которых он мог соревноваться в оказании помощи Родосу. Здесь речь шла скорее не о политических или экономических преимуществах, а о престиже и славе.

Следуя примеру Диоменидов, от которых он вел свой род и с которыми его роднило покровительство верхним слоям общества, Гиерон стремился, чтобы его слава прогремела и в самом панэллинском центре Олимпии. Там он получил множество венков победителя и, по крайней мере, шесть статуй, которые были установлены частью его сыновьями, частью полисом Сиракузы, частью другим, не известным нам городом, чтобы сохранить о нем память для потомков. Постройкой крупных сооружений многие тираны пытались придать блеск своему правлению и оставить по себе память. Гиерон построил себе на Ортигии великолепный дворец, возвел храм Зевса Олимпийца на площади Сиракуз, установил грандиозный алтарь длиной в 200 метров и превратил расположенный рядом театр в самый современнейший и прекрасный в греческом мире. По-видимому, он украшал внушительными постройками и маленькие города. Однако гигантское судно «Сиракосия» нагляднее всего показывает желание правителя продемонстрировать, на что способен он и его правление. При сооружении этого корабля, который должен был использоваться для транспортировки зерна, но вместе с тем отделялся с небывалой роскошью, было настолько мало учтено его практическое назначение, что в конце концов его не могла прини-

мать ни одна гавань, кроме Сиракуз и Александрии. Но и этот недостаток Гиерон сумел использовать, подарив великодушное судно царю Птолемею III. Далее, Архимед, осуществлявший верхнее руководство строительством, по желанию властителя, который был заинтересован не столько научными открытиями великого ученого, сколько практическим использованием его технических конструкций, изготовил очень эффективные орудия нового типа (родосцы получили 50 тяжелых катапульта), которые должны были вызвать восхищение во всем мире достижениями царя маленького сицилийского царства. Как и многие тираны старого и нового времени, Гиерон испытывал подлинную страсть к техническим изобретениям. Характерно, что его трезвый ум, проявившийся и в его реалистической политике, был склонен к этому, но не испытывал никакой склонности к привлечению поэтов, философов и ученых, которые бы придали блеск его двору.

Более 40 лет при поддержке Рима Гиерону удавалось сохранять мир и, несмотря на высокое налогообложение, благосостояние своих подданных, когда начало второй Пунической войны (218 год) поставило под угрозу благосостояние его и его государства. Давно осуществлявшееся оснащение фортификационных сооружений Сиракуз самыми современными орудиями показывает, что для него это не было неожиданностью. Его проримская позиция, как уже отмечалось, диктовалась внутривосточной ситуацией, так что нельзя считать, что он заранее был уверен в окончательной победе римлян. С самого начала существовала опасность нападения карфагенян на его область, что и произошло на самом деле после битвы при Каннах, именно в тот момент, когда катастрофическое поражение Рима грозило взорвать внутреннюю напряженность во владениях Гиерона. Собственный его сын Гелон предпринял попытку восстать против отца во главе низших народных масс и перейти на сторону пунийцев. Однако его внезапная смерть дала Гиерону возможность в немногие месяцы, отпущенные ему для жизни, продолжать оказывать Риму помощь в военном и экономическом отношении. Но уже 90-летнего

его продолжала мучить мысль, что после его близкой кончины произойдет внутри- и внешнеполитический перелом и основанное им царство пойдет прахом. Если действительно, как утверждает Ливий, у него возникла мысль вернуть Сиракузам свободу, то одно воспоминание, какие последствия это повлекло за собой после смерти Агафокла, удерживало его. По-видимому, не понадобилось даже вмешательства двух его дочерей, мужья которых хотели принять из его рук правление. Лишь теперь стало окончательно ясно, что царствование Гиерона над греческими городами, правление выдающегося властителя, не опиравшегося на династическую традицию, несмотря на все ухищрения и внешнюю легализацию, было, по сути, тиранией. Естественная судьба каждой тирании — то, что после смерти ее основателя дальнейшее существование находится под вопросом и может быть обеспечено лишь в какой-то степени равноценным наследником — была также и судьбой этой монархии, хотя казалось, что она входит в круг эллинистических царств. Поэтому умирающему властителю ничего не оставалось, как назначить в завещании своим наследником 15-летнего внука Гиеронима, хотя он, по-видимому, отдавал себе отчет в том, что его характер внушает опасения. Пока мальчик не достигнет совершеннолетия, правление должно было осуществляться опекунским советом, причем Гиерон завещал придерживаться прежней политики союза с Римом (215 год).

4. Гиероним

Юный царь был представлен народному собранию Сиракуз пятнадцатью опекунами, которых назначил Гиерон, и собранию не оставалось ничего другого, как выразить свое согласие. Оно не имело государственно-правовой конституирующей силы уже хотя бы потому, что переходящее к Гиерониму царство ни своим возникновением, ни своей про-

тяженностью не ограничивалось Сиракузами. Скорее, речь шла только о демонстрации, как некогда и с Дионисием II. Краткое, продолжавшееся лишь 13 месяцев правление юнони, в правовом отношении не отличавшееся от правления Гиерона, не заслуживало бы места в истории греческой тирании, если бы современники и последующие поколения не воспринимали и не считали его тиранией. О «тирании Гиеронима» Батон из Синопа опубликовал целое сочинение, в котором с риторическими преувеличениями изображает ничтожность и подлинные или мнимые жестокости правителя. Другие авторы нарисовали похожую картину, охотно подхваченную римскими анналистами, поскольку внук Гиерона произвел поворот, намечавшийся еще его отцом Геллоном, и вскоре после прихода к власти перешел на сторону карфагенян. Уже Полибий отметил, что крайне антитираническая литература приписала ему больше позорных деяний, чем он мог бы совершить за свое короткое правление, и даже из осуждающего его рассказа Ливия становится ясно, что вина за некоторые преступления, например, за казнь друга Рима Фрасона, лежит не столько на Гиерониме, сколько на его дяде Адранодоре. Он, по-видимому, сразу же оттеснил других опекунов в сторону и, став единственным советником племянника, захватил всю полноту власти. Впрочем, у Полибия в общей характеристике молодого царя и в заслуживающем доверия изображении его надменного поведения по отношению к римским посланникам Гиероним предстает как тщеславный, в сущности, слабый, но именно поэтому еще более заносчивый и склонный к эксцессам человек. В определенной мере справедливы упреки враждебной тирании литературы, что он позволил опутать себя продажным льстецам, привившим ему нравственную распущенность и тираническую жестокость. Однако неверно утверждение, что только Гиероним начал носить диадему, окружил себя лейб-гвардией и царственной роскошью — по крайней мере, относительно диадемы, которую носил уже Гиерон. В основном же то, в чем историки обвиняли Гиеронима, проистекает из излюбленной ими типологии тиранов, элементы которой мало говорят о конкретном случае.

Римские авторы их жадно подхватили, чтобы противопоставить умеренному другу Рима Гиерону во всех отношениях необузданного врага Рима Гиеронима. В действительности же, насколько нам известно, он ничего не изменил в структуре основанной Гиероном монархии. Он был в большей степени тираном лишь в моральном, а не в политическом смысле.

Изменение внутренней политики произошло потому, что новый властитель, перейдя к карфагенянам, не опирался больше на проримски настроенных олигархов, а видел в них скорее своих врагов и преследовал их. В высшей степени сомнительно, чтобы этим он завоевал симпатии городских низов и сельского населения. Хотя эти враги желали отстранения от Рима, но продолжение действия «Лекс Гиероника» и взрыв ненависти к монархии после смерти Гиеронима свидетельствуют, что после первоначальных надежд они разочаровались в нем. Как Гиерон установил некогда свою тиранию с помощью наемников, так она и продолжала держаться на наемных войсках, оплачиваемых из царской казны, не имея другой надежной опоры. Организованный олигархическими кругами заговор быстро положил ей конец. Когда Гиероним находился в походе против римлян в Леонтинах, на него было совершено нападение, и он был убит (214 г.). Его тело как свергнутого тирана осталось без погребения. Его дядя Адранодор не смог противостоять олигархам, городскому демосу и сельскому населению, которые объединились, опьяненные свободой. Не говоря уже о том, чтобы занять место убитого, он вынужден был сдать островную крепость вместе с казной и подчиниться совету олигархов, не собиравшемуся при Гиерониме. Династия Гиерона прекратила свое владычество, и никто не желал, чтобы ее члены восстанавливали монархию.

Тем не менее Адранодор попытался это сделать, используя вновь возникшую вражду между проримскими олигархами и прокарфагенским демосом, договорившись с присланными Ганнибалом еще при Гиерониме Эпикидом и Гиппократом и пунийскими вспомогательными войсками, прибывшими некоторое время назад. Открыто примкнув к

карфагенянам, он был избран первым во вновь возрожденную коллегию стратегов. Теперь у него была возможность незаметно подготовить военный путч. Однако из-за опрометчивости Фелиста, мужа дочери Гелона Гармонии, посвященного в заговор, весть о нем дошла до совета. Когда Адранодор и Фелист, ничего не подозревая, вошли в здание совета, они были убиты, и это было встречено одобрением демоса. Вновь ненависть к монархии свела вместе олигархов и народ. Ожесточенная толпа стала требовать уничтожения всех членов бывшего царского дома, жертвами народного гнева пали Дамарета и Гераклея, дочери Гиерона, из которых первая была супругой Адранодора, а вторая — Зоиппа, а также Гармония и даже дочери Гераклея. В живых остались лишь Зоипп и младшие братья Гиеронима, которые еще при его правлении были отосланы ко двору в Александрию и, очевидно, больше не возвращались в Сиракузы.

Искоренение семьи Гиерона еще раз со всей ясностью показывает, до какой степени монархия, которую попытался восстановить Адранодор, в глазах толпы выглядела тиранией и воспринималась так же и олигархами. С окончательной ликвидацией монархии развалилось и государство Гиерона, когда отдельные города, где, по-видимому, к власти пришел демос, примкнули к карфагенянам, владычество которых они, очевидно, считали более мягким, чем прежде с его ограничением автономии полиса и непомерными налогами. На сторону пунийцев эти города подтолкнули также претензии олигархического совета Сиракуз, поддержанные Римом, на наследие царя в виде подвластных ему некогда общин. Однако серьезной попытки осуществления этих требований не могло произойти уже потому, что под впечатлением завоевания и разграбления Леонтин Клавдием Марцеллом (214/213 гг.) и под влиянием посланцев Ганнибала Эпикиды и Гиппократа, которых народ после смерти Адранодора избрал стратегами, совет утратил политическое руководство, хотя в коллегии стратегов и были сторонники олигархов. Братьям, которые не смогли спасти Леонтины, из Гербесса, примкнувшего к карфагенянам, удалось переманить

на свою сторону войска, присланные их противниками в коллегии стратегов, прежде всего наемников и бывших солдат лейб-гвардии, а также перебежчиков с римского флота и даже граждан Сиракуз, и с помощью части городского населения вновь войти в Сиракузы. Согласно тенденциозному сообщению Ливия, Эпикид и Гиппократ были вновь избраны стратегами только благодаря этой пестрой толпе своих приверженцев. Однако за них как единственных полномочных стратегов должно было проголосовать большинство сиракузцев, которые одни имели право голоса. В качестве таковых братья и руководили впоследствии борьбой против римлян (213/212 гг.).

Чрезвычайная должность стратега-автократора уже неоднократно служила трамплином для тирании. *Эпикид* и *Гиппократ*, по отцу происходившие из Сиракуз, но имевшие мать-карфагенянку, согласно имеющимся у нас только римским источникам, стали тиранами города, как до этого они были телохранителями Гиеронима. После короткого периода свободы Сиракузы вновь попали в кабалу. После возвращения из Гербесса, напад на граждан врасплох, братья овладели городом, подавили свободу и законный порядок и проявили себя как жестокие деспоты. Неудивительно, что в Риме их обоих, руководивших долгое время упорным сопротивлением Сиракуз, заклеили как тиранов, по соответствию действительности, что большинство сиракузцев в том отчаянном положении, в какое постепенно попал город, напрасно винили во всем тиранов. Уже Марцелл после катастрофы в ответ на попытку свалить всю вину на братьев заявил, что тираны не принуждали граждан вести борьбу против Рима, а те сами подчинились тиранам, чтобы ее продолжать. Он имел в виду, очевидно, избрание братьев полномочными стратегами. И действительно, возникает вопрос, на самом ли деле они совершали над полисом насилие как тираны или действовали в рамках своих чрезвычайных полномочий. Хотя то, как Эпикид и Гиппократ со своим пестрым войском из Гербесса вошли в Сиракузы, напоминает о тираническом государственном перевороте, однако до этого они подверглись вооруженному нападению

со стороны своих олигархических состратегов и пришли на помощь демосу. Демос их принял с готовностью, штурмовал под их руководством городской район Ахрадину, где олигархи закрепились и погибли, и избрал братьев полномочными стратегами против подступающих римлян. Понятно, что теперь их выставляли тиранами в первую очередь олигархи, а не римляне. Один из олигархов Диномен, который участвовал в убийстве Гиеронима, почувствовав себя ниспровергателем тиранов, устроил покушение и на братьев, но неудачно. Даже враждебное Эпикиду и Гиппократу предание не может назвать однозначно тиранических мер. Освобождение рабов и заключенных — излюбленный мотив типологии тиранов — следует приписать скорее народу, чем им, и оно объясняется необходимостью отчаянной борьбы; распоряжение средствами из бывшей царской казны предоставлялось им как неограниченным стратегам, а в лейб-гвардии — еще одним признаке тирании — они нуждались, учитывая преследования олигархов. Впрочем, некоторые из них, очевидно, перешли на сторону братьев. Конец братьев также свидетельствует не в пользу тирании: когда они поняли, что Сиракузы своими силами не продержатся против римлян, они оба покинули город, чтобы принести помощь от карфагенян. В боях пунийских деблокирующих войск Гиппократ погиб под Сиракузами, а Эпикид, не добившись новой подмоги, остался в Акраганте, чтобы участвовать там в последующих боях против римлян, но в конце концов вынужден был спасаться в Карфагене, откуда оба брата были родом. Не ими, а Гиеронимом и неудавшейся попыткой Адранодора заканчивается история греческой тирании на Сицилии.

Глава IV ТИРАН В ОЦЕНКЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Общие суждения

Представление, которое составилось о тиране в течение веков после смерти Александра, известно нам в основном не по современной тиранам греческой литературе, которая по большей части утеряна, а по произведениям писателей позднереспубликанской эпохи Рима и периода римских императоров. На их мнения оказала известное влияние политическая ситуация в Риме, но в гораздо большей степени — эллинистическая типология тиранов, которая сформировалась в классический период и господствовала с тех пор. С середины III века она уже не могла использоваться в качестве примера современных греческих тиранов, поскольку их просто больше не существовало. Поэтому в качестве представителей чистой тирании использовались примеры властителей далекого прошлого: Фалариса, Писистрата, Дионисия I и его сына, Александра из Фер, Аполлодора из Кассандрии. Однако понятие «тиран» с IV века трактуется преимущественно в моральном плане и используется, скорее, для характеристики не политической ситуации, а самого господства, поэтому легитимных царей и территориальных владык могли просто заклеить тиранами. В качестве примеров приводились в основном прежние или современ-

ные монархи независимо от их государственно-правового положения, которые правили с помощью силы (или существовало мнение, что они правят с помощью силы). Напротив, политическое понятие «тиран» сохранялось еще в эллинистических республиках, пока существовала опасность, что очень богатый или поддерживаемый внешней силой гражданин или пришлый кондотьер станет тираном. Такие случаи во множестве встречаются в эллинистическом мире. Опасность неполитической тирании в греческом смысле существовала, по-видимому, прежде всего в позднереспубликанском Риме.

Здесь уже давно заимствованное слово «tyrannus» привычно употребляли, чтобы заклеить человека, который действительно или по мнению противника преступил отцовские обычаи и существующий государственный порядок, чтобы захватить и закрепить монархическое положение. Так, Гракхи и их противники называли друг друга «тиранами», Цицерон — Помпея, Ватиния, который отвечал ему тем же, Клодия, а также Антония в 44—43 гг. до н. э. Цицерон, Брут и другие видели в Цезаре тирана в старом, греческом понимании, и устранение его казалось им славным делом, как некогда поборникам свободного греческого полиса. Ибо сам факт его единоличного правления делал его тираном. Иначе произошло с «тираном» Суллой, который получил это наименование, скорее, из-за произвола и жестокости своего правления, чем из-за монархического положения, когда он в течение трех лет был диктатором. Моральный критерий был определяющим в отношении Цицерона к Верресу, когда он описывал его злоупотребления полномочиями наместника теми красками, которые были обычны для портрета греческого тирана. Слово «тиран» как политический термин больше не употреблялось на греческом востоке после его включения в Римскую империю, где в это время происходила консолидация принципата, который, несмотря на всю республиканскую маскировку, напоминал эллинскую тиранию. Напротив, термин «тиран», оценивающий характер властителя и его правление с моральной точки зрения, не только продолжал существовать в позднеклассический и

эллинистический период в римском мире, но и приобрел большую актуальность перед лицом деспотической личности и автократического правления отдельных императоров. К тому же, как и прежде, он играл значительную роль при суждениях о сущности подлинной царской власти. Эти обсуждения, непрерывно продолжавшиеся в течение веков со времен Антисфена, Ксенофонта и Исократ, дают много сведений об общем отношении к тирании в эпоху эллинизма благодаря противопоставлению идеального царя и типичного тирана.

Необозримо количество сочинений — к сожалению, в основном утраченных — о царской власти, либо обращенных к образованным людям, либо оставленных как послания или обращения к отдельным правителям. Если вначале убожество полисов IV века подчеркивало преимущества монархии и заставляло рисовать портрет идеального монарха, то в эллинистический период и позднее при римских императорах тема получила иной поворот. Будь то члены Академии, мегарики, киники, перипатетики, пифагорейцы, эпикурейцы или стоики — авторы этих сочинений предъявляли одни и те же требования к личности властителя и характеру его правления. И в трудах эклектичных философов-популяризаторов, историков, литераторов различных жанров, там, где затрагивается проблема настоящей царской власти, трактовка также не отличается от традиционной в философских школах. Следовательно, можно говорить о некоем каноне царя, который является противоположностью канона тирана и который мы вкратце рассмотрим.

Что касается личности царя, то кроме мужской добродетели он должен обладать разумом и проницательностью, трезвостью и самообладанием, высокими чувствами и образованностью, чувством чести, правдивостью и набожностью, далее, государственными качествами, мужеством на войне и готовностью сносить тягостный труд. Полно достоинства его поведение, делами правления он занимается с рвением и дальновидностью; он дорожит дружбой и выказывает подданным человечность, доброжелательность, заботу, но прежде всего справедливость. Проявляя к ним мягкость и

милость, он наказывает лишь в случае необходимости, ведет себя как их отец и пастырь. Именно эти качества, а не оружие и собственность, отличают его от тирана. Если он их проявляет и все прочие чиновники следуют его примеру, то он будет счастлив сам и сделает счастливыми других, укрепит свое господство и завоюет симпатии, отзывчивость и благодарность, будет почитаться как благодетель, помощник и спаситель. Однако это означает: он правит с согласия подданных и в этом отношении также являет противоположность тирану, для которого характерно как раз то, что он осуществляет свою власть против воли граждан.

Менее однозначна противоположность во втором, также старом признаке тирании — в том, что она осуществляется не в соответствии с законом. Для Платона в «Политике» и для Аристотеля монарх, обладающий высшим политическим благоразумием и всеми добродетелями властителя, был выше законов или же сам был номосом (законом). Греки же периода абсолютных эллинистических монархий считали подлинного царя выше всего, воплощением номоса (номос эмписихос). Мировой моральный закон, которым проникнут приравняемый к богам подлинный царь, выше писаных, безжизненных (апсихой) законов. О царских законах говорили уже Ксенофонт и Исократ. Если в практике управления государством царские указы именовались законами, то это соответствует представлению об идеальном царе как носителе высшего номоса. Именно этот высший номос связывает подлинного монарха законом больше, чем существующие законы. Таким образом, различие между царем и тираном сводится лишь к личности властителя и характеру его правления. Именно в этом смысле греческие или эллинизированные писатели в течение многих веков противопоставляли подлинного царя, который служит всеобщему благу, эгоистическому, незаконному, жестокому тирану. Из древности до нас дошел список оценочных эпитетов, которые нужно было применять к подлинному царю либо к тирану.

Тиран — таково всеобщее убеждение — лишен аρετή, он действует, побуждаемый слепой страстью, и безудержно сле-

дует своему вожделению. Не знающий меры и надменный, он лишен образованности и высоких чувств; ему чужды чувство долга и правдивость. Вместо того чтобы проявить набожность, он святотатствует перед богами и их святилищами. Тиран труслив и не переносит тягот; ему не хватает способностей к государственным делам. Вместо достойного поведения царя, которым он хочет казаться, он создает пародию своей безвкусно преувеличенной роскошью. Он боится души не об усердном и бескорыстном ведении дел, а о беззащитном использовании своей власти для удовлетворения собственных прихотей. У него не может быть ни человеколюбия, ни дружбы, ибо он терпит вокруг себя только льстецов и не способен к подлинной привязанности. Полный ненависти и презрения, бесчеловечный в любом смысле, он подобен дикому животному. Он ничего не знает о доброжелательности и заботе о своих подданных, наоборот, подавляет их и делает рабами своих страстей. От тирана нельзя ожидать ни мягкости и милости, ни справедливости, ибо он попирает право ногами, руководствуется алчностью и даже убивает из прихоти. Не отец и пастырь, нет, деспот, палач, разбойник и губитель, символом которого должен быть не бык, аллегория царя, а хищные звери: наподобие льва, дикого кабана и орла; вместо симпатии он вызывает страх и ненависть и несчастлив сам, потому что не делает счастливым никого. Поэтому он ко всем питает недоверие и боится за существование своего господства, которому, как ему кажется, угрожают даже его телохранители. Так тиран осуществляет свое правление против воли всех подданных и не по законам, писанным или неписанным, высшему номосу, который олицетворяет подлинный царь. Как говорится у позднейших авторов, для царя номос является образом жизни (тропос), тогда как для тирана его собственный образ жизни кажется номосом.

Во времена императора Траяна близкий к книжкам ритор Дион Хрисостом настолько впечатляюще противопоставил царствование (Басилея) и тиранию в аллегорической картине, что ее пересказ оправдан в нашем изложе-

нии. Геракл, считавшийся у кириков идеальным мировым владыкой, который повсеместно свергал тиранов, подводится Гермесом к крутому гористому массиву; тот снизу кажется сплошным конусом, но в действительности разделен на две расходящиеся вершины, вершину царя и вершину тирана, из которых первая посвящена Зевсу, а другая носит имя Тифона. Путь к первой широк и безопасен, ко второй, напротив, — тесен и опасен. Эта вершина окружена туманом, тогда как царская парит в чистой выси. Здесь в белом одеянии, держа скипетр из благороднейшего металла, на мерцающем троне сидит женщина благородного вида. Ее облик излучает мягкость и величие, выражение ее лица исполнено покоя. Вокруг нее видны прекрасные плоды и живые существа всех видов, а также бесчисленные сокровища. Однако глаза этой женщины ищут не эти сокровища, а плоды и живые существа. Геракл, охваченный благоговейным трепетом, спрашивает Гермеса, кто эта женщина, и слышит в ответ, что эта Басилея, благодетельная богиня, дочь Зевса. Стоящая от нее по правую руку женщина, смотрящая властно и вместе с тем кротко, — это Дике (Право); рядом с ней и похожая на нее — это Эвномия (Законность). По другую сторону он видит цветущую, изысканно украшенную, улыбающуюся Эйрену (Мир). Крепкий седой мужчина благородной наружности рядом со скипетром Басилеи — это номос, называемый также «Прямой разум» (Орфос Логос), без которого эти женщины ничего не могут придумать и исполнить.

Затем Гермес ведет Геракла к вершине тирана, к которой, как он говорит, многие стремятся и ради нее делают все возможное. Нечестивые совершают убийства; родители, дети и братья угрожают жизни друг друга, поскольку они страстно желают и превозносят величайшее зло, власть без разума. Единственный видимый путь к этой вершине не только очень узок, но и таит угрозу в виде неожиданных пропастей и ущелий. Да, эта часть горного массива полна таинственными пещерами, и на тропах видны трупы и кровь. По наружной дороге оба поднимаются наверх и видят

Тиранию, которая выдает себя за Басилею и подражает ей во всем, сидя на чрезмерно высоком, перегруженном драгоценными украшениями, но качающемся троне. И все остальное тоже рассчитано на видимость, все пышно, кичливо, но здесь царит беспорядок (Космос). Вместо улыбки на лице Тирании — злобная ухмылка, вместо величественного взгляда — дикий и мрачный. Чтобы выглядеть важно, она презрительно смотрит вверх входящего, чем вызывает ненависть к себе и сама не доверяет никому. Беспкойно блуждает ее взор, она все время соскакивает со своего места. Свое золото она бесстыдно прячет на груди, но внезапно испуганно отбрасывает его и тем не менее может отобрать у проходящего самую малую безделицу. На Тирании роскошное и очень пестрое платье, которое, однако, разорвано во многих местах. Выражение ее лица постоянно колеблется между страхом, недоверием и злобой: то она безудержно хохочет, то проливает слезы. Ее, как и Басилею, также окружают женщины, но они совсем другого рода: Омотес (Грубость), Гибрис (Заносчивость), Аномия (Беззаконие), Стасио (Мятеж), которые все вместе стараются ее погубить и свести в могилу. В особенности стремится к этому стоящая здесь вместо Филии (Дружбы) рабская и низменная Колакея (Лесть). На вопрос Гермеса, какая из двух восседающих на престолах женщин ему больше нравится, Геракл отвечает, что он восхищается Басилеей, любит ее и видит в ней подлинную, достойную восхваления и подражания богиню. Тирания же ему настолько ненавистна, что он хотел бы разозжить ее о скалу. Зевс, которому Гермес сообщает этот ответ, сразу же делает Геракла владыкой всего человеческого рода, и герой повсеместно, у эллинов и варваров, уничтожает тираническое правление.

Свойственное греческой мысли моральное различие царей и тиранов, о котором шла речь, первоначально было чуждо римлянам. В старые времена, что достоверно доказано и подтверждается также словоупотреблением их историков, они не видели различия между «гех» (царь) и

«tyrannus» в смысле плохой и хороший правитель и подчас произвольно употребляли оба слова, хотя уже были знакомы с этими понятиями из греческой философии. Это происходило еще и потому, что римлянам, не имевшим собственного идеала царя, слово «гех» (царь), как замечает Цицерон, со времени Тарквиния Гордого было ненавистно, и эллинистические монархии небезосновательно напоминали им тираническое правление. В дискуссиях на государственнотеоретические темы по греческому образцу у римлян продолжалась моральная конфронтация царя и тирана. Она наблюдается уже у Цицерона, а во времена укрепления принципата у стоика Сенеки выглядит вполне привычной. При этом нельзя упускать из виду, и это, разумеется, было отмечено уже греками, что действительность ни в данное время и ни в какие другие времена не соответствовала и не могла соответствовать идеалу царя. При этом указывали на властителей из далекого прошлого, которые из хороших царей стали плохими тиранами: Кекропа, прежних властителей Ахайи, Ромула, Тарквиния Гордого. То, что тирания может происходить не только от демагогии, но и от вырождения царской власти, подчеркивал уже Аристотель в дискуссии с Платоном; в учениях о цикле государственного устройства, которые разработали Полибий и Цицерон, опираясь на греческих философов, она появлялась преимущественно как поздняя стадия царской власти, возникающая по внутренней необходимости, когда царская власть погрязнет в эгоизме и сибаритстве, беззаконии и деспотизме. С другой стороны, во времена, когда Римской республике грозило насилие со стороны одного человека, в Риме учитывали и другой путь появления тирана, так впечатляюще изображенный Платоном. Совершенно в духе этого философа Сципион Младший у Цицерона представляет подъем демагога-тирана, благодаря всеобщей распущенности, и, кроме того, высказывает мысль, что вырождение каждой из трех форм государства — царства, аристократии и демократии — вызывает появление тирана или тиранической группировки.

2. Образ тирана

Уже противопоставление тирана и царя позволяет увидеть, что образ тирана, созданный в V и IV вв., с небольшими нюансами остался неизменным до поздней античности. Обстановка в греческих полисах, явно или скрыто, оставалась той же, из него же черпались примеры, когда нужно было заклеить произвол и жестокость современного властителя. Практически необозримое количество высказываний во всех жанрах греко-римской литературы, а также их значительные совпадения и утомительные повторы всех тех же мотивов делают полное упоминание всех свидетельств не только ненужным, но и нежелательным, тем более, что самые существенные черты уже были названы при противопоставлении царя и тирана, так что вполне достаточно в рамках скупого эскиза подчеркнуть те моменты, которые до сих пор мало рассматривались. Тот вклад, который поэты, историки, философы и риторы эллинистического периода внесли в образ тирана, будет отдельно рассмотрен ниже.

О политическом положении тирана типология, рассматривающая его с моральной точки зрения, сообщает, естественно, немного. Для Цицерона тирания — это абсолютное господство одиночки, тогда как Корнелий Непот точнее определяет ее как неограниченную власть над ранее свободным государством. Однако всеобщим является мнение, что тиран попирает законы, уничтожает свободу слова, любую подлинную политическую общность и что ему принадлежит государственность. При такой ситуации возникает вопрос, является ли управляемое тираном государство, охваченное болезнью, например, чумой, все еще государством (республика). Сципион Младший у Цицерона это отрицает, однако после перехода Цезаря через Рубикон размышляет, следует ли при тирании отстраниться от государственных дел, можно ли в борьбе против тирана поставить на карту полис и тому подобное. Об актуальности политического понимания тирании греками свидетельствует то, что раз-

мышление дается на греческом языке, так же как и цитаты из Платона и Еврипида или образование новых греческих слов (например, «фаларизм») для характеристики жестокого деспота.

Тирания, как и прежде, характеризуется безграничной властью и пагубным ее использованием. Она всеми ненавидима как величайшее зло. Ее носитель подлежит проклятию, рассматривается ли его характер в целом, перечисляются ли типичные для него пороки и позорные дела или же речь идет о выявлении отдельных черт характера. Ему приписывают злодеяния всякого рода против богов и людей. Свирепость он считает признаком своей власти и стоит под тем же созвездием, что и палач. Он вызывает ужас и страх до такой степени, что мысль о потустороннем мире, где нет тиранов, может утешить перед смертью. Однако страх и ненависть падут на него, потому что он их и вызывает; он вынужден сам бояться и не доверять даже своим родственникам, телохранителям и мнимым друзьям. Итак, он подобен свиньям Эзопа, уже при одном прикосновении испытывающим ужас смерти, поскольку знает, что заплатит за жизнь. Постоянно повторяются также старые мотивы, что тиран убивает именно лучших, потому что не может их вынести, что он не способен к подлинной дружбе, а общается лишь с дурными и вместо друзей окружен льстецами. Достойные люди отвергают всякие связи с тираном; для тех же, кто имеет с ним дело, это общение очень опасно. При нем можно порицать только другого тирана. И именно тот, кто ищет его общества, низвергается тираном на самое дно. Как и прежде, в представлении о тиране он является рабом своих низменных страстей, погряз в жажде наслаждений, роскоши и изнеженности, которые сочетаются с жестокостью, хотя именно он для укрепления своей власти должен отличаться самообладанием; что он насилует женщин и детей. Необразованный, бесчеловечный в любом отношении тиран — это не что иное, как хищная bestия. «Нельзя себе представить более отвратительного, ужасного, ненавидимого богами и людьми живого существа, чем тиран. Как можно назвать человеком того, у кого нет ничего

общего ни с одним гражданином и ни с одним человеком?» — говорится в «Государстве» Цицерона. Если же при тиране на общину нападёт чума, то тиран сам болеет душой. Он болен и несчастлив. Это также старое мнение, которое достаточно часто повторяли философы, говоря о его постоянном страхе и отсутствии любви, дружбы и каких бы то ни было теплых личных отношений. Слепая толпа восхищается властью и великолепием правителя, а властолюбивые натуры любят тиранию как нечто божественное и достойное любви жертв, тогда как благоразумный человек предпочитает частную жизнь фальшивому блеску ненавистного, пагубного господства, которому к тому же постоянно угрожает скорый насильственный конец.

Существовавшее в эллинистический период отношение к устранению тирана ничем не отличается от бытовавшего в V—IV веках. И сохранившиеся записи законов, и бесчисленные высказывания в греческой и римской литературе свидетельствуют о том, что, по всеобщему мнению, тиран заслуживает смерти, а тираноубийца — почета и вознаграждения. Слово «*tyrannoktonos*» (тираноубийца) появилось лишь сейчас. Его перенял Цицерон, но вскоре римляне стали использовать латинский перевод «*tyrannicida*». Ликование по поводу убийства тирана вспыхивало не только из-за современных событий, например, убийство Цезаря; среди образованных людей в эллинистических или глубоко эллинизированных странах восхищение всегда вызывали примеры из истории, прежде всего, образы Гармония и Аристогитона. Тираноубийство было также излюбленной темой риторических упражнений. Здесь перечислялись обычные в таких случаях действия: устранение статуй тирана, отказ в погребении на родине, убийство его детей, отмена его распоряжений и возврат награбленного им имущества. В основном же вслед за Платоном, Аристотелем и даже Фалесом с удовлетворением констатировалось, что тирания, к счастью, недолговечна и, как правило, имеет насильственный конец, причем наказание предшествует обвинению, а осуждение — изобличению. Судьба все равно наступит если не основателя тирании, то его сына, который часто правит хуже, чем

отец. Что наступит после свержения тирана, зависит, по мнению Цицерона, от того, совершили его патриоты или авантюристы, аристократы или народ.

3. Тиран в литературе

Общий портрет тирана эллинистической эпохи, нарисованный в предшествующем разделе, должен быть дополнен тем вкладом, который в него внесли поэты, историки, философы, риторы, каждый на свой лад, хотя многие их суждения уже приводились в качестве примера отношения к тиранам. Морализаторское рвение и стремление изображать и проклинать людей, преступивших все божественные и человеческие установления, характерны для отношения к феномену греческой тирании и придают общей картине больше жизни и красок. Само собой разумеется, основные черты повторяются, но сейчас речь идет не об этих известных чертах, а о точке зрения и характере изображения у отдельных авторов.

Поэзия

Прежде чем говорить о поэзии, следует обратиться к высказываниям на эту тему в вечно живой мифологии греков. Таким богам, как Зевс, Гадес, Эрос и Арес их всевластие и безудержность уже в классическое время принесли наименование «тиран»; в магии Аполлон и Селена также именовались «тиранами». Плутарх приписывает это суеверию, однако, скорее всего, сказывается влияние восточных представлений; так, малоазийский бог Мен имеет прозвище Тиран. Тираном называли также Посейдона, и вообще число мифических тиранов заметно увеличилось, потому что стали упоминаться некоторые ранее не известные

легендарные властители. Так, легенда рассказывает, что Артемида приказала львице разорвать тирана Амбракии по имени *Фалек*; другая легенда рассказывает, что в Мелите ужасный тиран, имя которого — *Тартар* — произносили лишь чужаки, был убит Астигитом, братом опозоренной им девушки Апалис, причем мелитяне чувствовали убийцу, а труп изверга бросили в реку, которая теперь называется Тартар. Тиран *Милон* в Писате за свои жестокости был утоплен; другой тиран, *Триз*, место правления которого неизвестно, запретил разговоры и даже мимику и был убит вместе со своей лейб-гвардией, когда выступил против того, что граждане плакали. Рукой бога, как и Фалек, был наказан тиран с вызывающим именем *Филантрон*. Придя в ярость от того, что его молитвы не были услышаны, он поджег святилище в Олимпии, за что вместе со своей свитой в триста человек был поражен молнией Зевса. Гиганты и другие мифические персонажи, которых прикончил Геракл, уже в IV веке считались тиранами. Теперь тираном стали называть и Эврисфея, и герой, как уже отмечалось, был увенчан кипиками, прежде всего славой тираноборца. Излишне напоминать, что все эти мифические персонажи считались тиранами не с политической, а с моральной точки зрения. Они были образцовыми чудовищами и извергами. Легендарная восточная царица Семирамида лишь потому считается тираном, что она, будучи уже в возрасте, похотливо принуждала других к сожителству; по сведениям ритора Диона Хрисостома, среди тиранов-мужчин это делал только один.

В трагедии V века мифические цари появлялись на сцене в виде тиранов, и в драмах последующего времени не было недостатка в тиранах. Комедия же, напротив, чем больше обращалась к сфере частной жизни, тем меньше имела поводов говорить о тиранах или высмеивать их. Во фрагментах комедий раннеэллинистического периода встречается поэтому лишь несколько высказываний в виде сентенций, например, что лезье губит тиранов и полководцев; что тираны несчастны из-за подозрений, которые они постоянно питают; что для некоторых людей владыкой является

тиран, а для тирана — страх. Напротив, в полутысячелетие после Александра излюбленной темой трагедий были тираны и тираноубийство. Несколько лет назад был найден панирус с фрагментом драмы Гигеса, из которого, к сожалению, можно понять лишь то, что тиранически вел себя лидийский правитель, в отношении которого уже Архилох употребляет термин «тиран». С большей уверенностью можно говорить об изображении тирана в некоторых утраченных трагедиях, где в центре внимания также находится исторический тиран. В «Ферейцах» Мосхиона это был Александр из Фер, в «Кассандрийцах» Ликофрона — Аполлодор из Кассандрии; оба они часто считаются прототипами жестокого тиранства. То, что трагики не могли пройти мимо образа Фалариса, было понятно, даже если бы письма за его именем это не подтвердили.

Римские драматурги унаследовали от греков вместе с темой тирании и эллинистическую типологию тиранов. Никакого сомнения, что Акций в «Бруте» изобразил с ее помощью Тарквиния Гордого. Наконец, Сенека в своих трагедиях не переставал изображать тиранов и тиранию во всех ее пороках. Еще более ужасными выглядят у него эврипидовские образы Ликия, Этеокла, Атрея и Эгисфа. Так, для примера, у поэта Ликий заявляет, что тот не знает толк в тирании, кто всех подряд карает смертью. Наоборот, наказание должно быть различным: жалкому запрети, а счастливому повели умереть! В уста Этеокла он вкладывает слова: «Тот, кто боится ненависти, не хочет властвовать. Божественный основатель миров соединил друг с другом широкую власть и ненависть. Хороший властитель подавляет эту ненависть. Любовь подданных многое запрещает делать властвующему; кто не ищет, тот правит слабо». Атрей чванится тем, что при его правлении люди жаждут смерти, и считает, что там, где правителю дозволено лишь достойное, правление осуществляется не в полную силу. В своей тиранской заносчивости он заходит так далеко, что отвергает богов, после того как жестоко утолил свою жажду мести Фиесту. Бессильны все доводы, которые собеседники выдвигают против такого поведения: что власть ничтожна и

преходяща; что возбуждающий страх сам повергнут в постоянный страх; что жизнь в тишине лучше, чем тирания. Картина подлинного благородного правления, которую рисует хор, по воле поэта лишь усиливает впечатление грубости и отвращения к тирании. Как и цари древних времен, Нерон в «Октавии», чье матерсубийство вуалируется как бы делом Дионисия, не только часто именуется тираном, но и характеризуется чертами типологии тиранов: он — это чума, хуже, чем Тифон, враг богов и людей, которого в преисподней ожидает ужасная, но заслуженная кара. Мифические персонажи других драм Сенеки, очевидно, должны были напоминать о Нероне или императоре Гае*. Однако не только политическая действительность, как бы актуален для нее ни был духовный спор с тиранией, и не обычное для стоиков осуждение тирании побудили Сенеку рисовать кричащими красками безудержно жестокого и наглого, вызывающего страх и ненависть тирана. В риторически-патетических преувеличениях чувствуется чуть ли не упоение пороком и жестокостью. Изображения тиранов такой кардинальной бесчеловечности, как у Сенеки, нельзя найти в греческой литературе, несмотря на всю ее страстную ненависть к тиранам.

Если остатки греческой эпикей эллинистического периода не содержат больше достойных внимания высказываний о тиранах или тирании, то в эпической или сатирической поэзии римлян продолжает существовать перешедший по наследству эллинский образ тирана, хотя слово «тиран» часто употребляется в смысле «гех» без подчеркнуто негативной оценки. Так, например, Вергилий изображает легендарного владыку этрусского города Агиллы Мецентия и его сына Лавса или Пигмалиона из Тира как жестоких тиранов обычного типа. Из эллинистических царей в аналогичном свете поэт Лукан изображает Птолемея XIII, который приказал убить Помпея. Но и Цезарь для него является тираном, и не только в политическом смысле, как для современников. Он выразительно именуется «диким тираном», а восхваление его убийства паталкивает на мысль

* Калигула.

об устранении Нерона. Ибо император представляется ему, как и автору «Октавии», а позднее Ювеналу, ужасным, кровавым тираном, в портрете которого действительно присущие ему черты соединяются с чертами, заимствованными из греческой типологии тиранов. Насколько сильно она повлияла на мышление и мир представлений римских писателей, видно также из общих замечаний, встречающихся в их произведениях. «Справедливого и твердого характером человека не потрясет вид грозного тирана», — говорится в начале третьей Римской оды Горация. «Нет ничего восприимчивей, чем ухо тирана, с которым опасно говорить даже о погоде», — считает Ювенал, который следует здесь греческой традиции, утверждая также, что тиран редко умирает естественной смертью. То же относится к Горацию или Лукану с его советом в критическом положении разыгрывать перед тираном маленького человека. В этом ряду также следует назвать Персия, у которого дикие тираны, разум которых помутила жадность, в качестве наказания видят утраченную ими добродетель и от этого гибнут.

Историография

Несмотря на утрату большинства исторических отношений эллинистической эпохи, можно представить себе, какой большой интерес проявляли историки этой эпохи к тирании, хотя с конца III века они перестали быть заметным фактором в политической расстановке сил. Начатое Аристотелем изучение тирании, с общественно-политической точки зрения, нашло свое отражение у ранних перипатетиков в сочинениях Феофраста о явлении как таковом и в трактате Фаиния с Эреса об устранении тиранов из мести; последний опубликовал также историческую монографию о тиранах на Сицилии. Столетие спустя, около 200 года до н. э., Батон из Синопа в своем монографическом сочинении, от которого, к сожалению, не сохранилось ни одного фрагмента, рассмотрел тиранию Гиеронима в Сиракузах,

Харона в Карфагене и всех тиранов, которые были до его времени в Европе и Азии. В локальных историях, как, например, Гиппия из Эретрии (время неизвестно) или Нимфия (около 150/100 гг. до н. э.), а также Мемнона из Гераклеи Понтийской, немалую роль играли тираны, правившие родными городами авторов. На все названные произведения, как наверняка и на все утраченные, оказала влияние бытовавшая в кругах перипатетиков склонность к морально-философской характеристике и драматическому оживлению. Очевидно, этой склонности можно приписать то обстоятельство, что авторов интересовала тирания, скорее, не как явление политической жизни, а прежде всего речь шла о личности тирана, образ которого рисовался на основании анекдотов и страшных историй. Кое-что подобного рода содержалось в недошедших до нас сборниках курьезов, как например, Гегесандра из Дельф (около 150 года до н. э.). Всем, что нам известно из подобных рассказов, мы обязаны по большей части сохранившимися произведениями более поздних собирателей, как, например, Валерия Максима, Элиана, Полиена, Афеней. Много материала содержат также богатые биографические сочинения эллинистического периода, от которых до нас, к сожалению, не дошел портрет ни одного тирана, а также эротическая литература, пикантной темой которой были подлинный или мнимый разврат и насилия тиранов, а также поведение их жен и гетер.

В историографии высокого стиля в первую очередь следует назвать Тимея, Дурия и Филарха, которые в III веке — как за два столетия до них Феопомп — прославились рассказами, приукрашенными театральными эффектами или изображением жестокостей. От *Тимея* до нас дошло несколько фрагментов, касающихся Дионисия I, его сына, а также особо ненавистного ему Агафокла. Произведения Диодора в определенной степени опираются на сочинения тавроменийца, особенно в изображении сицилийского тирана. Для *Дурия* характерны драматические эффекты и охотно пересказывание анекдотов и любовных афер. О *Филархе* нам известно, что он эффектно отобразил насильственный

конец тирана Аристомеха (II) из Аргоса; очевидно, ему не принадлежит полное ужасов изображение Аристотима из Элиды. Изображение тиранов в виде извергов диктовалось в некоторых случаях исторической правдой, в других же — плохой осведомленностью автора, но в основном это определялось господствующей типологией тиранов и характерным стремлением к театральным эффектам. Лишь у Дурия, который сам был тираном, в красочных, полных анекдотов рассказах не преобладали мрачные ужасные черты. По-видимому, он отдавал должное способностям и достижениям Агафокла. В значительно большей степени это делали Антандр и Каллий из Сиракуз, написавшие оба историю тирана, причем первый был его братом, а второй — фаворитом. Показательно для единства общепринятого негативного изображения тиранов в эллинистическую эпоху, что лишь подобные личные связи или политические мотивы могли стать причиной литературного прославления тирана. Последнее испытал Гиерон II со стороны римских историков вопреки постоянно провозглашавшейся ими ненависти к тиранам. В других случаях опять-таки политическое соперничество оказывало на историков значительное влияние при изображении и моральном осуждении тирана. Так, например, борец за свободу Арат драматически и с восторгом описал в своих «Памятниках старины» падение ненавистного ему тирана Никокла из Сикиона, или римские анналисты под влиянием антитиранического лозунга, выдвинутого Римом во время войны, рисовали портреты спартанского царя Набия и Гиеронима из Сиракуз красками заимствованной у греков палитры, обычной для тиранов.

Для отношения *Полибия* к тирании политические факторы его времени также имели большое значение. Республиканский дух Ахейского союза, где его отец был стратегом, а сам он занимал высокие должности, проявился в негативной оценке не только отдельных царей, но и вообще царской власти и любого вида монархии. Он считал, что она уже по своей природе содержит зачатки тирании, и в повествовательных разделах своего исторического сочинения использует, наоборот, слово «монарх» для обозначения

тирана. Тиранов же он осуждает значительно сильнее, чем царей. «Уже само слово «тиран» заключает в себя самое гнусное содержание и охватывает все человеческие мерзости и беззакония». Ибо тиран возбуждает страх и господствует как деспот над ненавидящими его, сам их ненавидя. Историк, стремящийся к объективной оценке, избегает театрального украшения и преувеличения пороков тиранов; он подчеркнуто отказывается от риторически драматизированной историографии. Так, он отдает должное успехам Агафокла, не преукрашивая его преступлений, или замечает, что молодой Гиероним за краткий период своего правления не успел бы совершить столько преступлений, сколько ему приписывают историографы. Объективным является также трезвое утверждение, что тирания, которая в войнах не может положиться на ненавидящее ее гражданское ополчение, вынуждена прибегать к наемникам, особенно, если она стремится к великому. Напротив, менее объективен портрет Гиерона II, который рисует Полибий. Как и у римских анналистов, он определяется союзом царя с Римом и поэтому необычайно положителен, даже содержит черты идеального царя, ибо несмотря на его предубеждение против царской власти, историку не чужд ее идеал, постоянно восхвалявшийся в его время. Это отчетливо проявляется как в его противопоставлении подлинного царя и типичного тирана, так и в концепции круговорота форм государственного устройства. Здесь под влиянием философских учений, прежде всего стоиков, тирания рассматривается как вырождение в высшей степени положительной царской власти. То, что она может возникнуть из одичавшей, впаавшей в анархию демократии, в конце изображения круговорота говорится, скорее, намеком, а не ясно и открыто.

Историки последующих столетий, писали они по-гречески или на латыни, были всецело в плену эллинистического изображения тирана, ставшего каноническим. Исключением является Корнелий Непот, который, очевидно, под влиянием Филиста отдает должное великому Дионисию; в основном же главные черты этого образа переносятся историками без особых отклонений на исторические личности, которые

действительно были тиранами или их нужно было представить таковыми. При этом не имеет значения, заимствовали ли авторы обычные краски у своих предшественников или употребляли их самостоятельно. Даже занимательное и живое изображение Афенниона и Аристриона не дает ничего принципиально нового. Новым, однако, является нечто иное. Чем дальше уходило время, когда эллинистические тираны еще что-то значили и возбуждали интерес, и чем больше в это же время римская история становилась у греков основной темой историографии, тем чаще греческий стереотип тирана переносился на персонажей римской истории.

В качестве примера вырождения царской власти в тиранию послужили Ромул и прежде всего Тарквиний Гордый, если последний не воспринимался с самого начала как тиран греческого образца, так как согласно Ливию и Дионисию Галикарнасскому, он неправомерно, убив родных, добился господства, которое затем осуществлял незаконно, со всей жестокостью, опираясь на лейб-гвардию и совет «друзей». Заносчивым и грубым становится со временем его поведение, среди граждан снуют его осведомители, он произвольно применяет казни и ссылки, привлекает к принудительным работам, поскольку праздность считается ему опасной, и для сохранения своего правления заботится о поддержке других государств. Все это, как и изнасилование женщин его сыном Секстусом, — черты, которые отмечены еще в Аристотелевой характеристике тирана. Прозвище «гордый» заставляет вспоминать о наглой заносчивости, характерной для тиранов. Перенос на Тарквиния истории о том, как Фрасибул из Милета обезглавил перед Периандром колося, ясно показывают, что не только для греческих авторов Дионисия Галикарнасского и Кассия Дио, но не в меньшей степени и для римлянина Ливия, который также пересказал этот анекдот, мерилом послужило эллинское представление о тирании. Клятва в том, что царская власть не будет восстановлена, которую Брут заставляет дать народ, напоминает о греческих мерах предосторожности против возвращения тирании, хотя римский историк говорит о «гех»

или «regnum», а слово «тиран» употребляет лишь для характеристики чужеземных властителей.

Аналогичные выражения употребляют Ливий и другие римские писатели, изображая крах попыток основать в ранее республиканском Риме монархию. «Regnum», который хотели установить Кассий, Л. Мелий, Манлий Капитолийский, в политическом отношении не что иное, как тирания, подготовленная демагогическими средствами, которую, однако, власти задушили в зародыше, а узурпаторы искупили вину, представ перед судом. Греческие авторы говорят о тирании не только в этом случае; они считают тиранией также древнеримскую диктатуру и на первое место — из-за его преступлений — ставят диктатуру Суллы. То, что в греческой историографии даже Цезарь, если учитывать мнение его противников, был объявлен тираном, а убийство в мартовские иды было прославлено как тираноубийство, кажется естественным, учитывая уже упоминавшееся слово «тиран» во внутриримской борьбе. Цицерон, который считал, что победитель в гражданской войне, кто бы им ни стал, установит тиранию, рассматривал Цезаря как тирана в греческом смысле; он даже вложил в его уста высказывание Этеокла из «Просительниц» Еврипида: «Если уж нарушать закон, то ради тирании; в остальном лучше вести себя набожно».

После того как принципат, основатель которого в свои молодые годы мало чем отличался от жестокого тирана, утвердился как признанная государственная форма, для историков стало запретным употребление слов «гех» и «тиран» для характеристики политического положения императора. Что же касается его личности и характера правления, то, как уже отмечалось, императоры, которые выходили за пределы установленных границ и осуществляли жестокий произвол, повсеместно именовались тиранами. В распоряжении современных и позднейших историков был как сам термин, так и весь арсенал греческой типологии тиранов для характеристики подобного властителя. В дошедших до нас произведениях римских историков I и II веков слово «тиран» встречается лишь один раз у Светония в

отношении Тиберия; Тацит же, рисуя образы Тиберия, Нерона и особенно Домициана явно в духе эллинской традиции изображения тиранов, сознательно избегает этого слова и употребляет его только раз при цитировании Платона. Можно предположить, что и другие римские историки, чьи труды до нас не дошли, использовали его. Для греческих авторов это было естественным, как показывают Иосиф, Геродот и Кассий Дио, а последний говорит даже о воспитателе Нерона Сенеке как об учителе тирана (тиранодидаскал). Однако позднейшим историографам, писавшим на латыни, как, например, Евтропию, автору «Истории Августа», Аврелию Виктору или автору «Epitome de Caesaribus», и само греческое слово, и понятие вполне привычны, причем как в моральном аспекте, так и — в какой-то степени — в политическом. Однако наряду с использованием выражения для характеристики жестокого, деспотического властителя, очевидно, уже с III века, со времен Константина, «тиран» употребляется и для обозначения узурпатора. Таким образом, соперников можно было дискредитировать как с точки зрения их легитимности, так и характера их правления.

Но не только в употреблении слова продолжало жить греческое понимание тирана в античной историографии времен императоров. Выделенная уже Полибием проблематика любой монархии подталкивала выдающихся историков к обсуждению вопросов единоличного правления и заставляла обращаться не только к греческому идеалу царя, но и к греческому пониманию тирании. Так, во времена Северов Кассий Дио, иногда цитировавший слова Софокла о порождении, которое влечет за собой общение с тиранами, в своем большом историческом сочинении вкладывает в уста Агриппы речь, содержащую общие замечания с учетом положения Октавиана после достижения абсолютной власти. Здесь республике наряду с монархией противопоставляется тирания, в которую она легко перерастает; тирания изображается во всем произволе, пагубном гнете, ненависти; при этом используются элементы греческой типологии тиранов. В ответной речи Мессалы звучит постоянно повторяющееся

в течение полутысячелетия противопоставление идеальной царской власти и негодной тирании.

Философия

В представлениях об идеальном царе и его противоположности, тиране, сошлись во мнениях представители многих философских школ, а также эклектики наподобие Плутарха. Это мнение в основном настолько совпадает, что нет необходимости вновь подробно его рассматривать (сошлемся лишь на два первых раздела этой главы), в дальнейшем ограничимся рассмотрением некоторых особенностей отдельных направлений, а также принципиальным противопоставлением философа и тирана.

Что касается *Академии*, то в рамках нашего исследования было достаточно сказано о резкой враждебности ее основателя и его последователей к тирании. Характерно, что именно два ученика Аркесилая, Экдел и Демофан, убили тирана Мегалополя Аристодема и участвовали в свержении Никокла в Сикионе. Однако были и близкие к Академии люди — как, например, в середине IV века, — которые стали стремиться к тирании. Напротив, отношение *перипатетиков* к тирании ограничивалось в основном областью теории. Оно нашло свое выражение в исторических монографиях и морально-философских трактатах, в которых не в последнюю очередь была заклеяна жажда наслаждений (трифе) тиранов. Общественно-политический аспект рассматривал в основном Аристотель, а его ученик Теофраст — по-видимому, в своем сочинении о тирании, — подобно учителю, считал древнегреческих айсиметов «выбранными тиранами». Впрочем, Платон и Аристотель высказали о тирании все наиболее существенное, так что их эпигонам не удалось сказать что-либо новое и значительное.

Более ясно и очевидно, чем у академиков и перипатетиков, духовная дискуссия с тиранией протекала у *кинников*. Со времен Антисфена, а затем Диогена они столетиями

вносили свой вклад в создание и закрепление в общественном мнении общего представления о тиране. На их представителей, в особенности на Диона Хрисостома, постоянно ссылались, говоря об идеальной царской власти и тирании. Показательной для отношения киников к тирану является гордость благоразумного, непритязательного, внутренне свободного человека. В легендах, сложившихся вокруг образа Диогена из Синопа, приписываемых ему высказываниях и письмах, опубликованных под его именем, не без иронии демонстрируется надменное превосходство мудреца-кинника над царями, тиранами и прочими властителями. Все эти люди одурманены властью, чванливы и падки до наслаждений и вследствие этого кажутся тиранами рядом с царем, которым может быть только обуздавший свои страсти мудрец кинического образца: никто, кроме великого Александра, предполагаемая встреча которого с Диогеном многократно пересказывается с небольшими вариациями. Тем не менее, по словам Кратеса из Фив, ученика Диогена, тирания проистекает из сибаритства и стремления к роскоши и является величайшим злом, даже если первоначально она стремилась к добру. Настойчиво подчеркивает это и Эпиктет, который наряду со своим современником Дионом Хрисостомом дал наиболее впечатляющее киническое изображение тирана. Его высказывания могли иметь в виду правление Домициана, но в основном ориентированы на общепринятое представление о греческой тирании. Необразованный тиран кичится в тщеславной надменности своей властью над жизнью и смертью, но он может подвергнуть насилию лишь тело, а не душу; поэтому лишь человек с ложным пониманием истинных ценностей позволит себя запугать и будет лебезить перед властителем или его слугами. Напротив, мудрец, для которого тело значит немного, скорее даже является тираном его души, не склонится перед извергом и лучше примет от него быструю смерть, чем будет долго умирать от болезни. Для киников, разумеется, само собой, что тирания — величайшее зло, и тиран, вопреки распространенному мнению, не зависти достоин, а глубоко несчастен. Вскоре после Эпиктета близкий киникам Фавориний

сравнил тирана с затравленным зверем; ему не избежать наказания. А в воображаемом разговоре с Дионисием I он называет человеческие радости, необходимые погрязшему в наслаждениях тирану: голод, чтобы есть, жажда, чтобы пить, но самое лучшее — низложение тирании.

Образ тирана у *пифагорейцев*, насколько мы можем предполагать, не содержит каких-либо особых черт. Ибо то, что тиран нарушает закон и превращает подданных в рабов, что при нем община несчастна, было уже общеизвестно; то же относится и к характеристике тирана: ее можно представить как негатив с положительного портрета подлинного царя, на который только и направлен взгляд пифагорейцев. Нельзя говорить и о собственном представлении о тиранах *эпикурейцев*. Разумеется, они отвергали тиранию, но это не имело существенного значения хотя бы потому, что они по возможности избегали участия в политической жизни. Так, Плутарх не без упрёка заметил, что из школы Эпикура не вышло ни одного тираноубийцы. О мнении Филодема в I веке до н. э. относительно жизни тирана, царствования и тирании или тираноубийства судить трудно; с другой стороны, то, что эпикурейцы иногда занимали тираноподобное положение, не свидетельствует о положительном отношении школы к тирании.

Напротив, сопротивление *стоиков* тирании было принципиальным, безусловным и страстным, что особенно проявилось в Риме на исходе Республики и в период Империи. Их представление о тиранах отличалось от общепринятого лишь своей большей четкостью и походило на представление киников также и в том, что настоящим царем может быть только мудрец. Еще больше, чем другие, они пеняли тирану на отсутствие самообладания и противоречие естественному порядку. Особенно подчеркивает два этих момента Сенека, наш главный источник об отношении стоиков к тирании. В своих философских сочинениях он характеризует тирана как раба своих страстей, разбойника и хищного зверя, а в трагедиях на примере отдельных образцов показывает противоестественность личности тирана. «Презренный тиран», о котором говорил уже стоик Хри-

сипп, — это внушающее страх и боящееся само себя, ненавидимое и в конце концов ненавидящее само себя чудовище, которое не может измениться и поэтому совершает все новые преступления, — резко контрастирует с естественным и справедливым негосударственным порядком, столь близким стоикам. Он чума свободы, справедливости и законности. С ним не может быть общности, и если Сенека конкретно не восхваляет тираноубийство, а лишь призывает спасти от гнева тирана человека, находящегося под угрозой, то вообще стоики считали тираноубийство самым главным поступком, что и доказал Брут в мартовские иды. Однако тираном для стоиков, в соответствии с их общими представлениями, является любой дурной, самовластный, деспотический правитель, который ничего не хочет знать ни о собственной милости, ни о любви подданных. Царь тоже может быть тираном, ибо различие заключается не в положении или титуле, а в поведении, так что даже Дионисия I можно предпочесть некоторым царям.

Единодушное осуждение и проклятие тирании всеми философскими школами и лежащее в основе этого принципиальное противоречие между духовно-моральными обязательствами и безудержной жаждой власти и наслаждений сделали философов как нестигаемых свидетелей правды и права с IV века противниками тирана. От правителя, который старался стать настоящим царем, стоик Хрисипп мог потребовать, чтобы он общался с философами, оказать же духовное воздействие на тирана, каким его воспринимали в эллинистический период, было немислимо, хотя многие сочинения «О царской власти» были обращены к тираническим монархиям, а Сенека старался воспитывать Нерона достойным властью. Даже легенды ничего не рассказывают об исправлении или обращении тирана благодаря философу; подобное представлялось, самое большее, в воображаемой сфере риторических декламаций. Веками после Александра передавался один рассказ подобного рода, что Пифагон или Зенон дали Фаларису совет — разумеется, безуспешный — сложить с себя тиранию. В случае с Зеноном советчик якобы был замучен. Здесь проявляется господствующее

представление об отношении к тирану настоящего философа — он, несмотря на все угрозы властителя, остается при своих убеждениях и героически идет на мученическую смерть.

При этом мы можем сослаться не только на замечания общего характера у Цицерона и Горация, но имеем целый ряд впечатляющих, хотя в основном и легендарных историй, посвященных этой теме; например, рассказы о поведении киренаика Феодора, приговоренного царем Лисимахом к распятию, или о стойкости Элизара и семи его братьев по отношению к Антиоху IV. Однако наибольшее впечатление вплоть до поздней античности производило изображение мученической смерти Зенона Элейского и последователя Демокрита Анаксарха из Абдеры. Зенон, как сообщают, хотел свергнуть тирана своего родного города, но был схвачен и в качестве соучастников заговора назвал друзей тирана. За тем он заявил, что хочет сообщить тирану нечто секретное, укусил его за ухо и был заколот. Однако более распространенной была версия, когда Зенон, на вопрос тирана о соучастниках, ответил ему: «Ты сам, проклятье государства!». Затем он выразил удивление по поводу трусости присутствующих, которые продолжают служить тирану, откусил себе язык и выплюнул его тирану в лицо. Вслед за этим граждане забили тирана камнями.

Противником Анаксарха был царь кипрского города Саламина Никокреон, которого философ оскорбил при дворе Александра Великого. За это, когда он позднее попал на Кипр, властитель, как передают, приказал истолочь его в ступе. «Толки, толки телесную оболочку Анаксарха, самого Анаксарха ты не сможешь истолочь!» — выкрикнул мученик Никокреону и, прежде чем у него вырвали язык, сам откусил его и выплюнул в лицо царю. Этот мотив, встречающийся и в случае Зенона, присутствует также и в рассказе о гетере Лэйнне из времен Писистратидов; по-видимому, он был излюбленным в историях о неудавшихся покушениях на тиранов. Однако у Анаксарха речь идет не о протесте против тирании, а о необычайно жестокой мести. Хотя разделение тела и души подобало бы скорее кинику,

чем последователю Демокрита, судьба этого человека была представлена как судьба философа, противостоящего жестокому тирану. Зенон, по крайней мере, пытался устранить тиранию, но это же пытались порой совершить и нефилософы. Однако ненависть к тиранам образованных слоев в эллинистическую эпоху требовала, очевидно, знаменитых философов в качестве мучеников, не заботясь о том, пожертвовали ли они в действительности своей жизнью из-за своих философских убеждений, о которых в обоих случаях не было речи. Даже подлинные стоические мученики времен Нерона и христианские мученики не смогли заслонить эти легендарные примеры гордого самоутверждения перед силой тирана.

Безусловное противоречие между философом и тираном, которое в полной мере проявилось в отношениях Платона со старшим и особенно младшим Дионисием, имело следствием, что тирану, угнетателю свободного слова, стали приписывать страх именно перед духовно негибимым философом. Во времена императоров симптоматичным было изгнание Домицианом философов из Рима, которое коснулось тираноненавистников Диона Хрисостома и Эпиктета, однако и греческим тиранам с большим или меньшим основанием приписывалось желание избавиться от этих неудобных людей. Ненависть к философам была еще одной чертой портрета тирана. Именно поэтому противники философских школ с нескрываемым удовлетворением могли указать на то, что из этих кругов выходили тираны. Уже во второй половине III века до н. э. Гермипп опубликовал сочинение на эту тему, которое, впрочем, в его время еще не было актуальным, так что ему пришлось воспользоваться примерами в основном из IV века. В начатую Александром эпоху упомянутый Гермиппом Тимолай из Кизика вовсе не приходил к власти, а о более поздних академниках Дидоре из Адрамиттиона или о Дурисе, ученике Феофраста, точно не известно, разделяли ли они когда-либо определенное государственно-этическое учение. Эпикурейцы Идомеией из Лампсака, Лисий из Тарса, Аристион из Афин и без этого не чувствовали себя стесненными. Когда же в

I веке до н. э. образованные в духе Академии люди, например, в Тарсе, занимали ведущее положение, которое лишь их противниками именовалось тиранией, то это не противоречило учению самого Платона. Что же касается киников и стоиков, то ни один из них не предал дух своей школы и не стремился к тирании. Хватило того, что Сенека, несмотря на все свои старания по воспитанию и образованию Нерона, все же воспринимался как «учитель тирана».

Риторика

Исключительное значение риторики в духовной жизни эллинистической эпохи и последующих столетий стало причиной того, что для распространения и ускорения греческого образа тирана риторические сочинения, декламации и упражнения сделали больше, чем какое-либо другое литературное направление. В эпической и драматической поэзии, а также в наиболее читаемых историографических сочинениях, когда речь заходила о характеристике и осуждении тиранов, риторический элемент был настолько силен, что часто трудно отличить их от чисто риторической декламации. То же относится и к популярным философским трактатам, тогда как, наоборот, в специальных риторических сочинениях, особенно когда речь заходит о тирании, используются примеры из истории и мысли знаменитых философов. В рамках нашего исследования возникает вопрос, внесли ли риторические сочинения нечто новое и существенное в изображение тирана и духовную дискуссию о тирании. При этом следует учесть, что это новое следует искать, скорее, в характере изложения, чем в рассматриваемых явлениях и суждениях о них.

Что касается больших речей, то они были уже упомянуты в предшествующих разделах данной главы, особенно при противопоставлении идеального царя и типичного тирана. Прежде всего следует назвать Диона Хрисостома, который с большим искусством показал эту конфронтацию

и теоретически, и в аллегорической картине, а также впечатляюще изобразил несчастное душевное состояние тирана. Более поздние риторы, как, например, Элий Аристид, Фемистий, Синесий, в своих речах или сочинениях о царской власти, насколько нам известно, не смогли лучше охарактеризовать тиранов или тиранию или сделать это в новом аспекте. Нечто новое можно найти в сочинениях *Лукиана* из Самосаты. Одно из них под названием «Тираноубийца» не отличается от обычных риторических декламаций, о которых будет сказано ниже, однако в трех других содержится весьма оригинальная концепция. В первом сочинении, озаглавленном «Переправа, или Тиран» рассказывается, как убитый тиран с характерным именем Мегапепф (царство горя), после того как он тщетно пытался увильнуть через реку мертвых, пытается подкупить Клото, чтобы вернуться на короткое время в земной мир, где он хочет победить еще одного врага, соорудить себе памятник или, по крайней мере, посмотреть, что сейчас происходит в его доме. При этом, даже став мертвецом, он ведет себя надменно. Клото отказывает ему в просьбе и возвещает ему, что его сын будет вскоре свергнут другим властителем, его дочь станет любовницей нового тирана, а его вдову выдадут замуж за раба. Поставленные ему статуи и стелы с почетными надписями будут разрушены. Далее Мегапепф узнает, что он был убит одним из тех льстецов, которые только его и окружали. Диалог с Клото, искреннее остроумие и меткую шутку которого может передать только греческий оригинал, демонстрирует множество черт обычного портрета тирана. То же относится к высказываниям сапожника Микилла, который при жизни почитал тирана счастливецом, почти божеством, и к речи, в которой после переправы к Гадесу некий Киниск (подразумевается киник), который был распят Мегапепфом из-за подстрекательских речей, обвиняет его перед судьей мертвых Радамантом. Вспоминаются все преступления и жестокости тирана, массовые убийства в целях обогащения, изнасилование женщин — в качестве свидетелей этого привлекаются лампа и кровать, короче, все, начиная с захвата власти с

помощью лейб-гвардии, состоящей из преступников. Киниск, как и поэт Персий, в виде наказания рекомендует душевные муки, то есть не дать разрешения испить воды из Леты и тем самым сохранить у преступника вечную память о совершенных преступлениях.

Если в «Переезде, или Тиране» язвительно высмеивается тиран, портрет которого нарисован очень яркими, но общеупотребительными красками, то два сочинения Луккиана под названием «Фаларис» представляют собой нечто действительно новое, а именно — самозащиту одного из пользующихся самой дурной славой тиранов греческого мира. Она произносится его посланником в Дельфах, куда властитель пожертвовал своего знаменитого медного быка. За этой речью, составляющей содержание первого сочинения, во втором следует ответ дельфийца, который объявляет слова тирана разумными, сведения о его преступлениях, на которые ссылается другой дельфиец, — пустыми слухами и соглашается принять врага в качестве жертвенного дара. Здесь автор открыто бичует утилитаризм Дельф, которые действительно принимали жертвенные дары от таких тиранов, как Кипсел, Клисфен, Гелон, Гиерон и другие сицилийские властители. Важнее для нашей темы первое сочинение, к которым прибегали даже крайние тирании, показывающее, как тиран может рассматривать себя и свое господство (что в какой-то мере уже присутствовало в «Гиероне» Ксенофонта). Содержание апологии заслуживает того, чтобы изложить его хотя бы вкратце.

Некогда безобидный гражданин Фаларис был подвигнут политической группировкой достойных уважения людей на то, чтобы установить тиранию. Его правление даже вначале, когда для укрепления власти особенно пужпа жестокость, было мягким и хорошим. До него правление было дурным. Он же проложил водопровод, воздвиг разнообразные строения и городские укрепления, заботился об общественных доходах, о воспитании и обеспечении старости, об играх, пожертвованиях и уточении народа. Хотя он содержал лейб-гвардию, однако не позволял ей никакого насилия. Фаларис неохотно был самодержцем и думал о том,

чтобы сложить с себя власть, однако его вынудило остаться восстание противников с привлечением внешней помощи, о чем его предупредил во сне Аполлон. Он наказал восставших по справедливости, тем более что приговор был вынесен после положенного судебного разбирательства. Если из-за продолжающихся интриг он был вынужден позаботиться о своей безопасности и присудить еще наказания, то это вызывало возмущение несправедливостью. Однако народ не спрашивает, плох или хорош тиран, а ненавидит всех тиранов, хотя среди них есть хорошие и мудрые. Если в любом государстве есть наказания, то тиран, который утверждает только силой и везде наталкивается на вражду, может сдерживать оппозицию лишь твердостью, даже не желая этого. Ведь по своей воле никто не бывает жесток, и для него, Фалариса, наказание даже страшнее, чем для наказуемого. Он лучше готов умереть сам, чем осудить невиновного, даже некоторых осужденных по справедливости освобождал от наказания. В гавани расставлены соглядатаи, но лишь для того, чтобы принимать с почетом чужих, как, например, Пифагора и других мудрецов, которые его посещают и выражают одобрение его правлению. Что же касается пресловутого быка, то его изготовитель, Перилай, сконструировав свое произведение как инструмент пыток, совершенно не понял намерений Фалариса. Поэтому он наказал Перилая, использовав его же аппарат, но перед смертью приказал вынуть его оттуда. Теперь бык, который с самого начала был задуман как жертвенный подарок Пифийскому богу, ему и преподносится. Он должен стоять в Дельфах в то же время как памятник Фаларису и его способу наказывать жестокость. Посланники, со своей стороны, подтверждают слова своего господина и подчеркивают, что о Фаларисе судят неправильно.

Все это могло показаться большинству читателей парадоксальным и несерьезным, однако тогда, когда римская императорская власть все больше и больше превращалась в абсолютную монархию, вдумчивые натуры должны были понять, какую проблематику таило в себе неограниченное господство и для самого властителя. Поэтому автопортрет

Фалариса, набросанный Лукианом, как уже отмечалось, напоминает не только о роли Гиерона в сочинении Ксенофонта, но и о словах Ясона из Фер, что тирану приходится совершать много несправедливого, чтобы суметь сделать что-то хорошее. Некоторые эллинистические цари считали так же. Так, Птолемей Филадельф сказал, что наибольшее зло при тирании — это необходимость ради пользы убивать людей, которые не совершили нечего несправедливого. Лукиан выбрал из предания положительные сведения о тех или иных тиранах и сложил в единое целое, в противовес общепринятому мнению, что тиран творит только зло. Если у него намеренно остается неясность, насколько серьезно его сочинение, то в появившихся во времена поздней античности, то есть в период императорской автократии, «Письмах Фалариса» нельзя отрицать их серьезную апологетическую направленность.

Отдельные пункты самозащиты, содержащиеся в этих письмах, перекликаются по большей части с приведенными Лукианом, когда, например, оправдывается наказание противников со ссылкой на многочисленные заговоры или подчеркивается, что наказание применялось лишь после многократного прощения и вообще было справедливо, что признавал даже поэт Эпихарм. Аналогичная аргументация выдвигается и относительно быка. К тому же тиран может привести множество примеров своего великодушия и мягкости и сослаться на множество подарков и благодеяний. Предлагая свою дружбу, Фаларис всегда бывал разочарован, в том числе и поэтом Стесихором, о котором он искренне заботился, хотя тот и был его политическим противником. Здесь играет определенную роль и его стремление к образованию, которое заставило его обратиться к Пифагору; в письмах тиран выглядит не просто как духовно восприимчивый, а как религиозно настроенный человек, руководствующийся этическими соображениями, который серьезно размышляет о тирании и своем собственном положении как тирана. Тираном он является против воли, чувствует себя несчастным и предпочел бы быть подданным, чем властителем. Но он не может решиться сложить

с себя тиранию, как это советует ему, среди прочих, Эпихарм; быть тираном — его судьба, и он должен ей подчиняться. В конце периода древности еще раз освещается трагизм положения тирана в этих письмах, которые, с психологической точки зрения, раскрывают духовно развитого властителя, после того как столетиями об этом не было и речи.

Другие апокрифические собрания писем не представляют для нас интереса, поскольку придерживаются традиционного изображения тирана. Это относится к писаниям, ходившим под именем Диогена, о которых уже упоминалось в другой связи, а также к письмам, якобы принадлежащим платонику Хиону, которые, очевидно, относятся к первому веку эпохи императоров. Из 17 писем лишь последние шесть имеют отношение к тирании, а именно к Клеарху и Гераклею. Однако они не содержат ничего существенного, что уже не упоминалось бы при изображении правления тирана в Гераклею или в высказываниях об отношении философа к тирану и тирании. Еще меньше нового содержат столь излюбленные во времена Империи и охотно использовавшиеся риториками сборники примеров (парадигмат), в которых подбирались по определенным категориям исторические или выдаваемые за исторические сцены, события или действия, как это делали Валерий Максим или Полиен, либо сборники высказываний о тирании — сплошь отрицательные, примером чему в более позднее время служит Стобей со своим «Порицанием тирану».

Если мы, наконец, обратимся к риторическим упражнениям и декламациям, то следует прежде всего отметить, что тиран и тираноубийство играли в обучении большую роль. Это доказано только для периода римских императоров, но все говорит о том, что так было и в предшествующие века, со времен Эхина и Анаксимена из Лампсака. Ситуации и правовые отношения, на которые при этом ссылаются, предлагаются с учетом сведений о греческих тиранах и отражают обстановку в греческом полисе, хотя имена, как правило, не называются. По свидетельству Квинтилиана, это было опасно, тогда как речевые упражнения о «некоем тиране»

или «об одном тираноубийце» разыгрывались, так сказать, в безвоздушное пространство и, несмотря на содержащиеся в них намеки на современность, считались безопасными, да, кажется, такими и были. Ибо для ссылки риторика Карина Секунда императором Гаем и казни «софиста» Матерна при Домициане (единственные подобные случаи, нам известные) решающими могли быть какие-то другие причины. Во всяком случае, «декламации о тиранах» совершенно спокойно могли происходить в резиденции императора в Риме. Согласно теории риторики, и речи против тирана, и речи в защиту тираноубийцы относились к низкому (*koīnos*) жанру, для которого в соответствии с этим оратор, как это делал еще в VI веке ритор Хорикий, должен был усиленно подчеркивать важность тирана, чтобы тем самым приукрасить тираноубийство и убедить толпу. Однако пострадавшие от тирании хотят слышать не только обвинения, соответствующие фактам, но и нечто выдуманное. Поэтому искажение подлинных обстоятельств и выдумки стали частью декламации о тиране и тираноубийстве. Среди предварительных риторических упражнений (*progymnasmatá*) найдется весьма мало таких, которые соответствуют *koīnos topos* против тиранов в защиту тираноубийц; основная масса декламаций, в том числе и латинских, является «контроверсией», то есть они рассматривают спорные ситуации, какие могли бы возникнуть при грозящей или установленной тирании и при более или менее насильственной смерти тирана. Следы подобных риторических споров можно найти еще во времена Цицерона, но лишь Сенека Старший, Квинтилиан, Кальпурний Флакк и более поздние греческие риторики дают нам представление о том, как преподаватели риторики и, разумеется, их ученики разрабатывали тему «тирания».

Что же касается обсуждавшихся или спорных ситуаций, для которых вначале приводился ряд примеров, то они в основном связаны либо со стремлением к тирании, либо с ее свержением. В первом случае речь идет о том, как некий изгнанник, чтобы получить разрешение вернуться, обвинил одного богатого гражданина в стремлении к тирании, а по

своим возвращением был убит, после чего богатому было предъявлено обвинение в планировании тирании. Или некий отцеубийца утверждает, что его отец стремился к тирании, но был уличен сам в подобных намерениях. Однако гораздо многочисленнее и разнообразнее спорные случаи, касающиеся тираноубийства. В первую очередь возникает вопрос о вознаграждении. Например, если совершивший покушение убил лишь сына тирана, а отец от горя покончил с собой, заслуживает ли он тогда вознаграждения как тираноубийца? Следующий вопрос: положено ли вознаграждение тому, кто нанял убийцу, или самому убийце? И должен ли его получить человек, убивший тирана в состоянии помешательства, или ритор, который уговорил тирана отречься от власти? Кто из двух врачей может претендовать на вознаграждение: тот, кто дал ему яд, или тот, кто дал ему мнимое противоядие? Особый интерес вызывали, естественно, ситуации, когда вступали в противоречие два закона. Уже Цицерон называет такой случай: убийство Александра из Фер его супругой Фивой; согласно одному закону, тираноубийце воздаются почести, как олимпийскому победителю, и власти обязаны исполнить каждое его желание; согласно другому закону, пять ближайших родственников убитого тирана также должны быть убиты. К ним должны относиться сын Александра, которого, однако, его мать Фива, убийца супруга, просит ей отдать. Или: какое решение принять, когда жена убивает тирана, но перед этим нарушила супружескую верность? Заслуживает ли она наказания как нарушительница супружеской верности или вознаграждения как тираноубийца? Другой пример: только мужчин можно отмечать установкой в гимнасии их статуй. Тираноубийцы получают это отличие по закону. Что же делать, если тирана убила женщина? Некоторые случаи касаются сакрального права: убитый молнией должен быть погребен на этом же месте; но тирана нельзя хоронить на родине. И вот тирана дома поражает молния. Разумеется, обсуждался также вопрос, может ли храм служить убежищем для беглого тирана. Политические и государственно-правовые вопросы возникают, когда тиран отрекается под

гарантию того, что его не будут упрекать тиранией, и теперь добивается должности; или когда оспаривается, что правовые сделки бывшего тирана действительны и после его смерти. Однако нередко речь идет о спорах из области частного права, связанных с тираном или свержением тирана, например, возмещение ущерба за сгоревший частный дом, в пламени которого погиб тиран; жалобы из-за денег, обещанных частной стороной за убийство тирана, или наследства, которое отец пообещал сыну за убийство тирана, а когда сын его не совершил, отобрал наследство и передал в награду тираноубийце, кто бы им ни был, вслед за чем лишенный наследства сын все-таки убил тирана. Менее искусственная конструкция, в которой речь идет о возврате денежной суммы богатому гражданину, передавшему ее на хранение бедному человеку в период тирании. Напротив, совершенно искусственным выглядит случай с женщиной, которая обвиняет своего мужа в неблагодарности: она спасла его своей стойкостью под пытками от справедливых подозрений в заговоре, а когда он, наконец, убил тирана, то стал гнать ее из-за ее бесплодности.

Если отдельные предпосылки некоторых из этих спорных случаев напоминают ситуации, встречающиеся в историях о греческих тиранах, то это в полной мере относится к обстановке, соответствующей греческому полису. Частыми были не только обвинения в стремлении к тирании; свою роль играли также богатство и высшая военная должность как база для достижения тирании, а хранение оружия в частном доме служило отягчающим обстоятельством. Все эти мотивы появляются в декламациях. То же относится к использованию Поликратом и другими тиранами большого праздника для государственного переворота, захвата крепости, содержания лейб-гвардии, не говоря уже о большом количестве изображаемых преступлений. И здесь тоже вряд ли многое выдуманно, ибо нет недостатка в исторических (или, по крайней мере, считающихся историческими) примерах того, как тиран требует от другого города красивого мальчика или красивую девушку, или как другой полис принимает молодежь города, поработленного

тираном. Что же касается преступлений против женщин, например, что их отдавали на потеху рабам или при действительных или предполагаемых заговорах близких им мужчин допрашивали под пытками, то обильный материал для этого могло дать предание о Дионисии I, Клеархе, Хероне и Писистратидах. О том, как отец убивает свою изнасилованную дочь, чтобы спасти ее от позора, сообщает не грек, а римлянин Вергиний, но на месте насильника Аппия Клавдия точно так же мог быть греческий тиран. О великодушии тирана почти не говорится, самое большее, что он пользуется репутацией снисходительного человека или что некий тиран сам себя принес в жертву, поскольку, согласно оракулу, прекращение эпидемии в городе зависело от его устранения. Первое, разумеется, могло иметь место, а второе в истории греческой тирании мы доказать не можем. Зато другой мотив, а именно, что тиран ласкает трупы, восходит, по-видимому, к ужасным историям, которые распространились о Периандре, а возможно, и к поведению Нерона после смерти Понпеи Сабины.

Напрасные протесты против тирании и усилия побудить тирана отказаться от владычества, рисуя перед ним картины грозящей расплаты в Аиде, скорее всего, были подражанием легендарным сообщениям о поведении философов, как, например, напрасные попытки Тимолеона воздействовать на своего брата. Примерами отречения после обещания безнаказанности могли служить различные исторические тираны, например, Аристомах (II), Лидиад, Исей, однако не потому, что их перубедил ритор. В то же время проблема, может ли бывший тиран занимать высокий пост, в случаях Аристомаха (II) и Лидиада приобрела особую остроту.

Что касается тираноубийства, которое является поводом или предпосылкой многих декламаций, то в основе их лежит содержащаяся в законах греческих городов-государств положение о том, что убийство тирана приветствуется общиной. Рассматривается также вопрос о том, имеет ли тиран право убежища в святилищах, который остро вставал в подлильных исторических ситуациях соратников Килона, Пифагора из Эфеса или Аристотеля из Элиды. Существовали

также исторические примеры или литературные источники, показывавшие, как сын доносил на отца за его участие в заговоре против тирана или как отец убивал сына, стремящегося или уже добившегося тиранин. То же относится к любовникам или супругам тиранов, ставших их убийцами, или к устранению тирана с помощью яда; переодевание же заговорщика в женское платье встречается лишь в весьма сомнительном рассказе об одном тиране из Кефаллии и в мифической истории о тиране Тартаре. Своими юными любовниками были убиты, по-видимому, Перикл из Амбракии и Гиппарх из Сиракуз, а своими супругами — Александр из Фер, Никократ из Кирены и Аристодем из Киме. Ядом же, как утверждают, был устранен не только Александр Великий, но и Агафокл. Для риториков было само собой разумеющимся, что тирапоубийца получал государственное вознаграждение, и это соответствовало действительности, как показывает закон Илиона; сооружение статуи также зафиксировано в надписях не только для Гармодия и Аристоклеса. Сомнительно, чтобы исполнялось любое желание тирапоубийцы, как это нередко провозглашается в декламациях, тем более что его заслуги в зависимости от ситуации могут быть различны. Поэтому Квинтилиан заговорил о необходимости варьирования вознаграждения в зависимости от того, кто совершил убийство: юноша или старик, мужчина или женщина, чужак или местный. Далее, по его мнению, следовало учитывать, совершено ли убийство в республике или общине, привыкшей к тирании, в крепости или в доме, мечом или ядом, был ли в это время мир или война, собирался ли тиран сложить с себя власть или замыслил новое преступление. Наконец, следовало также учесть меру опасности и трудности, стоявшие на пути тирапоубийцы. К сожалению, нам неизвестно, насколько подобная дифференциация была отражена в анти-тиранических законах отдельных греческих полисов.

В общем и целом декламации не внесли заметного вклада или корректур в образ тирана, созданный греками эллинистического периода и передававшийся по традиции в последующие столетия. Их значение заключается преимуще-

ственно в том, что они оживили этот портрет, опираясь на часто легендарные сведения об известных тиранах, а также на разработанную поэтами и философами типологию, а своими преувеличениями сделали его особенно впечатляющим. Кроме того, та значительная роль, которую играли тиран и тирапоубийство как темы на уроках риторики, без сомнения, внесла свой значительный вклад в формирование ненависти к тирании как элемента образования и побуждала учащихся изображать ситуации и обсуждать правовые вопросы, связанные с тиранией или тирапоубийством. Однако риторические сочинения могут претендовать не только на то, что они, убедительно противопоставляя настоящего царя и подлинного тирана, внесли значительный вклад в формирование идеологии власти, но и на то, что «самозащита» тиранов внесла пусть и не совсем новый, но до сих пор не затрагивавшийся мотив в литературу, посвященную тирании.

* * *

Заключительная глава о роли греческой тирании в эллинистический период представляется излишней, поскольку об историческом значении ее вряд ли стоит говорить. Об исторической роли отдельных тираний речь уже шла при их рассмотрении, так что можно ограничиться кратким заключением.

Как неоднократно упоминалось, античные философы и историки отводили тирании определенное место в цикле изменения государственного строя. Для столетий после Александра, когда судьбы греческих полисов определяло вмешательство великих монархий, а позже Рима, такая точка зрения, ориентированная лишь на внутренние обстоятельства, больше не имеет силы. И городские общины, и владыки городов, где они есть, находятся в тени или зависят от этих держав, даже если они, используя противоречия между ними, в более или менее короткий срок обладают известной самостоятельностью. Появление и свержение

тираний во всех частях эллинского или эллинизированного мира часто и даже преимущественно обуславливалось внешнеполитической ситуацией. Это относится даже к Агафоклу, единственному из выдающихся тиранов, который чувствовал себя равным великим монархам, а, кроме того, к Гиерону II и владыкам городов в Греции и азиатских областях. Неустойчивость и недолговечность, свойственные в конечном счете всем тираническим правлениям, при подобных обстоятельствах были еще больше, чем в другие эпохи. Надолго закрепить свое узурпированное правление, превратить его в наследственную монархию и основать царскую династию не удалось ни Агафоклу, ни Гиерону II, ни Дионисию из Гераклеи, хотя они и приняли царский титул. Не считая властителей на Киммерийском Боспоре, которые одновременно были царями варварских племен, лишь Филетеру из Пергама и его приемникам удалось благодаря исключительной ловкости укрепиться среди великих держав. У большинства же тиранов или тираноподобных правителей речь идет о минутном величии, которое лишь на короткое время определяло судьбу города или области, не оставляя глубоких следов. Это были люди самого различного рода: демагоги и главы уважаемых гетерий, кондотьеры, царские полководцы и губернаторы, территориальные властители, атаманы разбойников и высшие жрецы великих святилищ, греки и полугреки, которые захватывали господство над городом. В какой степени они были тиранами в государственно-правовом смысле, иногда невозможно определить; часто употребляемое античными авторами наименование «тиран» подходит лишь в моральном плане, который был присущ этому слову преимущественно в эллинистическую эпоху. Поэтому оно использовалось для дискредитации политических противников, а также личностей благодаря своему богатству и авторитету практически руководивших судьбами полиса, хотя они не являлись тиранами ни в политическом, ни в моральном плане. С подлинными тиранами, если они еще существовали, закончил Рим, когда распространил свое господство на греческий мир. Сенатская аристократия в основе своей была

враждебно настроена к тирании, и, таким образом, антитиранические лозунги, провозглашенные сенатом против Набия из Спарты и Гиеронима из Сиракуз, не были чисто пропагандистскими. Если в вихрях гражданских войн то там, то здесь все еще появлялись греческие тираны, поскольку Кассий или Антоний поддерживали подобные креатуры или даже приводили их к власти, надеясь в дальнейшем на их поддержку, то это стало возможным лишь потому, что вместе со старым правлением сената ушли в прошлое и его политические принципы. В определенной мере нам удалось показать, какую значительную роль образ греческого тирана, фактически уже не существовавшего на всей средиземноморской территории Римской империи, сыграл в духовных дискуссиях с императорской властью. Рассматривать этот вопрос подробнее означало бы перейти к истории политической и идейной оппозиции монархии в период после Цезаря. Но и это, и исследование тирании как понятия и формы правления от поздней античности до новейшего времени выходит далеко за рамки нашей книги — монографии о тирании у греков.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Первая часть

РАННИЕ ТИРАНЫ

Введение. Возникновение тирании	8
Глава I. Метрополия вне Афин	22
1. Кипселиды из Коринфа	22
Кипсел	24
Периандр	29
2. Орфагориды из Сикиона	38
Клисфен	39
3. Феаген из Мегары	46
4. Пелопоннес	48
5. Средняя и Северная Греция	51
Глава II. Афины	55
1. Период до Писистрата	55
2. Писистрат	63
3. Сыновья Писистрата	83
Глава III. Острова и северное побережье Эгейского моря	101
1. Острова	101
2. Херсонес Фракийский	103
3. Тираны — вассалы Персии во Фракии и на проливах	109
Глава IV. Западное побережье Малой Азии ..	114
1. Эолийские города	116
Материковые города	116
Лесбос	117

2. Ионийские города	122
Материковые города	122
Эритры	123
Колофон	125
Эфес	125
Милет	128
Острова	135
Хиос	135
Самос	136
Поликрат	137
Тираны после Поликрата	146
Характер тирании в Ионии	148
3. Дорийские города	151
Глава V. Кипр и Кирена	156
1. Кипр	156
2. Кирена	157
Глава VI. Сицилия	162
1. Леонтины	163
2. Акрагант	164
Фаларис	164
Ферон	167
3. Селинунт	173
4. Гела	174
Гиппократ	174
Гелон	177
5. Сиракузы	179
Гелон	179
Гиерон	187
6. Конец тирании на Сицилии	193
Глава VII. Южная Италия	197
1. Регий	197
2. Города на Тарентском заливе	201
3. Элея	202
4. Киме (Кумы)	203
Глава VIII. Историческая роль ранних тиранов	208

Вторая часть
ПЯТЫЙ ВЕК

Глава I. Наследники ранних тиранов.....	213
1. Афины.....	213
2. Спарта.....	220
3. Остальная Греция.....	226
4. Окраинные области Греции.....	232
Глава II. Тиран в оценках V века.....	236
Глава III. Предшественники поздних тиранов..	257
1. Афины.....	258
2. Спарта.....	264
3. Сицилия.....	267

Третья часть
ПОЗДНИЕ ТИРАНЫ

Глава I. Сицилия и Южная Италия.....	272
1. Дионисий I.....	273
Установление тирании.....	273
Установление территориального господства.....	280
<i>Сицилия</i>	280
<i>Италия и Адриатика</i>	288
Характер и форма тирании.....	291
<i>Сиракузы</i>	291
<i>Прочие подвластные области</i>	303
<i>Отношение к греческой метрополии</i>	305
Семья и двор.....	308
Личность и деяния.....	314
2. Дионисий II и современные ему тираны.....	322
Дионисий II до его свержения Дионом.....	322
Сицилийские тираны в середине столетия.....	336
Глава II. Метрополия.....	350
1. Фессалия.....	350
Ясон из Фер.....	353

Александр из Фер.....	359
Тираны середины века.....	363
2. Средняя Греция.....	366
Фокида.....	366
Озольская Локрида.....	370
Фивы.....	370
Эвбея.....	371
Афины.....	375
3. Истм и Пелопоннес.....	376
Глава III. Север Эгейского моря	
и Понт Эвксинский.....	383
1. Область проливов.....	383
2. Гераклея Понтийская.....	389
Клеарх.....	389
Сатир и Тимофей.....	394
Дионисий.....	396
Преемники Дионисия.....	398
3. Боспор Киммерийский.....	400
Сатир.....	401
Левкон.....	403
Перисад и его сыновья.....	406
Глава IV. Западное побережье Малой Азии... 	410
1. Мисия и Эолида.....	410
Гермий из Атарнея.....	411
2. Иония.....	414
3. Острова.....	416
Лесбос.....	416
Хиос и Родос.....	419
4. Кария и Ликия.....	420
Глава V. Кипр и Кирена.....	421
Глава VI. Тиран в оценках IV века.....	424
1. Общее отношение к тирании.....	424
2. Картина чистой тирании.....	435
3. Тиран и попытки его воспитания.....	445
Глава VII. Историческая роль позднегреческой	
тирании.....	461

Четвертая часть
ТИРАНЫ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ПЕРИОДА

Глава I. Метрополия и Македония	474
1. Период диадохов (323—276 гг.)	474
Афины	474
Остальная Греция	478
Македония	480
2. Период Антигонидов (276—168 гг.)	482
Сикион	483
Арголида	487
Аркадия	492
Элида	495
Спарта	498
3. Период римского владычества (с 168 года до Августа)	506
Афины	506
Спарта	510
Глава II. Греческий Восток	513
1. Период диадохов (323—281 гг.)	513
2. Период правления Селевкидов (281—66 гг.)	522
Малая Азия	522
Кирена	530
Ближний Восток	533
3. Период римского владычества (с 66 года до Августа)	536
Глава III. Греческий Запад	543
1. Агафокл	543
2. Тираны после смерти Агафокла	564
3. Гиерон II	569
4. Гиероним	580
Глава IV. Тиран в оценке эллинистического времени	586

1. Общие суждения	586
2. Образ тирана	594
3. Тиран в литературе	597
Поэзия	597
Историография	601
Философия	608
Риторика	614